

XVI БАДЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

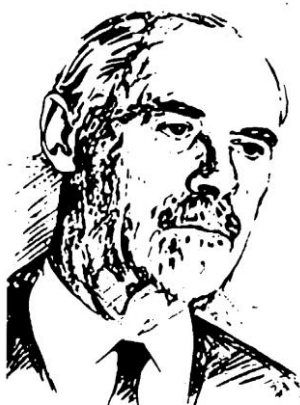

XVI БАДЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

XVI БАДЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных статей по материалам
Всероссийской (с международным участием)
научной конференции, посвященной 120-летию
со дня рождения О. Н. Бадера

(г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.)

Пермь 2023

УДК 902/904(470.53)(063)
ББК 63.4я43
Б151

XVI Бадеровские чтения : сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера (г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.) / отв. редакторы М. Л. Перескоков, Е. В. Чуйкина ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2023. – 340 с.

ISBN 978-5-7944-4051-5

Настоящее издание представляет собой материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера (г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.).

В сборнике представлены статьи, посвященные результатам археологического изучения Урала, Поволжья и прилегающих регионов, исследования археологических памятников различных эпох – от каменного века до нового времени, вопросов методологии, популяризации и охраны историко-культурного наследия.

Издание будет полезно не только археологам, студентам-историкам, работникам музейной сферы, но и всем, кто интересуется древней историей Прикамья.

УДК 902/904(470.53)(063)
ББК 63.4я43

*Печатается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

При поддержке Министерства культуры Пермского края в рамках проекта
«Человек удивительной судьбы»

Оргкомитет конференции:

А. В. Васильева, к.и.н. Г. П. Головчанский, П. С. Козьякова, С. Н. Коренюк,
В.Ю. Кельсин, Д. А. Майстренко, М. К. Мингалева, к.и.н. М. Л. Перескоков,
Л. С. Романова, В. В. Смирнова, А. В. Усов, Е. В. Чуйкина, Д. А. Якимова

Ответственные редакторы:
М. Л. Перескоков, Е. В. Чуйкина

Рецензенты: **А. В. Вострокнутов**, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, заведующий музеем археологии и этнографии Пермского Предуралья;

Д. А. Изосимов, кандидат исторических наук, заместитель начальника Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края

ISBN 978-5-7944-4051-5

© ПГНИУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
-------------------	---

О. Н. БАДЕР И ПЕРМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Бадер А. Н., Бадер Л. Б.

ЗАМЕТКИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА О. Н. БАДЕРА	9
--	---

Кузьминых С. В., Бадер А. Н.

ВОСПОМИНАНИЯ О. Н. БАДЕРА «ПЕШКОМ И ПОД ПАРУСАМИ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ. ЗАПИСКИ АРХЕОЛОГА»	16
--	----

Мельникова О. М.

ПЕРМСКАЯ НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ОТНОШЕНИЯ «УЧИТЕЛЬ-УЧЕНИК» (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ В. Ф. ГЕНИНГА О. Н. БАДЕРУ)	23
---	----

Кореньюк С. Н., Чуйкина Е. В., Трящина Е. А.

БИБЛИОТЕКА О. Н. БАДЕРА В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР)	29
---	----

Кореньюк С. Н., Чуйкина Е. В.

АНАТОЛИЙ ДАНИЛОВИЧ ВЕЧТОМОВ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ	34
--	----

Шматенок Т. Д.

ГАЛИНА ОБОРИНА (1918–1969): ВРЕМЯ, ХУДОЖНИК, ЛИЧНОСТЬ	43
---	----

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Афанасьев В. И.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ОРУДИЙ И ОРУЖИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ	51
--	----

Батуева Н. С., Лычагина Е. Л., Жижин С. П.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЧАШКИНСКОГО МИКРОРЕГИОНА	55
--	----

Борзунов В. А.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМНЫХ И КАЗУСНЫХ СИТУАЦИЯХ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ	62
--	----

Бугарчев А. И.

КЛАДЫ БУЛГАРСКИХ МОНЕТ XV В. КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БУЛГАРСКОГО ВИЛАЙАТА	69
--	----

Волокитин А. В., Волокитина Н. А.

«КАМСКИЙ МЕЗОЛИТ» И ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК	73
---	----

Выборнов А. А.

О ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЕ КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	78
--	----

Гильдерман А. В.	
БУТЫЛОЧНЫЕ КЛЕЙМА ЮМЫШЕВСКОЙ СТЕКОЛЬНОЙ ФАБРИКИ	83
Горшкова Н. С., Жуковский А. С.	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В Г. КУНГУРЕ В 2022–2023 ГГ.	88
Данилова К. В., Смердова В. А.	
ОСТАТКИ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА	94
Демаков Д. А.	
ВЗГЛЯДЫ О.Н. БАДЕРА НА ХАРАКТЕРИСТИКУ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	98
Добровольский Л. С.	
ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СМЕШАННОСТИ СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	102
Егоров А. В.	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КРЕМЛЯ Г. ХЛЫНОВА – ВЯТКИ В 2022 Г.	107
Жульников А. М.	
ОБРАЗ КИТА И РЫБЫ В МОБИЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ФЕННОСКАНДИИ	113
Иванищева М. В.	
РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ СЛОБОДКА II-III НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ	120
Корочкова О. Н.	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СВАТИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ	129
Котов В. Г., Курманов Р. Г.	
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МЫСОВАЯ И ЕЕ МЕСТО В ПАЛЕОЛИТЕ УРАЛА	132
Красноперов А. А.	
КАРА-АБЫЗСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПЬЯНОБОРСКОЙ И МАЗУНИНСКОЙ КУЛЬТУРАХ: КОНЦЕПЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ	139
Кряжевских А. Л.	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНАСТЫРСКОЙ СЛОБОДЫ Г. ХЛЫНОВА – ВЯТКИ В 2018 Г.	144
Лавыш К. А.	
ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ	147

Лычагина Е. Л.

ВЗГЛЯДЫ О. Н. БАДЕРА НА ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ПОЗИЦИЮ ПАМЯТНИКОВ
ГАРИНСКОГО ТИПА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА 152

Малых О. О.

К ВОПРОСУ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПРИКАМЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫС. Н. Э. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВОЕННЫХ
ВОЖДЕЙ И ДРУЖИН 156

Мингалев В. В.

ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ О. Н. БАДЕРА НА ГЛЯДЕНОВСКУЮ И
ПЬЯНОБОРСКУЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ 163

Можаева А. А.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ
С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ ВЯТКИ 169

Моряхина К. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЛЕСИНСКОГО
И ЩУКИНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ 175

Нечипорук А. А.

«КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ»: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ 182

Орлова Е. М., Шумиловских Л. С., Перескоков М. Л.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У НАСЕЛЕНИЯ МУЛЯНСКОЙ ПЛЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ
В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА 187

Перевозчикова С. А.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО)
КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА 1810-1932-Х ГГ. 192

Половников Л. В.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖИЛИЩ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ 196

Проценко А. С., Бабин И. М.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ГОРОДИЩА КАЛА-ТАУ (ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО
ТЕЧЕНИЯ Р. БЕЛОЙ) 200

Родов С. А.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРО-ВОСТОКА В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ 204

Руденко К. А.

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БУЛГАРИСТИКИ
А. П. СМЕРНОВА 209

Сабирова Т. М.

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ВАРНИНСКОГО
МОГИЛЬНИКА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СПЛАВОВ 217

**Савельев Н. С., Русланов Е. В., Котов В. Г., Русланова Р. Р., Николаев С. Ю.,
Румянцев М. М., Савельева А. Г., Хурмаев А. А.**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ТРЕХЛЕТНИХ РАБОТ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУРГАНА
№1 МОГИЛЬНИКА КУСИМОВО-3 И СТОЯНКИ КУСИМОВО-6 В ЮЖНОМ
ЗАУРАЛЬЕ 221

Сериков Ю. Б.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСЩЕПЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НУКЛЕУСОВ
В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ 226

Смертин А. Р.

ШУШПАНСКИЙ МОГИЛЬНИК – ПАМЯТНИК ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В БАСЕЙНЕ Р. ЧУСОВАЯ 232

Смертина А. Ю.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА ВОЛГО-УРАЛЬЯ 237

Спиридонов И. А., Усачева И. В.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОРНИТО-ЗООМОРФНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ
ШАЙТАНСКОЕ 4–6 241

Томилина Е. М., Лычагина Е. Л., Майстренко Д. А., Демаков Д. А.

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ
С АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА НИЖНЕЙ ВИШЕРЫ 247

Чемякин Ю. П.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К АТЛЫМСКОЙ КУЛЬТУРЕ 256

Черных Е. М.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПОГРЕБАЛЬНОМУ ОБРЯДУ ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ 262

Чубур А. А., Майстренко В. С.

БЫК ИЛИ НЕ БЫК? К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКЕ
НЕКОТОРЫХ ПЕТРОГЛИФОВ СВЯТИЛИЩА «КАМЕННАЯ МОГИЛА» 266

Чурилов Э. В.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ КРЕМНЕВОГО КОМПЛЕКСА ИЗ РАСКОПОК 1996
И 1998 ГОДОВ ЖЕРТВЕННОГО МЕСТА У КАМНЯ ПИСАНЫЙ НА Р. ВИШЕРЕ 272

Шмырина М. Е.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РОГОВОГО СЫРЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 280

Юракова А. Ю.

«ВОСТОЧНОУРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА» И НЕОЛИТ ПРИИРТЫШЬЯ
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ 1960–1970-Х ГГ. 283

Яковлева Е. С., Чибилев Е. А.

ПЕЩЕРА И ГРОТ ПРОКУДИНА-ГОРСКОГО НА Р. СИМ 287

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Батуева Н. С.

ВЗГЛЯДЫ О. Н. БАДЕРА НА ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИКИ НЕОЛИТА – ЭПОХИ
РАННИХ МЕТАЛЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ 293

Казанцева О. А.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БАРДЫМСКОГО
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА ПЕРМСКОГО КРАЯ В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ 297

Мокрушин В. П.

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ В ТРУДАХ В. Ф. ГЕНИНГА
И СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 301

Трушкова И. Ю., Грачев С. П.

«ТЕХНИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ» ПЕРМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ НА ВЯТКЕ 307

Цембалюк С. И.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТАНОВКИ НА ОХРАНУ И ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ
ГОРОДОВ ТЮМЕНИ И ТОБОЛЬСКА 313

Шаманаев А. В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
(ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПЕРМСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ
КОМИССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.) 316

Ютина Т. К.

АРХЕОЛОГИЯ В ШКОЛЕ: К ВОПРОСУ О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ 321

Ячменёв О. Ю.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
ЗАБАЙКАЛЬЯ..... 325

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 330

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 332

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2023 году отмечается 120-летие со дня рождения выдающегося археолога, педагога, организатора и популяризатора науки Отто Николаевича Бадера (29.06.1903 - 02.04.1979). Для Перми и Пермского университета его имя особенно значимо. О.Н. Бадер – организатор «пермской археологической школы». Под его руководством стала постоянно действующей Камская археологическая экспедиция университета. Многие из пермских учеников О.Н. Бадера, разъехавшись по стране, сами стали известными учеными и воспитали большое количество археологов, используя полученные от своего учителя преподавательские навыки.

Конференция под названием «Бадеровские чтения» возникла в 1981 году по инициативе коллектива археологов УдГУ. До 1994 года чтения регулярно проводились в Ижевске, Перми и Сыктывкаре.

Главная цель этой научной конференции – не только почтить память Отто Николаевича Бадера как ученого, но и продолжить развитие его идей. На Бадеровских чтениях происходит активное взаимодействие археологов и научных центров Урало-Поволжья, ведь только регулярный обмен мнениями, дискуссии и споры двигают научные исследования и знания.

В трудные в экономическом плане 1990-е годы «Бадеровские чтения» стали проводиться нерегулярно и не всегда издавались сборники по их итогам.

В 2000-х годах традиция проведения «Бадеровских чтений» возобновилась в Перми, и конференция стала всероссийской.

В 2008 году в Перми на базе ПГГПУ прошли XII Бадеровские чтения, в 2010 и 2013 году XIII и XIV чтения проходили в Ижевске. В 2016 году XV Бадеровские чтения вновь проходили в Перми (ПГНИУ) и были приурочены к 70-летию начала работы О.Н. Бадера в Пермском университете.

Научно-исследовательский центр «Камская археологическая экспедиция» продолжает исследовательские традиции, заложенные О.Н. Бадером.

Ежегодно проводятся разведки и раскопки, развиваются междисциплинарные исследования, публикуются статьи и издаются книги, проводятся выставки и конференции. С фондами кабинета археологии работают студенты пермских вузов, а также приезжают археологи из других городов. В разных форматах продолжают работу студенческий археологический кружок и Музей археологии Прикамья. В университете возобновлена специализированная подготовка археологов (магистратура по программе «Теория и практика исторических и археологических исследований народов Прикамья и Предуралья»).

Ответственные редакторы М. Л. Перескоков и Е. В. Чуйкина

УДК 930.253(470)(092)

ЗАМЕТКИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА О. Н. БАДЕРА

А. Н. Бадер[®]

Л. Б. Бадер

Москва

baderand@yandex.ru

В статье приводятся некоторые не публиковавшиеся ранее сведения и фотографии из семейного архива Отто Николаевича Бадера. Публикуемые материалы также могут быть полезны всем, кто интересуется историей России конца XIX – середины XX веков.

Ключевые слова: Отто Бадер, семья, немцы России.

Биография Отто Николаевича довольно хорошо известна, и нет необходимости повторять опубликованное [Мельникова, 2003; Кузьминых, 2004; Крайнов, 1975; Клейн, 2014].

Мы бы хотели коротко рассказать о его семье, о близких людях, которые любили и поддерживали Отто Николаевича всю его жизнь и без которых он был бы другим человеком. К счастью, несмотря на войны, революцию и многочисленные переезды, сохранились фотоальбомы, некоторая часть переписки, записи его сестры Лидии Николаевны, которая очень трепетно относилась к памяти предыдущих поколений.

Начнем с родителей.

Отец – Николай Оттович Бадер (*von Bahder*, 1874–1927) (рис. 1, 1), родился в семье Отто (1839–1884) (рис. 1, 2) и Лидии (1843–1886) (рис. 1, 3) Бадер в Митау (Латвия) средним из трех детей (рис. 1, 4): Луиза (1870–1920), Николай (1874–1927) и Вильгельм (1875–1949). Вильгельм служил в военноморском флоте фармацевтом, связь с ним и его семьей прервалась после Первой мировой войны. Луиза (после замужества Антен) со своей семьей переехала жить в Грузию.

В 1901 году Николай Оттович окончил Петербургский Лесной институт (рис. 1, 5) и всю жизнь работал лесничим. «Папа очень любил свою специальность, всегда носил значки лесного ведомства», – вспоминала Лидия Николаевна.

Мать – Полина Карловна Бадер (1873–1939) (рис. 1, 6), урожденная Фохт (*Vogt*), родилась в поселке Ева около Тарту (Эстония) в семье Карла (1833–1893) (рис. 1, 7) и Вильгемины (1838–1888) (рис. 1, 8) Фохт (рис. 1, 9). У нее было три сестры: Анна (1858–1934), Мария (1865–1922), Зельма (1868–1938) и три брата: Николай (1861–1902), Густав (1863–1891) и Карл (1876–1915). Братья умерли молодыми от туберкулеза, а с сестрами была связана вся жизнь Полины Карловны и ее семьи.

Николай Оттович и Полина Карловна поженились в 1901 г. Они жили по месту службы Николая Оттовича – сначала в Гадячском уезде Полтавской губернии (где родился сын Отто), затем в деревне Щекино (где родилась дочь Лидия) (рис. 2, 1–2), и позже в городе Белом Смоленской губернии¹. В то время город Белый был довольно крупным, экономически развитым городом.

«Бельский уезд занимает площадь в 9675 кв. верст, т. е. почти 1/5 пространства всей Смоленской губернии. В старину это пространство, на котором берут начало Волга, Западная Двина и Днепр, называлось «Оковским лесом». Почти половина площади Бельского уезда занята болотами и лесами. Лесов, по преимуществу еловых, становится все меньше, но и до сих пор рубка и сплав леса – главные, после земледелия, занятия жителей. Жителей в Бельском уезде в 1906 году считалось 151945 человек (12 000 в городе)... Город Белый лежит в 146 верстах к северу от Смоленска по обоим берегам судоходной реки Обши, разделяющей его на две части: южную, более возвышенную, расположенную на левом берегу Обши, и северную, низменную, обе части города соединяются чугунным мостом, устроенном в

1905 г. Главная часть города – на левом берегу, в этой части города находятся все учебные заведения: Духовное училище, мужская и женская гимназии, техническое училище, городское училище» [Редков, 1915, с. 1–12].

Дом лесничего находился в нескольких километрах от города, и детей в гимназии возили на подводе.

Полина Карловна, как было принято в те времена, занималась хозяйством и детьми, была требовательной, но очень любящей женой и матерью. В семье всегда были очень теплые отношения. Где бы ни был Отто Николаевич после отъезда из родительского дома: в Москве, многочисленных экспедициях – он постоянно получал письма от родителей, сестры и тетушек.

В годы Первой мировой войны Николай Оттович был призван в армию, но в боях не участвовал, т. к. появились первые признаки болезни: сильная боль в ноге, хромота. Работал в тылу – сначала в Белгороде, затем в Харькове, на пункте военнопленных. Лидия Николаевна вспоминала: «Как-то папа вел отделение пленных по улице и услышал, как кто-то из пленных сказал по его адресу: «Во как хромаст», а папа ответил ему тоже по-немецки: «Если бы не хрома, был бы сейчас в действующей армии».

В Харьков к нему приехала семья – жена и двое детей. Лидия поступила в подготовительный класс, а Отто – в третий класс гимназии (рис. 2, 3–4).

Сохранилась открытка, адресованная Отто Николаевичу, от его бывшего учителя в городе Белом: *«Шлю мой сердечный привет и искреннюю благодарность милому мальчику за его добрую память о сельской гимназии и ее преподавателях. От всей души радуюсь Вашим успехам и желаю, чтобы в Харьковской гимназии Вы и впредь были таким же блестящим учеником и так же пользовались всеобщим расположением, как то было в Белом. Всею душой расположенный к Вам, Ваш бывший преподаватель Н. Пляшкевич».*

В 1918 г. семья вернулась в лесничество близ Белого, где оставались все вещи. В доме жил уже другой лесничий, а Николая Оттовича назначили инспектором лесов, и семья после нескольких переездов стала жить в Нелидово. К тому времени Отто (рис. 3, 5) закончил Московский университет, Лидия окончила гимназию в Белом и уехала в Москву. В 1927 г. Николай Оттович вышел в отставку по болезни, и они с Полиной Карловной решили переехать поближе к детям. Сначала сняли домик в деревне Хорошево в ближнем Подмосковье, но Николай Оттович так и не успел там пожить – по приезде в Москву он попал в госпиталь и вскоре умер.

Из Хорошево Полина Карловна с дочерью переехали жить в Ново-Девичий монастырь, в одну из хозяйственных построек (до настоящего времени они не сохранились), а затем переселились на Малую Грузинскую, дом 15, где жили Шлипсы² и Отто Николаевич.

Сестра – Лидия Николаевна Бадер, по мужу Казаринова (1906–1997) (рис. 3, 1), после окончания гимназии в Белом переехала в Москву, закончила там Американские курсы машинописи и некоторое время работала машинисткой в Музее восточных культур. Затем до выхода на пенсию работала секретарем на кафедре беспозвоночных Московского государственного педагогического института.

Ее муж, Казаринов Евгений Александрович (1903–1972) (рис. 3, 2), окончил юридический факультет Казанского университета и всю жизнь работал в юридическом отделе Западного порта Московского речного пароходства.

В 1922 г. Отто поступил в Московский университет и студентом жил в семье своей тети, Зельмы Карловны, и ее мужа Владимира Карловича (1868–1931) Шлипс (*Schlieps*), сначала в Неопалимовском переулке, дом 24, затем в квартире на Малой Грузинской, в одном из зданий нынешнего Тимирязевского музея (рис. 3, 3).

В Москве Владимир Карлович работал в одном из научных институтов. А до революции 1917 г. много лет был управляющим имений графа А. В. Гудовича – сначала в Полтавской губернии, затем в имении Введенское близ Звенигорода, где часто гостили родственники его жены. Вообще, семья Отто Николаевича очень тесно общалась с родственниками и со стороны отца, и со стороны матери: постоянно переписывались и гостили друг у друга (рис. 2, 5). Точно так же Отто и Лидия были очень близки всю свою жизнь. И свои свадьбы брат с сестрой сыграли в один день, 31 января 1930 г., а после поздравляли друг друга каждый год. И по возможности проводили время вместе, вчетвером – праздники, совместные прогулки, поездки (рис. 3, 4). И неизменная постоянная переписка.

Жена – Мария Александровна Розанова (1907–1964) (рис. 3, 6), в замужестве Бадер. Марию Александровну или Марусю, как ее называли близкие и друзья, знали и глубоко уважали все, кто сталкивался с ней и с Отто Николаевичем, особенно в экспедициях. Мария Александровна была незаурядным, но при этом исключительно скромным человеком, целиком посвятившим себя мужу и сыну, и

известно о ней, к сожалению, не так много. Сохранилась ее автобиография, написанная вскоре после Великой Отечественной войны, и лучше всего привести ее полностью.

«Автобиография»

Я, Бадер Мария Александровна, по родителям Розанова, родилась в 1907 году в селе Пруссы Коломенского района Московской губернии. Отец мой – Розанов Александр Алексеевич, сын священника, до 1909 года был сельским учителем в Коломенском уезде. В 1909 году переехал в Москву, одновременно сменив специальность – стал бухгалтером Московской контрольной палаты. После Октябрьской революции это учреждение реорганизовалось, стало Московской Рабоче-Крестьянской инспекцией, отец продолжил там работу до 1923 года, затем до последних дней жизни работал в Народном Комиссариате легкой промышленности. Умер отец в 1939 году. Мать моя, Розанова Ольга Александровна, дочь священника, домашняя хозяйка. Умерла в 1930 году.

Я сама имею среднее образование, кончив в 1924 году школу II ступени № 58 в Москве. Исполняя волю отца, в 1924–1927 гг. училась и кончила курсы бухгалтерии. Не имея стремления к счетной работе, работать в этой области не стала, избрав себе специальность археолога. Для этого посещала в качестве вольной слушательницы 1-й Московский Университет, одновременно начала работать сначала бесплатной практиканткой, далее лаборантом, а временами исполняя должность научного сотрудника II разряда, в двух учреждениях: в Московском областном музее (Музей Центральной промышленной области) и в НИИ антропологии при Университете, по кафедре антропологии главным образом.

С 1927 г. с небольшими перерывами была участницей многих археологических экспедиций по Советскому Союзу в качестве научно-технического работника.

В 1935 г. работу оставила в связи с рождением сына и плохого состояния здоровья его и моего.

В 1938 г. вновь приступила к работе в Институте Истории Материальной культуры АН СССР лаборантом и научно-техническим сотрудником.

В начале Отечественной войны эвакуировалась с малолетним сыном в Рязанскую область, а через шесть месяцев в Башикирию, к месту эвакуации семей сотрудников Академии Наук, к каковым и я тогда принадлежала по работе мужа. Муж мой, Бадер Отто Николаевич, в этот период времени находился в рядах народного ополчения, куда ушел добровольцем. Позже, когда он был переведен в тыл и направлен Свердловским Горвоенкоматом на работу в Нижний Тагил, я тоже переехала туда и работала в 1943–1944 гг. раздатчицей в столовой и сотрудницей местного краеведческого музея, принимая участие в археологических полевых работах.

В 1944 г. вернулась на постоянное место жительства в Москву, начав работать как и прежде в Институте антропологии Московского Университета. Одновременно с 1945 г. по ходатайству ГИН АН (Геологический Институт Академии Наук) принимала участие в полевых исследованиях четвертичного отдела ГИН на Урале. Проработала до конца 1946 г., после чего переехала в Молотов к мужу, который начал работу в Молотовском Гос. Университете, переведясь из Нижнего Тагила.

Моя семья: муж – Бадер О. Н., доцент Молотовского Университета, и сын – Бадер Николай, школьник, 1935 г. рождения».

По возвращении с Урала в Москву Мария Александровна довольно скоро заболела и умерла в 57 лет от рака.

Сын – Бадер Николай Оттович (1935–2015). Родился в Москве и сразу стал единственным и любимым ребенком не только родителей, но и бабушки (Полина Карловна успела понять внука) и тети Лидочки (своих детей у Казариновых не было). По окончании школы в Перми поступил в Московский университет и жил под присмотром тети на Малой Грузинской, 15 почти так же, как за тридцать лет до этого его отец. После окончания исторического факультета МГУ поступил на работу в Институт археологии АН СССР, где трудился всю жизнь, занимался археологией Крыма, Кавказа, Ближнего Востока эпох неолита и бронзы. Умер в Москве в 2015 году.

Примечания

¹ В настоящее время Белый – город в Тверской области.

² О семье Шлиппсов см. ниже.

Библиографический список

Клейн Л. С. История российской археологии. Учения, школы и личности. СПб., 2014. Т. 2. С. 326–342.

Крайнов Д. А. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 5.

Кузьминых С. В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // Российская археология. 2004. № 4. С. 142–150.

Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера (1946–1955 гг.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 7. Ижевск, 2003.

Редков Н. Н. Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. Вып. 1: Бельский уезд. Смоленск, 1915. С. 1–12.

NOTES FROM THE O. N. BADER FAMILY ARCHIVE

A. N. Bader

L. B. Bader

Moscow

baderand@yandex.ru

The article contains notes and photos from the family archive of Otto Bader that have never been published. This information may be useful for those who are interested in Russian history of the end-XIX — mid-XX century.

Key words: Otto Bader, family, Germans in Russia.

1. Бадер Николай Оттович (1874-1927)

2. Бадер Отто (1839-1884)

3. Бадер Лидия (1843-1886)

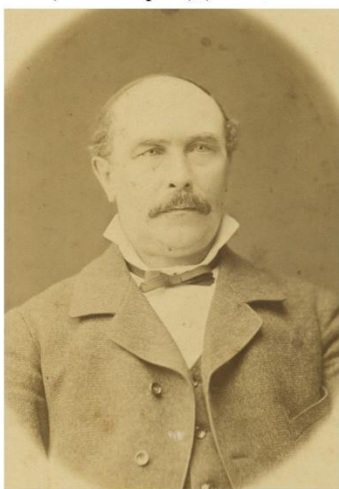
4. Лидия Бадер с детьми
- Вильгельмом, Луизой и Николаем
(слева направо) (конец 1870-х гг.)

5. Бадер Н.О. с однокурсниками
(около 1900 г.)

6. Бадер (Фохт) Полина Карловна
(1873-1939)

7. Фохт Карл (1833-1893)

8. Фохт Вильгельмина
(1838-1888)

9. Семья Фохт с детьми (1873 г.)

Рис. 1. Фотографии из семейного архива Бадеров (конец XIX – начало XX вв.).

1. О.Н. Бадер с сестрой Лидией
(примерно 1908 г.)

3. О.Н. Бадер с сестрой Лидией.
Харьков (1915 г.)

2. О.Н. Бадер на руках у матери. Встреча 1905 г. в кругу семьи

4. О.Н. Бадер с родителями и сестрой. Харьков (1915 г.)

5. Шлипс З.К., Бадер П.К., Фохт А.К., Фохт К.К. (стоит),
Бадер Н.О., Шлипс В.К., Фохт М.К. (начало 1900-х гг.)

Рис. 2. Фотографии из семейного архива Бадеров (начало XX века).

1. Казаринова (Бадер)
Лидия Николаевна (1930-е гг.)

2. Казаринов Евгений Александрович
(1903-1972)

3. Шлипс В.К., Бадер Л.Н., Шлипс З.К.
во дворе Тимирязевского музея
на Малой Грузинской улице в Москве (1920-е гг.)

4. О.Н. Бадер с матерью. Мещера (начало 1930-х гг.)

5. О.Н. Бадер. Москва (1920-е гг.)

6. Розанова (Бадер)
Мария Александровна (1907-1964)

Рис. 3. Фотографии из семейного архива Бадеров (1920-1930-е гг.).

ВОСПОМИНАНИЯ О. Н. БАДЕРА «ПЕШКОМ И ПОД ПАРУСАМИ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ. ЗАПИСКИ АРХЕОЛОГА»

С. В. Кузьминых[©]

Институт археологии РАН, 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
kuzminykhsv@yandex.ru

А. Н. Бадер

независимый исследователь
baderand@yandex.ru

В 2023 г. исполнилось 120 лет со дня рождения известного советского археолога О. Н. Бадера. Воспитанник Московского университета, ближайший ученик и сотрудник Б. С. Жукова в Институте антропологии МГУ, О. Н. Бадер уже во второй половине 1920-х и в 1930-е годы выдвинулся в число ведущих археологов СССР. В силу драматичных обстоятельств Великой Отечественной войны ученый оказался на Урале. Со второй половины 1940-х гг. работал в Пермском (Молотовском) университете, став основателем научной археологической школы. С 1955 г. и до последнего дня жизни О. Н. Бадер служил в Институте археологии АН СССР. О своей долгой, интересной, порою захватывающей экспедиционной жизни Отто Николаевич оставил в 1970-е гг. воспоминания «Пешком и под парусами в далекое прошлое. Записки археолога», которые готовятся к изданию. Настоящие заметки являются анонсом предстоящей публикации. Уверены, книга О. Н. Бадера будет интересна и профессионалам, и начинающим археологам.

Ключевые слова: О. Н. Бадер, воспоминания, очерки об экспедиционных работах, история советской археологии.

Отто Николаевич Бадер (1903–1979) принадлежит к первому послереволюционному поколению советских археологов. В 1926 г. он окончил археологическое отделение факультета общественных наук I МГУ. Его сокурсниками были А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, Б. Н. Граков, П. А. Дмитриев, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, Д. А. Крайнов, О. А. Кривцова, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс и др., а их учителем и кумиром – Василий Алексеевич Городцов.

Городцовская школа привила О. Н. Бадеру навыки классификации и систематизации археологического материала, умение использовать типологический метод для реконструкции древнейшего прошлого [Кузьминых, 2004, с. 142]. Но ключевую роль в его научной судьбе сыграли палеоэтнологическая школа Д. Н. Анучина, сложившаяся при кафедре антропологии естественного отделения физико-математического факультета I МГУ, и ее лидер – Борис Сергеевич Жуков (1892–1933). Созданные Жуковым палеоэтнологическая лаборатория при Институте антропологии I МГУ и Антропологическая комплексная экспедиция по Центрально-Промышленной области по существу явились той научной школой, в которой произошло становление Бадера как археолога [Кузьминых, 2023, с. 8–11; Лопатина, 2023, с. 96–98]. Среди представителей этой школы – А. Е. Алихова, М. В. Воеводский, Е. И. Горюнова, Г. Ф. Дебец, П. И. Зенкевич, А. В. Збруева, М. Г. Левин, С. Ф. Преображенский, М. В. Талицкий, С. П. Толстов, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров и др. Все они внесли заметный вклад в развитие советской археологии, антропологии и этнографии [Бадер, 1968, с. 236].

В послужном списке О. Н. Бадера – работа в Музее Центрально-Промышленной области (1924–1931), затем в Главнауке НКП РСФСР (1927–1930), Институте и Музее антропологии I МГУ (1926–1942), Московском отделении ГАИМК – ИИМК (1933–1941). Осенью 1941 г. Отто Николаевич ушел добровольцем на фронт в составе знаменитой 8-й дивизии, сформированной в основном из сотрудников Московского университета. После выхода из окружения он вскоре оказался в трудармии (а по сути, в заключении) на Урале (1941–1946), получив с 1943 г. возможность работать в Музее горнозаводского дела Среднего Урала в Нижнем Тагиле (1943–1946). В 1946 г. О. Н. Бадер был приглашен на работу в Молотовский (ныне Пермский) университет. В Москву, в Институт истории материальной культуры АН СССР (с 1959 г. – Институт археологии), он вернулся в 1955 г.

За плечами ученого – опыт более чем полувековой полевой работы и руководства крупнейшими в СССР археологическими экспедициями (Московская, Москва-Волгостройская, Окская, Крымская, Азово-Черноморская, Камская, Воткинская, Нижнекамская, Уральская и Северная палеолитические и

др.). О. Н. Бадер – основатель пермской школы археологов [Мельникова, 2003] и Уральских археологических совещаний; первое из них состоялось по его инициативе в 1947 г. в Перми [Первое уральское..., 1948]. Имя О. Н. Бадера по праву находится среди выдающихся представителей отечественной археологической науки. Ему принадлежат основополагающие труды по каменному и бронзовому веку Восточной Европы, в том числе о таких всемирно известных памятниках, как Каповая пещера, Сунгирь, Баланово, Сейма, Турбино [Зарецкая, 1975].

Воспоминания О. Н. Бадера «Пешком и под парусами в далекое прошлое. Записки археолога» готовятся в настоящее время к изданию Институтом археологии РАН. В этих очерках переплетаются непростая личная судьба ученого, его насыщенная и многотрудная полевая и научная деятельность. В «Записках» нашли отражение все этапы и перипетии становления и развития советской археологии в 1920–1970-е годы, и это ставит воспоминания Отто Николаевича в один ряд с лучшими мемуарными и эпистолярными источниками по истории отечественной археологии. Может быть, они повествуют не столь откровенно и открыто о непростом пути советской археологии тех десятилетий, как недавние воспоминания М. Г. Рабиновича [Рабинович, 2005], А. А. Формозова [Формозов, 2011], А. Я. Брюсова [Брюсов, 2012] или дневники А. В. Орешникова [Орешников, 2010; Орешников, 2011] и В. А. Городцова [Городцов, 2015а; Городцов, 2015б], но на то были свои причины.

«Записки» О. Н. Бадера написаны в 70-е годы прошлого столетия, и, судя по всему, ученый надеялся на их прижизненную публикацию. Но судьба распорядилась иначе.

«Записки» написаны от первого лица: ученый опирался на выписки из личных и полевых дневников и хорошую память. Не раз он обращается к собственным стихам, а также к поэтическим строкам друзей, коллег, безымянных участников экспедиций. Изначально Отто Николаевич выбрал жанр очерков о своих полевых археологических работах – пеших и водных разведках и раскопках, то есть повествование о той романтической стороне жизни археологов, которая так влечет широкую читающую публику. Довольно скупо представлены в его очерках результаты самих археологических исследований, тем не менее, автор знакомит читателей и с ними, акцентируя внимание прежде всего на дискуссионных вопросах той или иной обсуждаемой им темы. Сегодня воспоминания О. Н. Бадера дают редкую возможность во многих деталях представить работу больших и малых коллективов, которыми он руководил, почувствовать полевую жизнь археологов тех лет. Спустя годы, когда археология стала совершенно иной, «Записки» позволяют нам вновь вместе с Отто Николаевичем пройти и проплыть по маршрутам так любимых им экспедиций. Для многих начинающих археологов эти воспоминания одного из корифеев отечественной археологии, смеем надеяться, станут и профессионально полезной книгой.

Коротко о структуре книги. Во введении к ней ученый написал: «В этой книжке я буду говорить не только об археологических поисках и добытых ими новых фактах, но не буду забывать и об эмоциональной стороне исследований и научной жизни археолога, о поэтическом преломлении его работы, об интуитивном стремлении представить себе жизнь наших предков, если для этого еще и недостает надежных фактов. В научные публикации эти интуитивные представления не попадают, но в процессе исследования они часто овладевают мыслями археолога. Об этом трудно рассказать, особенно ученому, не обладающему навыками писателя-беллетриста. И я буду рад, если мне это удастся хотя бы в малой степени, и этому будет соответствовать романтический дух книжки».

В книге 9 глав. Первые шесть глав выстроены по географическому и хронологическому принципу: Отто Николаевич движется от своих наиболее ранних исследований вплоть до работ 1960-х гг. Глава 1 («По Окскому бассейну») начинается с воспоминаний о его самых ранних самостоятельных работах в Окском бассейне. В первом параграфе речь идет об исследованиях у истоков и в низовьях Клязьмы, на средней и нижней Оке и Проне, во втором – о разысканиях по Мещерским озерам, в третьем он обращается к изучению древнейших памятников каменного века. Именно последний сюжет ранее был подготовлен к печати Н. О. Бадером и С. В. Кузьминых [Бадер, 2012].

Глава 2 («По Ветлуге и Унже») раскрывает ход исследований 1925–1926 гг., проведенных в бассейнах Ветлуги и Унжи Ветлужской и Антропологической комплексной экспедициями. Первая из них была для О. Н. Бадера первой большой экспедицией, в которой он участвовал. В «Записках» отмечено, что Б. С. Жуков, «организуя экспедиционные работы, всегда стремился к тому, чтобы они имели комплексный характер, т. е. исследовали антропологический облик современного населения изучаемого края, его прежний физический тип по палеоантропологическим, костным остаткам, его современный быт по этнографическим данным, его язык и его историю по письменным и археологическим данным». Для нижегородца Жукова Ветлужский край был лучшим полигоном комплексных палеоэтнологиче-

ских исследований: Борис Сергеевич осознавал перспективность обследования и раскопок уже известных памятников на Ветлуге и Унже для установления их культурно-хронологической периодизации; кроме того, в одном из писем А. М. Тальгрену он отмечал, что Ветлуга интересовала его «в связи с проблемами нашего неолита и бронзы, а также как почти неизученная в отношении доисторических культур водная артерия» [Кузьминых, 2023, с. 29]. Разведочные работы О. Н. Бадера на Унже в 1926 г. не выявили здесь памятников ананьинской культуры, что позволило наметить границу ее распространения где-то между Ветлугой и Унжей.

В этой главе Отто Николаевич более подробно, нежели в других главах, вспоминает о своем учителе и друге Борисе Сергеевиче Жукове. В настоящих воспоминаниях, пожалуй, впервые мы можем познакомиться с Жуковым вне университетских лабораторий и кабинетов – в пешем и лодочном маршрутах, на раскопках, узнать о его мечтах и планах и лучше понять, что это был за человек. Строка «мы, студенты, любили Бориса Сергеевича за его неиссякаемую бодрость и веселость», пожалуй, лучше всего характеризует отношение учеников к учителю. Ранее, после реабилитации Б. С. Жукова, О. Н. Бадер вспоминал о нем прежде всего как об ученом [Бадер, 1968, с. 234–237]. А. П. Сергиевская, внучка Жукова, в недавние годы получила возможность ознакомиться со следственным делом деда, включая показания его учеников при повторном рассмотрении следственного дела в конце 1950-х гг. [Сергиевская, 2023]. Она отмечает, что Отто Николаевич и ряд других сотрудников Института антропологии МГУ и Института археологии АН СССР в своих показаниях встали на защиту Бориса Сергеевича и характеризовали его как большого ученого, прекрасного педагога и патриота. Этот штрих является важным дополнением к тем теплым воспоминаниям о Жукове, которые Бадер оставил в своих «Записках».

Глава 3 («По Вятке») повествует о работах Камско-Вятской археологической экспедиции в 1929–1930 гг. Руководителем экспедиции был Б. С. Жуков, но основные полевые работы (раскопки Свиногорского и Гроханьского городищ, исследование Ананьинского могильника) осуществлялись О. Н. Бадером и А. В. Збруевой [Археологические..., 1962, с. 61]. Разведочные разыскания, как и на Ветлуге, велись в ходе лодочного маршрута. О характере этих работ в «Записках» сказано следующее: «Работа наша на Вятке, как и на Ветлуге, строилась прежде всего на обследовании уже известных по старым работам городищ с целью установления общей культурно-стратиграфической картины раннего железного века. Мы обследовали и шурфовали такие великолепные городища, как Ройский шихан, Буйское и Лебяжье, Аргыжское и Пижемское. Расположенные обычно в красивейшей местности, господствуя над рекой, с далеким обзором вверх и вниз по Вятке и на широкие заречные луга и леса, они были защищены мощными холмообразными или кокошничкообразными валами и глубокими рвами и вместе с бревенчатыми укреплениями являли в свое время внушительное и колоритное зрелище». Добытый тогда материал через 20 лет был использован А. В. Збруевой в ее известной монографии «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» [Збруева, 1952].

Глава 4 («По Волге») объединяет пять очерков. В первом из них («По верхней Волге») идет рассказ о разведочном обследовании берегов Волги между Тверью и Кимрами. О. Н. Бадер провел эти работы в 1930 г. по поручению Института антропологии 1 МГУ и Государственного музея ЦПО. В отличие от поисков по Ветлуге, Унже и Вятке, программа разведочного маршрута на верхней Волге предусматривала сплошное обследование территории.

Второй очерк («В зоне строительства канала Москва – Волга») повествует о работах экспедиции ГАИМК на Москваволгострое в 1932–1936 гг. Отто Николаевич отмечает, что эта экспедиция «отличалась одной существенной особенностью: она не была тематической и должна была исследовать памятники всех времен на обширной территории, притом в очень сжатые сроки, за пределами которых памятники подвергались разрушению или затоплению». Первоочередной задачей экспедиции, объединившей усилия московских и ленинградских археологов, было выявление археологических памятников в зоне строительства канала и на территории будущего водохранилища на Волге [Археологические..., 1962, с. 73, 74]. Без проведения тщательных археологических разведок было невозможно планировать стационарные работы по раскопкам важнейших памятников. Работы начинались ранней весны и завершались с морозами. О. Н. Бадер вспоминал, что «первый сезон [1932 г.] на Москваволгострое мы закончили поздно и выехали на станцию на санях только 5 декабря. Лишь через много лет этот рекорд мне пришлось побить, работая над погребением палеолитических подростков на Сунгире, и закончить работу лишь 9 декабря. Это было в 1969 г.».

Следующий очерк («Открытие балановской культуры») повествует об истории открытия и исследования Балановского могильника. Этот памятник, наряду с Волосово-Даниловским могильником

фатьяновской культуры, является крупнейшим некрополем на восточном фланге огромной европейской области культур боевых топоров и шнуровой керамики. Для О. Н. Бадера Балановский могильник с его 117 погребениями стал ключевым памятником, который привел его «к выводу о существовании особой балановской культуры, отличающейся от фатьяновской, хотя и близкой ей». Различия проявлялись не только в материальной культуре. Обособление от фатьяновской культуры «подчеркивается и разницей антропологических типов: если в фатьяновских могильниках преобладает европеоидный длинноголовый и широколицый тип, близкий древнему кроманьонскому, то в Балановском могильнике преобладает узколицый восточно-средиземноморский тип».

Еще один очерк («Находки костей ископаемого человека») раскрывает детали обследования в довоенные годы в некоторых пунктах Среднего и Нижнего Поволжья местонахождений знаменитых «кладбищ» волжской фауны, с которыми предположительно были связаны костные останки человека палеолитического возраста. Разыскания начались с острова Хорошенский близ Хвалынского, продолжались на соседнем Меровском острове, а затем на полуострове Тунгуз, недалеко от сел Новодевичьего и Хрящёвки. Тогда же О. Н. Бадер обследовал место находки А. В. Збруевой якобы мустьерского ручного остроконечника у Барбашиной Поляны (позднее Поляна Фрунзе) на левом берегу Волги против Жигулей. Условия находки кремневого орудия привели его к выводу о позднем, не палеолитическом возрасте находки.

Глава 5 («По Москве и окрестностям») возвращает нас к истокам археологической деятельности О. Н. Бадера, когда с поступлением в Московский университет с осени 1922 г. и вплоть до войны ему «пришлось видеть и обследовать сотни археологических памятников не только в Московской области, но и в самой Москве и ее ближайших окрестностях». В первые годы он бывал на них как студент, с учебными заданиями В. А. Городцова, позднее, с 1925 г., как руководитель археологической практики студентов кафедры антропологии 1 МГУ по поручению Б. С. Жукова. Отто Николаевич отмечает: «Постепенно у меня накопился очень значительный материал, и встал вопрос уже об организации и проведении дополнительных работ, чтобы создать полную археологическую карту Москвы и ее окрестностей. Эта работа также была выполнена при активной помощи моих студентов. К 800-летию Москвы она была опубликована» [Бадер, 1947].

В этом очерке описано выявление и раскопки курганов вятичей, Дьякова городища и других памятников раннего железного века, древностей фатьяновской культуры и более ранних эпох. Очень современны и актуальны в «Записках» слова о том, что «безудержное уничтожение памятников глубокой истории в Москве быстро растущим городом не всегда оправдано. При планировании новых кварталов города курганы следовало бы учитывать и многие из них сохранять на бульварах, в парках и на школьных дворах как свидетельства древности Москвы и русской культуры. Их нужно музеефицировать внутри города и широко использовать для расширения кругозора жителей Москвы, для воспитания патриотических чувств у нашей молодежи».

Глава 6 («По Каме, Чусовой и Зауралью») состоит из двух очерков. Первый («По Зауралью») ценен не только деталями археологических исследований О. Н. Бадера (Медведь-Камень, Ермаково городище, Полуденская стоянка, Горбуновский торфяник и др.), но и передает его не сломленное психологическое состояние после перевода из действующей в трудовую армию и желание в тяжелейших условиях оставаться верным археологии. Разведки археологических памятников в окрестностях Нижнего Тагила, проведенные ученым по собственной инициативе, а затем по поручению Музея горнозаводского дела Среднего Урала в 1943–1946 гг., вошли в особую работу по археологической карте Тагильского края [Бадер, 1953].

Второй очерк («По Каме и Чусовой») посвящен исследованиям О. Н. Бадера в Прикамье. В самом его начале Отто Николаевич отметил, что, приступая к работам в этом огромном новом районе, «пришлось начинать с широко поставленных систематических разведок и с подготовки для этого кадров молодых археологов, что осуществлялось мною при Пермском университете». Рассказ об археологических исследованиях на Каме и Чусовой предваряется экскурсом к истории легендарной страны Биармии. Он как бы вводит нас в намеченный ученым план многолетних археологических исследований Прикамья. Очерк любопытен подробностями разведок и раскопок памятников самых разных культур и эпох, поисков по следам находок древневосточного серебра, но, пожалуй, в большей степени – деталями экспедиционного быта, описанием яхты «Биармия», выдержками из ее вахтенного журнала, любопытными историями, связанными с его пермскими учениками.

Глава 7 «По пещерам Крыма, Урала и Жигулей» является продолжением рассказа об изучении палеолита на Урале и Печоре, начатого в предыдущей главе, но с акцентом на обследование пещерных

памятников. В ней три очерка о работах О. Н. Бадера в разных географических районах СССР. Объединяет их страсть ученого к поискам палеолита.

Первый очерк «На плоскогорьях и в пещерах Крыма, в степях Приазовья» посвящен первоначально исследованиям мезолита и неолита в составе Крымской экспедиции Института антропологии МГУ под руководством Б. С. Жукова (1927–1930) – на яйле и раковинных кучах на берегу моря, главным образом в бухте Ласпи [Археологические..., 1962, с. 50, 51]. На долю Отто Николаевича в том же районе выпало изучение мезолитических стоянок на склоне горы Балин-Кош и Джайлау-Бош у северного края нижнего плато Чатыр-Дага; с 1935 г. им начаты поиски в пещерах Восточного Крыма, продолжавшиеся с перерывами до 1970-х гг. (Буран-Кая, Чагорак-Коба, Волчий грот, Чокурча 2). Весьма любопытен рассказ О. Н. Бадера об исследованиях Каменной Могилы в Приазовье с ее уникальными наскальными изображениями.

Очерк ценен не только научными наблюдениями и подробностями экспедиционных будней. Ученый признается: «...в годы обследований Яйлы меня не оставляло удивительное чувство проникновения в красоту природы, слияния с ней; это ощущение наполняло душу и постоянно вливалось в нее новые силы. Я благословлял свою непритязательность; всегда знал, что смогу сделать, увидеть все, что захочу, хотя условия для этого зачастую были минимальными: только немного времени и собственные ноги. Об остальном было мало заботы: проживу так, как живут охотники или наши далекие предки. На этом зиждилось ни с чем не сравнимое чувство независимости и свободы». Такое признание дорогого стоит.

Второй очерк «По пещерам Урала» переносит нас к пещерам на Медведь-Камне, Мурадымовской, Идрисовской, Сизякуй, Игнатьевой, Смеловской 1 и 2, Кизеловской, гроту Столбовому. Но особое внимание уделено исследованиям в пещере Шульган-Таш на р. Белой. Многие детали работ в Каповой пещере опубликованы в научно-популярных и научных изданиях [Бадер, 1965]. В этом очерке любопытны не только подробности организации экспедиционных работ в пещере, но прежде всего то эмоциональное ощущение, которое испытал Отто Николаевич от увиденной на стене красной фигуры мамонта: «Когда я вспоминаю свою длинную жизнь полевого исследователя-археолога, на долю которого выпало немало открытий, то должен, пожалуй, признать, что никогда не испытывал такой сильной волнующей радости, как при виде первого мамонта в пещере Шульган-Таш». Исследования в пещере Шульган-Таш и ее окрестностях велись О. Н. Бадером с перерывами в 1960–1978 гг. В «Записках» отмечается перспективность их продолжения. Последующие работы В. Е. Щелинского, Т. И. Щербаковой, В. Г. Котова и В. С. Житинёва это подтвердили.

Третий очерк «По пещерам Жигулей» посвящен поискам палеолита в жигулевских пещерах. Давняя мысль отыскать его следы казалась О. Н. Бадеру заманчивой. Исследования были начаты в 1968 г. с нескольких давно известных пещер – братьев Грече, Степана Разина, Ширяевской и Большого Шелехметского грота и продолжались четыре года. Поиски оказались безрезультатными: «пещерные убежища <...> давно обрушились и погребены под обвалами. Их трудно обнаружить археологическими разведками, слишком много бесплодно пришлось бы для этого копать. Будем ждать, что следы их рано или поздно обнаружатся при строительных работах или разработке карьеров, которые медленно, но верно уничтожают девственную красоту жигулевских круч».

Глава 8 «Изучение стоянки Сунгирь на Клязьме» выделена и помещена в конце книжки. По признанию О. Н. Бадера, «Сунгирь, как и Каповая пещера, принадлежат к числу самых моих крупных исследований». Особенно важны открытые на ней богатейшие палеолитические погребения [Бадер, 1978; Сунгирь..., 1984; Homo sungirensis..., 2000]. Рассказу о них в этом очерке уделено особое внимание и посвящено немало поэтических строк. На многолетних исследованиях памятника (1957–1976) выросли поколения молодых археологов. Молодежи было чему поучиться: раскопки велись с привлечением большого круга специалистов-естественников и отличались особой тщательностью.

Очерк Отто Николаевича прекрасно передает атмосферу раскопок Сунгиря. Много людей побывало на Сунгире за 20 лет. «О тех, кто в 1957 г. были юношами, теперь этого уже не скажешь. Те, кто были тогда пожилыми, теперь уже стали стариками. Но все мы: археологи, геологи, палеонтологи, географы, ботаники, почвоведы, мерзлотоведы, антропологи, даже если разошлись за эти годы наши пути, – все мы иногда собираемся вновь на сунгирских раскопках или на сунгирских вечерах в Москве». Исследования Сунгиря стали лебединой песней О. Н. Бадера.

Глава 9 «На прощанье» венчает воспоминания О. Н. Бадера. И, прощаясь с читателем, он признается в любви к Археологии, которая увлекла его в юности и не отпускала на протяжении всей жизни. Но если в молодости, по признанию Отто Николаевича, его влекла в археологии романтика, то «с го-

дами господство романтики начало уступать место более рациональному и глубокому научному интересу». При этом увлечение работой от этого несколько не ослабло, «наоборот, оно стало с годами всепоглощающим, стало занимать даже слишком много места в жизни, зачастую вытесняя из нее личное». Последние строки книги являются напутствием молодым поколениям археологов: «Чего еще желать человеку, если жизнь его наполнена и переполнена любимым трудом? Для него труд – это счастье».

Библиографический список

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель / ред., сост. Н. Н. Воронин, М. А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.

Бадер О. Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I / ред. А. В. Арциховский / МИА; № 7. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 88–167.

Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края // Уч. зап. Молотов. ун-та. 1953. Т. VIII, вып. 2. С. 311–364.

Бадер О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 47 с.

Бадер О. Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4. С. 234–238.

Бадер О. Н. Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978. 254 с.

Бадер О. Н. Древнейшие памятники каменного века / публ. Н. О. Бадера, С. В. Кузьминых // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 825–832.

Брюсов А. Я. На тропах археологии. Воспоминания. / сост. С. В. Кузьминых, С. П. Щавелёв. М., Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 2012. 88 с.

Городцов В. А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935 / сост. И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых. М.: ИД Триумф принт, 2015а. 687 с.

Городцов В. А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944 / сост. И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых. М.: ИД Триумф принт, 2015б. 695 с.

Зарецкая И. М. (сост.). Список печатных работ О. Н. Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии / отв. ред. П. М. Кожин и др. М.: Наука, 1975. С. 14–26.

Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА; № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Кузьминых С. В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004. № 4. С. 142–150.

Кузьминых С. В. Б. С. Жуков – лидер московской палеоэтнологической школы (по материалам переписки с А. М. Тальгреном) // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 8–66.

Лопатина О. А. Б. С. Жуков и его исследовательский подход к изучению древностей IV–I тыс. до н. э. лесной зоны Восточной Европы // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 96–108.

Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003. 180 с.

Орешиников А. В. Дневник. Кн. 1: 1915–1924 / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшко. М.: Наука, 2010. 659 с.

Орешиников А. В. Дневник. Кн. 2: 1925–1933 / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшко. М.: Наука, 2011. 755 с.

Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском университете 20–25 апр. 1947 г. Молотов: Молот. гос. ун-т, 1948. 86 с.

Рабинович М. Г. Записки советского интеллектуала. / публ. О. В. Будницкого. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. 390 с.

Сергиевская А. П. Взгляд из семьи. // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 109–120.

Сунгирь: Антропологическое исследование / отв. ред. А. А. Зубов. М.: Наука, 1984. 215 с.

Формозов А. А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М.: Гриф и К, 2011. 289 с.

Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / отв. ред. Т. И. Алексеева, Н. О. Бадер. М.: Научный мир, 2000. 467 с.

MEMORIES OF OTTO BADER «WALKING AND SAILING INTO THE PAST. ARCHAEOLOGIST'S NOTES»

S. V. Kuzminykh

Institute of Archaeology, RAS, Ulyanova Dm., 19, 117292, Moscow, Russia
kuzminykhsv@yandex.ru

A. N. Bader

Moscow
baderand@yandex.ru

2023 is the year of the 120th anniversary of O. N. Bader, the famous Soviet archaeologist. A Moscow University graduate, a student and then collaborator of B. S. Zhukov at the Institute of Anthropology of Moscow State University, Otto Bader became one of the leading archaeologists of the USSR already in the second half of the 1920s and especially in the 1930s. During the Second World War, Otto Bader was sent to Urals. From the second half of the 1940s he was teaching at Perm (Molotov) University and became the founder of a new archaeological school there. Since 1955 until the last day of his life, Otto Bader had been working at the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences. Among other things, Otto Bader had written a book of memories «Walking and Sailing into the Past. Archaeologist's Notes» about his long and sometimes exciting field explorations in the 1970s. The book is currently being prepared for publication. We are sure that the book by O. N. Bader will be of interest to both professionals and beginners in archaeology.

Key words: O. N. Bader, memoirs, essays on field work, history of Soviet archeology.

ПЕРМСКАЯ НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ОТНОШЕНИЯ «УЧИТЕЛЬ-УЧЕНИК» (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ В. Ф. ГЕНИНГА О. Н. БАДЕРУ)

О. М. Мельникова ©

Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
superlvovich2013@yandex.ru

В 2023 г. исполнилось 120 лет со дня рождения основателя пермской научной археологической школы О. Н. Бадера. С 1946 по 1954 г. ученый работал в Перми в местном университете. Опыт научно-педагогической деятельности в Москве позволил ему организовать здесь подготовку археологов. Многие выпускники университета продолжили археологические изыскания, стали известными учеными, организаторами науки, преподавателями вузов. Среди них – одна из знаковых фигур советской археологии В. Ф. Генинг. О. Н. Бадер вел с учениками обширную переписку. Часть ее хранится в Музее истории Пермского государственного научно-исследовательского университета и передана автору для изучения. Среди этого эпистолярного наследия – три письма В. Ф. Генинга О. Н. Бадеру, датированные 1952 и 1954 гг., отражающие процесс научного взросления ученика.

Ключевые слова: история археологии, пермская научная археологическая школа, О. Н. Бадер, В. Ф. Генинг.

Схоларные исследования в изучении истории отечественной исторической науки активно начались в 1990–2000 гг. Они весьма обстоятельно проанализированы в литературе [Корзун, Мягков, 2020, с. 364–410]. Археология не осталась в стороне от этой проблематики. Тридцать лет назад в исследовании вопросов истории уральской археологии отчасти интуитивно, отчасти в качестве результата целенаправленного концептуального поиска, удалось наметить познавательные возможности изучения истории археологических коллективов на основе концепции научной школы [Мельникова, 1993, с. 155–163.]. Спустя десять лет, через череду публикации научных статей [Мельникова Ольга Михайловна, 2016], на основе комплекса источников, отложившихся в ПГНИУ, удалось реализовать эти идеи монографически [Мельникова, 2003]. Сегодня проблематика научных школ в российской археологии активно изучается и обсуждается на научных конференциях [У истоков..., 2023].

За эти годы были обозначены различные аспекты функционирования научных школ, обоснованы их различные модели, определены критерии выделения. Одним из них является то, что «это сообщество именно профессиональных ученых, то есть людей, которые профессионально занимаются научной деятельностью в рамках одной общей для них академической дисциплины. Этим научная школа отличается от <...> группы и институции, выполняющей исключительно учебные дидактические функции» [Свешиников, 2011, с. 33].

Эти черты пермского коллектива под руководством О. Н. Бадера обозначились уже в студенческие годы его участников, когда студенты специализации «Археология» начали самостоятельно проводить полевые исследования, выступать с докладами на «взрослых» конференциях, публиковать результаты изысканий в изданиях АН СССР. Профессиональный характер студенческой деятельности подтверждается воспоминаниями ученика О. Н. Бадера В. Ф. Генинга: *«Первые уроки научно-педагогической деятельности мы получили в Пермском университете, когда сами овладевали азами науки и помогали другим, старшим товарищам. Все лекции и занятия по археологии проводил О. Н. Бадер. От него мы получили и первые навыки в полевых работах, а дальше он считал, что археолог должен познавать все новое в работе, тогда больше ответственности и интереса. Это, вероятно, было его основным педагогическим принципом, который привлекал очень многих людей различных наклонностей, но увлекавшихся археологией. Так, осенью после второго курса вся группа старшекурсников в течение месяца вела раскопки большого жилища на стоянке Бор I на Чусовой. Каждый сам копал, сам упаковывал, фиксировал остатки на чертежах и описывал все результаты. Полное самообслуживание и прекрасная школа! Это позволило О. Н. Бадеру уже на следующий год поставить каждого из нас – В. Оборина, В. Денисова, Т. Медведеву, В. Белоусова и меня ответственными на раскопах, где работали 5–6 человек. О. Н. Бадер также организовал работы по принципу самообслуживания. <...> Эти работы познакомили нас с основами археологических раскопок и уже в следующем 1951 году*

каждому из нас были поручены самостоятельные раскопки, так как мы являлись начальниками отрядов новостроечной Камской экспедиции» [Генинг, 2006, с. 149].

Письма из фондов Музея истории ПГНИУ, адресованные в Пермь О. Н. Бадеру его учениками, позволяют еще раз взглянуть на отношения «учитель – ученик» в рамках научной школы, выявить их характерные черты в процессе профессиональной социализации археологов. Сохранившиеся письма датируются временем обучения учеников О. Н. Бадера в Перми: во время летних полевых исследований Камской археологической экспедиции они писали письма о ходе раскопок или результатах разведок.

О. Н. Бадер стремился трудоустроить учеников по профилю специальности. Известны его обращения в Удмуртский научно-исследовательский институт, Марийский научно-исследовательский институт, Институт археологии Украинской ССР, Коми филиал АН СССР по поводу трудоустройства выпускников на должности, позволявшие заниматься археологией или продолжить учебу в аспирантуре по направлению этих организаций [Мельникова, 2003, с. 99–115]. После окончания университета студенты поддерживали контакты со своим учителем. Поэтому часть писем из фондов Музея истории ПГНИУ связана с периодом начала их самостоятельной работы: ученики советовались с ним по поводу решения научных проблем, обсуждали содержание публикаций, написание научных отчетов.

Из всех прежде не публиковавшихся писем, адресованных учениками О. Н. Бадеру, обратим внимание на три письма В. Ф. Генинга. В 1947 г. он поступил на заочное отделение историко-филологического факультета Молотовского университета, закончив его уже очно в 1952 г. по специализации «Археология». В. Ф. Генинг так описывает значимые факты начала своей послеуниверситетской биографии: *«В 1952 г. после окончания университета я работал преподавателем истории средних школ г. Кудымкар и с. Сива Пермской области. Летом проводил большие экспедиции, в которых были заняты в основном школьники. В 1954 г. по приглашению Удмуртского НИИ организовал Удмуртскую археологическую экспедицию, а осенью перешел на работу в Удмуртский республиканский музей зам. директора по науке»* [Генинг, 2003, с. 147].

Публикуемые письма были написаны в 1952 и 1954 гг., в первые годы самостоятельной работы после окончания университета. В них идет диалог учителя и ученика о написании научных отчетов, обсуждаются методические вопросы, полевые исследования, сложности быта. Прослеживается юношеский максимализм и азарт, с которыми В. Ф. Генинг окунается в научную работу.

Особо обратим внимание на «взросление» ученого. Письма, разделенные по датам двумя годами, показывают, как постепенно у молодого исследователя вызревают собственные научные решения, как крепнут организаторские способности, целеустремленность, а самостоятельные научные изыскания в Удмуртии способствуют вызреванию идей, связанных с научной тематикой (*«Разбираю сейчас материал Чегандинского могильника. Чудеснейший материал!»*).

Одновременно письма демонстрируют значение для молодого исследователя мнения его научного руководителя, особенно касающиеся методических аспектов работы. Не случайно в письмах В. Ф. Генинг пишет: *«прошу сообщить как можно быстрее о Ваших соображениях по поводу группировки изображений на панно и их размеров. Сообщите по авиа или телеграммой – одобряете старый или новый план», «напишите, пожалуйста, как насчет обработки антропологического материала», «буду делать отчетный доклад, а без отчетов от Вас получится нехорошо»*.

Весьма интересно и то, что В. Ф. Генинг апеллирует к авторитету О. Н. Бадера при публикации своих работ. Очевидно, что высокий статус и репутация руководителя упрощает ученикам публикацию научных работ: *«Еще до праздников закончил и отправил в Молотов(ский) музей статью о Деменках. Получилась довольно большая. Что-то они ничего не отвечают. Вы ведь в числе редакторов сборника – как с ним обстоят дела»*. Также отметим, что имя О. Н. Бадера открывает возможности для широких научных контактов, что является важной предпосылкой успешной научной карьеры. (В письме В. Ф. Генинг сообщает о переписке с московским археологом И. А. Талицкой: *«Инне Андреевне написал письмо насчет статьи в МИА. Только я туда предлагаю не статью о Ломоватово, а монографию «Неволинский могильник» на 4–5 печатных листов»*).

В письмах четко прослеживается перенос учеником многого из системы обучения, которую прошел в Перми, на свою научную практику (*«Занимается ли кто-нибудь сейчас химическим анализом бронз в университете? Нам бы нужно сделать партию из пьяноборских могильников. Можно ли это устроить?»*). Для молодого ученого, оказавшегося в глубинке, важны научные новости (*«Что нового в ун(иверсите)те и вообще в научном мире?»*).

Жаль, что не уцелел весь корпус переписки О. Н. Бадера с В. Ф. Генингом. Но даже публикуемые ниже письма показывают, как научный руководитель становится соавтором жизненной и образовательной траектории своего ученика.

Все публикуемые письма рукописные. Они расположены в хронологической последовательности, имеют сквозную нумерацию. В основе публикации – принципы научного издания исторических документов. Тексты публикуются в авторской редакции, исправлены явные описки и опечатки, пунктуация приведена к нормам современной орфографии. В круглых скобках курсивом даны недостающие части сокращенных автором писем слов и в дополнение к инициалам фамилии исследователей. В квадратных скобках помещены ссылки на литературу в тексте писем. Подстрочной чертой выделены в письмах подчеркивания автора писем и О. Н. Бадера; в каждом случае указывается, кем они сделаны. Необходимые пояснения к персоналиям, отдельным фактам и событиям даны в примечаниях.

Письма Владимира Федоровича Генинга

№ 1

На конверте дата: 22.XII.1952, адрес на конверте: г. Кудымкар. ул. Советская, 10

Л. 1

22.12.1952. г. Кудымкар

Здравствуй, Отто Николаевич!

Сегодня, кажется, первый день, что я немного свободен и приступил к делу. Этим делом я считаю свою работу по археологии. Вообще голова по этому вопросу соображает пока туго и для включения ее в работу занялся пока технической и описательной работой. Пишу отчет по отряду¹. Осталось ведь описать только Бурково². Остальное уже отпечатано. С чертежами пока туго и еще хуже с фото. Негде этим заняться. Да и дома пока негде развернуть даже книги. Вообще все еще на стадии благоустройства.

Был все эти дни занят много в школе³. Пришлось догонять пропущенное. Сегодня же сидел над писанцами⁴. Раскидывал, примерял, мозговал и пришел к новому проекту. Чтобы не нарушать их естественного положения и комбинировать какие-то новые взаимоположения, я предлагаю то, что дано на прилагаемом чертеже. Ведь все равно на одном панно мы не сумеем показать хронологически чистого комплекса. Когда мы думали соединять группы IV и V, то приходилось сильно смещать их.

Л. 1 об

И здесь же кроме неолита оказывается бронза. Тоже самое будет и с гр(уппой) VI, где бронза будет с ананьино-гладеново. А так как я предлагаю теперь мы можем получить документально точные в смысле взаимоположения (это у меня скопированы трещины и фото) изображения всех эпох на одном большом панно I, а второе панно можно даже еще уменьшить и поместить внутри витрины (размер 60×80). По первоначальному панно с неолитическими (преимущественно) группами IV и V получается размером 150×120. А второе – группа VI – размером 120×80.

Отто Николаевич! Я думаю в каникулы сделать основную работу по писанцам⁵. Поэтому прошу сообщить как можно быстрее о Ваших соображениях по поводу группировки изображений на панно и их размеров. Сообщите по авиа или телеграммой – одобряете старый или новый план.

Что нового в ун(иверсите)те и вообще в научном мире? Что хорошего привез для экспедиции Толя? Передайте большой привет Марии Александровне и Коле⁶. С приветом В. Генинг.

(Сбоку *приписка*) Привет всем ребятам и девушкам, конечно.

Да, Коле я достал книгу, но только старого издания. У нее есть расхождения с новой 1950 г. Насколько она годна? Выслать?

№ 2

20.XI/1954. Ижевск⁷.

Дорогой Отто Николаевич! Получил Ваше письмо, несколько задержался с ответом.

Сижу над отчетом, разбираю материал. Работы еще много, очень жду от Вас материал. К 1 декабря он мне будет уже нужен, т. к. начну собирать уже все отчеты и сдавать в переплет. Очень прошу ускорить пересылку⁸.

Инне Андреевне (Талицкой – О. М.) написал письмо насчет статьи в МИА. Только я туда предлагаю не статью о Ломоватове, а монографию «Неволинский могильник» на 4–5 печатных листов. Статья о Ломоватове еще не доделана, а времени сейчас писать нет⁹.

Еще до праздников закончил и отправил в Молотов(ский) музей статью о Деменках. Получилась довольно большая. Что-то они ничего не отвечают. Вы ведь в числе редакторов сборника – как с ним

обстоят дела?¹⁰ За здешний музей наконец взялись сверху – в Совете Министров. Работает комиссия по проверке. А. Ф. Трефилов в ее составе. Давно пора было этим заняться. У них там такое творится, что порой заходит до анекдотических казусов. Какой будет результат, еще не знаю, но очевидно перетряхнут крепко¹¹.

Разбираю сейчас материал Чегандинского могильника. Чудеснейший материал! Делаем реконструкции костюмов. Совпадения с удмуртским очень многие. Почти несомненно, что пьяноборская культура – это древнеудмуртская культура¹².

Отто Николаевич! Занимается ли кто-нибудь сейчас химическим анализом бронз в университете? Нам бы нужно сделать партию из пьяноборских могильников. Можно ли это устроить? Обработку фауны пытаюсь организовать здесь с одним преподавателем пединститута.

Напишите, пожалуйста, как насчет обработки антропологического материала. И адрес. Я напишу письмо. Деменковские черепа так и стоят наверное в музее. Здесь у нас набирается с десятка два черепов.

Большой привет Марии Александровне.

С уважением Ваш В. Генинг

P.S. Деньги москвичам пока не послал нет пока¹³ (*подчеркнуто Бадером – О. М.*).

№ 3.

Л. I

6.XII.1954.

Дорогой Отто Николаевич!

Получил Ваше письмо.

Вопрос с деньгами в ближайшие дни должен решиться. Очевидно на экспедицию дадут дополнительно тысяч 5¹⁴. Страшно много уходит на камеральную обработку, которая приближается к концу. Большинство отчетов уже отпечатано⁸. Светокопии тоже готовы. Очень жду отчеты от Вас, а также и материал. Надеюсь, что с получением письма вышлите, т. к. около 15–20 буду делать отчетный доклад, а без отчетов от Вас получится нехорошо.

В П. И. сейчас не читаю, так как студенты на практике¹⁵.

Л. I об

Вопрос с Ижевском пока не решен. С антропологами дело надо бы ускорить (*подчеркнуто Бадером – О. М.*), так как я сам хочу отправить отсюда материал, иначе залежится как в Молотовск(ом) музее¹⁶.

Интересная вещь – на площади могильника Ныргында II была стоянка с керамикой типа Приказанской культуры и Луговской стоянки.

Гляденовскую статью отдал в Ученые записки института¹⁷.

С уважением Ваш В. Генинг.

Примечания

¹ В 1952 г. В. Ф. Генинг руководил Добрянским отрядом КАЭ. Отряд «работал пятью группами одновременно в радиусе 30 км на Зародятском селище, Опутятском городище, Усть-Туйском костыще и Скородумском селище. Обширные площади, вскрытие на этих памятниках дали прекрасные материалы, освещавшие многие вопросы в новом свете. Но главное был приобретен опыт широкомасштабных исследований и организации больших коллективов для подобных работ» [Генинг, 2003, с. 158]. В. П. Денисов дополняет это информацию: «Он жалел только об одном, что не сумел наладить телефонную связь между раскапываемыми одновременно памятниками, т. к. не смог достать телефонного кабеля» [Денисов, 1997, с. 191].

² Бурково – Бурковский могильник расположен в д. Буркова Пермского края (с 1940 по 1957 гг. – Молотовская область). В. 1951 – 1952 гг. раскапывался КАЭ [Бадер, 1953, с. 35].

³ В. Ф. Генинг после окончания университета был направлен работать в г. Кудымкар Коми-Пермяцкого автономного округа (с 1925 по 1977 гг. – Коми-Пермяцкий национальный округ), где работал в средней школе.

⁴ С писанцев на р. Вишере начался путь В. Ф. Генинга в археологию: «Первую экспедицию, связанную с раскопками, провел в августе 1948 г. Еще в предыдущем году я проводил со школьниками 6–7 классов города Красновишерска туристический поход по р. Вишере <...> в 1948 г. занялись историей. Посетили заброшенный еще с 1905 г. завод, построенный французским акционерным обществом на р.

Кутим, а затем остановились у Писаного камня, где по сведениям краеведческой литературы находились наскальные рисунки» [Генинг, 2003, с. 146–147].

⁵ Статья «Наскальные изображения Писаного Камня на реке Вишере» была опубликована в журнале «Советская археология» в 1954 г. [Генинг, 1954, с. 259–280].

⁶ Мария Александровна (1907–1964), археолог, музейный работник, супруга О. Н. Бадера. Коля – Николай Оттович Бадер (1935–2015), сын О. Н. Бадера, впоследствии доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела теории и методики ИА РАН. [Бадер Николай Оттович, 2000, с. 162–163].

⁷ В 1954 г. по распоряжению Совета министров Удмуртской АССР в целях планомерного и всестороннего исследования археологических памятников на территории республики, была организована археологическая экспедиция, на руководство которой был приглашен В. Ф. Генинг. Затем он стал заместителем директора по науке Удмуртского республиканского музея.

⁸ Летом 1954 г. В. Ф. Генинг работал на раскопках Федотовского городища на р. Н. Мулянка. Возможно, речь идет о подготовке отчёта [Генинг, 2003, с. 159].

⁹ Небольшая статья о ломоватовской культуре опубликована в БСЭ в 1954 г., она была написана еще в период учебы в Перми [Генинг, 1954, с. 375].

¹⁰ Возможно, речь идет о статье «Первобытно-общинный строй в Верхнем и Среднем Прикамье» [Генинг, 1954а, с. 29–35].

¹¹ Подробнее об этом: [Мельникова, 2022, с. 678–688].

¹² Пьяноборская культура станет темой кандидатской диссертации В. Ф. Генинга [Генинг, 1959].

¹³ Возможно, москвичи – это студенты МГУ, принимавшие участие в сплошных разведочных исследованиях по обоим берегам Камы и Ижа [Генинг, 2003, с. 160].

¹⁴ В. Ф. Генинг в Удмуртии исследовал памятники пьяноборского времени: «раскопки были сосредоточены в первую очередь на памятниках пьяноборской АК – могильниках Чеганда II, Ныргында I и II, городищах Чеганда, Ныргында II и Барановском селище, а так же позднепьяноборских могильниках» [Генинг, 2003, с. 161].

¹⁵ В Ижевске в Удмуртском пединституте В. Ф. Генинг преподавал курс археологии.

¹⁶ В. Ф. Генинг писал: «Удмуртская экспедиция в эти годы работала в тесном контакте с антропологической экспедицией МГУ, возглавляемой М. С. Акимовой, обрабатывавшей археологические материалы из наших раскопок» [Генинг, 2003, с. 161].

¹⁷ В «Записках УдНИИ» опубликована только одна статья: «Очерк работы Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г.» [Генинг, 1957, с. 160–178]. Статья «К вопросу о гляденовской культуре» была опубликована совместно с В. А. Обориным в «Ученых записках» Пермского университета в 1960 г.

Библиографический список

Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952 гг.) // Ученые записки Молотовского университета. Труды КАЭ. Харьков, 1953. Т. 9. Вып. 3. С. 3–89.

Бадер Николай Оттович // Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000. С. 162–163.

Генинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного Камня на реке Вишере // СА. Т. XXI. М., 1954. С. 259–280.

Генинг В. Ф. Ломоватовская культура // БСЭ. М. 1954. Т. 25. С. 375.

Генинг В. Ф. Первобытно-общинный строй в Верхнем и Среднем Прикамье // Путеводитель Молотовского областного музея. Молотов, 1954а. С. 29–35.

Генинг В. Ф. Очерк работы Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. // Записки Удмуртского научно-исследовательского института. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 160–178.

Генинг В. Ф. Пьяноборская культура на Средней Каме (III в. до н. э. – II в. н. э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1959. 16 с.

Генинг В. Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 9. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2003. С. 145–182.

Денисов В. П. В. Ф. Генинг и пермская археология // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы международной конференции. Ижевск, 1997. С. 189–192.

Корзун В. П., Мягков Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк/ Отв. ред. О. В. Воробьева. –

Серия «Профессия – историк», отв. ред. серии О. В. Воробьева. Вып. 1. 2-ое изд. М.: Аквилон, 2020. С. 364–410.

Мельникова О. М. Новые подходы в изучении современных археологических коллективов // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: материалы научной конференции, посвященной 20-летию юбилею УдГУ, Ижевск, 23 окт. 1992 г. Ижевск, 1993. С. 155–163.

Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера (1946–1955 гг.) – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 7. Ижевск: Типография Удмурт. гос. ун-та, 2003. 180 с.

Мельникова Ольга Михайловна: биобиблиографический указатель: к 55-летию со дня рождения / сост.: И. В. Никитина, Н. В. Самсонова, И. Н. Семенова. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. 72 с.

Мельникова О. М. Удмуртские корреспонденты археолога О. Н. Бадера // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Вып. 4. С. 678–688.

Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2011. 406 с.

У истоков советских археологических школ (1918–1950). Материалы Международной научной конференции 4–6 апреля 2023 г. / Отв. ред. И. А. Сорокина. – М.: Институт археологии РАН, 2023. 77 с.

PERM SCIENTIFIC ARCHAEOLOGICAL SCHOOL: «TEACHER-STUDENT» RELATIONSHIPS (BASED ON V. F. GENING'S LETTERS TO O. N. BADER)

O. M. Melnikova

Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russia
superlvovich2013@yandex.ru

In 2023, the 120th anniversary of the birth of O. N. Bader, the founder of the Perm scientific archaeological school, was celebrated. From 1946 to 1954 the scientist had been working in Perm, at the local university. The experience of scientific and pedagogical activity in Moscow allowed him to organize the training of archaeologists in Perm. Many graduates of the university continued their archaeological research, became well-known scientists, science managers and university professors. Among them there is V. F. Gening, one of the iconic figures of Soviet archeology. O.N. Bader held extensive correspondence with his students. Part of it is kept in the Museum of the Perm State University history and is given to the author for studying. Among this epistolary legacy there are three letters from V. F. Gening to O. N. Bader, dated 1952 and 1954, which reveal the process of the student's growing up into the scientist.

Key words: history of archeology, Perm scientific archaeological school, O.N. Bader, V.F. Gening.

БИБЛИОТЕКА О. Н. БАДЕРА В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР)

С. Н. Кореньюк ©

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
korenyuk_sn@mail.ru

Е. В. Чуйкина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
katarina-ch@yandex.ru

Е. А. Трясцина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
etryastsina@psu.ru

В статье дается обзор личной библиотеки известного советского археолога О. Н. Бадера (1903 – 1979), работавшего в Молотовском (Пермском) университете в 1946 – 1955 гг. Передача библиотеки в Пермский университет была желанием ученого, осуществленным в 2023 году. Приводится краткий обзор книжного фонда.

Ключевые слова: Бадер, библиотека, Пермский университет.

*Дорогому Отто Николаевичу!
Сей незаметный труд – два ценных ожерелья.
Одно – эпох дары, нетленный древний прах.
Второе – цепь людей в пыльном устремлении
былое воскресить в оставленных следах.
Ел. Берс*

*(Дарственная надпись на книге Е. М. Берс «Каталог археологических коллекций
Свердловского краеведческого музея» (Свердловск, 1959) из личной библиотеки О. Н. Бадера)*

В 2023 году исполняется 120 лет со дня рождения известного ученого Отто Николаевича Бадера. Его имя известно в Перми и на Урале не только археологам. Попав на Урал не по своей воле, Отто Николаевич оставил значительный след в культурном пространстве Прикамья.

К началу 1940-х годов Бадер был уже сложившимся ученым с богатейшим опытом полевых работ и преподавательской деятельности. В первые дни войны О. Н. Бадер ушёл на фронт в составе ополчения МГУ, однако в конце 1941 года он, как этнический немец, был отозван с фронта и направлен в спецотряд трудармии в Нижнем Тагиле. Даже там по мере возможности он продолжал заниматься исследовательской деятельностью, а в 1944 году стал штатным научным сотрудником Нижнетагильского музея.

В 1946 г. тогдашний ректор Молотовского (Пермского) университета Александр Ильич Букирев пригласил Отто Николаевича на должность доцента в МолГУ и добился его перевода из Нижнего Тагила в Молотов. «Пермский период» Бадера продлился 10 лет – с 1946 по 1955 год. За это время в университете им было создано то, что получило название «пермской археологической школы». Благодаря целенаправленной работе, опыту и личным качествам О. Н. Бадера было сделано очень многое для развития археологии в Прикамье.

Очень важной задачей в послевоенное время было воспитание и подготовка нового поколения археологов. В первый же год работы в Молотовском университете Бадером были организованы студенческий археологический кружок и кабинет археологии, тогда же в учебный план университета введена специализация по археологии. Таким образом, Молотовский университет стал единственным провинциальным университетом, где в те годы готовили археологов. Большое значение Отто Николаевич придавал самостоятельной работе студентов как в части научно-исследовательских работ, так и в виде полевой производственной практики.

После войны возобновились гигантские стройки, в т. ч. продолжилось строительство Камской ГЭС, в зоне затопления водохранилищем которой находилось большое количество неисследованных археологических памятников, требовавших безотлагательного изучения. Для реализации масштабных спасательных раскопок в зоне будущего водохранилища в университете была создана Камская археологическая экспедиция. И если в первые годы ее работы к руководству раскопками привлекались столичные ученые-археологи, то уже через 2 – 3 года все работы на этой новостройке выполнялись собственными силами: студенты, специализировавшиеся по археологии, руководили раскопами, проводили разведки, готовили отчеты и публикации по итогам работ.

Безусловно, учеба в университете, довольно узкая специализация по археологии требовали обеспечения учебного процесса литературой и учебниками. О. Н. Бадер предоставлял студентам для работы книги из личной библиотеки, выписывал из столичных книжных магазинов новые издания, а также получал свежие публикации от коллег. Об этом свидетельствует его довольно обширная переписка, сохранившаяся в фондах Музея истории Пермского университета.

После возвращения в 1955 году в Москву Отто Николаевич не терял связи с Молотовским (Пермским) университетом, а также продолжал свои исследования на Урале. Многие из пермских учеников О. Н. Бадера, разъехавшись по стране, продолжив использовать его преподавательские навыки, создали собственные школы и воспитали большое количество археологов. Все они с большой признательностью и теплом и вспоминали годы учебы в Молотовском университете и наставничество Бадера. В Перми дело О. Н. Бадера продолжили его ученики – Владимир Антонович Оборин, ставший бесшестенным руководителем университетских археологов в течение 40 лет, а также В. П. Денисов, А. Д. Вечтомов, А. Ю. Поляков и ряд других исследователей.

Отто Николаевич хотел, чтобы собранная им в течение всей его жизни научная библиотека была передана в Пермский университет. Вопросами организации передачи библиотеки в Пермь после смерти О. Н. Бадера занимались его сын Николай Оттович и пермский археолог Андрей Федорович Мельничук. К сожалению, по разным причинам оба не успели закончить начатое дело.

Библиотека наконец-то добралась до Перми именно в год 120-летия Отто Николаевича Бадера. В университет поступило обращение внука ученого – Андрея Николаевича Бадера о готовности выполнить пожелание деда. В процессе предварительной переписки были обсуждены вопросы объема и состава книжного фонда. В университете было принято решение о том, что этот мемориальный книжный фонд должен занять свое место в научной библиотеке ПГНИУ. Сотрудники Камской археологической экспедиции оказали всемерное содействие в подготовке и организации передачи библиотеки Бадера в Пермь.

Фундаментальная библиотека Пермского университета была создана одновременно с открытием в Перми Отделения Императорского Петроградского университета в 1916 году. Основу библиотечного фонда составили книжные пожертвования университетов, научных учреждений, музеев, общественных организаций и частных лиц. Библиотека развивалась вместе с университетом и в настоящее время насчитывает 5 абонементов и 6 читальных залов. Фонд библиотеки составляет около 1 миллионов единиц, дифференцирован по отраслевому принципу, по видам изданий и назначению. В его состав входит основной книжный фонд на русском и иностранных языках, русские и иностранные периодические издания, редкие издания. Научная библиотека Пермского университета (НБ ПГНИУ) обладает большой информационной базой и использует современные технологии библиотечного дела.

Научная библиотека ПГНИУ имеет опыт работы с частными книжными коллекциями. В фондах библиотеки имеются коллекции книг деятелей науки и образования, чиновников, военных, священников, купцов, промышленников, краеведов, библиофилов. Наиболее значимыми, несомненно, являются собрания, принадлежавшие людям, чья жизнь и деятельность были связаны с Пермским краем и особенно с Пермским университетом. Поэтому переданная А. Н. Бадером в ПГНИУ книжная коллекция Отто Николаевича Бадера является значимым даром университету.

Книжный фонд О. Н. Бадера, переданный в Пермский университет, состоит из более 4000 экземпляров. В коллекцию входят книги, периодические и продолжающиеся издания, а также оттиски статей. На всех экземплярах изданий имеется экслибрис.

С книжным собранием О. Н. Бадера работают практически почти все отделы НБ ПГНИУ и большинство ее сотрудников. Для того чтобы стать доступными читателям, издания из книжного фонда проходят несколько этапов обработки. Первоначально проводится внешний осмотр состояния каждого экземпляра. Откладываются экземпляры, требующие ремонта, которые после проведения восстановительных работ будут доступны для читателей. Затем проводится сортировка по типам изданий: книги на русском языке, издания на иностранных языках, периодические и продолжающиеся издания или

оттиски статей. Затем каждой книге присваивается уникальный инвентарный номер, проставляются печати НБ ПГНИУ и делаются другие необходимые пометки согласно библиотечным нормам и правилам. На каждую книгу устанавливается RFID-метка – эта радиочастотная идентификация позволяет автоматизировать процессы поиска книг, упрощает инвентаризацию, помогает быстрее и качественнее обслуживать посетителей, а также предотвращает кражи.

Далее происходит обработка и занесение изданий в электронный каталог в системе ИРБИС. Кроме общепринятых позиций, в процессе описания библиотекари учитывают наличие дарственных надписей на книгах (с расшифровкой) или личные автографы Отто Николаевича. После этого книги поступают в читальный зал, где библиотекари расставляют издания на стеллажах. Для удобства пользования и по логике размещения книжное собрание О. Н. Бадера размещено в отдельной комнате читального зала гуманитарной литературы (ауд. 418), расположенного во 2 корпусе университета, там же где находятся историко-политологический факультет, кабинет археологии и Музей истории Пермского университета.

Электронный каталог всего фонда НБ ПГНИУ можно найти на сайте научной библиотеки. Он находится в свободном доступе для всех пользователей без ограничений. Для поиска изданий из коллекции О. Н. Бадера необходимо обратиться к основной библиотечной базе данных, к базам данных «Журналы», «Продолжающиеся издания» и в перспективе – к базе данных «Иностранная периодика». Требуется задать область поиска «Автор», начать вводить «Бадер» и выбрать БАДЕР, ОТТО НИКОЛАЕВИЧ (СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГ; 1903 – 1979) \ДАР.\ Содержание сборников для удобства использования расписывается по статьям.

Для сотрудников и студентов ПГНИУ библиографические записи (кроме журналов) дополнительно загружены в электронный каталог Единой телеинформационной системы университета (ЕТИС).

Сотрудниками научно-библиографического отдела НБ ПГНИУ готовится полный каталог коллекции книг из личной библиотеки О. Н. Бадера, переданных в ПГНИУ, а также библиографический указатель научных трудов О. Н. Бадера. По окончании работы оба документа будут размещены в цифровой мультимедийной библиотеке ПГНИУ ELiS в режиме открытого доступа с возможностью загрузки.

На 01.11.2023 года обработаны и занесены в электронный каталог 1728 экземпляров книг, из них 751 экземпляра поступили в библиотеку впервые. Обработаны и занесены в электронный каталог 495 экземпляров периодических и продолжающихся изданий, из которых 226 впервые поступили в библиотеку. Оттиски статей будут систематизированы, включены в электронный каталог и доступны для пользователей после обработки всех книг, периодических и продолжающихся изданий.

Поступившая литература крайне разнообразна. Большую часть составляет научная литература (1701 экз.), но также встречается учебная, учебно-методическая (19 экз.) и художественная литература (8 экз.). Большинство изданий – это издания по истории и археологии, также присутствуют издания по геологии, палеонтологии, этнографии, антропологии, изобразительному искусству и архитектуре.

Безусловно, основной массив библиотеки связан с темами научных исследований О. Н. Бадера. Это книги отдельных авторов и сборники статей по археологии каменного века на территории России и зарубежных стран. В коллекции – издания теоретического характера и публикации результатов полевых исследований не только по палеолиту, но и по вопросам изучения четвертичного периода, геохронологии, антропогенезу.

В составе книжного собрания много изданий по смежным с археологией наукам: палеоантропологии, геологии и карстоведению, климатологии и развитию природной среды, географии и гидрографии, этнографии и этногенезу, истории первобытного общества, языкознанию и топонимике.

В библиотеке имеются общие теоретические работы по археологии, по истории археологии, методам и методике археологических исследований, а также библиографические сборники.

Выделяется группа изданий по вопросам охраны объектов культурного наследия.

Значительно количество изданий в собрании О. Н. Бадера посвящено изучению Урало-Поволжья разных хронологических периодов. Это книги отдельных авторов, сборники статей, продолжающие издания («Вопросы археологии Урала», «Ученые записки Молотовского университета», «Ученые записки Пермского университета», «Археология и этнография Марийского края», «Археология и этнография Башкирии», «Материалы и исследования по археологии Европейского Северо-Востока»), научно-популярная литература и краеведческая литература.

Имеется подборка книг по истории и археологии Сибири.

Группа продолжающихся изданий и журналов представлена большинством выпусков КСИИМК-КСИА преимущественно до начала 1980-х гг. («Краткие сообщения Института истории материальной

культуры», «Краткие сообщения Института археологии»), частью выпусков МИА (серия «Материалы и исследования по археологии»), САИ (серия «Свод археологических источников») и серии «Археология СССР», а также большинством выпусков журналов «Советская археология» и «Советская этнография». Интерес для исследователей представляет подборка продолжающихся изданий по антропологии и этнографии, в т. ч. дореволюционного и довоенного времени выпуска. Это выпуски «Русского антропологического журнала» за 1900–1930-е гг., «Антропологического журнала» за 1930-е гг., «Вестника древней истории» за 1939–1946 гг., «Сборника музея антропологии и этнографии» за 1949–1951 гг., «Вопросы антропологии» за 1960–1970-е гг., а также «Труды Института этнографии» и «Труды комиссии по изучению четвертичного периода».

Среди дореволюционных изданий встречаются достаточно редкие. Это такие, например, как «Древности. Труды Московского археологического общества», «Записки Императорского русского археологического общества», «Записки Уральского общества любителей естествознания», «Известия Императорской археологической комиссии», «Материалы по археологии восточных губерний России», курс лекций по археологии В. А. Городцова, работы Д. Н. Анучина, Ф. Бикнера, И. Я. Кривошекова и другие интересные издания.

Издания довоенного периода (1917–1941) также представляют значительный интерес и связаны преимущественно с темами научных исследований Отто Николаевича. Это 128 изданий по археологии каменного века, теории археологических исследований, результатам работ научных и новостроечных экспедиций; издания по этнографии, антропологии и изучению четвертичного периода; книги и журналы по краеведению и охране памятников, издания по истории и археологии Урала, Поволжья и Сибири.

В библиотеке выделяется подборка книг и альбомов по первобытному искусству, в том числе по наскальной живописи.

Особый интерес представляют издания на иностранных языках. Из всей коллекции 30% составляют экземпляры изданий на иностранных языках. На 01.11.2023 обработано и занесено в электронный каталог 332 экземпляра книг и 72 экземпляра журналов на иностранных языках. Практически все эти книги и журналы впервые поступили в библиотеку университета.

Среди иностранных изданий – книги, музейные каталоги и альбомы, журналы, а также сборники или отписки статей с зарубежных конференций, литература по археологии и смежным наукам, по основным темам научных исследований О. Н. Бадера.

Прежде всего, в коллекции представлены издания на английском, немецком и французском языках, но встречаются издания на испанском, венгерском, грузинском, армянском, украинском, белорусском языках.

Конечно, в книжном собрании имеются работы (книги, статьи в сборниках и отписки статей) самого О. Н. Бадера и его учеников. Это работы В. А. Оборина, В. Ф. Генинга, Г. И. Матвеевой, Н. А. Мажитова, Р. В. Чубаровой, Е. Н. Черных и других ученых. После поступления библиотеки Бадера в Пермский университет сотрудниками научно-библиографического отдела НБ ПГНИУ дополняется библиографический указатель научных трудов Отто Николаевича, опубликованный в сборнике, посвященном его 70-летию [Памятники древнейшей истории Евразии, 1975].

В 27% обработанных книг присутствуют дарственные надписи. Изредка в изданиях встречаются автографы О. Н. Бадера (отметки от кого и когда книга была получена), во многих книгах имеются его пометки на полях. Анализ дарственных надписей представляется нам перспективной темой для исследований, эта тема уже включена в список курсовых работ для студентов историко-политологического факультета ПГНИУ.

В некоторые книги вложены записки, письма, газетные вырезки, связанные с конкретным изданием или автором. Все вложения с отметками об изъятии переданы в Музей истории Пермского университета и будут включены в фонд О. Н. Бадера.

К библиотеке деда Андрей Николаевич Бадер добавил некоторое количество книг (117 экз.) по темам исследований Отто Николаевича из своей личной библиотеки и собрания Николая Оттовича, поэтому в переданном фонде есть издания 1980 – 2010-х гг.

На 01.11.2023 обработана большая часть переданного книжного фонда и в читальном зале гуманитарной литературы размещены все книги и журналы из библиотеки О. Н. Бадера для открытого доступа читателям. Обработка отписок статей запланирована на 2024 г. Уже сегодня библиотека Бадера используется студентами и преподавателями историко-политологического факультета ПГНИУ в учебном процессе, для подготовки к семинарским занятиям и при выполнении исследовательских работ.

Вход в читальные залы НБ ПГНИУ свободный и не требует оформления читательского билета, поэтому библиотека О. Н. Бадера доступна не только сотрудникам и студентам ПГНИУ, но и всем гостям университета, оформившим пропуск.

Книжная коллекция О. Н. Бадера, переданная в дар Пермскому университету, является по-своему уникальным собранием. В библиотеке могут найти для себя много интересного и полезного не только археологи, но и палеонтологи, географы, историки, филологи, краеведы, музейные работники и сотрудники органов охраны памятников.

Библиографический список

Памятники древнейшей истории Евразии. Сборник статей, посв. 70-летию д-ра ист. наук О. Н. Бадера. М.: Наука, 1975. 272 с.

OTTO BADER LIBRARY AT PERM UNIVERSITY (PRELIMINARY REVIEW)

S. N. Korenyuk

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
korenyuk_sn@mail.ru

E. V. Chuikina

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
katarina-ch@yandex.ru

E. A. Tryastsina

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
etryastsina@psu.ru

The article gives an overview of the personal library of the famous Soviet archaeologist O. N. Bader (1903-1979), who worked at Molotov (Perm) University in 1946–1955. The transfer of the library to Perm University was the scientist's wish which was fulfilled in 2023. A brief overview of the book collection is provided.

Key words: Bader, library, Perm University.

АНАТОЛИЙ ДАНИЛОВИЧ ВЕЧТОМОВ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

С. Н. Кореньюк ©

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
korenyuk_sn@mail.ru

Е. В. Чуйкина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
katarina-ch@yandex.ru

В статье рассматривается деятельность известного пермского археолога А. Д. Вечтомова (1923–1991). Будучи учеником О. Н. Бадера, Вечтомов занимался эпохой раннего железного века, разработал периодизацию ананьинской культуры, обосновал территориальное распределение племенных групп того периода и их характеристики. Большое значение имеет административная деятельность А. Д. Вечтомова в Камской археологической экспедиции на протяжении более 30 лет.

Ключевые слова: Вечтомов, Камская археологическая экспедиция, ананьинская культура.

В 2023 году исполнилось 100 лет со дня рождения Анатолия Даниловича Вечтомова (1923–1991), сотрудника и заместителя начальника Камской археологической экспедиции (КАЭ) Пермского государственного университета. В сравнении с более известными учениками О. Н. Бадера: В. А. Обориным, В. Ф. Генингом и В. П. Денисовым («три Володи») – А. Д. Вечтомов не так много сделал в области практической археологии, однако его роль в становлении и развитии КАЭ весьма существенна.

Анатолий Данилович родился 20 мая 1923 года в г. Владивостоке в семье служащих. О семье и детских годах Вечтомова, к сожалению, сведений практически нет. Возможно, семья имела уральские или даже пермские корни, т. к. фамилия Вечтомов встречается в архивных документах с XVII в. в Усолье, Чердыни и Кунгуре. Происхождение фамилии Е. А. Полякова связывает с коми языками, где глагол «вештыны» значил «подвинуть, передвинуть», «выкупить (например, залог)». От причастия «вештом» («отселенный», «выкупленный», «уплативший долг») произошло прозвище, ставшее основой фамилии [Полякова, 2005, с. 80]. Также фамилия Вечтомов довольно часто встречается среди удмуртского населения.

В 1941 г. Анатолий окончил 10-й класс 11-й спецшколы ВВС в г. Свердловске, после чего был призван в Красную армию. После окончания в 1944 году Черниговской военной авиационной школы пилотов (ЧВАШП) Вечтомов в составе частей ВВС участвовал в боевых действиях на 2-м Прибалтийском фронте. В должности лётчика и старшего лётчика штурмовой авиации летал на самолетах УТ-2, ПО-2, Ил-2. С 1947 г. служил в 15-м гвардейском штурмовом Невском Краснознамённом орденов Суворова и Кутузова авиационном полку, откуда в 1948 году был уволен в запас в звании гвардии лейтенанта. За период 1941–1945 гг. совершил 258 полетов общей продолжительностью более 60 часов. В 1946–1948 гг. совершил еще более 350 тренировочных полетов общей продолжительностью 90 часов (из личной летной книжки А. Д. Вечтомова) [Музей истории Пермского университета. Д. 159].

А. Д. Вечтомов награжден медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооружённых сил СССР», «60 лет Вооружённых сил СССР».

В фондах Музея истории Пермского университета хранятся фотографии, на которых А. Д. Вечтомов среди участников встречи выпускников пермской школы № 21. На обороте одной из фотографий рукой Вечтомова подписано: «10.П.1980 39 лет со времени окончания 10 кл. 21 ср. шк.». Таким образом, документы не содержат точных сведений о том, где и когда Вечтомов закончил школу – в Перми или Свердловске. Возможно лишь предполагать, что, имея уральские корни, до войны семья

Вечтомовых переехала в Пермь, и именно поэтому послевоенная жизнь Анатолия Даниловича была связана с нашим городом.

Сразу после демобилизации в 1948 г. Анатолий Данилович поступил на юридический факультет Молотовского (позднее Пермского) государственного университета, полный курс которого окончил в 1953 г. В характеристике, выданной Вечтому университетом для поступления в аспирантуру, отмечается, что *«успехи в учебе имел преимущественно отличные. Два года назначался на стипендию имени XV-летия ВЛКСМ и один год получал стипендию им. Молотова. В годы учебы принимал активное участие в работе научного студенческого общества. За время пребывания в университете вел общественную работу: был заместителем секретаря комитета ВЛКСМ университета, членом партийного бюро факультета, пропагандистом райкома партии»* [Музей истории Пермского университета. Д. 159].

Начиная с лета 1949 г. Вечтомов принимал участие в работах КАЭ в качестве рабочего, а с 1950 г. – уже в качестве научного сотрудника. Юридические знания и военная дисциплинированность Анатолия были высоко оценены руководителем экспедиции О. Н. Бадером. Согласно архивным документам, с 1952 г. А. Д. Вечтомов официально становится заместителем начальника КАЭ с функциями *«организационного и финансового порядка (организационная подготовка работ, освобождение от построек площади, подлежащей раскопкам на ряде памятников, помощь в подборе кадров, составление смет, оформление документов, сдача работ КамГЭСстрою, расчеты с КамГЭСстроем и Молотовским отделением промбанка и др.)»* (трудовые соглашения от 08.05.1953, от 11.05.1954) [Архив КАЭ]. Вечтомов был также командирован в Москву для согласования договоров на выполнение археологических исследований с руководством организаций, занимавшихся проектированием и строительством водохранилищ. Оформление необходимых документов и их согласование было непростым делом, о чем Анатолий очень подробно пишет Отто Николаевичу в Молотов в письме от 13 декабря 1952 года: *«...Наши дела продвигаются вперед, но очень медленно. Совершенно правильно сказал А. П. Смирнов, что к археологам относятся подчас очень скептически. Так сегодня Александров (главн. инженер отдела Больш. Волги) заявил мне (правда с улыбкой), – “такой молодой, а занимается такими древними, старыми вещами”. Везде один и тот же вопрос от всех инстанций, начиная чуть ли не от секретарши начальников, – “а какое отношение имеет к нам археология?” Час назад был у Левина Василия Андреевича – директора отдела по проектированию Большой Волги Гидроэнерго проекта. Сначала он очень оппозиционно отнесся к вопросу о заключении договора, но после ряда разъяснений он стал разговорчивее и, узнав о том, что нач. экспедиции О. Н. Бадер, мило улыбнулся, просил передать привет. Я поблагодарил, не рискнув поинтересоваться каким образом он знает Вас. В процессе разговора он вспоминал Вас, говорил, что знает и неплохо.*

Итак смету пришлось мне пересоставить на 35645 р., больше они не дают на 1953. Дальше обещают больше. Сейчас Воткинская ГЭС находится на т. называемой проектной стадии, в 1954 – на технической стадии. Составлен проект договора, где один из пунктов гласит – МогГУ обязан представить к 1 августа 1953 г. краткую записку по арх. исследованиям зоны затопления Вотк. ГЭС с указанием объема и стоимости их на последующей стадии для включения этой записки в проектное задание Вотк. ГЭС – т. е. записка на техническую стадию (я полагаю, что она будет на 150 тыс., включая разведки и раскопки) и предварительная для ген. сметы.

Левин отдал распоряжения план. отделу, чтобы они отнесли проект договора юристконсульту для согласования. Вчера я у него был и он забраковал почти весь договор... Боюсь, что придется повозиться с проектом договора...

Отто Николаевич, если сегодня мне удастся все уладить, послезавтра (завтра выходной) отпечатаю, завизирую и отправлю в Молотов на подпись (к Усть-Качкинцеву – пошлю на Ваше имя) Надо, чтобы моментально отправить обратно, т. к. смета и договор нуждаются в утв. М. элек. стан, как и прежде с КамГЭСом. Мне бы очень хотелось дело довести до логического конца, если я уеду, боюсь, что дело уйдет под сукно. Отсюда убедительная просьба продлить мне командировку, а это можно. Моя дипломная вообще в стороне.

Отношение к археологии вообще безобразное. Я хоть и не археолог, но возмущен.

Отто Николаевич, если все удастся (а я думаю, что да), то это гарантирует нам работы в дальнейшем наверняка. Итак, Отто Николаевич, у меня просьба – по получении документов как можно быстрее отправить их обратно и пожалуй самое главное – продление мне командировки ибо, если я и задержусь, то буду заниматься дипломной. Во всяком случае, то что было в моих силах я сделал и делаю и думаю, что убыстрить движение дел никак не возможно...» (Письма О. Н. Бадеру. 96/1952) [Музей истории Пермского университета].

Через год, в 1954 г проблемы организационного характера при получении финансирования не изменились. Из письма Вечтомова Бадеру в Москву, где в тот момент Отто Николаевич находился: *«Как и в предыдущие годы не все благополучно. КамГЭС заключение договора отложил до апреля месяца, объяснив это отсутствием средств в первом квартале. Гидроэнергoproject упорно молчит.*

Недавно из нашего управления при Министерстве культуры пришла бумага с утвержденными лимитами. Сюрприз – дали 400 тыс. руб., которых мы и не просили (нам надо 298,1 тыс. р.). Далее на научный персонал дали 260 тыс. (надо нам 128 тыс. р.), нештатный фонд (на рабочих) дали всего 40 тыс., в то время как мы просили 129 тыс. руб. Кроме этого потребовали высылки дополнительно еще ряд документов. Все выслано было тот час. Написал письмо с просьбой перераспределения средств за счет уменьшения 260 тыс. до 128 тыс. и увел. нештатного фонда. В остальном все идет по-прежнему... Отто Николаевич если будет у Вас время постарайтесь повидать Левина, слишком уж затяжное молчание» (Письма О. Н. Бадеру. 10/1954, 79/1954) [Музей истории Пермского университета].

Отто Николаевич и археология так увлекли Вечтомова, что после окончания юридического факультета он поступил сразу на III курс исторического отделения историко-филологического факультета Молотовского государственного университета, начав специализироваться по археологии. Так, одна из его курсовых работ была подготовлена по теме «Археологическое изучение Верхнего и Среднего Прикамья и его этапы» (III курс, 1954). Дипломная работа А. Д. Вечтомова «Основная археологическая карта СССР. Лист 0-40-98» была защищена в 1956 году. В ней давалась характеристика всех известных памятников археологии в пределах указанного листа карты, а это территории современных Еловского, Частинского и частично Осинского районов Пермского края. Впоследствии дипломная работа была опубликована [Вечтомов, 1960, с. 175–206].

В основе студенческих работ лежали самостоятельные полевые исследования Анатолия Даниловича. Свой первый Открытый лист он получил в 1954 году, еще будучи студентом. Окончив университет, Вечтомов продолжил работать заместителем начальника КАЭ уже под руководством В. А. Оборина, а также вести разведочные исследования и раскопки.

Основной темой научных исследований А. Д. Вечтомова стал период раннего железного века – ананьинская и гляденовские культуры Среднего Прикамья. Эта тема была выбрана не случайно, в ходе разведок Вечтомовым было обнаружено довольно много памятников этого периода. Кроме этого, О. Н. Бадер ранее специально не давал студентам темы по ананьинской культуре, чтобы не повторять уже сделанное А. В. Збруевой [Бадер, 1968, с. 5]. Однако открытие большого количества ананьинских памятников, давших значительный материал, заставило заняться этой темой. Среди исследованных А. Д. Вечтомовым памятников такие известные как Гремячанское поселение-святилище, Половинное поселение, Гляденовское городище-костище, селище Дворцовая Слудка и другие.

Уникальными памятниками ананьинской общности лесного Прикамья являются святилища, и среди них особое место занимает Гремячанское недалеко от г. Осы. Оно исследовалось Вечтомовым большими площадями в 1957–1963 и 1986 гг. На Гремячанском святилище найдены оригинальные жертвенники – вымостки из крупного галечника и песчаных плит. На них располагались черепа и нижние конечности лошадей, медведей, бобров и других животных. Раскопано большое количество очагов, вокруг которых зафиксированы раздробленные кости животных, обломки глиняных сосудов, наконецники стрел, украшения, амулеты, обломки глиняных антропоморфных фигурок и другие предметы [Вечтомов, 1967, с. 145]. Интерес представляют остатки человеческих жертвоприношений. В частности, раскопками Анатолия Даниловича исследованы 4 детских костяка от грудного возраста до 8–10 лет с частично обожженными костями черепа [Коренюк, Мельничук, Черных, 2017, с. 143–164].

В ходе многолетних раскопок получен огромный материал. Только в раскопках 1957–1963 гг. собрано 3760 глиняных сосудов и более 800 особых находок из кости, глины, бронзы и железа. Гремячанское святилище – один из оригинальных памятников Пермского края, традиции которого воплотились позднее в многочисленных костищах гляденовского времени, среди которых самым известным, бесспорно, является Гляденовское.

Гляденовское костище известно с конца XIX в., но после раскопок Н. Н. Новокрещенных считалось полностью исследованным. Активные работы на памятнике возобновились в 1980 г. под руководством А. Д. Вечтомова, когда на верхней площадке городища начали разрабатывать гравийный карьер [Вечтомов, 1981, с. 128]. Им впервые была исследована верхняя площадка городища и фортификационные сооружения. Он разрезал внешний вал городища, заложил небольшой раскоп на верхней площадке. Материалы исследований 1980 г. – это единственные сведения о фортификации с напольной

стороны городища и характере верхней площадки, так как на сегодняшний день они полностью уничтожены карьером. В 1981–1984 гг. Вечтомов проводил исследования на средней площадке, где предполагается костяк [Вечтомов, 1981; Вечтомов, 1982; Вечтомов, 1984; Вечтомов, 1985]. Раскопки дали весьма небольшой материал, в связи с чем исследователь решил, что исследовал не изученные Н. Н. Новокрещенных участки и дальнейшее исследование памятника бесперспективно. Однако важным результатом исследований Анатолия Даниловича явилось то, что им под основным слоем костяка гляденовского времени был выявлен слой с керамикой поздней стадии ананьинской культуры (V–III вв. до н. э.), который в ходе работ Н. Н. Новокрещенных 1896–1897 гг. совершенно не исследовался. А. Д. Вечтомов считал, что нижний культурный слой, располагавшийся повсеместно, был ошибочно сочтен Новокрещенных подстилающим [Вечтомов, 1983, с. 140].

Впоследствии раскопки Гляденовского городища-костяка были продолжены сотрудниками КАЭ и дали новые интересные материалы по топографии, фортификации, датировке и материальной культуре памятника.

В 1964 году Вечтомов поступил в аспирантуру по археологии под руководством В. А. Оборина, но диссертацию на тему «История племен Среднего Прикамья в эпоху раннего железа» так и не защитил.

Материалы, собранные для диссертации, Анатолий Данилович опубликовал в нескольких крупных статьях. Так, в статье «Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья» [Вечтомов, 1967, с. 133–155] он дает несколько отличную от предшествующих исследователей периодизацию памятников (ранний этап – VIII–VI вв. до н. э., средний этап – V–IV вв. до н. э., поздний этап – IV–III вв. до н. э.) с развернутой характеристикой каждого периода (количество известных городищ и селищ, сравнение этого показателя с аналогичным для предшествующего времени, общее описание керамического и вещевого комплексов, характерных для данного этапа). Картографирование приводит автора к идее объединения памятников по пяти группам, за которыми он видит племена. Появление городищ на Средней Каме А. Д. Вечтомов относит к рубежу VI–V вв. до н. э. и связывает этот процесс с развитием родоплеменных отношений, возрастанием военной опасности с юга, развитием хозяйства ананьинцев, отводя главную роль в нём скотоводству и земледелию. Стоит отметить, что завершение территориального обособления среднекамских племенных групп ананьинцев и появление в этом районе городищ совпадают хронологически. Логическим продолжением этой работы стала статья «К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железа» [Вечтомов, 1968, с. 72–86]. В ней А. Д. Вечтомов более подробно останавливается на описании племенных групп ананьинского населения Среднего Прикамья (их территория, количественный и качественный состав памятников по выделенным им ранее этапам, условия для развития хозяйства, степень изученности памятников каждой группы). Предложенный Вечтомовым анализ ананьинских поселений и хозяйственного типа населения Среднего Прикамья является последним на данный момент исследованием социально-экономической структуры ананьинского общества [Дерендяев, 2000, с. 265]. До настоящего времени эти работы Анатолия Даниловича не потеряли своего значения и являются опорными в изучении ананьинской археологической культуры.

В 1958–1960 гг. А. Д. Вечтомов работал начальником учебной части Пермского государственного университета, параллельно один год был старшим преподавателем на юридическом факультете (1958). С 1961 года Анатолий Данилович начал работать преподавателем кафедры истории СССР, впоследствии став ассистентом кафедры. Вечтомов вел семинарские занятия и спецкурсы по древней истории России, руководил курсовыми и дипломными работами.

Все годы работы в университете А. Д. Вечтомов продолжал быть заместителем начальника КАЭ, выполняя организационные функции. После строительства Воткинского водохранилища охранно-спасательные раскопки и разведки отошли на второй план. Основные работы экспедиции середины 1960–1970-х гг. были связаны с научными интересами сотрудников, в рамках которых проводились разведки и раскопки памятников разных периодов по всей Пермской области и Коми-Пермяцкому округу.

На основании Постановлений Правительства, с конца 1970-х гг. в стране с целью повышения эффективности сельского хозяйства стали широко проводиться мелиоративные работы. Благодаря активным действиям Анатолия Даниловича, Пермский университет и КАЭ включились в этот процесс. На территории Пермской области уже с 1981 года по договорам с Пермгидроводхозом на участках проектируемых мелиоративных систем стали проводиться археологические разведки и раскопки. Так, масштабные работы были проведены около Перми в мелиоративной зоне «Красава» на Заосиновских и Заюрчимских поселениях, раскопки проводились в Оханском и других районах. Благодаря сотруд-

ничеству с мелиораторами, после долгого перерыва были проведены масштабные разведочные обследования во многих районах Пермской области, в результате которых открыто значительное количество новых археологических памятников.

Всю жизнь Анатолий Данилович занимался спортом, увлекался легкой атлетикой и лыжами, участвовал в различных соревнованиях, любил ездить на мотоцикле и даже приезжал на нем в экспедицию на Гремячанское святилище.

В последние годы жизни он передавал свой огромный опыт административно-хозяйственной деятельности молодым сотрудникам экспедиции.

Умер Анатолий Данилович Вечтомов 25 февраля 1991 года.

В воспоминаниях коллег и учеников он был человеком с непростым характером, строгим и принципиальным. Как вспоминает Р. Д. Голдина: «...В 1959 г. я впервые увидела и участвовала в раскопках археологического памятника, и это было именно Гремячанское святилище. И с тех пор археология – моя жизнь!»

Перечень разведок и раскопок А. Д. Вечтомова

- 1954 – разведки: Осинский, Частинский, Еловский районы (практика за III курс)
- 1955 – раскопки: Подгремячинское местонахождение (г. Молотов)
- 1956 – раскопки: Мало-Слудское городище, селище «Озерко», стоянка Еловская (Краснокамский, Частинский районы)
- 1957 – раскопки: Гремячанское поселение (Осинский район)
- 1958 – раскопки и разведки: Гремячанское поселение; селища: Плетневское, Лепеталовское, Баской Лог, Першинское (Осинский, Нытвенский, Частинский район)
- 1959 – раскопки: Гремячанское поселение, Вятское селище (Осинский, Верхне-Муллинский районы)
- 1960 – раскопки: Гремячанское поселение (Осинский район)
- 1961 – раскопки: Гремячанское поселение (Осинский район)
- 1962 – раскопки и разведки: Гремячанское поселение, разведка по р. Сидяхе (Осинский район)
- 1963 – раскопки: Гремячанское поселение (Осинский район)
- 1969 – раскопки: Поваренковская стоянка (Чайковский район)
- 1971 – раскопки и разведки: Половинное I поселение (Пермский район)
- 1972 – раскопки: Половинное I поселение (Пермский район)
- 1973 – раскопки: Горюхалихинское городище (Оханский район)
- 1974 – раскопки: Горюхалихинское городище, Половинное I селище (Оханский, Пермский районы)
- 1975 – раскопки: Дворцовая Слудка 1 раскопки (Пермский район)
- 1976 – разведка: по р. Полуденной (Ильинский район)
- 1977 – раскопки: Скородум селище-могильник (Ильинский район)
- 1978 – раскопки: Скородум селище-могильник (Ильинский район)
- 1979 – раскопки: Субботинское I городище (Пермский район)
- 1980 – раскопки: Гляденовское городище-костище (Пермский район)
- 1981 – раскопки: Гляденовское городище-костище (Пермский район)
- 1982 – раскопки: Гляденовское городище-костище (Пермский район)
- 1983 – раскопки: Гляденовское городище-костище (Пермский район)
- 1984 – раскопки: Гляденовское городище-костище, Половинное I селище (Пермский район)
- 1985 – раскопки: Половинное I селище (Пермский район)
- 1986 – раскопки: Гремячанское поселение раскопки (Осинский район)
- 1987 – раскопки: Заосиновское I поселение (Пермский район)

Школьник. 1940

В поле. Студенты В.А. Могильников, А.И. Чистин, В.А. Оборин, А.Д. Вечтомов. 1950-е гг.

“На пути к отрыгиям...”.
На пароходе на раскопки. 1949

На обороте
надпись почерком
О.Н. Бадера
“Толе на память
о яхтенном
путешествии 1955.
О.Б.”

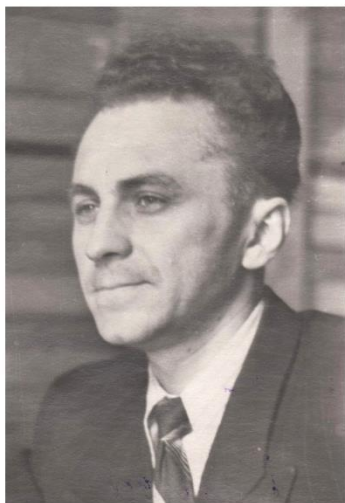

Спортсмен, мотоциклист. 1950-е гг.

Фотографии из фондов Музея истории Пермского университета и архива КАЭ

1950-е гг.

1950-е гг.

В разведке. 1960-е гг.

В разведке. Обед и планирование работы. 1960-е гг.

В.А. Оборин и А.Д. Вечтомов. 1975 г.

А.Д. Вечтомов принимает зачет.
В кабинете археологии ПГУ.
1980-е гг.

А.Д. Вечтомов (в центре первого ряда)
среди участников УПАСК в Перми. 1983

Фотографии из фондов Музея истории Пермского университета и архива КАЭ

Основные опубликованные работы А. Д. Вечтомова

1. Сессия ученого совета историко-филологического факультета, посвященная открытию университетского музея археологии // Ученые записки Молотовского университета. Т. XI, вып. 3. Труды Камской археологической экспедиции. вып. II. Харьков, 1956. С. 133–138.
2. Основная археологическая карта РСФСР, лист 0-40-98 // Ученые записки Пермского университета. 1960. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. вып. III. С. 175–206.
3. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // Вопросы археологии Урала. Вып. 2 (2-е Уральское археологическое совещание при Уральском ун-те, 1–7 февр. 1961 г.). Свердловск, 1962. С. 85–89.
4. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Ученые записки Пермского университета. № 148 (Труды 4-го Уральского археологического совещания). Пермь, 1967. С. 133–155.
5. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железа // Ученые записки Пермского университета. № 191. (Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV). Пермь, 1968. С. 72–86.
6. Поваренкинская стоянка // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 135.
7. Раскопки Половинного I селища // Археологические открытия 1971 года. М., Наука, 1972. С. 187–188.
8. Раскопки первого Половинного поселения // 1-е Поволжское археолого-этнографическое совещание: тезисы. Казань, 1974.
9. Работы Пермского отряда // Археологические открытия 1974 года. М., Наука, 1975. С. 141–142.
10. Археологические памятники Пермской области // Памятники истории и культуры Пермской области: Изд. 2-е. Пермь, 1976. С. 22–42 (в соавторстве с В. А. Обориным, Р. Д. Голдиной, Ю. А. Поляковым).
11. Раскопки Пермского отряда // Археологические открытия 1975 года. М., Наука, 1976. С. 166.
12. Разведка по р. Полуденной в Пермской области // Археологические открытия 1976 года. М., Наука, 1977. С. 135.
13. Раскопки селища и могильника Скородум // Археологические открытия 1977 года. М., Наука, 1978. С. 160.
14. Общественная организация племен Ананьинской культуры Среднего Прикамья // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов на 16-й Всесоюзной конференции финно-угроведов, июнь 1979 г. Сыктывкар, 1979. Ч. 2. С. 79–80.
15. Раскопки Пермского отряда // Археологические открытия 1979 года. М., Наука, 1980. С. 137.
16. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1980 года. М., Наука, 1981. С. 128.
17. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1981 года. М., Наука, 1982. С. 140.
18. Раскопки Гляденовского святилища // Археологические открытия 1982 года. М., Наука, 1984. С. 143–144.
19. Новые исследования Гляденовского костища // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 140.
20. Раскопки Половинного I поселения // Археологические открытия 1985 года. М., Наука, 1987. С. 170–171. (в соавторстве с Н. В. Соболевой).
21. Раскопки Гремячанского поселения // Археологические открытия 1986 года. М., Наука, 1988. С. 163.

О нем:

1. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Задачи археологии: История археологии в Пермском Предуралье // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002. С. 8.
2. Мельничук А. Ф. Вечтомов Анатолий Данилович // Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: Биобиблиографический справочник. Т. 2. Пермь, «Пушка», 2006. С. 79.

Библиографический список

Бадер О. Н. Основные итоги работ Камской археологической экспедиции в 1947–1960 гг. // Ученые записки Пермского университета. № 191. (Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV). Пермь, 1968. С. 3–6.

Вечтомов А. Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Ученые записки Пермского университета. № 148 (Труды 4-го Уральского археологического совещания). Пермь, 1967. С. 133–155.

Вечтомов А. Д. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железа // Ученые записки Пермского университета. № 191 (Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV). Пермь, 1968. С. 72–86.

Вечтомов А. Д. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1980 года. М., Наука, 1981. С. 128.

Вечтомов А. Д. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1981 года. М., Наука, 1982. С. 140.

Вечтомов А. Д. Раскопки Гляденовского святилища // Археологические открытия 1982 года. М., Наука, 1984. С. 143–144.

Вечтомов А. Д. Новые исследования Гляденовского костяка // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 140.

Дерендяев Д. С. Ананьинские поселения Прикамья: основные итоги и перспективы изучения // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. (Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения В. Ф. Генинга). – Ижевск, 2000. С. 263–266.

Кореньюк С. Н., Мельничук А. Ф., Черных Е. М. Человеческие жертвоприношения на ананьинских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья (конец VI–III вв. до н. э.) // Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III международной научной конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 143–164.

Музей истории Пермского университета. Д. 159.

Необработанный архив Камской археологической экспедиции ПГНИУ.

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: «Книжный мир», 2005. 463 с.

ANATOLIY DANILOVICH VECHTOMOV: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTHDAY

S. N. Korenyuk

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
korenyuk_sn@mail.ru

E. V. Chuikina

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
katarina-ch@yandex.ru

The article examines the activities of A. D. Vechtomov, the famous Perm archaeologist (1923–1991). As a student of O. N. Bader, Vechtomov was engaged in the study of the early Iron Age era. He has developed the periodization for the Ananyin culture, he has also justified the territorial distribution of tribal groups of that period and their characteristics. His administrative activity for more than 30 years in the Kama archaeological expedition is of greater importance.

Key words: Vechtomov, Kama Archaeological Expedition, Ananyin culture.

ГАЛИНА ОБОРИНА (1918–1969): ВРЕМЯ, ХУДОЖНИК, ЛИЧНОСТЬ

Т. Д. Шматенок ©

Пермская государственная художественная галерея, 614000, Россия, Пермь, Комсомольский проспект, 4
t.shmatenok@permartmuseum.com

Статья посвящена малоизученному творчеству пермской художницы Г. Ф. Обориной, особенностям художественной жизни Прикамья 1950-х годов. Впервые рассказывается о ее работе в качестве художника в археологических экспедициях под руководством О. Н. Бадера.

Ключевые слова: походы по родному краю как школа профессионального развития; археологические экспедиции О. Н. Бадера в судьбе художницы.

Г. Ф. Оборина – малоизученный и практически забытый художник Перми первого советского поколения, формировавшего художественную культуру края в 1930–1950-е гг. У Галины Федоровны своя – «тихая» – линия жизни и свой вклад в создание культурной среды той эпохи. Многолетняя борьба с болезнью и ранняя смерть в 51 год, ни одной персональной выставки при жизни, ни одного буклета. Сегодня о ее участии в художественной жизни Перми напоминают скромные каталоги коллективных выставок художников Пермской области. В творческой биографии художницы – 11 выставочных лет: 1947–1949; 1951–1957 и 1960 гг. Наиболее активный период приходится на 1950-е годы; тогда в ее творчестве появились пейзажи, отражающие особенности ее мировосприятия, ее поэтическую картину мира.

Первая персональная в Доме художника состоялась в 2005 г. и была организована по инициативе наследников. К выставке был издан небольшой буклет, где впервые были представлены основные факты жизни и деятельности и обозначен общий контур творчества художницы. Тогда же состоялось приобретение ее работ в коллекцию Пермской художественной галереи. В 2008 г. камерная персональная выставка с каталогом прошла в частной галерее «Марис». Выставка в музее Пермского университета (2023) впервые представляет ранние произведения художницы, связанные с работой в археологических экспедициях под руководством О. Н. Бадера. Выставка обращена к истокам творчества Обориной и открывает новую, неизвестную страницу в ее биографии.

Нередко судьба художников складывается так, что их собственная жизнь свидетельствует о времени полнее и разносторонней, чем созданные ими произведения. Таких судеб немало в XX веке. В полной мере это утверждение можно отнести к Галине Обориной. Галина Федоровна родилась в 1918 году в городе Кизеле Пермской области. Она и ее супруг и сокурсник по Пермскому художественному техникуму Петр Оборин – интеллигенты в первом поколении. После четырех лет учебы на декоративном отделении Пермского художественного техникума (1933–1937) Галина получила распределение в Пермский краеведческий музей. В качестве художника она проработала в музее до 1947 года. В 1938 году она выходит замуж, в 1939 рождается дочь, и появляются семейные заботы, требующие много сил и времени. Участвовать на выставках начала с 1947 года; к этому времени ее муж уже несколько лет был членом Пермского отделения Союза художников России. Определенными вехами в ее творческом развитии стали 2 поездки на Всесоюзные творческие дачи: первая – в 1951 году в «Горячий ключ» Краснодарского края, вторая – в 1960 на «Челюскинскую» в Подмосковье.

Выпускники техникума до середины 1950-х годов являлись основной творческой силой, формирующей художественную культуру города и края. Поначалу им не хватало мастерства, общей культуры, кругозора. Большой школой для Галины и художников того поколения на протяжении многих лет стали многочисленные коллективные поездки и походы по родному краю, сплавы по рекам на лодках и плотах. Черно-белые фотографии, выполненные во время путешествий, – важная часть семейных альбомов Обориных, начиная с учебы в техникуме.

По существу, эти поездки служили для художников своеобразными творческими дачами местного значения. При дефиците культурных событий и художественных впечатлений событиями становились сами поездки и тесное общение с друзьями-художниками, чего в этих поездках хватало с избытком. В те времена отношения между людьми были не столь рациональными и внешними, человеческое общение считалось ценностью; оно способствовало самопознанию и формированию культур-

ной среды, что для того времени было важной социальной задачей. Поездки компенсировали недостаток впечатлений, развивали и обогащали эмоционально, помогали познавать суровый и разнообразный ландшафт Прикамья, впечатляющий удивительным многоводьем, мощью девственных лесов, сочетанием равнинных пространств и горных увалов.

Природа была для них и предметом изображения, и идеалом. Вечная природа позволяет человеку жить одновременно и в настоящем, и в прошлом, осуществляя единство духовной жизни. А жанр пейзажа в силу своей специфики способствовал опосредованной глубинной связи человека с историей места, воплощал полноту бытия и был носителем гармонии, недостающей в реальности.

Постоянная работа на пленэре развивала непосредственное эмоционально-чувственное восприятие, выявляя и подчеркивая «органическую природность и ...могучую естественность русской души... ее витальную силу», как в начале XX века определил характерную черту русского искусства наш земляк Сергей Дягилев. Пейзаж как своеобразный инструмент познания оказался ведущим жанром в творчестве пермских художников. Галина Федоровна не была исключением. Она обращалась ко многим жанрам: натюрморту, картине и даже портрету. Но свое негромкое слово она сказала именно в пейзаже, самом эмоциональном жанре живописи. Правда, путь к авторскому искусству был небыстрым и непростым.

В довоенное время выпускники художественного техникума были востребованы прежде всего как оформители. О творческой работе можно было только мечтать. В редакциях газет и журналов художники иллюстрировали материалы, то есть исполняли то, что позднее стали делать фотографы. В краеведческом музее от Галины Федоровны также не требовалось создания авторских произведений. Работа над панно-реконструкциями, участие в археологических экспедициях под руководством О. Н. Бадера должны были стать очередным исполнительским заданием молодой художницы. Но благодаря этому заданию состоялось личное знакомство и профессиональное сотрудничество с Отто Николаевичем, которое перешло в глубокую искреннюю дружбу, о чем свидетельствует их переписка длиной в 24 года (1945–1969).

В научно-ведомственном архиве Пермской государственной художественной галереи хранится 56 писем, открыток и почтовых карточек Отто Николаевича Галине Федоровне и 3 письма ее мужу и дочери – Петру Артемьевичу и Елене Петровне Обориным. Из писем Галины Федоровны известно только одно, последнее, написанное за несколько дней до ее смерти. Это письмо было передано Отто Николаевичем семье художницы. В любой переписке личности автора и адресата отражаются и «высвечиваются» в письмах друг друга, проливая свет и на их отношения, и на нравы эпохи. Письма О. Н. Бадера неизвестной пермской художнице Г. Ф. Обориной – замечательный человеческий документ времени, требующий отдельной научной статьи или даже отдельного издания с комментариями. Предлагаемая статья лишь касается этой истории.

В письмах ощущается время романтического отношения к науке и музеям, раскрывается внутренний мир людей, нуждающихся в других, в диалоге, для которых общение – одна из подлинных радостей жизни. Письма проливают свет не только на характер индивидуально-личностных отношений, но и позволяют посмотреть на этот вопрос в более широком контексте: как на отношение столичной интеллигенции к провинции.

Все послания Отто Николаевича проникнуты искренней заинтересованностью в делах и судьбе своего адресата, не ослабевающим с годами желанием помочь в работе, поддержать творческую жилку, особенно когда художница заболела. Удивляет в этой истории необыкновенно внимательное, даже трепетное отношение столичного ученого к начинающей провинциальной художнице, которая так и не стала членом Союза художников России. В этом историческом контексте вспоминается еще одна пермская история советского периода, начавшаяся чуть раньше (1925–1960): многолетнее общение и переписка И. Э. Грабаря и собирателя основных коллекций Пермской галереи Н. Н. Серебренникова. Академик Грабарь давал ответ на каждое письмо молодого пермского музейщика, писал рецензии на все издания галереи, помог исследовать и издать книгу «Пермская деревянная скульптура». Поражает доверие и непоказное уважение больших ученых к провинциальным деятелям культуры, особенно в сравнении с сегодняшним тотальным потребительским отношением ко всему.

В обоих случаях местом, объединяющим интересы, становится музей, где музейное строительство активно пересекалось с наукой. Галина Федоровна вначале как сотрудница музея, а затем как член экспедиций под руководством О. Н. Бадера, оказалась одним из участников этого процесса взаимодействия. В 1947 году в качестве художника она едет в первую археологическую экспедицию на Чусовую; затем следуют поездки в 1949, 1955 и 1956 гг. Работы, связанные с экспедициями, попадут в музей

Пермского университета и в фонды кабинета археологии. Копии панно-реконструкций станут достоянием краеведческих музеев Перми, Нижнего Тагила и Кирова.

О первом задании художницы узнаем из письма Отто Николаевича, датированного осенью 1945 г. Создание панно-реконструкции, видимо, оказалось для художницы непростым, и Бадер пишет ей удивительное письмо. В это время он живет в Нижнем Тагиле, и, скорее всего, они еще не были знакомы лично. Письмо не имеет конверта, вероятно, оно было передано с какой-либо оказией. В письме всего одна рабочая фраза: *«Галине Федоровне для настроения при работе над панно-реконструкцией Полуденской неолитической стоянки»*. А далее на двух листах бумаги с обеих сторон излагается собственный стихотворный текст под названием «На Полуденке». У текста повествовательная стилистика, образный язык, особый замедленный ритм, будто преодолевающий сопротивление, что ощущается уже в первом четверостишии:

*«Пылает зарево багряного заката.
Синеют теневые склоны гор;
Лишь позади еще из пурпура и злата
Осенний лес сплетает рдеющий узор».*

Пейзажные мотивы в тексте конкретны и осязательны, что вместе с насыщенной цветовой палитрой классической поэзии – багряный закат, синева, пурпур и золото – делают образы узнаваемыми и призваны помочь художнице в создании визуального образа. Обычные рекомендации методического характера вылились в развернутое поэтическое высказывание. В этом видится не только очевидное желание профессионала помочь неопытному исполнителю. Использование стихотворной формы воспринимается как романтическая жажда художественных откровений самого Бадера, желающего в понятной словесно-образной форме способствовать популяризации труда археологов. В нем заговорил ученый-просветитель.

У дотошной художницы, однако, возникали вопросы. В письме от 27 сентября 1946 года Отто Николаевич отвечает на один из них: *«Должен разочаровать Вас: я ничего не могу сказать о костюме шамана. Но когда приеду, помогу Вам определить его, обещаю»*. Здесь же – ставшее обязательным для многих писем лирическое отступление, связанное с природой и погодой и описанием своих эмоциональных переживаний. В упомянутом письме он радуется наступлению осени и цитирует любимые строчки из стихов Ф. И. Тютчева, а в конце спрашивает: *«Хорошо?»*. Не забывает о работе, завершая письмо краткой фразой: *«Очень благодарю, что спешите с панорамой»*.

Судя по письмам, любимым сезоном Бадера была весна, он уже в январе замечал приметы ее наступления. В письме от 20 января 1957 года он пишет: *«Уже сейчас, сегодня краски предвесенние. Скоро февраль, первый предвестник северной весны, когда образуются сосульки под крышами и по утрам начинают кричать на опушках зайцы. Вот Вам февраль»*. И далее помещает свое стихотворение, посвященное февралю:

*«Опять засинели вечерние дали,
Опять зарядили ночами метели.
Лучи на морозе горячими стали,
И вновь заблестели на солнце капли.
В дни первых, несмелых весенних напутствий
Я весь проникаюсь томленьем предчувствий.
Но самое счастье – венец наслажденья,
А трепет и радость его предвещенья.
И снова, как много назад тому весен,
На сердце рождаются контуры песен,
Заветные струны глубоко запели.
И легкие рифмы в уме зазвенели».*

Его эмоциональному тону и темпераменту оказалась близка лирическая саврасовско-грабаревская традиция в восприятии природы, а в ней – переходные состояния от зимы к весне. Правда, весна у Бадера более мажорная, чем у Саврасова: надежда, что тепло наступит и преобразит жизнь к лучшему, его не покидает. В этом плане его «Февраль» с фанфарными интонациями близок «Февральской лазури» И. Э. Грабара.

Далее, без всякого перехода Отто Николаевич формулирует очередное задание: *«Очень прошу Вас срочно нарисовать мне для книжки тушью картину Петра Артемьевича «Из тьмы тысячелетий» и передать Вл. Оборину. Она висит в университете»*. После этой фразы, опять же без всякого перехода излагает стихотворение «Март».

*«Опять всю ночь проплакала метель,
И мечется с утра неистово поземка.
И ветер леденит, свистя в свою свирель
В трубе и в проводах – залиvisto и тонко.
Но больше не вселить им гложущей тоски
В мою ожившую, проснувшуюся душу!
Мой взор сегодня рвется от земли
К лазури, на простор, из хмурых туч – наружу.
Смирись, зима! Рассеяв облака,
Уж небо улыбается улыбкой голубою;
Его эмаль ласкает глубиной,
И красками согрелись вечера».*
Завершается стихотворение следующими строками:
*«Какая магнетическая сила
В твоих опять задумчивых глазах!
И сердцу вспоминается, что было
Заветного в промчавшихся годах...
О, эти первые движения весны
Все так же несравненно хороши!
Опять, как прежде, душу мне чаруют,
И снова радуют и глубоко волнуют!
Вот Вам к моему старому “Февралю” не менее старый “Март”».*

Болезнь в это время постоянно давала о себе знать, и стихотворения – бодрые и жизнеутверждающие – были отправлены для эмоциональной и психологической поддержки Галины Федоровны. Но главное заключается в том, что Отто Николаевич уже давно понял и высоко оценил чуткую и отзывчивую душу художницы, ее готовность внимать другому и познавать новое. Поэзия была пространством не бытового, а глубокого душевного общения, эмоционально и психологически расширяла рамки общения, обогащала мировосприятие.

В письмах 1960-х годов все чаще обсуждается тема здоровья. Подлинное, не показное беспокойство становится лейтмотивом многих писем этого десятилетия. Так, в письме от 3 мая 1961 г., читаем: *«Милая, хорошая Галина Федоровна! Очень обрадовало меня Ваше сегодняшнее письмо. Вы уже дома и самостоятельно пишете. Теперь с Вашим мужественным характером победа над болезнью обеспечена. Будете и рисовать, и ездить по чудесным местам. **Мы с Вами поедем непременно на Южный Урал – это очень красивая страна.** А пока поезжайте в деревню, там будет солнце и забота близких людей».*

Через месяц в письме от 9 июня 1961 г. он погружает ее в семейные новости, делится своими планами, расспрашивает о пермских делах: *«Дорогая Галина Федоровна! Мария Александровна вчера уехала на Ю. Урал в Челябинскую область копать пещеру, и врачи ее отпустили. И мы с Колей тоже отпустили. Я еду 12-го во Владимир на Сунгирь дней на семь. Громов уже уехал туда со своей Ириной Васильевной, которая и мне будет варить-парить. А числа 1 июля уеду на 2 месяца в Капову пещеру в Башкирию. У меня сейчас выходят одна за другой большие работы. Только вот чувашская, кажется, окончательно пропала. Буду двигать ее по Академии. Напишите непременно поскорее о себе и своих. Что делает Петр Артемьевич? Кончил ли он что-либо существенное? Что Лена? Ваш старый друг О. Бадер».*

Письмо от 4 сентября 1961 г. он пишет уже от всего своего семейства: *«Милая, хорошая наша Галочка! Мы очень озабочены Вашим последним письмом и желаем Вам твердости и воли скорее преодолеть очередной кризис и снова встать на ноги. Знайте, Галина Федоровна, что мы с Вами, часто о Вас думаем и даже строим планы на будущее, совместные поездки».*

Отто Николаевич находил время писать из экспедиций. Письмо от 12 августа 1962 г. он пишет во время работы в Каповой пещере: *«Милая Галочка, Вы моя хорошая, верная душа! Получил в пещере ваше первое письмо и очень обрадовался. Берегите себя, будьте осторожны и внимательны к своему здоровью. Это невозвратимое богатство. **Вы как художница научили меня лучше видеть и чувствовать краски, и когда я вижу их, почти всегда вспоминаю Вас.**»*

Тема здоровья будет и дальше оставаться в письмах на первом плане, но все чаще Отто Николаевич начинает вспоминать Урал, художницу Галину Федоровну, открывшую ему глаза на специфику языка живописи. В Москве семейству Бадеров об уральской жизни напоминали работы Галины Федоровны. Так, в письме от 11 июня 1962 г., сообщая о своем возвращении из туристической поездки по

Онежскому и Ладожскому озерам, он пишет: *«Милая, хорошая наша Галочка! Мы оба рады снова оказаться в своих уютных комнатках. Я уже писал Вам, что основное их украшение – Ваши картины. Все наши знакомые считают их очень хорошими, для нас же тройне хороши, так как они Ваши, и напоминают нам наше недавнее пермское прошлое и знакомые по воспоминаниям места. Лично у меня, несмотря на все трудности и неприятности, осталось о 9 годах в Перми очень теплое и светлое воспоминание. Всегда Ваш О. Бадер».*

Галина Федоровна оказалась учителем не только в отношении живописи и красок, но и примером сильной духом личности, о чем Отто Николаевич пишет в письме от 1 октября 1962 г.: *«Милая, хорошая Галочка! Пишите нам почаще, мы всегда читаем Ваши письма вслух, независимо от того, кому оно адресовано. Вы чудесный, мужественный человек, Галочка, я очень уважаю Вас за это и хотел бы быть таким же. Только бодрый дух может побеждать трудные хвори... К Москве после кра-сот Урала трудно привыкнуть. Буду стараться хоть по вечерам выезжать за город. Почти всегда, видя красоту природы, вспоминаю художника Г. Ф. Оборину, которая научила меня видеть краски... Спасибо ей за это. Спасибо ей и за многочисленные этюды, украшающие нашу квартиру. Они напоминают нам и о чудесной Каме, которую даже Мария Александровна никак не может вычеркнуть из своей жизни».*

Удивительные рекомендации, стимулирующие силу духа и настраивающие на творчество, Отто Николаевич формулирует в письме от 29 мая 1966 г.: *«Хорошая Галина Федоровна! Посылаю Вам 4 цветных кадра. Можете оставить их себе. Это Усьва, река у Столбов. Вы должны все время ощущать, что вокруг нас раскинулся огромный, прекрасный мир. Будьте здоровы, здоровейте с каждым годом, чтобы снова обрести свободу для овладения этим миром».*

Галине Федоровне повезло оказаться в кругу крупных ученых и незаурядных личностей, и просто добрых людей. Помимо Бадера, живые чувства и память о ней сохранял известный геолог и палеонтолог В. И. Громов, о чем свидетельствует скромная почтовая карточка, отправленная художнице 4 сентября 1966 года из города Львова. Судя по тексту, карточка была отправлена во время стоянки поезда: *«Дорогая Галина Федоровна! Едем с В. И. Грозовым в Будапешт и вспомнили про Вас. Желаем Вам здоровья и хорошего будущего. Может быть, еще поработаем все трое вместе. Всегда Ваши В. Громов, О. Бадер».*

А через несколько месяцев Отто Николаевич, оставшись в одиночестве после смерти жены, вновь оглядывается на пермский период жизни и погружается в дорогие его душе воспоминания. Особое пристрастное чувство он испытывает к произведениям Галины Федоровны, украшающим его квартиру, о чем он вновь пишет в письме от 29 января 1967 г. И по привычке дотошно обозначает «топографию» размещения работ в квартире: *«Милая Галина Федоровна! Как-то Вы там, на далеком Урале? Мне приятно смотреть на ваши этюды, украшающие мои комнаты. В большой комнате у меня висят Ваши большие: мой кабинет (который Вам не нравится. Вы недовольны им, но мне он дорог) и моя постель у окна с букетом желтых цветов на тумбочке... Здесь же раннее утро на Каме у Частинской валежни с палаткой, костром, яхтой со спущенными парусами и туманом над рекой. Здесь же этюд, нарисованный у Турбина, против Галкинского городища и рисунок домика в Заозерье, и стоянка у Забойной, и рисунок с фотографии (я на берегу Камы сижу на земле и пишу книжку) и один этюд Петра Артемьевича... и 1 этюд Мотовилова. В коридоре над дверью висит Ваше небольшое панно «Турбинский могильник». А в кухне, где у нас стоит телевизор, около него – этюд, нарисованный в пойме Камы на пути из Заозерья к Заозерной стоянке. Он очень удачный. Так что Урал в искусстве царит в моей берлоге». По описанию, квартиру Бадеров украшали работы, связанные только с экспедициями. Исключением является одна крупная акварель с изображением интерьера кабинета Отто Николаевича в Молотове.*

В отсутствие писем Галины Федоровны художественными документами, свидетельствующими о характере ее восприятия личности Отто Николаевича, можно считать данную акварель и выполненный ею портрет Бадера. Само желание написать кабинет говорит о глубоком уважении к ученому, желании передать атмосферу кабинета, рассказать об образе жизни, прикоснуться к его внутреннему миру.

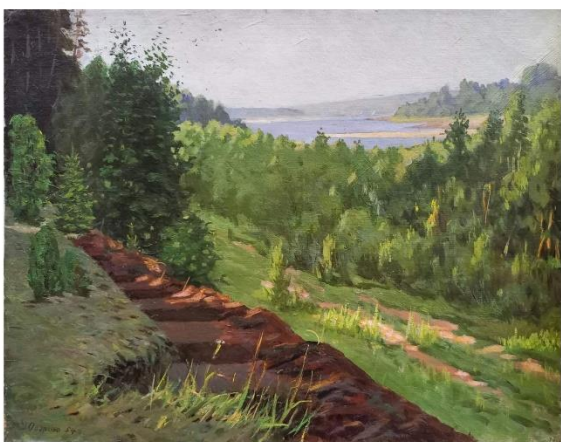
Небольшая комната полна света и воздуха, от нее веет дыханием жизни. Кажется, что художница испытывает радость от соприкосновения кисти с самыми простыми вещами. За этим не только светлое позитивное мировосприятие автора, но **признательность и благодарность наставнику и другу, который на протяжении многих лет вселял в нее уверенность в своих силах, просвещал, помогал быть собой и не останавливаться в движении.** Акварель зрелищна, в отличие от его портрета, внешне простого и немногословного, как документ.

*Галина Федоровна Оборина на пленере.
1940-е гг.*

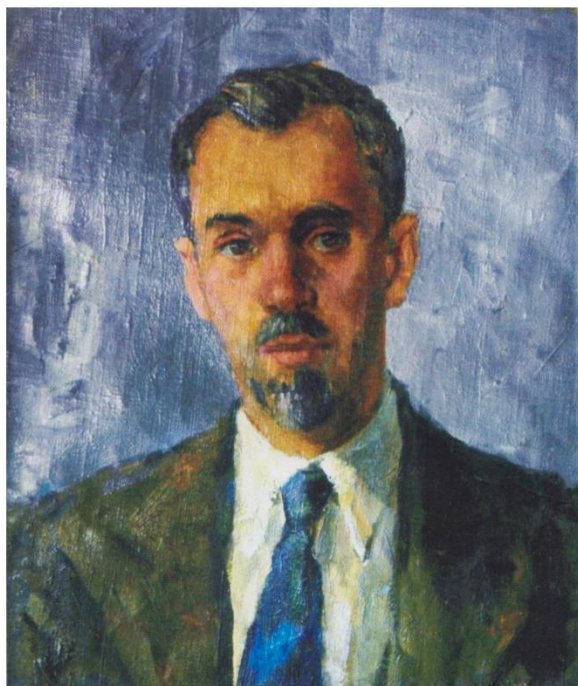
*Галина Федоровна Оборина на пленере.
1940-1950-е гг. (видна яхта О.Н. Бадера "Биармия")*

Г.Ф. Оборина. Заозерская стоянка. 1954 г.

Г.Ф. Оборина. Скородумский могильник. 1953 г.

Г.Ф. Оборина. Портрет О.Н. Бадера. после 1945 года

Г.Ф. Оборина. Интерьер квартиры О.Н. Бадера в Молотове

Из фондов Музея истории Пермского университета, Камской археологической экспедиции ПГНИУ, семейных архивов Обориных и Бадеров

Камерный по интонациям, с долей психологизма, он глубоко содержателен. Портрет не датирован, не сохранилось ни набросков, ни этюдов к нему. Скорее всего, он писался художницей по памяти и по фотографиям. Писать портрет с натуры в экспедиции вряд ли было возможно. Представить, что он нашел время для позирования в городе, также сложно. Характер художественного языка портрета, лишенный непосредственности восприятия модели, работает на подтверждение этой версии. Отто Николаевич изображен в фас, в статичной позе. Художница убедительно передает портретное сходство, выразительные черты лица и пристальный взгляд думающего человека. Его открытый взгляд не столько задает вопросы окружающему миру, сколько направлен внутрь себя, акцентируя постоянную внутреннюю сосредоточенность. В его грустных глазах есть что-то глубоко затаенное. Вряд ли художница писала портрет для публики. Скорее всего, он написан для себя – как исполнение нравственного обязательства перед памятью. В наследии художницы оказалось всего два портрета: автопортрет и портрет Бадера, написанные свободно и убедительно. Развернуть свой талант в полную силу ей не удалось.

Последнее письмо Бадера, датированное 12 декабря 1970 г. обращено к мужу и дочери Галины Федоровны. Он благодарит Обориных за память, а дочери советует хоть в одной экспедиции заменить Галину Федоровну.

Сегодня представляются интересным обратиться не только к произведениям зрелого периода, но и к работам ранним, выполненным в экспедициях. Среди них много работ спонтанного характера, в которых не сразу улавливаешь художественную задачу. В композиции «Река Мулянка» 1947 г., с которого начинается выставочная деятельность, она стремится передать самое общее впечатление от равнинного ландшафта. В нем нет деталей, отсутствуют какие-либо акценты, что создает образ неформальной стихии. Тем не менее замечаешь, что в композиции есть своя структура, своя иконография, которая будет повторяться: доминирование в композиции земли, подчеркивание далекого горизонта, обозначение легкими штрихами-знаками характера ландшафта и растительности, линии речной поймы, даже если вода не изображается. Иными словами, автор раскрывает топографию места, художественность пока не стала главной задачей.

Построению композиции она училась по чусовским пейзажам нашего земляка, художника академического направления П. П. Верещагина. Некоторые работы Обориной напоминают образы большого знатока уральской природы А. К. Денисова-Уральского. Так, в мотиве заболоченного лесного уголка, взятого крупным планом, она акцентирует внимание на взаимодействии природных стихий (земли, воды и растительности) и бесконечности жизненных процессов в природе. Таким образом, думается, она иносказательно передает движение исторического времени. Лейтмотив ранних пейзажей можно определить как пафос становления природного мира, в чем видится опосредованное влияние работы с археологами.

Галине Федоровне была дана глубокая, отзывчивая жизнь чувства, высоко ценимая Отто Николаевичем. Органике художницы оказалось присуще необыкновенно доверительное, интимное чувство родной природы, что не мешало ей передавать ее просторы. Мотивы пейзажей 1950-х годов просты и узнаваемы: уголок леса, берег реки, высокое небо в знойный день, стадо коров на лесном спуске, гуси у реки, поле ржи, с которого открывается вид на Каму, берега Чусовой с выходом древних пород. Несмотря на этюдный характер большинства пейзажей, они по-картинному содержательны.

Одним из важных средств выразительности пейзажей Обориной является свет. Источаясь с небес, свет словно освящает землю и весь окружающий мир. Он бликует на водной поверхности, отражается на снегу, проникает в отдаленные уголки лесных зарослей, преображая ландшафт. Свет объединяет композицию и служит важным средством одухотворения образов.

Живописный дар позволил ей в лучших пейзажах добиться целостного впечатления и создать образы, демонстрирующие мудрое устройство мира, где все соподчинено друг другу и гармонично сосуществует. Пейзажи привлекают эмоциональной аурой, в которой преобладают ноты гармонии и умиротворения. Эффект умиротворения и всеохватной солнечности некоторых работ вызывает в памяти образы, построенные на основе центральной мифологемы советской культуры первой половины XX в. под названием «светлый путь». На своем пути, ведущем к свету, Галина Федоровна имела надежный ориентир – яркую личность О. Н. Бадера.

Работы Галины Федоровны в богатстве своей эмоциональной отдачи, искренности и оптимизма сродни песенной лирике 1940–1950-х гг. Подлинность произведений обеспечена «золотым запасом» лично пережитых душевных волнений. Современный любознательный зритель сможет открыть для себя в ее работах немало ценностей – этических и эстетических, выношенных и подтвержденных всем жизненным опытом и образом жизни.

Библиографический список

Галина Оборина. Буклет выставки. Живопись, рисунок. / Автор-составитель и автор вступительной статьи Т. Д. Шматенок. Пермь, 2005.

Галина Оборина. Каталог выставки. / Автор-составитель В. В. Зубков. Автор вступительной статьи О. В. Власова. Пермь, 2008.

Научно-ведомственный архив Пермской государственной художественной галереи (далее - НВА ПГХГ). Ф. 2. Фонд Г. Ф. и П. А. Обориных.

GALINA OBORINA (1918–1969): THE TIME, AN ARTIST, THE PERSONALITY

T. D. Shmatyonok

Perm State Art Gallery, Komsomolsky Prospekt, b.4, 614000, Perm, Russia

t.shmatenok@permartmuseum.com

The article is devoted to the poorly explored work of G. F. Oborina, the artist from Perm and to the peculiarities of artistic fields in the Kama region in the 1950s. For the first time it tells about her work as an artist in archaeological expeditions led by O. N. Bader.

Key words: hiking along native region as a school of professional development; O. N. Bader's archaeological expeditions and their role in the artist's life.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

УДК 902/904(470.43)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ОРУДИЙ И ОРУЖИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В. И. Афанасьев [©]

Самарский государственный социально-педагогический университет,
443090, Россия, Самара, ул. Максима Горького, 65/67;
ООО Археологическая реставрационная компания «Техстройпроект»,
115035, Россия, Москва, ул. Садовническая, 67с1
avankl@mail.ru

История изучения металла срубной культуры в Самарском Поволжье насчитывает более ста лет и продолжается по настоящее время. Работа базируется на опубликованных материалах и материалах отчетов о раскопках срубной культуры Самарского Поволжья. Учтено около 170 металлических орудий и единиц оружия. Проводится сжатый историографический обзор металлических орудий и оружия срубной культуры в Самарском Поволжье. Анализируются три периода их изучения: первый период с 1920 г. по 1938 г., второй период с 1950 г. по 1991 г., третий период с 1992 г. по настоящее время. Источниками для подготовки данной работы послужили публикации материалов памятников срубной культуры Самарского Поволжья.

Ключевые слова: Поздний бронзовый век, срубная культура, Самарское Поволжье, металл, орудие, оружие, историография.

Первый период изучения металлических орудий и оружия срубной культуры в Самарском Поволжье охватывает временной промежуток с начала археологических исследований в 1920 г. под руководством В. В. Гольмстен и завершается исследовательскими работами, проводимыми А. В. Збруевой в 1938 г. В данном временном интервале происходит накопление исследуемого археологического материала и источников, в том числе металлических орудий и оружия [Васильев, 2010, с. 64]. Впервые с 1921 по 1929 г. планомерные исследования Самарской губернии проводит В. В. Гольмстен. Ею была разработана методика полевых работ для сплошного обследования территории, создана археологическая карта с нанесением около 1200 памятников, а полученные коллекции переданы в музей [Иванушкина, Кабытов, 2011, с. 227–228]. Среди других памятников была открыта курганная группа «Гвардейцы», курганный могильник Кротовка, были обнаружены ножи [Матвеева, Скарбовенко, 1976, с. 147–173; Кузьмина, 1979, с. 86–98; Мышкин, Турецкий, 2012, с. 233–240; Крамарев и др., 2002, с. 101–121]. В 1938 г. А. В. Збруева исследует курганный могильник Царев Курган [Збруева, Смирнов, 1939, с. 192–202; Черных, Корневский, 1976, с. 201–208]. Найдены топор, ножи, тесла, серпы, долото. Количество металлических предметов, найденных в первый период изучения невелико, нами учтены: 1 топор, 6 ножей, 2 тесла, 3 серпа, 1 долото.

Второй период начинается в 1950-е гг. с крупномасштабных работ в Среднем Поволжье в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Исследования проводились Куйбышевской археологической экспедицией под руководством А. П. Смирнова. Исследованы памятники Хрящевка, Ягодное I и одиночный курган Ягодное, Комаровское поселение у Моечного озера и Комаровский курган № 5 [Мерперт, 1954, с. 39–156; 1958, с. 45–156; Алихова, 1958, с. 157–160, с. 180]. Памятники охарактеризованы с позиции срубной культуры. Выделяется ранний (покровский) этап срубной культуры и классический (развитой) [Мерперт, 1954, с. 39–156; Семенова, 2000, с. 152–208]. Наряду с погребальными, впервые

были исследованы поселенческие памятники. Орудия и оружие представлены секачом, ножами, шильями, иглами, обломком серпа, багром, теслом, косторезным инструментом, дротиком. По результатам исследований орудий и оружия с применением спектрального анализа изделия были отнесены к середине II тыс. до н. э.

В 1969 г. был открыт КГУ, экспедиция которого под руководством Г. И. Матвеевой приняла участие в работе САЭ. Позднее к этой работе присоединился КГПИ под руководством И. Б. Васильева. Проводятся охранно-спасательные работы в зоне строительства Тольяттинской оросительной системы. Проводились масштабные исследования бассейнов реки Самары, Сок, Кондурчи, Усы. Были исследованы памятники: Михайло-Овсянка, Лузановка, Гвардейцы I, II, Утевка I, III, Владимировский I, Подстепки I, Хрящевский I, Луначарский, Осинки I, Подстепки II, Преполовенка I, Новопавловка, Белозерки, Золотая Нива I-II и одиночный курган Золотая Нива III, Песочное I, Волчанка, Подстепки III, Шигонский I, Селище Шигоны I, Новинки II, Чулпан I, Нижнеозерецкий IV, Кряж I-III. Поселение Григорьевка I, Красноселки I, Красноселки II и одиночный курган Красноселки. [Васильев, 2010, с. 64–86]. Впервые было выявлено и исследовано И. Б. Васильевым горнорудное проявление срубной культуры Михайло-Овсянка. В дальнейшем Г. И. Матвеевой исследован как комплекс по получению и производству медной руды. Таким образом, за второй период значительно увеличилась источниковая база. Материалы, выявленные на территории Куйбышевской области, нашли отражение в обобщающих работах [Черных, 1970, с. 53–69; Черных, Кузьминых, 1989, с. 37–131; Халиков, 1969, с. 209–239]. Из орудий и оружия были найдены ножи, иглы, кинжалы, иглы, шилья, обкладки, долота, рыболовные крючки, наконечник копья. Эти материалы нашли отражения в обобщающих трудах. В данной работе учтены металлические предметы, полученные во второй период изучения: 1 секач, 1 серп, 2 топора, 34 ножа, 18 игл, 21 шило, 4 кинжала, 1 багор, 1 тесло, 1 косторезный инструмент, 3 обкладки/вставки, 1 стрекало, 2 долота, 2 рыболовных крючка, 1 зубильце, 1 наконечник копья.

Третий период начинается с 1992 г. и продолжается по настоящее время. Изучение памятников срубной культуры продолжается. Ведутся междисциплинарные исследования. Помимо университетских и музейных археологических экспедиций появляются коммерческие организации, занимающиеся хоздоговорными (охранными) раскопками. В целом это привело к ускоренному накоплению источников [Колев, Мышкин, 1999, с. 142–152; Барынкин, Сташенков, 1999, с. 231–242; Крамарев и др., 2002, с. 101–121; Кузьмина и др., 2003, с. 217–260; Багаутдинов и др., 2004, с. 223–238; Мышкин, Турецкий, 2006, с. 314–334; Васильева и др., 2008, с. 58–102; Лифанов, Ломейко, 2012, с. 158–178; Скарбовенко, Ломейко, 2012, с. 179–197; Колев, Мышкин, 2014, с. 192–210; Васильева, Кулакова, 2017, с. 11–12; Васильева, 2020, с. 195–196, 245–246]. Были исследованы курганные могильники: Спиридоновка II, Рождественский I, Осиновка II, одиночный курган Крутенький II, Чувашское Эштебенкино I, Верхний Сускан I, одиночный курган Красный Октябрь I, группа курганных могильников Гвардейцы, Спиридоновка II, Кривая Лука I, Уваровка II, Селище Сачково Озеро, Лузановка, Михайло-Овсянка, Кибит I-III, Заплавное I, Владимировка I, Новые Ключи III, Степановка III, Селище Елховка II, Березовский II, Федоровское селище, Садгород IV, Борма II, Селище Мамыково I, Светлое Поле II, Селище Кряж I, Надеждино II, Покровская площадка II, Малячкино III, IV. Материалы, найденные на территории Самарской области, нашли отражение в публикациях и обобщающих трудах [Бочкарев, 2002, с. 46–68; Цимиданов, 2004, с. 28–69; Купцова, Лыганов, 2021, с. 368–394]. Были найдены топоры, ножи, кинжалы, иглы, стрекало, зубильце, шилья, рыболовные крючки, серпы. Учеными уточняется хронология этапов срубной культуры. Примерное количество металлических предметов, найденных в продолжении третьего периода изучения, составило: 3 топора, 34 ножа, 1 кинжал, 7 игл, 1 стрекало, 1 зубильце, 14 шильев, 1 рыболовный крючок, 4 серпа, 3 вставки/обкладки.

Подводя итоги, следует отметить, что начало изучения металлических орудий и оружия срубной культуры в Самарском Поволжье приходится на начало 1920-х гг. и связано с деятельностью В. В. Гольмстен, впервые открывшей памятники срубной культуры. Были получены первые изделия. А. В. Збруевой был впервые исследован Царев Курган. Второй период приходится на охранно-спасательные работы, проходившие под руководством Н. Я. Мерперта, А. П. Смирнова. В этот период была сформирована обширная источниковая база (в том числе металлических изделий), существенно дополнена карта распространения памятников срубной культуры. Металлический инвентарь анализируется в специальных и обобщающих работах. В течение третьего периода проводятся активные научные и охранно-спасательные работы, расширяется источниковая база, уточняется хронология срубной культуры. Преобладающей категорией металлического инвентаря остаются ножи, шилья и иглы.

Библиографический список

- Алихова А. Е. Комаровское поселение у Моечного Озера // МИА. № 61. М., Изд-во АН СССР, 1958. С. 157–180.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Крамарев А. И. Краснооктябрьский I одиночный курган // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Изд-во СамГУ, 2004. С. 223–238.
- Барынкин П. П., Сташенков Д. А. Раскопки курганного могильника Кривая Лука // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара: Изд-во ООО НТЦ, 1999. С. 231–242.
- Бочкарев В. С. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Изд-во «Рухият». 2002. с. 46–68.
- Васильев И. Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. 15. Самара: Изд-во СОИКМ им. П. В. Алабина, 2010. С. 64–86.
- Васильева И. Н., Козин Е. В., Кулакова Л. С., Салугина Н. П. Поселение Сачково озеро // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 58–102.
- Васильева И. Н. Лузановка, курганный могильник, селище I // Культурное наследие Самарской области. Том 2. Объекты археологического наследия. Самара: Изд-во СГТУ, 2020. С. 195–196.
- Васильева И. Н. Федоровское селище, группа курганных могильников // Культурное наследие Самарской области. Том 2. Объекты археологического наследия. Самара: Изд-во СГТУ, 2020. С. 245–246.
- Васильева И. Н., Кулакова Л. С. Раскопки курганного могильника Садгород IV // Археологические открытия в Самарской области 2016 года. Самара: АНО Изд-во СНЦ, 2017. С. 11–12.
- Збруева А. В., Смирнов А. П. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла // ВДИ. № 4. М., 1939. С. 192–202.
- Иванушкина С. А., Кабытов П. С. Деятельность В. В. Гольмстен по сохранению историко-культурного наследия Самарской губернии. 1919–1929 гг. // Вестник архивиста. № 4. М., 2011. С. 227–228.
- Колев Ю. И., Мышкин В. Н. Курган эпохи бронзы у с. Осиновка // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара: Изд-во СОИКМ, 1999. С. 142–152.
- Колев Ю. И., Мышкин В. Н. Комплекс позднего бронзового века поселения Елховка II на реке Кондурче // Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Изд-во Отечество, 2014. С. 192–210.
- Крамарев А. И., Мышкин В. Н., Турецкий М. А. Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. С. 101–121.
- Кузьмина О. В. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья. Т. 230. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1979. С. 86–98.
- Кузьмина О. В., Михайлова О. В., Субботин И. П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: Изд-во ООО НТЦ, 2003. С. 217–260.
- Кутцова Л. В., Лыганов А. В. Глава 6. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // Археология Волго-Уралья. Том II. Энеолит и бронзовый век. Казань, 2021. С. 368–394.
- Лифанов Н. А., Ломейко П. В. Курганный могильник эпохи поздней бронзы Березовский II (раскопки 2011 г.) // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области): Научно-популярное издание. Самара, 2012. С. 158–178.
- Матвеева Г. И., Скарбовенко В. А. Курганный могильник с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Труды Средневожской археологической экспедиции. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1976. С. 147–173.
- Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Куйбышевская археологическая экспедиция. МИА. № 42. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 39–156.
- Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Куйбышевская археологическая экспедиция. МИА. № 61. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 45–156.
- Мышкин В. Н., Турецкий М. А. Курганы бронзового века на реке Малый Кинель // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Изд-во ООО НТЦ, 2006. С. 314–334.
- Мышкин В. Н., Турецкий М. А. Позднекочевнический комплекс из курганного могильника Гвардейцы I // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 3. Спецвыпуск к 50-летию А. В. Богачева. Самара: Изд-во СГТУ, 2012. С. 233–240.
- Семенова А. П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 152–208.
- Скарбовенко В. А., Ломейко П. В. Курганный могильник эпохи бронзы Верхний Сускан I // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области): Научно-популярное издание. Самара, 2012. С. 179–197.

-
- Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. 396 с.
- Цимиданов В. В.* Статусные и ранговые знаки в погребальном обряде срубной культуры // Социальная структура срубного общества. Донецк: Институт археологии НАН Украины, 2004. 203 с.
- Черных Е. Н.* Оружие и орудия труда // Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. № 172. М.: Изд-во Наука, 1970. 180 с.
- Черных Е. Н., Кореневский С. Н.* О металлических предметах с Царева Кургана близ г. Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Изд-во Наука, 1976. С. 201–208.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Изд-во Наука, 1989. 320 с.

HISTORY OF STUDYING METAL TOOLS AND WEAPONS OF TIMBER-GRAVE CULTURE IN THE SAMARA VOLGA REGION

V. I. Afanasev

Samara State University of Social Sciences and Education,
Maksima Gorkogo str., 65, 443090, Samara, Russia;
Archaeological Restoration Company «Techbuildproject»,
Sadovnicheskaya str, 67c1, 115035, Moscow, Russia avankl@mail.ru

The study of metal of the timber-grave culture in the Samara Volga region began over a hundred years ago and continues to the present. The work is based on the published materials and reports on excavations of the timber-grave culture of the Samara Volga region. Approximately 160 metal tools and weapons were noted. A concise historiographic review of metal tools and weapons of the timber-grave culture in the Samara Volga region is carried out. Three periods of their study are analyzed: the first period is from 1920 to 1938, the second period is from 1950 to 1991, the third period is from 1992 to the present. The sources for this work were the publications of research materials from the sites of the timber-grave culture of the Samara Volga region.

Key words: Late bronze age, timber-grave culture, The Samara Volga region, metal, tool, weapon, historiography.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЧАШКИНСКОГО МИКРОРЕГИОНА¹

Н. С. Батуева ©

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
nadiabat@yandex.ru

Е. Л. Лычагина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
LychaginaE@mail.ru

С. П. Жижин

Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия),
614000, Россия, Пермь, ул. 25 Октября, 18
sidoprosport@mail.ru

Чашкинский микрорегион – это более 20 археологических памятников, находящихся на восточном берегу Чашкинского озера. Комплексы посуды, относящиеся к гаринской культуре, были изучены на 4 памятниках: Хуторская, Чашкинское Озеро IIIa, Чашкинское Озеро IX и Чашкинское Озеро II. В работе представлены результаты морфологического и технико-технологического анализа посуды гаринской культуры.

К характерным чертам посуды гаринской культуры Чашкинского микрорегиона можно отнести следующие: изготовление из слабозапесоченных глин, замешанных в формовочную массу в естественно увлажненном состоянии с искусственной примесью дробленой раковины, реже дробленой раковины и органического раствора; посуда тонкостенная, с венчиками с уплощенным или округлым торцом, верхняя часть сосуда открыта или слегка прикрыта; стенки сосудов украшались гребенчатым штампом в технике отгискивания; орнаментировались торцы венчиков, стенки венчиков как с внутренней, так и с внешней стороны.

Ключевые слова: Пермский край, керамика, морфологический анализ, технико-технологический анализ, энеолит, гаринская культура.

Введение

Чашкинский микрорегион – это более 20 археологических памятников, находящихся на восточном берегу Чашкинского озера, которое является старичным образованием в левобережье р. Камы, расположенным на севере Пермского края между городами Березники и Соликамск. В настоящее время оно представляет собой систему озер, соединенных протоками [Лычагина, Батуева, 2018].

Большинство известных памятников микрорегиона относится к неолиту (камской и волго-камской культурам) и постнеолиту-энеолиту (новоильинской и гаринской культурам). Изучение керамики периода неолита Чашкинского микрорегиона было проведено ранее [Батуева, 2016а; 2016б; Лычагина, Батуева, 2016; 2018]. Целью данной статьи является всесторонний анализ керамики, относящейся к гаринской энеолитической культуре. Под посудой гаринского типа понимаются фрагменты пористой керамики песочного, красно-коричневого, желто-серого цветов, орнаментированные преимущественно гребенчатым штампом.

Материалы

Комплексы посуды, относящиеся к гаринской культуре, были изучены на 4 памятниках Чашкинского микрорегиона: Хуторская стоянка, стоянки Чашкинское Озеро IIIa, Чашкинское Озеро IX и Чашкинское Озеро II.

Хуторская стоянка находится на южной оконечности Чашкинского озера – старицы р. Камы, в 9 км к северу от г. Березники, на высоком дюнообразном всхолмлении. Памятник был открыт в 1952 г. В. П. Денисовым. Стоянка исследовалась в 1954, 1975–1976 гг. В. П. Денисовым, а в 2006 и 2008 гг. Е. Л. Лычагиной. В ходе работ было изучено 1145 м² площади памятника, обнаружено 2 жилища эпохи неолита, более 11000 артефактов [Крыласова и др., 2014. с. 9]. Хуторская стоянка является опорным памятником для изучения камской неолитической культуры. Однако в ходе работ 2008 г. был получен

небольшой комплекс керамики, относящийся к гаринской культуре [Батуева, 2023]. Техничко-технологическому и морфологическому анализу подверглись фрагменты от трех сосудов [Лычагина, Батуева, 2018].

Стоянка Чашкинское озеро III(a) была открыта в 2013 г. Е. Л. Лычагиной и Н. И. Жеребцовым. Памятник расположен на восточном берегу озера, в 10 км к северу от г. Березники Пермского края. Он исследовался в 2013–2014 гг. КАЭЭ ПГГПУ. Всего было изучено 240 м² площади памятника. Коллекция состоит из 2335 предметов: 922 изделия из камня и 1400 фрагментов керамики [Крыласова и др., 2014, с. 97–104].

В керамическом комплексе поселения Чашкинское озеро III(a) можно выделить 4 культурные группы: камскую, волго-камскую, гаринскую и керамику, относящуюся к зауральскому неолиту (керамика с тальком в формовочной массе) [Батуева, 2023]. Техничко-технологическому и морфологическому анализу подверглись фрагменты от трёх сосудов, отнесенных к гаринской культуре.

Стоянка Чашкинское Озеро IX находится в 11,1 км к северо-западу от г. Березники, в 5,4 км к юго-западу от д. Чашкино, в 0,15 км к юго-западу от стоянки Чашкинское озеро IV. Памятник расположен на первой надпойменной террасе р. Камы (восточный берег Чашкинского озера) высотой около 9 м. Памятник был открыт в 2014 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством Е. Н. Митрошина. Раскопки на площади 188 м² были проведены в 2015 и 2018–2019 гг. под руководством Е. Л. Лычагиной [Лычагина, 2019]. Коллекция памятника насчитывает 3985 предметов из камня и 1115 фрагментов керамики.

Керамическая коллекция представлена фрагментами посуды камской и волго-камской неолитических культур, а также гаринской энеолитической культуры [Батуева, 2023]. Техничко-технологическому и морфологическому анализу подверглись фрагменты от 19 сосудов, отнесенных к гаринской культуре [Лычагина, Батуева, 2018].

Стоянка Чашкинское Озеро II расположена в 10 км к северо-западу от центра г. Березники, в 1,5 км к северо-востоку от железнодорожного разъезда 9-ый км и в 0,8 км к северу от Бабушкиного хутора на восточном берегу Чашкинского озера. Памятник находится на низком (1–2 м) песчаном берегу (частично разрушенная Камским водохранилищем пойменная грива).

Стоянка была открыта в 1977 г. А. Ф. Мельничуком. Обследование памятника было продолжено тем же автором в 1978 г. В дальнейшем территория стоянки неоднократно осматривалась отрядом Археологического кружка Березниковского дворца пионеров и школьников под руководством А. В. Рублева (1984–1986 гг.), Е. Л. Лычагиной (1998, 2012 гг.) и др. [Крыласова и др., 2014, с. 73].

Стационарные раскопки на стоянке были проведены Е. Л. Лычагиной в 2021–2022 гг. В ходе этих работ было найдено 14478 артефактов, большая часть из которых была отнесена к гаринской энеолитической культуре. Техничко-технологическому и морфологическому анализу были подвергнуты фрагменты от 61 сосуда.

Таким образом, всего с указанных выше памятников авторами исследования было проанализировано 86 сосудов.

Методы

При анализе отдельные сосуды выделялись по следующим критериям: толщина стенок, форма венчиков (при их наличии), способ орнаментации и орудие для его нанесения, обработка внешней и внутренней поверхности.

Первоначальный морфологический анализ керамики основывался на данных о толщине стенок сосудов, форме венчиков и элементах орнамента (накольчатом, гребенчатом, ямочном), способах нанесения узора.

По толщине стенок сосудов выделяются две группы: тонкостенные и толстостенные. К тонкостенным относятся сосуды с толщиной стенок до 0,8 см и менее. Соответственно, толстостенные – от 0,8 см и более. Следующим этапом было описание форм венчиков и донышек либо придонных частей.

Далее проводился более подробный анализ орнамента, в основе которого лежало выявление способа нанесения. Для гребенчатой посуды выделяются следующие способы нанесения орнамента: штампование, прокатывание, шагание, протаскивание. Помимо них, фиксируются такие элементы, как ямки.

Техничко-технологический анализ проводился в рамках историко-культурного подхода. Этот подход был разработан А. А. Бобринским и основан на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [Бобринский, 1978].

Гончарная технология рассматривается как система навыков мастера, обладающая определенной устойчивостью, она складывается исторически, включая опыт поколений, и имеет определенную структуру.

В данной работе упор был сделан на изучение следующих элементов гончарной технологии: представлении об исходном пластичном сырье (ИПС); составлении рецептов формовочных масс (ФМ); механической обработки поверхности.

Исходным пластичным сырьем (ИПС) в гончарстве называются различные материалы, которые могли применяться в качестве самостоятельного пластичного сырья для изготовления посуды [Бобринский, 1999, с. 17]. На основе анализа нео-энеолитической керамики Урало-Поволжья И. Н. Васильевой было выделено 3 вида ИПС, использовавшегося в производстве древнейшей керамики региона: илы, илистые глины и глины [Бобринский, Васильева, 1998, с. 193–214; Васильева, 2013, с. 73–83].

Важным элементом характеристики навыков отбора ИПС является определение степени запесоченности сырья, влиявшей на его пластичность [Бобринский, 1978, с. 73–76].

На современном методическом уровне выделяются следующие приемы подготовки исходного пластичного сырья: 1) дробление ИПС в сухом виде (фиксируется по наличию в формовочной массе не растворившихся до конца комочков сухой глины, потеков и линз чистой глины); 2) использование ИПС в естественно увлажненном состоянии (при отсутствии признаков его дробления).

Формовочные массы – имеющиеся в природе в готовом виде или специально созданные гончаром составы разной степени сложности, прошедшие либо целиком, либо каждым из входящих в них компонентов в отдельности специальную обработку и приведенные непосредственно перед изготовлением изделий в пластичное (рабочее) состояние [Цетлин, 2017, с. 265]. В результате исследования материалов рецепты были разделены на две группы: с несмешанным двухкомпонентным составом и смешанным многокомпонентным составом. В качестве искусственных примесей были выявлены следующие примеси:

Группа 1 – минеральные примеси, увеличивающие огнестойкость изделий [Бобринский, 1978, с. 90–92, 105–109]: шамот.

Группа 2 – органические примеси, уменьшающие отрицательное влияние усадки глины на изделия во время их сушки и обжига: органические растворы, дробленая раковина пресноводных моллюсков.

Технико-технологический анализ проводился при помощи бинокулярного микроскопа МБС-9 на базе лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГПУ по свежим изломам и поверхностям, предварительно очищенным от солевых и других наслоений [Батуева, 2023].

Результаты исследований

Морфологический анализ

Цвет большинства фрагментов светло-коричневый или песочный, встречаются фрагменты с коричнево-красной, серой и темной поверхностью (рис.).

Толщина стенок варьирует в пределах 4–11 мм. Но у большинства сосудов стенки толщиной 7–8 мм. Венчики, как правило, на 1–3 мм толще стенок. В основном мы можем говорить о том, что посуда является тонкостенной.

В связи с большой фрагментированностью сосудов можно отметить только форму венчиков, представленную следующими вариациями: уплощенные венчики с открытым или слегка прикрытым горлом; прямые венчики с округлым торцом; округлые, слегка отогнутые наружу или внутрь. По фрагментам придонных частей можно говорить о том, что большинство сосудов имело округлое дно, но также встречено несколько фрагментов плоских днищ.

Внутренняя поверхность большинства сосудов заглаживалась твердым предметом (рис., 1, 2). Фиксация у некоторых сосудов параллельных бороздчатых следов позволяет предполагать, что обработка поверхности велась гребенчатым штампом.

Орнаментация преимущественно гребенчатая, представленная в виде оттискивания и прокатывания гребенчатого штампа.

По торцу венчиков часто идет ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис., 4). Иногда можно отметить орнамент на торце, состоящий из зигзагообразного ряда оттисков гладкого штампа.

Орнамент стенок на большинстве сосудов разреженный. Под венчиком часто располагаются горизонтальные ряды наклонных вправо оттисков гребенчатого штампа (рис., 2, 6). Но в рамках этой орнаментальной традиции имеются разные вариации. Так, у одного из сосудов похожий горизонтальный ряд наклонных вправо оттисков гребенчатого штампа располагается под венчиком и с внутренней

стороны (рис. 1, 5). У другого сосуда под рядом наклонных вправо оттисков гребенчатого штампа находится горизонтальный ряд зигзагов из оттисков гребенчатого штампа. У двух сосудов под венчиком наблюдаются другие орнаментальные мотивы. У первого – вертикально расположенные зигзагообразные ряды оттисков гребенчатого штампа (рис. 1, 1, 2), у второго горизонтальные ряды ямчатых подпрямоугольных вдавлений. На некоторых сосудах со стоянки Чашкинское Озеро II фиксировались ямочные вдавления – «жемчужины» (рис. 1, 4). На четырех сосудах поселения Чашкинское Озеро II был зафиксирован орнамент прочерченными насечками (рис. 1, 3, 5).

Рис. Керамика гаринской культуры памятников Чашкинского микрорегиона: 1–2 – Хуторская стоянка; 3 – стоянка Чашкинское Озеро IIIа; 4–5 – стоянка Чашкинское Озеро II; 6 – стоянка Чашкинское Озеро IX

Исходя из проведенного морфологического анализа, можно сказать, что посуда гаринской культуры Чашкинского микрорегиона представлена тонкостенными сосудами с венчиками с уплощенным или округлым торцом, верхняя часть сосуда открыта или слегка прикрыта. Обнаруженные доньшки представлены плоскими и округлыми формами. Сосуды украшались по стенкам чаще всего гребенчатым штампом в технике оттискивания и прокатывания. Орнаментировались торцы венчиков, стенки как с внутренней, так и с внешней стороны.

Технико-технологический анализ (табл.)

Анализ ИПС показал, что гончарами, носителями гаринских традиций, при подготовке сырья для изготовления глиняной посуды преимущественно использовались глины (79 сосудов / 92%), намного

реже были зафиксированы илестые глины (7 сосудов / 8%). При этом чаще фиксируется слабозапесочное сырье. В естественно увлажненном состоянии глины встречены в 73 сосудах, что составляет 92% от общего количества глин, а илестые глины в 6 сосудах – 85% от общего количества илестых глин. Интересен тот факт, что только при анализе ИПС посуды стоянки Чашкинское Озеро II было выявлено значительное разнообразие ИПС, но это частично можно объяснить наличием большой выборки.

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс (ФМ) нами были проанализированы данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки.

Для первой группы с несмешанным двухкомпонентным составом был выделен один рецепт: «ИПС + дробленая раковина», который был зафиксирован в 73 сосудах, что составляет 85% от всей проанализированной посуды. Для группы смешанных многокомпонентных составов выделены рецепты: «ИПС + дробленая раковина + органический раствор» и «ИПС + дробленая раковина + шамот». Рецепты с органическим раствором были отмечены в 12 сосудах (14%), а рецепт с шамотом обнаружен только в одном сосуде.

Таблица

Результаты изучения ИПС и ФМ

Памятник	Результаты изучения ИПС								Итого
	ИПС, число сосудов								
	Илистая глина				Глина				
	слабозапесоч.		среднезапесоч.		слабозапесоч.		среднезапесоч.		
	увлаж.	др. с/с	увлаж.	др. с/с	увлаж.	др. с/с	увлаж.	др. с/с	
Хуторская I	-	-	-	-	3	-	-	-	3
Чашкинское Озеро IIIа	-	-	-	-	2	1	-	-	3
Чашкинское Озеро IX	-	-	-	-	18	1	-	-	19
Чашкинское Озеро II	4	-	2	1	30	2	20	2	61
Всего	4	0	2	1	53	4	20	2	86 (100%)
	4		3		57		22		
	7 (8%)				79 (92%)				
	Результаты изучения ФМ								
	ДР				ДР+ОР		ДР+Ш		
Хуторская I	3				-		-		3
Чашкинское Озеро IIIа	2				1		-		3
Чашкинское Озеро IX	7				11		1		19
Чашкинское Озеро II	61				-		-		61
Всего	73 (85%)				12 (14%)		1 (1%)		86 (100%)

ИПС – исходное пластичное сырье, ФМ – формовочная масса, ДР – дробленая глина, ОР – органический раствор, Ш – шамот.

В результате технико-технологического анализа мы можем отметить, что древними гончарами, носившими традиции гаринской энеолитической культуры в качестве ИПС в основном использовалась слабо- и среднезапесоченная глина в естественно увлажненном состоянии, а в рецепт формовочной массы, кроме глинистого сырья, добавлялась дробленая раковина, иногда с органическим раствором.

Заключение

К характерным чертам посуды гаринской культуры Чашкинского микрорегиона можно отнести следующие: изготовление из слабозапесоченных глин, замешанных в формовочную массу в естественно увлажненном состоянии с искусственной примесью дробленой раковины, реже дробленой раковины и органического раствора; посуда тонкостенная, с венчиками с уплощенным или округлым

торцом, верхняя часть сосуда открыта или слегка прикрыта; стенки сосудов украшались гребенчатым штампом в технике оттискивания; орнаментировались торцы венчиков, стенки венчиков как с внутренней, так и с внешней стороны.

Несмотря на то что большая часть изученной посуды выглядит однородной, нами были выделены некоторые особенности, которые могут быть связаны с хронологическими различиями между керамикой разных памятников.

Так, при исследовании исходного сырья и формовочной массы керамики на стоянке Чашкинское Озеро IX была зафиксирована искусственная примесь шамота, что выделяет эту посуду из общей выборки. Вероятнее всего, это связано с тем, что памятник относится к раннему этапу существования гаринской культуры. Это подтверждается и данными радиоуглеродного анализа [Лычагина и др., 2023, с. 11–12]. К особенностям керамики позднего этапа гаринской культуры мы можем отнести распространение традиции изготовления посуды с искусственной примесью дробленой раковины. Таким образом, на территории Прикамья в эпоху неолита-энеолита прослеживается определенная последовательность в традициях составления формовочных масс: в камской неолитической культуре древними гончарами добавлялся шамот, на переходном этапе (постнеолит) новоильинской культуре – шамот и дробленая раковина [Андреева, Батуева, 2020], а в энеолите – гаринской энеолитической культуре на раннем этапе фиксируется шамот и дробленая раковина, на позднем – дробленая раковина.

Кроме этого, нами были выделены морфологические черты, характерные для керамики позднего этапа гаринской культуры: орнаментация такими элементами, как «жемчужины», орнаментация с внутренней стороны стенки сосуда, обработка поверхности твердым предметом (гребенчатым орнаментом). Такими особенностями обладает посуда стоянки Чашкинское Озеро II. Результаты радиоуглеродного датирования подтверждают позднеэнеолитический возраст памятника.

Выявленные морфологические и технологические различия в посуде раннего и позднего этапов гаринской культуры нуждаются в дальнейших исследованиях не только в рамках Чашкинского микро-региона, но и на всей территории распространения памятников гаринской культуры.

Примечание

¹ Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>, гранта РФФИ № 20-49-590002 «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья».

Библиографический список

Андреева О. В., Батуева Н. С. Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского Университета. Пермь, 2020. № 1. С. 5–18.

Батуева Н. С. Техничко-технологический анализ керамики камской культуры (на примере памятников Чашкинского озера) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 2016а. С. 91–93.

Батуева Н. С. Новые подходы к изучению керамики Хуторской стоянки // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тезисы международной научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 2016б. С. 24–26.

Батуева Н. С. Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у населения Среднего Предуралья в эпоху неолита: дис. ...канд. ист. наук: 5.6.3. / Батуева Надежда Сергеевна. Санкт-Петербург, 2023. 420 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: кол. монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бобринский А. А., Васильева И. Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства / А. А. Бобринский, И. Н. Васильева // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 203–205.

Васильева И. Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.

Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В. Археологические памятники Чашкинского озера / Н. Б. Крыласова, Е. Л. Лычагина, А. М. Белавин, С. В. Скорнякова. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 156.

Лычагина Е. Л. Отчёт о раскопках стоянки Чашкинское Озеро IX в городском округе г. Березники Пермского края в 2019 году. Пермь, 2020 // Архив МАЭ ПГГПУ.

Лычагина Е. Л., Батуева Н. С. Неолитическая керамика с археологических памятников Чашкинского озера (некоторые вопросы технологии) // XX Уральское археологическое совещание. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С.65–68.

Лычагина Е. Л., Батуева Н. С. Результаты исследования нео-энеолитической керамики с гребенчатым орнаментом Чашкинского микрорегиона // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (40). Пермь, 2018. С. 31–43.

Лычагина Е. Л., Выборнов А. А., Кулькова М. А. Новые данные о хронологии энеолитических памятников Камы и Камско-Вятского междуречья // Вестник Пермского Университета. Пермь, 2023. № 1. С. 5–18.

Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

ENEOLYTHIC CERAMICS OF THE CHASHKINSKY MICROREGION

N. S. Batueva

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Russia, Perm
nadiabat@yandex.ru

E. L. Lychagina

Perm State University, Bukireva str., 15, 614068, Perm, Russia;
Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Russia, Perm
LychaginaE@mail.ru

S. P. Zhizhin

Perm Regional Research and Production Center for the Protection of Monuments (objects of Cultural Heritage),
25 Oktyabrya str., 18, 614000, Perm, Russia
sidoprosport@mail.ru

The Chashkinsky microregion consists of more than 20 archaeological sites located on the eastern shore of the Chashkinsky Lake. Ware assemblages related to the Garin culture were studied at 4 sites of the Chashkinsky microregion: Khutorskaya, Chashkinskoye Ozero IIIa, Chashkinskoye Ozero IX, and Chashkinskoye Ozero II. The paper presents the results of a morphological and technical-technological analysis of the dishes of the Garin Eneolithic culture.

The characteristic features of the dishes of the Garin culture of the Chashkinsky microregion include the following: production from lightly sandy clays mixed into the molding mass in a naturally moistened state with an artificial admixture of crushed shell, less often crushed shell and organic solution; thin-walled utensils, having rims with a flattened or rounded end, the upper part of the vessel open or slightly covered; the walls of the vessels, decorated with a comb stamp in impression technique; the ends of the rims, the walls of the rims, both from the inside and from the outside, were ornamented.

Key words: Perm region, ceramics, morphological analysis, technical and technological analysis, Chalcolithic period, Garinskaya culture.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМНЫХ И КАЗУСНЫХ СИТУАЦИЯХ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ¹

В. А. Борзунов ©

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620083, Россия, Екатеринбург, проспект Ленина, 51

Использование разновременных материалов, залегающих в смешанном состоянии в тонких культурных горизонтах на памятниках горно-лесного Зауралья, а также неточности в диагностике типов керамики привели к ряду казусных ситуаций в характеристике культур раннего железного века, которые должны быть исправлены. Так, гамаюнская культура пришлых с севера охотников-рыболовов конца бронзового – начала железного веков одними исследователями была ошибочно отнесена к энеолиту, другими – к высокоразвитым степным скотоводам и металлургам эпохи бронзы. В состав местной иткульской культуры VII/VI–III/II вв. до н. э., сформировавшейся из кланов горняков, металлургов и кузнецов, выделившихся из племен скотоводов межовской культуры позднего бронзового века, были ошибочно включены материалы гетерогенной исетской. Сложение последней было результатом взаимодействия носителей гамаюнской культуры и позднебронзовой притобольской бархатовской. Определение общин скотоводов Нижнего Притоболья IX–VI вв. до н. э. с керамикой исетского, карагай-аульского и вак-куровского (северного баитовского) типов как «восточного варианта иткульской культуры» так же неверно. Это принципиально разные по всем характеристикам культурные образования. Мастера иткульской культуры и Зауральского очага металлургии жили и трудились обособленно, в укрепленных поселках, обеспечивая медью не столько себя, сколько окружающие их степные и лесные племена. Взамен они получали скот и в небольшом объеме лигатуру для производства бронз. Посредниками в торгово-обменных операциях выступали представители исетских общин.

Ключевые слова: Зауралье, лес, лесостепь, ранний железный век, ревизия археологических культур.

Южнотаежное и лесостепное Зауралье включает восточный склон Уральских гор и Нижнее Притоболье между устьями Тавды и Уя. Эта небольшая, около 500×450 км, территория отличается пестротой экологических ниш. На рубеже эпох бронзы и железа, а также в первой половине раннего железного века на месте бархатовской и межовской культур межовско-ирменского культурно-исторического пласта сформировался и в IX/VIII–III/II вв. до н. э. функционировал десяток новых образований: гамаюнская, иткульская, исетская, воробьевская, гороховская, баитовская, кашинская, зеленомысская культуры, памятники с керамикой носилового, карагай-аульского, вак-куровского, гафурийского и других типов. Условиями и причинами этого явления, помимо эпохальной трансформации культур при переходе к железному веку, в том числе к новому орудийному комплексу и иным социальным отношениям, стали разнонаправленные миграции и углубляющееся разделение труда между зауральскими общинами. Глобальные перемещения таежного западносибирского населения на юг и широтные региональные миграции лесостепных коллективов были обусловлены резким похолоданием и увлажнением климата на рубеже II/I тыс. и в начале I тыс. до н. э., а также последующей стабилизацией климатической обстановки в VIII–IV вв. до н. э. с постепенной тенденцией к очередному сушению. Первоначальные враждебные взаимоотношения пришельцев и аборигенов, отмеченные массовым строительством в Зауралье укрепленных поселений, сменились относительно мирным сосуществованием разноэтничных обществ и даже формированием гетерогенных. Залогом новых отношений стали разная хозяйственная специализация культур и взаимовыгодные торгово-обменные операции.

Проблемные и даже казусные ситуации при характеристике некоторых культур данного региона были обусловлены объективными и субъективными факторами. К первым относятся особенности археологических памятников горно-лесного Зауралья, ко вторым – незнание некоторыми исследователями реальных археологических материалов (а не только их рисунков) и культур данного региона, равно как сопредельных областей таежного Приобья.

Характерной чертой горно-уральских памятников, в отличие от равнинных притобольских, является практически полное отсутствие среди них однослойных и хорошо стратифицированных. Разновременные остатки залегают, как правило, в смешанном состоянии, в маломощных (0,3–0,5 м) культурных горизонтах со скальной основой, как на высоких горах, холмах и мысах, так и под ними, а также на низких берегах озер. Культурные и почвенные слои постоянно деформируются естественным образом и по причине активного антропогенного воздействия.

Смешанное состояние археологических материалов стало причиной многих ошибок. Об этом я упоминал ранее [Борзунов, 2014; 2019], но некоторые проблемные ситуации так и остались незамеченными.

В начале 1960-х гг. К. В. Сальников при участии Н. П. Кипарисовой на основании полевых исследований, проведенных в лесных районах Челябинской области, и Е. М. Берс по результатам разведок и раскопок в верховьях Исети в Свердловской области, а также после изучения материалов, собранных первыми краеведами и археологами Уральского общества любителей естествознания г. Екатеринбурга, выделили две пары культур: каменогорскую и иткульскую [Сальников, 1960; 1962], гамаюнскую и исетскую [Берс, 1960; 1963]. Первые в каждой паре были связаны с пришлым населением рубежа бронзового и железного веков, вторые – с аборигенами края первой половины раннего железного века.

В дальнейшем вполне оправданно в состав гамаюнской культуры были включены каменогорские поселения [Берс, 1963; Борзунов, 1992]. Тем не менее при характеристике гамаюнского населения Елизавета Михайловна использовала материалы не только из редких стратифицированных объектов (Шайдурихинское городище), но главным образом из городищ, селищ и святилищ с разнотипными остатками, в том числе исетскими и иткульскими. В результате получилось искаженное представление о пришельцах, которые были объявлены высокоразвитыми скотоводами и металлургами, пришедшими из степей в Уральские горы в поисках рудных источников. Мигранты якобы производили медь и железо, занимались скотоводством и земледелием, поставляли металлические изделия окружающим племенам. Эти же тезисы повторил исследователь гамаюнской культуры В. И. Липский.

После «очищения» гамаюнских коллекций от чуждых им иткульских, неолитических и энеолитических материалов, оказалось, что гамаюнское население сформировалось в X–VIII вв. до н. э. на реках Сосьве, Лозьве и в верховьях Тавды в результате слияния двух таежных «этносов» рыболовов-охотников периода поздней бронзы, мигрировавших на юг в период вышеупомянутого ксеротерма. К первому относились представители общин лозьвинской культуры бассейна Конды с ямочно-волнисто-прокатанной керамикой, ко второму – нижнеобские атлымские коллективы с гребенчато-ямочной посудой. Далее группы с раннегамаюнской (вагильской) керамикой проследовали в горно-лесное Зауралье, где окончательно оформилась гамаюнская культура [Викторова, 1970; Васильев, 1982; Борзунов, 1992]. С мигрантами здесь в VIII–VI/IV вв. до н. э. появились характерные для таежного Приобья большие дерево-земляные укрепленные жилища и керамика с ямочным, фигурно-штампованным и волнисто-прокатанным орнаментом. У местного населения пришельцы заимствовали типично зауральскую огнеупорную примесь толченого талька для производства своей посуды (вместо песка и шамота), а также навыки разведения и содержания лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Вместе с тем орудийный комплекс, представленный разнообразными изделиями из камня, кости, дерева и глины при минимальном количестве украшений из меди и бронзы, характеризовал пришельцев скорее как общество энеолита – ранней бронзы, а не раннего железного века.

В свое время известный ученый Л. Я. Крижевская, исследуя памятники Южного Зауралья со смешанными культурными слоями, пришла к парадоксальному выводу о том, что «гамаюнская культура относится не к раннему железному веку, как это представлялось ранее, а ко времени развитой бронзы. Об этом свидетельствует и весь комплекс находок, и то, что остатки гамаюнской культуры постоянно залегают непосредственно на слое бронзового века» [Крижевская, 1967, с. 110]. Практически ту же ошибку повторили челябинские археологи – специалист по культурам бронзового века степного Урала С. А. Григорьев и его коллеги. Исследовав всего один памятник Остров Веры на оз. Тургояк на юге горно-лесного Зауралья, где в одном слое залежали гамаюнские черепки и обломки липчинско-кысыкульской посуды, они без тщательного анализа находок стали убеждать всех, что гамаюнские древности следует датировать энеолитом [Григорьев и др., 2008].

Между тем ошибочность хронологической стыковки поселений энеолита – ранней бронзы с каменогорскими (гамаюнскими) отмечал еще К. В. Сальников. Константин Владимирович объяснял их топографическое совпадение, точнее, расположение на возвышенностях (при отсутствии здесь остатков периода «развитой» бронзы) сходными климатическими условиями, характеризовавшимися в

энеолите и раннем железном веке повышенной влажностью. Приходившиеся на более засушливое время памятники эпохи бронзы находились в низких местах. Это же различие в высотной привязке поселений эпохи бронзы и раннего железа для Прикамья зафиксировал О. Н. Бадер [Бадер, 1960].

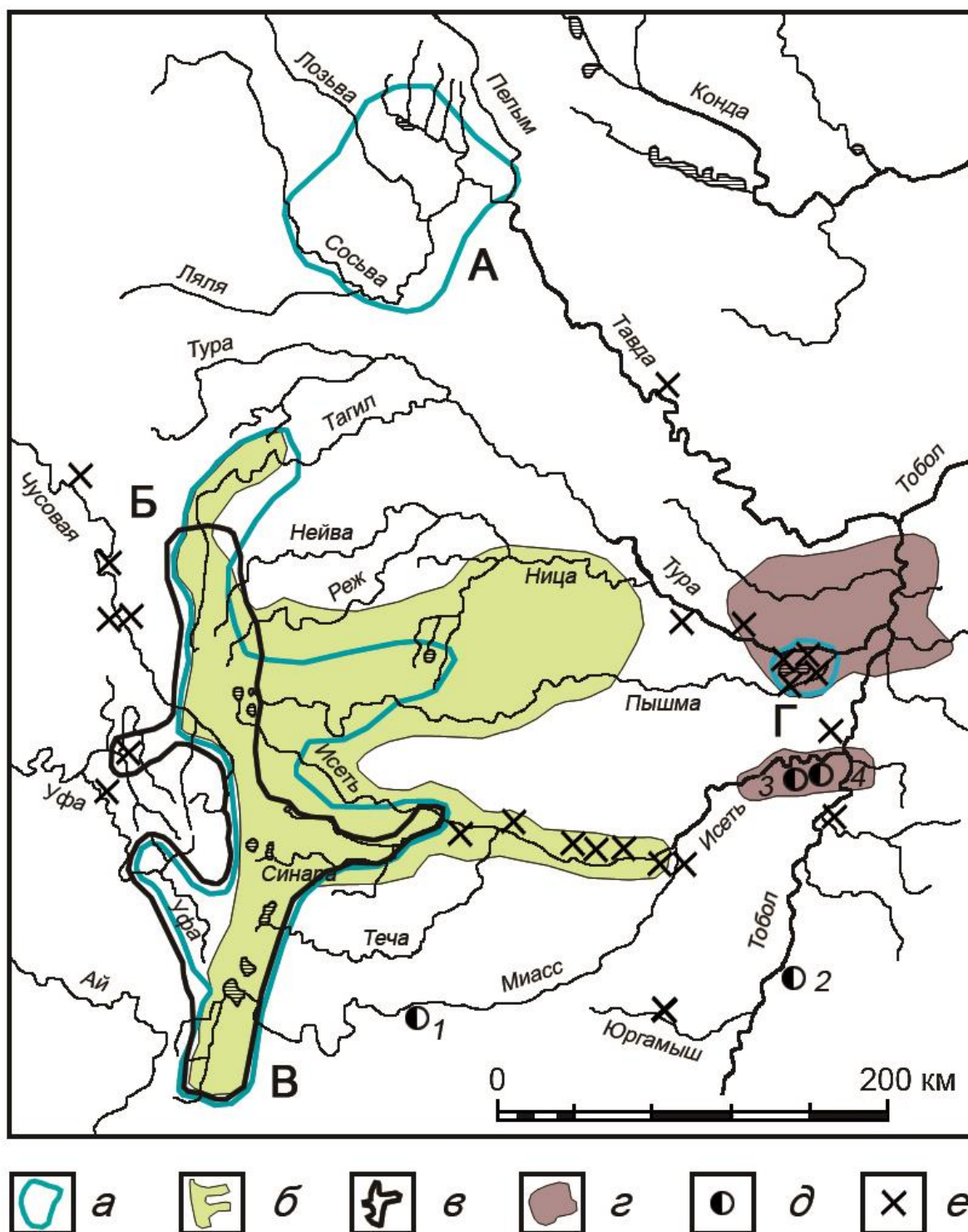

Рис. Ареалы памятников гамаюнской, иткульской, исетской и юртоборской культур.
Условные обозначения: *a* – ареал памятников гамаюнской культуры (А – северный вариант, памятники вагильского типа, Б – центральные варианты, В – южные варианты, Г – восточный вариант); *б* – ареал памятников исетской культуры; *в* – ареал памятников иткульской культуры; *г* – ареал памятников юртоборской культуры; *д* – бархатовско-гамаюнские городища (1 – Миасское I; 2 – Усть-Утяк I, ранний горизонт; 3 – Красногорское-Лизуново; 4 – Коловское, ранний горизонт); *е* – находки гамаюнской керамики за пределами основного гамаюнского ареала

Следует также учесть, что гамаюнская культура существовала в двух системах конца бронзового – начала железного веков: западносибирской и уральской. Если перенести ее в энеолит, то же самое надо было бы проделать с культурами крестовой, волнисто-прокатанной и гребенчато-ямочной керамики (атлымская, лозьвинская, белоярская, красноозерская и др.), бархатовской межовско-ирменской общности, а также с иткульской, исетской, гороховской и прочими культурами, население которых тесно взаимодействовало с гамаюнским. А это явный нонсенс.

Уральский ученый Г. В. Бельтикова вслед за своим учителем В. Е. Стояновым объединила среднеуральские исетские и южноуральские иткульские памятники в рамках новой иткульской культуры. Галина Викторовна опубликовала детальный анализ ее ярких материалов, а также Зауральского очага цветной металлургии полного цикла, сформировавшегося и функционировавшего на базе этой культуры в VII–III вв. до н. э. По ее представлениям, данные культура и очаг сформировались в результате выделения большесемейных общин и кланов металлургов из общей массы позднебронзового населения Зауралья, главным образом межовского. Впервые это произошло в верховьях Исети. Отсюда иткульские металлургические центры распространились на юг и восток – вплоть до Миасса и Тюменского Притоболья.

Носители иткульской культуры трудились в хорошо укрепленных центрах, расположенных на высоких местах. В большом количестве они производили медь и изделия из нее, прежде всего трехгранные и трехлопастные наконечники стрел степных образцов, которыми снабжали окружающие племена, в первую очередь савромато-сарматские Южного Урала. Вспомогательными отраслями хозяйства являлись охота, рыболовство, разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота [Бельтикова и др., 1991; Бельтикова, 1997; 2005; 2008].

Иткульскую круглодонную керамику с примесью талька Г. В. Бельтикова подразделила на «столовую» и производственную. К первой группе она отнесла два основных и один «переходный» тип посуды. Первый тип сосудов имел прямую, отогнутую наружу шейку одинаковой толщины и был декорирован оттисками гребенки со средней и крупной величины зубцами. Второй представлен горшками с низкой отогнутой шейкой, имевшей характерное дуговидное утолщение изнутри; поверхность сосудов покрывалась мелкогребенчатым орнаментом, а в основании шейки наносился поясok одинарных или сдвоенных в шахматном порядке ямок. Редкая посуда «переходного облика» по форме была идентична первому типу, но украшалась разряженными гребенчато-ямочными узорами. Гребенчатые оттиски являлись наследием межовской культуры, ямки – гамаюнской. Производственная посуда – это большие толстостенные слабопрофилированные емкости, использовавшиеся в металлургическом процессе. После публикации статьи с данной классификацией [Бельтикова, 1977, с. 120–125] Г. В. Бельтикова больше не обращалась к проблемам генезиса разных керамических типов.

Вместе с тем анализ пространственного распределения данных типов посуды, а главное – изучение происхождения второго из них показали, что в рамки иткульской культуры было ошибочно включено оригинальное образование, которое я предложил именовать исетской культурой [Борзунов, 2014; 2019]. С этим еще в 2006 г. были согласны екатеринбургские исследователи В. Д. Викторова и К. Г. Карачаров.

Исетская культура, судя по керамике и особенностям миграции предков гамаюнских племен, сформировалась не на межовской, как иткульская, а на бархатовской основе. Более того, ее носители могут рассматриваться как гетерогенный этнос. Дело в том, что продвигавшиеся на юг предки гамаюнского населения с керамикой вагильского типа, не застали в IX–VIII вв. до н. э. в Зауралье позднемежовского (межовско-березовского) населения. По крайней мере, нет никаких следов взаимодействия этих двух этносов, хотя самые ранние гамаюнские памятники располагались рядом с известными межовскими (поселения Межовка, Багарякское, Мокино, стоянка Черкаскуль и др.). В условиях плювиала скотоводческое межовское население могло временно мигрировать из горно-лесного Зауралья на юг либо же находилось «в подавленном состоянии» в условиях продвижения на запад притобольских бархатовских племен. Именно с ними встретились гамаюнские коллективы. Это подтверждается памятниками не просто с гамаюнскими и бархатовскими материалами (городища Миасское I, Усть-Утяк I, Красногорское-Лизуново, Коловское, селища Щетково 2, Заводоуковское 9, Ново-Шадрино 2), но и находками на некоторых из них сосудов с синкретичным бархатовско-гамаюнским декором (Миасское I).

Бархатовское население, оставившее свои поселения и стоянки в верховьях Исети (Палатки II) и на оз. Иткуль (Иткуль 20), в глухих лесных районах, не приспособленных для высокопродуктивного скотоводства и земледелия, пришло сюда именно в поисках месторождений медных руд. Хозяйственно-брачные отношения с северными мигрантами привели к появлению смешанного бархатовско-

гамаюнского этноса – исетского. Исетская посуда – это так называемая «иткульская керамика второго типа», утолщенные шейки которой являются частью бархатовской керамической традиции. В то время как ямочные элементы декора – явно гамаюнские и наследие таежных западносибирских культур, а взаимопроникающие треугольные зоны, нанесенные мелкой гребенкой, имитируют лозьвинские, вагильские, гамаюнские волнисто-прокатанные узоры. В дальнейшем население гамаюнской и исетской культур развивалось в тесных контактах с иткульскими металлургами. Это завершилось формированием в VI–IV вв. до н. э. общин со смешанным разноэтничным населением, а затем – полным растворением пришельцев в более развитой среде аборигенов иткульской культуры. Около V–III вв. до н. э. под напором сильных и воинственных саргатских общин, постепенно переселявшихся из Ишимо-Иртышья в Курганское Притоболье, часть гороховского и баитовского населения бежала на север и запад – в бассейн Пышмы, горно-лесное Зауралье, а затем – на реки Уфу, Ай, Юрюзань и Белую. С ним в Уральских горах появились единичные курганы, а часть беженцев вошла в состав иткульских общин.

Самые ранние памятники Зауральского очага металлургии, открытые на оз. Исетском (Горы Шаманиха, Шанаиха, мыс Толстик) и р. Исеть (Остров Каменные палатки, или Палатки I), датирующиеся около VIII–VII вв. до н. э., судя по керамике, были связаны не с иткульским, а с исетским населением. Иткульский очаг металлургии появился и функционировал чуть позже, в VI–III/II вв. до н. э. Он был «рожден» не внутренними потребностями иткульского общества, а острой необходимостью в цветном металле степных савромато-сарматских племен, а также ананьинских Волго-Камья (на второй фазе их развития). Именно из этих регионов поступали в тайгу нужные образцы изделий и основные заказы на зауральский металл. В V в. до н. э. иткульскими металлургами у населения данных территорий были заимствованы секреты производства черного металла. В V–III/II вв. до н. э. в горах Зауралья распространились большие иткульские центры по производству меди и железа с многочисленными глинобитными домницами и производственной посудой. Большая часть произведенной меди шла на экспорт. На городищах практически нет качественных металлических изделий. Здесь находят главным образом предназначенные для переплавки дефектные отливки и сплески цветного металла. Для удовлетворения собственных нужд зауральские металлурги, кроме наконечников стрел, отливали простейшие наконечники копий, кельты, ножи, шилья, круглые петельчатые «зеркала» и культовые предметы – древовидных и птицевидных «идолов».

Иткульская керамика («первого типа» и производственная) встречается только в горно-лесном Зауралье, тогда как исетская в разных количествах распространена довольно широко – от Камы до Барабы. На исетскую посуду очень похожи сосуды с гребенчато-ямочным декором кульминской культуры VII–IV вв. до н. э. бассейна Конды, сменившей лозьвинскую. Иткульские мастера при наличии в Зауралье богатейших залежей малахита обычно использовали окисленную медь и крайне редко – бронзы с разными легирующими добавками. Вследствие этого они, не сильно нуждаясь в привозном олове, мышьяке, сурьме и свинце, свели к минимуму свое участие во внешнем торговом обмене [Кузьминых, Дегтярева, 2017; Борзунов, Кузьминых, 2022, с. 27]. Все это указывает на то, что иткульские металлурги были довольно закрытым обществом и напрямую не контактировали со степными приуральскими племенами, хотя на противоположном настаивали некоторые исследователи (Г. В. Бельтикова, А. Д. Таиров, С. В. Шарапова, Н. С. Савельев). Иткульские горняки, металлурги и кузнецы почти все теплое время года проводили в укреплениях и поблизости от них, занимаясь добычей и обогащением медных руд, производством металла и изделий из него. Безусловно, судя по характерным находкам, они также занимались охотой, рыболовством и содержанием небольшого количества скота. Тем не менее, по заключению известного биолога П. А. Косинцева, остеологические материалы не отражают адекватно некоторые направления хозяйственной деятельности населения этих городищ. Значительную часть продуктов питания металлургам-кузнецам в обмен на медные слитки и готовые вещи поставляли проживавшие неподалеку в селищах гамаюнские, исетские и иткульские коллективы, не связанные с выплавкой меди. Скорее всего, обширные обменные «экспортные» операции с иткульским металлом осуществляли выходцы из исетских общин.

Горно-уральское население в имущественном и социальном плане не сильно выигрывало от такого обмена. В лесную зону из степи, Приуралья и лесостепных районов Западной Сибири поступали только излишки домашнего скота, но не престижные импортные вещи (как в случаях с саргатской и кулайской культурами). Иткульское, исетское и гамаюнское общества оставались эгалитарными.

После ухода сарматских племен на запад и освоения лесными племенами технологии производства железных орудий Зауральский (иткульский) очаг металлургии рухнул. Носители иткульской культуры растворились в зауральской тайге и долгое время жили никем не востребованные, переключившись преимущественно на присваивающие отрасли хозяйства.

Находки исетской (а не иткульской) керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией на северо-востоке Башкирии свидетельствуют отнюдь не о продвижении иткульских племен на р. Белую и в верховья р. Урал, как полагают уфимские коллеги [Савельев, 2022, с. 62]. Гамаюнские стоянки появились здесь вследствие общей миграции западносибирских общин на юг в начале I тыс. до н. э. Исетская же посуда в Башкирском Приуралье, скорее всего, являлась результатом «торговой» деятельности подвижных групп исетского населения в середине I тыс. до н. э. Именно в таком плане следует рассматривать известную находку на р. Ай «сосуда ананьинского времени для выплавки металла» с большим содержанием олова [Крижевская, 1959], в действительности являвшегося исетским. Два горшка из культового места на горе Крутой, расположенной в 35 км к западу от Магнитогорска [Савельев, 2022, рис. 7], также не иткульские «первого типа», а «переходные» иткульско-гамаюнские или исетские.

Иткульской керамики нет и в Притоболье. Металлурги иткульской культуры никогда не были здесь. До этих исконно бархатовских равнинных территорий дошло несколько волн миграций иного населения – представителей гамаюнской, исетской, кульминской, белоярской, сузгунской, журавлевской, баитовской и иных культур. Определение памятников с исетской («второго типа иткульской»), карагай-аульской и вак-куровской (северной баитовской) керамикой в качестве «восточного варианта иткульской культуры» [Зимина, Зах, 2006] ошибочно. Общество иткульских металлургов по всем параметрам (генезис, хронология, судьбы развития, поселения, жилища, орудийный комплекс, хозяйство, включая металлургию, металлообработку и домашние производства) в корне отлично от культуры скотоводов-охотников-рыболовов Притоболья IX/VIII–VI вв. до н. э., которую я предложил именовать юртоборской.

К сожалению, даже коллеги, согласные с полным различием этих культурных образований (Ю. П. Чемякин, С. В. Кузьминых, Н. С. Савельев), продолжают использовать термин «восточный вариант иткульской культуры», что вводит в заблуждение неподготовленного читателя.

Примечание

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ, тема № FEUZ-2023-0018.

Библиографический список

- Бадер О. Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 79. М.: АН СССР. С. 88–103.
- Бельтикова Г. В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
- Бельтикова Г. В. Иткульский очаг металлургии: ориентация и связи // Уральский исторический вестник. № 8. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 142–163.
- Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 162–186.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. 1991. Вып. 20. С. 102–114.
- Берс Е. М. Памятники и керамика гамаюнской культуры // Из истории Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1960. С. 75–86.
- Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. 2-е изд. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1963. 84 с.
- Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 189 с.
- Борзунов В. А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы. Екатеринбург; Нефтеюганск; Ханты-Мансийск: Изд-во Магеллан, 2014. С. 212–245.
- Борзунов В. А. О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // Российская археология. 2019. № 3. С. 131–146.
- Борзунов В. А., Кузьминых С. В. Изделия из цветного металла памятника Серный Ключ в горах Среднего Урала // ПА. № 1 (39). Казань: Из-во ФЭН, 2022. С. 17–33.
- Григорьев С. А., Васина Ю. В., Ивасько Л. В., Котов В. Г. Мегалитические комплексы Урала: проблема датировки // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического совещания в Суздале. М.: Институт археологии РАН, 2008. Т. I. С. 204–206.

Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 254–270.

Зимина О. Ю., Зах В. А. Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Крижевская Л. Я. Южно-уральская экспедиция / Археологические открытия 1966 г. М.: Наука, 1976. С. 110.

Крижевская Л. Я. Сосуд ананьинского времени для выплавки металла // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. 1959. Вып. 77. С. 109–111.

Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д. Металлопроизводство иткульской культуры Среднего Урала (по аналитическим данным) // Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 16–33.

Савельев Н. С. Культовое место эпохи ранних кочевников на горе Крутая в Южном Зауралье // Российская археология. 2022. № 1. С. 53–66.

Сальников К. В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // Из истории Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1960. С. 7–17.

Сальников К. В. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки Челябинского областного краеведческого музея. Вып. 1. Челябинск: Челябингиз, 1962. С. 21–46.

ONCE AGAIN ABOUT PROBLEMS AND INCIDENTAL SITUATIONS IN DESCRIPTION OF THE EARLY IRON AGE CULTURES OF THE FOREST TRANS-URALS

V. A. Borzunov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620083, Lenina Prospect, 51, Yekaterinburg, Russia

A number of strange situations in the characterization of the cultures of the Early Iron Age is caused by using materials of different ages deposited in a mixed state in thin cultural horizons at the sites of the mountain-forest Trans-Urals, as well as inaccuracies in the diagnosis of pottery types. This must be corrected. Thus, the Gamayun culture of hunters and fishers who came from the north of the late Bronze Age – the beginning of the Iron Age was mistakenly attributed by some researchers to the Eneolithic, by others – to the highly developed steppe cattle herders and metallurgists of the Bronze Age. The local Itkul' culture of the 7th / 6th – 3rd / 2nd centuries BC was formed from the clans of miners, metallurgists and blacksmiths, who emerged from the cattle-breeding tribes of the Mezhovka culture of the Late Bronze Age. Nevertheless, materials of the heterogeneous Iset' culture were erroneously attributed as belonging to this culture. The formation of the Iset' culture was the result of the interaction between the bearers of the Gamayun culture and the Late Bronze Age of the Barkhatovo culture of the Tobol River region. Definition of cattle herders' communities of the Lower Tobol River region in the 9th–6th centuries BC with ceramics of the Iset', Karagai-Aul and Vak-Kur (Northern Baitovo) types as an «eastern variant of the Itkul' culture» is also incorrect. These are fundamentally different cultural formations in all characteristics. Artisans of the Itkul' culture and the Trans-Urals center of metallurgy lived and worked separately, in fortified settlements, providing copper not so much for themselves as for the surrounding steppe and forest tribes. In return, they received livestock and a small amount of ligature for the production of bronzes. Representatives of the Iset' communities acted as intermediaries in trade and exchange operations.

Key words: Trans-Urals, forest, forest-steppe, Early Iron Age, revision of archaeological cultures.

КЛАДЫ БУЛГАРСКИХ МОНЕТ XV В. КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БУЛГАРСКОГО ВИЛАЙАТА

А. И. Бугарчев ©

Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Татарстана, 420012, Казань, ул. Бутлерова, 30
Abugar.61@rambler.ru

В статье рассматриваются клады серебряных монет первой половины XV в. Общее число исследуемых комплексов составляет девять единиц. Все они были найдены на небольшой территории в Тетюшском и в Апастовском районах Татарстана. В составы данных кладов входили в основном ачке чеканки болгарских монетных дворов. В конце статьи приводится фототаблица монет из клада села Большая Турма.

Ключевые слова: ачке, серебряная монета, денежное обращение, Большая Турма, Булгарский вилайат, XV век.

Денежное обращение Улуса Джучидов XIII–XV вв. можно разделить на шесть этапов [Петров, 2016]. Рассмотрим особенности шестого этапа, к которому относится период с начала XV в., с реформы Шадибека, до 40-х гг. XV в. на примере Булгарского вилайата.

Одной из активных зон денежного обращения в Булгарском вилайате являлось Правобережье Волги (современные Тетюшский и Апастовский районы Татарстана).

Приведём опись ранее опубликованных кладов с указанной территории.

1) г. Тетюши (2–3 км выше города), 1907 г. Всего найдено 1515 экземпляров, старшая – Узбека, младшая – Пулада (1407–1410). Клад состоял из монет династии Джучидов, Джелаиридов, Исфендиаридов, и русских. 198 монет поступило в Эрмитаж [Фёдоров-Давыдов, 1960, № 198].

2) с. Чула, Тетюшский р-н, 1956 г. Было найдено до 700 экземпляров, чеканенных в основном на монетных дворах Булгар и Булгар ал-Джадид в начале XV в., а также русские монеты [Фёдоров-Давыдов, 1960, № 202а].

3) Шангут, Апастовский р-н, 1963 г. Сохранился 41 экземпляр, старшая – с именем Хызра, младшая – с именем Керим-Бирди [Фёдоров-Давыдов, 2003, № 202е]. Монеты чеканились на монетном дворе Булгар и на южных монетных дворах.

4) Шангут, Апастовский р-н, 1970 г. Сохранилось 84 экземпляра конца XIV – начала XV вв. [Фёдоров-Давыдов, 2003, № 202ж]. Из монетных дворов указаны Орда и Хаджи-Тархан.

5) Клад из окрестностей г. Тетюши, найден в XXI в. Всего в кладе находилось 311 экземпляров, чеканенных с 805 / 1402 г. до 822 / 1419 г. [Бугарчев, Купцов, 2017, с. 117–127]. Монеты клада чеканились на монетных дворах Булгарского вилайата: Булгар, Булгар ал-Джадид, Сарай (при Пуладе).

6) с. Большие Атряси, найден в XXI в. 31 экземпляр, эмитенты – от Шадибека до Мухаммада, монетные дворы Булгар, Сарай (Булгарского вилайата), Сарай ал-Джадид. [Степанов, Бугарчев, 2018].

7) Окрестности с. Большие Атряси, 2012 г.? Состоял из 177 монет болгарской чеканки, эмитенты от Шадибека до Мухаммада [Степанов, Бугарчев, 2018].

8) с. Большие Атряси, 22 экземпляра болгарской чеканки, эмитенты – от Пулада до Мухаммада.

Недавно нам удалось зафиксировать состав ещё одного небольшого комплекса, найденного 10 лет назад около села Большая Турма. Приведём его состав.

Таблица

Клад монет из села Большая Турма (Тетюшский район Татарстана)

№	Эмитент	Монетный двор	Дата чеканки	Вес, г	Прим.
1	Тимур	Булгар	(813–814 / 1410–1411)	0,64	
2	Кибак	«Биналихан» (Булгар)	(816 / 1413–1414)	0,57	[Рева, 2006, Кб 3]
3	Чекре	Булгар	(816–818 / 1414–1416)	0,48	

4	Дервиш (зеркально)	Булгар	(818–822 / 1416–1419)	0,53	[Рева, 2005, 33–40]
5	Дервиш (зерк.)	Стёрто		0,60	[Рева, 2005, 33–40]
6	Дервиш (зерк.)	Булгар		0,55	[Рева, 2005, 37]
7-8	Дервиш (зерк.)	Булгар		0,57; 0,76	2 экз.
9-10	Дервиш (зерк.)	Булгар		0,50; 0,59	2 экз. [Рева, 2005, 33]
11	Дервиш (зерк.)	Стёрто		0,58	
12-14	Дервиш	Булгар		0,58; 0,59; 0,54	3 экз. [Рева, 2005, 28]
15	Дервиш	Стёрто		0,61	Л.с. [Рева, 2005, 28]
16	Дервиш	Булгар		0,44	[Рева, 2005, 27]
17	Дервиш	Стёрто		0,62	[Рева, 2005, 27–28]
18	Дервиш ХЗ	«Булгари»		0,47	
19-20	Дервиш ХЗ	«Булгари»		0,52; 0,49	2 экз.
21	Дервиш ХЗ	Стёрто		0,60	
22	Дервиш	Булгар		0,52	
23	Дервиш? Мухаммад?	Булгар	(822? / 1419–1420?)	0,53	Как Рева, 28
24	Дервиш? Мухаммад?	Стёрто	(822? / 1419–1420)	0,55	
25-26	Анонимная		(822 / 1419–1420)	0,56; 0,69	2 экз.
27-31	Анонимная			0,75; 0,46; 0,45; 0,62; 0,66	5 экз.
32	Кадыр-Бирди	Стёрто	(822 / 1419–1420)	0,57	
33	Мухаммад	Стёрто	(822–826? / 1419–1423?)	0,56	
34	Мухаммад	Стёрто		0,55	Султан ал-адил Мухаммад
35	Стёрто	3-хногая тамга	(После 1419)	0,45	
36	Стёрто	«Булгари»		0,51	
37-39	Стёрто	Булгар		0,52; 0,53; 0,56	3 экз.
40	Не прочитан	Булгар		0,61	
41-45	Стёрто	Стёрто		0,52; 0,48; 0,46; 0,36; 0,58	5 экз.

Всего в кладке было выявлено 45 акче, из них атрибутировано 34 экземпляра. Хронологический диапазон – около 10 лет. Все они были чеканены на монетных дворах Булгарского региона. Необходимо отметить, что в первой трети XV в. указание на монетный двор Булгар означало только то, что денежное производство находилось в Булгарском регионе в разное время в разных местах. Где находился «Булгар» XV века – до сих пор не выяснено.

Всего на сегодняшний день можно говорить о девяти кладках серебряных монет, найденных на небольшой территории от сел Большие и Малые Атряси и городом Тетюши. Кроме этого, в 2021 г. был издан комплекс медных ордынских монет XIV в. общим числом 112 пулов [Бугарчев и др., 2021]. Такое

значительное количество дирхамов и пулов, найденных на указанном участке, свидетельствует о существовании здесь в XIV – первой половине XV в. большого населённого пункта (города?) с активным денежным обращением.

Рис. 1. Булгарские монеты. 1. Дервиш, Булгар, вес 0,53 г. 2. Дервиш, «Булгари», вес 0,47 г. 3. Кадыр-Бирди, вес 0,57 г. 4. Анонимная, вес 0,69 г. 5. Неопределённая, Булгар, вес 0,56 г. 6. С именем Мухаммада (Хаджи-Мухаммад?), трёхногая тамга, вес 0,45 г.

Судя по нумизматическому материалу, в первой половине XV в. крупными поселениями Среднего Поволжья были Иски-Казань (в современном Высокогорском районе) и Торецкое поселение (в Алексеевском районе, около Билярска). Третьим значительным археологическим памятником, как мы установили, является Атрясинский комплекс. Прежние экономические центры, такие как Булгар, Джукетау (Чистополь) и Чакма (Лаишево), прекратили функционировать в 1360-е годы. Причинами этого являлись политическая нестабильность («Замятня») и эпидемия чумы [Лебедев и др., 2008, с. 48].

Публикация нумизматических комплексов XV в. – сборов и кладов – помогает воссоздать более полную картину жизни Среднего Поволжья в период перехода от Золотой Орды к Казанскому ханству.

Библиографический список

Бугарчев А. И., Купцов А. Е. Клад монет начала XV в. из окрестностей г. Тетюши (Татарстан) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года. Мат-лы докладов и сообщений. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 117–127.

Бугарчев А. И., Мингазов М. Н., Мулюков И. А. Обзор медных джучидских монет из Атрясинского археологического комплекса (Татарстан) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2021 года. Москва, 23 и 24 ноября 2021 г. Материалы докладов и сообщений / Отв. ред. Е. В. Захаров. М., 2021. С. 84–88.

Лебедев В. П., Бугарчев А. И., Гумаюнов С. В. Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. / Под ред. П. Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 39–49.

Петров П. Н. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII – XV вв. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. С. 616–633.

Рева Р. Ю. Монеты хана Дервиша // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков / Под. ред. П. Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 159–164.

Рева Р. Ю. Булгарский чекан хана Кибак // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков / Под. ред. П. Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 126–127.

Степанов О. В., Бугарчев А. И. Новый клад из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ) // Родной край, № 1. 2018 / Гл. ред. Д. М. Исхаков. Казань. С. 88–91.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. 1960. С 94–192: 5 карт.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М.: «Палеограф», 2003. 352 с. и 40 с. ил.

TREASURES OF BULGARIAN COINS OF THE XV CENTURY AS SOURCES ON THE HISTORY OF THE WILAYAT OF BULGHAR

A. I. Bugarchev

Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of Tatarstan,
Butlerova str., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan
Abugar.61@rambler.ru

The article considers silver coin hoards of the first half of the XV century. The total number of complexes under study is nine units. All of them were found in a small area in Tetyushy and Apastovo districts of Tatarstan. These hoards consist mainly of akche made at Bulgarian mints. At the end of the article there is a photo table of coins from a hoard of Bolshaya Turma village.

Key words: akche, silver coin, money circulation, Bolshaya Turma, Bulgarian wilayat, XV century.

«КАМСКИЙ МЕЗОЛИТ» И ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК

А. В. Волокитин [©]

Институт языка, литературы и истории Коми научного центр УрО РАН,
167005, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
volkt54@mail.ru

Н. А. Волокитина

Институт языка, литературы и истории Коми научного центр УрО РАН,
167005, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
univ_edu@mail.ru

Обсуждается происхождение и содержание таких понятий, как камский мезолит, камская мезолитическая культура, особая камская мезолитическая культурная область и камская историко-культурная область эпохи мезолита О. Н. Бадера, камско-вычегодский мезолит, камско-печорско-вычегодский мезолит, камско-печорский культурный тип, средневычегодская (ульяновская) культура Г. М. Букова, а также некоторые другие. Следует понимать, что это множество наименований относиться в основном к одному и тому же кругу памятников или же его частей.

Рассматриваются также варианты периодизации этого феномена. Они подчас очень сильно разнятся. Основная проблема – скудость источниковой базы и почти полное отсутствие независимых датировок. Эти же проблемы характерны и для современного состояния мезолитоведения как Северного, так и Среднего Приуралья. Примером тому периодизации А. Ф. Мельничука (2021) и Е. Л. Лычагиной (2008, 2009).

Ключевые слова: мезолит, Кама, Вычегда, Печора, камская мезолитическая культура, средневычегодская мезолитическая культура.

Проблема выделения культур в мезолите всегда вызывает дискуссии, в полной мере это относится к мезолиту Приуралья. Утверждение, что О. Н. Бадером [Лычагина, 2008, с. 41; 2009, с. 145–153] была выделена «самостоятельная камская мезолитическая культура», вовсе не является справедливым. И что здесь не так? Почему значительная часть исследователей избегает употреблять этот термин *камская мезолитическая культура*? Дело в том, что О. Н. Бадер, по имеющимся на тот момент материалам, лишь начал процесс выделения «культуры». Так, на карте «*территория камской мезолитической культуры*» включает памятники притоков Печоры в Большеземельской тундре, на р. Вычегда, р. Кама с приустьевым участком и р. Белая [Бадер, 1966, с. 200]. В тексте статьи этот ареал фигурирует также как «*особая камская мезолитическая культурная область*» [Бадер, 1966, с. 197], «*камская историко-культурная область эпохи мезолита*» [Бадер, 1966, с. 199]. Ну и, конечно, употребляется термин «*камский мезолит*». Впрочем, в одной из последующих работ О. Н. Бадер рассуждал также о генезисе *уральского мезолита* [Бадер, 1981, с. 45–47].

Очевидно, по крайней мере, несоответствие всех этих понятий. Поэтому в текстах встречаются отсылки не к камской мезолитической культуре, а к прикамским мезолитическим памятникам Огурдино, Нижнеадищевская [Гусенцова, 1993, с. 65], позднемезолитическим памятникам прикамского типа [Бадер, 1970, с. 96], прикамскому мезолиту [Канивец, 1967, с. 4], камскому мезолиту [Лузгин, 1972, с. 122].

Отметим, что в представлении В. Ф. Старкова [Старков, 1989, с. 126], памятники камской мезолитической культуры располагаются в бассейне Вятки и Верхней Камы.

Г. М. Буров, основоположник исследований мезолита на Европейском Северо-Востоке, также не использовал термин «камская мезолитическая культура». Описывая материалы открытых им стоянок на Вычегде, он отметил их сходство с мезолитическими памятниками Прикамья (Огурдинской, Кама-Жулановской, Нижнеадищевской стоянками), а также объединил мезолитические стоянки Европейского Северо-Востока и Прикамья в одну группу, получившую наименование камско-печорско-вычегодский мезолит [Буров, 1967]. Его дата была определена временем «после VI тыс. до н. э.» Вслед за Г. М. Буровым камско-печорско-вычегодский мезолит (Kama-Vychegda-Pechora Mesolithic) поместил в свой обзор С. Козловский [Kozłowski, 1973, с. 351]. Впрочем, сделал он это, пояснив, что использует его как синоним камской мезолитической культуры (the Kama Culture). Соответствующим образом выглядит ареал культуры на карте [Kozłowski, 1973, с. 365].

Г. М. Буров в середине 1980-х гг. существенно откорректировал свою концепцию мезолита региона [Буров, 1986; 1990]. Им выделено два культурных типа: камско-печорский, датируемый VIII–VII тыс. до н. э., и висский (вторая половина VII–VI тыс. до н. э.). К висскому культурному типу отнесены материалы Висского 1 торфяника, суходольных комплексов Виса 1, Симвы 3, стоянок Черташ II на Вычегде и Топыд-Нюр 5 на Печоре.

Камско-печорский тип, согласно Г. М. Бурову, включает мезолитические стоянки с «микро-макролитическим инвентарем» Приуралья, Валдая, Сухоны, Прииртышья и частично Поволжья. Г. М. Буров полагает, что в этот культурный тип входят в среднем Прикамье – Нижнее Адищево, Кама-Жулановка; Нижнекамско-Бельском районе – Татарский Азибей III, Романовка II, Холодный Ключ; Западном Прииртышье – Сухрино I, Крутики I, Убаган III; Вятском крае – Степинцы II, Городище, Баринка II; поречье Сухоны – Колупаевские памятники и в Волго-Окском бассейне – средний слой Елина Бора, Борки, Петрушино, Скнятино; а также на Валдае – Боровичи; археологические культуры: позднебутовская, валдайская, сухонская и др.¹ На Вычегде к этому типу отнесены стоянки средневычегодской культуры (Курьядор I, Пезмог I, Ульяново и др.), а также стоянка Кузьвомын. К данному культурному типу отнесено также большинство стоянок Печоры (включая и Большеземельскую тундру) и ижемская стоянка Турун-Нюр I. Примечательно, что Огурдино, краеугольный памятник камской мезолитической культуры, камского мезолита, Г. М. Буров безоговорочно отнес к усть-камской культуре [Буров, 1986, с. 28].

Несомненно, что были и есть основания объединять перечисленные как О. Н. Бадером, так и С. Козловским и Г. М. Буровым памятники в определенную общность (но не культуру!), возможно, имевшую территориальное единство. Конечно, из этого следует исключить некоторые индустрии, как бутовские и парчевские, например, явно выпадающие из этого ряда.

По поводу принципов сходства / объединения мезолитических индустрий наиболее убедительным выглядит сходство по технике расщепления. А именно: распределение по ширине пластин и длине сечений пластин, предложенное Л. Л. Косинской [Косинская, 1988]. «Камский» тип распределения пластин по ширине характеризуется пиком узких пластин при значительном проценте микропластин, а среди сечений преобладают, как правило, длинные, чья длина в два раза превышает ширину [Косинская, 1988; 2007; Волокитин, Косинская, 1995]. Следует добавить к этому еще и наличие карандашевидных нуклеусов.

Что касается современной интерпретации камской мезолитической культуры. Пермские исследователи, представители школы О. Н. Бадера, ограничивают негласно ее территориально Пермским Предуральем, бассейном верхнего течения Камы. Или, другими словами, это то, что называлось многими «камский мезолит типа Огурдино и Нижнеадищевской стоянок». В научный оборот введены новые материалы, но вместе с тем по-прежнему не хватает естественно-научных датировок. Следствие этого – разные интерпретации хронологических позиций отдельных индустрий и создание отличающихся друг от друга периодизаций. Это, впрочем, было характерно и для предыдущих разработок. Напомним, что вопреки О. Н. Бадеру, В. Ф. Старков индустрии типа Нижнее Адищево считал более ранними по сравнению с Огурдинскими [Старков, 1989].

А. Ф. Мельничук [Мельничук, 2007] описал в Пермском Предуралье ряд групп финальнопалеолитических памятников, в том числе и с трапециями, по его мнению, «в культурном и социально-экономическом плане тяготеющий к ареалам синхронных культур Восточной Европы». На этой основе сформировался ранний этап (в Пребореале!) камской мезолитической культуры. Периодизация камской мезолитической культуры, изложенная А. Ф. Мельничуком в позднейшей работе, представлена в виде хронологических горизонтов: огурдинского, нижеадищевского, косинского. Причем на Огурдино отмечены как огурдинский (ранний этап камской мезолитической культуры), так и нижеадищевский (раннебореальный, классический микролитический этап камской мезолитической культуры) горизонты [Мельничук, 2021].

По-прежнему остается актуальной отраженная в учебном пособии точка зрения на периодизацию камской мезолитической культуры Е. Л. Лычагиной. Ей выделены усть-сылвенский раннемезолитический, огурдинский развитой и усть-половинский позднемезолитический этапы [Лычагина, 2008; 2009]. Можно понять логику помещения усть-сылвенского этапа в мезолит. Сложнее с огурдинским этапом, одна «группа» которого представлена базовым поселением Огурдино, а вторая – микролитическими индустриями без трапеций типа нижеадищевских, принадлежащих кратковременным стоянкам.

Сравнивая точки зрения Е. Л. Лычагиной и А. Ф. Мельничука, уместно напомнить замечание, что, если бы в коллекции уникального мезолитического памятника Огурдино протяженностью 3 км не

было бы трапеций, «то в мезолите Камы было бы две культуры. С трапециями и без ...» [Волокитин, 2013, с. 20].

В Северном Приуралье в настоящее время активно изучаются мезолитические памятники, отличные от камской мезолитической культуры как по технике расщепления, так и орудийному набору. Это стоянки Парч 1 и Парч 2 [Волокитин и др., 2017] на Вычегде, Вылыс Том 2 и 3, Очью катище [Волокитин, Волокитина, 2022] на Ижме. Здесь проведены комплексные исследования, получены серии дат, анализируются представительные коллекции.

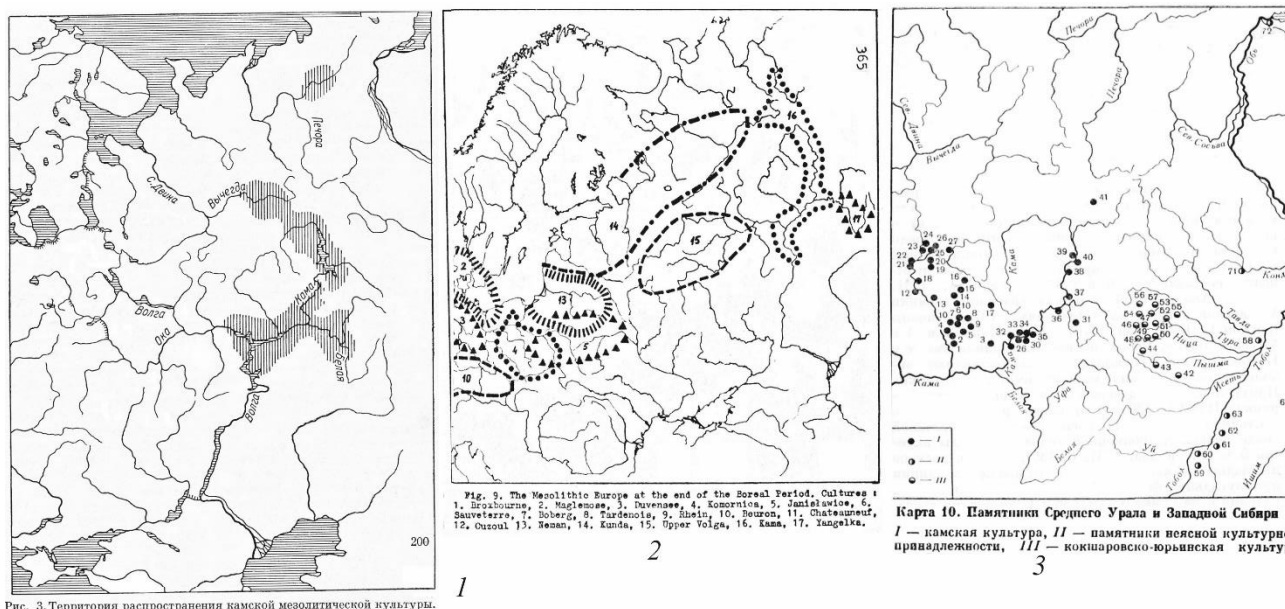

Рис. 3. Территория распространения камской мезолитической культуры.

Рис. Арёалы камской мезолитической культуры по 1 – О.Н. Бадеру (1966);
2 – С. Козловскому (1973); 3 – А.Ф. Старкову (1989)

Памятники с камским типом расщепления, расположенные на тех же территориях и в непосредственной близости, что и вышеупомянутые, к сожалению, исследованы не так успешно. Первоначально они открыты и исследованы Г. М. Буровым во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., и сразу было выявлено их сходство с камским мезолитом типа Нижнее Адищево и пр. Им выделена средневычегодская мезолитическая культура, позднее переименованная в ульяновскую, по одному из полно исследованных вычегодских памятников стоянки Ульяново. По поводу признаков выделения этой культуры имеется немало нареканий [Волокитин и др., 2015, с. 19]. Однако до настоящего времени средневычегодская культура – понятие, которым приходится оперировать, анализируя мезолит региона. Исследованные в последний период стоянки отчасти дополняют материалы, полученные Г. М. Буровым. Это, прежде всего, ижемская стоянка Лек-Леса [Волокитин, 2005]. Вместе с тем вычегодские стоянки Пезмогты 6 [Волокитин и др., 2015] и Чердыб 1, Чердыб 2 [Волокитин, Волокитина, 2021] при сходстве технических показателей индустрий имели более разнообразный орудийный набор. Отчасти формы обнаруживают сходство с памятниками парчевской традиции / культуры. Эти индустрии получили рабочее наименование «смешанных». К сожалению, единичные даты и скудость палеогеографических данных, связанные с особенностями залегания культурных остатков, не позволяют создать стройной концепции генезиса и развития данных памятников [Волокитин, 2021].

Подводя итоги, следует признать, что понятие камской мезолитической культуры имеет место быть. При этом в Северном Приуралье есть две группы (традиции) мезолитических памятников, близких по технико-типологическим показателям камской мезолитической культуре. Все остальное, надо надеяться, будет решено в ходе последующих исследований.

Примечание

¹ Особо спорно присутствие здесь бутовской культуры.

Библиографический список

- Бадер Н. О.* Мезолит. Каменный век на территории СССР № 166. / Отв. ред. А. А. Формозов. М., 1970. С. 90–104.
- Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1966. № 126. С. 194–205.
- Бадер О. Н.* Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. Вып. 15. С. 44–48.
- Буров Г. М.* Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э.). М., 1967. Наука. 220 с.
- Буров Г. М.* Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д. и. н. Новосибирск, 1986. 37 с.
- Буров Г. М.* Ранний (камско-печорский) микро-макролитический мезолит Приуралья и Черноморско-Каспийская область // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. конф. Куйбышев, 1990. С. 19–21.
- Волокитин А. В.* Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: АCADEMIA, 2005. С. 198–205.
- Волокитин А. В.* О так называемых культурных связях в мезолите европейского Северо-Востока // Культурные связи населения европейского Северо-Востока в древности и средневековье: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар. 2013. Вып. 18. (Коми научный центр). С. 21–40.
- Волокитин А. В.* Мезолит Северного Приуралья // Археология Волго-Уралья. Т. 1. Каменный век / Ч. 2. Мезолит. Гл. 7. Отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 215–238.
- Волокитин А. В., Волокитина Н. А., Карманов В. Н.* Мезолитический памятник Пезмогты 6 в среднем течении реки Вычегды // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока Сер. «Материалы по археологии европейского Северо-Востока». Вып. 19 (МАЕСВ. Вып 19). Сыктывкар, 2015. С. 16–38.
- Волокитин А. В., Волокитина Н. А.* Мезолитические стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 на р. Вычегда // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2 (22). С. 114–130.
- Волокитин А. В., Волокитина Н. А.* Детали исследования мезолита Ижма-Томского геоархеологического микрорайона // Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной. Курган, 2022. С. 26–27.
- Волокитин А. В., Косинская Л. Л.* К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. МАЕСВ. Вып. 13. Сыктывкар, 1995. С. 25–42.
- Волокитин А. В., Панин А. В., Зарецкая Н. Е.* Начальное заселение долины Верхней Вычегды в связи с геоморфологическими условиями в позднеледниковье – раннем голоцене: мезолитические стоянки Парч 1 и 2 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 42–57.
- Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 240 с.
- Канивец В. И.* Основные проблемы археологии Крайнего Северо-Востока Европы // V Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967. С. 3–6.
- Косинская Л. Л.* Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. МАЕСВ. Вып. 11. Сыктывкар, 1988. С. 33–47.
- Косинская Л. Л.* Мезолитические памятники в бассейне нижней Вычегды // Каменный век европейского Севера (сборник статей). Сыктывкар, 2007. С. 125–147.
- Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.
- Лычагина Е. Л.* Каменный век Пермского Предуралья: учебное пособие. Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 120 с.
- Лычагина Е. Л.* Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 145–153.
- Мельничук А. Ф.* Финальный палеолит Пермского Приуралья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Специальность 07.00.06 – археология. Ижевск, 2007. 23 с.

Мельничук А. Ф. Мезолит Верхнего и Среднего Прикамья // Археология Волго-Уралья. Т. 1. Каменный век / Ч. 2. Мезолит. Гл. 6. Отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 203–214.

Старков В. Ф. // Археология СССР. Мезолит СССР / под ред. Л. В. Кольцова. М.: Наука, 1989. Ч. I, гл. 12. С. 125–129.

Kozłowski S. K. Introduction to the History of Europe in Early Holocene. In: Kozłowski S. K. The Mesolithic in Europe. Warsaw: Warsaw University Press, 1973. P. 331–366.

«THE KAMA MESOLITHIC» AND THE EUROPEAN NORTHEAST

A. V. Volokitin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch,
Communisticheskaya str., 26, 167005, Syktyvkar, Russia
volkt54@mail.ru

N. A. Volokitina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch,
Communisticheskaya str., 26, 167005, Syktyvkar, Russia
univ_edu@mail.ru

The article discusses the origin and content of such concepts used by O. N. Bader as the Kama Mesolithic, the Kama Mesolithic culture, the special Kama Mesolithic cultural region and the Kama historical and cultural region of the Mesolithic and concepts used by G. M. Burov – the Kama-Vycheгда Mesolithic, the Kama-Pechora-Vycheгда Mesolithic, the Kama-Pechora cultural type, the Middle Vycheгда (Ulyanovo) culture, as well as some others. These different names refer mainly to the same circle of archaeological sites or their parts.

Variants of the periodization of this phenomenon are also under consideration. They are very different. The main problem is the small number of sources and the almost complete absence of independent dating. The same problems are typical for modern studies of the Mesolithic of the Northern and Middle Urals. Periodization given by A. F. Melnichuk (2021) and E. L. Lychagina (2008, 2009) can serve as an example of that.

Key words: mesolithic, Kama, Vycheгда, Pechora, Kama Mesolithic culture, Middle Vycheгда Mesolithic culture.

О ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЕ КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Выборнов [©]

Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Самара, ул. М. Горького, 65/67
vibornov_kin@mail.ru

В статье анализируется история воззрений исследователей на хронологические рамки камской неолитической культуры. Прослеживаются зарождение и основы обоснования верхней и нижней границ позднекаменного века Среднего Прикамья в трудах О. Н. Бадера. Особое внимание уделяется роли материалов Левшинской стоянки. Констатируются причины корректировки временных рамок развития камских древностей. Определяется влияние итогов датировки культур неолита сопредельных территорий. Фиксируется воздействие на взгляды специалистов результатов радиоуглеродного анализа материалов стоянок лесостепного Поволжья. Анализируются факторы, влияющие на корректировку определения временных рамок различных этапов развития камской неолитической культуры.

Ключевые слова: неолит, камская культура, хронология, радиоуглеродный анализ.

В сентябре 1972 г. И. Б. Васильев пригласил нас, несколько студентов 2 курса, на раскопки в низовья р. Белой. Среди тех памятников, которые были исследованы, мне больше всего понравились керамика и каменные артефакты на стоянках Бачки-тау и Кюнь. Вернувшись домой, Игорь Борисович предложил мне заняться материалами последней. Коллекция хранилась в Уфе, и пришлось несколько раз туда съездить, где старшекурсники (и в первую очередь Миша Обыденнов, с которым с тех пор у нас сохранялись самые добрые отношения) научили меня обрабатывать и рисовать неолитические сосуды и кремневые изделия. В Самаре я штудировал книги и статьи по неолиту О. Н. Бадера [Бадер, 1951], Л. Я. Крижевской [Крижевская, 1968], В. П. Денисова [Денисов, 1960], А. Х. Халикова [Халиков, 1969]. Но по иллюстрациям я не находил полных копий фрагментов со стоянки Кюнь. И. Б. Васильев посоветовал съездить в зимних каникулах в Казань, где хранились коллекции неолитических памятников не только Нижнего Прикамья, но и Икско-Бельского междуречья. Он учил, что нужно самому просмотреть все материалы тех стоянок, которые были связаны с темой. Этому совету я последовал и за студенческие годы объездил (благо по студенческому билету было дешево) Пермь, Ижевск, Сыктывкар, Ульяновск, Ленинград, Москву и др., где хранились неолитические материалы. Так я познакомился с Р. С. Габышевым, который стал на долгие годы моим мудрым наставником.

И если комплексы II Лебединской и II Щербетской стоянок был уже предварительно опубликованы, тем не менее я понял правоту своего учителя. Что касается комплексов II Дубовогривской и Русско-Азиевской [Габышев, 1978, с. 22–39], которые еще не увидели свет, то эти «эльдorado» повергли меня в смятение. Они располагались через реку от стоянки Кюнь, и я нашел хорошие аналогии. Поскольку на последнем преобладали сосуды с гребенчатым орнаментом, то все, кому я показывал фото и рисунки, вносили «смуту» в мое сознание. Если одни говорили, что это поздний неолит, вторые считали, что это развитой этап камской культуры. А когда я попытался прояснить, как они соотносятся со стоянками, содержащими посуду, орнаментированную накольчатой техникой, то меня запутали окончательно. Единственное, что было незыблемо – верхняя дата завершения камской культуры – рубеж III и II тыс. до н. э. Это основывалось на обнаруженном медном ноже на Левшинской стоянке [Шмидт, 1940]. Не только сама дата, но и принадлежность к неолитическому комплексу в тот период не вызывали у исследователей сомнений [Бадер, 1963, с. 24; Халиков, 1969, с. 122]. И это было вполне естественно: на тот момент существовало представление о том, что единичные импорты, оказавшиеся в среде населения лесных рыболовов и охотников, не меняли их неолитическую сущность [Брюсов, 1952, с. 6].

Готовя доклад на УПАСК в Кургане, я переживал, что не познакомился с материалами стоянки Сауз II, которая располагалась недалеко от поселения Кюнь, но из комплекса были опубликованы только единичные фрагменты из разведок Николая Оттовича Бадера. На фото были представлены черепки, которые не походили на неолитические, и это меня озадачивало.

Какого же было мое изумление, когда на заседание секции камня вошел О. Н. Бадер. Доклад и ответы на вопросы я делал как в тумане. Доброжелательный отзыв на мой доклад несколько подбодрил

меня. В перерыве Отто Николаевич сам подошел ко мне, пояснил ряд моментов (керамика, опубликованная его сыном, была новоильинской), дал и мне возможность задать вопросы. И первым из них был: почему левшинский этап – поздний неолит, если присутствует медное изделие? Мэтр хитро улыбнулся, достал из портфеля книгу, в которой была его большая статья по уральскому неолиту, и подарил мне. Она была опубликована в 1970 году и до нас не дошла. Здесь автор конкретизирует, что левшинский этап относится уже к энеолиту [Бадер, 1970, с. 167]. Вернувшись домой, поделился итогами с Игорем Борисовичем, который показал мне нож из ямного погребения у с. Утевка, который имел некоторое сходство с левшинским. Сережа Агапов пояснил, что он тоже импортный, скорее всего, от майкопцев. И, на первый взгляд, выстраивалась цепочка обмена. Меня только смущало то, что даже от ямников на р. Самаре до Перми весьма приличное расстояние. По результатам УПАСКа мы поехали на ВАСК в Москву. По приглашению О. Н. Бадера я заехал в ИА РАН, и он в фондах показал мне коллекцию стоянки Сауз II, которую он раскопал в 1955 г. Стало понятно, что, кроме неолитической керамики, здесь представлена и турбинская (гаринско-борская), и новоильинская. Но больше всего меня заинтересовала странная посуда: узоры были типично камские, а на внешней стороне было утолщение. Этот тип напоминал венчики с Русского Азиеба, но даже Отто Николаевич тогда не смог мне прояснить его специфику. Но, узнав, что я планирую заниматься каменным веком, пригласил меня на стоянку Сунгирь, чтобы получить опыт как методики раскопок, так и обработки каменного инвентаря. На крыльях счастья я даже помчался (хотя хотелось помчаться отметить такое предложение) с С. Агаповым в лабораторию спектрального анализа, чтобы забрать результаты изучения ножа из Утевки. Какого было изумление Сергея, когда Е. Н. Черных ему сообщил, что этот предмет сделан не из кавказской бронзы, а из местных медистых песчаников. Иначе говоря, он не импортный. Пока мой однокашник приходил в себя, я, набравшись смелости, спросил и про левшинский нож. Евгений Николаевич подарил мне свою книгу, в которой есть этюд о его принадлежности [Черных, 1970] и сделал пояснение: этот артефакт тоже не импортный, и наиболее вероятно его принадлежность к гаринской культуре. Пришла очередь изумляться мне. Лежа на верхней полке плацкартного вагона, я успокаивал себя тем, что ничего кардинального не происходит. Даже при гаринской принадлежности нож с Левшино датируется теми же рамками, а значит, следует только несколько «удревнить» верхнюю планку неолита. Оставалось только неясно – насколько? И что может быть заменителем медного ножа для определения непосредственно хронологических границ позднего этапа камской культуры?

Эти вопросы я пытался прояснить уже в июле на раскопках на Сунгире, благо времени на это хватало. Отто Николаевич склонялся к тому, что разрыв между левшинским этапом и гаринцами был небольшой, поскольку переход от неолита к турбинской культуре был автохтонным и не резким [Бадер, 1973, с. 103]. Эта позиция была вполне современной: в то время новоильинская культура располагалась в периодизационном плане между гаринской и борской, а не между неолитом и гаринской. Что касается заменителя, то мы сошлись на возможности привлечения наконечников кельтеминарского типа, которые иногда встречались в каменном инвентаре не только Зауралья, но и Предуралья, в том числе на Бачки-тау и Русском Азиебе. Причем на первой стоянке из двух экземпляров один предмет был сделан из зауральской яшмы. Это давало возможность протянуть цепочку через Зауралье в Среднеазиатское междуречье, но на тот момент для собственно кельтеминарских памятников радиоуглеродных подтверждений четких временных границ не было.

В августе 1973 г. начались раскопки могильника у с. Съезжее на р. Самаре [Васильев и др., 1979, с. 147–166]. Меня поразили не столько фигурки животных и шлифованные тесла, сколько техника формовки венчика: воротничковое утолщение на внешней стороне. Сразу вспомнились аналогичные на Саузе. Получалось так, что О. Н. Бадером за двадцать лет до открытия Съезжинского могильника была обнаружена воротничковая посуда. Но ее интерпретация в тот период была весьма затруднена. Даже сам Съезженский могильник не имел даты, а его возраст определялся на основе сравнения с хвалынскими материалами, полученными только в 1977 г. – середина IV тыс. до н. э. [Васильев и др., 1979, с. 166]. Но и эта датировка не базировалась на радиоуглеродных определениях.

В декабре 1975 года в г. Ленинграде прошла Всесоюзная конференция по хронологии неолита, организованная Н. Н. Гуриной и ее коллегами по ЛОИА. После доклада Отто Николаевич нашел время в очередной раз побеседовать со мной относительно маркеров финала камского неолита. Я подробно изложил свою версию, и она в определенной мере нашла отражение в его статье по итогам конференции. С одной стороны, левшинский нож рассматривался как прототип гаринским, а с другой – верхний рубеж неолита автор все же сдвинул на середину III тыс. до н. э. [Бадер, 1978, с. 73]. Я рассказал о наличии воротничковой посуды в могильнике Съезжее и о ее сходстве с керамикой на Саузе II. И если последняя является производной от лесостепной, то датировать ее следует не позднее начала III тыс.

до н. э. Отто Николаевич предложил мне приехать в Москву, чтобы обработать для совместной публикации саузовскую коллекцию. Мне только потом сказали, что Отто Николаевич уже знал о своей болезни и решил форсировать и эту работу. На седьмом небе от счастья я принялся за дело, благо, что Виктор Зайберт, будучи аспирантом О. Н. Бадера, приютил меня в своей комнате в общежитии, которое располагалось в одном шаге от института. Вечерами я донимал коллегу из Казахстана вопросами о датировках кельтеминарских наконечников. Это был интерес, появившийся после статьи о наконечниках в Предуралье [Матюшин, 1975, с. 143–151], в которой автор отнес эти артефакты не к раннему неолиту, а к более позднему времени. Но если это так, то верхняя граница неолита Прикамья должна уходить в IV тыс. до н. э. Все упиралось в точные даты собственно кельтеминара. Виктор решил избавиться от моей назойливости и на следующий день познакомил с Александром Владимировичем Виноградовым. С той встречи наши контакты были очень оживленными, поскольку они были полезны обоим. На территории Приуралья, включая Северный Прикаспий, были обнаружены не только наконечники с боковой выемкой, но и рогатые трапеции, а на стоянке Толстова найден фрагмент сосуда с узором, аналогичным композициям на черепках самарской или прикаспийской культуры. Александр Владимирович сообщил, что именно для стоянки Толстова сделаны первые радиоуглеродные даты, правда, имеющие весьма большой разброс. Но наиболее вероятный интервал: первая половина – середина IV тыс. до н. э. [Виноградов, 1981, с. 133]. В таком случае и находки кельтеминарских наконечников на стоянках Русский Азибей и Бачки-тау могли датироваться сходным временем. А оно совпадало с предполагаемым возрастом воротничковой керамики могильника Съезжее. После этого я пошел к Отто Николаевичу и рассказал не только о том, что завершил обработку коллекции Сауза II, но и поделился своими размышлениями о верхней дате камского неолита. Он посоветовал сделать публикацию на эту тему и предложил выступить рецензентом. В начале 1979 г. статьи я написал [Выборнов, 1979, с. 21–24; Бадер и др., 1980, с. 124–137], приехал в Москву, чтобы вместе довершить публикацию по Саузу. Несмотря на то что Отто Николаевич был в больнице, он попросил меня прийти. Мы гуляли во дворе и обсуждали оставшиеся детали. Присев на лавочку, он опять хитро улыбнулся и протянул мне две странички печатного текста.

Дорогому Саше Выборнову

Вот так я представляю себе начало энеолита в наших лесах...

*Роняют лист багряные осины
Безбрежен хвойный лес под синими горами.
Но четкий след следов лосиных
Выводит на пустынный берег Камы.*

*Холодный ветер там гуляет вольно
И гонит по реке сердито волны,
Плоты и челноки от века к веку....
И неприятно на ветру лесному человеку.*

*Но есть зачем идти сюда с глухих стоянок.
Ведь, Кама – вековая дорога.
Она верна, свободна, без изъяна
От Каспия до горного порога.*

*И слух прошел: в прибрежные поселки
Охотников и рыболовов
Приплыли от соседей с полудня долбленки
И привезли вещей диковинных и новых.*

*И вот в землянке, перед очагами
Пришедшие любят ножами
Из красноватой меди, с узким черешком
И разговор ведут между собой о том.*

*«Остры мои кремневые ножи,
Но ты мне рядом медный положи!»*

*Не так он тверд, но гибок и блестит
А если надо, может быть и в новый перелит».*

*И снова в путь таежными тропами
Неслышными, звериными стопами,
А в сумке вместе с амулетом и огнивом
И медный ножик с огненным отливом.*

*Так в толщу древнюю культуры неолита
Пришел пока еще чужой металл.
За ним и плавка, и руда открыта,
Которой оказался так богат Урал.*

*И с середины третьего тысячелетья
Пришло начало лихолетья
С богатством, грабежом и за чужим скотом охотой,
Что мы назвали медно-бронзовой эпохой.*

*Прошли столетья Мирного, Правдивого Народа,
Когда решал Обычаем, без оружья распри Род
Ушло и равновесье с матерью природой,
Когда вкушался лишь ее излишний плод.*

*А в наши дни уж мало и осин багровых.
По Каме уплыла зеленая тайга,
И дыбом, наизнанку поднята земля,
Но радости не больше в людях новых.*

Прошло полвека с тех времен. В 1980 году я, 25 летний романтик, продолжил раскопки на Саузах в полной уверенности, что через пару лет все прояснится.

Получено много дат по камской [Лычагина, 2016, с. 140–158; Выборнов и др., 2021, с. 35–48], новоильинской и гаринской [Выборнов и др., 2023, с. 5–18] культурам, по хвалынским древностям и по могильнику в с. Съезжее [Выборнов, Кулькова, 2023, с. 34]. За этот долгий период появились даты не только по углю и костям, но научились делать и по керамике. И большое количество значений совпало, включая полученные на АМС. А многое стало ясно совсем недавно: и то, что кости человека и нагар в подавляющем числе случаев «удревняют» даты. Как и значения по керамике из ила с примесью раковин.

Прояснилось большое количество вопросов. В том числе и по верхней границе камской культуры. Она «постарела» по полторы тысячи лет. Да и я не помолодел...

Но вопросы не закончились. И совсем еще молодые специалисты будут ими заниматься еще полвека. Это здорово! И, возможно, это стихотворение им очень пригодится...

Библиографический список

Бадер О. Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // МИА № 22. М., 1951. С. 7–32.

Бадер О. Н. Древнейшая история Прикамья. М.: Наука, 1963. 42 с.

Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 157–171.

Бадер О. Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 72–74.

Бадер О. Н., Выборнов А. А. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита – энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. Изд-во: КГПИ. Куйбышев, 1980. С. 124–137.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР. 1952. 262 с.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. №4. С. 147–166.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 173 с.

Выборнов А. А. Металлические предметы и керамика левшинского типа – один комплекс? // Древняя история Поволжья. Изд-во КГПИ. Куйбышев, 1979. С. 21–24.

Выборнов А. А., Лычагина Е. Л., Кулькова М. А. Новые данные по хронологии неолита бассейна Камы // Вестник Пермского университета: История. Вып. 1(52). 2021. С. 35–48.

Выборнов А. А., Лычагина Е. Л., Кулькова М. А. Новые данные о хронологии энеолитических памятников Камско-Вятского междуречья // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1. С. 5–18.

Выборнов А. А., Кулькова М. А. Погребения нео-энеолита Волго-Уралья и воротничковый комплекс // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века. Самара – СПб. Изд-во ИИМК РАН. 2023. С. 33–34.

Габяшев Р. С. Русско-Азбейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья. Изд-во КФ АН СССР. Казань. 1978. С. 22–39.

Денисов В. П. Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки ПГУ. Вып. 1. Т. 13. Изд-во ПГУ. Пермь, 1960. С. 34–71.

Лычагина Е. Л. Радиоуглеродная хронология Верхнего и Среднего Прикамья и Камско-Вятского междуречья // Радиоуглеродная хронология неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. Смоленск: Свиток. 2016. С. 140–158.

Матюшин Г. Н. О наконечниках кельтеминарского типа на Урале // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Знание, 1975. С. 143–151.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Шмидт А. В. Стоянка у станции Левшино // СА. 1940. Т. V. С. 1–31.

ON THE UPPER BOUNDARY OF THE KAMA NEOLITHIC CULTURE

A. A. Vybornov

Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo str., 65/67, 443099, Samara, Russia
vibornov_kin@mail.ru

The article analyzes the development of researchers' ideas on the chronological framework of the Kama Neolithic culture. The substantiation of the Late Stone Age upper boundary in the Middle Kama region in the works by O. N. Bader are traced. Particular attention is paid to the role of materials from the Levshinskaya site. The reasons for adjusting the time frame for the development of Kama ancient artefacts are stated. The influence of dating the Neolithic cultures of adjacent territories is determined. It is stated how the results of radiocarbon analysis of the materials from the sites of the Volga forest-steppe region influence specialists' views. The factors are analyzed which affect the adjustment of the time frames specification for different stages of development of the Kama Neolithic culture.

Key words: Neolithic, Kama culture, chronology, radiocarbon analysis.

БУТЫЛОЧНЫЕ КЛЕЙМА ЮМЫШЕВСКОЙ СТЕКОЛЬНОЙ ФАБРИКИ

А. В. Гильдерман ©

ООО ЦИКИ «Астра» 454091, Россия, Челябинск, ул. Красноармейская, 106
gilderman.a@yandex.ru

В статье рассматриваются бутылочные клейма Юмышевской стекольной фабрики (Кунгурский уезд Пермской губернии) конца XVIII – первой четверти XIX вв., хранящиеся в коллекции Пермского краеведческого музея, и клеймо, найденное на археологическом памятнике Нового времени г. Екатеринбурга. На основе синхронных письменных источников и законодательных актов Российской империи обосновывается их расшифровка и датировка. Дано описание ассортимента выпускаемой продукции, ее объема и регионы сбыта, а также использовавшегося сырья. Письменные источники по стекольным фабрикам Пермской губернии плохо сохранились, поэтому на основе атрибутированных клейм удалось проследить смену владельцев предприятия.

Ключевые слова: археология Урала, бутылочные клейма, археологическое стекло, городская археология.

Расшифровка клейм на стеклянной посуде имеет первостепенное значение для атрибуции и датирования данной категории предметов, находимых на археологических памятниках Нового и Новейшего времени, а также хранящихся в частных и государственных музейных коллекциях, где они исследуются специалистами. Не менее значима для интерпретации информация об ассортименте, объемах производства и сбыте продукции предприятий стекольной промышленности [Гильдерман и др., 2022, с. 313]. В данном контексте представляется важным изучение законодательства Российской империи. Помимо этого, клейма могут быть ценным источником информации по истории производства при плохом сохранении письменных источников или их отсутствии. Целью статьи является ввод в научный оборот клейм Юмышевской стекольной фабрики, хранящихся в коллекции Пермского краеведческого музея и найденных на археологических памятниках, их расшифровка и атрибуция при помощи письменных источников.

В коллекции Пермского краеведческого музея хранится «клеймо бутылки» диаметром 2,6 см, из стекла темно-зеленого цвета с надписью кириллицей в две строки «Ф», «ВЮ» (рис., 1) и датируется периодом создания концом XVIII – началом XIX вв. [Госкаталог, № 14679366]. Замечу, что в 1774 г. Сенат издал Указ об обязательном клеймении штофов и бутылок, который в 1780 г. был повторен. Согласно ему, предписывалось «ставить звание фабрики, её содержателя и год» на стеклянных изделиях, а также указывать меру [ПЗСРИ, 1830, № 14.983]. В 1830 г. клеймение стеклянной посуды было отменено, «кроме особо поименованных хрустальных изделий» [ПЗСРИ, 1831, № 3467]. Как правило, клейма припаивались к плечевой части штофа или бутылки [Кайсин, 2015, с. 33]. Однако эти указы либо не выполнялись, либо выполнялись весьма небрежно, без проставления даты [Коваль, 2005, с. 297]. Вероятно, данное клеймо относится к Юмышевской стекольной фабрике или как он указан в источнике – «Стекольной Юмышевской завод».

Сама фабрика располагалась «на правой стороне речки большого Юмыша» при д. Мартыновой Кыласовской волости Кунгурского уезда Пермской губернии и принадлежала кунгурскому купцу Василию Юхневу [Хозяйственное описание..., 1804, с. 396]. По одним данным, фабрика была основана в 1782 г. [Историко-географическое..., 1801, §74–3 е], по другим в 1783 г., «в действие приведен в сентябре того же года» [Хозяйственное описание..., 1804, с. 396]. Когда фабрика перешла к другому владельцу, не совсем ясно. В таком источнике, как «Историческо-географическое описание Пермской губернии сочиненное для Атласа 1800 года», содержится следующая информация: «В Кыласовской волости на речке малом Юмыше находится купеческий стекольный завод, заведенный в 1782 году купцами Юхневыми, где делается было зеленое стекло и разная стеклянная посуда» [Историко-географическое..., 1801, §74–3 е]. В другом источнике «Хозяйственное описание Пермской губернии <...> сочиненное в 1802 и 1803 году» указано следующее: «По смерти купца Юхнева продан Пермским Губернским Правлением с аукционного торгу Пермскому купцу Михайле Шанину за 2050 рублей» [Хозяйственное описание..., 1804, с. 396]. Исходя из описанного выше, В. Юхнев к 1800 г. умер, а фабрика, вероятнее всего, находилась в бездействии, на что указывает фраза «делается было», и, вероятно, уже

к 1801–1802 гг. был продан М. Шанину. В том же хозяйственном описании имеется следующая информация об ассортименте: «Листовое аршинное стекло ныне на продажу не делается; но прежде (купцом Юхневым) приготавливалось оно довольно, как и разной посуды и продавались ведерные бутылки и банки по 200 коп., полуведерные по 50, осминные бутылки по 12, кувшины по 20, кружки по 5, восьминные банки от 7 до 5 коп.: ящик листового аршинного стекла, состоящий из 120 стекол, от 20 до 25 рублей» [Там же, с. 397–398]. В связи с вышесказанным есть вероятность, что данное клеймо относится к фабрике В. Юхнева. Об этом говорят следующие факты: близость производства, зеленый цвет клейма, датировка, совпадающая с периодом владения фабрикой В. Юхневым и совпадение букв «содержателя», где «Ф» – Фабрика, «ВЮ» – Василий(я) Юхнев(а). При этом стоит сказать, что данное клеймо не относится к другому местному заводу, так как в губернии их было всего два. Вторая фабрика располагалась в Камышловском уезде и принадлежал отставному прапорщику Макке [Там же, с. 399]. К сожалению, на клейме отсутствует дата, как писалось выше, из-за небрежного исполнения закона, что не позволяет ее точно датировать.

В том же музее хранится бутылочное клеймо диаметром 2,5 см из стекла зеленого цвета с надписями кириллицей и цифрами в три строки: «Ф», «МШ^о», «1806» (рис., 2) [Госкаталог, № 16071776]. Вероятнее всего, все той же Юмышевской фабрики, но уже принадлежащей купцу Михайле Шанину. Из-за плохой сохранности источников неизвестно время перехода фабрики другому владельцу. Изготавливались изделия в деревянном строении, в котором имелось «две фабрики»: «первая из них для варения разного», в которой имелось две печи для «варения стекла» – одна действующая и одна запасная. В них ставится по 4 горшка из белой глины величиною в «10 ведр». Для обжигания изготовленной посуды имелось 4 печи: две действующие и две запасные на случай починки. Вторая «фабрика» использовалась «для разводки оконничного стекла», в которой одна печь. Согласно данным за 1802–1803 гг., на фабрике изготовлялось: «штофов восьминных» 25 000, полуштофов 8000, «бутылок на образец англинских» 9000, а также «отчасти бутылки ведерные, полуведерные, осьминные; банки ведерные, полуведерные, осьминные и разные мелкие кувшины, и для поселян кружки и стаканы». «Стекло составляют из золы, выжигаемой из хвои еловой, пихтовой, березовой, осиновой и илемовой, и из мусорного песку». При этом изготавливаемое стекло «посредственной доброты, зеленое, но чистое», а для его очищения используют марганец («магnezия»). Изготовленные изделия хранились в 3 амбарах «немалой величины». Изделия поставляются «винному откупщику Расторгуеву в разные города Пермской губернии подрядом». Продукция изготавливалась 6 мастерами и 6 прочими работниками и «все они суть мещане г. Перми, Кунгура и Соликамска и Кунгурского уезда крестьяне» [Хозяйственное описание..., 1804, с. 396–398]. В связи со сказанным, данное клеймо можно атрибутировать как «Ф» – фабрика, «МШ» – Михайло(а) Шанин(а), по совпадениям первых букв имени и фамилии, «1806» – год производства изделия. Однако не совсем ясно, что означает этот знак «о» после буквы «Ш». Это буква «о» или просто изображение круга как элемент декора? И почему он расположен сверху, рядом с буквой «Ш»?

Помимо этого, в коллекции музея хранятся несколько клейм с надписями: бутылочное клеймо диаметром 3 см зеленого цвета, с надписями в три строки «Ф», «М А», между ними – крестообразный знак с чуть загнутыми концами, «1809» (рис.1, 4) [Госкаталог, № 16071771]; фрагмент бутылочного клейма 2×2,3 зеленого цвета, с надписями в три строки «Ф», «М А», между ними овал, «1810» (рис., 5) [Госкаталог, № 9470573]; клеймо бутылочное диаметром 2,5 см светло-зеленого цвета, со слабо пропечатанными надписями в три строки «Ф», «М • А», «1811» (рис., 6) [Госкаталог, № 16071959]; клеймо бутылочное размером 3×5 см светло-зеленого цвета с надписями в четыре строки «ПОЛ.», «ЮМ:Ф», «М : А», «1816» (рис., 8) [Госкаталог, № 14704654]; штофное клеймо размером 2,3×2,7 см зеленого цвета с надписями в четыре строки «ШТО.», «ЮМ:Ф.», «М: А», «1816» (рис., 7) [Госкаталог, № 9614635]; клеймо бутылочное диаметром 3 см зеленого цвета с плохо сохранившимися надписями в две строки «ШТ», «ЮМ» (рис.1, 9) [Госкаталог, № 16071708]. Интересным является архаичное написание буквы «я». Буква «А» – это «юс малый», которая дублировала букву «я» [Изотов, 2007, с. 16]. В результате реформы Петра I 1708–1710 гг. данная буква была исключена из алфавитного состава как устаревший знак, а вместо юса малого, в азбуку 1710 г. была введена буква «я» [Narloch, 2014, p. 41].

Данные клейма можно также отнести к Юмышевской стекольной фабрике, но принадлежащий уже другому владельцу. Так, в источнике «Ведомость о мануфактурах за 1812 год» стекольная фабрика принадлежит купцу Василию Яблошникову и находится при той же д. Мартыновой Кунгурского уезда. На фабрике работало 25 «вольнонаемных» работников, которые изготовили за 1812 г. 107200 ед. продукции. Ассортимент изделий и регионы сбыта не уточняются [Ведомость о мануфактурах..., 1814,

с. 164]. В Ведомостях за 1814 г. указан уже другой владелец, вероятнее всего, родственник (возможно, брат), купец Михайло Яблошников, при той же деревне. На фабрике по-прежнему работало 25 «вольнонаемных» работников, изготовивших за 1814 г. различных изделий: штофов 52000, полуштофов 22000, четвертушек 20000, бутылок 1500 шт. Цвет изделий, как и регионы сбыта, не указаны [Ведомость о мануфактурах, 1816, с. 409]. В связи с этим клейма «Ф», «М А» «1809» и «1810» можно с высокой вероятностью атрибутировать как «Ф» – Фабрика, «М А» – Михайло(а) Яблошников(а), совпадение первых букв имени и фамилии согласно закону, «1809», «1810» годы изготовления изделия.

Клеймо «Ф», «• М • А», «•1811» можно также отнести к данной фабрике по аналогии с двумя предыдущими, а букву «А» – это, скорее всего, не пропечатавшаяся «А». Клейма с надписями «ПОЛ.», «ЮМ:Ф», «М : А», «1816» и «ШТО.», «ЮМ:Ф.», «М: А», «1816•» можно атрибутировать так: «ПОЛ.» – вероятнее всего, полуштоф, а «ШТО.» – штоф, так как закон предписывал указывать меру, а также производство фабрикой штофов и полуштофов; «ЮМ:Ф.» – Юмышевская фабрика. В пользу этой версии говорит название в источнике «Юмышевской» «М: А» – Михайло(а) Яблошников(а), «1816» – год изготовления изделий. Клеймо с частично сохранившимися аббревиатурами «ШТ», «ЮМ» можно также отнести к Юмышевской стекольной фабрике, как по аналогии с предыдущими, так и с тем, что в описании в качестве предположения указана данная фабрика. Также данные клейма явно не принадлежат к другой местной стекольной фабрике, так как на момент 1812 и 1814 гг. в Пермской губернии их по-прежнему было две. Другая фабрика перешла во владение наследникам «умершего Прапорщика Макке» [Ведомость о мануфактурах..., 1814, с. 164; 1816, с. 409]. В 1815 г. появилась третья фабрика, основанная титулярной советницей Настасьей Клепининой [Журнал мануфактур..., 1830, с. 85].

Стоит отметить, что на клеймах за 1816 г. появляются надписи с указанием меры. Возможно, появление этих надписей связано с законом 1811 г., когда фабрикантов обязали присылать образцы изделий [ПЗСРИ, 1831, № 3467]. Более жесткий контроль со стороны государства вынудил заводчиков проставлять всю информацию об изделии и заводчике. И наиболее вероятно, клеймо с частично сохранившейся надписью «ШТ», «ЮМ» можно датировать не ранее 1812 г. Однако возникает вопрос, почему в ведомости за 1812 г. владельцем указан Василий Яблошников, тогда как более ранние клейма косвенно указывают на Михайла? Вполне вероятно, что Василий подавал ведомость вместо Михайла и был вписан по ошибке. Есть случаи, когда ведомости подавали ближайшие родственники. Например, в ведомости о стекольной фабрике Ивана Бархатова за 1812 г., расположенной в Тобольской губернии, содержится следующая информация: «К сей ведомости вместо крестьянина и фабриканта брата своего родного Ивана Бархатова ево личной просьбой брат ево родной Максим Бархатов руку приложил» [ГУТО ГАТ. Ф. 329, оп. 13, д. 546, л. 36]. При этом в издании «Ведомость о мануфактурах за 1812 год» указана фабрика «крестьянина Бархатова» без имени [Ведомость о мануфактурах..., 1814, с. 161]. В связи с этим Василия могли вписать в издание Ведомостей по ошибке. Возникает также вопрос: сколько функционировала стекольная фабрика. Можно лишь с уверенностью сказать, что данная фабрика перестала действовать к 1828 г. К этому времени упоминаются две фабрики: одна, которая располагалась в Красноуфимском уезде при Александр-Тюинском заводе, принадлежала титулярной советнице Настасье Клепининой; вторая принадлежал наследникам прапорщика Макке в Камышловском уезде [Журнал мануфактур..., 1830, с. 85–86]. Можно лишь сказать, что М. Яблошников на момент 1822 г. был жив, на что указывает дело о мукомольной мельнице, владельцем которой он являлся [ГАПК, ф. 12, оп. 1, д. 191, л. 6–7].

К сожалению, в источниках не указаны регионы сбыта. Выйти на них позволяют данные археологии. Так, в 2021 г. при обследовании участка в г. Екатеринбурге по ул. Розы Люксембург, 26 в шурфе № 1 на глубине 60 см было найдено бутылочное клеймо размером 2,5×3 см из стекла светло-зеленого цвета с надписью в три строки «Ф», «М А», между ними – крестообразный знак с чуть загнутыми концами, «1809» (рис., 3) [Куприянова, 2022, с. 214]. Таким образом, можно заключить, что стеклянные изделия доходили до Екатеринбурга.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что Юмышевская стекольная фабрика сменила как минимум трех владельцев, являвшихся купцами. Основал фабрику купец В. Юхнев в 1782/3 г., умерший к 1800 г., а к 1801–1802 гг. она перешла во владение к М. Шанину. Когда фабрика перешла к другому владельцу, неизвестно, так как источники в местных архивах не сохранились. По атрибутированным клеймам можно сказать, что к 1809 г. владельцем фабрикой стал М. Яблошников, и функционировала она как минимум до 1816 г. Также необходим дальнейший поиск как других клейм, так и письменных источников в архивах для уточнения количества владельцев фабрики, ее перехода от одного владельца к другому и даты закрытия, а также выяснить, кем приходится Василий Яблошников Михайлу.

Библиографический список

- Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб.: Тип. Военного Министерства, 1814. 175 с.
- Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1816. 457 с.
- Гильдерман А. В. Сауков Г. Н. Бутылочные клейма стекольных и фаянсовых заводчиков Ступинских из культурного слоя г. Екатеринбурга // XXII Уральское археологическое совещание: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной, Курган, 21–25 ноября 2022 года. Курган: КГУ, 2022. С. 313–315.
- Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации (далее Госкаталог РФ). Режим доступа: <https://goskatalog.ru/> (дата обращения: 25.08. 2023).
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГУТО ГАТ). Ф. 329. Оп. 13. Д. 546. Л. 150.
- Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 191. Л. 51.
- Журнал мануфактур и торговли. 1830 год. № 8. СПб.: Тип. Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, 1830. 122 с.
- Изотов А. И. Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты: Учебное пособие для средних и высших учебных заведений. М.: Филоматис, 2007. 240 с.
- Историческо-географическое описание Пермской губернии сочиненное для Атласа 1800 года. Печатано при Пермском губернском правлении, 1801. 224 с.
- Кайсин А. О. Стекланные сосуды Нового времени из раскопок в Казанском кремле (некоторые итоги изучения) // Этнокультуры Российского Юга на Российском Севере: вопросы изучения в школе и вузе: сборник статей, Киров, 27 ноября 2015 года. Киров: ООО «Издательство «Аверс», 2015. С. 33–39.
- Коваль В. Вместо предисловия (попытка классификации бутылок) // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Відп. ред. Телегін Д. Я. Вып. 14. Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK, 2005. С. 288–308.
- Куприянова Е. В. Отчёт об археологической разведке на территории МО «город Екатеринбург», в Пышминском городском округе Свердловской области; в Юргамышском районе Курганской области; в Сосновском районе, Челябинском и Копейском городских округах Челябинской области в 2021 году. Том I. Челябинск, 2022. 227 с. // Архив ООО «ЦИКИ» Астра, г. Челябинск.
- Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. С 1775 по 1780. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Том XX, 4 февраля 1780, № 14.983.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1831. Том V, 5 февраля 1830, № 3467.
- Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургского Вольного Экономического Общества сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Часть первая. Печатана при Пермском губернском правлении, 1804. 400 с.
- Narloch A. О латинизации русского письма в XVIII–XIX вв. // Studia Rossica Gedanensia 1. Redakcja Katarzyna Wojan & Żanna Ślădkiewicz. Gdańsk 2014. P. 38–50.

BOTTLE STAMPS OF THE YUMYSHEV GLASS FACTORY

A. V. Gilderman

LLC CIKI «Astra», Krasnoarmeyskaya str.106, 454091, Chelyabinsk, Russia
gilderman.a@yandex.ru

The article deals with the bottle marks of the Yumyshev glass factory (Kungur district, Perm province) of the late 18th - first quarter of the 19th centuries, stored in the collection of the Perm Museum of Local Lore and a stamp found on the archaeological site of the New Age in Yekaterinburg. On the basis of synchronous written sources and legislative acts of the Russian Empire, their interpretation and dating is substantiated. The description of the range of manufactured products and their volume, as well as the raw materials used, is given. Written sources on glass factories of Perm province are poorly preserved, therefore, on the basis of attributed trade-marks, it became possible to trace the transition of the enterprise from one owner to another.

Key words: archeology of the Urals, bottle stamps, archaeological glass, urban archeology.

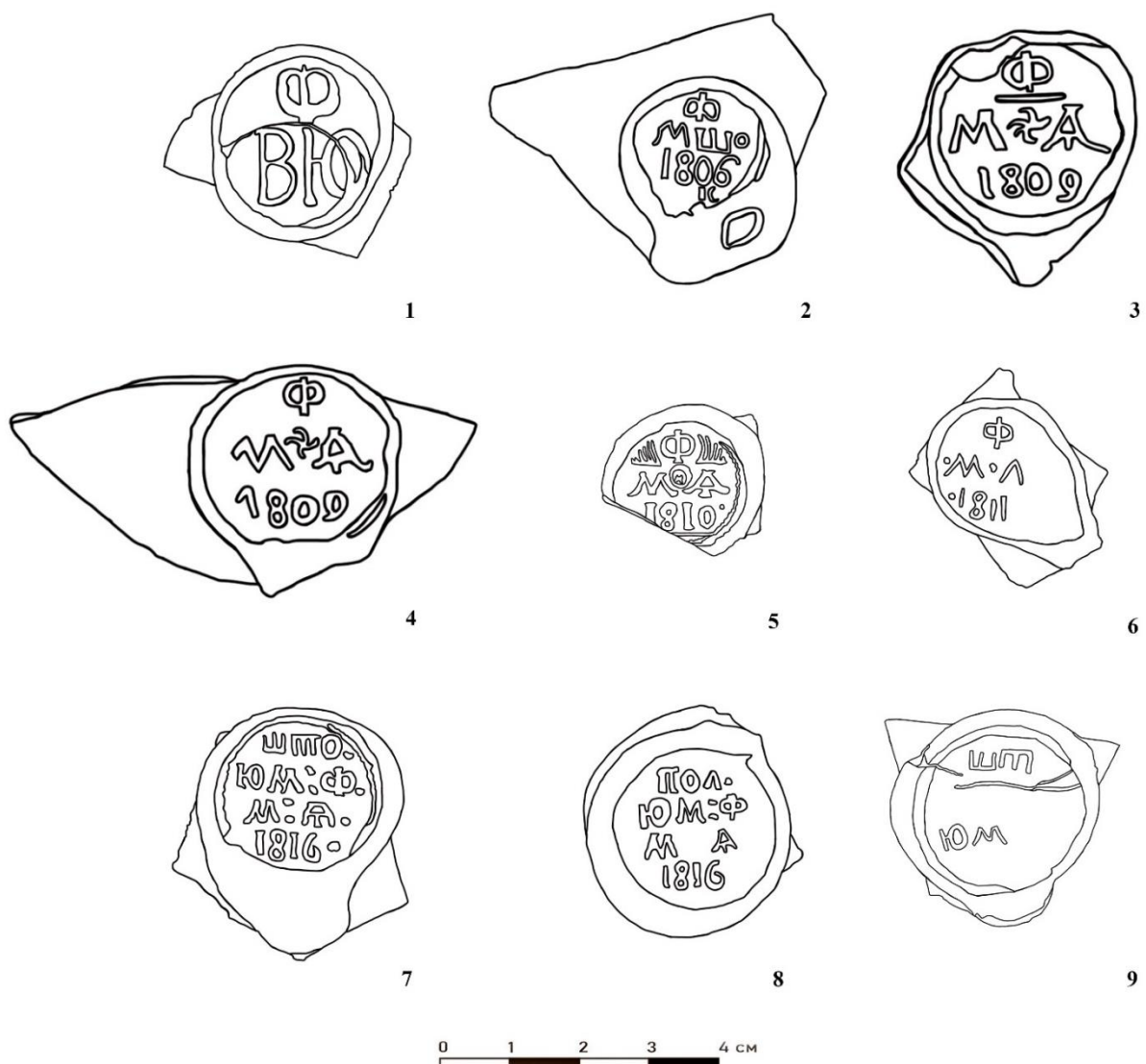

Рис. Бутылочные клейма Юмышевской стекольной фабрики:
 1, 2, 4–9 – клейма из коллекции «Пермского краеведческого музея»;
 3 – клеймо из шурфа № 1, г. Екатеринбург.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В Г. КУНГУРЕ В 2022–2023 ГГ.

Н. С. Горшкова ©

Пермский краеведческий музей, 614000, Россия, Пермь, ул. Монастырская, 11
gorshkova@museumperm.ru

А. С. Жуковский

Пермский краеведческий музей, 614000, Россия, Пермь, ул. Монастырская, 11
zhuka2001@yandex.ru

В статье описаны предварительные результаты археологических исследований 2022–2023 гг. исторического центра г. Кунгура Пермского края в контексте его истории. В ходе работ были вскрыты культурные напластования ранней стадии развития города, собраны коллекции предметов материальной культуры, в том числе фрагменты фарфора I половины XVIII в., изразцов наружного декора Благовещенского собора (1704 г.), изучены остатки фундаментов собора, церковной ограды и других сооружений, элементы благоустройства – тротуары конца XIX в., обнаружены погребения в пределах Соборной площади.

Ключевые слова: фарфор, изразец, Благовещенский собор, Успенская церковь, Кунгур, Мининская церковь, погребение, монета, гипс.

Исторический центр г. Кунгура Пермского края отнесен к объектам археологического наследия распоряжением губернатора Пермской области от 20 мая 2002 г. № 237-р. Основанный в 1663 г. на современном месте, Кунгур сразу получил статус города.

Слияние крупных рек региона – Сылвы и Ирени, высокий берег создавали хорошую естественную цитадель – опорный пункт русской колонизации в Сылвенско-Иренском поречье. В 1673 г. вокруг города была на мирские деньги построена деревянная крепость – кремль. В конце XVII в. город являлся уже крупным экономическим и административным центром.

Об успешном развитии Кунгура свидетельствует активное каменное храмовое строительство, которое началось в начале XVIII в. и продолжалось вплоть до начала XX в. Для строительства нередко приглашались мастера из отдаленных областей, которые привносили не только интересные особенности в архитектурный облик города, но и, несомненно, в городской быт.

Дальнейшее развитие города шло по возрастающей: XVIII–XIX вв. были звездными для Кунгура: развитие многочисленных ремесел, торговли (в том числе и оптовой) выдвигали город в число лучших населенных пунктов России. Здесь работали многочисленные административные учреждения, известные государственные деятели – В. Н. Татищев, В. И. Геннин, купцы А. С. Губкин, М. М. Кузнецов, А. С. Грибушин. Последние внесли вклад не только в экономический потенциал, но и в развитие культуры и архитектуры города.

В конце XVIII в. город постепенно меняет планировочную структуру, переходя от средневековой свободной планировки к регулярной [Ренева, 2017, с. 11–12], что было связано с административной реформой Екатерины II, в результате которой город получил статус уездного центра. Меняется направление улиц, пространственная ориентация домов и строений (за исключением культовых построек и отдельных зданий), что нашло свое отражение в культурных слоях города. В конце XVIII в. разбираются ветхие оборонительные сооружения кремля [Попов, 1804] (в труде Попова уже не содержится описания оборонительных сооружений).

После 1917 г. Кунгур утратил динамику развития, что связано с политическим курсом страны. На первый план выдвигались пролетарские центры, такие как Екатеринбург. В Кунгуре на промышленный лад перестраивались лишь традиционные для города и округа ремесла, вновь создаваемых объектов промышленности практически не было. Нового строительства практически не велось, чему способствовало также наличие карста в черте города (район с современной застройкой в историческом центре компактен и четко локализован). Поэтому Кунгур во многом, прежде всего, в архитектуре, сохранил черты города XIX в.

Это отразилось на сохранности культурных напластований XVII–XIX вв., которые здесь находятся в более благоприятных условиях (по сравнению с другими историческими центрами Прикамья) и которые содержат остатки материальной культуры процветавшего в XVIII–XIX вв. города, остатки старой планировочной структуры (строения, заборные линии, мостовые и т. д.).

Социально-экономические особенности древнего города находят отражение в его материальной культуре. Перспективность изучения культурного слоя одного из старейших городов Прикамья неоспорима.

Археологические исследования 2022–2023 гг. продолжили цикл работ, связанных с охранно-спасательными раскопками в зоне распространения культурного слоя г. Кунгура. Немаловажную роль играло изучение письменных и иконографических источников перед началом работ: фотографических изображений, планов г. Кунгура XVIII–XIX вв.

Исследования 2022 г. выполнялись на площадке обустройства сквера с установкой малых архитектурных форм на пустующем пространстве кадастрового квартала 59:08:0101008, южнее памятника регионального значения «Церковь Успения Богородицы» (г. Кунгур, ул. Ленина, 38). Этот квартал ограничен ул. Ленина, Гагарина, Красноармейская и расположен вплотную к Сылвенскому мосту, местоположение которого (до моста здесь был Сылвенский перевоз) не менялось с XVIII в. Севернее участка выполнения работ по устройству сквера находится старейшее здание в г. Кунгура – церковь Успения Богородицы (1755–1768 гг.).

Данная территория использовалась для размещения объектов религиозного назначения с конца XVII – начала XVIII в. До 1755 г. на месте существующего каменного храма стояла деревянная Успенская церковь, погибшая в пожаре. К концу XVIII в. территория вокруг храма хотя и отводилась для «обывательской» застройки, но практически не застраивалась.

Юго-восточнее церкви Успения Богородицы ранее находилась церковь Мины Великомученика (1774), зафиксированная на плане конца XVIII в. На подробном плане г. Кунгура 1840 г. церковь Мины Великомученика показана южнее Успенской церкви и имеет развитую систему приделов, однако в конце XIX в. на фотографиях фиксируется только небольшой объем храма, выходящий на ул. К. Маркса (бывшая ул. Киттарская).

Сама Успенская церковь неоднократно перестраивалась: к основному объему добавлялись приделы, возведенная в середине XIX в. новая колокольня, выходившая на линию застройки ул. Ленина (бывшая ул. Успенская), соединялась с храмом новой галереей.

Оба храма (Мининский и Успенский) на рубеже XIX–XX вв. были окружены церковной кирпичной оградой, выходившей на набережную Сылвы.

Мининская церковь в 1920-е гг. была закрыта и обезглавлена, затем в конце 1920-х гг. использовалась как кузница при строительстве моста через р. Сылву: в ней изготавливали заклепки для соединения металлических конструкций. Затем здание было окончательно разобрано.

Успенский храм закрыт в 1935 г., здание сохранено и передано под общежитие, а после 1945 г. – под спортивную школу, которая находилась в нем до 2014 г., когда церковь была возвращена верующим.

Участок, на котором находилась древняя Мининская церковь, в конце XX в. стал использоваться как рынок без устройства капитальных сооружений. Этому способствовала относительно ровная поверхность. С передачей Успенского храма церкви рынок ликвидировали.

Участок работ находится в подгорной части памятника археологии «Кунгур – кремль и посад, поселение» в междуречье р. Сылва и Ирень, где расстояние между реками становится минимальным. При катастрофических затоплениях территории г. Кунгура в весенний паводок (1902, 1911, 1979, 2016 гг.) данная территория страдает от подтопления менее всего, так как относится к наиболее возвышенным участкам подгорной части Кунгура.

Проектом благоустройства сквера предусматривалась установка малых архитектурных форм (далее – МАФ) – «Памятник Петру и Февронии» и «Арка с колоколами», для которых требовалось устройство капитальных фундаментов. На этих участках проведены спасательные археологические раскопки. Раскоп Р-I(89)-22 площадью 9 м² заложен на участке установки «Арки с колоколами», раскоп Р-II(89)-22 площадью 10 м² заложен на участке установки «Памятника Петру и Февронии».

В раскопе Р-I(89)-22 стратиграфическая колонка относительно однообразна по всем стенкам и отличалась классической последовательностью напластований. С верхнего балластного слоя XX в. и до подстилающего слоя отмечен только один объект в виде ямы, попавшей в раскоп частично и отразившейся в северо-восточной стенке. Напластования представлены преимущественно коричневыми и серыми суглинками различного цветового насыщения, переслаивающиеся с линзами песка, извести,

обломков кирпича и бутового камня. Подстилающий слой – коричневый плотный суглинок – предварен стерильным темно-серым суглинком.

Материал, собираемый по горизонтам, уверенно характеризует вскрытые напластования.

Горизонт 1 (с дневной поверхности 0,25 м) массовый материал характеризует исключительно находками XX в., в том числе множество битого стекла.

Горизонт 2 (–0,25 – –0,50 м) характеризуется находками широко известных по раскопкам Кунгура, Перми, Соликамска фрагментов керамики с коричневой и зеленой поливой, позволяющей датировать слой не ранее начала XX в. Обилие строительного мусора и близость местоположения Мининской церкви, известной по историческим фотографиям, позволяет связывать слой с разрушением данного храма на рубеже 1930-х гг.

Горизонт 3 (–0,50 – –0,75 м) характеризуется находками фаянсовых изделий, являющихся хорошо известным хронологическим маркером финальных десятилетий XIX в. Данную датировку подтверждает и обнаруженная целая «уксусная» бутылка. Найденная на горизонте 3 монета 2 коп. 1797 г. находится в переотложенном состоянии.

Массовый материал горизонта 4 (–0,75 – –1,00 м) достаточно многочисленный: встречено множество неорнаментированных и неглазурованных стенок и венчиков керамических гончарных сосудов, а также фрагмент кресального кремня со следами воздействия огня. Характер материала дает достаточно широкую датировку: верхний ярус горизонта 4 – I половина XIX в; нижний ярус – середина XVIII в. Датировка подтверждается монетным материалом: монета 5 копеек 1763 г. обнаружена в непо потревоженном слое на глубине –0,98 м в положении «на ребре». Длительность накопления данного слоя подтверждается массовостью материала.

Количество массового материала горизонта 5 (–1,00 – –1,20 м) заметно сокращается: сохраняется присутствие черной неглазурованной керамической посуды, размеры фрагментов которой становятся заметно крупнее. Относительно нижнего яруса горизонта 4 логично предположить датировку горизонта 5: начало – I половины XVIII в. Отмечены также находки металлургических шлаков: в это время на западном Урале в окрестностях Кунгура получают распространение «малые печки» – крестьянские металлургические промыслы, ставшие предтечей уральских горных заводов. Не исключено, что находки шлаков могут быть связаны с такими промыслами, так как относительная датировка горизонта позволяет такую связь предполагать. На горизонте 5 на уровне –1,22 м был найден кресальный кремень.

Примечательно обнаружение фрагментов лепной средневековой керамики на данном горизонте: два фрагмента с примесью раковины – характерным для средневековья Сылвенско-Иренского поречья неожиданно были зафиксированы в сборах. Возможно, они были завезены с грунтом при выравнивании и благоустройстве площадки перед храмом.

Материал горизонта 6 (–1,20 – –1,45 м) представлен фрагментами достаточно грубой (по сравнению с уже описанными образцами) неорнаментированной гончарной керамики. В рамках относительной датировки слоев с учетом качества представленных изделий они могут быть отнесены к концу XVII – началу XVIII вв. Это одни из наиболее древних находок эпохи русского города Кунгура в междуречье Сылвы и Ирены.

В раскопе Р-II(89)-22, имевшим габариты 4,0×2,45 м согласно основанию под монумент «Памятник Петру и Февронии», стратиграфическая колонка осложнена фундаментом из бутового камня (известняка), скрепленного известковым раствором. Фундамент выявлен практически под спланированной дневной поверхностью. Зафиксированный участок ленты фундамента ориентирован по линии 3-В и имел перемышку, уходящую на С-СЗ и конструктивно перевязанную с основной кладкой фундамента. Подошва фундамента заглублена в материк на 0,30 м. Общая мощность сохранившегося массива бутовой кладки достигала 1,18 м. Бутовый камень при устройстве фундамента укладывался в траншею, края которой зафиксированы в профилях стенок. Бутовая кладка делила раскоп Р-II(89)-22 на северную и южную части.

Напластования представлены преимущественно коричневыми и серыми суглинками различного цветового насыщения, переслаивающиеся с линзами песка, извести, обломков кирпича и бутового камня. Подстилающий слой – коричневый плотный суглинок – предварен стерильным темно-серым суглинком.

Выявленный материал позволяет квалифицировать выявленные культурные напластования.

Горизонт 1 (–0,40 – –0,70 м) характеризуется самым разнообразным материалом: встречены фрагменты поздней посуды с коричневой глазурью (первая половина XX в.); фрагменты гончарных керамических сосудов, покрытых «серебрянкой» – своеобразная реплика II половины XIX – начала

XX вв. на чернолощеную керамику XVIII в.; и аптечные пузырьки рубежа XIX – XX вв., и фаянс второй половины XIX в. Железный крест – навершие кирпичного столбика церковной ограды, обнаруженный на –0,70 м, связан с церковной оградой, известной по фотографиям начала XX в.

Горизонт 2 (–0,70 – –0,80 м) более выдержан хронологически и по материалу. Главное здесь не то, что было найдено, а то, что найдено не было: полностью отсутствует зеленополивная керамика и доминируют фрагменты неглазурованной посуды. Это признак – не позднее середины XIX в, поэтому горизонт датирован I половиной XIX в.

Материал горизонта 3 (–0,80 – –0,95 м) представлен в подавляющей массе предметами середины – II половины XVIII в.: здесь представлены фрагменты чернолощенной керамики, характерные фрагменты керамики высокого качества исполнения и даже фрагмент металлургического шлака. Наличие в такой «компании» единичных фрагментов фарфора с меандровым и цветочным орнаментом в центре Кунгура не является редкостью и уже отмечалось в раскопках соседних кварталов [Жуковский, 2006]. Здесь же обнаружен фрагмент полихромного изразца (–0,85 м) в бело-желто-зеленой цветовой гамме.

Горизонт 4 (–0,95 – –1,18 м) не дал достоверного материала, отсылающего к XVII в., однако выявленные фрагменты гончарной неглазурованной керамики в сочетании с фрагментами металлургического шлака позволяют говорить о I половине XVIII в., что подтверждается находкой монеты 1748 г. на уровне –1,00 м. Единственная индивидуальная находка северного сектора раскопа – железная дужка (от ведра?), выявленная на контакте с подстилающим слоем в углистой прослойке на уровне –1,18 м. Возможно, она связана с пожаром деревянной Успенской церкви, после чего в 1755 г. начали строить каменный храм.

Говоря о находках, выявленных на раскопе Р-II (89)-22, надо отметить два обстоятельства:

- подавляющее большинство находок сделано в южной части раскопа Р-II (89)-22;
- на уровне горизонта 2 и в верхнем ярусе горизонта 3 до –0,85 м встречено большое количество крупных (не дробленых) сырых (пищевых) костей домашних животных: свиньи, крупного рогатого скота, коз. Длинные кости конечностей или ребер имеют характерные следы рубки, отмечаются находки крупных позвонков, половины челюстей.

Раскопы Р-I(89)-22 и Р-II(89)-22 дали ценную информацию о накоплении культурного слоя на участке у Сылвенского перевоза, позволили собрать из последовательно залегающих напластований коллекцию керамического материала конца XVII – конца XIX вв., хорошо датированную как монетным материалом, так и сопутствующими находками индивидуального характера. Значимым результатом также стало подтвержденное раскопками отсутствие южнее Успенского собора кладбища как места систематического и массового погребения усопших. В раскопах Р-I(89)-22 и Р-II(89)-22 не выявлено ни одного фрагмента человеческого скелета. При этом не отрицается нахождение отдельных погребений за алтарем и в непосредственной близости от храма.

Исследования 2023 г. выполнялись на пространствах ул. К. Маркса, которые благоустраивались в рамках проекта «Кунгур: Город Мастеров». Основной объем земляных работ связан с прокладкой подземным способом линий электропередач на глубину до 0,9 м. Этот вид работ выполнялся на Соборной площади, а также на спуске в подгорную часть города. Работы выполнялись в виде археологического наблюдения за прокладкой траншей. Всего было исследовано 359,2 м² при ширине траншей 0,4–0,5 м.

На пространстве Соборной площади в зоне установки фундаментов малой архитектурной формы «Арка при входе на Соборную площадь» охранные работы выполнялись методом археологических раскопок на месте 4-х участков планируемой выемки грунта под устройство указанного фундамента. Общая площадь археологических раскопок составила 32 м².

Соборная площадь представляет значительный интерес: здесь в 1663 г. началась история современного Кунгура: построен деревянный кремль (1673 г.), каменные Благовещенский собор (1704 г.) и Богоявленский собор (1740 г.), дом воеводы, купеческие склады [Ренева, 2017, с. 10]. При соборах осуществлялись погребения, которые известны по работам П. А. Корчагина 1991 г. [Корчагин, 1991]. Вместо купеческих амбаров, на площади в 1865–1876 гг. был выстроен кирпичный гостиный двор. При строительстве здания были разрушены погребения. Местные жители уверены: здание стоит «на костях».

Благовещенский собор и вновь отстроенный в начале XX в. Богоявленский собор были взорваны в 1937 г., сейчас сохранилась Алексеевская церковь, возведенная в 1884–1886, 1894 гг. и обелиск, установленный в 1896 г. как памятник защитникам Кунгура от войск Е. Пугачева, осаждавших город в 1774 г.

Спуск ул. К. Маркса в подгорную часть является на протяжении всей истории Кунгура одной из престижных площадок для торговли и проживания и самой короткой дорогой из подгорной в нагорную часть. Фотография конца XIX – начала XX вв. показывает широкий благоустроенный спуск, который носил общегородское значение [Фотография «г. Кунгур, Перм. г. № 50»]. На плане 1703 г. С. Ремезова спуск с Соборной площади обрамлен торговыми рядами и переходит в ул. Большую.

Результаты археологического наблюдения достаточно скромные: в траншеях прослежены многочисленные благоустроительные подсыпки XX в. На Соборной площади в траншеях прослежены остатки фундаментов церковной ограды в потревоженном состоянии: их известковые блоки западнее Алексеевской церкви сдвинуты со своих мест в результате планировки поверхности после взрыва соборов. Севернее Алексеевской церкви отмечен фрагмент тротуара конца XIX в. из известняка. Перед входом в Кунгурскую городскую управу (ул. К. Маркса, 3) в траншее прослежена гладкая известковая плита шириной 2 м – фрагмент тротуара перед статусным зданием.

Раскопки на месте монтажа фундаментов МАФ «Арка при входе на Соборную площадь» подтвердили, что устроенные рядом траншеи под электрокабели были расположены в балластных напластованиях. Культурные напластования II половины XVII – XIX вв. находятся на глубине, превышающей 0,8 м от дневной поверхности.

В раскопах 1 и 4 на уровне 0,9 м от поверхности зафиксированы остатки бутовых фундаментов из гипсовых блоков. Использование гипса вместо более прочного известняка свидетельствует, на наш взгляд, о ранней строительной истории Кунгура, когда при выборе материала руководствовались его доступностью в ближайшей округе в ущерб другим качествам. В раскопе 4 остатки фундамента соотносятся с Благовещенским собором (1704 г.), поэтому использование гипса для строительства может быть для Кунгура маркером ранних этапов его развития.

В раскопах 1 и 2 на уровне –0,95 м прослежены остатки сруба с округлой ямой глубиной 1 м в центральной части сооружения. Сруб в пределах раскопа 1 примыкает вплотную к остаткам фундамента и, по всей видимости, синхронен ему.

Культурный слой, связанный с данным сооружением, представлен черным суглинком с древесными остатками, ниже которого залежали серый суглинок и подстилающий светло-коричневый суглинок. Выявленные предметы представлены многочисленными фрагментами простой гончарной керамики и значительным количеством костных пищевых остатков.

В раскопах 3 и 4, расположенных северо-восточнее, на глубине –0,85 м зафиксированы очертания 4-х погребальных ям вблизи западной части Благовещенского собора. Очертания уходили также под фундаменты храма на раскопе 4.

Значимым результатом исследований стал сбор фрагментов наружного убранства от взорванного Благовещенского собора (1704 г.) – рельефных полихромных изразцов в сине-желто-зеленой гамме. Они были обнаружены сразу под слоем щебня до глубины 0,80 м и характеризуются невысоким качеством исполнения как глиняного теста с большой примесью песка, так и качеством окрашивания – часть краски при обжиге растеклась и смешалась.

Библиографический список

Жуковский А. С. Отчет о компенсационных археологических мероприятиях, проведенных в июне 2006 года на памятнике археологии «Кунгур – кремль и посад, поселение» в квартале 96 г. Кунгура Пермского края // Архив ГИОКН Пермского края: Ф. 3. Оп. 2. Д. 188.

Корчагин П. А. Отчет об археологических исследованиях в городе Кунгуре Пермской области (заключительный) // Архив ГИОКН Пермского края: Ф. 3. Оп. 2. Д. 49.

Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Пермь, 1804 г.

Ренева О. Прогулки по купеческому городу. Пермь, 2017. 336 с.

Фотография «г. Кунгур Перм. г. № 50». 1900–1917 гг. // Электронный ресурс PastVu. Режим доступа: <https://pastvu.com/p/506201> (дата обращения 15.08.2023).

PRELIMINARY RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN KUNGUR IN 2022–2023

N. S. Gorshkova

Perm Regional Museum, 11 Monastyrskaya str., 614000, Perm, Russia
gorshkova@museumperm.ru

A. S. Zhukovsky

Perm Regional Museum, 11 Monastyrskaya str., 614000, Perm, Russia
zhuka2001@yandex.ru

The article describes the preliminary results of archaeological research of the historical center of Kungur, Perm Krai in the context of its history. During the work, the cultural layers of the early stage of the city's development were uncovered, collections of material culture objects were assembled, including fragments of porcelain of the 1st half of the XVIII century, tiles of the exterior decor of the Annunciation Cathedral (1704). The remains of the cathedral foundations, the church fence and other structures were studied. The elements of landscaping – sidewalks of the late XIX century were found. Within the Cathedral Square burials were discovered.

Key words: porcelain, tile, Annunciation cathedral, Assumption church, Mininskaya church, burial, coin, plaster.

ОСТАТКИ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА

К. В. Данилова [©]

Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
karinka27.12@mail.ru

В. А. Смердова

Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
lerasmerdova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1710-7165

Статья посвящена изучению костюмных комплексов из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска (1810–1936 гг.), которые были найдены в ходе спасательных археологических работ в 2013 г. Данные костюмные комплексы являются источниковой базой для изучения погребальной и повседневной одежды и обуви жителей поселения Ижевский завод XIX – начала XX в. Исследованные материалы дают возможность установить социальное положение человека при жизни; зачастую характерные предметы одежды и обуви указывают на род деятельности погребенного при его жизни. В статье приведены типы предметов одежды и обуви, отмечены характерные особенности.

Ключевые слова: Ижевский завод, захоронения, Троицкое (Нагорное) кладбище, костюмный комплекс, одежда, обувь, городская археология.

Троицкое (Нагорное) кладбище располагается в центральной части Ижевска Удмуртской Республики. Оно функционировало с 1810 г. по 1928 г. Последние захоронения были совершены в 1936 г. В 2007 г. кладбище было поставлено на учет как вновь выявленный объект археологического наследия «Троицкое (Нагорное) кладбище г. Ижевска». С этого же года началось систематическое изучение памятника археологии. Археологические раскопки на нем были проведены в 2007–2009, 2013–2015, 2017, 2019, 2020 гг. (исследования И. Ю. Пастушенко, В. А. Бернц, Т. А. Цыгвинцевой, О. А. Карпушкиной, С. А. Перевозчиковой). За весь период изучения Троицкого (Нагорного) кладбища было выявлено и изучено 2632 погребения.

Наибольшее количество могил (1382 погребения; №№ 741–2122) было выявлено в 2013 г. во время спасательных археологических работ под руководством В. А. Бернц при изучении участка, отведенного под строительство многофункционального бассейна «СИЛА ВОДЫ» (площадь участка – 4489 м²) [Карпушкина, 2018, с. 12–13]. Из 1382 в 198 могилах сохранились остатки тканей и обуви. Фрагменты тканей выявлены в 102 погребениях, однако только в 18 из них точно установлено, что эта ткань является фрагментом одежды. Обувь была выявлена в 99 погребениях, среди которых только в 80 можно было исследовать фрагменты ввиду их сохранности.

Костюмные комплексы из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища являются источниковой базой для изучения повседневного и погребального костюма жителей Ижевского заводского поселения в период функционирования данного некрополя.

Головные уборы из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища делятся по материалу на войлочные и тканевые. В четырех погребениях (1866, 2071, 2110, 2120) найдены войлочные головные уборы в виде шляп. В погр. 1866 и 2110 были обнаружены фрагменты валяной войлочной шляпы темно-коричневого цвета с загнутыми кверху полями. В погр. 2071 полностью сохранилась валяная войлочная шляпа темно-коричневого цвета с металлической пряжкой у места сгиба полей. Шляпа высокая, цилиндрической формы с плоским верхом и отогнутыми прямыми полями. В погр. 2120 были обнаружены фрагменты войлочного головного убора с прямым плоским дном, характерным для шляпы цилиндрической формы. В погр. 2035 головной убор тканевый. Верхняя часть головного убора связана в виде шапочки, а в нижней части к ней в виде «ушей» была пришита суконная ткань темно-синего цвета с полотняным переплетением нити.

Пол погребных из этих пяти захоронений не определен. Однако, основываясь на фотоматериалах, сделанных во времена бытования кладбища, можно предположить, что войлочные головные уборы принадлежали мужчинам. В православной погребальной традиции головные уборы для мужчин

не предусмотрены. Следовательно, войлочные головные уборы в погребениях – это элементы повседневного костюма.

В 8 могилах сохранились фрагменты верхней и костюмно-плательной одежды. Верхняя одежда представлена плащом (погр. 1764), кителями (погр. 1350, 1885, 1932, 2105, 2116), кафтаном (погр. 2110).

В погр. 1764 найден суконный плащ из фабричной ткани полотняного переплетения нити (по определению художника-реставратора по тканям музея-заповедника «Лудорвай» Л. И. Буяновой); плащ на шелковой подкладке. Плащ двубортный, с рядами 4 медных пуговиц. Воротник пиджачного типа. Втачной двушовный рукав. Полочка отрезная по талии. Умерший был обут в туфли. У обуви орнаментирована носовая часть и имеет декоративную накладку. В стельке имелась берестяная прокладка. Туфли были изготовлены из телячьей кожи (по определению директора Естественно-научного музея УдГУ, к. б. н. А. Г. Меньшикова).

В погр. 1932 обнаружены фрагменты кителя с красной подкладкой. Ткань изделия и подкладка имеют схожий материал и одинаковое полотняное переплетение. В могиле обнаружены фрагменты 23 медных пуговиц. Обувь не обнаружена.

В погр. 2116 сохранился отрезной по талии китель с двушовными рукавами, одним рядом пуговиц. Ткань суконная, полотняное переплетение нити. Сохранились два погона с цифрой «12». Цифра «12» на погонах, возможно, указывает на номер полка, в котором служил захороненный. В данном погребении обувь имела плохую сохранность. В наличии были лишь несколько фрагментов кожи, бересты и каблук. Исходя из того, что на каблуке имелись следы от гвоздиков, а стелька имела узкую, вытянутую форму, мы можем сказать, что перед нами была представлена пара туфель. Погребенный захоронен в одежде и обуви, предназначенных для использования в повседневной жизни. Китель и погоны указывают на возможный статус военнослужащего. В погр. 1350, 1885, 2105 сохранились лишь погоны, также позволившие предположить наличие служебной формы.

В погр. 2110 найдены фрагменты кафтана. Темно-синее сукно имеет полотняное переплетение. Спинка изделия отрезная, двушовный рукав, кафтан без пуговиц, подпоясан кушаком (7×84 см). Орнамент пояса состоит из чередующихся бежевых и красных полос разной толщины, идущих параллельно вдоль ткани. Ближе к краям имеются еще две темно-коричневые прерывистые полосы. На концах пояса имеется бахрома [Данилова, 2023, с. 200–201].

Согласно антропологическому определению И. Г. Широбокова (с.н.с. Музея им. Петра Великого (Кунсткамера), к.и.н.), в погр. 1213 – мужчина 20–25 лет, в погр. 1855 обнаружены останки мужчины 20–40 лет, в погр. 1932 и 1935 захоронены мужчины старше 50 лет. Пол захороненных из погребений 1764, 2116, 2110 не определен. В погр. 2105 – останки мужчины. Верхняя одежда определяется как элемент мужского костюма во всех рассмотренных погребениях. Верхняя одежда погребенных является элементом повседневной жизни.

К костюмно-плательной одежде относятся фрагменты рубашки (погр. 1213) и брюки (погр. 1344, 1764, 1942). В погр. 1213 найден отложной воротник-стойка с закругленными концами, сохранилась медная пуговица.

В трех захоронениях найдены брюки разной степени сохранности (погр. 1344, 1764, 1942). Штаны схожи по крою и имеют незначительные индивидуальные особенности. Пояс у брюк не цельнокроеный, состоит из двух сужающихся полос: широкая часть находилась спереди, узкая сзади. На поясе фиксируются следы больших и маленьких пуговиц или кнопок. У поясов брюк сохранилась подкладка из той же ткани, что и сам пояс. Два хлястика пришивали к брюкам с задней стороны, сохранилась пряжка между ними для регулирования полноты. На гульфике имелись петли для пуговиц. На откоске – пуговицы или кнопки. Выявлены некоторые особенности кроя брюк: в погр. 1344 низ брюк в передней части имеет клиновидный срез [Данилова, 2022, с. 28–30], в погр. 1764 есть вытачки на задних половинах; в погр. 1942 сохранились детали мешковин карманов. Различен также материал брюк: в погр. 1344 и 1764 брюки изготовлены из ткани фланелевого типа с саржевым переплетением; в погр. 1764 фиксируется начес с внутренней стороны брюк; штаны же из погр. 1942 – суконная ткань полотняного переплетения.

Брюки являются элементом преимущественно мужского костюма. Пол погребенного из погр. 1344 определен как мужской. Брюки являются элементами повседневного костюма, но одновременно были частью погребального костюма умершего.

Исходя из описанных материалов, можно сделать вывод, что погребенный был одет в костюм, являвшийся повседневной или парадной (служебной ?) одеждой, используемой при жизни человека, однако на ногах умершего были надеты погребальные тапочки, являвшиеся элементом погребальной

обуви. Таким образом, в захоронении фиксируется совмещение погребального и повседневного элементов костюма.

В целом одежда на Троицком (Нагорном) кладбище относится к повседневной одежде. Интересно, что большинство найденных предметов одежды относится к мужским захоронениям или, если пол не определен, являются характерными элементами мужского костюма. Предположительно причиной тому является лучшая сохранность наиболее плотных по структуре материалов, таких как сукно, фланель, войлок, из которых чаще изготавливалась мужская одежда в силу своей высокой прочности и практичности.

Среди типов обуви, которые встречаются в погребениях, можно выделить погребальные тапочки, туфли, сапоги, ботинки и лапти. Наибольшее количество составляют погребальные тапочки (16 погр.). Меньше всего встречаются лапти (погр. 951), так как их материал имеет плохую сохранность.

Материалом для обуви могли служить как ткань, лыко, так и разные виды кожи – телячья, козья или свиная. В основном каждую отдельную пару изготавливали из определенного вида кожи, однако встречались и такие (погр. 1199), где отдельные фрагменты обуви (стелька, запяtnик, боковая часть) были из разной кожи.

Материал, найденный в описанных захоронениях, имеет широкую датировку в рамках бытования всего кладбища. Представленная одежда была достаточно популярной, и носили ее как в дореволюционное время, так и в более позднее советское. Об этом свидетельствуют, в частности, фотографии ижевцев конца XIX – первой трети XX в.

Среди описанных выше предметов погребального костюма ижевцев можно отдельной группой выделить в костюмных комплексах сочетание одежды и обуви, их отношение к повседневной и погребальной одежде.

Так, в погр. 1344 обнаружены костюм в виде двубортного кителя и брюк с сочетанием погребальных тапочек. То есть в захоронении фиксируется совмещение погребального и повседневного элементов костюма.

В погр. 2116 найдены фрагменты кителя с погонами. Цифра «12» на погонах, возможно, указывает на номер полка, в котором служил захороненный. Умерший захоронен в ботинках. Таким образом, погребенный захоронен в одежде и обуви, предназначенных для использования в повседневной жизни, но в качестве служебной формы.

В погр. 1764 сохранились пальто длиной выше колен и черные брюки. Плохая сохранность обуви не дает возможности точного определения модели, но можно с уверенностью сказать, что это не погребальные тапочки. Погребенный захоронен в одежде и обуви, предназначенных для повседневной носки. Кожаная обувь может быть свидетельством материального достатка погребенного, так как кожаные изделия всегда дорого ценились.

В целом одежда и обувь на Троицком (Нагорном) кладбище относится к повседневной. Материал, найденный в описанных захоронениях, имеет широкую датировку в рамках бытования всего кладбища. Представленная одежда и обувь была достаточно популярной, и носили ее как в дореволюционное время, так и в более позднее советское. Об этом свидетельствуют, в частности, фотографии ижевцев конца XIX – первой трети XX в.

Библиографический список

Данилова К. В. Брюки из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска (1810–1930-е гг.) // XI Башкирская археологическая студенческая конференция (БАСК, г. Уфа, 8–10 декабря 2022 г.): Сборник статей Всероссийской научной конференции. Уфа: Изд-во ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. С. 28–30.

Данилова К. В. Ткани из погребения 2110 Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2023 г.): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 200–201.

Карпушкина О. А. Спасательные раскопки на Троицком (Нагорном) кладбище Ижевска // Археологические открытия в Удмуртии – 2017. Ижевск, 2018. С. 12–13.

Перевозчикова С. А., Черных Е. М. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. Ижевск, 2020. С. 4–7.

Смердова В. А. Обувь из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска (по материалам раскопок 2013 года) // LIV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых

ученых (г. Астрахань, 1–3 февраля 2022 г.): Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической студенческой конференции. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2022. С. 269–271.

Смердова В. А. Обувь из погребений Троицкого (Нагорного кладбища) г. Ижевска (1810–1930 гг.) // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2023 г.): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 235–237.

THE REMAINS OF COSTUME COMPLEXES FROM THE BURIALS OF THE TRINITY (NAGORNY) CEMETERY OF IZHEVSK

K. V. Danilova

Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russia
karinka27.12@mail.ru

V. A. Smerdova

Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russia
lerasmerdova@mail.ru

The article is devoted to the study of costume complexes from the graves of the Trinity (Nagorny) cemetery of Izhevsk (1810–1936), which were found during rescue archaeological work in 2013. These costume complexes are a source base for the study of funerary and everyday clothes and shoes of the Izhevsk Factory settlement residents in the XIX - early XX century. The materials studied make it possible to establish the social status of a person during his lifetime. Some peculiar items of clothing and shoes often indicate the type of activity of the buried person during his or her lifetime. The article presents the types of clothing and footwear items, their characteristic features are noted.

Key words: Izhevsk plant, burials, Troitsky (Nagorny) cemetery, costume complex, clothing, shoes, urban archeology.

ВЗГЛЯДЫ О. Н. БАДЕРА НА ХАРАКТЕРИСТИКУ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ¹

Д. А. Демаков[©]

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
demakov-denis@mail.ru

В статье анализируются взгляды О. Н. Бадера на характеристику расположения памятников каменного века Пермского Предуралья. В ходе работы были проанализированы работы О. Н. Бадера, посвященные археологическим памятникам изучаемой территории, выделено семь работ, в которых можно проследить развитие его взглядов на особенности расположения объектов, относящихся к периоду мезолита-энеолита. В результате удалось выделить характерные термины, используемые автором для описания местонахождения археологических памятников, проследить их эволюцию. Окончательно взгляды О. Н. Бадера на данную проблему были сформулированы в работе «Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье». Современные исследования подтверждают его позицию, что доказывает актуальность работ этого выдающегося ученого.

Ключевые слова: О. Н. Бадер, археологические памятники, каменный век, надпойменная терраса, местоположение памятников, Пермское Предуралье.

Личность Отто Николаевича Бадера в истории археологии Пермского Предуралья занимает одно из главных мест. Спектр его научных интересов был очень обширен, а масштабы проведенных им работ по открытию и исследованию археологических памятников сложно переоценить.

Изучение большого массива разновременных археологических объектов на значительной территории Пермского Предуралья, и, в частности, в устье р. Чусовой, позволило ученому сформировать свои взгляды на вопрос о том, в чем заключаются особенности расположения памятников каменного века (мезолит-энеолит) на данной территории. В этом ему помогали результаты работ ученых естественнонаучного профиля (геологов, биологов и т. д.), которых он активно привлекал к археологическим исследованиям.

В нашей статье мы хотим рассмотреть, как менялись и развивались взгляды ученого на эту проблему. С этой целью были проанализированы его работы, посвященные результатам археологических исследований на территории Пермского Предуралья. Особое внимание уделялось обобщающим монографиям и публикациям. Труды О. Н. Бадера, посвященные результатам исследования отдельных памятников не рассматривались по причине того, что содержат в себе лишь конкретную географическую информацию (географическая привязка, высота над уровнем водоема), а не анализируют ее.

В результате нам удалось выделить семь работ исследователя, опубликованных в период с 1949 по 1973 гг., где О. Н. Бадер высказывает свои взгляды, характеризующие особенности расположения памятников от мезолита до бронзового века, как общие для всех этих периодов, так и частные для каждого из них. Стоит обратить внимание на то, что О. Н. Бадер под поселениями бронзового века понимал памятники, которые в настоящее время относятся к периоду энеолита (новоильинская, борская и гаринская культуры). В настоящей статье речь будет идти именно об энеолитических объектах, что позволяет относить упоминаемые автором поселения эпохи бронзы к каменному веку. Перейдем же к рассмотрению данных трудов.

В 1949 г. в статье, посвященной новейшим археологическим результатам работы Чусовского отряда Института геологических наук АН СССР, характеризуя расположение памятников каменного века от мезолита до бронзового века в долине р. Чусовой, О. Н. Бадер пишет следующее: *«Далее, памятники эпохи... неолита, энеолита и бронзы располагаются на поверхности первой надпойменной (боровой) террасы. ... ниже всего располагаются стоянки бронзовой эпохи – до 3 и даже 2 м над уровнем поймы (на склонах боровой террасы); неолит топографически занимает промежуточное положение; вероятно, здесь мы имеем не случайное явление, а отражение общей закономерности в расположении древних поселений, тесно связанной с историей долины Чусовой. Далее, 3–4-метровый надпойменный уступ, хорошо выраженный между Головановом и разъездом Адицево, датируется остатками конца бронзовой эпохи – концом II – началом I тысячелетия до н. э.»* [Бадер, 1949, с. 131]. Из этого отрывка

мы можем выделить характеристики, которые описывали месторасположение археологических памятников, и в дальнейшем будут использоваться автором. Это, несомненно, понятия, относящиеся к строению реки: *долина, пойма, надпойменная (боровая) терраса* и обязательная высотная характеристика расположения памятника (в метрах от современного уреза воды).

В 1957 г. у О. Н. Бадера вышли три работы, в которых он высказывал свои взгляды на особенности расположения древних поселений. В одной он рассматривает памятники мезолита, неолита и бронзового века, в другой – только поселения бронзового века, а в третьей – мезолитические стоянки.

В труде, посвященном хронологии формирования аллювиальных террас на Урале, О. Н. Бадер пишет следующее: *«Стоянки (мезолитические – Д. Д.) располагаются на поверхности преимущественно высоких (до 14 м) борových террас, иногда близ их внутреннего (Нижнее Адищево), иногда близ наружного (Камо-Жулановская) края... Неолитические стоянки и Зауралья, и Приуралья, как правило, располагаются на поверхности I-й надпойменной (борово́й) террасы речных долин, что особенно хорошо выявлено в Прикамье... В большинстве случаев поселения (энеолита – Д. Д.) располагаются в речных долинах на краю борových террас, и лишь некоторые из позднейших (например, в низовьях Чусовой) занимают высокую пойму, что указывает на относительно низкий уровень водоемов того времени: высокая пойма уже не заливалась»* [Бадер, 1957б, с. 310–311]. Как мы видим, термины, используемые для описания расположения памятников, остались прежними, но появляется градация некоторых из них. Так, в описании надпойменных (боровых) террас появляются такие упоминания, как *внутренний и наружный край*, пойма уже начинает делиться на *высокую и низкую*. Через изменение уровня водности р. Чусовой автор объясняет причину появления археологических памятников в пойме.

В публикации, посвященной первым обобщающим результатам изучения памятников эпохи бронзы (энеолита – Д. Д.), О. Н. Бадер, описывая особенности их расположения, практически дословно повторяет информацию из предыдущей работы: *«Памятники эпохи бронзы располагаются однообразно: всегда на поверхности борových террас или высоких пойм, у их края, обычно поблизости от болотистых низин (некогда озер и затонов) или у устьев небольших речек, впадающих в Каму»* [Бадер, Кадиков, 1957, с. 136]. Однако в данной работе стоит отметить, что О. Н. Бадер, характеризуя особенности местонахождения памятников эпохи бронзы, стал отмечать их привязку к старичным образованиям или небольшим рекам.

В публикации, освещающей итоги работ Камской археологической экспедиции за 1953–1954 гг., он дал характеристику расположения мезолитических стоянок: *«Расположены стоянки на нижних террасах: Ольховская на боровой, Заозерская и Барская Пристань – на высокой пойме, на расширенных участках камской долины»* [Бадер, 1957а, с. 61]. Изменилась позиция О. Н. Бадера и по особенностям расположения мезолитических памятников. Если в первой работе 1957 г. он считал, что они привязаны к высоким участкам террас на значительной высоте от уреза воды, то здесь уже пишет, что они относятся к нижним террасам и высокой пойме. Вероятно, эти изменения связаны с тем, что исследователь характеризует здесь конкретные стоянки, которые расположены по-другому.

В 1958 г. выходит большой совместный труд О. Н. Бадера и В. А. Оборина по археологии Прикамья – монография «На заре истории Прикамья». Параграфы, посвященные эпохе камня на территории Пермского Предуралья, составлялись О. Н. Бадером. Мезолит: *«Остатки материальной культуры лежат обычно в верхнем горизонте песка, слагающего первую надпойменную террасу, на высоте 8–15 м над современным уровнем Камы»* [Бадер, Оборин, 1958, с. 27]. Неолит: *«Все неолитические стоянки располагаются на краю невысоких речных террас, очень близко от реки или озера, которые с этого времени приобретают в связи с развитием рыболовства особое значение для населения»* [Бадер, Оборин, 1958, с. 37]. Бронзовый век: *«Все без исключения поселения находятся в пределах речной долины, на краях боровой террасы или высокой поймы, в непосредственной близости от реки или пойменного озера, почти не отличаясь по этому признаку от более древних, неолитических поселений»* [Бадер, Оборин, 1958, с. 50]. В связи с тем, что работа хоть и является академической, но все же несет популяризационный характер, описание особенностей расположения памятников мезолита-энеолита в нем сделано более простым и понятным языком. Однако здесь мы можем увидеть, что привязка к старичным образованиям или небольшим рекам в описании особенностей расположения памятников, отмеченная нами в предыдущей его работе, здесь уже проанализирована и объясняется особенностями хозяйственной жизни древнего населения. О. Н. Бадер также вновь отмечает более высокое расположение мезолитических памятников по отношению к памятникам других эпох.

В 1961 г. О. Н. Бадер публикует большой труд, посвященный поселениям турбинского типа в Среднем Прикамье. Здесь он, опираясь на работы геологов, изучавших долину Чусовой и Камы, реконструирует историю формирования первых надпойменных террас и высокой поймы этих рек, а

также процесс их освоения человеком в период с мезолита и до энеолита: «...первая надпойменная терраса успела окончательно сформироваться на протяжении мезолита, ибо позднемезолитические стоянки Волго-Камья располагались не только на внутренних участках этой террасы, но и нередко у ее края. ...Время накопления пойменного аллювия поймы 2 относится к неолиту и, видимо, началу бронзы, так как люди начинают селиться у внутреннего края ее поверхности только около XV в. до н. э. Поселения эпохи бронзы, располагающимся в Прикамье, почти всегда на поверхности боровых террас, соответствуют верхи осадков высокой поймы и средние горизонты отложения поймы 1 (видимо, верхи руслового и низы пойменного аллювия)» [Бадер, 1961, с. 176–177].

Последней работой О. Н. Бадера, где содержится интересующая нас информация, является статья (вышедшая в 1973 г.), посвященная Волго-Камской этнокультурной области эпохи неолита. Описывая памятники неолита, автор говорит: «Это типичные неолитические стоянки, чаще всего расположенные на берегах озер и рек, реже непосредственно на берегах крупных рек, на краю песчаных боровых террас; на более низких террасах неолитических стоянок не встречено» [Бадер, 1973, с. 101]. Данная информация идентична материалам, представленным выше, и, вероятно, может отражать окончательно сложившийся взгляд на характеристику расположения неолитических памятников.

Таким образом, нам удалось рассмотреть, как развивались и менялись взгляды О. Н. Бадера на характеристику расположения памятников каменного века Пермского Предуралья. С течением времени характеристика расположения памятников расширялась, используемые термины приобретали внутреннюю градацию и глубину. Первичные предположения, объясняющие нахождение памятников каждого периода именно на данных местах, в дальнейшем подтверждались результатами естественнонаучных исследований и продолжавшимися активными раскопками археологических памятников. Сам О. Н. Бадер считал итоговой стратиграфическую схему расположения памятников мезолита-бронзового века, представленную им в работе «Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье» [Бадер, 1961, с. 176], однако он не отрицал, что в дальнейшем она может быть скорректирована.

Современные исследования, проведенные совместно с учеными естественнонаучного профиля, подтверждают основные положения о расположении памятников периода мезолита-энеолита, выдвинутые О. Н. Бадером. Мезолитические стоянки располагались либо на второй надпойменной террасе, либо на коренном берегу. Большая часть неолитических памятников находилась на первой надпойменной террасе. Памятники периода неолита, располагавшиеся в пойме, вероятнее всего, были уничтожены в ходе развития пойменных генераций рек. Памятники энеолита находились на первых надпойменных террасах и в поймах рек. Все это еще раз подтверждает актуальность трудов О. Н. Бадера в настоящее время.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>

Библиографический список

Бадер О. Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л.: Наука, 1973. С. 99–106 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 172).

Бадер О. Н. Из новейших археологических исследований Чусовского отряда Института геологических наук АН СССР // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1949. № 14. С. 121–132.

Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция (Работы 1953 и 1954 гг.) // КСИА. 1957а. № 70. С. 49–71.

Бадер О. Н. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. 1957б. XIII. С. 307–314.

Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99. 200 с.

Бадер О. Н., Кадиков Б. Х. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом // Советская археология. 1957. № 3. С. 136–158.

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. 244 с.

O.N. BADER'S VIEWS ON THE PECULIARITIES OF THE LOCATION OF THE STONE AGE SITES IN THE URALS, PERM REGION

D. A. Demakov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya Str., 24, 614990, Perm, Russia
demakov-denis@mail.ru

The article analyzes O. N. Bader's views on the characteristics of the location of the Stone Age sites in the Urals, Perm region. O. N. Bader's works devoted to the archaeological sites of the studied territory were analyzed. Seven of his works were identified as those which make it possible to trace the development of his views on the peculiarities of the location of objects belonging to the Paleolithic-Bronze Age period. As a result, it was possible to distinguish some specific terms used by the author to describe the location of archaeological sites and to trace their evolution. Views of O.N. Bader to this problem were finally formulated in his work «Settlements of the Turbinsky type in the Middle Kama region». Modern research confirms his position, which proves the relevance of the work of this outstanding scientist.

Key words: O. N. Bader, archaeological sites, Stone Age, over-floodplain terrace, location of sites, Permian Urals.

ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СМЕШАННОСТИ СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Л. С. Добровольский ©

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
010000, Казахстан, Астана, ул. Пушкина, 11
lubomirdobrovolskiy@gmail.com

Статья посвящена проблеме антропологического состава скифов Северного Причерноморья. Изучены состав и морфологические типы смешанных скифских краниологических серий путем систематизации и интерпретации данных физической антропологии по краниологическому материалу предскифской и скифской эпохи с территории Северного Причерноморья и сопредельных территорий, населенных меотами и археологическими савроматами. Существенная антропологическая неоднородность отмечена в составе лишь нескольких локальных скифских краниологических группах. Наличие у большинства морфологических типов из скифских погребений Северного Причерноморья аналогов на сопредельных территориях, а также антропологическая смешанность меотов и археологических савроматов не исключают возможность диффузионной миграции населения в предскифское и скифское время.

Ключевые слова: антропологический состав скифов, скифы Северного Причерноморья, смешанные краниологические серии.

Введение. В современной скифологии актуальным является вопрос об антропологическом составе скифов Северного Причерноморья в связи с восточными миграционными импульсами и направлением культурно-генетических связей.

Сторонники теории автохтонности и антропологической консолидированности причерноморских скифов [Дебец, 1971; Алексеев, 1980; Кондукторова, 1972; Великанова, 1975; Герасимова, 1987; Ефимова, 2000; Яблонский, 2000] считают носителей срубной культуры предками всех Причерноморских скифов. С. Г. Ефимова, рассматривая скифский ареал как в целом антропологически консолидированную общность, отмечает тенденцию зональных краниологических отличий к сдвигу за счёт признаков, по которым краниологически определяется «монголоидная примесь» [Ефимова, 2000].

А. Г. Козинцев объясняет антропологическую дифференциацию скифов множественностью миграций и неодинаковым участием местных групп в его сложении. Антропологическими данными подкрепляет автохтонность населения лесостепи и доказывает центральноазиатское происхождение степных скифов, генетически связанных с одной из ветвей индоиранцев, мигрировавших в эпоху бронзы из Европы на восток и в раннем железном веке вернувшихся в степи Северного Причерноморья [Козинцев, 2007, 2008].

Л. Т. Яблонский отмечает «восточный импульс» в виде более или менее заметной монголоидной примеси в некоторых районах Средней Азии и Казахстана в период зарождения культур сакского типа в контактной скифо-сакской зоне (в том числе на территории Приаралья) [Яблонский, 1996, 1998], однако западнее этот импульс теряется [Яблонский, 2000, с. 77].

В результате сравнительного межгруппового анализа 20 мужских серий С. И. Круц устанавливает несколько краниологических типов и связь между комплексами через множество переходных форм в смешанных сериях, причём лесостепные серии не представлены единым краниотипом. Это три морфологических типа, связанные с автохтонным населением Северного Причерноморья, и два морфологических типа, формирование которых происходило за пределами территории Северного Причерноморья, характерные для карасукцев, саков, савроматов и ранних сарматов [Круц, 2017, с. 43, 45].

Наибольшую группу составляют серии, которые при любой комбинации сравниваемых групп при многомерном анализе оказываются близки между собой и занимают промежуточное положение между европейскими и «восточными» сериями скифо-сибирского мира и сериями предшествующих периодов эпохи бронзы; их компактное расположение на графиках допускает генетическую близость и метисный характер [Круц, 2017, с. 80]. Наряду с местными племенами эпохи бронзы, предполагается также участие греческих и фракийских племен в формировании антропологического состава очень смешанного населения, ведшего оседлый или полuosедлый образ жизни вблизи Днепра или в причерноморской полосе [Круц, 2017, с. 84].

Задача исследования – изучить состав и морфологические типы смешанных скифских краниологических серий путём систематизации и интерпретации данных физической антропологии по краниологическому материалу предскифской и скифской эпохи с территории Северного Причерноморья и сопредельных территорий с целью определения правомерности выводов о преимущественной смешанности антропологического состава северопричерноморских скифов.

Материал исследования составляют опубликованные антропологические характеристики и измерительные данные о признаках по индивидуальным черепам и краниологическим сериям предскифского и скифского времени с территории Северного Причерноморья [Дебец, 1948; Кондукторова, 1972; Кондукторова, 1974; Ефимова, 2000; Зиневич, 1985; Круц, 1989, 1997, 2017; Литвинова, 1999, 2001; Жилыева-Круц, 1970; Великанова, 1975; Покас и др., 1988], результаты их статистического анализа, определившего межгрупповые морфологические связи [Козинцев, 2007; Круц, 2017], измерительные данные краниологического материала с сопредельных территорий, результаты их статистического анализа и интерпретация [Балабанова, 2000; Батиева, 2005; Герасимова, 1965, 1971, 1987].

Результаты и их обсуждение. С. И. Круц отмечает нейтральное положение (рядом с тагарскими) серий из В.-Тарасовки, Широкого, Северо-Западного Причерноморья, Носаков как следствие их смешанности [Круц, 2017, с. 80]. Антропологи также отмечают смешанное происхождение (с ощутимой греко-фракийской примесью) населения, оставившего могильники Николаевки-Днестровской [Великанова, 1975] и Ольвийской ямы IV в. до н. э. [Кондукторова, 1983]. В серии из Акташа, насчитывающей 52 черепа, 40% составляют мезобрахикраны с широким и очень широким лицом [Покас и др., 1988].

Средние показатели черепов серии из Северо-Западного Причерноморья – долихокранные, среднеширокое и средневysокое лицо, ослабленная горизонтальная профилировка на верхнем уровне, низкий угол выступания носа; однако, согласно измерительным данным [Круц, 2017, с. 34, табл. 4, 83], отмечаем и мезокранные черепа, сходные с черепами из Фронтowego, Михайловки и Носаков [Добровольский и др., 2022].

Неоднородность краниологического материала подтверждают измерительные данные признаков черепов из могильника Фронтowego-I [Круц, 2017, с. 114, табл. 5] – 8 брахикранных, с широким лицом и несколько ослабленной горизонтальной профилировкой, и 3 долихокранных с узким лицом.

Согласно измерительным данным [Круц, 2017, с. 19–22], в мужской серии из Носаков отмечаем преобладание очень длинных, широких мезокранных черепов, но есть два брахикранных; в серии из Широкого – 9 долихокранных, 3 мезокранных и 1 брахикранный череп; в серии из В.-Тарасовки – черепа умеренно долихокранные (на границе с мезокранией), но преобладают долихокранные (6 из 10 измеренных черепов).

Таким образом, в смешанных краниологических сериях представлены два морфологических типа, для которых, согласно С. И. Круц (2017), фиксируются прямые параллели в предшествующих периодах на территории Северного Причерноморья:

а) долихокранный, с высоким сводом, высоким и среднешироким по указателю, узким, хорошо профилированным лицом, узким, резко выступающим носом (подавляющее большинство скифских серий относится к средиземноморскому антропологическому кругу и обнаруживает параллели с ямной, раннекатакомбной, многоваликовой керамикой, срубной, белозерской и черногоровской культурами с территории Северного Причерноморья, а также с сериями поздней бронзы и раннего железного века юга Средней Азии, катакомбной Калмыкии, андроновского Западного Казахстана и окуневской Тувы); представлен в смешанных сериях из Фронтowego-I (отклонение от основного обряда) [Круц, 2017], Акташа [Покас и др., 1988], В.-Тарасовки [Круц, 2017], Широкого [Круц, 1997, 2017] и Николаевки-на-Днестре [Великанова, 1974];

б) мезокранный, широколицый (и абсолютно, и относительно), также хорошо профилированный, наиболее широконосый, со средним углом выступания носовых костей, морфологически связанный с краниологическими сериями населения катакомбной культуры (позднего этапа) с территории Северного Причерноморья (степного Крыма, левобережья Нижнего Днепра, верховьев Ингульца); представлен в смешанных сериях из Носаков [Круц, 2017], Северо-Западного Причерноморья [Круц, 2017], Фронтowego-I (черепа из погребений с основным обрядом) [Круц, 2017] и Акташа [Покас и др., 1988].

В сериях из Широкого [Круц, 1997, 2017] и В.-Тарасовки [Круц, 2017] присутствует как механическая примесь морфологический тип, отличающийся ярко выраженной брахикранией, низким сводом, очень широким, с ослабленной профилировкой лицом. Морфотип представлен Присивашской серией, которая, по мнению С. И. Круц [Круц, 2017, с. 79], не имеет прямых аналогий в предшествующих периодах исследуемой территории и схожа с сериями саков Северного и Восточного Казахстана, а также

с карасукской. Однако согласно измерительным данным [Круц, 2017, с. 6, табл. 10–11], этот морфотип обнаруживаем на краниологическом материале катакомбной культуры (позднего этапа) с территории Северного Причерноморья в серии Юга Херсонской области.

Палеоантропологические данные предскифского и скифского времени с территории Нижнего Подонья также подтверждают смешанность населения и наличие комплексов, связанных с древним автохтонным населением этих мест II тыс. до н. э. Сборная серия из нижнедонских могильников предскифского времени (IX–VII вв. до н. э.) состоит в основном из мезобрахикранных черепов, с широким и средневысоким лицом, низкими орбитами и среднешироким, резко выступающим носом; однако неоднородность выборки не исключает участия срубных племен в сложении населения этого периода [Батиева, 2005, с. 5–7].

По данным антропологии мы не наблюдаем передвижение больших групп инородного населения на территории Нижнего Подонья в скифское время (VI–III вв. до н. э.). Параметры и локализация краниологического материала из кочевнических погребений Подонья скифского времени имеют сходный характер с выборкой из кочевнических погребений предшествующего времени [Батиева, 2005, с. 7–9]. При абсолютном преобладании брахикранных черепов в серии отмечаем и долихокранные черепа.

Краниологическая характеристика населения нижнедонских городищ скифского времени (Елизаветовского, Беглицкого, Ливенцовского V, Гнилища I) также свидетельствуют о смешанности населения [Батиева, 2005, 9–20]. Черепа из Пятибратных курганов отличаются длинной и узкой, долихокранной мозговой коробкой. Черепа из общего могильника Елизаветовского городища крупные, суббрахикранные и брахикранные, с широким лбом, широким лицом, уплощенным на уровне орбит. В сериях их грунтовых могильников оседлого населения преобладают черепа, принадлежащие к кругу долихокранных морфологических вариантов с нешироким лицом, аналоги которым находятся в сериях из могильников Боспора, лесостепных скифских серий Украины и меотов Прикубанья. Присутствуют также черепа, похожие на кочевнические, что указывает на возможное смешение населения.

Среди краниологического материала таких могильников, как Николаевский, Воронежский, Усть-Лабинский, Колосово-II и др. преобладают долихокранные или мезокранные черепа с узким, невысоким лицом. В Усть-Лабинском могильнике Прикубанья, а также в Моздокском могильнике отмечены брахикранные черепа VI–V вв. до н. э. [Герасимова, 1987, с. 44–46].

Неоднородным был также состав городского населения Танаиса, по краниологическим данным в III в. до н. э. – рубежа н. э. [Герасимова, 1965, с. 1971]. Основной контингент его жителей по своему морфологическому типу (долихокранные черепа с относительно среднешироким лицом) совпадает с «меотским» вариантом населения Танаиса [Герасимова, 1987], однако присутствуют и мезобрахикранные черепа с относительно широким лицом, среднешироким и хорошо выступающим носом (женские черепа в среднем больше соответствуют мужскому долихокранному варианту) [Герасимова, 1965, 1971; Батиева, 2005, с. 16].

В исследовании краниологического материала скифского времени с территории Нижнего Поволжья и Приуралья (археологических савроматов) произведенный анализ внутригрупповой структуры суммарных выборок методом главных компонент по 17 краниологическим признакам показал наличие шести групп морфологических сочетаний, описывающих внутригрупповую изменчивость [Балабанова, 2000, с. 36–40].

Полагаем, что краниологический полиморфизм савроматов отчётливо подтверждается наличием как долихокранных черепов, так и черепов брахикранных; как очень широколицых, так и узколиких; черепов как с резким, так и с умеренным выступанием носовых костей; как с европеоидной, так и с умеренной горизонтальной профилировкой. Отмечаем чрезвычайную неоднородность всех серий, сформированных по географическому принципу.

Выводы. На территории Северного Причерноморья антропологическая неоднородность отмечена в нескольких локальных скифских краниологических группах (в сериях из Фронтного-I, Акташа, Широкого, В.-Тарасовки, Широкого, Носаков, Северо-Западного Причерноморья и Николаевки-на-Днестре). Смешанность меотов и археологических савроматов, а также наличие у большинства морфологических типов из погребений Северного Причерноморья скифского времени аналогов (иногда представленных единичными черепами) на сопредельных территориях – Нижнего и Среднего Подонья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья – не исключает вероятность диффузионного перемещения населения, отчетливо не прослеживаемого на антропологическом материале Северного Причерноморья.

Библиографический список

- Алексеев В. П. Дискуссионные вопросы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки, 1980. № 6. С. 80–82.
- Балабанова М. А. Антропология населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 130 с.
- Батиева Е. Ф. Происхождение и эпохальная динамика населения Нижнего Подонья в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Автореф. дисс. ... к. б. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 2005. 23 с.
- Великанова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского Междуречья. М.: Наука, 1975. 283 с.
- Герасимова М. М. Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса // МИА. 1965. № 127. С. 256–259.
- Герасимова М. М. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н. э. – IV в. н. э.) // Советская этнография. 1971. № 4. С. 131–140.
- Герасимова М. М. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье (Боспорское царство) // М. М. Герасимова, Н. М. Рудь, Л. Т. Яблонский; отв. ред. М. С. Великанова. Антропология античного мира и средневекового населения Восточной Европы. АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 251 с.
- Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии (Материалы и исследования по археологии СССР № 177) / П. Д. Либеров и В. И. Гуляев, отв. ред. М.: Наука, 1971. С. 8–10.
- Добровольский Л. С., Умиткалиев У. У. Морфологические типы скифов Северного Причерноморья в аспекте их генезиса // Российский журнал физической антропологии, 2022. № 4. С. 16–33.
- Ефимова С. Г. Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии // В. И. Гуляев, В. С. Ольховский, отв. ред. Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 39–44.
- Жилиева-Круц С. И. Черепа из скифских погребений Керченской экспедиции 1964–1967 гг. // Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970. С. 180–189.
- Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967. 239 с.
- Козинцев А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропологи Евразии, 2007. Вып. 4 (32). С. 143–157.
- Козинцев А. Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии, 2008. Вып. 4 (36). С. 140–144.
- Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. 155 с.
- Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика погребенных из Боспорского могильника у с. Золотое // Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории европейского Боспора). Киев: Наукова думка, 1983. С. 163–174.
- Круц С. И. К вопросу об этнической принадлежности населения Керченского полуострова в скифское время (по антропологическим данным) // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Одеса, жовтень 1989. Київ: Наукова думка, 1989. С. 115–117.
- Круц С. И. Антропология Стеблевского могильника (к вопросу о физическом типе населения Лесостепи в скифское время) // Скорый С. А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев: Наукова думка, 1997. С. 91–106.
- Круц С. И. Скифы степей Украины по антропологическим данным («Курганы Украины», Т. 5). Киев – Берлин: Видавель Олег Філюк, 2017. 202 с.
- Литвинова Л. В. Антропологический материал из могильника Мамай-Гора // Андрух С. И., Тощев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. Запорожье: Изд-во Запорожского университета, 1999. Книга I. С. 188–210.
- Литвинова Л. В. Антропологический материал могильника Мамай-Гора // Андрух С. И., Тощев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. Запорожье: Изд-во Запорожского университета, 2001. Книга II. С. 246–272.
- Покас П. М., Назарова Т. А., Дяченко В. Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в восточном Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 118–144.

Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: Тимп, 1996. 185 с.

Яблонский Л. Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // Российская археология, 1998. № 4. С. 35–49.

Яблонский Л. Т. О происхождении скифской культуры Причерноморья по данным современной палеоантропологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 73–79.

Konduktorova T. S. The ancient population of Ukraine // Anthropolgie (Brno). 1974. Vol. 12. N1/2. P. 5–149.

THE PROBLEM OF ANTHROPOLOGICAL HETEROGENEITY OF THE SCYTHIANS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

L. S. Dobrovolskyi

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Puskina str., 11, 010000, Astana, Kazakhstan
lubomirdobrovolskiy@gmail.com

The article is devoted to the problem of the anthropological composition of the Scythians from the Northern Black Sea region. The composition and morphological types of mixed Scythian craniological series are studied. It is done by systematizing and interpreting physical anthropology data based on craniological material of the pre-Scythian and Scythian eras from the territory of the Northern Black Sea region and adjacent territories inhabited by Meots and archaeological Sauromata. Significant anthropological heterogeneity was noted in the composition of only a few local Scythian craniological groups. The fact that most of the morphological types from the Scythian burials of the Northern Black Sea region have analogues in the adjacent territories, as well as the anthropological mixture of Meots and archaeological Sauromata, do not exclude the possibility of diffusion migration of the population in the Pre-Scythian and Scythian times.

Key words: anthropological composition of the Scythians, Scythians of the Northern Black Sea region, mixed craniological series.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КРЕМЛЯ Г. ХЛЫНОВА – ВЯТКИ В 2022 Г.

А. В. Егоров [©]

Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области,
610017, Россия, Киров, ул. Герцена, 64
general882007@yandex.ru

В статье описаны предварительные итоги археологических работ в северной части кремля г. Хлынова – Вятки (Кирова), проведенные летом 2022 г. Дано общее описание раскопа, особенности его стратиграфии и комплекса находок. Раскопанный участок отражает разные периоды истории центральной части г. Хлынова – Вятки: период губернской городской застройки, период существования кремлевских укреплений (вала) и период предположительно более ранних оборонительных конструкций. Приведено общее описание всех объектов раскопа: вала, внутривальных конструкций, деревянной бревенчатой мостовой, жилых или хозяйственных сооружений рядом с валом и возможные остатки более ранних деревянных конструкций. Отдельно выделен анализ остеологического материала раскопа и предварительная характеристика керамического комплекса.

Ключевые слова: кремль г. Хлынова – Вятки, вал, укрепления, городская археология, городская топография, деревянные мостовые, керамический комплекс, остеология.

Кремль г. Хлынова – Вятки (Хлыновское городище) располагается на левом коренном берегу р. Вятки высотой 35–40 м, занимая тупой мыс, ограниченный с юга берегом оврага Засора [Справочник..., 2011, с. 18]. На сегодняшний день большая часть территории памятника застроена. Научные археологические исследования на Хлыновском кремле проводились Л. П. Гуссаковским в 1956–1958 гг. и Л. Д. Макаровым в 1983 и 1990 гг. В современный период на территории кремля проводились преимущественно охранные работы на разрушающихся частях памятника и в зонах хозяйственного освоения. Работы проводились С. Е. Перовицким в 2013 г., Р. В. Матвеевым в 2015 г. и А. И. Фахретдиновым в 2019 г.

В 2022 г. в рамках государственного задания Кировской области КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области» были проведены научные раскопки объекта археологического наследия «Кремль г. Хлынова – Вятки, XII в.» под руководством А. В. Егорова. В качестве участка проведения работ была выбрана крайняя северная часть территории памятника по адресу: Динамовский проезд, 14а, граничащая с современной территорией Преображенского женского монастыря. На данном участке, свободном от современной застройки и коммуникаций, был заложен раскоп, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад общей площадью 50 м², примыкавший к старинной стене женского монастыря. Исторически в XVIII–XIX вв. на данном участке располагалась территория Троицкого собора г. Вятки, отмеченная на большинстве карт периода XIX в. Еще раньше на данном участке были расположены вал и ров кремля города Хлынова – Вятки, обозначение которых сохранилось на ряде исторических карт XVIII–XIX вв. В ходе работ были исследованы различные исторические напластования для удобства разделенные на три хронологических периода: XVII – нач. XX вв., XVI–XVII вв. и, предположительно, конца XV–XVI вв. (рис.).

1. Период XVII – начала XX вв. Слои, относящиеся к данному периоду, фиксировались на уровне прокопки 1–4 пластов (до –160 см от «0») и отражали историю данного участка в период нахождения его в границах территории Троицкого собора (разрушен в 1930-е гг.). Троицкий кафедральный собор XVIII в. располагался к югу от исследуемого участка – северо-восточная часть его фундамента была выявлена в ходе археологических работ 2019 г. [Кряжевских, 2021, с. 6]. На данном уровне выявлено несколько столбовых ям, которые можно соотнести с функционированием на участке сооружений, связанных с хозяйственными (?) сооружениями, расположенными на прихрамовой территории (отражены на картах и планах г. Вятки XIX в.). К данному хронологическому периоду XVII – начала XX вв. были отнесены частично переотложенные слои, связанные с функционированием на данной территории Троицкого собора и слои, выделенные в качестве следов оборонительного вала кремля г. Хлынова – Вятки. Причем некоторые слои, соотносимые с валом, после сведения профилей стенок с горизонтами были определены в качестве его подсыпок в ходе ремонтов XVII в. На уч. 4/А в слоях, соотнесенных с

оборонительным валом, выявлен слой древесного тлена, который был определен в качестве остатка разрушенной внутривальной конструкции типа «тарасов» или «городней» (деревянные конструкции срубного типа, расположенные внутри вала [Крадин, 1988, с. 10–11]). Плохая сохранность внутривальных деревянных конструкций, выявленная и на последующих горизонтах, в целом характерна для крепостных валов на территории Среднего Поволжья, где такие конструкции зачастую представлены лишь «в виде остатков древесного тлена, <...> гумуссированных следов от столбовых ям, досок и бревен» [Губайдуллин, 2015, с. 126]. Кроме того, часть слоев, соотнесенных с оборонительным валом города, находились в переотложенном состоянии ввиду как работ по ликвидации городских укреплений в XVIII–XIX вв., так и хозяйственного освоения участка в советский и современный периоды.

Среди находок на данном уровне стоит отметить фрагмент четырехконечного креста XVIII – начала XX вв. с утраченным оглавием, монеты 2 коп. 1893 г. и 20 коп. 1869 г., фрагмент глиняной зооморфной (?) игрушки XIX–XX вв., глиняные рыболовные грузила XVII–XIX вв., цельнолитой перстень со щитком каплевидной формы без орнамента XVIII–XIX вв., фрагмент бутылки с клеймом завода И. В. Александрова, фрагмент бутылки с клеймом «Старая аптека М. К. Мацкевича во Владимире», фрагменты керамики и кости животных. Интересны находки изразцов второй половины XVIII в., предположительно происходящие из Великого Устюга. Они могли использоваться в убранстве разрушенного Троицкого собора. К предметам импорта из Великого Устюга или Вологды можно отнести и тыльник ножа XVIII–XIX вв., украшенный разноцветной перегородчатой эмалью (финифтью). С местным праздником Свистопляской может быть связана находка фрагмента полого глиняного шарыша, который катали в ходе данного праздника в XVIII–XIX вв. [Богуславская, 1988, с. 41].

2. Период XVI–XVII вв. Слои, относящиеся к данному периоду, расположены на уровне прокопки 5–10 пластов (от –160 до –280 см от «0») и отражают историю данного участка в период существования в г. Хлынове – Вятке оборонительного вала. На исследуемых горизонтах прослежены конструктивные особенности вала и расположенная рядом с валом обгоревшая деревянная конструкция (жилое или хозяйственное сооружение). Внутри слоя вала были зафиксированы остатки срубных конструкций, т. н. городней (или тарасов) – деревянных срубов, внутреннее пространство которых забутовывалось глиной и камнем-известняком (забутовочный слой представляет собой переотложенный материк и, вероятно, был получен в ходе прокопки расположенного севернее рва). Обгоревшие деревянные конструкции, среди которых читается дощатый пол (упавший навес?) и основания бревенчатых стен, в которых фиксируются столбовые ямки, могут быть остатками жилого или хозяйственного сооружения, расположенного вплотную к валу и, предположительно, сгоревшего в ходе одного из пожаров г. Хлынова – Вятки. Различные сооружения могли располагаться рядом с валом на протяжении всего периода его существования. Так, А. Г. Тинский, описывая реконструкцию укреплений при воеводе П. Д. Дорошенко в 1681–1683 гг., упоминает возведенную по всей длине вала тесовую крышу на столбах и бревенчатый сплошной настил [Тинский, 1976, с. 34]. Крупные пожары, в ходе которых сгорали городские укрепления, хорошо известны по письменным источникам в разные периоды существования кремля. Например, пожары 1631 и 1634 гг. полностью уничтожили укрепления кремля, которые в дальнейшем восстанавливались по прямому распоряжению из Москвы [Тинский, 1976, с. 19–20]. Вполне вероятно, что в ходе раскопок 2022 г. были выявлены следы расположенного у вала сооружения, сгоревшего в ходе одного из многочисленных пожаров XVI–XVII в.

Судя по стратиграфии восточной стенки раскопа, данные обгоревшие конструкции перекрыты слоем вала. Это может говорить о том, что после пожара сооружение не восстанавливалось, а было засыпано в ходе одного из ремонтов-подсыпок вала в XVI–XVII вв. Вообще, на данном уровне выявлено большое количество следов ремонтов-подсыпок вала. Эти подсыпки можно отнести к периоду XVII в., когда по границам Вятского края проходили крупные восстания: Степана Разина, Соловецкое и башкирское (Сеита Ягафарова). Наиболее крупные и знаковые работы по укреплению кремля нашли свое отражение и в письменных источниках. Так, кремль в 1663–1666 гг. при воеводе Г. А. Козловском получил мощные земляные валы, а в 1681–1683 гг. укрепления были капитально перестроены при воеводе П. Д. Дорошенко. Вообще, по мнению исследователей, укрепления города «...неоднократно ремонтировались и перестраивались, так как с течением времени деревянные конструкции стен подвергались гниению, а земляные насыпи <...> размывались и осыпались» [Эммаусский, 1996, с. 87–90].

В различных слоях оборонительного вала выявлены наконечники стрел XVII в., нателный четырехконечный крест с килевидным завершением нижней оконечности XVI–XVII вв., копейка-чешуйка времен Михаила Федоровича Романова (причем монета обрезана с 4 сторон в виде квадрата), мушкетная пуля XVII в., фрагмент щиткового(?) перстня XVI–XVII вв., рыболовный крючок, ножи,

иглы, пряслица (в т. ч. одно – изготовленное из гальки), глиняное грузило, игральная фишка(?), многочисленные фрагменты гончарной керамики, кости животных и неопределенные изделия из металла.

Среди находок на участках рядом с валом, в т. ч. в слое пожара, можно отметить грушевидную пуговицу XVII–XVIII вв., сферическую стеклянную бусину XVI–XVII вв. со следами пребывания в огне, большое количество фрагментов керамики (в т. ч. обожженной) глиняной обмазки, костей животных. Данный уровень раскопа отражает период функционирования вала и расположенных рядом с ним построек.

3. Период конца XV–XVI вв. Слои, относящиеся к данному периоду, расположены на уровне прокопки 11–13 пластов (от –280 до –340 см от «0») и отражают историю данного участка в период до появления вала и сразу после его возведения. Сам вал на данном уровне был исследован полностью, включая внутривальные конструкции. Сразу под слоем вала был обнаружен погребенный дерн – дневная поверхность периода возведения вала. Под ним зафиксирован материк, представляющий собой глину, и ниже – камень-известняк (которым и забутовывались деревянные внутривальные срубы).

Под сгоревшими деревянными конструкциями в восточной части раскопа выявлен гумуссированный слой без конструкций, который, вероятно, был насыпан для выравнивания участка перед постройкой сгоревшего сооружения. Сразу под вышеописанным слоем выявлены уложенные в ряд бревна, частично уходящие в юго-восточную стенку раскопа. По краям бревен прослежена перпендикулярная им лага-ограничитель. Данные бревна предположительно могут являться деревянной мостовой, расположенной внутри периметра укреплений. Похожие конструкции мостовых, с лагами по краям настилов, хорошо известны, например, по материалам раскопок в исторической части Москвы [Рабинович, 1964, с. 258–259].

В заполнении между бревен выявлен характерный для аналогичных сооружений слой в виде органики и бытового мусора (обрезки кожи, дерева, веток, щепы и проч.). Данным слоем заполняли влажный участок городской улицы перед прокладкой непосредственно мостовых. Такое заполнение играло роль впитывающей влагу прослойки и должно было максимально осушать данный участок от дождевых вод и грязи. В данном слое найдены фрагменты гончарной керамики, керамика с включениями раковины крошки в тесте (т. н. «славяноидная»), финно-угорская пронизка от шумящего украшения, которую можно датировать верхним хронологическим периодом бытования – XV в. Многочисленны находки фрагментов кожаной обуви конца XV–XVI в. и изделий из бересты и дерева: берестяные вставки в обувь, крупный берестяной туесок, копылок от саней и проч. Интересно, что ранее на территории Хлыновского кремля уже выявлялись подобные находки из органики [Макаров, 1994, с. 174]. Данную мостовую по имеющимся материалам можно датировать периодом конца XV–XVI вв., что соотносится с 1-м ярусом мостовых (180–195 см), выявленных Л. П. Гуссаковским и датированных тем же хронологическим диапазоном [Макаров, 1994, с. 171–172]. Аналогичные влажные гумуссированные слои, используемые для осушения участка с похожей номенклатурой изделий, широко известны по материалам как городов Вятского края (гг. Киров, Слободской), так и ряда городов Северо-Восточной Руси, например, Новгорода Великого [Колчин, Рыбина, 1994, с. 183–184].

В южной части раскопа вплотную к мостовой примыкают бревна, вероятно, от разрушенного жилого или хозяйственного сооружения (бревна лежат перпендикулярно к настилу мостовой). Часть бревен расположена на уровне основания вала (погребенной почвы), часть – существенно ниже и предположительно заглублены в материк. Некоторые бревна имеют рубленные «в обло» пазы для стыковки с другими бревнами конструкции. На некоторых участках расположены вертикальные «колышки» – возможно, игравшие роль подпорок бревен.

Разрозненные бревна, выявленные ниже уровня мостовой и расположенного рядом с ней сооружения, можно соотнести с остатками более ранней конструкции, предположительно функционировавшей на данном участке в конце XV в. (либо в более широкий период до создания вала). Судя по всему, конструкция была заглублена в материк и существовала до создания на участке мостовой (мостовая проложена выше бревен этого сооружения). Позже, во время строительства вала и мостовой, сооружение было частично засыпано слоем вала, что видно по профилям юго-западной и северо-восточной стенок. Некоторые бревна этого раннего сооружения могли быть использованы во время возведения вала для его укрепления.

Учитывая то, что и мостовая, и деревянные конструкции частично уходят в юго-восточную стенку раскопа, было принято решение о приостановке работ на этом уровне и их консервации до следующего полевого сезона. Данная мера продиктована как необходимостью комплексного исследования выявленных сооружений целиком, так и возможным решением областных властей о музеефикации выявленного объекта в будущем.

В ходе археологических работ, проведенных на территории Вятского (Хлыновского) кремля в 2022 г., была собрана и проанализирована археозоологическая коллекция¹. Кости из культурного слоя являются преимущественно «кухонными остатками» и состоят из костей млекопитающих – 96,2% от количества определимых костей, птиц – 0,9%, рыб – 2,0% и раковины моллюсков – 1,4%.

Практически все кости млекопитающих происходят от домашних животных: крупный рогатый скот, лошади, мелкий рогатый скот – овцы или козы, и свиньи. Выявлено несколько костей собак и кошек. Около половины всех костных остатков принадлежат КРС (54,0%), доли МРС и свиньи составляют 25,0% и 14,4% соответственно. Кости лошади единичны. Дикие животные представлены в кухонных материалах следующими костями: метаподия зайца, фрагмент берцовой кости лося, фрагмент таза бобра. Кости рыб относятся к роду сомы и семейству осетровые, вероятно, стерлядь. Единичные определимые кости птиц принадлежат домашней курице. Особый интерес представляет фрагмент крышки черепной коробки человека со следами огня, найденный в сгоревшем сооружении. Многие кости животных носят следы разделки и погрызов собаками.

В результате изучения остеологического материала было установлено, что основу мясного рациона обитателей Хлыновского кремля составляло мясо крупного рогатого скота, реже в пищу употребляли мясо мелкого рогатого скота и свиньи. Анатомический состав костных остатков включает все элементы скелета домашних копытных. Возможно, разделка туш этих животных производилась непосредственно на памятнике. Подавляющая часть костей домашнего скота происходит от полувзрослых и взрослых особей. При этом отсутствуют остатки от старых особей. Значительно меньшую роль в рационе играли продукты птицеводства, рыболовства и охоты.

Был также проведен анализ керамического материала, который распределяется по следующим группам: сероглиняная грубая XV–XVII вв. (2% от общего количества), красноглиняная грубая XIV–XIX (15% от общего количества), красноглиняная бытовая без грубых примесей XV–XIX вв. (54% от общего количества), мореная керамика XVII–XIX вв. (14% от общего количества), «славяноидная» керамика XII–XV вв. (3% от общего количества), чернолощенная с разреженным лощением керамика XVIII–XIX вв. (0,05% от общего количества), белоглиняная (0,6% от общего количества) XVI–XIX вв., поливная с зеленой глазурью (0,05% от общего количества) (XVII вв.), красноглиняная тонкая поливная керамика XIX – начала XX вв. (2% от общего количества), кирпично-красная керамика XIX – начала XX вв. (2% от общего количества), красноглиняная керамика «в болгаро-татарских традициях» (0,3% от общего количества), предположительно, могла быть изготовлена в XIII–XV вв.

Ранее укрепления кремля г. Хлынова – Вятки были прослежены Л. Д. Макаровым при наблюдениях за прокладкой водопровода в 1983 г. Исследователем были зафиксированы «остатки древнейших оборонительных сооружений в виде дощатого настила, фрагменты бревен и плах, строительного мусора, располагавшихся вдоль рва на прослойке погребенного дерна с лесной подстилкой» [Макаров, 2005, с. 114]. Однако работы 1983 г. проводились на уже прокопанной строительной траншее, что привело к утрате значительной части научной информации об особенностях укреплений кремля города. Кроме того, в ходе работ советского периода основное внимание исследователей уделялось преимущественно древним пластам раскопок, тогда как слои XVIII–XX вв. характеризовались как слои «строительного мусора» и описывались менее подробно [Макаров, 1992, с. 43]. Работы 2022 г. впервые позволили в соответствии с текущей методикой поэтапно проследить историю данной части города от периода существования там Троицкого собора (поздний этап) до периода существования на участке укреплений кремля г. Хлынова – Вятки (ранний этап). Проведенные работы показали высокую научную ценность и информативность исследуемого участка: был прослежен слой вала вместе с внутривальными конструкциями, исследован один из уровней деревянных мостовых и расположенные рядом деревянные сооружения, получена большая коллекция находок разных периодов. Хронология и назначение всех объектов, выявленных в ходе раскопок на участке, на наш взгляд, вполне соотносятся с выводами предыдущих исследователей кремля г. Хлынова – Вятки – Л. П. Гуссаковского и Л. Д. Макарова.

Примечание

¹ Анализ остеологической коллекции выполнен лаборантом археологической научно-исследовательской лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара) Ириной Михайловной Григорьевой.

¹ Анализ остеологической коллекции выполнен лаборантом археологической научно-исследовательской лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара) Ириной Михайловной Григорьевой.

Библиографический список

- Богуславская И. Я.* Дымковская игрушка. Л.: «Художник РСФСР», 1988. 332 с.
- Губайдуллин А. М.* Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X–XVI веков Среднего Поволжья // Поволжская археология. № 3 (13). Казань, 2015. С. 125–143.
- Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: «Наука», 1982. С. 166–189.
- Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: «Наука», 1988. 190 с.
- Кряжевских А. Л.* Археологические исследования на территории Хлыновского кремля в г. Кирове в 2019 г. // Археологические открытия Кировской области – 2019. Киров, 2021. С. 4–9.
- Макаров Л. Д.* Археологическое изучение крепостных сооружений древней Вятки (г. Хлынова) // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск, 2005. С. 111–119.
- Макаров Л. Д.* О хронологии древностей Хлыновского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П. Н. Лупова). Киров: Кировский госпединститут, 1992. С. 43–45.
- Макаров Л. Д.* Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 166–189.
- Рабинович М. Г.* О древней Москве: очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: «Наука», 1964. 353 с.
- Справочник – аннотированный список (каталог) объектов археологического наследия, расположенных на территории Белохолуницкого, Верхошижемского, Даровского, Лузского, Нагорского, Оричевского, Тужинского, Уржумского, Фаленского, Шабалинского, Юрьянского, Яранского районов Кировской области и г. Кирова. Киров, 2011. 207 с.
- Тинский А. Г.* Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1976. 228 с.
- Эммаусский А. В.* История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров: Кировская областная типография, 1996. 269 с.

PRELIMINARY RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS ON THE TERRITORY OF THE NORTHERN PART OF THE KREMLIN OF KHLYNOV-VYATKA IN 2022

A. V. Egorov

Research and Production Center for the Protection of Cultural Heritage Objects of the Kirov Region,
64, Herzen Str., 610017, Kirov, Russia
general882007@yandex.ru

The article describes the preliminary results of archaeological work in the northern part of the Kremlin of Khlynov-Vyatka (Kirov), which was done in summer, 2022. A general description of the excavation, features of its stratigraphy and the collection of finds is given. The excavated site reflects different periods of the history of Khlynov-Vyatka: the period of provincial urban development, the period of the existence of Kremlin fortifications (ramparts) and the period of presumably earlier defensive structures. A general description of all the objects of the excavation is given: a shaft, intravenous structures, wooden log pavement, residential or utility structures next to the shaft and possible remnants of earlier wooden structures. The analysis of the osteological material from the excavation and the preliminary characteristics of the ceramic complex are separately highlighted.

Key words: Kremlin of Khlynov-Vyatka, rampart, fortifications, urban archeology, urban topography, wooden pavements, ceramic complex, osteology.

ОБРАЗ КИТА И РЫБЫ В МОБИЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ФЕННОСКАНДИИ

А. М. Жульников [©]

Петрозаводский государственный университет, 185910, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
rockart@yandex.ru

В статье представлены сведения о редких на территории Фенноскандии находках изображений кита и рыбы, относящихся к памятникам первобытного мобильного искусства. Сопоставление фигур кита в мобильном искусстве и на петроглифах Северной Европы позволило автору статьи выявить два региона, отличающихся стилистическими особенностями изображений морских животных. В оформлении двух каменных изделий – наваршия-скипетра и идола, обнаруженных на территории Карелии, нашел воплощение образ сома. Каменные части составных блесен, представляющие собой стилизованные фигуры рыб неопределенного вида, найденные на некоторых стоянках Финляндии и Карелии, а также на Карельском перешейке, отнесены к культурам типичной гребенчатой и ромбоямочной керамики, датируются первой половиной IV тысячелетия до н. э.

Ключевые слова: Фенноскандия, первобытное искусство, кит, рыба, неолит, энеолит.

Введение

Памятники первобытного монументального и мобильного искусства являются важнейшим источником для изучения мифологических представлений и ритуально-магической практики древних людей. Среди образов, нашедших отражение в искусстве малых форм древних охотников и рыболовов Северной Евразии, изредка представлены изображения рыб и морских животных.

В лесной полосе Восточной Европы фигурки рыб из кости и кремня начинают изготавливаться уже в эпоху мезолита [Ошибкина, 1995, с. 30, 40], а на памятниках неолита – энеолита здесь известна уже довольно многочисленная серия фигурных кремневых изделий, в которых исследователи распознают изображение рыбы [Крайнов, 1995; Недомолкина, 2000; Ошибкина, 1995; Сериков, 2014]. На некоторых поселениях энеолита – начала эпохи бронзы Верхнего Поволжья встречены изображения рыб в виде костяных фигурок [Крайнов, 1995, с. 94] и композиций на керамической посуде [Крайнов, 1991].

На памятниках мезолита – эпохи бронзы Фенноскандии каменные и костяные изображения рыб и китов сравнительно немногочисленны, ранее они не становились объектом специального изучения. Тем не менее, учитывая важнейшую роль рыболовства и морских промыслов в неолите – энеолите во многих регионах Северной Европы, несомненный интерес представляет изучение стилистических, хронологических и пространственных особенностей имеющихся находок, в которых нашли отражение образы морских и пресноводных животных.

Материалы и обсуждение полученных данных

На территории Фенноскандии на настоящий момент известно шесть художественных изделий, на которых можно распознать образ морского животного (рис. 1). В пяти случаях изображен кит или иное китообразное животное (белуха и т. п.); одна костяная поделка (рис. 1, 10) по профилю напоминает фигуру нерпы или тюленя.

На плоских частях сланцевого углового ножа (случайная находка в центральной части Норвегии, район Тексдал [Hallström, 1938, р. 243]) выгравированы в скелетном стиле три профильных фигуры кита (рис. 1: 1). Сланцевые угловые ножи на территории Фенноскандии имеют довольно узкий хронологический диапазон бытования – IV–III тыс. до н. э. В северной Швеции (Норрланд) подобные орудия датируются второй половиной IV тыс. до н. э. [Loeffler, 2005, р. 176]. В Западном Прибеломорье, по моим данным, угловые сланцевые ножи появляются около середины IV тыс. до н. э. и продолжают бытовать здесь до рубежа III–II тыс. до н. э.

Миниатюрная каменная скульптура кита (длиной 6,3 см) происходит, как и предыдущая находка, из центральной части Норвегии (район Асмуннвог) [Marstrander, 1970, fig. 2, р. 211–212] (рис. 1, 2). Данная уплощенная фигурка, судя по такому признаку, как опущенный вниз хвост, имеет аналогии среди профильных изображений кита на петроглифах группы Форселв в северной части Норвегии, датированных по высотным данным V–IV тыс. до н. э. [Gjerde, 2010, fig. 100].

В Северной Швеции, в Лапландии, в районе Культён, найдена небольшая (11 см) каменная плитка с выгравированным на одной из плоских сторон профильным изображением кита [Hallström,

1938] (рис. 1, 3). Кит изображен в скелетном стиле, который характерен для петроглифов Альты в Северной Норвегии, датированных по высоте над уровнем моря V–IV тыс. до н. э. (первый-второй периоды по К. Хельскогу) [Helskog, 2014, p. 29].

Костяная фигурка, изображающая белуху в проекции «вид сверху» (рис. 1, 7) [Гурина, 1997, рис. 57, 6], происходит с поселения Маяк II, находящегося на северном побережье Кольского полуострова. На этом поселении представлены комплексы находок от раннего неолита до раннего железного века, поэтому при датировке стилизованного изображения китообразного животного с Маяка II можно опираться лишь на аналогию с кремневой фигуркой, изображающей белуху (в проекции «вид сверху») со стоянки Зимняя Золотица, расположенной на южном берегу Белого моря (рис. 1, 9) [Ошибкина, 1995, рис. 82]. На территории Карелии кремневые антропоморфные и зооморфные фигурки получают распространение только в энеолите на памятниках с асбестовой и пористой керамикой (типы Войнаволоок и Оровनावолок), датируемых второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н. э. [Жульников, Тарасов, 2021, с. 26]. К этому времени стоит отнести и кремневое изображение белухи с Зимней Золотицы.

Орнаментированная костяная подвеска с отверстием (сборы А. А. Иностранцева на южном берегу Ладожского озера) (рис. 1, 10) [Ошибкина, 1995, рис. 76, с. 58] по своему облику (профилю) напоминает нерпу или тюленя. Материалы сборов с Ладожской стоянки содержат находки, относящиеся к неолитическому времени (нарвская и типичная гребенчатая керамика), что позволяет датировать этим же периодом и фигурку, вероятно, изображающую ладожскую нерпу.

При сопоставлении стилистических особенностей фигур китов на петроглифах и в искусстве малых форм выявились две пространственные группы изображений. Первая группа, представляющая фигуры морских животных в основном в проекции «вид сверху», включает, наряду с фигурками из Маяка II и Зимней Золотицы, изображения на петроглифах Кольского полуострова, низовья реки Выг и восточного берега Онежского озера (рис. 1, А). Вторая группа, стоящая из профильных фигур морских животных, объединяет изображения, происходящие с территории Норвегии и Швеции (петроглифы и памятники мобильного искусства) (рис. 1, Б).

Изображения китов из Тексдала и Култёна выполнены в скелетном стиле, который характерен для неолитических наскальных изображений западной части Фенноскандии, тогда как в восточной части региона на петроглифах доминируют силуэтные и контурные изображения животных.

Появление среди наскальных изображений Канозера и Белого моря (рис. 1, 6, 8) немногочисленных профильных изображений белухи, а на петроглифах Альты (рис. 1, 5) единичных изображений морского зверя (тюленя?) в проекции «вид сверху», видимо, указывает на наличие процессов смешения изобразительных традиций групп древнего населения, проживавших в западной и восточной частях Фенноскандии. В мобильном наскальном творчестве, связанном с образами морских животных, явных признаков подобного межкультурного взаимодействия в художественной сфере не наблюдается, за исключением профильной фигурки, видимо, нерпы, найденной в Южном Приладожье.

В западной части Фенноскандии известно несколько находок каменных плиток небольших размеров, на которых, помимо вышеупомянутой фигуры кита, выгравированы изображения копытных животных, змей, антропоморфов и абстрактные знаки. Состав изображений на каменных плитках сходен с образами, нашедшими отражение в нео-энеолитическом наскальном искусстве региона. Не исключено, что небольшие сланцевые плитки с изображениями выполняли функцию мобильного петроглифического святилища. Сланцевый нож с выгравированными изображениями китов, найденный на побережье Норвежского моря (Тексдал), функционально изначально предназначен для снятия шкур, но мог использоваться и в ритуальной практике древних морских зверобоев. Четыре небольшие по размерам фигурки морских животных, найденные на территории региона, судя по имеющимся аналогиям в традиционном искусстве современных охотников и рыбаков Северной Евразии, могли носиться древними людьми в качестве подвесок или нашиваться на одежду. Наиболее вероятное их предназначение – амулеты или нашивки на ритуальной одежде.

На территории Фенноскандии известно всего два каменных изделия, в которых, судя по характерным признакам, можно распознать вид изображенной рыбы. В обоих случаях – это сом обыкновенный.

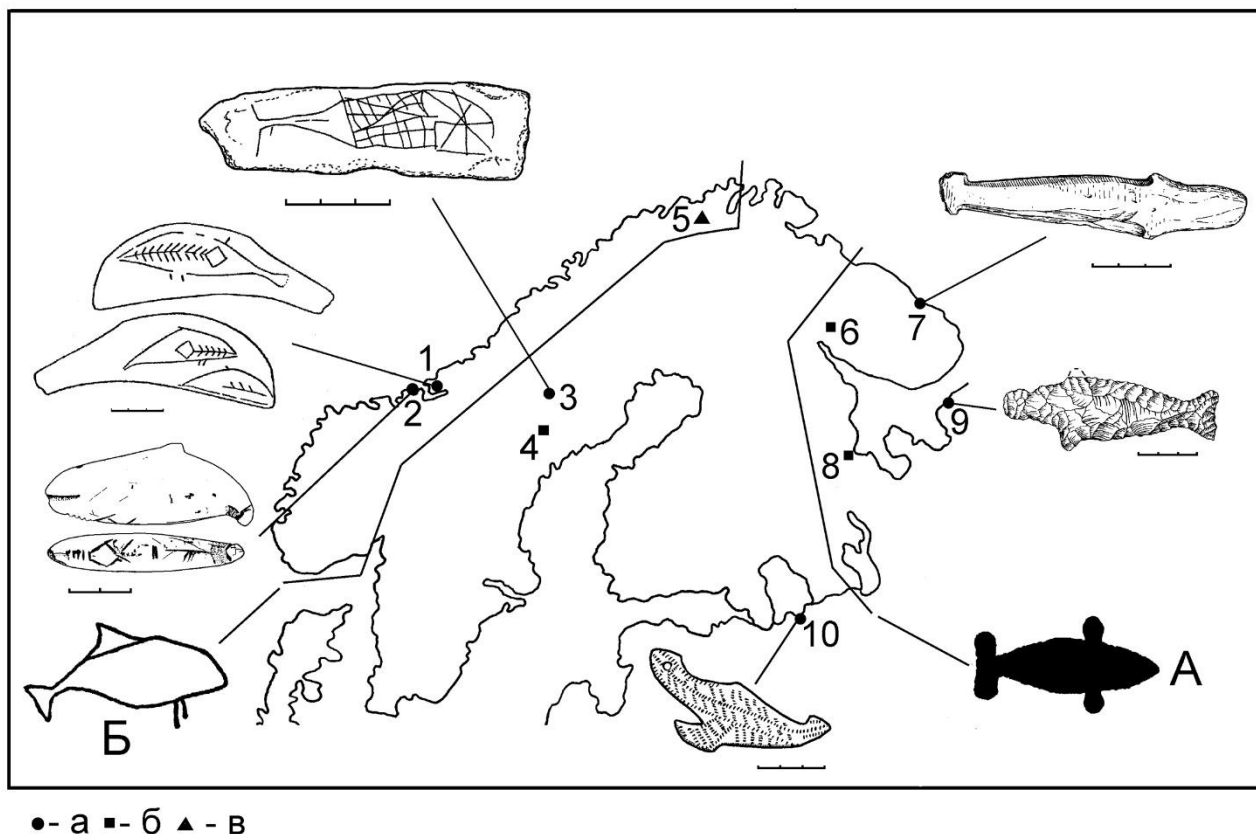

Рис. 1. Распространение изображений в проекции «вид сверху» и профильных фигур морских животных на территории Фенноскандии.

А – граница, восточнее которой доминируют изображения морских животных в проекции «вид сверху», Б - граница, западнее которой доминируют профильные наскальные изображения морских животных. а – пункты находок мобильных изображений морских животных, б – скопления наскальных петроглифов, где имеются отдельные профильные изображения морских животных, в – скопление петроглифов, где имеются единичные фигуры морских животных в проекции «вид сверху».

1 – изображение кита на угловом шиферном ноже (Тексдал) [Hallström, 1938, с. 243], 2 - скульптурное изображение кита (Асмуннвог) [Marstrander, 1970, fig. 2], 3 – изображение кита на каменной плитке (Култён) (прорисовка по фотографии А.М.Жульникова), 4 – группа петроглифов Немфорсен, 5 – группа петроглифов Кофьорд, 6 – группа петроглифов Канозеро, 7 – костяное изображение кита-белухи (Маяк II) [Гурина, 1997, рис. 57: 6], 8 – группы петроглифов Бесовы Следки, Ерпин Пудас, 9 - кремневое изображение кита-белухи со стоянки Зимняя Золотица [Ошибкина, 1992, рис. 82], 10 – костяное изображение нерпы (?) с Ладожской стоянки (стоянки А.А.Иностранцева) [Ошибкина, 1992, рис. 76]

В Северном Приладожье, неподалеку от поселка Яккима, местными жителями была найдена каменная «кирка» с цапфами, которая поступила в фонды Национального музея Финляндии [Carpelan, 1976]. На одной стороне кирки резной линией обозначен характерный для сома «припухлый» рот, с другой стороны изделия сверху и снизу валиками показаны нижний и верхний хвостовые плавники (рис. 2, 3). Кирка имеет удлиненное отверстие и два цилиндрических выступа по бокам – так называемые цапфы. В восточной части Фенноскандии изделия в виде кирки с цапфами встречены лишь в виде случайных находок. По мнению К. Карпелана, кирки с удлиненным отверстием на территории Финляндии и Карелии относятся к периоду не позднее среднего неолита [Carpelan, 1976]. В степной зоне Восточной Европы кирки с цапфами найдены в некоторых погребениях хвалынской культуры, датируемой первой половиной V тыс. до н. э. [Черных, Орловская, 2004, с. 35], и в одном из погребений могильника Екатериновский мыс самарской энеолитической культуры [Королев и др., 2023, с. 297]. Ряд признаков позволяет отнести каменные нео-энеолитические наконечники в виде кирки-клевца или топора, украшенные головой зверя, к разряду изделий, выполнявших функцию церемониального скипетра [Жульников, 2012].

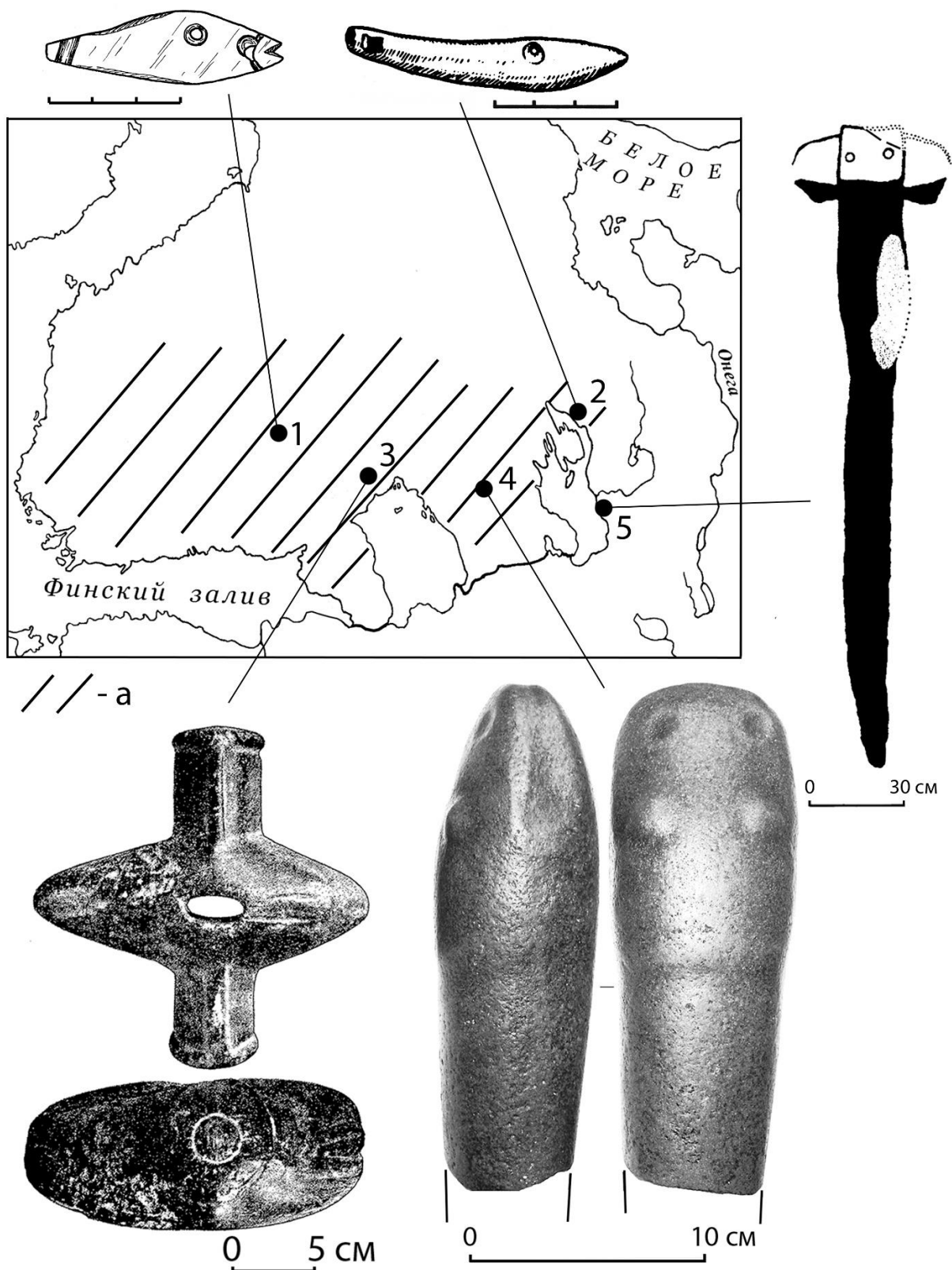

Рис. 2. Места находок каменных рыбок-приманок и изображений сома, обнаруженных на территории северо-запада России и южной части Финляндии.

а – территория находок каменных рыбок-приманок.

1. Монинмяки Леппявирта (коллекция Музейного ведомства Финляндии, колл. №17076:49) (прорисовка А.М.Жульникова по фотографии); 2. Черная Губа IV [Витенкова, 2002, рис. 51: 5]; 3. Каменное навершие с цапфами (Якима) [Carpelan, 1976]; 4. Фрагмент каменной скульптуры (случайная находка в юго-западной части Карелии, поэтому место обнаружения обозначено на карте условно. Собрание А.М.Раевской. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. №272/129) (фото А.М.Жульникова); 5. Изображение (петроглиф) сома на мысе Бесов Нос на Онежском озере (рисунок А.М.Жульникова).

С территории Олонецкой губернии (в настоящее время это южная часть Карелии и примыкающие к ней с юга и юго-востока районы соседних областей) происходит еще одно уникальное древнее изображение сома – крупный фрагмент каменной скульптуры длиной 21,5 см, от которой сохранилась голова и часть туловища рыбы (рис. 2, 4). Вид рыбы распознается по характерной для сома прямоугольной голове, расположению глаз. Туловище каменной рыбы, как и у обыкновенного сома, имеет у головы почти округлое сечение. Скульптура была найдена на границе современного ареала распространения сома. Если соотнести естественное соотношение размеров головы и тела сома, то длина каменной скульптуры могла составлять 60–70 см. Каменной скульптурой сома из-за ее тяжелого веса и довольно значительных размеров вряд ли можно было оперировать как жезлом. Скорее всего, каменное изображение сома представляло собой небольшого идола, который мог устанавливаться вертикально, хвостом вниз.

В контексте поиска аналогий изображениям сома в первобытном наскальном творчестве обращает на себя внимание единственное на петроглифах Фенноскандии гигантское изображение рыбы (рис. 2, 5), выбитое на оконечности мыса Бесов Нос. Фигура сома входит в состав созданной по единому замыслу композиции, состоящей из фигур рыбы, антропоморфа (Беса) и выдры [Жульников, 2006, с. 26–35]. Петроглифы на оконечности мыса Бесов Нос расположены на наклонной скале так, что ноги Беса, хвост ящерицы и сома находятся в нижней части скалы, почти у уреза воды. По мнению А. Д. Столяра, прообразом для чурбанообразной фигуры Беса на Онежских петроглифах могли быть деревянные идолы, существовавшие у многих народов севера Евразии вплоть до современности [Столяр, 1978]. Фигура онежского Беса, как мне представляется, имеет аналогии среди антропоморфных изображений некоторых групп петроглифов Альты в Северной Норвегии (IV период по К. Хельскогу), датированных по высотным данным периодом 2700–1700 лет до н. э. [Helskog, 2014, p. 29]. Среди наиболее территориально близких аналогий каменной скульптуре рыбы с территории Олонецкой губернии можно отметить миниатюрную костяную фигурку сома со стоянки Сахтыш I, относящуюся к энеолитической волосовской культуре [Крайнов, 1992, с. 94]. Не исключено, что и каменный идол из Олонецкой губернии, изображающий сома, относится к энеолиту.

Примечательно, что многие каменные рыбы, найденные на территории Сибири, определены исследователями как изображения налима [Анучин, 1886; Окладников, 1936], который по своим биологическим характеристикам сходен с сомом.

В настоящее время сом в Онежском озере не водится, однако на энеолитической стоянке Фофаново XIII, расположенной в Западном Прионежье, были собраны немногочисленные кости этой рыбы [Аськеев и др., 2022]. Соотношение костных остатков разных видов рыб, в изобилии представленных на Фофаново XIII, свидетельствует, что сом не имел сколь либо существенного промыслового значения для энеолитического населения бассейна Онежского озера. Тем не менее образ этой гигантской рыбы, судя по особенностям его воплощения в мобильном и наскальном творчестве охотников и рыболовов Северной Европы, занимал заметное место в их мифологических представлениях.

На некоторых поселениях южной части Карелии и Финляндии, а также на Карельском перешейке найдены каменные части блесен, которые по форме напоминают стилизованную рыбку (рис. 2, 1, 2). Отличительной особенностью этих изделий является наличие в их расширенной части просверленного с двух сторон отверстия и у одного из краев блесны – желобка для крепления жала крючка. Финский исследователь М. Хууре отнес подобные орудия рыбной ловли к культуре населения с типичной гребенчатой керамикой [Huurre, 1979, p. 35]. На территории Карелии рыбковидные каменные блесны встречены на стоянках Черная Губа IV, IX, Суна IV, на которых найдена гребенчато-ямочная и ромбо-ямочная керамика [Витенкова, 2002]. Комплексы с ромбо-ямочной и типичной гребенчатой керамикой Карелии и Финляндии датируются в пределах первой половины IV тыс. до н. э. [Жульников, Тарасов, 2021, с. 26]. Заслуживает внимания тот факт, что область распространения каменных блесен в виде рыбки значительно меньше по площади территории, на которой известны памятники с типичной гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой.

Выводы

Полученные в ходе проведенного исследования данные свидетельствуют, что большая часть найденных на территории Фенноскандии каменных и костяных изделий, изображающих кита, нерпу или рыбу, относится к неолиту–энеолиту.

На данной территории представлены две стилистически отличные группы наскальных и мобильных изображений морских животных. Первая группа локализуется в основном в западной части региона, вторая – в восточной. Очевидна территориальная связь в распространении рассматриваемых групп изображений морских животных с определенными крупными морскими бассейнами, что подчеркивает

роль водных коммуникаций в процессах межкультурного взаимодействия в неолите и энеолите на территории Северной Европы. Мобильные изображения кита, перемещаемые древними охотниками и рыболовами в пределах морских бассейнов (в качестве амулетов или с иной целью), могли служить и в качестве изобразительного образца (канона) для воплощения на скалах облика морских животных.

Образ сома на территории региона нашел отражение в двух каменных изделиях, которые, судя по их характерным признакам и имеющимся аналогиям, несомненно, были предназначены для выполнения социально-значимых для древних людей ритуальных функций. Кирка с цапфами, очевидно, могла являться неолитическим скипетром-навершием, а крупная каменная скульптура, изображающая сома, возможно, служила в качестве идола, что нашло отражение в появлении фигуры гигантской рыбы, выбитой в составе композиции на оконечности мыса Бесов Нос (бес, выдра и сом).

Применение древними людьми в юго-восточной части Фенноскандии в рыбной ловле каменных блесен в виде стилизованного изображения рыбы, скорее всего, может являться признаком сложения в бассейне трех крупных пресноводных водоемов (озера Ладожское, Онежское и Сайма – первое, второе и четвертое по площади в Европе) сравнительно узколокальной рыболовецкой традиции, в рамках которой были востребованы подобные орудия лова. Это предположение не исключает использования рыбковидных каменных блесен и в промысловой магии.

Библиографический список

- Анучин Д. Н. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири // Труды VI археологического съезда. Т. 1. Одесса, 1886. С. 35–46.
- Аськеев И. В., Тарасов А. Ю., Шаймуратова Д. Н., Аськеев А. О., Монахов С. П., Аськеев О. В. Оценка сезонности археологического памятника по костным остаткам рыб. На примере энеолитической стоянки-мастерской Фофаново XIII на Онежском озере // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 158–169.
- Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002. 183 с.
- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. Санкт-Петербург, 1997. 240 с.
- Жульников А. М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
- Жульников А. М. К вопросу о хронологии функции скульптурных наверший из камня // История и археология Русского Севера. Вологда, 2012. С. 69–72.
- Жульников А. М., Тарасов А. Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // РА. 2021. № 4. С. 21–34.
- Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Каменный инвентарь погребений могильника Екатерининский мыс // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 288–300.
- Крайнов Д. А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита - раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 129–152.
- Крайнов Д. В. Искусство в неолите-энеолите. Русская равнина, Центр // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С. 44–68.
- Недомолкина Н. Г. Сухонские кремневые фигурки // Тверской археологический сборник. Выпуск 4. Том 1. Тверь, 2000. С. 224–231.
- Окладников А. П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // Советская археология. 1936. № 1. С. 215–216.
- Ошибкина С. В. Искусство эпохи мезолита. Искусство в неолите-энеолите. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С. 7–68.
- Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014. 268 с.
- Столяр А. Д. О генетической природе «Беса» Онежских петроглифов // Проблемы археологии. Выпуск 2. Л., 1978. С. 209–221.
- Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА, 2004. № 4. С. 24–37.
- Carpelan C. Über Ursprung, Alter und Verbreitung der steinernen Zapfenhauen // Suomen Museo. Vol. 83. 1976. P. 5–29.
- Gjerde J. M. Rock art and Landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia, in University of Tromsø. Tromsø, 2010. 505 p.

Hallström G. Monumental art of Northern Europe from the Stone Age. The Norwegian Localities. Stockholm, 1938. 544 p.

Helskog K. Communicating with the World of Beings: The World Heritage Rock Art Sites in Alta, Arctic Norway. Oxford and Philadelphia, 2014. 240 p.

Huure M. 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Helsinki, 1979. 235 p.

Loeffler D. Contested Landscapes/Contested Heritage. History and Heritage in Sweden and Their Archaeological Implications Concerning the Interpretation of the Norrlandian Past // *Archaeology and Environment* 18. Umeå, 2005. 253 p.

Marstrander S. Et magisk fangstlokkemiddel // *Kuml*. 1970. Vol. 20 (20). P. 211–222.

THE IMAGE OF A WHALE AND FISH IN THE MOBILE ART OF THE ANCIENT POPULATION OF FENNOSKANDIA

A. M. Zhulnikov

Petrozavodsk State University, Lenina str., 33, 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia
rockart@yandex.ru

The article presents information about the findings of rare whale and fish images on the territory of Fennoscandia related to the monuments of primitive mobile art. The comparison of whale figures in mobile art and those on petroglyphs of Northern Europe allowed the author to identify two regions which differ in stylistic features of marine animals images. The image of the catfish was embodied in the design of two stone rods found on the territory of Karelia. The stone parts of the composite baubles, styled as figures of fish of indeterminate species, which were found at some sites of Finland and Karelia, as well as on the Karelian Isthmus, are attributed to the cultures of typical combed and diamond-shaped ceramics, dating from the first half of the IV millennium BC.

Key words: Fennoscandia, primitive art, whale, fish, Neolithic, Eneolithic.

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ СЛОБОДКА II-III НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ

М. В. Иванищева ©

Восточно-Прионежская археологическая экспедиция, 160010, г. Вологда, ул. Вологодская, 10а–10
marin-ivanishev@yandex.ru

В статье представлено описание уникального объекта – «ритуального комплекса» эпохи бронзы, выявленного на поселении Березовая Слободка II-III на Нижней Сухоне, представленного ямой с набором кремневых наконечников и развалом сетчатого сосуда с объемным изображением на венчике. На основе аналогий, известных на сопредельных территориях, предложена интерпретация данного объекта как погребального. Технологические особенности наконечников, изготовленных с применением тепловой обработки, практикуемой в культурах энеолита-бронзы крайнего Северо-Востока Европы, и идентичность выявленного комплекса материалам Юго-Западного Прибеломорья свидетельствуют об общности историко-культурных процессов на территориях, связанных единством водного бассейна.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Нижняя Сухона, ритуальный комплекс, кремневые наконечники, сетчатая керамика, клад или погребение.

Многослойное поселение Березовая Слободка II-III является центральным в группе археологических памятников Березовослободского археологического комплекса [Иванищева и др., 2018], приуроченных к устью р. Уфтьюги – крупного левобережного притока р. Сухоны в ее нижнем течении, на левом берегу которого расположена деревня Березовая Слободка Нюксенского района Вологодской области.

Поселение Березовая Слободка II-III расположено в правобережье притока, в 0,6 км юго-западнее устья и занимает сохранившийся участок второй надпойменной террасы левого берега р. Сухоны, протекающей в этом месте в магистральном направлении юго-запад – северо-восток. Площадка памятника размерами 80×30 м и высотой 8–13 м над уровнем воды вытянута вдоль прямолинейного русла реки, с восточной стороны нарушена береговым обрывом, а западной (напольной) частью примыкает к основанию третьей террасы с почти вертикальным склоном, возвышающейся еще на 13 м.

Памятник открыт и исследован нами в 1995–2015 гг., вскрыто 538 м², что составляет около четверти относительно хорошо сохранившейся площади объекта. В ходе работ выявлены слои от финального палеолита до раннего железного века. Древние культурные слои приурочены к нижним глинистым отложениям, сформировавшимся на побережье приледникового водоема. Формирование надпойменной террасы реки, на которой впоследствии отложились слои эпохи раннего неолита-бронзы, приуроченные к супесчаным отложениям, относится к рубежу пребореала – бореала. В гумусном слое выявлены отдельные объекты раннего железного века. Исследованный участок слоя финального палеолита оказался «упавшим», скорее всего, в результате эрозии третьей террасы, он перекрыл слой мезолита в южной части площадки памятника до отложения ранненеолитического слоя. В приречной и южной частях памятника верхний и нижний уровни напластований разделены стерильным горизонтом мощностью от 0,4 м до 1,1 м соответственно, где стратиграфия отложений достаточно четкая. В западной части площадки, где отложения сформировались на эрозионном грунте, в том числе и древние, стратиграфия менее четкая.

Материалы эпохи бронзы, приуроченные к верхнему уровню супесчаных отложений, включают объекты, связанные с долговременным / неоднократно возобновлявшимся поселением носителей ранней сетчатой керамики и выделенные типологически комплексы с фатьяноидной / чирковской керамикой [Иванищева, 2020; 2023, с. 73–76]. В то время как выявленные комплексы керамики подробно опубликованы в научной и краеведческой литературе [Андрианова и др., 1998; Иванищева Е., 1999], выявленные объекты этого времени не получили должного освещения.

Задачей данной статьи является описание объекта, именуемого в прежних публикациях как «ритуальная яма с кладом кремневых наконечников» и попытка интерпретации его с опорой на известные сегодня аналогии на сопредельных территориях.

Сложность атрибуции данного объекта вызвана как субъективными, так и объективными причинами. К первым относится исследование объекта разными вскрытиями: северная часть была вскрыта траншеей в 1997 г., заложённой с целью уточнения распространения культурных отложений в «напольной» части и прорезавшей площадку памятника от основания третьей террасы к заложённым ранее раскопам в прибрежной части. Южная часть объекта вошла в следующем, 1998 г., в раскоп IV, покрывший западную часть площадки, примыкающую к основанию этой террасы, с приоритетом комплексов эпохи мезолита. В древности этот участок представлял собой уступ озерной террасы с относительно горизонтальной поверхностью, сохраняя таковую и в более позднее время, и активно использовался населением различных эпох для устройства хозяйственных и производственных объектов. Так, траншеей 1997 г. был вскрыт обширный очаг эпохи мезолита (дата по C14 8810 ± 60), заглубленный в материковый грунт, вокруг которого производилась обработка сланцевых заготовок, профиль очага отразился в стенке траншеи (Рис. 1, II, а). Эрозия склона третьей террасы приводила к оползанию ее разрушенных элементов на уступ и, вероятно, смещению культурных отложений, но в то же время и к образованию своеобразных естественных структур, искусно используемых человеком в хозяйственной деятельности. Так, к естественной складке рельефа было приурочено жилище / постройка, с которой связан выявленный ритуальный комплекс. Эрозионные процессы и активная хозяйственная деятельность привели к смешению материалов различных эпох, что также затрудняет достоверную интерпретацию объекта, отнесенного нами к ритуальному, как по причине необычности самих артефактов, так и их сочетанию.

Стратиграфия разреза по линии «запад – восток» по наблюдениям 1997 г. (Рис. 1, II, а) и 1998 г. (Рис. 1, II, а*) несколько различна, что связано с ожидаемыми подвижками грунта. Тем не менее она отражает общее для этой части залегание под дерном темно-серой неоднородной супеси, мощность которой наибольшая на участке обнаружения «ритуальной ямы» и составляет 0,2 м, выклиниваясь в соседних квадратах. В западной части темно-серая супесь перекрыта наплывом эрозионного грунта в виде серо-желтой мешаной с гравием супеси (Рис. 1, II, а). Находки из темно-серой супеси на участке разновременные, в керамическом материале преобладают фрагменты с сетчатым декором эпохи бронзы, относящиеся к двум сосудам (Рис. 1, I, 10, 12), единичны фрагменты ямочно-гребенчатой и пористой керамики позднего неолита-энеолита. Каменный инвентарь так же неоднороден, представлен двусторонне обработанными ножами и наконечником (Рис. 1, I, 13), пластинчатым инвентарем эпохи мезолита. Отметим, что в этом мешаном слое обнаружен и фрагмент сланцевого ножа оленеостровского типа, вторая половина которого впоследствии была обнаружена в яме раскопа IV, что не оставляет сомнений в мезолитическом возрасте пластинчатого инвентаря и связанного с первичным расщеплением инструментария (кварцитовые отбойники) и основной части дебитаж, массово представленных в залегающей ниже серо-желтой супеси, наибольшая мощность которой – до 0,4 м – так же над ямами. При сходном характере описанной выше смешанности выявленного в серо-желтой супеси археологического материала, можно констатировать, что мезолитический комплекс находок более представлен на участке, прилегающем с востока к пятну темно-серой супеси, по-видимому, маркирующему контур дна жилища / постройки эпохи бронзы с ранней сетчатой керамикой, наиболее поздней в супесчаных отложениях этого участка (Рис. 1, III, 7). В той же восточной части серо-желтую супесь подстилает желто-коричневая плотная супесь с включением гравия, насыщенная находками исключительно мезолитического облика. Материковая поверхность здесь представлена крупнозернистым аллювиальным песком рыже-желтого (красновато-коричневого по видению минеролога) цвета, участками перекрытого среднезернистым песком, подстилаемого в западной части участком желтой глины, покрывавшей поверхность озерной террасы [Иванищева и др., 2016, с. 77]. Причем в западной части материковая поверхность ступенчато опускалась в восточном направлении, выполаживаясь на участке «пола» жилища / постройки, в том числе и отложением серо-желтого суглинка, покрывающего желто-коричневую супесь (Рис. 1, II, а*). Уступчатый спуск и скопления камней-булыжников на материковой поверхности у «южной стенки» укрепляет нас в мысли об умелом использовании строителями жилища естественного рельефа поверхности, что минимизировало затраты на углубление котлована постройки, имевшей, скорее всего, прямоугольную форму с длиной сторон не менее 5 м и обваловку «материковым» грунтом (Рис. 1, III).

Верхний уровень ямы со скоплениями кремневых наконечников, примыкавшей к южной стенке внутри предполагаемой постройки, маркирован пятном с темным заполнением (Рис. 1, III, в), проявившемся на фоне серо-желтой супеси. В дальнейшем яма приобрела вид пятна прямоугольных очертаний размерами 1,4×0,6 м, на северной и восточной стороне которой располагались скопления камней (Рис.

1, III, з), а на уровне окружающей материковой поверхности предстала углистым пятном меньших размеров, окаймленным оранжево-красной прокаленной глиной (Рис. 1, III, д). Дальнейшая выборка заполнения привела к изменению конфигурации ямы, вплотную примыкавшей к северной стенке раскопа, имевшей овальную форму (Рис. 1, III, 9) и содержавшей в основном инвентарь мезолитического облика, в том числе упомянутый выше обломок сланцевого ножа оленеостровского типа. Наблюдения над стратиграфией отложений в поперечном разрезе подтверждают сложную структуру выявленного объекта, включавшего как минимум два этапа функционирования: большая яма мезолитического времени, опущенная с уровня материковой поверхности, была прорезана ямой меньших размеров с углистым заполнением, включением колотых очажных (?) камней и фрагментов сетчатой керамики, характер которой не совсем ясен (Рис. 1, IV, б-б*).

Таблица 1

Характеристика кремнёвых наконечников ритуального комплекса
поселения Березовая Слободка II-III

1	2	3	4*	5	6	7	8	9
Скопление Отметка глубины	№ на рисунке; № по поле- вой описи	Индивидуаль- ные. особенно- сти	Высота изделия мм	Ши- рина осно- вания мм	Ширина перехода от острия к базе мм	Толщина сечения мм	Характер цвета: цветовая гамма	Признаки тепловой обработки
А 186	6 №404	Не выявлены	79/ 78	14	17	5	Однородный: светло-бежевый с корич- невыми точками	Масляни- стый блеск/ глянец
А 186	5 №405	Выделен не- большой шип в основании	80/ 78	16	17	5	Полосчатый: бежевый и светло-серый, с коричневыми точ- ками и кирпичными пятнами	Масляни- стый блеск/ глянец
А 186	7 №406	Обломлен кон- чик острия	- 65/-64	16	17	4	Косополосчатый: светло-серый, фиолето- вый с малиновыми с бе- жевыми пятнами	Масляни- стый блеск/ глянец
Ск Б 174	8 №802	Боковая вы- емка/выбоина в средней ча- сти	78/ 76	14	17	4	Пятнистый: светло серый с коричне- выми точками с малино- вым пятном и бежевым участком	Масляни- стый блеск/ глянец
Ск.Б 174	4 №803	Микровыбо- ины на боко- вых гранях в месте смены цветовой гаммы	60/ 59	15	17	3,5	Двухпоясной: коричневый на острие, насыщенный бордовый на базе	Цветовая гамма
Ск Б 170	2 №822	Выраженная пильчатость боковых гра- ней, почти пря- мое основание	59/ 58	11	13	4	Пятнистый: коричневый с бордовыми пятнами и участком в ос- новании	Цветовая гамма
Ск В 170	1 №1702а	Треугольная форма с пере- ходом к острию в верх- ней трети	54/ 52	16	11	4	Пятнистый: коричневый с малино- выми пятнами и участ- ком в верхней части	Цветовая гамма
Ск В 170	3 №1702б	Не выявлены	62/ 61	13	16	5	Однородный: черный с темно-беже- выми точками и пятном на боковой грани, более светлым тоном снятий уплощающих насад	Масляни- стый блеск/ глянец Цветовая гамма
Вне ск.-я. 162	9 №1702	Обломлен кон- чик пера	-98/-96	16	17	4	Двухпоясной: коричневый в основании и насыщенный бордовый в верхней трети на острие	Цветовая гамма
Вне ямы 186	13 №186 (1997 г.)	Скошенное ос- нование, боко- вая выемка у основания	73/70	14	17	4	?	?

* В графе 4 Высота по краю / высота по центру до выемки в основании; « - » не полная высота в силу слома изделия

Сложность выявленного объекта привела к необходимости определения положения кремневых наконечников, обнаруженных в верхнем уровне ямы, восемь из которых залегали тремя скоплениями, один – вне таковых (Рис. 1, I, 1-9; 1, III, А, Б, В; Таблица, графа 1). Проецирование отметок глубины наконечников на имеющиеся разрезы отложений однозначно указывают на залегание их ниже «пола» постройки, в яме, маркированной в профиле северной стенки раскопа наклонными углистыми линзами (затеками грунта по стенкам ямы) и линзой эрозионного грунта над её центром (заполнившим углубление ямы) в кв. 3–8 (Рис. 1, II, а*), обособленной от нижележащих ям прослоем желтой супеси (Рис. 1, IV, б-б*). То есть яма с наконечниками появилась на последнем этапе существования постройки, перекрыв хозяйственную (?) или производственную (?) яму, скорее всего, также функционировавшую в реконструируемой постройке до совершения ритуальных действий. Размеры «ритуальной» ямы могли быть несколько большими от зафиксированных на среднем уровне ее расчистки и составлять около 1,7 м в длину и 0,8 м в ширину. Отметим, что кремневые наконечники располагались вдоль северной границы ямы почти по прямой от восточного ее края на расстоянии 1,1 м между крайними изделиями с разницей глубины залегания в 24 см, причем в скоплениях они происходят с одной глубины (скопления А, В) или с разницей в несколько сантиметров (скопление Б).

Все изделия относятся к типу удлинённых треугольных со слегка вогнутым, реже прямым насадом, обработаны двусторонней ретушью, ряд изделий имеет выраженный пильчатый край. Часть изделий имеет схожие размеры, располагаясь, однако, в разных скоплениях (Рис. 1, I, 6, 5, 7 – скопление А; 2, 4, 8 – скопление Б; 1, 3 – скопление В) (Таблица, графы 4–7), что указывает на единство комплекса этих находок. Самый крупный наконечник длиной около 10 см, залегавший в западной части с наиболее низкой отметкой глубины, не исключает принадлежности к комплексу по характеру обработки и цветности и, возможно, маркирует дно «ритуальной ямы», несколько прогнутой к центру. Максимальная глубина ямы могла составлять около 40–50 см, поскольку в центре её придонной части зафиксированы участки глины (принятые за глиняную обмазку), маркирующие, по-видимому, поверхность ямы мезолитического времени с глинистым заполнением (Рис. 1, III, 13).

Объединяет в единый комплекс обнаруженные наконечники и технология их изготовления с применением тепловой обработки сырья / заготовки. Специального изучения наконечников на предмет обнаружения термообработки не проводилось. В нашем случае оценка произведена визуально, на основе сравнения с описанными исследователями признаками таковой [Карманов, 2018, с. 32–33; Карманов, 2019, с. 39]. На всех них присутствует маслянистый блеск / глянец и, видимо, изменённый цвет с оттенками, несвойственными другим многочисленным выявленным изделиям (Таблица, графы 8, 9). Кроме того, на разных участках исследованной площади памятника встречено значительное (еще плюс не менее 30 экз.) разнообразных наконечников стрел, типологически относящихся к эпохе бронзы. На некоторых удлинённо-треугольных изделиях с глубокой, почти треугольной выемкой в основании, также отмечены характерные следы тепловой обработки, в то время как короткие треугольные и треугольно-черешковые наконечники сейминского типа не несут подобных следов. Возможно, предварительная тепловая обработка заготовок для указанных наконечников производилась в кремнеобрабатывающей мастерской на прибрежном участке памятника, где наряду с сетчатой присутствует и керамика лебяжского облика, но это предположение требует дополнительных обоснований. Основываясь на данном наблюдении, можно полагать, что различия в технике обработки наконечников отражают разные культурные традиции.

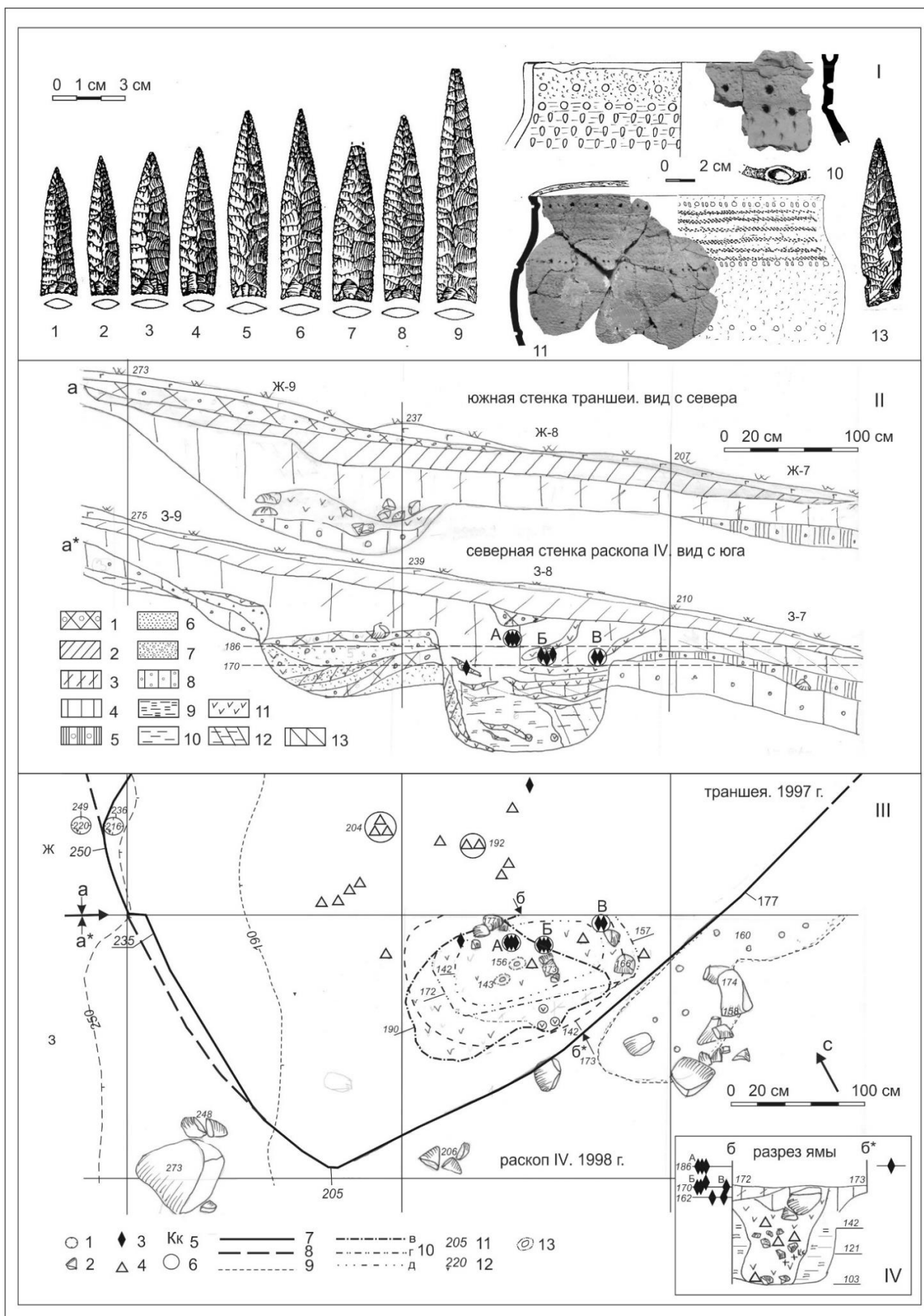

Рис. 1. Березовая Слободка II-III. Ритуальный комплекс эпохи бронзы: находки (I), стратиграфия (II), план (III), разрез ямы (IV).

I: 1-9, 13 – кремнёвые наконечники стрел; 10, 11 – графическая реконструкция глиняных сосудов
II: 1 – серо-желтая мешаная с гравием супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – серо-желтая супесь; 4 – желтая супесь; 5 – желто-коричневая плотная супесь с включением гравия; 6 – среднезернистый желтый песок; 7 – желто-коричневый смешанный песок; 8 – рыже-желтый/красновато-коричневый крупнозернистый песок с включением галечника с; 9 – оранжево-красная прокаленная глина; 10 – желтая глина; 11 – углистые прослойки; 12 – серо-желтая слоистая глина; 13 – серо-желтый суглинок.
III: 1 – столбовые ямы; 2 – камни-булыжники/валуны; 3 – кремнёвые наконечники стрел; 4 – фрагменты сетчатой керамики; 5 – кальцинированные кости; 6 – скопления находок; 7 – выявленные границы постройки; 8 – реконструируемые границы постройки; 9 – структуры на материковой поверхности; 10 – выявленные границы ритуальной ямы на разных уровнях; 11 – отметки высоты выявления структур и находок; 12 – глубина выборки ям; 13 – глиняная обмазка (?).
IV: А, Б, В. – номера условных скоплений кремнёвых наконечников

В дополнение к характеристике выявленных в ритуальной яме наконечников отметим, что у некоторых изделий обломлен кончик острия (Рис. 1, I, 7, 9), у других визуальнo фиксируются выемки или микровыбоины на боковых гранях (Рис. 1, I, 4, 8) (Таблица, *графа 3*), возможно, маркирующих следы «неутилитарного» износа изделий.

Поиск аналогий выявленному объекту уводит нас на территории Крайнего Северо-Востока Европы и в Юго-Западное Прибеломорье, связанные с нижним Посухоньем единством принадлежности к бассейну Северной Двины, в первом случае, и глобальному бассейну Белого моря – во втором (Рис. 2).

На поселении Угдым I эпохи энеолита на Средней Вычегде в границах углубленной постройки с кремнеобрабатывающей мастерской по изготовлению тонких бифасов (комплекс Угдым IБ) зафиксирован «клад» предметов, в том числе кремневых наконечников, изготовленных с применением намеренного нагрева и имевших следы «неутилитарного износа», не связанных с каким-либо орудийным или технологическим процессом [Карманов, 2019, с. 29, 38, 41]. Предполагается, что эти предметы были принесены и оставлены в составе «клада готовых изделий» после завершения функционирования мастерской. Выявленный комплекс связывают с носителями гаринской АК (чойновтинской АК на ЕСВ), датированной в рамках конца III – третьей четверти II тыс. до н. э. [Карманов и др., 2018, с. 141]. Признавая территориальную и культурную отдаленность аналогий выявленному на Угдым IБ объекту в волосовских ритуальныхкладах на местах упокоения, исследователи не исключают возможности выявления рядом с постройкой «погребального памятника» [Карманов и др., 2018, с. 152]. Отметим, что в составе «клада готовых изделий» исследователи указывают и изготовленные «на месте» кремневые наконечники с прямым и слабовогнутым насадом [Карманов и др., 2018, с. 142], близкие по форме березовослободским орудиям.

Наиболее близкие аналогии выявленному березовослободскому комплексу известны в Юго-Западном Прибеломорье на территории Карелии. На поселении Сумозеро XV (бассейн р. Сумы) в одном из двух жилищ с сетчатой керамикой обнаружены два клада предметов, располагавшиеся «ниже уровня распространения всех других находок», один из которых содержал 8 кремневых наконечников стрел и дротика, в составе другого – 6 наконечников стрел и дротика, скребки, нож из кремня и бронзовый нож [Жульников, 2005, с. 94; рис. 186]. Интересно отметить, что кремневые наконечники стрел из первого клада относятся к типу удлинённых треугольных с прямым и слегка вогнутым основанием, и почти идентичны березовослободским, по замечанию автора, также с визуальнo определяемыми следами термообработки. Еще теснее кажется связь березовослободских и сумозерских материалов при рассмотрении керамики Сумозера XV, в составе которой развал сетчатого сосуда с оригинальным оформлением верхней части «в виде редко расположенных овальных лунок (глубиной 0,5–0,7 см), выдавленных на торце венчика» [Жульников, 2005, с. 94; рис. 81, I], по современной авторской интерпретации входящего в состав погребального комплекса. По реконструкции автора, единичное погребение было совершено за пределами «наземных зимних жилищ», в яме прямоугольной формы размерами около 1,7×0,7 м, ориентированной в близком широтном направлении, с положением у головы погребенного в восточной части могилы кремневого наконечника дротика, так же со следами тепловой обработки. С западной стороны могилы находился сетчатый сосуд с оригинальным оформлением венчика. Автор отмечает связь этого комплекса с сетчатой керамикой, «имеющей признаки влияния лебяжской» [Жульников, 2023, с. 248–249; рис. 6, с. 253].

Как следует из приведенных аналогий, возможность трактовки березовослободского комплекса неоднозначна: было ли это погребение, совершенное в жилище / постройке, или «клад», связанный с «ритуальной практикой, сопровождающей камнеобработку в период распространения металлургии

меди» [Карманов и др., 2018, с. 152]; были ли наконечники изготовлены на месте или являлись предметами из «фонда межкультурного обмена» [Карманов, 2020, с. 87, 89]. Однозначны его связь с ранней сетчатой керамикой и ритуальный характер.

Хронология березовослободского объекта устанавливается по облику сетчатых сосудов, ситуативно связанных с ямой с наконечниками, обнаруженных севернее в 0,6 м и в 1 м от ее границы (Рис. 1, III). Это профилированные сосуды средних размеров, с диаметром венчика 20–22 см и толщиной стенок 0,6–0,7 см, с прямой или слегка отогнутой высокой шейкой, переходящей в одутловатое тулово, с округлым или конусовидным дном, изготовленные техникой ленточного налёпа «внахлест» из теста с примесью дресвы (Рис. 1, I, 10, 11). Оба сосуда характеризует высокая степень орнаментации, охватывающей венчик, шейку и тулово, и покрытие сетчатыми отпечатками всей поверхности изделий. Венчик одного сосуда, наиболее близко расположенного к яме, украшен своеобразным «чашевидным» налёпом в виде выступающей над срезом «шишечки» с продавленной центральной частью и покрытой сетчатыми отпечатками с внешней стороны. Шейка сосуда украшена двумя поясами глубоких ямок на фоне сетчатого декора, а плечики сосуда орнаментированы каплевидными неглубокими тычками, расположенными в шахматном порядке на фоне заглаженной поверхности (Рис. 1, I, 10). Другой сосуд орнаментирован тремя равноудаленными друг от друга поясами ямок с неровными краями и дном, перемежающимися сдвоенными тычками в верхней паре, ограничивающей зону из шести полос каннелюра, украшающих шейку и плечико сосуда, еще один пояс ямок расположен на тулове сосуда, а срез венчика украшен косыми оттисками гребенчатого штампа (Рис. 1, I, 11). По нашей типологии оба сосуда относятся к раннему типу 1 сетчатой керамики, обнаруженной на памятнике, и датированной в широких рамках середины – второй половины II тыс. до н. э. или чуть более ранним временем. Отметим, что на поселении обнаружено не менее 7 сосудов с различными вариантами орнаментации, когда вдавленные пояса каннелюра образуют плотно поставленные наклонные оттиски короткого гребенчатого штампа [Андрианова и др., 1998, с. 328, рис. 2, 1–6; с. 329, 331]. Один из таких сосудов с модификацией «каннелюрного» орнамента обнаружен совместно с гибридным сосудом с «лебяжским» узором на участке расположения металлообрабатывающего комплекса начала последней четверти II тыс. до н. э. в западной части площадки памятника [Иванищева, 2023, с. 75, 76].

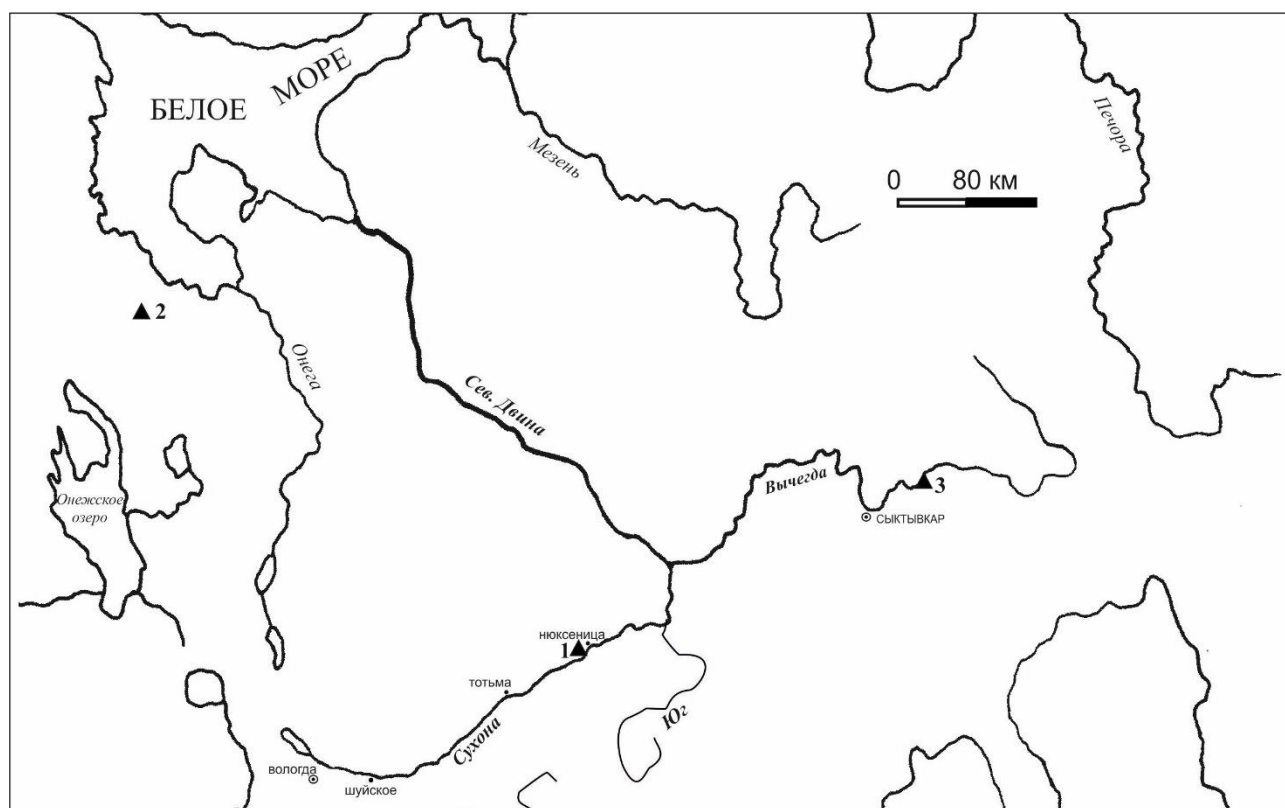

Рис. 2. Памятники энеолита-эпохи бронзы с ритуальными комплексами.
1. Поселение Березовая Слободка II–III; 2. Поселение Сумозеро XV; 3. Поселение Угдым I

Близость сумозерским материалам, как ситуативная, так и хронологическая, все-таки заставляет нас отдать предпочтение при атрибуции березовослободского комплекса как погребального. Ситуативная близость комплексов выражается в размерах ям, соответствующих положению вытянутого тела погребенного, и в близкой широтному направлению их ориентации; в положении предметов охотничьего вооружения в качестве погребального инвентаря. Уникальными также являются сосуды с оформлением венчика «чашеобразным» налепом. Не вдаваясь в семантику данного образа, отметим, что появление объемных изображений на сетчатых сосудах поздней бронзы в Юго-Западном Прибеломорье А. М. Жульников связывает с влиянием зауральских культур, трансформированное через керамическую традицию лебяжской АК [Жульников, 2012, с. 14], с которой население Прибеломорья, в том числе и Южного, имело тесные контакты [Жульников, 2021, с. 78–84], и, вероятно, инкорпорировало в свой состав отдельные группы восточного населения. На поселении Березовая Слободка II–III сетчатая керамика является наиболее многочисленной среди посуды эпохи бронзы, распространена на всей территории памятника и представлена значительным количеством (более 50 сосудов). Керамика лебяжского облика представлена фрагментами от десятка сосудов [Иванищева, 2023, с. 76]. Ситуативно они связаны с производственными объектами (см. выше), что наводит на мысль об особом статусе иммигрантов. Возможно, именно этот особый статус и демонстрирует березовослободское погребение, развившийся в специфическом наборе погребального инвентаря и особом месте упокоения, возможно, связанном с производственной деятельностью погребенного.

Примечание

¹ Автор приносит благодарность А. М. Жульникову за предоставленную информацию о наличии визуальных следов термообработки на наконечниках из клада и параметрах погребальной ямы на поселении Сумозеро XV; В. Н. Карманову – за визуальную оценку наличия следов термообработки на березовослободских кремневых наконечниках.

Библиографический список

- Андреанова Л. С., Иванищева М. В. Сетчатая керамика поселения Березовая Слободка-II-III на нижней Сухоне // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь: ТГМО, 1998. С. 324–332.
- Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.
- Жульников А. М. Скульптурные изображения на керамической посуде в контексте связей древнего населения Восточной Европы и Зауралья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. Февраль, № 1. С. 12–17.
- Жульников А. М. О границах археологических культур в бассейне Белого моря и на сопредельных территориях на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: Изд-во Триада, 2021. С. 77–92.
- Жульников А. М. Могильники и одиночные погребения древнего населения бассейна Белого моря (энеолит – эпоха бронзы) // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 244–265.
- Иванищева Елизавета. Фатьяноидная керамика поселения Березовая Слободка II–III // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. VI. Вологда: Легия, 1999. С. 81–83.
- Иванищева М. В., Канин М. В., Козак Е. В., Андреанова Л. С., Кулькова М. А., Сапелко Т. В., Соколова Е. Н., Иванищева Е. А., Иванищева А. А. Верхний палеолит на Нижней Сухоне // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь 9–12 февр. 2016 г.). Пермь: ПГНИУ, 2016. С. 71–80.
- Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Комплексные исследования территории Березовослободского археологического комплекса на Нижней Сухоне // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 186–192.
- Иванищева М. В. Комплексы эпохи бронзы и раннего железного века поселения Березовая Слободка II–III на Нижней Сухоне // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней: сборник тезисов докладов научной конференции: Соловки, 7–12 сентября 2020 г. Архангельск: Лоция, 2020. С. 70–78.
- Иванищева М. В. Восточный компонент в материалах эпохи бронзы – раннего железного века Средней и Нижней Сухоны // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 72–85.
- Карманов В. Н. Тепловая обработка кремня в неолите Крайнего Северо-Востока Европы // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Том 14 № 3. С. 23–43.

Карманов В. Н. Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Том 15 (3). С. 28–45.

Карманов В. Н. Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 81–97

Карманов В. Н., Гиря Е. Ю. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым ИБ (Средняя Вычегда, Республика КОМИ) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 139–153.

RITUAL COMPLEX OF THE BRONZE AGE SETTLEMENTS BEREZOVAYA SLOBODKA II-III ON THE LOWER SUKHONA

M. V. Ivanishcheva

East Prionezh archaeological expedition, Vologodskaya str., 10a-10, 160010, Vologda, Russia
marin-ivanisshev@yandex.ru

The article presents a description of a unique object - a «ritual complex» of the Bronze Age, discovered at the settlement of Berezovaya Slobodka II-III on the Lower Sukhona. The object is represented with a pit and a set of flint arrowheads and the fragmented mesh vessel with a three-dimensional image on the rim. Basing on the analogies known in neighboring territories, an interpretation of this object as a burial is proposed. Technologically, the arrowheads were made with the use of heat treatment practiced in the Chalcolithic-Bronze cultures of the extreme North-East of Europe. Besides, the identity of the complex with the materials of the South-Western White Sea region indicates that historical and cultural processes in the territories connected by the unity of the water basin had much in common.

Key words: Bronze Age, Lower Sukhona, ritual complex, flint arrowheads, mesh ceramics, treasure or burial.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СВАТИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ¹

О. Н. Корочкова ©

Уральский федеральный университет, 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19
Olga.Korochkova@urfu.ru

В докладе основное внимание уделено интерпретационным возможностям артефактного собрания и разнообразных археологических ситуаций святилища первых металлургов Урала – Шайтанское озеро II. Корпус находок, включающий большое количество металлических изделий, отходов металлообработки, изделия из камня, керамику, позволяет приблизиться к реконструкции моделей металлопроизводства и трансферта культурных достижений бронзового века в таежную зону, характера связей и межкультурных интеграций в Зауралье во II тыс. до н.э.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, бронзовый век, Западноазиатская (Евразийская) металлургическая провинция, сейминско-турбинский феномен, святилища, символическая деятельность.

Наиболее чутким индикатором кардинальных перемен в образе жизни человека и в древности, и в современности являются символические практики. В дописьменной истории Урала один из таких существенных переломов относится к началу II тыс. до н. э., когда таежные районы втягиваются в систему связей культур Западноазиатской металлургической провинции [Черных, 2013, с. 218–242]. Эти процессы можно рассматривать как экстраординарные, т. к. примеров укоренения производящих технологий в регионах, не имевших условий для производства пищи, не так много. О глубокой перестройке, которая коснулась населения этого времени, сообщают культовые памятники. По обе стороны Уральского хребта открыты святилища-мемориалы сейминско-турбинского типа Турбино, Сейма, Решеное, Бор-Ленва [Бадер, 1964, 1970; Денисов и др., 1988; Черных, Кузьминых, 1989, с. 14–32] Шайтанское озеро II [Корочкова и др., 2020], которые прямо сообщают о начале здесь бронзового века. Обилие металлических предметов, обнаруженных в комплексах этих мемориалов, их ярко выраженный воинский характер свидетельствуют о существовании экспрессивных символических практик. Яркие выраженные сакральные манифестации являются универсальным феноменом периода внедрения абсолютно новых технологий и стратегий жизнеобеспечения (охота, земледелие, скотоводство, транспорт, металлопроизводство и др.).

Появление металла – результат целой цепи автокаталитических процессов, вызванных развитием производящих технологий, которые требовали совершенно нового уровня знаний и радикальной смены образа жизни. По отношению к жителям лесной полосы эти перемены носили исключительный характер, т. к. принципиально меняли отношение человека к окружающему миру. Обитатель леса, исходя из его жизнеобеспечивающих стратегий, был в гораздо большей степени заинтересован в неизменности окружающего его мира, нежели его преобразовании. Именно в этом коренится причина столь ярко выраженной консервативности культуры населения таежной зоны. Древняя история лесной зоны Западной Сибири и Урала демонстрирует это отчетливо [Федорова, 2020, с. 8]. Основные приемы домостроительства, фортификаций, виды промыслов, способы заготовки и переработки продуктов здесь были выработаны еще в каменном веке и сохранялись до современности. Инновации касались транспорта, связей, престижных сфер жизни, но не затрагивали культуру повседневности. Во многом это обусловлено рано выработанными оптимальными моделями жизнеобеспечивающих стратегий.

Территория горно-лесного Зауралья на фоне соседних таежных районов отличалась рядом особенностей. В связи с интенсивным заторфовыванием местных озер к началу II тыс. до н. э. резко сократились пищевые ресурсы, связанные с рыболовством и охотой, что привело к резкому сокращению населения. Накануне бронзового века регион находился, по сути, в экстремальной ситуации. И тем не менее здесь зафиксирована мощная вспышка металлопроизводства, обусловленная целым рядом инкультурных импульсов, стимулированных высокой степенью мобильности населения этого времени (развитие пастушеского скотоводства, колесного транспорта), с одной стороны, и наличием богатых меднорудных месторождений – с другой.

Ключевым памятником для понимания протекавших здесь процессов является святилище Шайтанское озеро II. Памятник опубликован, материалы хорошо известны исследователям. Поэтому за подробными описаниями читателя можно адресовать к монографии и циклу специальных работ [Корочкова и др., 2020]. В данной публикации основное внимание хотелось бы акцентировать на исключительных интерпретационных ресурсах памятника.

Целый ряд оригинальных артефактов, обнаруженных в различных археологических контекстах, можно рассматривать как емкие тексты, в которых содержится самая разнообразная информация о протекавших в это время процессах. Некоторые из них лежат, что называется, на поверхности, другие, напротив, требуют расшифровки.

Какие знаки и особенности будут находиться в зоне приоритетного внимания?

1. По радиоуглеродным датировкам время функционирования святилища относится к первой трети II тыс. до н. э. [Черных и др., 2017] и совпадает с фазой становления Западноазиатской металлургической провинции.

2. На территории святилища аккумулировано около 80% от общего количества известных к настоящему времени на территории горно-лесного Зауралья металлических изделий.

3. Помимо целых предметов, в коллекции присутствует большое количество отходов металлопроизводства и металлический лом.

4. Ассортимент металлических орудий включает экземпляры, выполненные в разных технологических традициях: сейминско-турбинской и характерной для степных производящих центров. В рецептуре преобладают оловянные сплавы. Некоторые предметы представляют собой сочетание разных традиций. Есть также ряд изделий оригинальной формы, которые имели хождение на ограниченной территории Зауралья.

5. На фоне известных сейминско-турбинских мемориалов Шайтанское озеро II отличает обилие посуды, благодаря чему удалось выявить культурный фон святилища в рамках коптяковской культуры. Типологический и морфологический анализ керамики позволяет выделять в ее составе отдельные группы, которые находят прямые аналогии среди комплексов синхронных археологических культур лесостепного Зауралья, Нижнего Притобья и Приуралья. При этом поселенческие памятники коптяковской культуры с точно таким набором керамических типов в горно-лесном Зауралье неизвестны.

6. Особого внимания заслуживает изотопная подпись погребенной на территории святилища женщины, происхождение которой связано с более южными степными районами [Olga N. Korochkova et al., 2023].

7. Предварительный изотопный анализ металлических изделий указывает на разработку местных меднорудных источников.

Комплексный анализ находок и контекстов актуализирует обсуждение следующих тем. Сложные технологии металлопроизводства бронзы в горно-лесное Зауралье были привнесенными и соответствовали стадии тесных контактов носителей сейминско-турбинских и евразийских традиций. Есть основания считать, что здесь культивировалась пастушеская модель металлопроизводства, основанная на сезонном цикле добывающих и подготовительных мероприятий (пиротехнический и химический способы обработки меднорудного сырья) для последующей плавки [Богданов, 2020; Ткачев, 2020]. Историческим парадоксом является формирование производящего центра на территории, лишенной условий для производства пищи [Корочкова, 2019]. Функционирование центра было поддержано реципрокными связями с населением соседних территорий. Направление культурных связей во многом продиктовано географическим положением крупных медных рудопроявлений Среднего Урала, а также инфраструктурными особенностями региона. Реки, текущие в широтном направлении, обеспечивали западный (Чусовая) и восточные (Исеть, Пышма, Тура, Миасс) коридоры связей.

Появление подобного святилища можно рассматривать как особую форму мифоритуальной адаптации на фоне кардинальных перемен в образе жизни. К эпохе бронзы относится расширение спектра разнообразных занятий и разделение труда, которые требовали особых навыков, а следовательно, и специальной обрядовой/ритуальной поддержки. Первостепенными сферами деятельности для Урала, начиная со II тыс. до н. э. становятся горное, литейное и кузнечное дело. Эти отрасли требовали глубоких знаний, которые в условиях дописьменной поры передавались из поколения в поколение, закреплялись при помощи обязательных ритуалов и были скрыты от непосвященных. Святилище Шайтанское озеро II как раз передает формирование подобной практики аккумуляции и передачи знаний в области металлопроизводства, основанного на тесном культурном диалоге носителей различных культурных и технологических традиций.

Примечание

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 22-28-00066 «Горно-лесное Зауралье на переломе эпох: от камня к металлу».

Библиографический список

- Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
- Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
- Богданов С. В.* Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 6–14.
- Денисов В. П., Кузьминых С. В., Черных Е. Н.* Могильник сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1988. С. 46–69.
- Корочкова О. Н.* Среднее Зауралье и таежное Приобье в системе связей Западноазиатской металлургической провинции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. № 2. С. 718–739.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А.* Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. 214 с.
- Ткачев В. В.* Возможности ландшафтной археологии в изучении локальной мобильности степных скотоводческих культур эпохи палеометалла // Уральский исторический вестник. 2020, № 4 (69). С. 32–41.
- Черных Е. Н.* Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Азии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных Е. Н., Корочкова О. Н., Орловская Л. Б.* Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // ААЭЕ. 2017. № 2 (45). С. 45–55.
- Федорова Н. В.* Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. Салехард: Золотой тираж, 2019. 150 с.
- Olga N. Korochkova, Daria V. Kiseleva, Ivan A. Spiridonov, and Evgeny S. Shagalov* The Isotopic Signature of Ancient People from the Eneolithic and Bronze Age Interments in the Mountain-Forest Trans-Urals N. N. Ankusheva et al. (eds.), *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy–2021, Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*, 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16544-3_4. P. 27–33/

INFORMATION RESOURCES OF THE BRONZE AGE SANCTUARY IN THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS

O. N. Korochkova

Ural Federal University, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia
Olga.Korochkova@urfu.ru

The report focuses on the interpretative possibilities of the artifact collection and various archaeological situations of the sanctuary of the first metallurgists of the Urals – Shaitanskoe Ozero II. The composition of finds, which includes a large number of metal products, metal production waste, stone products, ceramics, allows us to approach the reconstruction of models of metal production and the transfer of cultural achievements of the Bronze Age to the taiga zone, the nature of ties and intercultural integrations in the Trans-Urals in the II millennium BC.

Key words: Ural, Bronze Age, West Asian (Eurasian) metallurgical province, Seima-Turbino phenomenon, sanctuaries, symbolic activity.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МЫСОВАЯ И ЕЕ МЕСТО В ПАЛЕОЛИТЕ УРАЛА¹

В. Г. Котов ©

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71
kslav1@yandex.ru

Р. Г. Курманов

Институт геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
450077, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Карла Маркса, 16/2
ravil_kurmanov@mail.ru

С открытия палеолитического материала на стоянке Мысовая (Урта-Тубе) на берегу оз. Карабалыкты в Южном Зауралье первооткрыватели Г. Н. Матюшин и О. Н. Бадер считали материал смешанным, содержащий изделия ашеля и среднего палеолита. Среди находок были разнообразные рубила, грубые скребла, архаические нуклеусы, а также мустьерские и бифасиальные остроконечники вместе с радиальными нуклеусами. Часть древних изделий были найдены в желтом суглинке, который заполнял глубокую трещину мыса. В последние годы в этом районе был открыт ряд памятников с архаическим материалом, который аналогичен коллекции архаических изделий со стоянки Мысовая. Исследование геологических отложений новых памятников дали новую информацию о возрасте и культурной принадлежности этой древнейшей индустрии.

Ключевые слова: технико-типологический анализ, нижний палеолит, стратиграфия, геология, Южный Урал.

В Южном Зауралье, в районе хребта Иркендык в Баймакском и вблизи озер Банное, Сабакты и Карабалыкты в Абзелиловском районах Башкортостана, в последние десятилетия был выявлен ряд памятников нижнего палеолита (Мысовая, Карышкино-11, Кусимово-8 и др.) [Бадер, Матюшин, 1973; Котов, 2009; 2015; Котов, Савельев, 2022], которые имеют общие черты. Большая часть – это памятники с небольшими коллекциями, причем некоторые являются смешанными из артефактов различных периодов. Раньше всех представительная коллекция, предположительно, нижнего палеолита была получена со стоянки Мысовая (Урта-Тубе).

Стоянка Мысовая (Урта-Тубе). Стоянка Мысовая (Урта-Тубе, Карабалыкты VII) находится на западном берегу озера Карабалыкты Ташбулатовского с/с Абзелиловского района Башкортостана. Она расположена на каменистом мысу Урта-Тубе высотой до 12 м, вдающемся в озеро со стороны его западного берега, напротив д. Ташбулатово. Памятник исследовался в 1962–1968 гг. Г. Н. Матюшиным, в 1971 г. О. Н. Бадером [Матюшин, 1973; 1976а; 1982, с. 94; Бадер, 1973; Бадер, Матюшин, 1973; Котов, 2008]. Всего вскрытая О. Н. Бадером площадь раскопа составила 477 м², в том числе 140 м² под раскопами Г. Н. Матюшина. Палеолитические остатки залежали в желтой супеси и серовато-желтой глине, заполняющей неширокую скалистую впадину на глубину до 2 м.

Геолог С. М. Цейтлин считал, что в расщелине фиксируется три уровня мерзлотных трещин. Верхний начинается от основания гумусированного слоя, второй уровень начинается с глубины 0,1–0,15 м ниже кровли желтой супеси, и трещины заполнены желтовато-серым суглинком. Третий, более древний уровень мерзлотных трещин присутствует в нижней части желтоватой супеси. Нижний уровень морозобойных трещин, по мнению С. М. Цейтлина, следует относить к началу или второй половине калининского оледенения (75–50 тыс. л. н.), а верхние два – к началу и концу ошанинского оледенения (20–11 тыс. л. н.). Это дополняется наличием двух горизонтов карбонатизации, в кровле и в основании слоя 2, предположительно, соответствующие двум погребенным почвам. Нижний слой погребенной почвы может быть датирован микулинским межледниковьем (71–127 тыс. л. н., MIS 5) [Цейтлин, 1975, с. 27–31]. Эти предположения С. М. Цейтлина не были подкреплены другими естественно-научными исследованиями. Это затруднительно сделать и сейчас, так как все рыхлые отложения из расщелины О. Н. Бадером были выбраны.

В итоге исследований Г. Н. Матюшиным и О. Н. Бадером было обнаружено в нижних горизонтах раскопов около 50 предметов, отличающихся от поздних материалов сохранностью, архаической техникой изготовления и формой (рис., 1–9) [Бадер, Матюшин, 1973]. Сырьем для изготовления орудий

послужили плитчатый и желвачный фтанит микрозернистой структуры темно-серого цвета, встречающийся в изобилии в окрестностях памятника [Мосин, Никольский, 2008, с. 41].

По мнению О. Н. Бадера и Г. Н. Матюшина, палеолитические изделия по характеру сохранности делятся на две группы: часть изделий имеет оглаженные ребра, а часть – свежие, неоглаженные [Бадер, Матюшин, 1973]. В первую группу, отличающуюся сильной патиной и легкой окатанностью, Г. Н. Матюшиным были отнесены чоппинг, рубилообразные орудия и бифасы из массивных желваков с пяткой, рабочий край которых был обработан грубыми радиальными сколами. Во вторую, менее патинизированную группу, вошли небольшие бифасы, остроконечники на леваллуазских отщепах, дисковидные и черепаховидные нуклеусы [Матюшин, 1976, с. 461–462; 1978, с. 91–92]. Мы также разделили коллекцию стоянки на две группы.

Рубящие орудия представлены следующими категориями: кливер на плоской гальке, размер: 8×6,5×3 см (рис., 2); рубило миндалевидное на массивном галечном сколе, размер: 8,3×5,7×2,8 см (рис., 3); три рубила с естественной пяткой на гальке, размеры: 7,5×6,8×2,7 см (рис., 6), 8,5×6×3 см (рис., 5), 10,5×7,8×5 см (рис., 4); два рубила обушковых «с продольным лезвием» на плитке, размер: 13×7,3×2,7 см. (рис., 7) и на плоской гальке, размер: 10,3×5,1×3 см (рис., 9); рубило округлой формы с естественной пяткой на плоской гальке, размеры: 11,2×9,5×4,5 см (рис., 8). Одно изделие представляет собой рубильце миндалевидной формы или бифасиальный остроконечник, размер: 8,8×4,5×1,8 см (рис., 2).

Три орудия являются скреблами: скребло на массивном отщепе с бифасиальной обработкой, размер: 13×4,5×2,5 см [Бадер, Матюшин, 1973, рис. 2, 2]; скребло прямое на плитке, размер: 11,5×4,5×1,4 см [Бадер, Матюшин, 1973, рис. 2, 3]; скребло на кремневой плитке, размер: 9,2×7,1×2,5 см [Бадер, Матюшин, 1973, с. 138].

Наличие большой серии крупных рубящих орудий достаточно архаичных форм типа рубил с естественной пяткой и рубящих орудий «с продольным лезвием», приближающихся к чопингообразным орудиям, дает основание относить их к изделиям ашельского времени. Тем более что сходные орудия были найдены на соседних памятниках Кусимово-7, Кусимово-8 и на стоянках Карышкино-11 и Сибай-56 в Южном Зауралье [Котов, Савельев, 2022].

Местонахождение Кусимово-8. Памятник выявлен экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН в 2020 г. [Котов, Савельев, 2022]. Он расположен на восточной окраине д. Кусимово Ташбулатовского с/с Абзелиловского района Башкортостана, в 1 км к западу от оз. Сабакты и в 2 км к юго-западу от стоянки Мысовая. Площадка памятника приурочена к ровной поверхности террасовидной возвышенности, возвышающейся над восточной частью поля на 3–4 м. С юга площадка ограничена заболоченным руслом ручья, с севера – двумя меридионально вытянутыми возвышенностями, на которых расположены стоянки Кусимово-6 и Кусимово-7. Площадь памятника – 175 000 м² или 17,5 га [Археологическая экспедиция..., 2020].

На территории местонахождения Кусимово-8 был заложен 4 шурфа, причем 3 шурфа на стоянке Кусимово-6, которая входит в границы местонахождения Кусимово-8, и сделаны зачистки трех ям [Котов и др., 2020].

Во всех шурфах и зачистках выявлена сходная стратиграфия: 1) почва, мощность 0,15 м; 2) серовато-коричневый суглинок с доломитовой крошкой и щебенкой, с прослойкой кремневой гальки в покровных отложениях, мощностью слоя до 0,4 м; 3) желтовато-коричневый суглинок с доломитовой крошкой и щебенкой, мощность от 0,4 до 0,8 м; 4) желтовато-серовато-коричневый окаменевший суглинок с горизонтальной слоистостью, трещиноватый, мощность до 0,4 м.

Находки были обнаружены во 2-м геологическом слое, которые относятся к стоянке эпохи среднего палеолита Кусимово-6 (1-й культурный слой) и в 3-м геологическом слое, где на глубине 0,7–0,9 м от современной поверхности и в 0,5 м от поверхности светло-коричневого суглинка были найдены отщепы кремня и обушковое рубило с продольным лезвием (2-й культурный слой) (рис., 12).

44 образца, отобранные из четырех изучаемых шурфов, были переданы на спорово-пыльцевой анализ с.н.с. ИГ УФИЦ РАН Р. Г. Курманову. Изучение палинологических составов проб позволило получить детальные характеристики флоры и растительности, произрастающей в окрестностях стоянки, и сделать выводы о сменах климатических обстановок в момент накопления исследуемых осадков. Наиболее полные реконструкции были проведены по материалам шурфа 2.

В образце из нижней части слоя 4 шурфа 2 (светло-коричневый окаменевший суглинок) был выделен палиноспектр, характеризующий распространение на данном участке открытых пространств, занятых в основном злаками и маревыми. Островные леса состояли преимущественно из широколиственных пород (лещина, вяз, граб), в примеси встречались береза и ольха. На наличие антропогенной

нагрузки (вытаптывание) на территорию указывает обнаруженная пыльца подорожника. Климат в этот период был теплым и аридным.

В пробе из верхней части слоя 4 был выявлен спорово-пыльцевой спектр, описывающий увеличение площадей мелколиственных березовых и светлохвойных сосновых лесов. В широколиственных лесах наряду с лещиной и вязом появляется липа. На склонах гор встречается эфедра. Открытые пространства лесостепей занимают злаки, а также разнообразные степные и луговые растения. Роль маревых в составе травостоя снижается. Антропогенное влияние на территорию было незначительным. Отмечены представители сорной растительности (щавель). Климат становится гораздо более влажным. В целом отложения слоя 4 сформировались в теплый межледниковый период.

По палиноспектру из образца, отобранного в основании слоя 3 шурфа 2, представленного плотным желтовато-коричневым суглинком с доломитовой крошкой и щебенкой, были установлено, что в условиях умеренно влажного климата площади лесных массивов продолжают увеличиваться. В данный период были распространены березовые и ивово-ольховые леса с небольшой примесью широколиственных пород деревьев (лещина, вяз), на открытых участках была распространена злаково-разнотравная растительность. О подъеме уровня воды в озере, кроме высоких процентов пыльцы ивы в спектре, также свидетельствуют находки пресноводных водорослей *Pediastrum*. В шурфе 3 на стоянке Кусимово-6 было установлено, что в средней части желтовато-коричневого суглинка присутствуют следы размыва в прибойной зоне палеоозера Сабакты-Банное в результате понижения уровня воды и последующего перекрытия этих отложений озерными осадками в процессе нового подъема.

Климатические условия, реконструируемые по образцам желтовато-коричневого суглинка, предположительно, соответствуют тем, что существовали в середине среднего неоплейстоцена [Данукалова, 2010, с. 116–117]. Неоднократные трансгрессии палеоозера Сабакты-Банное могли быть связаны с раннехазарской трансгрессией Каспия, сопоставимой по уровню с Бакинской. Хазарская трансгрессия развивалась в середине среднего неоплейстоцена тремя крупными стадиями, разделенные непродолжительными регрессиями [Янина, 2005, с. 265].

Необходимо особо обратить внимание на важную деталь: все образцы показывают наличие синантропных растительных сообществ, то есть связанных с деятельностью человека в данном месте, что подтверждается находками изделий в желтовато-коричневом суглинке. Точно так же из желтоватой супеси происходят находки архаических изделий нижнепалеолитического облика (рубила, нуклеусы, скребла и др.) на стоянке Мысовая на соседнем озере Карабалыкты в этом же районе [Бадеп, Матюшин, 1973]. Это дает основание считать, что находки изделий нижнепалеолитического облика с поверхности местонахождения Кусимово-8 происходят из этих отложений.

Из слоя желтовато-коричневого суглинка с доломитовой щебенкой были взяты два образца на ОСЛ датирование с глубины 0,5 м от поверхности из покровных отложений слоя и с глубины 2 м от поверхности из основания слоя, которые были переданы на определение в лабораторию ВСЕГЕИ.

Всего был собран 121 артефакт из камня. Из этой коллекции по характеру сохранности и технико-типологическим данным были выделены 30 изделий, которые были предварительно отнесены к изделиям нижнего палеолита.

Так, в коллекции находок есть три рубила обушковых с продольным лезвием: у самого крупного орудия асимметричной формы рабочее лезвие сформировано с обеих сторон веерообразными крупными и средними сколами на гальке черного кремня, обушковая грань сохраняет естественную галечную корку, размер: 16,1×12,2×3,6 см (см. описание орудия № 1 по: [Котов, Савельев, 2022, с. 838]) (рис., 13); второе рубило обушковое продольное было изготовлено на уплощенной гальке темно-серого кремня с двух сторон крупными веерообразными пологими сколами, размер: 12,8×5,1×3,1 см (см. описание орудия № 2 по: [Котов, Савельев, 2022, с. 838]) (рис., 11). Третье орудие было обнаружено в шурфе 2 на стоянке Кусимово-6 во втором культурном слое в отложениях желтовато-коричневого суглинка на глубине 0,9 м от поверхности. Его размер: 16×6,8×2,7 см (см. описание изделия № 11 по: [Котов, Савельев, 2022, с. 841, рис., 5]) (рис., 12). Два бифаса были обнаружены в северо-западной части местонахождения на территории стоянки Кусимово-7: рубило овальное укороченное из гальки черного кремня, размер: 7,7×5,5×3,0 см; рубило овальное из гальки диабаз с обломанной вершиной, размер: 12,5×8,5×3,3 см (см. описание орудий № 17, 18 по: [Котов, Савельев, 2022, с. 842]). Два изделия были отнесены к орудиям с поперечным рубящим лезвием типа кливеров: одно с дорсальной поверхностью, уплощенной продольными сколами, оно имеет размер 9×6,5×4 см (рис., 10), у другого поверхность уплощена радиальными сколами, его размер: 12,5×7,7×2,7 см.

Два изделия с оформленными остриями являются рубящими орудиями типа пик (см. описание орудия № 3, 8 по: [Котов, Савельев, 2022, с. 838, 841]).

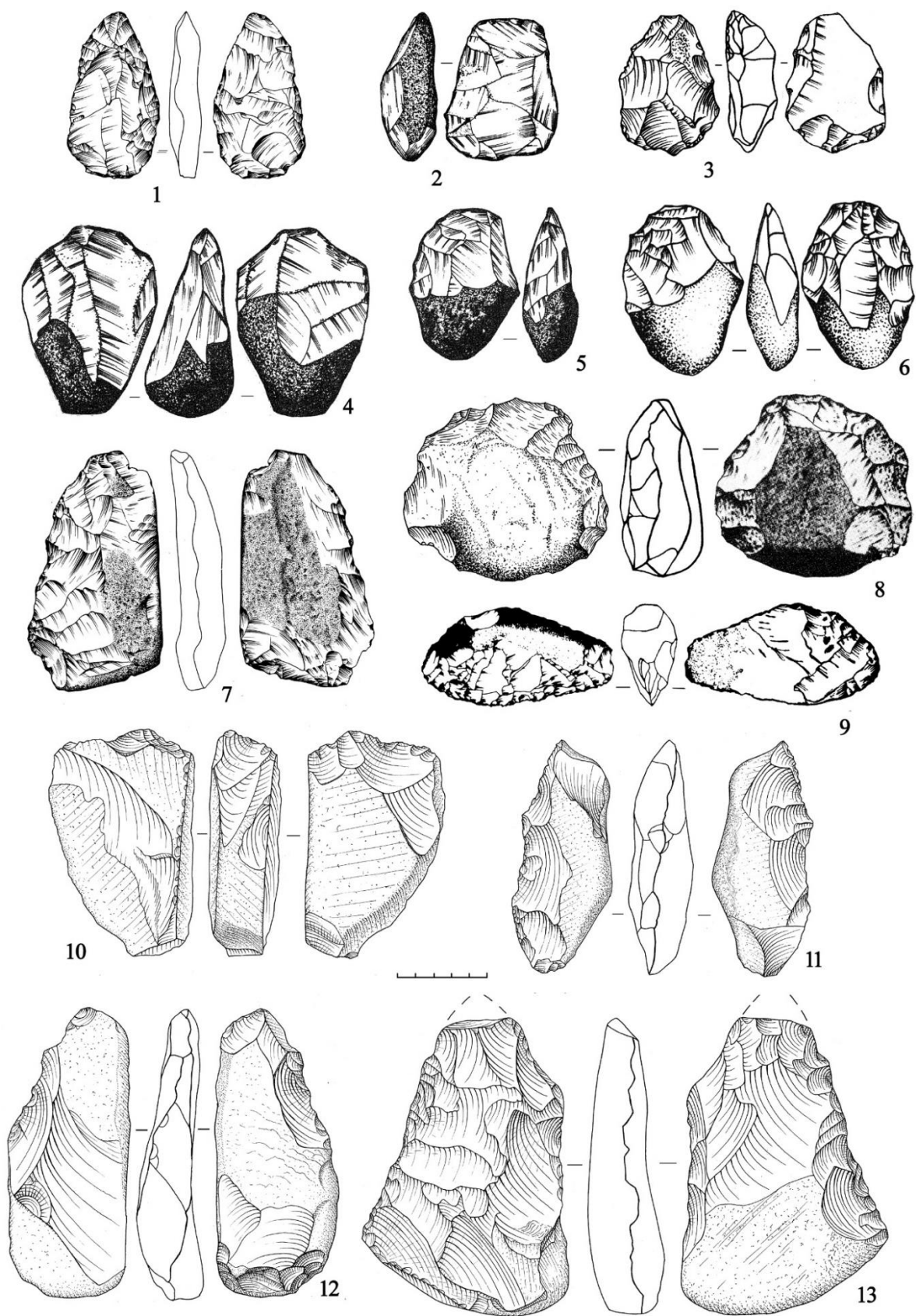

Рис. Каменные орудия стоянки Мысовая (1 – 9) и местонахождения Кусимово-8 (10 – 13).

Несколько орудий были отнесены к скреблам, особенностью которых является бифасиальная обработка лезвий и наличие оформленных обработкой острых углов и выступов, размеры: от 5×5×1,7 до 8,9×7×2,6 см.

Наиболее выразительными маркерами нижнепалеолитической традиции являются разнообразные рубящие орудия, как, например, рубила, пики, кливеры, чопперы. Среди них присутствуют обушковые рубила с продольными лезвиями и естественными обушками. Они находят аналогию на соседнем памятнике – стоянке Мысовая (рис., 7, 9) и на стоянке Карышкино-11 в Баймакском районе Башкортостана. Это лишний раз указывает на то, что данные изделия в рамках данной индустрии являются своеобразными маркерами. Аналогичные по исполнению обушковые бифасы с продольным лезвием происходят с ашельского местонахождения Тигва в Южной Осетии [Любин, 1998, рис. 13].

Выводы. Присутствие сходных форм орудий на других стоянках этого региона (Карышкино-11, Карышкино-12 (Баймакский район Башкортостана), Мысовая (Урта-Тубе), местонахождение Кусимово-8 (Абзелиловский район Республики Башкортостан) позволяет говорить об особой линии развития нижнего палеолита в Южном Зауралье. По реперному памятнику она получила условное название «карышкинский тип индустрии». Данная традиция имеет определенные черты сходства с другими памятниками этого региона, в частности, с индустрией стоянок-мастерских Кызыл-Яр 2 и Кызыл-Яр 4 [Котов, 2012а; 2013а; 2013б]. Это наличие грубых скребков, рубила овальной формы, бифасиальной обработки орудий, применение «нуклевидной» обработки орудий радиально направленными снятиями, наличие грубо радиальных нуклеусов, разнообразных комбинированных орудий с шипом или остриями, зубчато-выемчатых форм. В обеих традициях присутствуют такие орудия, как пики, кливеры, скребки, орудия с шипом. Вместе с тем, в целом индустрия кызыл-яровских стоянок существенно отличается размерами орудий, наличием таких специфических форм, как крупные рубящие орудия – двуручные кливеры, чопперы, цалди, а также крупные скребла. Все это свидетельствует о большем архаизме этого типа индустрии по отношению к «карышкинской», причем остается открытым вопрос о природе сходства между ними по ряду признаков.

Не находит прямого сходства индустрия ирендыкской группы памятников с ашельскими комплексами Мугоджарских гор, которые основываются на бифасах и бифасиальных орудиях [Деревянко и др., 2001]. В то же время присутствие на памятниках Южного Урала бифасов двояковыпуклой формы, бифасиальных кливеров, пик и обушковых рубил с продольным лезвием указывает на связи с ашельским населением Кавказского региона [Любин, 1998].

По нашему мнению, прямой культурной аналогией карышкинской традиции являются памятники с тейякской индустрией во Франции (например, стоянка в пещере Baume Bonne (Прованс), для которых характерны остроконечные чопперы, чопперы-ядрища, обушковые рубила, зубчатые орудия, бифасиальные скребла, конвергентные скребла, бифасиальные острия. Во Франции эти памятники относятся к рисскому времени [La Préhistoire Française, 1976, р. 843–847; Деревянко и др., 1994, с. 163–164]. Этим же временем геологи датируют палеозера Южного Зауралья [Казаков, 2017], к берегам которых и приурочены стоянки нижнего палеолита.

Примечание

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

Библиографический список

Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово «Северные амуры»: научные исследования и Школьный лекторий / Отв. ред. и сост. А. В. Псянчин и Н. С. Савельев. – Уфа, Информреклама, 2020. 44 с. [Авторский коллектив: Савельев Н. С., Котов В. Г., Ахметова Е. А., Коршунова У. О., Лясович В. И., Николаев С. Ю., Овсянников В. В., Романов А. А., Румянцев М. М., Савельева А. Г., Савинов Л. Н., Хурмаев А. А. – коллект. моногр.]

Бадер О. Н., Матюшин Г. Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // Советская археология. 1973. № 4. С. 135–142.

Данукалова Г. А. Уточненная региональная стратиграфическая схема квартала Предуралья и основные события на территории Южно-Уральского региона // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18. № 3. С. 107–124.

Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. 288 с.

Казаков П. В. Остаточные озера N-Q палеогидросети, озерные комплексы и сопутствующие им полезные ископаемые (восточный склон Южного Урала и Зауралье) // Геология. Известия Отделения наук о Земле и природных ресурсов АН РБ. 2017. № 23. С. 63–68.

Котов В. Г. Мысовая // Башкирская энциклопедия. Т. IV. Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2008. С. 318–319.

Котов В. Г. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кызыл-Яр 2 в Южном Зауралье // Вестник Пермского университета. 2013а. Вып. 1 (31). С. 7–21.

Котов В. Г. Нижнепалеолитические стоянки-мастерские Кызыл-Яр 2 и Кызыл-Яр 4 в Южном Зауралье // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / Под ред. С. А. Васильева, А. В. Ларионовой. СПб.: ИИМК РАН, 2013б. С. 104–125.

Котов В. Г. Палеолит // История башкирского народа / М. М. Кульшарипов (отв. ред.). Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 23–53.

Котов В. Г. Стоянка-мастерская Карышкино-11 – новый памятник нижнего палеолита Южного Урала // Вестник Пермского университета. 2015. № 1. С. 7–20.

Котов В. Г. Стоянки-мастерские нижнего палеолита Кызыл-Яр 2 и Кызыл-Яр 4 в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. 2012. С. 4–19.

Котов В. Г., Савельев Н. С. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кусимово-8 (Южное Зауралье) // Oriental Studies. 2022. Т. 15 (4). С. 834–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-4-834-848

Котов В. Г., Савельев Н. С., Русланова Р. Р. Стоянка-мастерская Кусимово-6 – памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // Oriental studies. 2020. Т. 13. Вып. № 6. С. 1594–1612. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612> (doi: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612)

Любин В. П. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологические вести. 1998. № 5. С. 15–41.

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.

Матюшин Г. Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты // КСИА. № 136. 1973а. С. 67–76.

Матюшин Г. Н. Некоторые итоги изучения каменного века на Урале // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978. С. 86–122.

Матюшин Г. Н. Ранний палеолит Урала и проблемы заселения севера Азии // Берингия в кайнозое. Мат-лы Всесоюзного симпозиума «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое», Хабаровск, 10 – 15 мая 1973 / [Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. Л. Контримавичус]. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976а. С. 459–466.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Мосин В. С., Никольский В. Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 196 с.

Цейтлин С. М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тубе (Мысовая) в Восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии: [Сборник статей]: [Посвящается 70-летию д-ра ист. наук О. Н. Бадера] / АН СССР, Ин-т археологии; [Отв. ред. П. М. Кожин и др.]. – М.: Наука, 1975. С. 27–31.

Янина Т. А. Дидакны Понто-Каспия. Смоленск: Маджента, 2005. 300 с.

La Préhistoire Française. Т. I / H.Lumley. Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1976, 1632 p.

THE PALAEOOLITHIC SITE OF MYSOVAYA IN COMPARISON WITH OTHER PALAEOOLITHIC SITES OF THE URALS

V. G. Kotov

History, Language and Literature Institute of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Oktyabrya Av., 71, 450054, Ufa, Russia
kslav1@yandex.ru

R. G. Kurmanov

Institute of Geology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Karl Marx str., 16/2, 450077, Ufa, Russia
ravil_kurmanov@mail.ru

Since the Paleolithic material at the Mysovaya (Urta-Tube) site on the shore of Lake Karabalykty in the Southern Trans-Urals had been discovered by the researchers G.N. Matyushin and O.N. Bader, its material stuff was considered to be mixed, containing Acheulean and Middle Palaeolithic artifacts. Among the findings there were a variety of axes, rough side-scrapers, archaic cores, as well as Mousterian and bifacial points along with radial cores. Some of the ancient artifacts were found in yellow loam that filled a deep fissure in the cape. In recent years, a number of sites with archaic material have been discovered in this area, which is similar to the collection of archaic items from the Mysovaya site. The study of geological deposits of new archeological sites has provided more information about the age and cultural affiliation of this ancient industry.

Key words: technical and typological analysis, Lower Paleolithic, stratigraphy, geology, Southern Urals.

КАРА-АБЫЗСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПЬЯНОБОРСКОЙ И МАЗУНИНСКОЙ КУЛЬТУРАХ: КОНЦЕПЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

А. А. Красноперов ©

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, 426004, Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, 4
alexander.kaa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7931-4536
Web of Science ResearcherID: AAN -4831-2021,
Scopus Author ID: 56809473600

В статье рассматриваются обоснования и аргументы авторов об участии кара-абызского компонента в генезисе пьяноборской и мазунинской культур. Авторы следуют одинаковой схеме описания – вначале констатируется (как данность) факт участия кара-абызского населения в сложении культур. Лишь после следуют попытки обоснования. Приводимые тезисы считать «аргументами» нельзя – преемственность обосновывается наличием керамики с ямочной орнаментацией на поселениях и находками ножей в погребениях. Никаких реальных доказательств нет. Археологические находки демонстрируют обратный процесс – влияние мазунинской культуры на кара-абызскую.

Ключевые слова: пьяноборская культура, мазунинская культура, кара-абызская культура, историография.

По археологической литературе кочует мнение об участии кара-абызского населения в развитии пьяноборской и сложении мазунинской культур. Однако, на чем базируются данные утверждения? Имеет смысл обратиться к конкретным формулировкам основных авторов.

Историография

Пьяноборская культура

Б. Б. Агеев: «Одним из основных компонентов в сложении пьяноборской культуры явилось раннекара-абызское население центральной Башкирии. Это подтверждается материалами поселений и типами бронзовых украшений. Сходство керамики различных районов Прикамья отмечено В. Ф. Генингом» [Агеев, 1992, с. 104]¹.

«Таким образом, на наш взгляд, на раннем этапе формирования пьяноборской культуры приняли участие потомки позднеананьинских племен Нижнего Прикамья и раннекара-абызское население среднего течения р. Белой. Однако решающую в ней роль сыграли среднебельские племена, что подтверждается элементами материальной культуры (керамика и типы бронзовых предметов)» [Там же, с. 106].

«Выявляется два района распространения сосудов с ямочным узором, где они генетически восходят к ананьинской культуре: Среднее Прикамье и центральная Башкирия. Однако, судя по приведенным данным, в первом районе на рубеже нашей эры происходит резкое уменьшение доли сосудов с ямками, в то время как в центральной Башкирии этот элемент орнамента остается преобладающим в течение раннего железного века. Исходя из этого, истоки пьяноборской керамики надо искать в раннекара-абызской среде» [Там же, с. 105].

«Подтверждает эту мысль и инвентарь погребений могильников раннего этапа культуры, который представлен кольцевыми и восьмеркообразными височными подвесками, подвесками со спиральновитыми трубицами, гривнами, браслетами и различными бляшками. Здесь же встречены поясные крючки, послужившие образцами для пьяноборских застёжек» [Там же, с. 105].

«А. Х. Пшеничнюк считает, что появление в IV в. до н. э. гафурийских племен привело к смене ананьинской культуры в центральной Башкирии кара-абызской, которая является синтезом местного и пришлого населения. На наш <Б. Б. Агеев> взгляд, часть местного населения, не участвовавшего в формировании кара-абызской культуры и оттесненного к северу, послужила основой пьяноборской культуры» [Там же, с. 105].

«На стадии II (II – III вв. н. э.) пьяноборская культура испытывала сильное влияние уже позднекара-абызских племен. Это хорошо прослеживается, прежде всего, в погребальном обряде. Появляется обычай положения пояса развернуто с умершим. В могилах фиксируются также жертвенные ком-

плексы. Во всех этих погребениях инвентарь состоит все же из типично пьяноборских вещей. Об инфильтрации кара-абызского населения в пьяноборскую среду свидетельствуют материалы Ново-Сасыкульского и Юлдашевского могильников» [Там же, с. 106].

Таким образом, Б. Б. Агеев: 1) вначале постулирует (как утверждение) развитие пьяноборской культуры из кара-абызской; 2) далее перечисляет совпадающие категории материальной культуры (максимально простых геометрических форм); 3) указывает на совпадение орнамента на сосудах (ряд простых ямок); 4) цитирует А. Х. Пшеничнюка о сдвиге кара-абызского населения на север.

Мазунинская культура

Т. И. Останина: «Основой формирования мазунинской (бахмутинской) культуры считались пьяноборские и кара-абызские племена <ссылки на Н. А. Мажитова, С. М. Васюткина, А. Х. Пшеничнюка>» [Останина, 1997, с. 166, 174].

«По В. Ф. Генингу базой для ее формирования стала экспансия кара-абызских племен и смешения их с близким по культуре чегандинским (пьяноборским Т.О.) населением» [Там же, с. 167].

«Население кара-абызской культуры вследствие демографического фактора (перенаселение) несколько раз продвигалось к северу, в низовье р. Белой, туда, где в более раннее время проживало пьяноборское население, а затем будет проживать мазунинское, – их потомки <ссылка на А. Х. Пшеничнюка>» [Там же, с. 167].

«Из 39 категорий вещей погребального инвентаря изучаемой культуры в памятниках кара-абызской археологической культуры обнаружены аналогии для 16-ти категорий предметов мазунинской культуры: височные кольца, ряд типов бляшек, подвесок, бус, пряжек, пронизок (пронизки-бусы), бляхи, перстни, костяные наконечники стрел, крючки, удила, ножи, шилья, копыя, точильные бруски, пряслица» [Там же, с. 174].

Таким образом, Т. И. Останина: 1) цитирует предшествующих авторов о развитии мазунинской культуры из кара-абызской; 2) цитирует А. Х. Пшеничнюка о сдвиге кара-абызского населения на север; 3) перечисляет совпадающие категории материальной культуры (максимально простых геометрических форм).

Очень важной является принятая система аргументации. Сравнение ведется **по категориям** находок. Не по типам, специфическим формам, а просто по перечислению категорий находок. Среди которых простые круглые височные кольца, простые формы бляшек, подвески простых геометрических форм, оружие универсальных форм, заведомо привозные вещи (бусы и пряжки). И лучшее в списке – ножи и точильные бруски. Ножи действительно есть и в кара-абызской, и в мазунинской культурах. С этим не поспоришь.

А. Х. Пшеничнюк: «Е. Ф. Лагодовская и Б. А. Коишевский предполагали, что кара-абызская культура явилась основным компонентом в сложении бахмутинской культуры. В сложении бахмутинской культуры Н. А. Мажитов усматривает 2 этапа. Ранний этап (III–IV вв.) сложился, по его мнению, полностью на основе местных племен пьяноборской (пьяноборской и кара-абызской) культуры. Основным компонентом в сложении мазунинской культуры, по мнению В. Ф. Генинга, явились местные финно-пермские племена пьяноборской и особенно кара-абызской культур» [Пшеничнюк, 1973, с. 240–241].

«Таким образом, складывается единое мнение по вопросу происхождения раннебахмутинской (мазунинской) культуры: основу ее составили местные племена пьяноборской и кара-абызской культур» [Там же, с. 241].

«Итак, многочисленные вновь накопленные материалы первой половины I тыс. н. э. подтверждают ранее высказанную точку зрения о генетической связи между племенами кара-абызской и раннебахмутинской (мазунинской) культур. Важно подчеркнуть, что кара-абызские племена явились основой не только для «башкирской, бельской» группы раннебахмутинского населения, но и для «удмуртского» мазунинского» [Там же, с. 241].

«Эта точка зрения убедительно подтверждается материалами многочисленных поселений, открытых в последние годы в северной Башкирии. Керамика этих поселений обнаруживает большое сходство с пьяноборской и кара-абызской. Это фрагменты с *примесью дресвы* в тесте от круглодонных сосудов с широким низким горлом и слабо раздутым туловом, орнамент состоит из *пояска ямок по шейке*. Прослеживается сходство в погребальном обряде и вещевых комплексах кара-абызских, пьяноборских и раннебахмутинских (мазунинских) могильников. Весьма показательна в этом отношении такая общая для кара-абызских и мазунинских могильников черта погребального обряда, на что обратили внимание Н. А. Мажитов и В. Ф. Генинг как положение поясного ремня рядом с покойником.

Форма поясов также имеет немало сходства. И в кара-абызских, и в мазунинских погребениях они зачастую сплошь покрыты металлическими накладками, застежками часто являлись круглые бляхи, в кара-абызских могильниках бронзовые, в мазунинских – костяные» [Там же, с. 241].

«Кара-абызская культура обнаруживает гораздо больше сходства с мазунинской, нежели пьяноборская. По-видимому, формирование раннебахмутинской (мазунинской) культуры сопровождалось уходом значительной части пьяноборских племен, последующая история которых хорошо прослеживается в памятниках азелинской культуры» [Там же, с. 241].

Таким образом, А. Х. Пшеничнюк: 1) цитирует предшествующих авторов о развитии мазунинской культуры из кара-абызской; 2) указывает на совпадение орнамента на сосудах (ряд простых ямок); 3) постулирует (как доказанное) сдвиг кара-абызского населения на север.

В. Ф. Генинг: «Вероятно, около III в. н. э. в результате быстрого роста народонаселения и определенных внутренних процессов социально-экономического развития кара-абызские племена быстро расширяют свою территорию расселения, вытесняя из прикамских районов большинство чегандинского населения. Экспансия кара-абызских племен и смешение их с близким по культуре чегандинским населением и послужили базой для формирования населения новой мазунинской культуры» [Генинг, 1972, с. 240–241].

Таким образом, В. Ф. Генинг: 1) постулирует (как утверждение) развитие пьяноборской культуры из кара-абызской; 2) постулирует (как доказанное) сдвиг кара-абызского населения на север.

С. М. Васюткин: «Таким образом, материалы раннебахмутинской культуры свидетельствуют, что она в основе своей местная, генетически связанная с пьяноборской и кара-абызской культурами» [Васюткин, 1971, с. 103].

«О генетических связях бахмутинской культуры с пьяноборской и кара-абызской свидетельствуют находки в могильниках трех культур однотипных вещей, к которым относятся: поясные наборы с накладками прямоугольной формы с бляхой-раковиной, кольцевые и пластинчатые, и пряжки с неподвижным крючком, застежки-сюльгамы, пронизки, трапезиевидные подвески эполетообразные, спаренные пронизки, маленькие полусферические бляшки, медные нагрудные бляхи с вырезом, железные пряжки с длинным прямоугольным щитком и многие другие» [Там же, с. 103].

«Эта преемственность культур проявляется и во многих других деталях их погребального обряда. В пьяноборских погребениях украшения и принадлежности костюма обычно *лежат там, где они носились при жизни*. В аналогичном положении они лежат иногда и в раннебахмутинских погребениях» [Там же, с. 102].

«Обычай класть пояс рядом с умершим, получивший широкое распространение среди населения бахмутинской культуры, возник, видимо, еще в пьяноборское время. Так, в погребениях Урманяевского могильника пьяноборской культуры и Биктимировского могильника кара-абызской культуры слева вдоль костяка от плеча до бедра лежали кожаные пояса с бронзовыми накладками» [Там же, с. 102].

«Сосуды из бахмутинских могильников по форме, примеси к глине и орнаментации хорошо сопоставляются с пьяноборскими и кара-абызскими. Пьяноборские и кара-абызские сосуды представляют собой круглодонные чаши, изготовленные из глины с примесью толченой раковины и песка. Орнаментировались они ямками по шейке и насечками по венчику» [Там же, с. 102].

Таким образом, С. М. Васюткин: 1) вначале постулирует (как утверждение) развитие пьяноборской культуры из кара-абызской; 2) далее перечисляет совпадающие категории материальной культуры (максимально простых геометрических форм); 3) отмечает сходство черт погребального обряда (расположение вещей при костяке на месте ношения); 4) указывает на совпадение орнамента на сосудах (ряд простых ямок).

Положение вещей при костяке так, как они носились при жизни – очень весомый аргумент сходства культур.

Н. А. Мажитов: «Кара-абызский тип керамики по форме сосудов, примеси к глине и ямочному орнаменту совершенно идентичен пьяноборской керамике на р. Каме» [Мажитов, 1968, с. 59].

«Однако сказанное не дает оснований дробить единую культуру на отдельные самостоятельные микрокультуры, как это делает В. Ф. Генинг» [Там же, с. 59].

Таким образом, Н. А. Мажитов: 1) указывает на совпадение орнамента на сосудах (ряд простых ямок); 2) не разделяет пьяноборскую и кара-абызскую культуры.

Общими местами в перечисленных (и не только) работах являются:

– Констатация факта (как данности) об участии кара-абызского населения в формировании пьяноборского и мазунинского. Причем это не является выводом, тексты начинаются с этой констатации.

– Практически во всех работах основные «аргументы» сводятся к повтору одной-двух фраз из предшествующих авторов: Б. Б. Агеев ссылается на В. Ф. Генинга, А. Х. Пшеничнюка; Т. И. Останина – на В. Ф. Генинга, А. Х. Пшеничнюка; А. Х. Пшеничнюк – на Н. А. Мажитова, В. Ф. Генинга.

– Во всех работах имеются рассуждения о сходстве керамики – на уровне круглодонности и ямочного орнамента по шейке.

– Во всех работах приводится перечисление одинаковых категорий находок (гривны, браслеты, бляшки, пронизки-бусы, ножи, шилья) – максимально простых форм. Никаких специфических особенностей не обсуждается.

Реально:

– Сравнения материалов на уровне типов и вариантов не проводилось. Сопоставление на уровне наличия ножей/шильев/оселков довольно примитивно.

– «Сравнение» керамики по факту наличия ямок на шейке бессмысленно.

– Время появления вещей и особенностей погребального обряда (в какой культуре появилось раньше) никем не рассматривалось. Появление традиции развернутых поясов действительно очень любопытно. Но чтобы утверждать о первоисточнике заимствования, нужно обосновать даты появления первых случаев этого обряда в культурах (это тема отдельной работы).

– Все авторы пишут о переселении кара-абызских племен на север – и никто не привел ни одного примера, где **реальные следы этого «переселения»**. Кара-абызская культура имеет очень компактный ареал и очень специфические украшения, которые сразу были бы заметны. Находок кара-абызских вещей вне этого ареала – полтора десятка. Случай в Юлдашевском могильнике – очевидно, проявление конкретных брачных связей, потому что набор полный. В остальных (Сасыкуль, Ныргында, Зуевы Ключи, Усть-Сарапулка, Тарасово) – это отдельные предметы, которые проникали значительно шире². Причем количество находок к западу от Волги больше, чем в пьяноборских памятниках. Следуя «логике» авторов, нужно, видимо, сурские памятники считать наследниками кара-абызцев.

– Аргументации не существует. А от частоты пересказов сказки не становятся былью.

– Находки (это тема отдельной работы) с учетом хронологии показывают обратную ситуацию. В кара-абызских памятниках встречаются предметы пьяноборских (новояз о «тарасовской культуре» меня не интересует) типов и предметы, *похожие* на мазунинские. Именно похожие, а не идентичные. Типологические особенности позволяют считать влияние каких-то мазунинских групп или отдельных индивидов на кара-абызские коллективы.

– Историография пуста. Два отмеченных сюжета – время появления традиции развернутых поясов и хронология подражаний мазунинским типам в кара-абызских памятниках – наиболее перспективны для дальнейших исследований.

Примечания

¹ Здесь и далее цитаты прямые.

² См. карту: *Красноперов*, 2018, рис. 22.

Библиографический список

- Агеев Б. Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Васюткин С. М.* К дискуссии по бахмутинской культуре. // СА. 1971. № 3. С. 91–105.
- Генинг В. Ф.* Южное Приуралье III–VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождение). // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 221–295.
- Красноперов А. А.* Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье. // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 56–86.
- Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.
- Останина Т. И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. н. э. Ижевск: Изд-во ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
- Пшеничнюк А. Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры). // АЭБ. Т. 5 / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 215–231.

THE 'KARA-ABYZ COMPONENT' IN THE PIANY BOR AND MAZUNINO CULTURES: CONCEPTS AND REALITY

A. A. Krasnopeorov

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Lomonosova str., b.4, 426004, Izevsk, Russia

alexander.kaa@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7931-4536

Web of Science ResearcherID: AAN -4831-2021

Scopus Author ID: 56809473600

The article discusses the substantiations and arguments of the authors about the participation of the Kara-Abyz component in the genesis of the Pyany Bor and Mazunino cultures. The authors follow the identical pattern of description – firstly, they state (as a given) the fact of the participation of the Kara-Abyz population in the formation of cultures. Only then follow attempts to justify it. These talking points cannot be considered as «arguments» – continuity is substantiated by the presence of pottery with pitted ornamentation in the settlements and finds of knives in burials. There is no real evidence. Archaeological finds demonstrate the reverse process - the influence of the Mazunino culture on the Kara-Abyz culture.

Key words: Pyany Bor culture, Mazunino culture, Kara-Abyz culture, historiography.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНАСТЫРСКОЙ СЛОБОДЫ Г. ХЛЫНОВА – ВЯТКИ В 2018 Г.

А. Л. Кряжевских ©

Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области,
610017, Россия, Киров, ул. Герцена, 64
suna1649@mail.ru

В статье рассматриваются результаты археологического исследования участка монастырской слободы г. Хлынова – Вятки по ул. Водопроводной, 10 г. Кирова в 2018 г. Приводятся данные письменных источников об этой территории, описываются итоги предшествующих археологических работ. Исследования 2018 г. показали, что участок по ул. Водопроводной, 10 в XVII – начале XX вв. представлял собой окраинную часть монастырской слободы, а затем и городской территории. В ходе раскопок обнаружено 6 сооружений, из которых наибольший интерес представляет сооружение, которое использовалось в металлургическом производстве для науглероживания железа (цементации) и получения стали. Проведенные работы позволили получить новую информацию о материальной и духовной культуре населения г. Хлынова – Вятки в XVII – начале XX вв.

Ключевые слова: Киров, Хлынов – Вятка, монастырская слобода, металлургическое производство, Новое время, Новейшее время.

В 2018 г. отрядом КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области» под руководством А. Л. Кряжевских проводилось обследование земельного участка в г. Кирове по ул. Водопроводной, 10. Эта территория является частью монастырской слободы г. Хлынова – Вятки XVII–XVIII вв. и городской усадебной застройки XIX–XX вв.

Впервые монастырская слободка при Успенском Трифоновом монастыре, основанная монастырскими «служками» и «служебниками» за его западной оградой, упоминается в 1628 г. [Вятка, 1887, с. 16–17]. Она быстро разрасталась, и в переписной книге 1646 г. в ней уже показано 26 крестьянских дворов [Вятка, 1887, с. 37–38]. Крайние северные дворы слободки подходили к Засорному оврагу и здесь смыкались с дворами городских жителей. В 1678 г. упоминаются уже три монастырские слободки: монастырская слобода «за оградой», монастырская слобода «под горой Кикимерскою» и слобода «подле речку Хлыновицу» [Вятка, 1887, с. 56–57]. Рассматриваемый нами участок входил в монастырскую слободу «за оградой». В черту города этот район вошел по плану г. Вятки 1812 г., выполненному губернским землемером Е. И. Родионовым и петербургским архитектором В. И. Гесте [Тинский, 1976, с. 90]. После этого началась застройка этой территории по принципам прямоугольной планировки улиц.

Ранее на территории монастырской слободы г. Хлынова – Вятки уже проводились археологические исследования. В частности, в 2015–2016 г. по ул. Водопроводной, 17 г. Кирова отрядом КОГКУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области» под руководством А. В. Егорова на участке расположения проектируемого жилого дома, была проведена сначала археологическая разведка, а затем и раскопки на площади 892 м² [Егоров, 2016, с. 78–89; Егоров, 2019, с. 19–151]. В ходе работ прослежена стратиграфическая ситуация XIX–XX вв. и получены фрагментарные данные о жизни населения слободы в XVII–XVIII вв. При этом культурный слой монастырской слободы, попавший в границы раскопа, оказался сильно переработан в результате строительной и хозяйственной деятельности на исследуемом участке в XIX–XX вв.

В 2018 г. по ул. Водопроводной, 10 г. Кирова первоначально была проведена археологическая разведка, в ходе которой в трех шурфах из четырех обнаружен культурный слой монастырской слободы в виде темно-серой супеси и темно-серой супеси с включениями древесного тлена, а также фрагменты гончарной керамической посуды XVII–XIX вв., кованые гвозди, фрагменты стеклянных сосудов и серебряная монета 1883 г. номиналом 20 коп. В результате этих работ был выявлен объект археологического наследия «Участок культурного слоя восточной части Монастырской слободы XVII–XIX вв.» общей площадью 327 м² [Кряжевских, 2018а, с. 14–21], поставленный на государственную охрану. Он располагается на краю высокого коренного левого берега р. Вятки.

В том же 2018 г. в соответствии с утвержденным разделом обеспечения сохранности культурного слоя на территории выявленного ОАН, были проведены археологические раскопки на площади 240 м²

на участке строительства многоквартирного жилого дома с пристроенной подземной автостоянкой [Кряжевских, 2018б, с. 14–40]. Исследования показали, что участок по ул. Водопроводной, 10 в XVII – начале XX вв. представлял собой окраинную часть монастырской слободы, а затем и городской территории. Это был внутренний двор жилой усадьбы с различными хозяйственными постройками. Мощность культурного слоя за пределами сооружений составила от 0,2 м в южной части раскопа до 1,55 м в северной части. Небольшая мощность слоя на юге раскопа объясняется подрезкой грунта с целью выравнивания поверхности (существует определенный природный уклон с юга на север), использованием этой территории под огороды и общей неравномерностью размещения жилых и хозяйственных объектов в монастырской слободе, которая была выявлена в ходе предшествующих археологических работ. Показательным также является тот факт, что в ходе проведения археологической разведки в 2018 г. культурный слой южнее участка расположения раскопа не был обнаружен.

В раскопе обнаружено 6 сооружений, одно из которых является поздней овощной ямой, а еще 4 сооружения XVIII – начала XX вв. имеют хозяйственное назначение. Наибольший интерес представляет сооружение № 6, которое было зафиксировано в центральной части раскопа и примыкало к бровке с востока. Оно имеет подпрямоугольную форму, прослеженные размеры по верхней части – 4,16×2,4 м, по дну – 2×1,8 м. Глубина сооружения составляет 1,05 м, и практически с уровня его фиксации оно прорезает материк. В его заполнении присутствует большое количество угля, шлака, битого кирпича и ошлакованной керамики. Вероятно, это сооружение использовалось в металлургическом производстве для науглероживания железа (цементации) и получения стали. Этот процесс происходил в керамических горшках, куда помещались железо, древесный уголь и другое сырье, после чего сосуды нагревались на огне. Внутри горшков протекали химические реакции, после завершения которых они разбивались, и полученная сталь извлекалась. Обычно подобные сооружения выносились на окраины поселений или даже за их пределы для предотвращения возникновения пожара, что вполне соответствует участку расположения сооружения № 6 в границах монастырской слободы. Ранее подобные сооружения уже обнаруживались во время археологических работ на территории г. Кирова. В частности, в 2012 г. во время археологических раскопок по ул. Дрелевского, 9а (совр. ул. Спасская) под руководством А. Л. Кряжевских было исследовано заглубленное в материк сооружение, также использовавшееся для цементации железа [Кряжевских, 2014, с. 116–118]. На возможность использования керамических горшков для цементации железа в г. Хлынове – Вятке, как и в Новгороде Великом, указывал в своей работе С. Е. Перевошиков [Перевошиков, 2002, с. 23]. Датировать это сооружение можно XVIII–XIX вв., пока для более точной датировки недостаточно данных.

В ходе проведения археологических раскопок также была получена достаточно представительная коллекция керамики XVII–XX вв., железных изделий, фрагментов стеклянных сосудов, частей и целых экземпляров бытовых предметов, монет XVIII–XX вв. При этом достаточно большой интерес представляют медный наперсный крест XV–XVI вв., арбалетный болт XV–XVI вв., копоушка XVIII–XIX вв.

Библиографический список

Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий (сост. Н. А. Найденов). М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1887. 310 с.

Егоров А. В. Отчет об археологической разведке по территории Слободского, Малмыжского, Оричевского, Советского, Афанасьевского, Яранского районов Кировской области и г. Кирова за 2015 год // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Т. 1. Текстовые материалы. Киров, 2016. 180 с.

Егоров А. В. Отчет о проведении археологических раскопок на участке строительства проектируемого жилого дома в г. Кирове Кировской области по ул. Водопроводная, 17 на территории выявленного объекта археологического наследия «Монастырская слобода, XVII–XIX в.в.» в 2016 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Т. 1. Текстовые материалы. Киров, 2019. 235 с.

Кряжевских А. Л. Результаты археологических исследований в г. Кирове в 2009–2012 гг. // Вятский исторический сборник. Год 2014-й: труды науч.-исслед. Центра регионоведения. Киров: ИД «Герценка», 2014. С. 113–122.

Кряжевских А. Л. Отчет по итогам проведенной археологической разведки на участке строительства многоквартирного жилого дома с пристроенной подземной автостоянкой по адресу: г. Киров, ул. Водопроводная, 10 (кадастровый номер земельного участка 43:40:000326:27) // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2018а. 52 с.

Кряжевских А. Л. Отчет по итогам проведения археологических раскопок на участке строительства многоквартирного жилого дома с пристроенной подземной автостоянкой по адресу: г. Киров, ул. Водопроводная, 10 на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок культурного слоя восточной части Монастырской слободы XVII–XIX вв.» // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2018б. 136 с.

Первоушиков С. Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002. 175 с.

Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX вв. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1976. 228 с.

ARCHAEOLOGICAL STUDYING THE MONASTERY SETTLEMENT OF KHLYNOV-VYATKA IN 2018

A. L. Kryazhevskikh

Research and Production Center for the Protection of Cultural Heritage objects of the Kirov region,
Herzen str., 64, 610017, Kirov, Russia
suna1649@mail.ru

The article discusses results of archaeological study the area of the monastery settlement of the city of Khlynov-Vyatka along Vodoprovodnaya street, 10 in Kirov, 2018. The data of written sources about this territory are given, the results of previous archaeological work are described. Research of 2018 showed that the territory in Vodoprovodnaya street, 10 was a marginal part of the monastery settlement in the XVII – early XX centuries, and then the urban area. During the excavations, 6 structures were discovered. The most interesting of them was the structure that had been used in metallurgical production for carburizing iron (cementation) and producing steel. The work carried out made it possible to obtain new information about the material and spiritual culture of Khlynov-Vyatka population in the XVII – early XX centuries.

Key words: Kirov, Khlynov-Vyatka, archeology, the monastery settlement, metallurgical production, Modern times, contemporary history.

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

К. А. Лавыш ©

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
220072, Беларусь, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2
klavysh@mail.ru

В статье рассматривается проблема изучения восточных и византийских традиций в материальной культуре Древней Руси. Характеризуя состояние историографии данного вопроса, можно сказать, что накоплен определенный эмпирический материал, предпринята попытка осмысления влияния византийских и восточных традиций на материальную культуру Руси, однако проблема воздействия Византии и Востока на материальную культуру и искусство Руси как целостного и разностороннего процесса требует дальнейшей разработки. Выявление связей с Византией и со странами Востока чрезвычайно важно для полноценного понимания условий формирования и особенностей развития древнерусской материальной культуры и искусства, которые во многом определили их специфику.

Ключевые слова: Древняя Русь, Византия, Восток, материальная культура, искусство, связи, влияние.

Традиция изучения восточных и византийских связей в искусстве Древней Руси была заложена еще в дореволюционной искусствоведческой науке. Н. П. Кондаков провел аналогии некоторых типов древнерусских украшений (шейные витые гривны, криновидные подвески, колты с перегородчатыми эмальями, некоторые виды фибул, поясные украшения и подвески к поясам) с украшениями народов Востока и Византии, а также кочевой степи [Кондаков, 1896, с. 21–22, 8, 32]. Он поставил вопрос о роли восточно-византийского наследия в искусстве Древней Руси и Западной Европы, проанализировал особенности характера зооморфных мотивов в восточном, византийском, древнерусском и западноевропейском искусстве [Кондаков, 1896, с. 18–20].

Широко развернувшиеся в советские годы археологические исследования охватили обобщением и научной атрибуцией огромный материал, однако проблемы взаимодействия и связей культур, в отличие от дореволюционного периода, оказались на долгое время под запретом. Этому препятствовала существовавшая тогда теория автохтонности, которая исключала связи, влияния, заимствования. Анализ памятников художественного ремесла Древней Руси всегда имел одну серьезную проблему. В трудах историков искусства он, как правило, оторван от той среды, в которой когда-то существовали эти вещи, в то время как в публикациях археологов многочисленные художественные произведения рассматриваются вне связи с развитием искусства.

Постепенно исследователи стали обращаться к изучению отдельных аспектов этой сложной и многогранной проблемы: работы Б. А. Рыбакова (доклад «Киевская Русь и Восток», 1944, «Ремесло Древней Руси», 1948); Н. Н. Воронина («Смоленская живопись XII – XIII вв.», 1977); В. Н. Лазарева (Скульптура Владимиро-Суздальской земли // История русского искусства, т. 1, 1953); Г. К. Вагнера (Скульптура Древней Руси. XII в. Владимир. Боголюбово, 1969; Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской, 1964; Архитектурный декор Руси X – XIII вв. // Древняя Русь. Быт и культура, 1997); А. Грабара (Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы, 1962); А. В. Банк («Прикладное искусство Византии IX – XII вв.», 1978).

Ряд исследований посвящен предметам византийского и восточного импорта в Древней Руси. Среди них – монография Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевской «Восточное стекло в Древней Руси» (1968). Она основана в основном на материалах раскопок Новогрудка, которые являются самой многочисленной и представительной коллекцией восточного и византийского стекла в Древней Руси. Авторы провели тщательный анализ художественных и технологических характеристик сосудов. Особую ценность этой монографии придают тщательно выполненные реконструкции. На протяжении 1980-х гг. Ф. Д. Гуревич предприняла попытку составления свода предметов византийского импорта в Западной Руси, куда вошли изделия из стекла, керамики, шелка, камня [Гуревич, 1986].

В работах Ю. Л. Щаповой проанализирован весь спектр стеклянных византийских изделий, найденных на территории Руси: сосуды, браслеты, бусы [Щапова, 1991, 2004]. Она составила каталог сосудов византийского происхождения (по находкам на территориях византийского культурного круга), используя данные спектрального анализа, проанализировала особенности химического состава византийского стекла, уточнила реконструкцию форм сосудов, восстанавливаемых по фрагментам, предложила ряд правил расчета пропорций византийских сосудов, рассмотрела особенности процесса изготовления и декорирования стеклянных изделий.

В 1967 г. Т. И. Макаровой была предпринята попытка составления свода импортной керамики восточного происхождения. В ее свод вошли известные на тот момент 30 образцов поливной посуды («Поливная посуда: из истории керамического импорта и производства Древней Руси», 1967). С учетом новых материалов, постоянно находимых археологами во время раскопок древнерусских городов, В. Ю. Коваль создал систематический свод керамики восточного и византийского происхождения на Руси («Керамика Востока на Руси. IX – XVII века», 2010), в который вошли более 1000 образцов поливной керамики и несколько тысяч фрагментов неполивной керамики (в основном амфор). Составляя этот свод, он провел сплошную проверку атрибуций и датировок известных образцов, проследил динамику и закономерности импорта керамики восточного происхождения на Русь, пути и способы ее ввоза, сделал ряд интересных наблюдений о характере импорта этой керамики и о природе самого явления художественного импорта.

З. М. Сергеевой предпринята попытка обобщить материалы византийского и восточного импорта, происходящего из западнорусских земель в X – XIII вв. (монетное серебро, каменные и стеклянные бусы, амфорная керамика, фаянсовая керамика, стеклянные сосуды, шелковые ткани) [Сергеева, 1996; Сергеева, 1998].

Вопросы международных связей и влияний в древнерусском искусстве освещены в работах В. П. Даркевича. Художественные связи с Византией и Востоком рассмотрены в двух его работах: «Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X – XIII вв.» (1975) и «Художественный металл Востока» (1976). В них дан полный свод светских византийских и восточных изделий, найденных на территории СССР, очерчен тот круг памятников, на которые могли ориентироваться древнерусские мастера и которые могли повлиять на образный строй и иконографию их произведений. Используя эти памятники, он проследил, какие византийские и восточные мотивы могли проникнуть в искусство Руси и какой переработке они подверглись. Автор обратил внимание на сходство византийского и древнерусского ювелирного убора, поддержал мысль о генетической связи двухстворчатых браслетов и колтов с византийскими образцами. Проблема восточных традиций в ювелирном искусстве Древней Руси, а также вопрос восточного происхождения ряда растительных и зооморфных мотивов освещены в исследованиях Т. И. Макаровой («Перегородчатые эмали Древней Руси», 1975).

Проблема древнерусского искусства в его отношении к Востоку рассмотрена в историографическом плане в работе Л. И. Ремпель «Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема», вышедшей в 1969 г. в Ташкенте. Здесь изложена история проблемы и намечены основные направления дальнейшего исследования. Л. И. Ремпель поддержал тезис Н. П. Кондакова о роли влияний как питательной среды искусства. Он повторил и развил мысль Н. П. Кондакова о посреднической роли кочевых народов степи в культурном обмене между Восточной Европой и Азией.

Пожалуй, единственными специальными исследованиями, посвященными этому вопросу, являются работы Л. А. Лелекова. Он впервые рассмотрел связи Руси с Востоком на теоретическом, системном уровне, определил их роль в древнерусском искусстве. В своей публикации «Искусство Древней Руси в его связях с Востоком (к постановке вопроса)» (1975) и отдельной книге «Искусство Древней Руси и Восток» (1978) он объединил в единый ряд характерные черты в области общественной жизни, мировосприятия, изобразительного искусства и архитектуры, заимствованные из восточной культуры. По сути, в этих работах представлена программа изучения культурных и художественных связей Руси с миром Востока, обозначены основные направления исследования. Л. А. Лелеков выделил ряд растительных и зооморфных мотивов, которые своим происхождением обязаны восточному искусству. Среди растительных – это сердцевидная пальметта, вариации древа жизни, среди зооморфных – грифоны, драконы, львы, птицы. Он привел подробные и убедительные таблицы аналогий этих мотивов в искусстве Древней Руси, Ближнего и Среднего Востока, где показан процесс их иконографической и стилистической трансформации. Особенное внимание автор уделил анализу этих мотивов во владимиро-суздальском архитектурном декоре.

В современной археологии и искусствоведении эта проблематика находит свое дальнейшее развитие (Р. С. Орлов, Ю. М. Лесман, И. А. Стерлигова, С. С. Рябцева, В. В. Мурашева, Ю. Л. Щапова, Б. Г. Васильев, В. Ю. Коваль, А. В. Чернецов, Л. А. Беляев).

Все большее внимание исследователей привлекает проблема связей художественной металлообработки Киевской Руси с ремесленной традицией Востока. Этой проблемой много и плодотворно занимался Р. С. Орлов. На основании анализа особенностей химического состава металла, конструкции пояса древнерусского дружинника, конструкции деталей ременной гарнитуры, а также ее орнаментального декора он пришел к выводу о формировании новых художественных школ в Киевской Руси под воздействием традиций исламских центров тюркетики. Он считает, что ременная гарнитура из древнерусских курганов X – XI вв. восходит к «евроазиатским образцам, в основе которых типы, возникшие в среде кочевников-тюрков» [Орлов, 1982, с. 165]. Исследователь предполагает, что среднеазиатские и иранские мотивы ювелиры Киевской Руси могли воспринять через мусульманских переселенцев из иудейской Хазарии [Орлов, 1982, с. 169, 171].

Отдельная монография, посвященная древнерусским ремennым наборным украшениям, принадлежит В. В. Мурашевой («Древнерусские ремennые наборные украшения», 2000). Она проследила особенности конструкции и декора ремennых бляшек и создала их типологию. Исследовательница пришла к выводу, что традиция наборных поясов, заимствованная древнерусскими дружинниками в кочевнической среде, восходит к Хазарии, которая была родиной пояса венгерского типа со свободно свисающим концом. Эти пояса служили определяющим стереотипом для изготовления наборных поясов, распространенных в дружинных древностях Руси X в.

С. С. Рябцева, посвятившая монографию («Древнерусский ювелирный убор», 2005) и ряд статей процессу формирования древнерусского ювелирного убора, и выявлению в этом процессе нескольких пластов заимствований, особое внимание уделяла роли византийских традиций и образцов. По ее мнению, проблему происхождения многих типов древнерусского городского убора XII – XIII вв. можно решить с помощью византийских материалов, однако крайне ограниченное число последних затрудняет эту задачу. Если в X – XI вв. для парадного ювелирного убора была характерна ориентация на западнославянские (подунайские), прибалтийские и скандинавские образцы, то с конца XI в. основным становится византийское влияние. К переработке византийских образцов в древнерусском парадном уборе она отнесла колты с эмалью и чернью, подвески-рясны, трехбусинные височные кольца, княжеские диадемы, оплечья-бармы, двустворчатые браслеты, витые и плетеные браслеты со щитками, декорированными сканью и зернью [Рябцева, 2005, с. 272, 300].

Целая группа исследований связана с изучением восточной традиции в комплексе украшений восточных славян. Исследованию русско-ордынских связей посвятил ряд публикаций Ю. М. Лесман. На материале бус и ювелирных украшений он проследил присутствие ордынских элементов в материальной культуре Новгородской земли [Лесман, 1990, 1994, 1998]. А. В. Козлова составила свод изделий из цветных металлов, относящихся к восточной традиции украшений и предметов быта, найденных в городах Северо-Западной Руси и сопредельных территориях (Витебск, Полоцк, Смоленск, Псков, Новгород, Тверь, Белоозеро). В свод вошли собственно импортные изделия, их местные копии, более или менее свободные подражания, приведен широкий спектр аналогий. Материалы свода классифицированы типологически и хронологически. Исследовательница провела картографирование этих изделий, проанализировала пути и механизмы проникновения восточной традиции в материальную культуру Руси, их роль в формировании древнерусского городского костюма и бытового комплекса [Козлова, 2006].

Произведениям мелкой пластики, которые были созданы византийскими мастерами различного профессионального уровня, переселившимися на Русь, прежде всего в Киев, из Византии после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., посвящен ряд публикаций В. Г. Пуцко. Присутствие на Руси византийских резчиков придворного круга оказывается исключительно важным для понимания одной из причин, способствовавших расцвету древнерусской пластики, особенно киевской, начала XIII в. [Пуцко, 1996].

В 2010 г. под редакцией Н. А. Макарова и В. Ю. Коваля вышел сборник «Русь и Восток в IX – XVI веках», посвященный изучению различных аспектов связей средневековой Руси со своими восточными соседями (Волжской Булгарией, Золотой Ордой, кочевниками Причерноморья). В нем нашли место как исследования предметов импорта и присутствия выходцев из восточных стран, так и теоретические исследования, посвященные моделям заимствования отдельных элементов материальной культуры и влиянию на культурную и художественную жизнь Руси в целом.

Общетеоретической разработке связей средневековой Руси с Востоком посвятили отдельные исследования А. В. Чернецов и Л. А. Беляев. Под Востоком они имеют в виду мусульманский Восток и отмечают избирательный характер заимствований, что, на их взгляд, определялось вероисповедным барьером, а также уровнем и характером культурных запросов средневековой Руси. Важную роль играло также то, что Русь имела наиболее тесные контакты не с передовыми центрами мусульманской цивилизации, а с ее провинциальными вариантами [Чернецов, Беляев, 1999].

К. А. Лавыш в монографии «Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X – XIV вв.)» (2008) предпринята попытка воссоздать целостную картину культурных и художественных связей средневековых городов Беларуси со странами Востока и Византией в X – XIV вв., а также проследить их динамику. Классифицированы предметы восточного и византийского художественного импорта, прослежены особенности географии и хронологии его распространения; выделены мотивы восточного происхождения в монументальной живописи, художественном ремесле и рукописных памятниках средневековых городов Беларуси; выявлены и проанализированы художественные особенности произведений с мотивами восточного происхождения, их иконографическая и стилевая специфика, прослежен процесс трансформации восточных мотивов на местной почве и пути проникновения восточных мотивов в искусство средневековых городов Беларуси.

Характеризуя состояние историографии данного вопроса, можно сказать, что накоплен определенный эмпирический материал, предпринята попытка осмысления влияния византийских и восточных традиций на материальную культуру Руси как целостного феномена, включающего в себя импорт византийских и восточных изделий, а также процесс заимствования и трансформации на местной почве мотивов восточного происхождения в монументальной живописи, художественном ремесле и рукописных памятниках, однако проблема воздействия Византии и Востока на материальную культуру Руси, как целостного и разностороннего процесса, требует дальнейшей разработки. Контакты со странами Востока и Византией занимают особое место в культурной и художественной жизни Руси. Выявление связей с этими регионами чрезвычайно важно для полноценного понимания условий формирования и особенностей развития древнерусской материальной культуры и искусства, которые во многом определили их специфику.

Библиографический список

- Гуревич Ф. Д. Византийский импорт в городах Западной Руси в XII – XIII вв. // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 65–81.
- Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X – XIII вв. М.: Искусство, 1975. 350 с.
- Козлова А. В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий: Автореферат дисс. канд. истор. наук: 07.00.06 / МГУ. М., 2006. 22 с.
- Кондаков Н. П. Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896. 213 с.
- Лесман Ю. М. Многобусинные височные кольца // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 99–101.
- Лесман Ю. М. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 178–193.
- Орлов Р. С. Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры: Сб. науч. трудов / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1982. С. 163–174.
- Пуцко В. Г. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII – XIII вв. // Byzantinoslavica. LVII. 1996. С. 376–390.
- Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История, 2005. 384 с.
- Сергеева З. М. О распространении шелковых тканей в памятниках X – XIII вв. Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1996. № 8. С. 194–197.
- Сергеева З. М. Археологические материалы о торговле Западнорусских земель в X – XIII вв. (по находкам южного иноземного импорта) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии: В 5 т. / М.: Эдиториал УРСС, 1997–1998. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство древних славян. 1998. С. 154–160.

Чернецов А. В., Беляев Л. А. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции, Москва, 19 – 21 ноября 1997 г. М., 1999. С. 205–228.

Щапова Ю. Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX – XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир: К XVIII Международному конгрессу византинистов, 8 – 15 августа 1991 г.; Редкол.: Г. Г. Литаврин и др. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 155–177.

Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

THE STUDY OF ORIENTAL AND BYZANTINE TRADITIONS IN THE MATERIAL CULTURE AND ART OF MEDIEVAL RUS'

K. A. Lavysh

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, 1/2, Surganov str., 220072, Minsk, Belarus
klavysh@mail.ru

The article deals with the problem of studying Byzantine and Oriental traditions in the material culture and art of Medieval Rus'. Describing the state of the historiography of this issue, we can say that certain empirical material has been accumulated and an attempt to comprehend the influence of Byzantine and Oriental traditions on the material culture and art of Rus' has been made. However, the problem of the impact of Byzantium and the Orient on the material culture and art of Rus', as an integral and versatile process, requires further development. The study of contacts with the Orient and Byzantium is extremely important for a full understanding of the conditions for the formation and development of Medieval Rus' material culture and art, which largely determined their specificity.

Key words: Medieval Rus', Byzantium, the Orient, material culture, art, contacts, influence.

ВЗГЛЯДЫ О. Н. БАДЕРА НА ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ПОЗИЦИЮ ПАМЯТНИКОВ ГАРИНСКОГО ТИПА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА¹

Е. Л. Лычагина ©

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
LychaginaE@mail.ru

В статье анализируются взгляды О. Н. Бадера на хронологию постнеолитических памятников Прикамья. Автор не выделял период энеолита, а все постнеолитические памятники региона включал в турбинскую культуру бронзового века. В настоящее время к бронзовому веку относятся только могильники турбинского типа, а поселения относятся к переходному от неолита к энеолиту периоду (новоильинская культура) и к энеолиту (гаринская культура, памятники борского типа). Памятники гаринского типа рассматриваются как более молодые относительно новоильинских и хронологически одновременные с борскими. Поздние поселения гаринской культуры существуют одновременно с могильниками турбинского типа.

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, Прикамье, периодизация, хронология, турбинская культура, гаринская культура.

Гаринская культура является крупнейшей энеолитической культурой на территории Прикамья. Поэтому вопросам ее хронологии и места в археологической периодизации уделяется особое внимание.

Первые памятники, позднее отнесенные к гаринской культуре (ст. у х. Астраханцева, ст. у Гремячего Ручья, ст. у д. Усть-Чусовая и др.), были изучены Камской экспедицией ГАИМК в 1930-ые гг. [Лычагина, 2011, с. 144]. Автор раскопок Н. А. Прокошев определял эти памятники как позднеолитические, материал которых в периодизационной системе должен идти сразу же за материалами Лёвшинской стоянки. В это же время была дана первая характеристика керамики «гаринского типа» (само понятие гаринская культура еще не было сформулировано). В частности, отмечалось присутствие примеси, делающей черепок «рыхлым и пористым, а поверхность – шершавой»; покрытие внутренней поверхности «штриховкой»; преобладание гребенчатой орнаментации; наличие орнаментации на самих венчиках, а в некоторых случаях и на внутренней стенке [Прокошев, 1936, с. 263].

Однако серьезное изучение постнеолитических культур на территории региона начинается только после Второй мировой войны, когда в Молотовском (Пермском) университете усилиями О. Н. Бадера была создана Камская археологическая экспедиция и начались широкомасштабные раскопки в зоне строительства Камской и Воткинской ГЭС. Исследования, проведенные в конце 1940-х гг. и в 1950-е гг., позволили О. Н. Бадеру выделить гаринский тип памятников, дать ему общую характеристику, а также определить его место в периодизации медно-бронзового века Прикамья [Бадер, 1953, 1961а, 1961б, 1963, 1964].

Подводя итоги первых 6 лет работы КАЭ, О. Н. Бадер отмечал, что наиболее активно изучались памятники медно-бронзовой эпохи. В это время было открыто 26 новых объектов, относящихся к данному периоду, из которых 11 были подвергнуты полномасштабным раскопкам. По результатам исследований в Чусовском Прикамье О. Н. Бадером была предложена периодизация медно-бронзового века, предполагающая выделение двух этапов – гаринского и борского, из которых первый был более древним. В пользу этого автором высказывались следующие аргументы: материальная культура на гаринском этапе имеет много общего с позднеолитическими материалами региона, относящимися к лёвшинскому этапу камской неолитической культуры; посуда сохраняет архаичный неолитоидный облик; каменный инвентарь также сохраняет черты преемственности по отношению к камскому неолиту [Бадер, 1953, с. 44–45]. Памятники борского типа автор считал более молодыми по отношению к гаринским, а их происхождение связывал с дальнейшим развитием гаринских древностей. Исходя из имевшихся тогда представлений о хронологии неолитических памятников лёвшинского типа, с одной стороны, и ананьинской культуры – с другой, поселения гаринского и борского типов были датированы автором между началом II и I тыс. до н. э. [Бадер, 1953, с. 46].

Одновременно с этим О. Н. Бадер синхронизировал с поселениями гаринского и борского типов Турбинский и близкие к нему могильники, считая, что в них захоронены жители гаринских и борских поселений [Бадер, 1953, с. 49]. На основе этого им было предложено выделить турбинскую племенную культуру в пределах устья р. Чусовая и прилегающих к нему районов р. Кама (окрестности нынешнего г. Перми). В тоже время автор отмечал сходство памятников устья р. Чусовой с поселениями Верхней (Базов Бор) и Средней (Камский Бор, Раздорные острова I, II) Камы [Бадер, 1953, с. 53].

В своих последующих работах автор развивает идею существования в Прикамье в медно-бронзовую эпоху турбинской культуры, сформировавшейся на основе местного позднего неолита. В рамках выделенной культуры О. Н. Бадер предлагал выделять два локальных варианта: пермский и осинский [Бадер, 1961а, с. 192]. Памятники гаринского типа рассматривались как ранний этап в пермской территориальной группе и датировались XX-XVII вв. до н. э. В отдельную группу были выделены памятники с «флажковой» керамикой, которые позднее были отнесены к новоильинской культуре. Автор считал, что они появляются вслед за гаринскими и предшествуют борским [Бадер, 1961б, с. 264, рис. 116].

Отнесение памятников гаринского типа к более раннему времени по сравнению с борскими и новоильинскими автор аргументировал следующим образом: 1) более тесная связь гаринских поселений с неолитическими, типа Бор I и Лёвшинской стоянки (расположение в одних и тех же местах); 2) более высокая техника обработки камня по сравнению с борскими памятниками; 3) близость гаринской керамики к неолитической (присутствие в орнаментации «шагающей гребенки»); 4) появление на борской керамике «флажкового» орнамента, который широко распространяется в Нижнем Прикамье в предананьинское время [Бадер, 1963, с. 28–29].

Связь памятников гаринского типа и турбинских могильников доказывалась их близким друг к другу расположением, хорошей изученностью района устья р. Чусовой, что исключало открытие памятников другой культурной принадлежности, близостью каменной индустрии, единичными аналогиями в медных изделиях [Бадер, 1964, с. 131–132]. Таким образом, по мнению О. Н. Бадера, вопрос о связи турбинских могильников с поселениями гаринского типа решался положительно. При этом существование позднегаринских памятников продлилось до XVI-XV вв. до н. э. – время, которым датировались турбинские могильники.

Этой точки зрения автор придерживался и в последующее время. Так, в работе, вышедшей уже после смерти О. Н. Бадера, говорится, что ранние гаринские поселения наслаиваются на неолитические лёвшинского типа, но принадлежат уже к турбинской культуре эпохи бронзы [Бадер, 1981, с. 48].

Отнесение поселений гаринского и борского типов к турбинской культуре подверг серьезной критике Е. Н. Черных. В частности, он определил малую степень схожести гаринско-борских и турбинских металлов по химико-металлургическому признаку [Черных, 1970, с. 85]. Исследователь выдвинул также ряд других признаков, указывающих на различие могильников и поселений в хронологическом и культурном плане. Поэтому Е. Н. Черных предложил выделить поселения в отдельную культуру, которой было дано название гаринско-борской.

Идея отделения могильников турбинско-сейминского типа от гаринско-борских и новоильинских поселений в дальнейшем, развивалась в работах Л. А. Наговицина, А. Ф. Мельничука, В. П. Денисова и др. В частности, Л. А. Наговицин полагал, что наиболее ранней постнеолитической культурой следует считать новоильинскую, древности которой предшествуют гаринско-борским в Среднем и Нижнем Прикамье и юртиковским на р. Вятке [Наговицин, 1987, с. 28].

Этим же автором было предложено разделить гаринско-борские памятники на гаринскую культуру, которая охватывает все Прикамье, и борский тип памятников, занимающий компактную территорию в окрестностях г. Перми. На основе имевшихся на этот момент радиоуглеродных дат и аналогий в орнаментации керамики, каменном инвентаре гаринскую культуру было предложено датировать второй половиной III – первой половиной II тыс. до н. э., а борский тип памятников синхронизировать с раннегаринскими поселениями и датировать серединой – второй половиной III тыс. до н. э. [Наговицин, 1990, с. 93–94]. Идея выделения отдельной борской группы памятников была поддержана А. Ф. Мельничуком. Исследователь считал, что борские памятники сформировались на основе новоильинских и их появление предшествовало гаринским, с которыми они сосуществовали на позднем этапе [Мельничук, 1990, с. 101–104].

Схожая точка зрения была высказана автором в его последней работе. Опираясь на имевшиеся к этому времени радиоуглеродные даты по органике в керамике, А. Ф. Мельничук датировал борскую группу памятников концом IV – серединой III тыс. до н. э., считая, что контакты между носителями борских и гаринских древностей могли происходить в первой половине III тыс. до н. э. [Мельничук,

2021, с. 193–194]. Предложенная автором датировка была подтверждена последними исследованиями [Лычагина и др., 2023, с. 13–14]. Время существования гаринской культуры было отнесено исследователем к рубежу IV – III – первой четверти II тыс. до н. э. [Мельничук, Шипилов, 2021, с. 207].

Радиоуглеродное датирование памятников новоильинской культуры, проведенное в последнее десятилетие, подтвердило их более ранний по отношению к гаринской культуре возраст. Всего получена 21 дата для 13 памятников. На сегодняшний день эта культура датируется в пределах последней трети V – конца IV тыс. до н. э. и рассматривается не как энеолитическая, а как постнеолитическая – переходная от неолита к энеолиту [Выборнов и др., 2021, с. 371; Лычагина и др., 2023, с. 8–11].

Для гаринской культуры на территории Верхнего и Среднего Прикамья имеется 16 дат с 9 памятников, из которых большинство относится к позднему этапу существования культуры. Проведенные исследования позволяют датировать древности гаринского типа в пределах второй половины IV – первой трети II тыс. до н. э. [Выборнов и др., 2019, с. 38; Лычагина и др., 2023, с. 12–13]. Таким образом, памятники гаринского типа стали рассматриваться как достаточно поздние в кругу постнеолитических – энеолитических поселений региона, никак не связанные с позднеэнеолитическими левшинского типа.

Возвращаясь к концепции О. Н. Бадера, необходимо отметить, что не прошли проверку временем и были пересмотрены следующие положения:

- о формировании памятников гаринской культуры на основе позднеэнеолитических поселений типа стоянки Лёвшино;
- о более раннем времени существования памятников гаринского типа относительно новоильинских;
- о непосредственной связи гаринских поселений с могильниками турбинского типа.

Сохранили свою актуальность идеи О. Н. Бадера об участии носителей гаринской культурной традиции в формировании памятников борского типа и хронологическом сосуществовании в первой половине II тыс. до н. э. позднегаринских памятников и могильников турбинского типа.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>

Библиографический список

Бадер О. Н. Очерки шестилетних работ Камской археологической экспедиции // Ученые записки. Т. IX. Вып. 3. Труды Камской археологической экспедиции. Харьков: изд-во Харьковского госуниверситета. Отв. ред. В. Ф. Тиунов. 1953. С. 3–88.

Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М.: Наука, 1961а. 200 с.

Бадер О. Н. Поселение у Бойцова и вопросы периодизация среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / отв. ред. О. Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 110–272.

Бадер О. Н. Древнейшая история Прикамья. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963. 42 с.

Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.

Бадер О. Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. № 15. 1981. С. 44–48.

Выборнов А. А., Лычагина Е. Л., Васильева И. Н., Мельничук А. Ф., Кулькова М. А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. 2019. Серия «История». № 1. С. 34–47.

Выборнов А. А., Лычагина Е. Л., Гусенцова Т. М., Шипилов А. В., Цыгвинцева Т. А. Новоильинская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 444 с.: ил. С. 363–373.

Лычагина Е. Л. Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // Российская археология. 2011. № 4. С. 140–145.

Лычагина Е. Л., Выборнов А. А., Кулькова М. А. Новые данные о хронологии энеолитических памятников Камы и Камско-Вятского междуречья // Вестник Пермского университета. 2023. Серия «История». № 1. С. 5–18.

Мельничук А. Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья / отв. ред. Л. А. Наговицын. Ижевск: Изд-во АН СССР УО Удмурт. ИЯЛИ, 1990. С. 97–104.

Мельничук А. Ф. Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 728 с.: ил. С. 187–194.

Мельничук А. Ф., Шпилов А. В. Гаринская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 728 с.: ил. С. 195–207.

Наговицын Л. А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР / отв. ред. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 28–34.

Наговицын Л. А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 82–96.

Прокошев Н. А. Камская экспедиция в 1935 году // Советская археология. 1936. № 1. С. 255–268.

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. 1970. №172. 180 с.

O. N. BADER'S VIEWS ON THE CHRONOLOGICAL POSITION OF THE GARINO TYPE SITES AND THE CURRENT STATE OF THE ISSUE

E. L. Lychagina

Perm State University, Bukireva str., 15, 614068, Perm, Russia

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia

LychaginaE@mail.ru

The article analyzes O.N. Bader's views on the chronology of the post-Neolithic sites of the Kama region. The author did not single out the Eneolithic period, he included all the post-Neolithic sites of the region in the Turbino Bronze Age culture. At present, however, only the burial grounds of the Turbino type are considered to belong to the Bronze Age, while the settlements belong to the transitional period from the Neolithic to the Eneolithic (Novoil'insky culture) and to the Eneolithic (Garino culture, Bor type sites). Sites of the Garino culture are considered to be younger than the Novoil'yinsky ones and chronologically simultaneous with the Bor ones. The later settlements of the Garino culture exist simultaneously with the burial grounds of the Turbino type.

Key words: Eneolithic, Bronze Age, Kama region, periodization, chronology, Turbino culture, Garino culture.

К ВОПРОСУ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПРИКАМЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВОЕННЫХ ВОЖДЕЙ И ДРУЖИН

О. О. Малых ©

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
ovel34@mail.ru

Статья посвящена проблеме существования социальных институтов военных вождей и дружинников на территории Прикамья в первой половине I тыс. н. э. Предлагаются критерии выделения подобных комплексов, апробация которых производится на примере анализа захоронений с длинноклиновым оружием, относящихся к чегандинской, мазунинской, азелинской культурам, и погребений, принадлежащих мигрантам. Выделение искомым погребальных комплексов имеет особое значение, так как может свидетельствовать о течении процессов перехода местных обществ к предгосударственной стадии развития.

Ключевые слова: военные вожди, дружины, статусное вооружение, погребальный обряд.

Первая половина I тыс. н. э. – период в истории Прикамья, в течение которого было оставлено значительное количество погребальных комплексов, содержащих в своем составе предметы статусного вооружения. Наличие в захоронениях мечей, шлемов, кольчуг в ряде случаев позволяет поднять вопрос о существовании в регионе военных вождей и дружин, представляющих собой не стихийные образования, а регулярные социально-политические институты, появление которых свидетельствует о переходе к предгосударственной стадии общественного развития. Однако возможно ли на основании одного критерия говорить о появлении данных институтов в Прикамье в период первой половины I тыс. н. э.?

Обратимся к понятию «вождь» применительно к стадии военной демократии. Вождь – лицо, в той или иной мере сосредоточившее в своих руках административные, военные и иные полномочия, в первую очередь опирающееся на поддержку не родовых или племенных военных структур, а лично преданных ему воинов, образующих его дружину.

Погребальные комплексы вождей возможно выделить на основании следующих критериев:

- особая планиграфия захоронений вождей и их приближенных;
- наличие надмогильных сооружений, не характерных для основной массы представителей изучаемой общности;
- повышенная трудозатратность подготовки захоронений (превосходит средний объем мужских захоронений своего памятника не менее чем в 2 раза);
- наличие в составе погребального инвентаря импортов, не связанных с предметами вооружения и конской упряжи;
- значительное количество погребального инвентаря (превосходит среднее количество находок в мужских захоронениях не менее чем в 2 раза);
- наличие предметов статусного вооружения.

Каждому критерию будет присвоено значение 0,2. Судить о принадлежности рассматриваемого комплекса к захоронениям вождей возможно при достижении показателя 1 (83%, максимально – 1,2). Последний показатель делится на две части. Показатель 0,1 начисляется погребению, если в нем присутствует только наступательное вооружение, также 0,1 – за наличие в нем защитного вооружения.

Обратимся к проблеме выявления дружин. Нередко к захоронениям дружинников относят любое погребение, содержащее предметы вооружения. Дружины не стоит путать со структурами «народо-войска», народными ополчениями и иными военизированными образованиями, связанными с родовыми или племенными структурами.

Если несколько изменить определение, предложенное Е. В. Вдовиченковым, получим следующее. Дружина – надплеменное устойчивое объединение, специализирующееся на военной деятельности, члены которого связаны с предводителем отношениями личной преданности, от имени последнего наделяемые административными функциями [Вдовиченков, 2016, с. 138].

Выделение дружинных комплексов возможно на основании следующих критериев:

- особая планиграфия дружинных захоронений;
- поголовная вооруженность лиц, погребенных на территории дружинных могильников;
- выделение на дружинных некрополях захоронений вождей;
- наличие в захоронениях вооружения, специализированного для ведения военных действий;
- выявление в антропологическом материале следов травм, которые могли быть получены в вооружённых столкновениях.

Каждому показателю будет присвоен коэффициент 0,2 (в совокупности – 1). Комплекс признается дружинным, если сумма показателей составляет не менее 0,8 (80%).

Рассмотрение проблем выделения комплексов вождей и дружинников будет произведено на примере захоронений, содержащих мечи и палаши. В нашем распоряжении имеются сведения о 21 захоронении I – II вв. н. э., относимых к чегандинской культуре.

Одним из важнейших критериев выделения комплексов вождей является планиграфия захоронений. Захоронения вождей и их приближенных могли совершаться на отдельных памятниках или каким-то образом отделяться от погребений остальных представителей общества.

Исследование памятников, функционировавших в I – II вв. н. э., не выявило могильников, на которых захоронения с мечами и палашами производились без захоронений рядовых представителей общества. Комплексы с длинноклиновым оружием никаким образом не обособлялись от остальных погребений. Возможно выявить примеры соседства погребений с мечами или палашами, но это может быть вызвано причинами, не связанными с рассматриваемыми процессами.

Не зафиксировано следов возведения над захоронениями с длинноклиновым оружием надмогильных сооружений, подчеркивающих особый социальный статус умершего.

Обратимся к трудозатратности подготовки индивидуальных захоронений с мечами и палашами. Погребения совершены в ямах объемом 0,44–2,1 м³ (в среднем 1,1 м³). Объем захоронений в целом соответствует объему большинства мужских могил того времени (1 м³).

В погребениях с длинноклиновым оружием среднее количество находок составляет 12 единиц (от 3 до 40). Большую часть захоронений с мечами или палашами можно отнести к категории богатых для своего времени.

В интересующих захоронениях не фиксируется наличие предметов импорта, не связанных с предметами вооружения или конской упряжи.

Если обратиться к предметам вооружения, попавшим в могилы, получаем следующую картину. Определенный комплекс вооружения можно проследить в трех случаях. В погр. 1125 Тарасовского могильника мужчину сопровождали меч, копье и нож [Голдина, 2004, с. 187]. Более сложный набор демонстрируют комплексы Кушулевского III могильника. В погр. 66 были помещены меч, копье, нож, наконечники стрел (8 ед.). В погр. 306 находились меч, копье, нож, кинжал, наконечники стрел (7 ед.) [Агеев, Мажитов, 1985, с. 10,16]. В остальных случаях комплекс вооружения состоял только из меча и ножа / кинжала (38%), реже к ним добавляются наконечники стрел (24%).

Следует согласиться с В. В. Овсянниковым, считающим, что материалы раскопок памятников пьяноборского периода не дают оснований для выделения группы дружинников или вождей, противопоставляющих себя родовой организации. Мужчины, погребенные вместе с оружием, органично вписывались в структуру рода [Овсянников, 1994, с. 64–65].

Показатель принадлежности погребений I – II вв. к захоронениям вождей не превышает значения 0,5 (среднее 0,3). Принадлежность к дружинным комплексам определяется на уровне показателя 0,2. В последнем случае низкие показатели вполне логичны, так как сначала должен сформироваться социальный институт вождей, а потом дружин.

В III – первой половине IV в. н. э. традиция помещения мечей в состав погребального инвентаря прослеживается по материалам, относимым к мазунинской культуре.

Захоронения с мечами продолжают совершаться не обособленно от остальных погребений. Над интересующими комплексами не зафиксировано следов надмогильных сооружений, отличных от тех, что сооружались над остальными захоронениями.

Средний объем извлеченного грунта при рытье могильных ям составил около 2 м³ (от 0,38 до 4,9 м³). Наибольший объем (4,9 м³) зафиксирован в погр. 790 Тарасовского могильника [Голдина, 2004, с. 138]. Увеличение объемов могильных ям в первую очередь связано с увеличением глубины. Средняя глубина ям увеличилась до 0,93 м (от 0,72 до 1,26 м).

Среднее количество находок в захоронениях увеличивается до 16 (от 3 до 80). Самым «богатым» комплексом является погр. 782 Тарасовского могильника, содержащее 80 предметов, среди которых 33 находки являются элементами пояса [Голдина, 2004, с. 138].

В период III – первой половины IV вв. в основной массе захоронений комплекс вооружения ограничен мечом и ножом / кинжалом (60%). Единичны факты находок копий (погр. 790 Тарасовского мог.), наконечников стрел (погр. 241 Тарасовского и погр. 16 Ижевского мог.) и топоров (погр. 289 и 325 Ижевского мог.) [Голдина, 2004, с. 51, 138; Останина, 1992, с. 34, 36; Генинг, 1967, с. 134]. Во второй половине III в. в захоронениях Тарасовского могильника появляется инновация в виде шлемов (погр. 6 и 782 Тарасовского мог.) [Голдина, 2004, с. 11, 138].

Наличие импортов фиксируется по материалам погр. 782 Тарасовского могильника, в котором обнаружена железная крица [Голдина, 2004, с. 138]. Химический состав крицы позволяет предполагать, что данная находка является предметом импорта [Перевоищikov, Сабиров, 2014, с. 73]. Металлургический полуфабрикат мог использоваться как аналог денег [Мухамадиев, 1990, с. 66].

Принадлежность рассматриваемых захоронений к комплексам вождей в среднем составляет 0,4 (30%). Максимальная принадлежность определяется на уровне 0,8 (67%) (погр. 782 Тарасовского мог.). Показатель принадлежности захоронений к дружинным комплексам составляет 0,2.

Во второй половине III в. произошли события, способствовавшие приобретению статусного вооружения и иных импортов, но не приведшие к появлению лиц, чей погребальный обряд соответствовал бы статусу военного вождя.

В III – первой половине IV вв. предметы статусного вооружения появляются в захоронениях, относимых к азелинской культуре. В предложенной работе будут рассмотрены погребения, оставленные в вятской части Прикамья.

Анализ планиграфии могильников не позволяет говорить о каком-либо обособлении индивидуальных захоронений с предметами статусного вооружения от остальных комплексов. Средний объём могильных ям составляет около 2,4 м³ (от 0,63 до 4,6 м³). Глубина погребений составляет около 114 см (от 60 до 160 см). Трудозатратность погребений с мечами превосходит показатели остальных мужских комплексов в среднем в 1,5 – 2 раза.

В могилах фиксируется наличие порядка 30 находок (от 2 до 69). Особенность вятских комплексов заключается в большом объёме вооружения, ставшего частью погребального инвентаря. В могилы помещали не только шлемы (погр. 20, 30 Суворовского мог., погр. 36 мог. Тюм-Тюм), но и кольчуги (погр. 5 Азелинского, погр. 1, 20 Суворовского мог.) [Генинг, 1963, с. 70; Ошибкина, 2010, с. 45; Генинг, 1963, с. 70]. Из наступательного вооружения, кроме мечей, в захоронения помещали копья (погр. 5 Азелинского, погр. 1 Суворовского, погр. 36, 76 Тютюмского мог.), топоры (погр. 27 Ошкинского, погр. 1, 17 Суворовского мог., погр. 36 мог. Тюм-Тюм) и наконечники стрел (погр. 1, 17, 20, 30 Суворовского мог.) [Генинг, 1963, с. 100, 109, 117, 119, 125; Ошибкина, 2010, с. 15, 24; Лецинская, 2000, с. 74].

Индивидуальные захоронения с мечами, оставленные в вятской части Прикамья, в среднем соответствуют комплексам вождей на уровне 33% (0,4). Самый высокий показатель (0,6 / 50%) фиксируется у погр. 5 Азелинского и погр. 1, 20, 30 Суворовского могильников. Степень принадлежности к дружинным комплексам определяется на уровне 0,2.

Следует обратить внимание на парное захоронение № 94 могильника Тюм-Тюм. Планиграфия интересна тем, что погребение было расположено в центральной части памятника. Объём извлеченного при рытье могилы грунта составил 6,5 м³. При исследовании захоронения было сделано порядка 80 находок, среди которых: мечи (3 ед.), шлем (1 ед.), наконечники копий (9 ед.), топоры (8 ед.), наконечники стрел (6 ед.), ножи (3 ед.) и кинжалы (3 ед.) [Ошибкина, 2010, с. 26–29].

В могиле находились бронзовые котлы (3 ед.), являющиеся объектами импорта [Ошибкина, 2010, с. 29]. Помимо этого, обнаружены секировидные предметы (11 ед.), имеющие проушинные отверстия диаметром не более 2 см [Ошибкина, 2010, с. 27]. В период VIII – IX вв. население Западной Европы использовало подобные предметы как аналог денег [Терехова и др., 1997, с. 149].

Погребение 94 могильника Тюм-Тюм демонстрирует принадлежность к комплексам вождей на уровне 1 (83%), к дружинным захоронениям – 0,4 (33%). Появление лиц, положение которых могло соответствовать статусу военных вождей, не привело к закреплению данного статуса в среде рассматриваемых обществ. Возможно, это связано с тем, что во второй половине IV – начале V вв. прекращает свое существование азелинская культура.

Во второй половине IV – начале V вв. на социально-политическое развитие населения Прикамья оказало влияние появление в регионе групп мигрантов.

При раскопках Тарасовского могильника выявлено десять захоронений с мечами, одно из которых (погр. 765) являлось парным. Планиграфия интересующих комплексов не претерпевает существенного изменения. Средняя трудозатратность подготовки могильных ям возросла до 7,3 м³ (от 1,88 до 17,6 м³). Глубина могил варьируется от 75 до 270 см (среднее 180 см). Среднее количество находок составило 26 ед. (от 6 до 65).

В погребениях Тарасовского могильника увеличивается количество предметов вооружения. Наконечники копий обнаружены в семи могилах (погр. 235, 474, 1685, 1703, 1772, 1779, 1784), и ни в одном захоронении нет наконечников стрел [Голдина, 2004, с. 50, 89, 255, 259, 269, 272]. Топоры присутствуют в погр. 1784 (1 ед.) и погр. 1772 (2 ед.). В погр. 1685 было помещено пять топоров, четыре из которых были накрыты панцирем [Голдина, 2004, с. 255, 269, 272]. В самых трудозатратных захоронениях комплекс вооружения дополнен шлемами, кольчугой (погр. 1784) и панцирем (погр. 1685) [Голдина, 2004, с. 255, 272]. Из предметов импорта стоит обратить внимание на наличие в погр. 1779 (1 ед.) и погр. 1784 (5 ед.) секировидных предметов, возможно, являющихся аналогами денежных единиц [Голдина, 2004, с. 271–272].

Максимальные показатели принадлежности к комплексам вождей демонстрируют погр. 1784 (0,8 / 67%) и погр. 1779 (0,7 / 58%), чего недостаточно для того, чтобы считать их таковыми.

Захоронения второй половины IV – начала V вв. Тарасовского могильника демонстрируют повышение социального статуса воинов. Однако статусы данных лиц не достигают такого уровня, который позволил бы считать их представителями социальных институтов вождей предгосударственной стадии общественного развития. Возможно, развитию интересующих социально-политических изменений помешало прекращение существования мазунинской культуры в V в.

Введенные в научный оборот материалы позволяют выявить памятник, захоронения которого наиболее полно соответствуют критериям выделения погребальных комплексов вождей и дружинников.

Речь идет о Тураевском могильнике, состоящем из двух частей: курганной и грунтовой. Если отсчитывать от кургана IV, то части некрополя разделяет полоса шириной от 50 до 90 м [Голдина, Бернц, 2010, рис. 6].

Подобная планиграфия может быть связана не только с социально-политическими представлениями, но и с тем, что грунтовая часть некрополя принадлежала представителям местного населения, а курганная оставлена мигрантами.

Большая часть подкурганных захоронений подверглась разграблению, но в каждой могиле удалось выявить наличие предметов вооружения. В погребениях обнаружены: щиты (3 ед.), шлемы (2 ед.), кольчуги (3 ед.), панцирь (1 ед.), мечи (8 ед.), наконечники копий (10 ед.), топоры (5 ед.), наконечники стрел (7 ед.) [Генинг, 1976, с. 55–108].

Одним из критериев выделения дружинных комплексов является фиксация следов травм, полученных в ходе участия в вооруженных конфликтах. В погр. 1 кургана I Тураевского могильника находились останки мужчины, у которого отсутствовала голова. Череп был обнаружен в прикопе могилы с частично отрубленной затылочной костью и отсутствующей нижней челюстью [Генинг, 1976, с. 60]. В погр. 1Б кургана VII скелет также не имел черепа [Генинг, 1976, с. 77].

Центральным комплексом курганной части могильника можно считать захоронение, совершенное под насыпью V. Насыпь кургана V является одной из самых больших и достигает в диаметре 12–13 м. Объем извлеченного для подготовки могилы грунта составил 10,8 м³ [Генинг, 1976, с. 67–68]. В захоронении обнаружено 62 находки. Из объектов импорта следует отметить наличие секирообразных предметов (3 ед.) и стеклянной лампадки [Генинг, 1976, с. 69–70].

Данное погребение соответствует критериям выделения комплексов вождей на уровне 100%. На том же уровне показателям выделения дружинных комплексов соответствуют погр. 1 кургана I и погр. 1Б кургана VII.

Причины соответствия могли быть связаны с тем, что данная группа мигрантов представляла из себя дружину до своего появления в Прикамье. Присутствие в регионе военной дружины не оказало существенного влияния на социально-политическое развитие местного населения. Рассматриваемая группа мигрантов, вероятно, погибла в военных столкновениях.

В Прикамье проникали и иные группы мигрантов, но дошедшие до нас захоронения демонстрируют степени принадлежности к комплексам вождей не выше 0,5 и дружинников не выше 0,2.

Миграционные процессы и военные конфликты, развивавшиеся в первой половине I тыс. н. э. на территории Прикамья и за его пределами, могли создавать условия для приобретения предметов статусного вооружения и высоких социальных статусов. Анализ погребальной обрядности захоронений с длинноклинковым оружием позволяет выявить только два комплекса, которые возможно отнести к

комплексам военных вождей. Речь идет о погр. 94 могильника Тюм-Тюм и захоронении под курганом V Тураевского могильника. Появление в Прикамье отдельных лиц, которые могли обладать искомым статусом, не привело к значимым социально-политическим изменениям. Развитию интересующих социальных институтов могли препятствовать не только прекращение существования ряда культур, но и недостаточный уровень экономического развития местного населения.

Таблица

Погребения	Меч\ Палаш *	Шлем	Кольчуга / Панцирь *	Топор	Копье	Нож /кинжал *	Наконечник стрелы	Конская упряжь	Количество находок	Параметры могильной ямы				Коэффициенты принадлежности	
										Длина (см)	Ширина (см)	Глубина (см)	Объём (м³)	Погребения вождей	Погребения дружинников
Погребения I-II вв.															
Тарасовский могильник															
608	1					1		1	15	239	71	54	0,9	0,3	0,2
733А	1*							1	3	255	120	46	1,4	0,1	0,2
1125	1				1	1		1	19	252	65	130	2,12	0,5	0,2
1291	1*					1			4	191	66	35	0,44	0,1	0,2
1307	1					1		1	11	214	66	61	0,86	0,3	0,2
1317	1*					1			10	240	73	48	0,84	0,3	0,2
Кушuleвский III могильник															
66	1				1	1	8		16	180	65	70	0,81	0,3	0,2
306					1	1/1*	7		11	220	70	55	0,84	0,3	0,2
могильник Чеганда II															
7	1*					1	3		11	270	73	40	0,78	0,3	0,2
26	1					1/1*	6		12			45		0,3	0,2
33	1					1	1		13			40		0,3	0,2
36	1*					1	6		11	255	80	70	1,42	0,3	0,2
156	1					1	1	1	9	230	94	100	2,1	0,5	0,2
могильник Нарганда II															
71	1*								12	214	72	50	0,77	0,3	0,2
78	1*								4	190	68	80	1,03	0,1	0,2
79	1*					1*			40	195	65	100	1,23	0,3	0,2
152	1					1*			13	245	100	50	1,25	0,3	0,2
181	1								10	195	80	40	0,62	0,3	0,2
195	1					1		1	5	220	80	50	0,88	0,1	0,2
196	1								8	240	100	40	0,96	0,3	0,2
Камышлы–Тамакский могильник															
68	1					1/1*		1	19	246	70	98	1,68	0,5	0,2
Погребения III – начала IV вв.															
Тарасовский могильник															
4	1					1		1	28	271	106	83	2,38	0,5	0,2
6	1	1				1		1	19	249	81	62	1,25	0,4	0,2
782	1	1				1		1	80	255	75	108	2	0,8	0,2
790	1				1	1			13	282	107	163	4,9	0,5	0,2
Усть – Сарапульский могильник															
89	1								3	224	75	23	0,38	0,1	0,2
Ошкинский могильник															
27	1			1		1			29	210	50	60	0,63	0,3	0,2
Городищенский могильник															
2	1					1			8	229	110	90	2,26	0,5	0,2
Азелинский могильник															
5	1		1	1	1	1		1	29	230	85	105	2,05	0,6	0,2
Суворовский могильник															
1	1		1	1	1	1	21	1	68	290	125	127	4,6	0,6	0,2
17	1			1		1	9		36	250	80	90	1,8	0,3	0,2
20	1	1	1			1*	13		25	250	80	135	2,7	0,6	0,2

30	1	1				1*	22	1	69	260	69	160	2,87	0,6	0,2
могильник Тюм Тюм															
36	1	1		1	1			1	12			160		0,3	0,1
76	1				1				2			95		0,1	0,2
94 А	1	1		1	2	2/2*		1	36	240	160–170	120–160	6,5	1	0,4
94 Б	1				2	1/1*			14						
Скоп. вещей В	1			6	5		6	1	25						
Погребения первой половины IV – треть четверть IV вв.															
Тарасовский могильник															
241	1						4		41	214	105	115	2,58	0,5	0,2
1737	1					1		1	10	240	95	70	1,59	0,3	0,2
Ижевский могильник															
10	1					1			4						
16	1					1*	6	1	34	210	55	85	0,98	0,3	0,2
Покровский могильник															
19	1					1			5	240	80–100	109	2,6	0,3	0,2
26	1					1		1	3	242	85	126	2,59	0,3	0,2
59	1					1			3	266	81	92	1,9	0,3	0,2
63	1					1		1	7	267	108	90	2,59	0,5	0,2
83	1					1			6	220	70	90	1,38	0,3	0,2
99	1					1		1	5	230	67	91	1,44	0,1	0,2
115	1							1	23	246	68	69	1,16	0,3	0,2
261	1					1		1	8	238	88–99	123	2,92	0,5	0,2
289	1			1		1		1	14	255	78–90	72	1,65	0,2	0,2
325	1			1		1			30	240	90	97	2	0,5	0,2
347	1					1			9	248	74	98	1,7	0,3	0,2
Погребения второй половины IV – начало V вв.															
Тарасовский могильник															
60	1					1		1	32	233	95	85	1,88	0,3	0,2
129	1					1		1	14	252	96	75	1,81	0,3	0,2
235	1				1	1			8	283	98	150	4,1	0,5	0,2
474	1				1	1			6	302	120	177	6,79	0,5	0,2
765 А	1					1		1	65	302	180	112	6,08	0,5	0,4
765 Б	1					1		1	45					0,5	0,4
1685	1	1	1*	5	1	1		1	52	360	230	213	17,6	0,6	0,2
1703	1				1	1			10	280	123	170	5,85	0,5	0,2
1772	1			2	1	1			12	270	125	260	8,77	0,5	0,2
1779	1				1	1		1	12	260	130	255	8,61	0,7	0,2
1784	1	1	1	1	1	1		1	31	184	210	270	10,4	0,8	0,2
Тураевский могильник															
курган 1 погр. 1	1				1	1*		1	16	240	100	215	5,16	0,5	1,2
курган 5	1	1	1	3	1	1*		1	62	270	113	355	10,8	1	0,8
курган 7 погр. 1А	1	1	1*	1	1	1*	3	1	39	250	107-153	224	6,8	0,5	1
курган 7 погр. 1 Б	1				1	1*		1	12					0,5	1,2
Первомайский могильник															
9	1	1		1	1	1		1	24	246	101	165	4	0,6	0,2
Бурковский могильник															
курган 5 погр. 3	1					1*		1	12	310	130	68	2,74	0,5	0,2
75	1					1*		1	13	280	120	80	2,68	0,5	0,2
Митинский могильник															
23 А	1					1*		1	7	285	165	49	2,3	0,5	0,2
Бродовский могильник															
курган 25 погр. 1	1					1	1	1	8	330	160	128	6,75	0,5	0,2

курган 25 погр. 2В	1					1		2	421	225	83	7,86	0,3	0,2
курган 22 погр. 1	1					1	1	9	450	275	178	2,2	0,5	0,2

Библиографический список

- Вдовиченков Е. В.* Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы потестарной организации. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 182–198.
- Агеев Б. Б., Мажитов Н. А.* Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1985. 40 с.
- Голдина Р. Д.* Тарасовский могильник I – V вв. на Средней Каме. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета. Т. I, 2004. 320 с.
- Овсянников В. В.* Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья). // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1994. С. 52–77.
- Останина Т. И.* Покровский могильник IV – V вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск: «Удмуртия», 1992. 96 с.
- Генинг В. Ф.* Тураевский курганный могильник на Нижней Каме. // ВАУ. № 2, 1962. С. 72–80.
- Генинг В. Ф.* Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. № 5, 1963. 160 с.
- Генинг В. Ф.* Ижевский могильник IV – V вв. // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. № 7, 1967. С. 123–140.
- Мухамадиев А. Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. 192 с.
- Перевоицков С. Е., Сабиров Т. М.* Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I – V вв. // Вестник Пермского университета. № 1 (24), 2014. С. 71–82.
- Ошибкина С. В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных исследований. М: Институт археологии РАН, 2010. 212 с.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М: Металлургия, 1997. 320 с.

THE PROBLEME OF EXISTENCE OF TRIBES' MILITARY CHIEFS AND THEIR SQWADS AS SOCIO-POLITICAL INSTITUTIONS IN THE KAMA REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1-ST MILLENNIUM AD.

O. O. Malykh

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia
ovel34@mail.ru

The article is devoted to the problem of the existence of tribes' military chiefs and their sqwads as social institutions on the territory of the Kama region in the first half of the 1st millennium AD. To identify such complexes certain criteria are proposed. They have been tested on the analysis of burials with long-bladed weapons belonging to the Cheganda, Mazunin, Azelin cultures and burials belonging to migrants. Identification of these burial complexes is of particular importance, since it may indicate how the process of local tribal communities' transition to the pre-state stage of development took place.

Key words: tribes' military chiefs, sqwads, status weapons, funeral rite.

ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ О. Н. БАДЕРА НА ГЛЯДЕНОВСКУЮ И ПЬЯНОБОРСКУЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

В. В. Мингалев [©]

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
614070, Россия, Пермь, ул. Студенческая, 38
Vmingalev@hse.ru

В статье рассматривается развитие представлений о гляденовской культуре от появления первых концепций А. А. Спицына до целостного варианта, который предложил О. Н. Бадер.

Ключевые слова: Гляденовская культура, костище, костищенский период, О.Н. Бадер.

Отто Николаевич Бадер широко известен как исследователь эпохи бронзы и пещерных памятников. Однако его подход к изучению прикамских памятников эпохи РЖВ, как нам кажется, не менее интересен и в чем-то даже актуален. Он существенно отличается от взглядов как его учеников, так и современных археологов. При этом есть общее мнение, что Отто Николаевич ничего не писал о гляденовской культуре. У него действительно нет статьи или монографии с гордым названием «Гляденовская культура», но есть две статьи отчетного характера [Бадер, 1953а; Бадер, 1953б], которые стоит рассмотреть. Все привыкли, что обычно такие статьи не содержат оригинальных методических размышлений и написаны по стандартной схеме: «мы копали – накопили, мы искали и нашли», но только не у О. Н. Бадера.

Два историка отечественной археологии – Л. С. Клейн и А. А. Формозов «в один голос» писали: Отто Николаевич был ученым-полевиком, ходил в разведки, много находил, много копал, никаких методических работ не писал, публиковал мало [Клейн, 2014, с. 326–342; Формозов, 2005, с. 55–65]. Авторы сайта «Открытая археология» пишут: «Он не участвовал в теоретических дискуссиях 1930-х гг., по-видимому, считая, что для широких обобщений не хватает источниковой базы, расширяя которую он занимался практической работой с источниками и их публикацией». Однако стоит отметить, что, во-первых, методические работы у Отто Николаевича есть [Бадер, 1938; Бадер, 1950], а, во-вторых, он обладал удивительной методологической исследовательской сноровкой. При внимательном чтении в его работах прослеживается глубокое понимание культурогенеза и единство взглядов на выделение археологических культур, в том числе и на гляденовскую.

Чтобы понять суть концепции О. Н. Бадера, рассмотрим, как выглядело понимание гляденовской культуры до него.

1. Рождение идеи «гляденовской культуры»

Во второй половине XIX в. в российской научной среде начинает складываться представления о смене культур в эпоху РЖВ на территории Волго-Камья. П. А. Пономарев после серии полевых исследований (Ананьинский могильник, Атаманский могильник, городище Сорочьи Горы, Ройское и Аргыжское городище) выделяет три культуры: ананьинскую, пьяноборскую и «костеносную» или культуру «костеносных городищ» [Худяков, 1920, с. 249–250]. Многочисленные полевые исследования конца XIX – начала XX вв. позволили четко идентифицировать «костеносные городища» с Ананьинским могильником и датировать их VII–III вв. до н. э. [Вараксина, 1929, с. 106–111; Худяков, 1920, с. 249–250]. Эта схема была перенесена и в Прикамье, которое в археологическом плане в конце XIX в. оставалась «terra incognita».

В 1880 г. выходит статья пермского коллекционера (антикварианиста) А. Е. Теплоухова, который выделяет пермские костища как остатки «языческих святилищ древней чуди». В хронологическом плане период существования «костищ» четко не был определен, если не считать фразы «доисторический период», и что русские не застали Чудь. А. Е. Теплоухов выделяет данный тип памятника как специфический, характерный исключительно для чудского населения Прикамья [Теплоухов, 1880].

А. А. Спицын считал, что «костища» Пермской губернии или «камские костеносные городища» – более поздние относительно «костеносных городищ Волжско-вятско-камского региона» [Спицын, 1889, с. 100]. Он датирует их III–VI вв. н. э., помещая время их существования между Ананьинским временем («первые века после Р. Х.») и временем существования пьяноборских могильников (VI–

VII вв.) [Спицын, 1901, с. 268–269]. В дальнейшем из-за удревнения пьяноборской культуры А. А. Спицын уточнил, что Пермский «костищенский период» синхронен пьяноборской культуре, а следующим после него идет ломоватовский [Спицын, 1902, с. 21–22]. А. А. Спицыну вторит пермский коллекционер, продолжатель дела отца, Ф. А. Теплоухов, который к этому времени провел сборы и раскопки на нескольких костыщах (Ильинское, Гаревское и др.). Результаты раскопок стали основой двух докладов и одной статьи, где он также выделяет костищенский период (период «камской чуди»), который идет после «бронзового периода». Основываясь на эти тексты, мы должны бы отнести время существования костыщ к средневековью [Овчиникова, 1998; Теплоухов, 1892; Теплоухов, 1895]. Упомянутые работы Ф. А. Теплоухова, к сожалению, не были изданы, но сохранились в известной рукописи «Период древних костыщ», на которую ссылаются многие исследователи, считая ее итогом многолетней работы Теплоуховых, полностью объясняющей понимание «костищенского периода» [Теплоухов, 1899]. Однако при рассмотрении рукописи становится понятно, что она была далека от завершения, скорее, это наброски к будущей монографии (много помарок, части, которые не перечеркнуты, вместе не согласуются, много пометок на полях, есть пропуски). Сам термин «период» подразумевает хронологию, но в данной работе она не рассматривается, рукопись посвящена классификации различных предметов, которые были обнаружены на костыщах А. Е. и Ф. А. Теплоуховыми, интересна предложенная классификация керамических сосудов [Теплоухов, 1899, с. 85]. В рукописи прослеживается мысль Теплоухова-старшего о взаимосвязи «легендарной камской чуди» и костыщ, а следовательно, уникальность данного типа, характерного исключительно для Прикамья, границы «обитаемого пространства Чуди» определяются от р. Тулва до р. Яйва.

В основу научной концепции выделения «костеносных городищ» Среднего Прикамья положены результаты раскопок Н. Н. Новокрещенных на Гляденовском костыще около Перми. За два года (1896–1897 гг.) на памятнике было вскрыто 771 м², это были первые столь масштабные археологические исследовательские работы на территории Пермского Приуралья. Они были оперативно и качественно изданы в двух публикациях [Новокрещенных, 1914; Спицын, 1901], а кроме того, были еще мелкие новостные упоминания в ОАК, в губернской прессе и несколько выставок, в том числе в Санкт-Петербурге. По датировке Гляденовского костыща даже разгорелась дискуссия (редкое явление в отечественной археологии начала века) между А. А. Спицыным, который выступал за широкую хронологию, и Н. Н. Новокрещенных, который ратовал за узкую хронологию памятника.

Выделение целых эпох и периодов по одному раскопанному памятнику было стандартным явлением в дореволюционный период развития археологии в России. Обычно это были могильники или поселения, которые становились эпонимическими и эталонными для рассмотрения различных археологических культур. По мере расширения исследовательской базы происходили корректировки в их понимании, но не в ситуации с гляденовской культурой.

2. Шмидтовская схема археологического культурогенеза в Прикамье

После революции «костищенский период» обретает привычное название – гляденовская культура, при этом ничего не изменилось, открытие новых памятников ни привело к пересмотру позиции А. А. Спицына. А. В. Шмидт, наоборот, усиливает концепцию. Основой для выделения гляденовской культуры становится один памятник – Гляденовское костыще [Шмидт, 1925, с. 414], хотя автор и упоминает о существовании других костыщ на территории Верхнего Прикамья [Шмидт, 1932, с. 8].

Сравнив материалы из раскопок В. Л. Борисова 1900–1901 гг. и широкий круг археологических находок по рекам Обве, Гаревой, Полуденной, Чепце, Косе, а также материалы раскопок могильника Качка, А. В. Шмидт выделяет харинскую культуру [Schmidt, 1927, р. 26–28], датировав ее аналогично керченскими древностями 2-й половины IV–V вв. [Там же, р. 29–30]. Стоит упомянуть, что В. Л. Борисов датировал свои находки VIII–IX вв. [ОАК, 1902, с. 87].

На основе анализа сходства керамики А. В. Шмидт утверждает преемственность харинской культуры от гляденовской [Schmidt, 1927, р. 48]. Таким образом, гляденовская культура получает свою позицию в преемственности культур: ананьинская (до III в. до н. э.) – гляденовская (до IV в. н. э.) – харинская (до V в. н. э.).

В работе 1932 г. Алексей Викторович, в соответствии с победившей в отечественной науке концепцией В. И. Равдоникаса, отходит от описания археологического материала. Вместо этого он рисует историю материальной культуры эпохи существования костыщ [Шмидт, 1932]. Вся статья пропитана духом конструирования (реконструкцией) прошлого, вплоть до описания, как выглядело гляденовское костыще во время его функционирования [Там же, с. 24]. Эта новая черта станет доминирующей для статей, посвященных гляденовской эпохе. Большая часть исследований вместо описания и анализа материала будет посвящена фантазиям о социально-экономическом уровне развития.

Подводя итог работе в Прикамье в 1933 г., А. В. Шмидт рисует линейную схему развития эпохи «разложения родового общества» в Верхнем Прикамье – гляденовская (II в. до н. э. – III в. н. э.) – харинская (IV–V вв.) – ломоватовская (VI–VIII вв.) эпохи [Шмидт, 1933, с. 24].

3. Послевоенный период. «Пьяноборско-гляденовская» дискуссия

Послевоенный период начинается с критики концепции А. В. Шмидта, слабость позиции которого лежит в использовании схемы «один памятник – одна культура»: гляденовская культура – материалы Гляденовского костыща, харинская культура – материалы могильника Качка, и весьма плохо представлены в публикациях материалы гаинских курганных могильников.

А. П. Смирнов в статье 1949 г. вступает в дискуссию с А. В. Шмидтом по вопросу выделения харинской и гляденовской культуры, считая, что данных не достаточно для выделения культур [Смирнов, 1949]. При этом большая часть статьи посвящена описанию пьяноборских памятников с хорошо заметной специфичностью данных материалов по отношению к средне-камским, но автор утверждает, что все это одна культура, не выдвигая равным счетом ни одного доказательства. Алексея Петровича можно понять: отсутствие сведений о других памятниках Среднего Прикамья позволяло воспринимать данные с уникальных памятников как исключение. Описание археологического материала костыща было представлено в рукописях Ф. А. Теплоухова, которые не были введены в научный оборот.

Схему развития культур Прикамья А. П. Смирнов видит следующим образом: ананьинская (до III в. до н. э.) – пьяноборская I стадия (III–I вв. до н. э.) – пьяноборская II стадия (I–III вв. н. э.) – пьяноборская III стадия (III–V вв. н. э.) – ломоватовская [Смирнов, 1949, с. 32]. В статье 1957 г. А. П. Смирнов дискутирует уже с О. Н. Бадером – переходной культурой от пьяноборской эпохи к средневековью (ломоватовской культуре) он считает харинскую, а выделение гляденовской культуры на основании материалов одного Гляденовского костыща подвергается обоснованной критике [Смирнов, 1957, с. 27–28].

4. Доказательство существования гляденовской культуры О. Н. Бадера

В двух статьях, выпущенных в 1953 г., О. Н. Бадер формирует свое понимание развития археологических культур Прикамья, в том числе в период от РЖВ до раннего Средневековья [Бадер, 1953а; Бадер, 1953б]. Несмотря на то что статьи не претендуют на теоретический характер, в них достаточно рельефно видны теоретические подходы Отто Николаевича. В соответствии с господствующей в советской археологии эволюционной схемой культурогенеза, он представляет развитие населения Прикамья как хронологическую линию последовательно сменяющих друг друга археологических культур, каждая из которых обладает рядом отличительных признаков, при этом отдельно взятый признак не обладает доминирующим характером. Археологические культуры имеют четко очерченную территорию и хронологические рамки. Основой их выделения являются:

- комплекс артефактов или отдельных элементов артефактов, в том числе декор керамики;
- особенности памятников;
- особенностей материальной культуры;
- конструктивные особенности жилищ и городищ;
- погребальный обряд;
- уровень развития хозяйства;
- векторы коммуникационных связей, интенсивные контакты, фиксируемые в культурных сходствах;
- религиозные практики и культы.

После периода ананьино на территории Прикамья развитие получают две культуры: пьяноборская, характерная для нижнего и среднего течения Камы «в пределах ее удмуртского отрезка»; и гляденовская, характерная для северного Прикамья. Обе они датируются II в. до н. э. – III в. н. э. [Бадер, 1953б, с. 65–66]. Разбирая вопрос о гляденовской культуре, О. Н. Бадер отмечает слабость аргументов А. В. Шмидта и говорит о формировании новой аргументации, которая была озвучена его учениками В. Ф. Генингом и В. А. Обориным и была поддержана им [Бадер, 1953б, с. 65].

Основные отличия двух рассматриваемых культур представлены в таблице. В целом точка зрения автора выглядит аргументированной, даже при условии явной генерализации частных случаев (вопрос о хозяйстве), но вывод о костыщах-могильниках носит умозрительный характер.

Сравнительная таблица пьяноборской и гляденовской культуры (по О. Н. Бадеру)

Критерий сравнения	Гляденовская	Пьяноборская
комплекс отличительных артефактов,	нет	эполетообразные застёжки
	вотивные предметы	нет
	большое количество пестов-терочников	меньше
	широколезвийные лесорубные топоры	проушные топоры
декор керамики	преобладание резного орнамента	шнуровой, зубчатый (гребенчатый) и ямочный орнаменты
Особенности памятников	костище	нет
	костища-могильники	грунтовые могильники
конструктивные особенности жилищ и городищ	нет данных о жилищах, но, вероятно, «длинные дома»	нет упоминаний
	городища подобны ананьинским	нет упоминаний
	селища переносятся на высокий берег, ближе к полям	нет упоминаний
погребальный обряд	кремация	ингумация
уровень развития хозяйства	развитие подсечно-огневого способа земледелия, с использованием переходных мотыг к ральникам	пойменное земледелие, с мотыжным способом обработки земли
	земледелие преобладало над скотоводством	нет упоминаний
	существенное преобладание производящего хозяйства над присваивающим	нет упоминаний
	пушной характер охоты	нет упоминаний
	бортничество	нет данных
векторы коммуникационных связей	западный (поволжский)	восточный (сибирский)
религиозные практики и культы	культ медведя и птиц	нет данных, скорее, не развит

Точка зрения О. Н. Бадера является системной и логичной. В дальнейшем она стала образцом для многих авторов.

Особенно интересно, что Отто Николаевич первым выделил различия в керамическом комплексе культур: для пьяноборского характерно декорирование сосудов шнуровым, зубчатым и ямочным орнаментами, а для гляденовского – преобладание резного орнамента [Бадер, 1953б, с. 66–67].

В дальнейших представлениях О. Н. Бадера гляденовскую культуру на территории среднего и верхнего Прикамья сменяет ломоватовская, в рамках которой выделяются два этапа: ранний – харинский (IV–V вв.) и поздний – неволинский (VI–VIII вв.). Отказывая харинской культуре в самостоятельности, Отто Николаевич отвергает точку зрения А. В. Шмидта и соглашается с В. Ф. Генингом. Однако, если внимательно вчитаться в его статьи, легко заметить, что О. Н. Бадер сравнивает два предложенных этапа ломоватовской культуры по той же самой схеме, что пьяноборскую и гляденовскую, таким образом показывая, что это две разные культуры. В статье в КСИИМКе харинское и ломоватовское время уже открыто противопоставляются [Бадер, 1953а, с. 103].

Интересно, что статья В. Ф. Генинга и В. А. Оборина, изданная в 1960 г., повторяет многие позиции их учителя, но важным отличием является то, что выделение археологической культуры основывается на приоритете одного признака, в отличие от того комплекса критериев, который предлагал Отто Николаевич [Генинг, Оборин, 1960, с. 171].

В дальнейшем выйдет много монографий и больших статей о гляденовской культуре Ю. А. Полякова, А. Н. Лепихина, М. Л. Перескокова и многих других, которые подтверждают право на ее существование и верифицируют взгляды О. Н. Бадера и его учеников. Однако до сих пор в единственном

федеральном учебнике по археологии для ВУЗов (10-е переиздание) о гляденовской культуре нет упоминаний. Вместо нее, все также фигурирует пьяноборская, а время существования Гляденовского костыща отнесено от эпохи бронзы (когда «появился жертвенник») до I тыс. н. э. [Мартынов, 2023, с. 240].

Библиографический список

- Бадер О. Н. Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения. М.: Наркомпрос РСФСР, 1938.
- Бадер О. Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление: пособие для начинающих археологов и краеведов. Молотов: Молотовский государственный университет, 1950. 120 с.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. // КСИИМК. М.: Издательство АН СССР, 1953а. С. 97–103.
- Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952 гг.) // Ученые записки Молотовского государственного университета им. А. М. Горького. Молотов: ПГУ, 1953б. С. 3–79.
- Вараксина Л. И. Костеносные городища Вятско-Камского края (По коллекциям Археологического музея Общества археологии, истории и этнографии) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1929. С. 13–112.
- Генинг В. Ф., Оборин В. А. К вопросу о Гляденовской культуре // Ученые записки Пермского университета. Том XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. С. 160–174.
- Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археология советской эпохи. СПб: ЕВРАЗИЯ, 2014. 640 с.
- Мартынов А. И. Археология (10-е переиздание дополненное). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. 432 с.
- Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костыще Пермской губернии на р. Каме, Пермского уезда. // Труды Пермской Губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1914. С. 19–97.
- Овчиникова Б. Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1998. С. 54–62.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1900 год. СПб: Типография главного управления уделов, 1902. 176 с.
- Смирнов А. П. Могильники Пьяноборской культуры (к вопросу о дате) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 22–32.
- Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // Советская Археология. 1957. № 3. С. 20–30.
- Спицын А. А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1890. Вятка, 1889. С. 85–122.
- Спицын А. А. Гляденовское костыще // Записки Императорского археологического общества. СПб, 1901. С. 228–269.
- Спицын А. А. Древности Камской чужды по коллекции Теплоухова // Материалы по археологии России. СПб: Типография В. Безобразова и К°, 1902.
- Теплоухов А. Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1880. С. 1–31.
- Теплоухов Ф. А. Вещественные памятники каменного и бронзового веков в западной части Пермской губернии // Труды ПУАК. Пермь, 1892. С. 27–63.
- Теплоухов Ф. А. Рукопись выступления Ф. А. Теплоухова «О костыщах», состоявшегося на заседании Пермской комиссии УОЛЕ в декабре 1895 г. // ГКУБ ПКУ, № ПКУМ-11409/15. 14 л.
- Теплоухов Ф. А. Черновики рукописи Ф. А. Теплоухова «Период древнейших костыщ» 1899. // ГКУБ ПКУ, № ПКУМ-11409/14. 44 л.
- Формозов А. А. Человек и наука: из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.
- Худяков М. Г. Петр Алексеевич Пономарев 1847–1919 // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1920. С. 245–260.
- Шмидт А. В. Туйский всадник. (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией.) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. Ленинград, 1925. С. 410–434.

Шмидт А. В. Жертвенные места Камско–Уральского края // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. С. 1–46.

Шмидт А. В. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет // Проблемы истории материальной культуры. Ленинград, 1933. С. 20–30.

Schmidt A. W. Kačka // Eurasia Septentrioinalis Antiqua. Helsinki., 1927. С. 18–50.

O. N. BADER'S VIEWS ON THE GLYADENOVSKY AND PIANOBORSKY ARCHAEOLOGICAL CULTURES

V. V. Mingalev

National Research University Higher School of Economics,
Studentskaya str., 38, 614070, Perm, Russia

Vmingalev@hse.ru

The article concerns the development of ideas about Glyadenov culture from appearance of the first concepts by A. A. Spitsyn to the holistic version proposed by O. N. Bader.

Key words: Glyadenovskaya culture, bone bed, bone beds period, O. N. Bader.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ ВЯТКИ

А. А. Можяева ©

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
aleksakokr@mail.ru

В статье рассматриваются каменные наконечники юртиковской энеолитической культуры. Для анализа изделий использовалась типология, предложенная автором для изучения наконечников эпохи энеолита. В ходе исследования было рассмотрено 55 изделий с поселений Усть-Лудяна II, Чернушка I и Чернушка II. В процессе типологического анализа выделено 2 группы изделий, включающие 4 типа, 4 вида и 3 варианта. В ходе сравнительного анализа гаринских и юртиковских наконечников были выделены их сходства и различия, на основе которых можно судить о локальных особенностях изделий каждой из энеолитических культур. Для юртиковской культуры характерны широкие наконечники листовидной и ромбической форм с округлым либо приостренным основанием, оформленные бифасиальной ретушью.

Ключевые слова: энеолит, юртиковская культура, гаринская культура, Средняя Вятка, Среднее Предуралье, каменные наконечники, типология, бифасиальная обработка.

Введение

Ареал распространения культур пористой керамики периода энеолита весьма обширен. В частности, в Камско-Вятском регионе к таковым относятся юртиковская культура – на Средней Вятке и гаринская культура – в Верхнем и Среднем Прикамье. Подробней остановимся на характеристике юртиковской культуры.

В результате изучения энеолитических комплексов Камско-Вятского междуречья Л. А. Наговицин смог обосновать выделение юртиковской культуры [Наговицин, 1983]. Для нее характерны жилища прямоугольной формы с коридорообразными переходами. Посуда, как правило, представлена прямыми сосудами с округлыми или округло-коническими днищами, в составе глиняного теста которых имеются органические примеси. В орнаментации преобладают оттиски гребенчатого штампа, но также встречаются ямочки, прочерченные линии, насечки. Каменные орудия изготавливались на отщепах из серого кремня. Среди орудий распространены наконечники стрел и копий, скребки, ножи, шлифованные орудия, скобели, проколки, сверла, отбойники, грузила, ретушеры [Наговицин, 1987а, с. 32–33].

Долгое время исследователей волновал вопрос этнокультурной принадлежности юртиковских поселений [Третьяков, 1984, с. 74]. В данном случае речь идет о наличии общих черт с гаринскими и волосовскими комплексами: в приемах домостроительства, технологии изготовления керамики и номенклатуре каменных изделий. Л. А. Наговицин, затрагивая вопрос сходства юртиковской и гаринской культур, соглашается с мнением С. В. Ошибкиной в том, что вятские памятники, наряду с одновременными им гаринскими и волосовскими комплексами, характеризуют самостоятельную археологическую культуру Волго-Камья [Наговицин, 1984, с. 114], образуя тем самым локальный вариант гаринской культуры на территории Вятского края. Того же мнения придерживается и В. П. Третьяков, который на основе сравнения керамических комплексов и каменного инвентаря вычислил индекс родственности между вятскими, гаринскими и волосовскими комплексами [Третьяков, 1984, с. 85–86]. На данный момент вопрос существования этнокультурного взаимодействия между носителями юртиковских и гаринских традиций остается дискуссионным.

В каменном инвентаре энеолитических памятников Средней Вятки особое место занимают наконечники как одна из ведущих и культурно определяющих категорий орудий. Их анализ представляется важным нам с точки зрения поиска черт сходства и различия гаринских и юртиковских орудий.

Цель данной работы – изучить наконечники юртиковской культуры и провести сравнительный анализ с орудиями гаринской культуры.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили каменные наконечники с памятников Усть-Лудяна II, Чернушка I и Чернушка II (археологические коллекции № 98, 106, 244 УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

Поселение Усть-Лудяна II расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Вятки, в 2 км от устья левого притока р. Лудяны. Исследования памятника проводилось под руководством Л. А. Наговицина в 1977 г. Раскопом площадью примерно 282 м² были охвачены жилищные впадины № 19 и № 20. Коллекция, собранная в результате изучения памятника, насчитывает 8778 находок [Наговицин, 1977], среди них наконечники представлены 100 экз. [Наговицин, 1987б, с. 56].

Поселение Чернушка I находится на первой надпойменной террасе левого берега р. Вятка в 350 – 400 м от пос. Чернушка Советского района Кировской области вверх по течению реки. Раскопки проводились в 1979 г. под руководством Л. А. Наговицина. В ходе исследования памятника был разбит раскоп площадью 180,5 м², обнаружено 2040 находок. Крайне скуден каменный инвентарь, в коллекции имеется всего 3 наконечника [Наговицин, 1980].

Поселение Чернушка II расположено вблизи поселения Чернушка I на высокой пойме (высотой 0,5 – 1,0 м над уровнем реки) в луговой части. Памятник исследовался в 1989 г. Л. А. Наговициным. В процессе изучения поселения была собрана коллекция предметов материальной культуры в количестве 4499 экз. [Наговицин, 1982].

На основании анализа археологических коллекций вышеописанных памятников Л. А. Наговицин пришел к выводу, что они находят близкие аналогии в гаринской (турбинской) и волосовской культурах [Наговицин, 1977, 1980]. В дальнейшем стоянки Усть-Лудяна II, Чернушка I и Чернушка II исследователь стал интерпретировать как комплексы юртиковской культуры.

В результате исследования нами проанализировано 55 экз. целых наконечников (рисунок) со стоянок Усть-Лудяна II – 36 экз., Чернушка I – 2 экз. и Чернушка II – 17 экз.

Стоит обратить внимание, что Л. А. Наговицин, описывая материалы поселения Усть-Лудяна II, указывает, что в коллекции памятника имеется 100 экз. наконечников [Наговицин, 1987б, с. 56], а в коллекции каменного инвентаря стоянки Чернушка I насчитывается 3 экз. наконечников [Наговицин, 1980]. Ввиду того что нами было осмотрено всего 55 экз., результаты исследования могут носить предварительный характер.

Описание предметов осуществляется по предложенной нами типологии. В ее основе лежит деление наконечников на черешковые и бесчерешковые (группа). Далее подразделение осуществляется по форме пера (тип): 1 – листовидные, 2 – иволистные, 3 – треугольные, 4 – ромбические, 5 – пятиугольные. Критерием разделения типов на виды выступают особенности оформления основания орудия: округлое, вогнутое, усеченное прямое, усеченное скошенное или приостренное. Варианты (внутри видов) выделяются ввиду отличий в характере заготовки и вторичной обработки. Также в описание включается характеристика вторичной обработки, метрических показателей и пропорций, формы продольного и поперечного сечения орудий [Можжева и др., 2022, с. 30–37].

Сравнительный анализ юртиковских орудий осуществлялся с наконечниками из гаринских комплексов Верхнего и Среднего Прикамья, проанализированных по той же методике.

Результаты исследования

Ведущую роль в изготовлении наконечников играл камень, преимущественно серых и темных оттенков. На отщепах было выполнено 8 экз., для остальных орудий определить заготовку весьма затруднительно ввиду применения техники бифасиального утончения при их изготовлении. В этом случае в качестве заготовок могли использоваться как отщепы, так и случайные сколы, плитки, отдельно-сти сырья и уплощенные гальки.

В результате типологического анализа выделены следующие типы наконечников:

I. Бесчерешковые наконечники: 49 экз.

1. Наконечники листовидной формы – 34 экз.

1.1 с округлым основанием (17 экз.);

1.1-б на отщепе (3 экз., в том числе 1 экз. с краевой двусторонней ретушью);

1.3 с усеченным прямым основанием (10 экз.);

1.4 с усеченным скошенным основанием (1 экз.);

1.5 с приостренным основанием (6 экз.).

2. Наконечники иволистной формы – 3 экз.

2.5 с приостренным основанием (3 экз.);

2.5-б на отщепе (1 экз.).

4. Наконечники ромбической формы – 10 экз.

4.1 с округлым основанием (3 экз.);

4.1-б на отщепе (2 экз., в том числе 1 экз. с краевой двусторонней ретушью);

4.3 с усеченным прямым основанием (1 экз.);

- 4.5 с приостренным основанием (6 экз.);
- 4.5-6 на отщепе (1 экз.).
- 5. Наконечники пятиугольной формы – 2 экз.
- 5.3 с усеченным прямым основанием (2 экз.).
- II. Черешковые наконечники: 6 экз.
- 1. Наконечники листовидной формы – 3 экз.
- 1.3 с усеченным прямым основанием (3 экз.).
- 3. Наконечники треугольной формы – 3 экз.
- 3.3 с усеченным прямым основанием (1 экз.);
- 3.5 с приостренным основанием (2 экз.).

Среди изученных форм абсолютное большинство составляют бесчерешковые наконечники. В их числе преобладают изделия листовидных форм (рис., 2-4, 7-8, 12-16, 21-24, 26, 30), менее многочисленны ромбические наконечники (рис., 1, 17-18, 25, 27, 29). Примерно в равных долях представлены иволистные (рис., 6, 9) и пятиугольные (рис., 19-20) формы. Обращает на себя внимание отсутствие треугольных наконечников и орудий с вогнутым основанием, характерных для гаринской культуры Среднего Предуралья. В составе черешковых наконечников представлены как листовидные (рис., 10), так и треугольные (рис., 5, 11, 28) формы. Интерес представляет треугольно-черешковый наконечник с приостренным основанием, у которого черешок оформлен двумя выемками. В гаринских комплексах Верхнего и Среднего Прикамья нами не было встречено подобных изделий.

Ближние аналогии изученным формам наконечников встречаются в материалах поселений Усть-Курья [Голдина и др., 2012, с. 79], Юртик [Ошибкина, 1980, с. 45–62], Аркуль III [Наговицин, 1987б, с. 65–67] и Непряха IV [Наговицин, 1980], расположенных в бассейне Средней Вятки и Камы.

По форме поперечного сечения все наконечники (бесчерешковые и черешковые) относятся к орудиям с линзовидной формой сечения. Форма продольного сечения у всех экземпляров определена как эллипсоидная.

Для черешковых и бесчерешковых наконечников использовались одинаковые показатели метрических характеристик и пропорций.

По длине наконечники делятся на короткие (до 2,4 см) – 25 экз., средние (2,5-3,5 см) – 19 экз. и длинные (3,6 и более см) – 9 экз. По ширине: очень узкие (до 1,1 см) – 37 экз., узкие (1,2-1,5 см) – 12 экз., широкие (2,1 и более см) – 4 экз. По толщине: очень плоские (до 0,4 см) – 42 экз., плоские (0,5-1 см) – 11 экз. Исключение составляют 2 массивных экземпляра, отнесенных нами к наконечникам копий, их размеры: 4,7-6,3×2,0-2,5×0,9 см.

Согласно показателям пропорций, наконечники поделены на широкие (до 2,5 р) – 33 экз., средние (2,6-2,9 р) – 8 экз., узкие (от 3 и более р) – 14 экз. Среди широких форм количественно преобладают листовидные (21 экз.) и ромбические (8 экз.) наконечники, остальные представлены пятиугольными (2 экз.) и треугольно-черешковыми (2 экз.) орудиями. В составе средних форм распространены листовидные (7 экз.) изделия, единичен треугольно-черешковый наконечник. К числу узких форм относятся листовидные (9 экз.), иволистные (3 экз.) и ромбические (2 экз.) наконечники. Больше половины орудий составляют широкие формы, в свою очередь, узкие формы количественно превышают изделия средних форм.

В качестве вторичной обработки для большинства изделий использовалась сплошная, плоская, отжимная, разнофасеточная, бифасиальная ретушь (53 экз.). Согласно признаку ориентации фасеток относительно продольной оси изделия, абсолютное большинство наконечников было оформлено контрпоперечной ретушью. Исключение составляет один наконечник, у которого зафиксирована контрдиагональная ориентация фасеток, вероятно, она имела случайный характер. У двух экземпляров была отмечена плоская, краевая двусторонняя ретушь. Данные орудия были выполнены на отщепах и относятся нами к вариантам листовидного и ромбического наконечника с округлым основанием.

Обсуждение результатов

Для создания юртиковских наконечников преимущественно использовался кремнь серых и темных оттенков, в то время как для гаринских наконечников наибольшее распространение получает сургучный кремнь. Отличия в цветовой гамме сырья во многом объясняется разными месторождениями кремня и различными природно-географическими условиями, в условиях которых формируются сырьевые базы каменных индустрий.

В составе как юртиковских, так и гаринских наконечников преобладают бесчерешковые изделия, среди которых распространены листовидные формы. Иволистные и ромбические формы присутствуют в обеих культурах. Самым малочисленным типом представлены наконечники пятиугольной формы,

в то время как в гаринских комплексах по количеству они занимают второе место после листовидных форм. Среди рассмотренных нами юртиковских орудий отсутствуют бесчерешковые наконечники треугольной формы, но в юртиковских комплексах они встречаются [Наговицин, 1984, с. 106, 110]. Стоит отметить, что среди гаринских наконечников треугольные формы являются одним из малочисленных типов. Важным отличием юртиковских наконечников от гаринских является отсутствие изделий с вогнутым основанием. Помимо этого, в числе юртиковских наконечников преобладают орудия с округлым либо приостренным основанием. Для гаринских же наконечников характерно преобладание орудий с усеченным либо вогнутым основанием, хотя изделия с округлым основанием также многочисленны, но все же они количественно уступают первым. В числе юртиковских орудий наконечники с усеченным основанием присутствуют, но по количественному соотношению идут после изделий с округлым и приостренным основанием. Среди черешковых форм обеих культур имеются и листовидные, и треугольные наконечники, однако в составе наконечников юртиковской культуры их количество в среднем увеличивается по сравнению с гаринскими наконечниками.

Форма продольного и поперечного сечения наконечников юртиковской и гаринской культур одинакова. Достижение эллипсоидной и линзовидной форм в сечении связано с применением техники бифасиального утончения заготовок и необходимо для продуктивного функционирования наконечника.

При анализе метрических характеристик и пропорций нами использовались одинаковые параметры как для наконечников гаринской, так и юртиковской культур. Размерные характеристики и их процентное соотношение почти равны для обеих культур. В числе наконечников преобладают изделия с длиной до 3,5 см, шириной до 1,5 см и толщиной до 0,4 см. Рассматривая показатели пропорций, можем отметить, что и в гаринской, и в юртиковской культуре преобладают наконечники широких форм, но тем не менее доля широких форм в гаринских комплексах несколько больше, чем в юртиковских. Процент же узких форм среди юртиковских наконечников выше, чем среди гаринских. Средние формы в обеих культурах представлены примерно в равных долях.

В качестве вторичной обработки для обеих культур использовалась бифасиальная обработка с контрпоперечной ориентацией фасеток относительно продольной оси изделия. Как в юртиковской, так и в гаринской культуре в единичных случаях использовалась краевая двусторонняя ретушь, это могло быть связано как с характером заготовки, так и с другими факторами, повлиявшими на применение краевой ретуши.

Подводя итоги сравнительному анализу наконечников юртиковской и гаринской культур, можем отметить, что явные черты сходства наблюдаются в показателях метрических характеристик и пропорций, вторичной обработке. Черты различия были зафиксированы по сырью и формам наконечников. В целом, эти отличия и характеризуют локальный характер юртиковской культуры.

Заключение

В процессе исследования нами было изучено 55 наконечников с поселений Усть-Лудяна II, Чернушка I и Чернушка II. Для памятников характерно распространение бесчерешковых листовидных наконечников широких форм с округлым либо приостренным основанием, оформленных бифасиальной ретушью. Вторым количественно выраженным типом являются ромбические наконечники. Реже встречаются иволистные, пятиугольные, листовидно-черешковые и треугольно-черешковые формы. Отсутствие в составе рассмотренных бесчерешковых орудий треугольных наконечников не свидетельствует о том, что они не характерны для юртиковской культуры, наличие аналогий с другими юртиковскими памятниками это подтверждает. Проанализированные в ходе исследования формы наконечников характерны и для гаринской энеолитической культуры Среднего Предуралья [Бадер, 1961, с. 181–185].

Проведенный сравнительный анализ, в основе которого лежат критерии типологии, позволил выделить черты сходства и различия наконечников обеих культур. Признаками, отличающими наконечники юртиковской культуры от гаринской, являются: отсутствие наконечников с вогнутым основанием; небольшое количество изделий пятиугольных форм; преобладание орудий с округлым и приостренным основанием над наконечниками с усеченным основанием; использование в качестве сырья уплощенных кремневых галек серого либо темного цвета. Перечисленные выше черты, судя по всему, отражают локальные особенности наконечников юртиковской культуры эпохи энеолита.

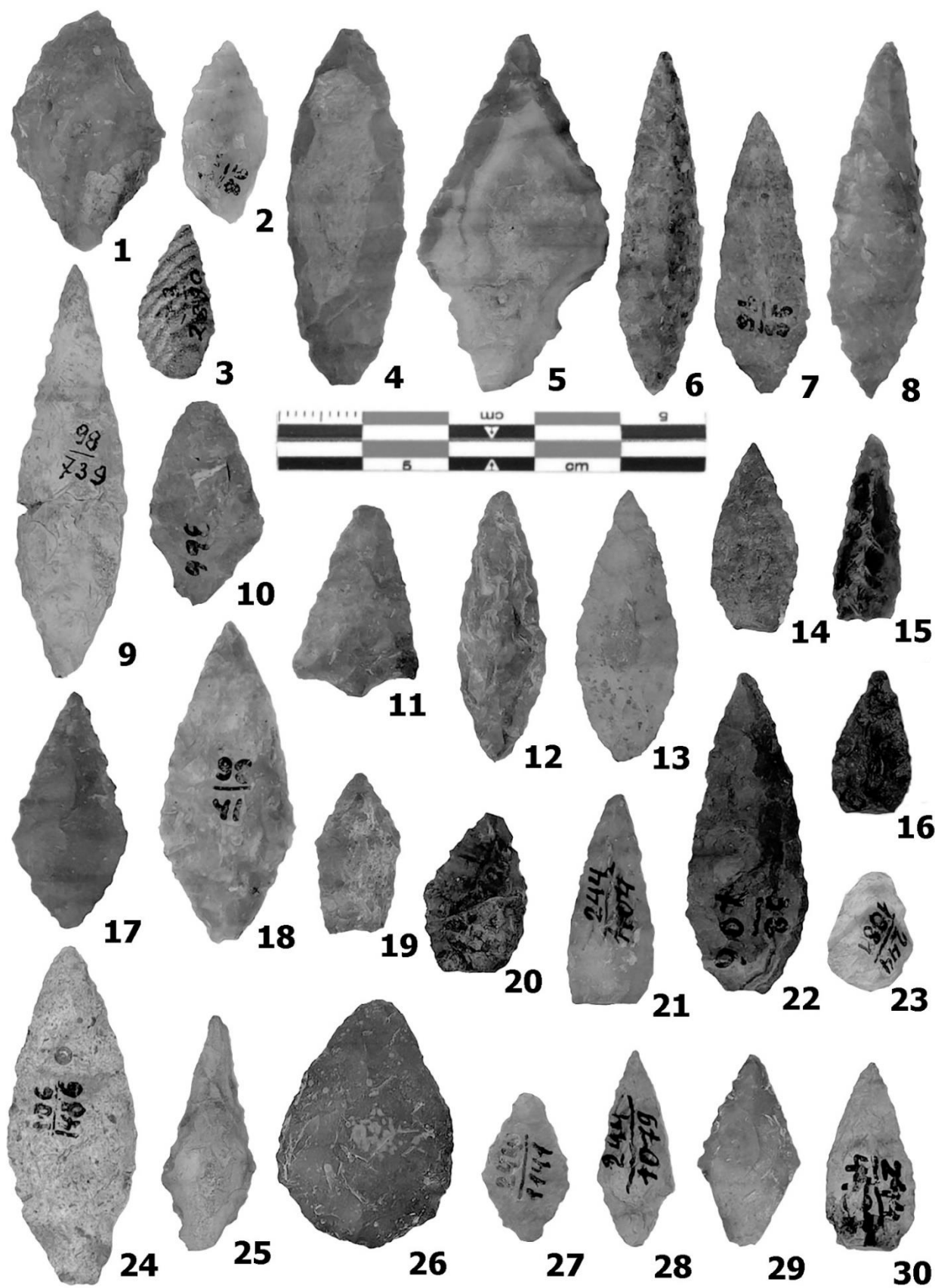

Рис. Наконечники с памятников юртиковской культуры
(1-18, 22 – Усть-Лудяна II; 24-25 – Чернушка I; 19-21, 23, 26-30 – Чернушка II)

Библиографический список

- Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии. № 99. М.-Л.: АН СССР, 1961. 200 с.
- Голдина Р. Д. Наследие народов Прикамья – Heritage of Prikamye peoples – Kulturerbe der Völker von Prikamie: древности Прикамья из собраний УдГУ: [каталог] / Р. Д. Голдина [и др.]; Изд-2-е, перераб. Ижевск: Ижевская респ. тип., 2012. 196 с.
- Можжаева А. А. Типология каменных наконечников стрел стоянки Чашкинское Озеро II / А. А. Можжаева, Е. Л. Лычагина // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья: науч. журн. Вып. XII. ПГГПУ, Пермь, 2022. С. 30–37.
- Наговицин Л. А. Отчет о работе второго отряда Удмуртской археологической экспедиции за 1977 г. // Научный архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 697а/528, 1977. 70 л.
- Наговицин Л. А. Отчет второго отряда Удмуртской археологической экспедиции о полевых исследованиях поселений Чернушка Советского района Кировской области, Непряха 4-5 Камбарского района УАССР. 1979 г. // Научный архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 701/543, 1980. 38 л.
- Наговицин Л. А. Чернушка – памятник археологии // Ленинское знамя. 1982. № 44.
- Наговицин Л. А. Энеолит бассейна р. Вятки: автореф. дис. ... канд. ист. наук.: исторические науки. 07.00.06. археология // Академия наук СССР, Институт археологии: М., 1983. 25 с.
- Наговицин Л. А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск: Изд-во АН СССР УО Удмурт. ИЯЛИ, 1984. С. 89–123.
- Наговицин Л. А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Серия: Археология СССР. М., 1987а. С. 28–34.
- Наговицин Л. А. Поселения юртиковской культуры Усть-Лудяна II и Аркуль III на р. Вятке // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987б. С. 44–69.
- Ошибкина С. В. Поселение Юртик. Результаты исследований // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. С. 29–69.
- Третьяков В. П. Энеолитические памятники в бассейне р. Вятки и гаринско-борская культура // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск: Изд-во АН СССР УО Удмурт. ИЯЛИ, 1984. С. 73–88.

SOME RESULTS OF THE STUDY OF STONE PROJECTAL POINTS FROM THE ENEOLITHIC SITES OF MIDDLE VYATKA

A. A. Mozhaeva

Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Sibirskaya str., 614990, Perm, Russia
aleksakokr@mail.ru

The article deals with stone projectal points of the Yurtik Eneolithic culture. The items were analysed with the use of the typology proposed by the author for the study of Eneolithic stone projectal points. In the course of the study, 55 items from Ust-Ludyana II, Chernushka I and Chernushka II settlements were examined. Typological analysis identified 2 groups with 4 types, 4 species and 3 variants. After comparative analysis of the Garin and Yurtik arrows, their similarities and differences were identified. Due to this it is possible to determine local features of the items belonging to different Eneolithic cultures. The arrows of Yurtik culture are characterized by broad projectal points of leaf-shaped and rhomboidal shape with a rounded or pointed base, decorated with bifacial retouching.

Key words: Eneolithic, Yurtik culture, Garin culture, Middle Vyatka, Middle Cis-Ural region, stone projectal points, typology, bifacial processing.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЛЕСИНСКОГО И ЩУКИНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

К. В. Моряхина [©]

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
kmorexina@mail.ru

Плесинский и Щукинский могильники располагаются в верхнем течении р. Камы. Плесинский могильник функционировал в VIII–X вв., Щукинский – в VII–IX вв. Памятники относятся к ломоватовской археологической культуре. Цель данной статьи – при помощи статистических методов выявить сходства и различия в погребальном обряде Плесинского и Щукинского могильников. В основу работы был положен метод В. Ф. Генинга и В. А. Борзунова. Исследование показало, что несмотря на близость материальной культуры, памятники имеют существенные различия в конструкциях погребальных ям, погребальных сооружениях, в способе захоронения, в обрядовых действиях. На Плесинском могильнике обнаружен инвентарь, который не встречается на Щукинском могильнике: погребальные маски, гривны, сабли, удила, бронзовые котлы.

Ключевые слова: погребальная обрядность, ломоватовская культура, средневековье, Пермское Предуралье, статистический анализ, погребальный инвентарь.

На протяжении последних 20 лет в пермской археологической науке идут споры о границе между средневековыми археологическими культурами Пермского Предуралья – ломоватовской и родановской, и об этнической принадлежности носителей этих культур. Отправной точкой этого спора можно считать диссертацию И. В. Бочарова, в которой он пришел к следующему выводу: «статистический анализ погребального обряда не выявляет принципиальной разницы между ломоватовской и родановской погребальными традициями, не позволяет провести границу между ними по IX в.». И далее: «деление эпохи Средневековья для территории Верхнего Прикамья на самостоятельные ломоватовскую и родановскую культуры не обосновано и излишне... Если же выделение отдельных культур представляется необходимым, то рубежом ...<будет> конец XI – начало XII вв.» [Бочаров, 2000, с. 100-102]. Идею смены ломоватовской культуры на родановскую в конце XI в. дальше активно развивали А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, связывая первую с угорским населением, вторую – с пермскими финнами [Белавин, Крыласова, 2016]. Концепция вызвала критику со стороны ряда ученых: Р. Д. Голдиной, А. Ф. Мельничука, Г. П. Головчанского [Голдина, 2016; Головчанский, Мельничук, 2017]. Возникшие разногласия побудили К. В. Моряхину и Д. В. Шмуратко провести статистический анализ погребальных памятников Пермского Предуралья. В рамках проекта РФФИ № 19-49-590004 «Культурно-хронологическая идентификация средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)» были собраны сведения о 3195 погребениях с 18 могильников [Моряхина, Шмуратко, 2019]. По результатам дискриминантного анализа было выделено три культурные традиции:

- 1) Аверинский I, Аверинский II, Агафоновский I, Агафоновский II, Антыбарский, Митинский (грунтовая часть), Плотниковский, Русиновский, Щукинский могильники – представлена местным населением;
- 2) Важгортский, Деменковский, Каневский, Плесинский, Пыштайн, Редикарский, Урынский могильники – приток инокультурного населения в VIII в.;
- 3) Баяновский, Запосельский, Огурдинский, Рождественский, Телячий Брод могильники – приток инокультурного населения в IX в.

Следы инокультурного присутствия становятся минимальными к концу XI в. Это могло быть связано как с миграционными процессами, так и с ассимиляцией с местной культурной традицией.

Дальнейшее изучение погребального обряда, в частности, Плесинского и Щукинского могильников [Моряхина, 2020; Моряхина, 2023], подтолкнуло автора статьи к идее проведения сравнительного анализа погребального обряда указанных памятников.

Обратимся к предшествующим исследованиям, основанным на статистическом анализе погребального обряда могильников Пермского Предуралья. В монографии Р. Д. Голдиной и В. А. Кананина проведено сравнение средневековых памятников верховьев Камы, которое показало коэффициент сходства: между Щукинским и Аверинским II – 83,6%, между Щукинским и Русиновским – 76,1%,

между Щукинским и Аверинским I – 65,4% [Голдина, Кананин, 1989, с. 37]. Исследование И. В. Бочарова подтвердило полученные ранее выводы, но им также была отмечена близость Щукинского и Агафоновского II могильников, коэффициент сходства которых свыше 72,3%. По результатам статистического анализа, проведенного И. В. Бочаровым, Плесинский могильник тяготеет к Каневскому и Телячьему Броду – коэффициент сходства от 65% до 72,3%. Связи между Плесинским и Щукинским могильниками не выявлено [Бочаров, 2000, рис. 32].

Плесинский могильник расположен на склоне высокого левого берега р. Камы на расстоянии 350 м от реки, в 100 м к востоку от д. Плесо Гайнского района Пермского края. Раскопки на памятнике проводились в 1960–1961 гг. под руководством В. А. Оборина. Всего изучено 51 погребение [Оборин, Вотинцева, 1960; Оборин, 1961]. Могильник датируется VIII – началом X в., большая часть погребений относится к VIII–IX вв. [Моряхина, 2020, с. 116].

Щукинский могильник расположен в 300 м к западу от д. Щукино Афанасьевского района Кировской области на небольшом мысу высотой 14 м правого берега р. Камы. Памятник был обнаружен и исследован В. А. Кананиным в 1977 г. Всего изучено 82 погребения [Кананин, 1978]. Могильник датируется VI–IX вв. К VI в. можно отнести всего два погребения, в которых сохранились ранние пряжки. Большая часть из атрибутированных погребений представлена VIII–IX вв. [Моряхина, 2023, с. 59].

В основу сравнительного анализа погребального обряда Плесинского и Щукинского могильников был положен метод статистической характеристики и сравнительного анализа, разработанный В. Ф. Генингом и В. А. Борзуновым [Генинг, Борзунов, 1975].

Характеристика погребального обряда была рассмотрена по 64 признакам, включающим в себя характеристику могильной ямы (ориентировка ямы, размер ямы, конструкция ямы, погребальные сооружения), способ захоронения, положения костяка, обрядовые действия (заворачивание в бересту, угли, кости животных), погребальный инвентарь (погребальные маски, сосуды, украшения, оружие, детали конской упряжи, орудия труда). 29 признаков из 66 представлено только на одном из могильников, на другом же полностью отсутствуют (см. табл., показатель в. Частность признака), из них:

18 на Плесинском могильнике: ориентировка могильной ямы (Ю, ЮЗ, З, СЗ), гробовище, положение костяка (вытянут на спине, обе руки на бедрах), погребальная маска, металлический сосуд, гривна, копоушка, гребень, вооружение (сабля, ножны, напершие кинжала), удила, стамеска, тесло.

11 на Щукинском могильнике: ориентировка могильной ямы (ССВ, СВ, ВСВ), конструкция ямы (ниша, заплечики, уступ), настил, кремация, кости животных, цепочка.

Один из признаков, присутствующий на обоих могильниках, имеет сильные различия в тенденции встречаемости (см. табл., показатель б1. Тенденция совокупности), – это ингумация (на Плесинском могильнике – 100%, на Щукинском – 39,02%).

Анализ парных коэффициентов сходства по единицам совокупностей показывает, что наибольшая схожесть памятников отмечена в категориях: размеры могильных ям (91,03), маска (88,24), сосуды (82,15), украшения (88,80), оружие (89,73), конская упряжь (90,46), орудия труда (88,94). Значительные различия заметны в конструкциях ямы (76,83), погребальных сооружениях (78,43), обрядовых действиях (58,04). Наибольшее различие заметно по категориям: ориентировка ямы (2,44), способ захоронения (39,02), положение костяка (39,02).

Общий коэффициент сходства составляет 70,24, что позволяет отнести памятники к одной археологической культуре.

Перейдем к интерпретации статистических данных. Существенные различия в ориентировке могильных ям связаны, вероятно, с расположением могильника по отношению к реке. Относительно Плесинского могильника р. Кама находит по направлению на восток, а относительно Щукинского – на юго-запад. Таким образом, на обоих могильниках погребенные были уложены ногами к реке. Стоит отметить, что Щукинский могильник расположен непосредственно на краю береговой террасы, Плесинский – на расстоянии 350 м. На обоих могильниках преобладают ямы среднего размера, что в целом характерно для памятников данного периода. Но на Щукинском могильнике процент захоронений в больших ямах выше, чем на Плесинском, 18,29% и 9,80% соответственно. Различия не обусловлены датировкой памятников: на Щукинском могильнике большие ямы фиксируются и в ранней, и в поздней части (26,6% больших ям – VIII в., 20% – IX в., датировка остальных не определена).

Принципиальные различия на памятнике отмечены в конструкции могильной ямы и погребальных сооружениях. На Плесинском могильнике все захоронения совершены в простых прямоугольных ямах. Аналогичную картину можно наблюдать на синхронных Урьинском (100%), Важгортском (100%), Деменковском (99,44%), Каневском (99,44%), Баяновском (98%) могильниках. На Щукинском могильнике есть такие конструкции, как ниши, уступы и заплечики. Фиксируются они и на других

могильниках – Аверинский II, Агафоновский I и II, Запосельский, Огурдинский, Рождественский. Погребальные сооружения сложно анализировать ввиду плохой сохранности дерева, но по имеющимся материалам можно отметить, что на Плесинском могильнике умершего укладывали в гробовище (обнаружены фрагменты дна, крышек и продольных плах), на Щукинском могильнике – на настил. Остатки настила фиксируются как на уровне дна, так и значительно выше, в одном погребении остатки настила обнаружены на уступе.

Отличаются эти памятники и по способу захоронения умерших. На Щукинском могильнике фиксируется биобрядность: ингумация и кремация, на Плесинском – только ингумация. Определить положения костяка на Щукинском могильнике не представляется возможным, поскольку костяк плохо сохранился, а в каких-то случаях кости смещены в результате обвала настила или грабительского вкопа. На Плесинском могильнике индивида укладывали на спину, руки вытянуты вдоль тела или обе лежали на бедрах.

Обрядовые действия, связанные с засыпью могильных ям, имеют существенные различия: так, на Щукинском могильнике в 6 погребениях фиксируются куски угля, и в остальных – вкрапления угля, на Плесинском всего в одном. На Щукинском в 24,39% обнаружены кости животных (зубы лошади), на Плесинском отсутствуют. Это связано с отличием в проявлении культовых действий – на Плесинском могильнике углистые пятна и кости животных фиксируются в межмогильном пространстве в жертвенных ямах, в погребениях культ коня заметен по наличию деталей конской упряжи.

На Плесинском могильнике в шести погребениях обнаружены погребальные маски, на Щукинском могильнике они не встречаются. Традиция использования погребальных масок известна по материалам других могильников Пермского Предуралья: Баяновский, Деменковский, Огурдинский, Рождественский, Телячий Брод.

При этом на памятниках отмечается схожесть материальной культуры. На могильниках встречается типичная для ломоватовской культуры керамика со шнуро-гребенчатым орнаментом, металлические котлы есть только на Плесинском могильнике. Рассматривая украшения, стоит отметить, что на обоих могильниках в погребениях часто встречаются детали поясного набора, наличие височных колец, наоборот, разнится – чаще встречаются на Плесинском могильнике. При этом на Плесинском могильнике представлены более разнообразные варианты разных категорий украшений. Например, на обоих памятниках обнаружены провололочные височные кольца и с бипирамидальной гроздью, с привеской в виде полого шарика – только на Плесинском. На обоих памятниках встречаются подвески колесовидные, колоковидные и арочные шумящие с изображением ростков, на Щукинском также еще есть арочные с изображением медведя, а не Плесинском – умбовидные шумящие, биконьковые шумящие, коньковые. И подобную картину можно наблюдать при сравнении других категорий украшений за исключением поясных накладок, они разнообразнее на Щукинском могильнике. Стоит отметить, что на Плесинском могильнике есть гривны и гребни, которые не встречаются на Щукинском могильнике. На Щукинском могильнике обнаружена плакетка пермского звериного стиля [Моряхина, 2020, с. 14–15; Моряхина, 2022].

На Плесинском могильнике преобладает количество оружия и элементов конской упряжи, что говорит о том, что для населения, оставившего этот могильник, военное дело играло большую роль.

Орудия труда на обоих могильниках схожие – кресала, универсальный и деревообрабатывающий инструментарий, на Плесинском могильнике в одном погребении есть кузнечные клещи, на Щукинском могильнике в межмогильном пространстве найден ювелирный молоточек.

Несмотря на схожесть материальной культуры, различия в погребальном обряде Плесинского и Щукинского могильников весьма существенные. Это позволяет сделать предположение о том, что внутри ломоватовской культуры имеются локальные варианты, в которых фиксируются мировоззренческие различия. При этом памятники с одним и теми же локальным вариантом обряда могли быть расположены в отдалении друг от друга, а «по соседству» мог быть оставлен памятник с другим локальным вариантом обряда. Если обратиться к расположению памятников, то можно отметить, что расстояние между Щукинским и Плесинским могильниками меньше (примерно 230 км вверх по течению Камы), чем между Щукинским и Агафоновским II (примерно 265 км вверх по течению Камы), которые имеют более схожий погребальный обряд не только по материальной культуре, но конструкциям ямы, способу захоронения.

Таблица

Статистическая характеристика погребального обряда Плесинского и Щукинского могильников

Показатель				а. Количество			б. Частность совокупности			б1. Тенденция совокупности		в. Частность признака		в1. Тенденция признака	
Категория	Единица совокупности	Признак	№	П	Щ	Всего	П	Щ	Норма распределения	П	Щ	П	Щ	П	Щ
Показатель исчисления				51	82	133	100	100	100,00			38,35	61,65		
Характеристика мотильных ям	Ориентировка ямы	С	1	1	1	2	1,96	1,22	1,59	0,37	-0,37	50,00	50,00	11,65	-11,65
		ССВ	2	0	48	48	0,00	58,54	29,27	0,00	29,27	0,00	100,00	0,00	38,35
		СВ	3	0	30	30	0,00	36,59	18,29	0,00	18,29	0,00	100,00	0,00	38,35
		ВСВ	4	0	1	1	0,00	1,22	0,61	0,00	0,61	0,00	100,00	0,00	38,35
		Ю	5	2	0	2	3,92	0,00	1,96	1,96	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		ЮЗ	6	15	0	15	29,41	0,00	14,71	14,71	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		З	7	25	0	25	49,02	0,00	24,51	24,51	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		СЗ	8	7	0	7	13,73	0,00	6,86	6,86	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		ССЗ	9	1	1	2	1,96	1,22	1,59	0,37	-0,37	50,00	50,00	11,65	-11,65
	размер	малая	10	1	2	3	1,96	2,44	2,20	-0,24	0,24	33,33	66,67	-5,01	5,01
		средняя	11	45	65	110	88,24	79,27	83,75	4,48	-4,48	40,91	59,09	2,56	-2,56
		большая	12	5	15	20	9,80	18,29	14,05	-4,24	4,24	25,00	75,00	-13,35	13,35
	констр. ямы	простая	13	51	63	114	100,00	76,83	88,41	11,59	-11,59	44,74	55,26	6,39	-6,39
		ниша	14	0	7	7	0,00	8,54	4,27	0,00	4,27	0,00	100,00	0,00	38,35
		заплетчики	15	0	4	4	0,00	4,88	2,44	0,00	2,44	0,00	100,00	0,00	38,35
		уступ	16	0	11	11	0,00	13,41	6,71	0,00	6,71	0,00	100,00	0,00	38,35
	сооружения	настил	17	0	6	6	0,00	7,32	3,66	0,00	3,66	0,00	100,00	0,00	38,35
		гробовище	18	11	0	11	21,57	0,00	10,78	10,78	-10,78	100,00	0,00	61,65	0,00
		не опред	19	40	76	116	78,43	92,68	85,56	-7,13	7,13	34,48	65,52	-3,86	3,86
способ захоронения	игумация	20	51	32	83	100,00	39,02	69,51	30,49	-30,49	61,45	38,55	23,10	-23,10	
	кремация	21	0	50	50	0,00	60,98	30,49	0,00	30,49	0,00	100,00	0,00	38,35	
положение костяка	вытянут на спине	22	11	0	11	21,57	0,00	10,78	10,78	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00	
	обе руки на бедрах	23	6	0	6	11,76	0,00	5,88	5,88	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00	
	не определ	24	34	32	66	66,67	39,02	52,85	13,82	-13,82	51,52	48,48	13,17	-13,17	
обрядовые действия	береста	25	3	2	5	5,88	2,44	4,16	1,72	-1,72	60,00	40,00	21,65	-21,65	
	уголь	26	1	82	83	1,96	100,00	50,98	-49,02	49,02	1,20	98,80	-37,14	37,14	
	кости животных	27	0	20	20	0,00	24,39	12,20	0,00	12,20	0,00	100,00	0,00	38,35	

инвентарь	погребальная маска		28	6	0	6	11,76	0,00	5,88	5,88	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
	сосуды	керамич. сосуд	29	7	23	30	13,73	28,05	20,89	-7,16	7,16	23,33	76,67	-15,01	15,01
		металл. сосуд	30	3	0	3	5,88	0,00	2,94	2,94	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		фр. керам.	31	6	37	43	11,76	45,12	28,44	-16,68	16,68	13,95	86,05	-24,39	24,39
	украшения	пояс. пряжка	32	21	20	41	41,18	24,39	32,78	8,39	-8,39	51,22	48,78	12,87	-12,87
		накр. ремня	33	5	6	11	9,80	7,32	8,56	1,24	-1,24	45,45	54,55	7,11	-7,11
		наклад. ка	34	9	17	26	17,65	20,73	19,19	-1,54	1,54	34,62	65,38	-3,73	3,73
		про. низка	35	25	17	42	49,02	20,73	34,88	14,14	-14,14	59,52	40,48	21,18	-21,18
		под. веска	36	21	25	46	41,18	30,49	35,83	5,34	-5,34	45,65	54,35	7,31	-7,31
		вис. кольцо	37	22	6	28	43,14	7,32	25,23	17,91	-17,91	78,57	21,43	40,23	-40,23
		гривна	38	3	0	3	5,88	0,00	2,94	2,94	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		браслет	39	11	4	15	21,57	4,88	13,22	8,35	-8,35	73,33	26,67	34,99	-34,99
		пер. стень	40	5	4	9	9,80	4,88	7,34	2,46	-2,46	55,56	44,44	17,21	-17,21
		бусы	41	29	37	66	56,86	45,12	50,99	5,87	-5,87	43,94	56,06	5,59	-5,59
		монета	42	7	1	8	13,73	1,22	7,47	6,25	-6,25	87,50	12,50	49,15	-49,15
		Бляшка	43	12	1	13	23,53	1,22	12,37	11,15	-11,15	92,31	7,69	53,96	-53,96
		цепочка	44	0	2	2	0,00	2,44	1,22	0,00	1,22	0,00	100,00	0,00	38,35
		коп. ушка	45	1	0	1	1,96	0,00	0,98	0,98	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		гребень	46	5	0	5	9,80	0,00	4,90	4,90	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		ложка	47	3	2	5	5,88	2,44	4,16	1,72	-1,72	60,00	40,00	21,65	-21,65
	вооружение	сабля	48	3	0	3	5,88	0,00	2,94	2,94	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		ножны	49	2	0	2	3,92	0,00	1,96	1,96	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		наверш. кинжала	50	2	0	2	3,92	0,00	1,96	1,96	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		нако. нечник стрелы	51	21	10	31	41,18	12,20	26,69	14,49	-14,49	67,74	32,26	29,40	-29,40
		нако. нечник копья	52	7	7	14	13,73	8,54	11,13	2,59	-2,59	50,00	50,00	11,65	-11,65
		топор	53	13	3	16	25,49	3,66	14,57	10,92	-10,92	81,25	18,75	42,90	-42,90
		кольчуга	54	2	5	7	3,92	6,10	5,01	-1,09	1,09	28,57	71,43	-9,77	9,77
	упряжь	удила	55	7	0	7	13,73	0,00	6,86	6,86	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
		под. пруж. пряжка	56	1	11	12	1,96	13,41	7,69	-5,73	5,73	8,33	91,67	-30,01	30,01
		стремена	57	3	2	5	5,88	2,44	4,16	1,72	-1,72	60,00	40,00	21,65	-21,65
	орудия труда	нож	58	31	30	61	60,78	36,59	48,68	12,10	-12,10	50,82	49,18	12,47	-12,47
		пило/про. колка	59	6	3	9	11,76	3,66	7,71	4,05	-4,05	66,67	33,33	28,32	-28,32
		кре. сало	60	15	1	16	29,41	1,22	15,32	14,10	-14,10	93,75	6,25	55,40	-55,40
		пряслице	61	3	1	4	5,88	1,22	3,55	2,33	-2,33	75,00	25,00	36,65	-36,65
		скобель	62	5	2	7	9,80	2,44	6,12	3,68	-3,68	71,43	28,57	33,08	-33,08

	лож- карь	63	5	1	6	9,80	1,22	5,51	4,29	-4,29	83,33	16,67	44,99	-44,99
	ста- местка	64	3	0	3	5,88	0,00	2,94	2,94	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
	тесло	65	3	0	3	5,88	0,00	2,94	2,94	0,00	100,00	0,00	61,65	0,00
	оселок	66	4	1	5	7,84	1,22	4,53	3,31	-3,31	80,00	20,00	41,65	-41,65

П — Плесинский могильник

Щ — Щукинский могильник

Примечание: в таблице не приведено отсутствие признака, при расчете парных коэффициентов и коэффициента сходства памятников отсутствие признака учитывалось.

Библиографический список

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (32). С. 28–41.

Бочаров И. В. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: опыт статистического анализа: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 235 с.

Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. 1975. Вып. 13. С. 42–72.

Голдина Р. Д. К итогам дискуссии «Угры в Предуралье» // Российская археология. 2016. № 2. С. 102–119.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники Верхней Камы. Екатеринбург: Уральский ун-т, 1989. 215 с.

Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Проблема современного этнокультурного и хронологического восприятия средневековых древностей Верхнего Прикамья (конец I тыс. – первая половина II тыс. н. э.) // Этнокультурные процессы в странах и регионах. Материалы международной научно-практической очно-заочной конференции. Киров: Изд-во «Аверс», 2017. С. 13–26.

Кананин В. А. Отчет об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области, проведенных летом 1977 года. 1978 // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 6650.

Моряхина К. В. Особенности погребального обряда Плесинского могильника // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1(17). С. 112–119.

Моряхина К. В. Металлические украшения Щукинского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2022. № 21. С. 69–79.

Моряхина К. В. Погребальный обряд Щукинского могильника ломоватовской археологической культуры // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 51–62.

Моряхина К. В., Шмуратко Д. В. Погребальный обряд средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019622464 от 23. 12. 2019.

Оборин В. А. Отчет о работе археологической экспедиции Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в сентябре и октябре месяце 1960 г. Пермь, 1961 // Архив ИА РАН: д. 2091.

Оборин В. А., Вотинцева Р. Д. Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в июле 1961 г. Пермь, 1961 // Архив ИА РАН: д. 2280.

COMPARATIVE ANALYSIS OF FUNERAL RITES OF THE PLESINSKY AND SCHUKINSKY BURIAL GROUNDS

K. V. Morjakhina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya, 24, 614990, Perm, Russia

kmoryaxina@mail.ru

Plesinsky and Shchukinsky burial grounds are located in the upper reaches of the river. Kama. The Plesinsky burial ground was in active use in the 8th-10th centuries, the Shchukinsky - in the 7th-9th centuries. The monuments belong to the Lomovatovskaya archaeological culture. The purpose of this article is to identify similarities and differences in the funerary rites of Plesinsky and Shchukinsky burial grounds using statistical methods. The work was based on the method by V. F. Gening and V. A. Borzunov. The study showed that, despite the proximity of material culture, the monuments have significant differences in the designs of burial pits, burial structures, in the method of burial, in ritual actions. At the Plesinsky burial ground, inventory was found that was not found at the Shchukinsky burial ground – funeral masks, hryvnias, sabers, bits, bronze cauldrons.

Key words: funeral rites, Lomovatov culture, Middle Ages, Perm Cis-Urals, statistical analysis, funeral things.

«КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ»: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ

А. А. Нечипорук ©

ООО «Дельта-Л», 344068, Россия, Ростов-на-Дону, пр. Михаила Нагибина, 40
necchip25@mail.ru

В статье дана краткая история становления некрополистики в г. Ростове-на-Дону, приведен обзор проводившихся исследований исторических кладбищ, как городских, так и прицерковных. Сделан упор на разборе общего круга проблем в сфере изучения и сохранения ростовских исторических кладбищ, часть из которых – разность подходов к такого рода работам, некоторое разобщение специалистов, равнодушие к данным проблемам как со стороны археологов, так и со стороны широких слоев общественности. Это во многом объясняет тот факт, что все проводившиеся до настоящего момента археологические изыскания имели случайный или же охранно-спасательный характер. Накопленный за долгие годы материал нуждается в первичной обработке, обобщении и анализе.

Ключевые слова: Ростов-на-Дону, исторические некрополи, кладбище, археологические исследования, надгробие, погребение, склеп, гроб.

Тема изучения и сохранения исторических кладбищ не нова и регулярно поднимается в научных и краеведческих изданиях. Некрополи города Ростова-на-Дону здесь не стали исключением. Однако интерес к ним как к пространствам сакральным, в некоторой степени даже мистическим, вызывал повышенное внимание в основном в сетевых изданиях и социальных сетях. В исследовательской среде этот интерес был не столь явным. На фоне возникшего в 1990-е гг. общероссийского всплеска внимания к кладбищам, в Ростове-на-Дону эта категория историко-культурных объектов тоже попала в сферу интересов краеведов. Одним из первых в этот период о ростовских кладбищах начал писать местный краевед Владимир Сидоров, представивший в своей работе «Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону» раздел по истории Братского кладбища и кладбищенской Всехсвятской церкви [Сидоров, 1994, с. 286–292; Сидоров, 1996, с. 160–166]. В 2000-е годы вышла книга Малаховского «Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие», в которой он также затронул историю кладбищ, но в контексте церковной истории [Малаховский, 2012]. Отдельные статьи, посвященные историческим некрополям, выходили в разные годы в альманахе «Донской временник»: Е. В. Мовшовича о еврейских кладбищах [Мовшович, 1998, с. 105], Л. Ф. Волошиновой о Братском и Новопоселенском [Волошинова, 2019, с. 134–141; Волошинова, 2018, с. 195–199]. В последние годы интерес к данной тематике в научном сообществе возрос, что выразилось в организации специализированной региональной конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей», которая начала проводится с 2022 г. в г. Таганроге. В сборнике материалов этой конференции вышла статья по истории Покровского кладбища Ростова-на-Дону [Зенюк и др., 2022, с. 69–121].

О проблемах изучения ростовских исторических некрополей в археологическом контексте автору уже приходилось писать [Нечипорук, 2021, с. 111–118]. Поскольку территории кладбищ в основном застроены, а сами могилы и их надгробия по большей части уничтожены, то в данной ситуации основным источником информации о них являются археологические исследования. Даже несмотря на то, что этот вид работ только начинает получать свое развитие, уже к сегодняшнему дню накоплен достаточно большой объем материала для изучения городских некрополей. К сожалению, в силу разного рода обстоятельств, и прежде всего поздними хронологическими рамками захоронений, не все проведенные работы были корректно выполнены и надлежащим образом оформлены, что повлекло за собой утрату ценной информации.

Первые попытки изучения ростовских кладбищ наметились еще в начале XX в., когда сотрудниками Ростовского на Дону музея были представлены в экспозиции и затем включены в каталог черепа из разрушенных во время строительных работ погребений Всехсвятского кладбища [Каталог..., 1912, с. 43–44]. Спустя несколько лет хранителем музея, членом правления Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы М. Б. Краснянским совместно с А. Т. Парецким было проведено обследование кладбищ Ростова-на-Дону. Результаты их работ были представлены в рукописи, датируемой

1917 г., которая так и не была издана [ГАРО, Ф. Р-2577, Оп. 2, Д. 6, л. 1–21]. В предвоенные годы, пытаясь подготовить материал к публикации, М. Б. Краснянский значительно переработал эту рукопись, написав на ее основе еще одну, которая также осталась не изданной [ГАРО, Ф. Р-2613, Оп. 1, Д. 244, л. 1–7].

После Октябрьской революции декретом 1918 г. «О кладбищах и похоронах» все кладбища были переданы в ведение местных советов. Отдельные могилы представителей «классово чуждых» и «врагов» стали подвергаться глумлению и разрушению. В 1920–1930 гг. в Ростове-на-Дону целые кладбища или их отдельные участки были упразднены и постепенно застроены. Надгробия же использовались для нужд «социалистического строительства».

В послевоенный период погребения на территории бывших кладбищ периодически обнаруживались во время различных строительных работ или прокладки коммуникаций. Их исследование в таких случаях не производилось, а строительство велось дальше. Сведения о разрушенных погребениях оставались лишь в воспоминаниях очевидцев или иногда могли попасть на страницы местных газет.

После развала СССР ситуация с изучением некрополей, даже с учетом некоторой краеведческой активности, практически не изменилась. Единственный отмеченный нами случай произошел в самом начале 1990-х гг., когда сотрудниками ростовского областного музея было исследовано захоронение священнослужителя в деревянном гробу. Оно было обнаружено при прокладке коммуникаций к кафедральному собору Рождества Богородицы, на его подворье. В бортах той же траншеи, по словам В. В. Потапова (один из сотрудников музея, который проводил расчистку), были видны еще несколько погребений, исследование которых не производилось¹. К сожалению, данные работы никак не документировались и были проведены достаточно стихийно, на основании лишь обращения в музей. Дальнейшая судьба найденных останков автору не известна. Отсутствие сведений о точной локализации места находки не позволяет делать каких-либо выводов.

Более удачными и результативными стали работы на месте утраченной Покровской церкви, построенной в крепости св. Дмитрия Ростовского в 1762 г. В ограде церкви образовался небольшой некрополь, просуществовавший вплоть до конца XIX в. В начале 2000-х гг. администрацией было принято решение восстановить храм, на месте которого в 1930-е гг. был заложен Кировский сквер (ныне Покровский). Благодаря усилиям археологов и краеведов, удалось добиться проведения археологических исследований на этой территории. В 2003 и 2005 гг. отрядом РРО ВООПИиК под руководством П. А. Ларенка был изучен небольшой участок церковного подворья с остатками храма, а также несколько погребений, в том числе 3 сильно разрушенных склепа [Нечипорук, 2021, с. 113]. В 2007 г. на территории сквера при рытье котлована под строительство основания памятника Екатерине II было обнаружено несколько целых надгробий, а также еще некоторое количество фрагментов. Все они были использованы вторично в качестве строительного материала и забутовки под фундамент постамента памятника С. М. Кирову, построенному на этом же месте в 1939 г. Среди православных были найдены и лабрадоритовые надгробия в виде дерева с обрубленными ветвями, с нанесенными на них двуязычными надписями и иудейской символикой, происходящие с упраздненного в 1920-х гг. еврейского кладбища. Их перевезли на новое еврейское кладбище, остальные, судя по всему, были утрачены.

После 2002 г., со вступлением в силу ФЗ-73, при проведении археологических обследований землеотводов в историческом центре города старые кладбища изначально игнорировались и не воспринимались как памятники археологии. Этими работами в той или иной степени были затронуты отдельные участки Крепостного, Всехсвятского, Братского, Затемерницкого, Покровского, Новопоселенского кладбищ. В некоторых случаях, в основном после внесения изменений в ФЗ-73 2013 г., на обследуемых участках закладывались единичные шурфы или зачистки. Что, впрочем, не дало должного результата.

Первые аварийно-спасательные раскопки одного из исторических кладбищ были проведены в 1998 г., когда в центральной части города начало набирать темпы жилищное строительство. В конце 1997 г. при рытье котлована под многоквартирный дом в районе пересечения пер. Газетного и ул. М. Горького были обнаружены человеческие останки. Прибывшему на место строительства сотруднику Областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры А. И. Гармашову удалось установить, что во время земляных работ было разрушено значительное количество погребений с остатками гробов. Однако руководство фирмы-застройщика своевременно не сообщило о своей находке и археологические работы на этом участке проведены не были. Тем не менее в начале следующего года при возведении второй очереди дома повторения той же ситуации удалось избежать, и археологические исследования были проведены. Работы велись совместными усилиями археологической лаборатории РГУ и Областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры под руководством А. И. Гармашова. На площади около 570 м². (в границах котлована строящегося дома)

было обнаружено 13 могильных ям. Большое количество захоронений на исследованном участке было уничтожено поздними перекопами, что, исходя из реконструируемой достаточно высокой плотности расположения могильных ям, привело к утрате значительного их количества. Все исследованные комплексы, за исключением одного, содержали коллективные захоронения (от 3 до 6 человек единовременно) [Рогудеев, 2007, с. 73, 76]. Это безымянное кладбище не отмечено ни на одном известном нам городском плане и является одним из первых некрополей, появившихся в 1760-х гг. во время строительства крепости св. Дмитрия Ростовского. Прекращение его функционирования связано с эпидемией чумы 1771–1773 гг.

В 2000 г. при прокладке коммуникаций по ул. М. Горького в границах вышеописанного кладбища в траншеях были зафиксированы несколько разрушенных погребений. Одно из них было доследовано сотрудником Ростовского Областного музея краеведения Л. С. Ильюковым. Данный комплекс представлял собой коллективное многоярусное захоронение, содержащее 11 костяков.

В 2002 и 2004 гг. в связи со строительством многоквартирных домов в районе пересечения ул. М. Горького и пер. Газетный исследования данного памятника были продолжены. Аварийно-спасательные работы велись сотрудниками Областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры под руководством А. И. Гармашова. На этих участках было вскрыто 45 могильных ям, содержащих как индивидуальные захоронения, так и коллективные многоярусные. В нескольких фиксировались следы дезинфекции трупов при помощи извести. Типы могильных ям и их ориентировка, элементы погребального обряда в целом оказались аналогичны погребальным комплексам, исследованным в 1998 г.

К сожалению, все проведенные работы на кладбище велись без получения Открытого листа, поскольку до издания в 2002 г. Федерального закона ФЗ-73, такая практика в отношении памятников поздних хронологических периодов была распространенным явлением. Научные отчеты о результатах исследований не составлялись, а полученный материал, за исключением нательных крестов [Рогудеев, 2007, с. 73–76], не был опубликован.

В 2012 г. работы на памятнике были продолжены во время проведения реконструкции ул. М. Горького. Сотрудниками ГАУК РО «Донское Наследие» под руководством А. И. Гармашова было доследовано около десятка погребений, подвергшихся разрушению при рытье траншей [План..., 2020, с. 24]. Практически все они были совершены в гробах, аналогичных выявленным ранее. Остальные погребения, залегающие ниже проектных отметок, не исследовались. Важным результатом этих работ стало постановление памятника на охрану и придания ему статуса выявленного объекта археологического наследия «Кладбище «Крепостное».

В ходе реконструкции ул. М. Горького впервые были проведены исследования еще одного кладбища – Всехсвятского. Оно было образовано в 1770-х гг., придя на смену упраздненному Крепостному. Помимо его постановки на охрану, в качестве мероприятия по обеспечению сохранности памятника предусматривалось осуществление археологического наблюдения на период производства земляных работ. Однако уже на момент обследования строительные работы на данном участке активно велись. Разрушаемые строительной техникой погребения фиксировались в бортах траншей и котлованов. Эта ситуация, оказавшаяся на виду у горожан, вызвала даже некоторый общественный резонанс. Погребения, залегающие ниже проектной глубины снятия грунта (60–80 см), не исследовались. Отдельные захоронения, подвергшиеся разрушению, были частично доследованы А. И. Гармашовым. Среди них, в частности, выделялись несколько кирпичных саркофагов, при вскрытии которых были обнаружены деревянные гробы с человеческими останками внутри [Нечипорук, 2021, с. 116].

В 2013 г. при рытье котлована под строительство здания прокуратуры (пер. Халтуринский, 101) было обнаружено большое количество человеческих останков. Благодаря вмешательству общественности, прессы и лично руководителя РРО ВООПИиК А. О. Кожина, на проводившиеся работы было обращено внимание министерства культуры Ростовской области. Проектируемое здание попало в границы бывшего городского христианского кладбища (с конца XIX в. именовалось Новопоселенским), возникшего в 1820-х гг. и просуществовавшего до начала 1930-х. Строительная площадка и найденные на ней человеческие останки были осмотрены представителями органов охраны памятников, в результате чего был составлен акт осмотра объекта культурного наследия. Несмотря на то что найденные артефакты не были оценены как археологические, дальнейшие работы все же было предписано вести под надзором археологов, а вся территория бывшего кладбища должна была пройти государственную экспертизу. Соблюдая формальности, застройщик привлек археологов из ГАУК РО «Донское Наследие», но их работы ограничились минимальной фиксацией разрушаемых погребений, кости из которых

собирались в мешки, а позже были вывезены представителями заказчика и перезахоронены на действующем городском Северном кладбище. Поскольку события развивались стремительно, то археологические работы велись без открытого листа и, соответственно, без написания полагающегося научного отчета. По словам очевидцев и участников работ, было разрушено большое количество захоронений, в том числе и кирпичных склепов.

Похожая история произошла еще с одним бывшим городским кладбищем – Затемерницким. Оно было основано в 1866 г. и просуществовало до середины XX в. В данный момент на его территории разбит парк культуры и отдыха им. А. Собино. В 2019 г. в связи с его реконструкцией велись земляные работы, в ходе которых было разрушено несколько погребений. Благодаря вниманию общественности и СМИ, строительные работы были приостановлены для проведения историко-культурной экспертизы участка. Требуемые исследования были выполнены сотрудниками ООО «ЦРСП» под руководством Б. К. Волынца [Волынец, 2019, с. 31]. Однако несмотря на констатацию факта наличия в прошлом на данном участке кладбища, оно не было признано археологическим памятником, и строительные работы были продолжены. В 2022 г. при рытье котлована под фундамент церкви в северо-западной части парка был разрушен еще один участок бывшего Затемерницкого кладбища. Работы проведены без согласования в органе охраны памятников, что привело к утрате погребений. Человеческие останки вместе с фрагментами гробов были вывезены вместе с грунтом. Автору удалось произвести лишь фотофиксацию остатков захоронений, видневшихся в бортах котлована, а также разрозненных костей на отвалах. Среди них была найдена сильно потертая монета 3 копейки 1872 г.

Подводя итог, отметим, что сама тема исследования исторических некрополей, являющихся неотъемлемой частью городского ландшафта старого Ростова, остается сложной и неоднозначной проблемой в изучении города [Зенюк и др., 2022, с. 82–85]. Значительная часть этих кладбищ, находящихся в современной черте города, была застроена и забыта. Массив имеющихся письменных, изобразительных, картографических и прочих источников сильно ограничен. На сегодняшний день неизвестно даже точное количество самих кладбищ. Это объясняется тем, что период 2-й половины XVIII в. наименее изучен и имеет много «белых пятен» в вопросах организации мест погребений. На основании проведенных изысканий можно утверждать, что в исторической части города было не менее 18 некрополей, включая городские и прицерковные (рис. 1). Это не учитывая кладбища бывшего г. Нахичевана, в 1928 году объединенного с Ростовом-на-Дону, а также станиц Гниловской и Александровской, и ряда мелких хуторов и поселков. Лишь на территории нескольких из этих кладбищ проводились эпизодические археологические исследования.

Примечание

¹ Выражаю благодарность В. В. Потапову за предоставленную информацию.

Библиографический список

Волошинова Л. Ф. Братское кладбище Ростова-на-Дону // Донской временник. Вып. 28-й. Ростов-на-Дону, 2019. С. 134–141.

Волошинова Л. Ф. Забытое христианское кладбище Ростова // Донской временник. Год 2019-й. Вып. 27. Ростов-на-Дону, 2018. С. 195–199.

Волынец Б. К. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ (разведок) с проведением мероприятий, с целью выявления наличия (отсутствия) объектов культурного наследия, на объекте «Парк культуры и отдыха им. Собино». Саратов, 2019. 67 с.

Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-2577. Оп. 2, Д. 6. Л. 1-21.

ГАРО: Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 244. Л. 1–7.

Зенюк Д. И., Нечипорук А. А., Овчинников А. Н. Покровское кладбище города Ростова-на-Дону (середина XIX в. – первая треть XX в.) и проблемы его археологического изучения // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы Региональной научно-практической конференции. Таганрог, 27–28 мая 2022 г. Таганрог, 2022. С. 69–121.

Каталог Ростовского на Дону городского музея. Ростов-на-Дону: Изд-во правления Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы, 1912. 123 с.

Малаховский Е. И. Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. Ростов-на-Дону, 2012. 312 с.

Мовшиович Е. В. Еврейские кладбища Ростова-на-Дону – исторические памятники // Донской временник. Год 1999-й. Вып. 9. Ростов-на-Дону, 1998. С. 105.

Нечипорук А. А. Археологическое исследование исторических некрополей Ростова-на-Дону в контексте региональной истории // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (IX Токаревские чтения) «Казачество России между Европой и Азией: опыт исторического и культурного взаимодействия (К 80-летию со дня рождения выдающегося историка казачества В. Н. Королева)»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 9 октября 2020 г.). Ростов-на-Дону, 2021. С. 111–118.

План проведения спасательных археологических полевых работ на территории выявленного объекта археологического наследия «Кладбище «Крепостное», расположенного в зоне планируемого строительства по объекту: «Многokвартирный жилой дом с автостоянкой и встроенными помещениями общественного назначения в г. Ростове-на-Дону». Ростов-на-Дону, 2020. 58 с.

Рогудеев В. В. Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX веков // Археологические записки. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2007. С. 65–81.

Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 2. Ростов-на-Дону: Донская вивлиофика, 1994. 293 с.

Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 4. Ростов-на-Дону: Донская вивлиофика, 1996. 404 с.

«EXECUTION CANNOT BE PARDONED»: PROBLEMS OF STUDYING AND PRESERVING HISTORICAL NECROPOLISES OF ROSTOV-ON-DON CITY

A. A. Nechiporuk

LLC «Delta-L», Mikhail Nagibin Prospect, b. 40, 344068, Rostov-on-Don, Russia
nechip25@mail.ru

The article gives a brief history of the formation of necropolis in Rostov-on-Don, provides an overview of the historical cemeteries research, both urban and near-church. Emphasis is placed on the analysis of the general range of problems in the field of studying and preserving Rostov historical cemeteries. Some of the problems are the difference in approaches to this kind of work, separation of specialists, indifference to these problems both on the part of archaeologists and the general public. This, in many respects, explains the fact that all the archaeological surveys carried out so far have been of an accidental or security and rescue nature. The material accumulated over many years needs primary processing, generalization and analysis.

Key words: Rostov-on-Don, New time, historical necropolises, cemetery, archaeological research, tombstone, burial, crypt, coffin.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У НАСЕЛЕНИЯ МУЛЯНСКОЙ ПЛЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Е. М. Орлова [©]

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
orlihaliza@gmail.com

Л. С. Шумиловских

Гёттингенский университет им. Георга Августа, Германия;
Томский государственный университет, 634050, Томск, пр. Ленина, 36
shumilovskikh@gmail.com

М. Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
pereskoff@yandex.ru

Представлено первое комплексное исследование памятников мулянской племенной территории с применением палеоботанических методов. С целью реконструкции растительных сообществ и определения их функционала из культурных слоев были взяты пробы почвы на макроостатки растений объемом 406 л из 3 поселений. Флотационным методом мы извлекли из почвы растительные остатки и идентифицировали их под микроскопом. Результаты показали наличие земледелия в позднем ананьино (V–IV вв. до н. э.) и его распространение в мулянском междуречье.

Ключевые слова: ананьинская культура, гляденовская культура, Пермское Прикамье, ранний железный век, Мулянская племенная территория, археоботаника, земледелие.

Последние 50 лет в археологии идет тенденция на сближение с естественными науками в исследованиях археологических объектов. Прежде всего это связано с осознанием того, что полная реконструкция образа жизни древних людей и природной среды возможна лишь на основе междисциплинарного подхода. Наша группа ученых при исследовании вопросов, связанных с земледелием и природно-климатическими условиями территории, населенной мулянской племенной группой в эпоху раннего железного века, применяла комплекс естественнонаучных методов – археоботанический и палинологический.

Мулянская племенная территория относится к пермскому локальному варианту гляденовской культуры, но большинство поселений начинают функционировать с позднеананьинского времени. Поселения располагаются в пойме междуречья Нижней и Верхней Мулянки, левых притоков Камы, в зоне елово-березовых южнотаежных лесов с умеренно-континентальным климатом и с залеганием дерново-слабоподзолистых почв. Мулянская территория является самой густонаселенной территорией – 6 городищ и 63 селища, где центром считается Гляденовское городище–костище [Перескоков, 2018, с. 107].

Гляденовское городище появляется в позднеананьинское время в конце VI в. до н. э. и функционирует до V в. до н. э. Самая ранняя система укреплений была возведена на рубеже VI–V вв. до н. э. и состояла из четырех поперечных валов и рвов и двух боковых валов, защищающих склон оврага. После чего она была разрушена и построена заново более технически оснащённой: 4 поперечных вала и продольный вал с башнями. Городище расположено на трёх площадках, где среднюю площадку от нижней отделял второй вал. Третий и четвертый валы защищали городище со стороны стрелки мыса [Коренюк, Перескоков, 2017, с. 79]. На нижней площадке городища между вторым и третьим валами расположился жилищно-хозяйственный комплекс [Орлова, 2021, с. 156]. В эпоху гляденово на средней площадке располагалось костище с культовыми объектами в виде зольников, небольших очагов-жертвенников, галечниковых площадок, ям и выкладок из костей и черепов животных [Васильева и др., 2021, с. 20].

Комплекс памятников Кала-Урын состоит из 3 селищ, городища и курганного могильника, при этом поселения и могильник располагаются на противоположных берегах, что является общей закономерностью взаимоположения памятников эпохи раннего железного века в Прикамье [Мингалева, Перескоков, 2019, с. 320]. Городище представляет собой площадку, ограниченную 3 валами и рвами. Начало

функционировать в позднеананьинское время (V–III вв. до н. э.) и, возможно, было основано населением городища Алтен-Тау. На позднегладеновском этапе (III–V вв. н. э.) городище вновь заселяется, тогда же воздвигается фортификационная система из трех валов и рвов, заселяются прилегающие территории – селища I и II [Перескоков, 2021, с. 146]. Курганный могильник отделен от группы поселений поймой и течением реки. Захоронения располагаются группами в северо-западной, северо-восточной и юго-восточной частях памятника. Самые ранние ряды погребений находятся у края террасы, что аналогично размещению погребений Мокинского могильника. Могильник начинает существовать на месте заброшенного позднеананьинского селища, которое появилось в данном месте синхронно с позднеананьинским городищем Кала-Урын [Перескоков, 2017, с. 28].

Самое раннее поселение на территории Мокинского I поселения-могильника фиксируется в начале ананьинской культуры (IX–VIII вв. до н. э.). Далее поселение забрасывалось и вновь заселялось на позднеананьинском (V–IV вв. до н. э.) и среднегладеновском (I–III вв.) этапах. В последнем зафиксированы типичные для гладеновской эпохи жилые постройки. Имеются основания, что поселок был сожжен, что может быть связано с появлением в Прикамье в III в. пришлого военизированного населения. На месте оставленного поселения в III в. появляется могильник. В IV–V вв. на памятнике происходит изменение погребального обряда: к ингумации в грунтовых могилах добавляется ингумация под курганными насыпями, а также кремация и обряд обезвреживания погребенных (V–VI в.). В могильнике погребения датируются третьей четвертью IV – рубежом IV и V вв., связаны с культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш и относятся к финальному этапу гладеновской культуры [Васильева и др., 2018, с. 57].

Вопрос о существовании земледелия в научной среде долгое время оставался дискуссионным. Ученые-археологи, исследовавшие эпоху раннего железного века в Прикамье, предполагали наличие земледельческих практик у местного населения по косвенным находкам – орудия обработки земли (косяные и железные мотыги, серпы) и случайные находки зерна [Перескоков, 2018, с. 27].

С целью проверки гипотезы о присутствии земледелия в хозяйственно-культурном типе гладеновских племен были отобраны пробы почвы из культурных слоев Гладеновского городища-костища, комплекса Кала-Урын и Мокинского поселения-могильника для палинологического анализа и анализа макроостатков растений.

Для спорово-пыльцевого анализа были изучены пробы с нижней площадки Гладеновского городища на месте жилой постройки. Выделено три условных пыльцевых зоны по залеганию культурных слоев (Рис.). Результаты показали, что в период функционирования городища (V–IV вв. до н. э.) произрастали южнотаежные еловые леса с участием березы, липы и пихты. Пыльца рудеральных трав в составе лапчатки, лютика, подорожника и представителей семейств сложноцветных, амарантовых, зонтичных говорит об антропогенной нагрузке. Примерно в это же время происходила смена функционала постройки. В начале оно являлось жилищем, что подтверждает наличие очага и присутствие остатков *Neurospora* и *Gelasinospora tetrasperma*. Затем сооружение стали использовать для хозяйственных нужд, возможно, в качестве стойла, о чем свидетельствуют снижение пыльцы древесных видов, увеличение трав и наличие копротрофных грибов: *Sporormiella*, *Sordaria*-type, *Podospora decipiens*-type и спор головневого гриба *Urocystis*, который мог попасть вместе с сеном. Местность вокруг стала более открытой. Уже в период существования костища (III/II вв. до н. э. – III вв.) антропогенный фактор сохраняется, возможно, строение ещё служило местом содержания скота перед забоем. В последующей стадии идет процесс зарастания – увеличивается пыльца деревьев, появляются мхи (*Marchantiophyta*, *Sphagnum*) и папоротники (*monolete fern spore*, *trilete fern spore*), комплекс построек на нижней площадке поселения забрасывается [База, 2020]. Данные по пыльце хорошо соотносятся с результатами пыльцевой колонки с Пальтинского болота, вблизи которого существовала Черновская племенная территория, отражающего доминирование южной тайги или подтайги на территории средней Камы [Shumilovskikh, 2020, p. 11].

При исследовании макроостатков растений было отобрано 54 пробы (406 л). Все образцы обработаны флотацией в полевых и лабораторных условиях. Идентификацию проводили с помощью стереомикроскопа с использованием справочных коллекций и специализированных идентификационных атласов [Digitale, 2006, p. 130]. Сохранность археоботанического материала соответствует 2,5 по пятибалльной шкале. Фрагменты растений встречались в карбонизированном, минерализованном и не карбонизированном виде. В общей сложности удалось определить 1787 растительных остатков на Гладеновском городище-костище, 295 и 49 остатков на комплексе Кала-Урын и Мокинском поселении-могильнике соответственно. Большинство относится к травянистым растениям – представителям семейства злаковых (Poaceae), розоцветных (Rosaceae), мареновых (Rubiaceae), гречишных (Polygonaceae),

бобовых (Fabáceae), капустных (Brassicáceae), заразиховых (Orobancháceae), гвоздичных (Caryophylláceae), амарантовых (Amarantháceae), яснотковых (Lamiaceae), бурачниковых (Boraginaceae), сложноцветных (Asteraceae), зонтичных (Apiaceae), маковых (Papaveraceae), молочайных (Euphorbiaceae), лютиковых (Ranunculaceae), а также встречались виды растений адоковых (Adoxaceae) и сосновых (Pináceae).

Самое большое количество найденных зерновок относятся к *Triticum dicoccum* (7%), этот вид был выявлен во всех поселениях. Второй культурой был *Hördeum vulgäre* (<1%), встретившийся на Гляденовском и Кала-Урын городищах. Кроме того, были найдены колосовидные вилочки эммера (8%). Семена сорных растений составляют значительную часть от всей суммы, среди них *Brómus* (<1%), *Alchemilla* (3%), *Potentilla* (1%), *Galium spurium* (3%), *Fallópia convolvulus* (3%), *Rumex* (), *Vicia* (<1%), *Sinapsis arvensis* (1%), *Silene dioica* (<1%), *Stellaria* (<1%), *Chenopodium album* (12%), *Mentha aquatica* (<1%), *Chelidonium majus* (1%), *Ranunculus repens* (1%) были представлены на всех памятниках. Плодовые культуры представлены видами *Sambucus racemosa* (4%), *Rubus idaeus* (7%) и *Fragaria vesca* (<1%). Хвоя *Picea* (4%) и *Abies* (2%) присутствовала везде.

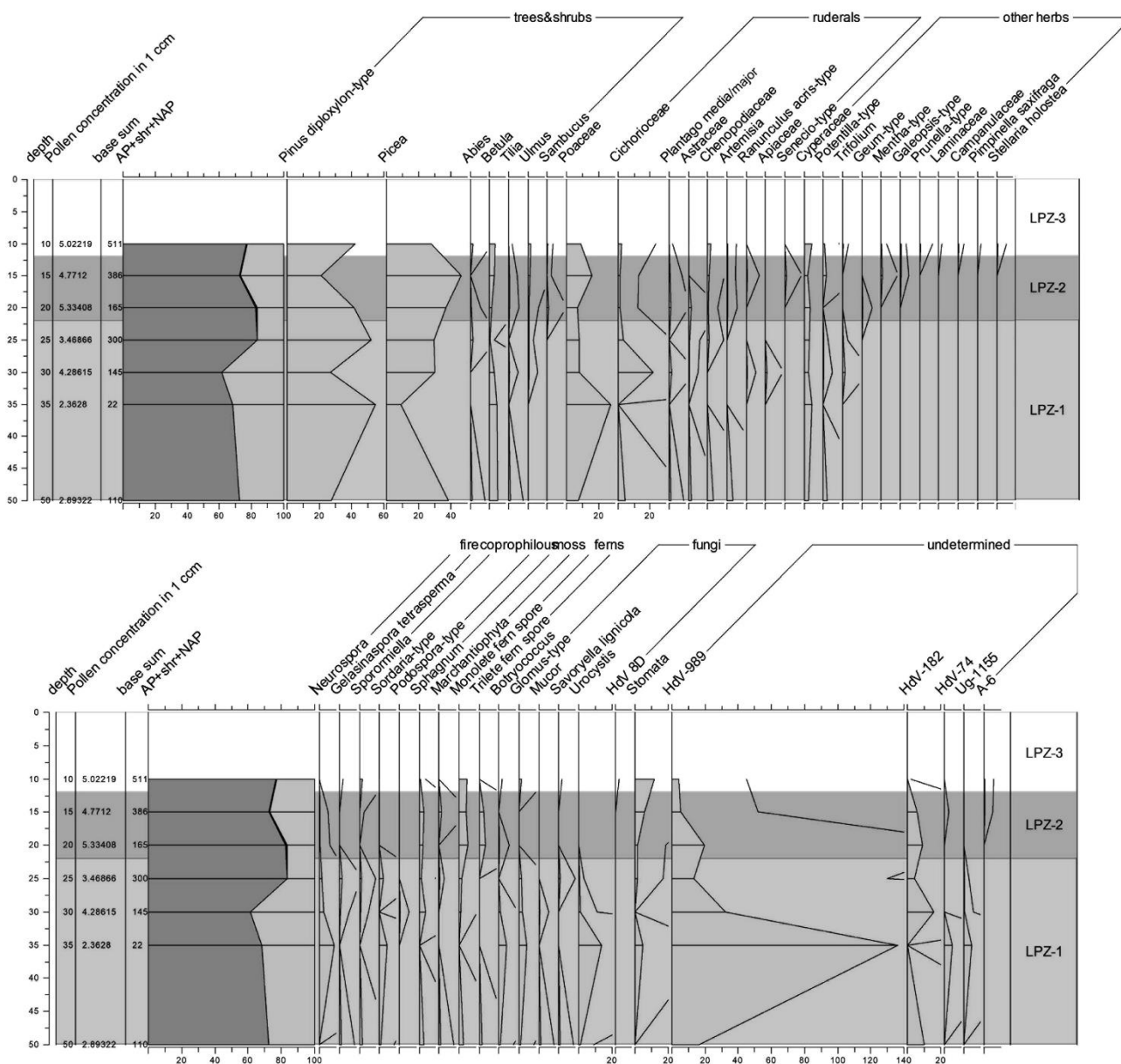

Рис. Пыльцевая диаграмма колонки из культурных слоев Гляденовского городища.

Главным индикатором существования земледелия выступают колосовидные вилочки эммера. Они были выявлены на всех исследуемых поселениях. Большая часть найдена на Гляденовском городище – 174. Значительная доля находок зерновых культур приходится на Гляденовское городище –

19 зерновок ячменя и 95 эмера, в небольшом количестве пшеница и ячмень были найдены на памятниках комплекса Кала-Урын, на Мокинском поселении была выявлена только пшеница. Место обнаружения остатков зерновых было различным – на Мокинском поселении в слоях жилой постройки, на городище Кала-Урын в хозяйственных ямах, на территории могильника в слоях, относящихся к позднеананьинскому селищу, на Гляденовском городище в напластованиях придомовой территории, рва, при этом максимальное скопление зерна зафиксировано на участке хозяйственной постройки, которая, возможно, выполняла функцию зернохранилища [Орлова, 2022, с. 127]. Орудиями труда для обработки земли являлись железные и костяные мотыги. Возможно, размол зерна происходил при помощи каменных плит и зернотерок или пест-терочников с гладкой поверхностью [Перескоков, 2018, с. 26]. Найденные колосовидные вилочки могли быть остатками производства обмола зерна. На данный момент подсечные слои на памятниках не зафиксированы. Земледелие, по археологическим данным, было подсечно-огневым, что характерно для практики возделывания посевных культур в лесных зонах.

Растительные остатки сорных и диких растений, выявленных на поселениях, были проанализированы с помощью фитоиндикационной шкалы Элленберга [Ellenberg, Leuschner, 2010, р. 2] для реконструкции окружающей среды на каждом из памятников, где учитывалось присутствие данного вида растения и его экологическая физиология. Предположительно окружающая растительность на поселениях Мулянской племенной территории была представлена однолетними травами, кустарниками и деревьями, относящимися к светолюбивым мезофитам, произрастающими при средней температуре с умеренной континентальностью, на щелочных незасоленных почвах или с нейтральным pH, со средним содержанием азота. Местность была достаточно открытой, что позволяло осуществлять земледельческие практики вблизи поселений. Щелочные почвы на комплексе Кала-Урын свидетельствуют о глинистости почв из-за низкой инфильтрационной способности, где дождевая вода легко застаивается и соли быстро растворяются; а среднее содержание азота предполагает использование навоза в качестве удобрения или же в почве его было необходимое содержание для получения урожая. На других памятниках содержание pH в почвах было нейтральным и содержание N средним, что не являлось препятствием к урожайности пшеницы и ячменя.

В позднеананьинский период на территории мулянского поречья происходил переход от суббореального к субатлантическому периоду (около 2500 тыс. л. н.), который характеризовался похолоданием климата и распространением южной тайги с доминированием ели и участием березы, пихты и липы. Выявленные виды растений подтверждают наличие антропогенного влияния на окружающую среду – все представители рудеральных растений произрастали непосредственно вблизи обитания людей. Земледелие уже присутствовало в хозяйственно-культурном типе, оставаясь на втором месте после развитого скотоводства. Предположительно являлось подсечно-огневым. Велось на небольших открытых участках террас, но недалеко от водоёмов. В качестве орудий обработки земли применялись костяные и железные мотыги. Самым распространённым посевным видом была пшеница двузернянка, она была найдена на всех поселениях, второй по популярности вид зерновых – ячмень обыкновенный, выявленный везде, кроме Мокинского поселения–могильника. Посев был смешанным, выявленные культурные растения относятся к яровым, которые могут вызревать на бедных почвах и за короткое время. Целью выращивания культурных злаков было употребление их в пищу. При трансформации ананьинской культуры в гляденовскую земледелие сохраняется, уступая только более развитому скотоводству, но при этом развивается, на что может косвенно указывать использование удобрения. Подводя итог, можно сказать, что наши данные уверенно подтверждают существование земледелия у населения Прикамья в раннем железном веке.

Библиографический список

Васильева А. В., Коренюк С. Н., Перескоков М. Л. Основные итоги 120-летнего изучения Гляденовского городища-костища // Гляденовское городище-костище в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии: сборник научных статей. ПГНИУ. Пермь. 2021. С. 8–57.

Васильева А. В., Мингалев В. В., Перескоков М. Л. Комплекс построек гляденовского времени на Мокинском I поселении-могильнике в контексте развития прикамского домостроительства // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып.1 (40). С. 44–61.

Коренюк С. Н., Перескоков М. Л. Планиграфия Гляденовского городища // Ранний железный век от рубежа эр до сер. I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. Материалы IV науч. кон. «Археологические источники и культурогенез». СПб., 2017. С. 77–79.

Мингалев В. В., Перескоков М. Л. Исследование комплекса археологических памятников Кала-Урын // Археологические открытия. Т. 2017. 2019. С. 320–322.

Орлова Е. М. Быт местного населения Гляденовского городища на позднеананьинском этапе раннего железного века // Апрельские тезисы. Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего: материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 08–09 апреля 2022 года. Пермь: ПГНИУ, 2022. С. 120–130.

Перескоков М. Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. №1 (36). С. 84–97.

Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века: Монография, под науч. ред. ПГНИУ. Пермь. 2018. 320 с.

Перескоков М. Л. Группа предметов позднего этапа ананьинской культуры с комплекса памятников Кала-Урын (по материалам раскопок 2013–2017 гг.) // Гляденовское городище-костище в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии: сборник научных статей. ПГНИУ. Пермь. 2021. С. 143–147.

База данных по непыльцевым палиноморфам. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621543 Российская Федерация. База данных по непыльцевым палиноморфам: № 2020621419: заявл. 19.08.2020; опублик. 26.08.2020 / Е. С. Шумиловских, Л. С. Шумиловских; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Digitale Zadenatlas van Nederland: Digital Seed Atlas of the Netherlands: Cappers, R. T. J., Bekker, R. M., Jans, J. E. A. // Barkhuis Publishing. 2006. p. 528.

Ellenberg H., Leuschner C. Vegetation Mitteleuropas mit den Alpen. Stuttgart: Ulmer, 2010. 1334 p.

Shumilovskikh L. S., Schmidt M., Pereskokov M., Sannikov P. Postglacial history of East European boreal forests in the mid-Kama region, pre-Urals, Russia // Boreas. 2020. Vol. 49, No. 3. P. 526–543. DOI 10.1111/bor.12436.

AGRICULTURAL PRACTICES OF THE EARLY IRON AGE POPULATION IN THE MULYANKA TERRITORY (MID-KAMA REGION)

E. M. Orlova

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
orlhaliza@gmail.com

L. S. Shumilovskikh

University of Göttingen named after Georg August, Germany;
Tomsk State University, 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36
shumilovskikh@gmail.com

M. L. Pereskokov

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
pereskokoff@yandex.ru

The first palynological and paleobotanical study of the Early Iron Age monuments of the Mulyanka territory is presented. In order to reconstruct plant communities (phytocoenosis) and define their features the soil samples were taken from cultural layers in three settlements, volume of 406 litres, The plant macroremains were taken out from the samples with flotation method and studied under the microscope. Results of the studies proved presence of agriculture in the late Ananino (V–IV centuries BC) and its spread in the Mulyanka interfluve.

Key words: Ananyinskaya culture, Glyadenovskaya culture, Perm Kama region, Early Iron Age, Mulyanka territory, archaeobotany, palynology, agriculture.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА 1810–1932-Х ГГ.

С. А. Перевозчикова[©]

Удмуртский государственный университет», 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
homasvet@mail.ru

В статье приводятся общие данные о погребальном обряде Троицкого (Нагорного) кладбища, функционировавшего в Ижевском заводском поселении в 1810–1932-е гг. Были выявлены и исследованы 2753 захоронения. В могилах сохранились деревянные погребальные конструкции прямоугольной и трапециевидной формы. У некоторых гробов на крышке были вставлены окна в области верхней части умершего. Останки умерших сохранились в 1895 захоронениях. Умершие были уложены головой на запад, вытянуто на спине, ноги вытянуты, с различным положением рук. В могилах имелся сопутствующий материал в виде нательных крестов, иконок, стеклянных флаконов, свечей, монет. Умершие были уложены в повседневной одежде.

Ключевые слова: Ижевское заводское поселение, гробы, окна, Троицкое (Нагорное) кладбище, захоронения, погребальный обряд.

На основании архивных источников историю Троицкого (Нагорного) кладбища можно начинать с 18 мая 1810 г., когда в Ижевском заводском поселении произошел сильный пожар, уничтоживший 172 строения, в том числе Троицкую церковь, стоявшую на Красной (Михайловской) горке. Тогда же приказом главного архитектора Камских заводов С. Е. Дудина некрополь на Красной (Михайловской) горке был закрыт, так как к нему вплотную подошла застройка заводского поселка. Место под кладбище и кладбищенскую церковь перенесли подальше от жилой застройки, за восточную черту заводского поселения (доров. – ул. Тринадцатая, совр. – ул. Удмуртская). В этом же 1810 г. начало функционировать кладбище. Каменное здание Свято-Троицкой церкви было воздвигнуто «усердием прихожан» в 1814 г. по проекту С. Е. Дудина и освящено в честь Святой Троицы [Шумилов, 1978, с. 24; Шумилов, 1979], перестраивалось в 1852–1867 и 1912–1914 гг. [Православные храмы..., 2017, с. 131–132; Храмовозданная грамота..., 1914, с. 276]. К началу XX в. под церковью и оградой кладбища было 17 десятин 1239 саженей [Вятская Епархия..., 1912, с. 483].

В 1920–1930-е гг. ставится вопрос о закрытии Нагорного кладбища: «Вопрос о закрытии Нагорного кладбища уже давно назрел. Рабочие настоятельно требуют этого... Из года в год рабочие всё ближе и ближе селятся около кладбища. В летнее время это место гулянья не только живущих здесь, но и приходящих сюда из центра, чтобы подышать свежим воздухом» [Нагорное кладбище..., 1929, с. 4]. В 1928 г. на кладбище проходят последние захоронения, в 1932 году его закрывают. Последние подзахоронения были совершены в 1936 г.

В 1938 г., согласно постановлению Ижевского Горсовета от 24 января, бывшее Нагорное кладбище было предложено отвести под строительство стадиона, а здание собора, попадающее в зону строительства, снести. К 1941 г. Троицкую кладбищенскую церковь планировали разобрать и построить кинотеатр, но этому помешала война. В 1945 г. здание храма было возвращено верующим [ЦГАУР. Ф. 475. Оп. 1. Д. 351].

По рассказам местного населения, кладбище было подвержено многочисленным актам вандализма, когда комсомольцы города в ходе нескольких субботников разобрали оградки, сняли с надгробий таблички и кресты. С тех пор и до 1960-х годов это место представляло собой неухоженный пустырь с бесформенными холмиками.

В 1960–1990-х гг. значительная часть могильника была уничтожена при реконструкции ул. Удмуртской, строительстве вдоль нее жилых домов и общежитий, корпусов № 4 и № 6 Удмуртского государственного университета, стадиона «Зенит» (открыт в 1968 г.) и Ледового дворца (открыт в 1971 г.) [Шумилов, 1978, с. 76–77], а также других объектов, входивших в спортивный комплекс «Зенит».

За более чем столетний период функционирования кладбища на нем были захоронены десятки тысяч жителей Ижевского заводского поселения, в том числе и именитые его граждане, такие как С. Е. Дудин, З. Лятушевич, Л. Ф. Сабакин, мастера-оружейники Евдокимовы, Петровы, Березины [Алексеева, 2008, с. 90–126], купцы Бодалева [Алексеева, 2008, с. 204–205], первый председатель Ижевского исполкома И. В. Пастухов [Алексеева, 2008, с. 542–543] и многие другие.

Как археологический памятник Троицкое (Нагорное) кладбище было поставлено на учет в 2007 г. Первые археологические исследования (раскопки) были проведены Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета в этом же году на месте построенного крытого катка «Олимпиец» под руководством И. Ю. Пастушенко [*Пастушенко и др.*, 2010, с. 376–378]. Следующие археологические исследования проходили в 2008, 2009 (раскопки И. Ю. Пастушенко), 2013 (раскопки В. А. Бернц), 2014, 2015 (раскопки Т. А. Цыгвинцевой), 2017 (раскопки О. А. Карпушкиной), 2019, 2020 (раскопки С. А. Перевозчиковой) гг. Всего за девять лет было выявлено и изучено 2632 погребения [*Карпушкина и др.*, 2018, с. 12; *Перевозчикова и др.*, 2021, с. 18].

К сожалению, не за все года археологического исследования были написаны полевые отчеты (полностью отчеты предоставлены лишь у О. А. Карпушкиной и С. А. Перевозчиковой). Поэтому до сих пор четко не установлено количество изученных погребений. Официально, согласно последнему полевому отчету за 2020 г. (исследования С. А. Перевозчиковой), последнее погребение носит номер 2632. Но при дальнейшем изучении полевых чертежей, фотографий и написанных полевых отчетов выявлено 2335 могильных ям (на момент написания статьи сверка полевых материалов продолжается, поэтому в дальнейшем цифра может быть уточнена). Поэтому в данной статье статистические подсчеты велись исходя из общего количества могильных ям – 2335.

Как и на любом городском кладбище, могилы на Троицком (Нагорном) кладбище Ижевского заводского поселения располагаются достаточно плотно, зачастую в несколько ярусов. Выделяются четкие ряды, вытянутые с С на Ю. Основная ориентация могил – В-З. В одной могильной яме можно зафиксировать по одной (2014 – 86,25 %), две (247 – 10,58 %), три (58 – 2,48 %), четыре (11 – 0,47 %), пять (2 – 0,08 %) и шесть (3 – 0,14 %) захоронению. Чаще всего в качестве подзахороненных встречаются небольшие детские гробики, но имеются случаи, когда в качестве верхнего яруса находится взрослое захоронение. Общее количество отдельных захоронений – 2753. Все захоронения индивидуальные.

Деревянные погребальные конструкции сохранились в большей части захоронений – в 2442 могилах (87,56 %), как в детских, так и во взрослых. Выявлены гробы двух форм: прямоугольные и трапециевидные. Форма гробов не зависела от возраста: и в детских, и во взрослых могилах гробы представлены различными формами. Конструкции сколочены из досок, скреплены железными гвоздями. При этом количество гвоздей варьировалось. В некоторых случаях гробы были скреплены лишь по углам 1–2 гвоздями, а в других – в торцевых частях фиксировалось по 12 гвоздей. То же самое касается и мест крепления крышек с дном – от 2 до 10 гвоздей.

Крышки были сколочены из 2–3 досок. У 7 гробов (погр. 225, 230, 252, 638, 639, 2128, 2242) доски в широкой части крышки были дополнительно скреплены поперечной планкой, шириной около 5 см. Лишь в погребении 664 зафиксирована подобная поперечная планка на дне гроба.

В 13 погребениях (62, 201, 1049, 1105, 1188, 1189, 1492, 1652, 1698, 1878, 1990, 2441, 2447) в крышках гробов были вставлены окна. Окна имели трапециевидную форму. Лишь в погр. 62 можно зафиксировать подобие рамы, в которую вставляли стекло. Окно находилось в области головы и туловища, при этом занимая не всю ширину крышки, а только ширину головы. В 8 могилах в гробы с окнами были уложены дети, в 5 – взрослые.

У 7 погребальных конструкций (1336, 1668, 1672, 1764, 1865, 1869, 1871) фиксируются остатки тканевой обивки наружной части гроба. Чаще всего фиксируются остатки атласной ленты шириной 3 см, которой были украшены борта гроба. У детских гробов по углам конструкций фиксируются кисточки с бахромой.

Уникальны захоронения 1865 и 2437, в которых были выявлены два гроба, вставленных друг в друга. Детский внутренний гроб их погр. 2437 украшен кисточками по углам. Внутренний гроб из погр. 1865 оформлен тесьмой, у него имеются бронзовые ручки. Оба внутренних гроба стояли на небольших деревянных ножках. Причина захоронения умерших сразу в двух гробах пока непонятна.

В 5 погребениях (549, 684, 1492, 2040, 2136) гробы были поставлены на своеобразные опоры в виде кирпичей.

Останки умерших сохранились в 1895 захоронениях (68,83 %). Умершие были уложены головой на З, вытянуто на спине, ноги вытянуты. Различно положение рук. Можно выделить четыре группы положения рук, учитывая небольшое смещение костей в процессе гниения тела и гроба. Основное положение рук – на поясе (394 костяка – 20,79 %) и на груди (253 костяка – 13,35 %). У некоторых умерших руки укладывали или на таз (103 костяка – 5,44 %) или параллельно телу (27 костяков – 1,42 %). У 43 умерших (2,27 %) руки были скомбинированы: одна из рук была вытянута вдоль тела или чуть смещена на кости таза, а вторая – на поясе или груди. В 1075 случаях (56,73 %) положение рук определить не удалось.

У некоторых умерших на костях черепа сохранились остатки волос: бороды или кос. Одна или две косы были уложены кольцом вокруг головы.

Троицкое (Нагорное) кладбище является хорошим источником для изучения погребального и повседневного костюма ижевцев, проживавших в XIX – первой четверти XX в. В захоронениях выявлены остатки одежды и обуви. Анализ костюмных комплексов показал, что чаще всего умершие были уложены в повседневной одежде, иногда служебной или военной. На ноги могли быть надеты туфли, ботинки, иногда сапоги или лапти. Достаточно часто можно было наблюдать сочетание повседневной одежды и погребальных тапочек (*подробно – статья В. А. Смердовой и К. В. Даниловой в этом сборнике*).

Находки в виде предметов христианского культа (медные и серебряные нательные крестики, медальоны, образки, свечки), остатки одежды и обуви (в том числе достаточно многочисленные и разнообразные пуговицы), медные и серебряные монеты, стеклянные бутылочки, флаконы, фаянсовые кружки и чашки, личные украшения и другие предметы определяют общие рамки функционирования Троицкого (Нагорного) кладбища XIX – началом XX в. Это соответствует и официальным архивным данным, по которым захоронения на территории, отведенной под кладбище, начались в 1810 г. и закончились в 1930-е годы. Естественно, общие черты погребального обряда, выявленные при археологическом исследовании Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска, отвечают общим тенденциям погребальной практики в XIX – начале XX века. Но интересны уникальные случаи, применение которых в православном обществе не до конца раскрыто.

Библиографический список

«Нагорное кладбище с 15 мая закрывается» // Ижевская правда. 12 мая 1929 г. № 106. С. 4. Режим доступа: <https://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html> (Дата обращения 08.06.2023).

Алексеева Э. В. Петровы, Евдокимовы, Березины – основатели частных фабрик охотничьего оружия // Предпринимательские династии Камско-Вятского региона XVIII–XX вв.: коллективная монография / ред. Н. П. Лигенко. Ижевск, 2008. С. 90–126.

Вятская Епархия: Историко-географическое описание. Вятка, 1912.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГАУР): Ф. 475. Оп. 1. Д. 351.

Карпушкина О. А., Бернц В. А., Вязников А. М., Митряков А. Е., Перевоицков С. Е., Пастушенко И. Ю., Сабиров Т. Р., Широбокова Н. Ф., Шишкина Н. Ф., Широбоков И. Г., Емельянова А. Ю., Хайруллина О. Ф. Спасательные раскопки на Троицком (Нагорном) кладбище Ижевска // Археологические открытия в Удмуртии – 2017. Ижевск, 2018. С. 12–13.

Пастушенко И. Ю., Бернц В. А., Григорьева Т. М., Карпушкина О. А., Лебедева А. А., Липина Л. И., Пахомов М. А., Перевоицков С. Е., Цыгвинцева Т. А. Исследования Троицкого кладбища Ижевска // Археологические открытия 2007 года. Москва: Институт археологии, 2010. С. 376–378.

Перевоицкова С. А., Бернц В. А., Калугина Д. А. Спасательные археологические работы в Ижевске // Археологические открытия в Удмуртии – 2020 (памяти Л. Д. Макарова). Ижевск: ИП Смагин, 2021. С. 18–20.

Православные храмы Удмуртии: справочник-указатель по документам ЦГАУР – 2-е изд., испр. и доп. / сост.: О. И. Васильева, Е. С. Воронцова, И. Н. Зайцева, В. П. Напольских, Г. И. Самарцева. Ижевск: Удмуртия, 2017. 607 с.

Храмозданная грамота на обращение кладбищенской часовни в церковь во имя Св. Троицы от 20 марта 1782 г. // ЦГАУР. Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской губернии. Вятка, 1914. С. 276.

Шумилов Е. Ф. Архитектура Ижевска: история развития и перспективы архитектуры, градостроительства и монументального искусства. Ижевск: Удмуртия, 1978. 115 с.

Шумилов Е. Ф. Первый зодчий Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1979. 58 с.

GENERAL FEATURES OF THE FUNERAL RITE OF THE TRINITY (NAGORNY) CEMETERY OF IZHEVSK IN 1810–1932

S. A. Perevozchikova

Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russia
homasvet@mail.ru

The article provides general data on the funeral rite of the Trinity (Nagorny) cemetery, which functioned in the Izhevsk factory settlement in the 1810s-1932s. 2,753 burials were identified and studied. Wooden funerary structures of rectangular and trapezoidal shape have been preserved in the graves. Some coffins had windows inserted on the lid above the upper part of the dead body. The remains of the deceased were preserved in 1895 burials. The deceased were laid with their heads on the ground, stretched on their backs, legs stretched out, with different hand positions. The graves had accompanying material, such as crosses, icons, glass bottles, candles, coins. The deceased were laid out in casual clothes.

Key words: Izhevsk factory settlement, coffins, windows, Trinity (Upland) cemetery, burials, funeral rite.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖИЛИЩ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Л. В. Половников ©

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Россия, Пермь, Комсомольский проспект, 29
lv_polovnikoff@mail.ru

В статье обобщается история изучения жилищ на территории средневекового Пермского Приуралья. Рассматривались жилища двух археологических культур: ломоватовской и родановской. Прослежена эволюция архитектурных особенностей. В ломоватовской культуре жилища имели столбовую конструкцию либо бревенчатые стены, которые поддерживались кольями, вбитыми по периметру. В родановской культуре площадь жилищ возрастает, преобладает каркасно-столбовая конструкция, имеется несколько очагов разного предназначения. Кровля двухскатная.

Ключевые слова: ломоватовская культура; родановская культура; жилища; постройка; строительная технология; каркасно-столбовая конструкция; кровля; несущая конструкция; столбы.

В дореволюционный период база источников по рассматриваемому вопросу ограничена, чтобы делать определенные выводы о специфике и уровне домостроительства средневекового населения Пермского Предуралья. Одни из первых раскопок поселенческих памятников были произведены в XIX в. Это Искорское городище, которое копали В. Н. Берх в 1819 г., С. И. Сергеев в 1895 г. [Сергеев, 1897, с. 25–40], Кудымкарское городище, копанное А. Е. Теплоуховым в 1880 г. [Теплоухов, 1880, с. 40–42]. Последние два исследователя проводили раскопки по методике, близкой к современной, снимая землю пластами и обращая внимание на то, как эти слои меняются, но никто не прослеживал, присутствуют ли какие-либо сооружения.

Полномасштабные археологические исследования в Пермской губернии начались с созданием 5 июля 1888 г. Пермской ученой архивной комиссии (официально Пермская ученая архивная комиссия была утверждена в 1889 г.). Ее основной задачей было «собрание и приведение в порядок архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении» [Положение..., 1892, с. 5]. Но также «Ученые комиссии, независимо от прямой своей обязанности, могут, по местным обстоятельствам, включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины» [Положение..., 1892, с. 6].

3 июня 1894 г. Ф. А. Теплоухов выступал публично с сообщением «о Пермской чуди и ее культурной обстановке». В сообщении он дал описание археологическим памятникам – городищам, селищам и кострищам, – указав, что могильники встречаются редко и представляют участок земли, изрытый ямами и не содержащий никаких предметов древности, принадлежащих чуди, причем обратил внимание на важность исследования и изучения могильников и высказал предположение, что могильники будут найдены и «так или иначе будет разрешен вопрос – как и где чужь хоронила своих покойников» [Археологический отдел..., 1896, с. 37]. Таким образом, деятельность ПУАК была в основном сосредоточена на исследовании могильников пермской чуди.

Активное изучение поселенческих памятников эпохи Средневековья происходит в советский период. В литературе этого периода содержится уже исчерпывающая информация о средневековом домостроительстве Пермского Предуралья, основанная на археологических материалах.

Крупные археологические раскопки проводятся в рассматриваемом регионе с 1933 г. Тогда работала Камская экспедиция ГАИМК. Под руководством Н. А. Прокошева раскопки проводились до 1937 г. В 1935 г. Н. А. Прокошев начал раскопки Роданова городища, вскрыв на нем первое жилище. К сожалению, документация раскопок 1935–1937 гг. не сохранилась. Но М. В. Талицкий в своем дневнике сделал одну из первых попыток описания жилищ, согласно стратиграфическим данным по характеру находок. В частности, им были выделены «изба медника, рыбака, кузнеца, торговца, шамана» [Талицкий, 1937, с. 143].

В статье М. В. Талицкого «Верхнее Прикамье в X–XIV вв.» исследователь на основании материалов раскопок Роданова городища, разведок и раскопок памятников XI–XIV вв. по р. Иньве и Чусовой, изучения материалов музеев выделяет новую средневековую археологическую культуру Пермского Предуралья – родановскую. В публикации представлена подробная характеристика исследованных на

Родановом городище жилищ, сопровождаемая графической реконструкцией. Жилища выявлены в разных слоях, но описаны только четыре жилища из нижнего слоя, так как жилища верхнего слоя почти не дают представления о конструктивных особенностях и деталях интерьера. Нужно отметить, что детальная характеристика жилищ и выводы автора не утратили актуальности до настоящего времени. Реконструкции автора наиболее близки современным представлениям об особенностях средневековых жилищ Пермского Предуралья [Талицкий, 1951, с. 33–96].

Через несколько лет была опубликована книга за авторством О. Н. Бадера и В. А. Оборина «На заре истории Прикамья». В подготовленных В. А. Обориным разделах 51–55 характеризуется родановская культура, выделяются основные конструктивные элементы средневековых жилищ данного времени, отмечаются основные тенденции в развитии и эволюции построек:

1. уменьшение размеров жилищ;
2. вынос хозяйственной ямы за пределы жилого помещения;
3. постепенное усовершенствование отопительного устройства [Бадер, Оборин, 1958, с. 185–213].

Данные выводы были сделаны еще в кандидатской диссертации В. А. Оборина в 1957 г. «Комплексные жилища в XI–XV вв.: Родановская культура» [Оборин, 1957]. Позже все эти выводы с некоторыми дополнениями были представлены автором в статьях, обобщающих материалы по родановской археологической культуре [Оборин, 1970, с. 3–29; Оборин, 1999, с. 255–298].

В статье «Средневековые поселения верховьев р. Камы» В. А. Кананин также подтверждает существование двух типов жилищ. Исследователь выделяет две группы построек по характеру и конструктивным особенностям, в том числе и по хронологии: одна из которых объединяет остатки жилищ Опутятского городища, Коновалытского и Русиновского II селищ, датируемых V–VI вв., другая – сооружения этого рода Зародятского селища VII–VIII вв. и Лаврятского городища VIII–IX вв. [Кананин, 1985, с. 37–41]. Первый тип жилищ представляет собой наземные постройки столбового типа, в интерьере очаг и несколько ям. Второй тип – незначительно углубленные бревенчатые жилища. Автор монографии провела аналогии конструктивных особенностей жилищ I тысячелетия в лесной и лесостепной зоне, определила место верхнекамских жилищ среди таких же построек с соседних территорий. Исследователь делает вывод о том, что традиционные прикамские жилища принадлежат к наиболее характерным постройкам финно-угорского населения лесной зоны [Голдина, 1985, с. 91–93].

В монографии Р. Д. Голдиной и В. А. Кананина, обобщающей итоги исследования средневековых памятников верховьев р. Камы, ученые также подтверждают существование двух типов жилищ. Первый – легкие сооружения столбовой конструкции прямоугольной формы, в качестве примера приводится жилище на Русиновском II селище. Авторы впервые реконструируют кровлю, по их мнению, она была односкатной, так как лишь вдоль одной стенки были прослежены остатки крупных столбов, на которые укладывалось бревно, служившее опорой для кровли. Второй тип – это слабоуглубленные постройки с бревенчатыми стенами в 3–4 венца (Шудья-кар, городище). Бревна поддерживались кольями, которые забивались в землю. Их остатки прослежены на планиграфии, они располагались вдоль бревен с внутренней и внешней стороны. Кровля была двухскатной, о чем свидетельствуют остатки крупных столбовых ям в углах, вдоль стен и по осевой линии жилища [Голдина, Кананин, 1989, с. 37–41].

В последние три десятилетия интерес к бытовой культуре значительно возрос, в т. ч. и к прикамскому домостроительству. В первую очередь, значительный вклад в изучение рассматриваемого вопроса внесло диссертационное исследование Е. М. Черных «Жилища племен Прикамья I тыс. до н. э. – первой половины II тыс. н. э.» [Черных, 1992]. Данное исследование – первая работа, обобщающая данные по прикамскому домостроительству эпохи железа. В диссертации уделяется значительное внимание анализу средневекового жилища Пермского Предуралья. Выявляются также особенности, которые отличают Прикамские постройки от одновременных жилищ соседних территорий. Систематизация и типология позволили определить характерные черты местного домостроительства на протяжении более чем двух тысячелетий. Позже результаты диссертационного исследования были опубликованы в работах «У истоков уральского домостроительства» [Черных, 2010] и «Жилища Прикамья (эпоха железа)» [Черных, 2008].

В 2007 г. выходит монография Н. Б. Крыласовой «Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья» [Крыласова, 2007], где суммируются известные на тот период представления о конструктивных особенностях и деталях интерьера средневековых жилищ. Позже на основании новых археологических данных, накопленных в ходе раскопок Камской археолого-этнографической экспедиции, совместно с А. М. Белавиным была подготовлена серия статей, посвященных средневековому прикамскому домостроительству [Белавин, Крыласова, 2008, с. 414–419; Крыласова, 2015, с. 497–499; Белавин, Крыласова, 2016, с. 67–71; Крыласова, 2016, с. 63–76], выделен ряд жилищ

на основе анализа планиграфии Чашкинского II и Запосельского селищ при подготовке монографии «Археологические памятники Чашкинского озера» [Крыласова, Лычагина и др., 2014, с. 219–284]. Обращено внимание и на отдельные элементы интерьера [Крыласова, 2015, с. 125–137]. Результаты исследований показали, что 18 изученных жилищ имели большие размеры, каркасно-столбовую конструкцию, двухскатную кровлю. В интерьере жилищ присутствуют следующие объекты: нары вдоль длинных стен, очаги разного хозяйственного предназначения на яме-подпечье, перегородки. В ломоватовский период существуют канавки вдоль стен, в родановское время они исчезают.

Л. В. Половников опубликовал ряд статей, в которых рассматривается сырьевая база для построек [Половников, 2019а, с. 66–69], высчитывается прочность кровли и несущей конструкции [Половников, 2018, с. 367–371], вычисляются трудозатраты на строительство [Половников, 2019б, с. 45–50], делается попытка реконструировать численность средневекового населения по материалам жилищ и средневековых памятников [Половников, 2022, с. 282–283]. Данные работы демонстрируют не только применение исторической реконструкции, но и позволяют по-новому взглянуть на средневековое население, узнать их мотивы, разборчивость в выборе материалов при строительстве конкретного сооружения.

Обзор историографии демонстрирует относительную изученность отдельных компонентов средневековых жилищ. Но тем не менее на данный момент целостного представления об уровне домостроительства в ломоватовский и родановский период в целом нет. Некоторые вопросы требуют отдельного исследования. Например, почему родановские жилища увеличиваются в размерах, судя по последним материалам, каковы условия обитания в жилых помещениях, что на самом деле представляет каркасно-столбовая конструкция. Таким образом, изучение этих и других вопросов требует отдельного диссертационного исследования.

Библиографический список

Археологические памятники Чашкинского озера / Н. Б. Крыласова, Е. Л. Лычагина, А. М. Белавин, С. В. Скорнякова. Пермь: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2014. 565 с.

Археологический отдел Пермского музея // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1896. Вып. 3; Памятники древности близ сел Искора, Губдора и Верх-Боровского Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1896.

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Жилищно-хозяйственный комплекс селища Запоселье // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию КВАЭ. Ижевск: УдГУ, 2008. С. 414–419.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Жилища средневекового Прикамья // Средневековая археология Волго-Уралья. Сборник научных трудов к 65-летию юбилею Ф. Ш. Хузина. Казань: ИА АНРТ, 2016. С. 67–71.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – начало XX в. М.: АН СССР. 1958. 403 с.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 216 с.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 91–93.

Жеребцов Л. Н. Крестьянское жилище в Коми АССР / Л. Н. Жеребцов; оформ. М. Безносова; ред. Т. Чукичева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. 96 с.

Кананин В. А. Средневековые поселения верховьев р. Камы // Новые источники по изучению древней истории Приуралья. Устинов: УдГУ, 1985. С. 30–45.

Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ. 2007. 352 с.

Крыласова Н. Б. Раскопки Рачевского городища в 2013 г. // Археологические открытия. 2015. Т. 2010–2013. С. 497–499.

Крыласова Н. Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды КАЭЭ ПГПУ. Пермь: ПГПУ, 2015. Вып. X. С. 125–137.

Крыласова Н. Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 3. С. 63–76.

Оборин В. А. Коми-пермяки в IX–XV вв. (родановская культура): дисс. ... к.и.н. М., 1957. 404 с.

Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9: Памятники ломоватовской культуры. Свердловск: УрГУ, 1970. С. 3–29.

Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УДИ-ИЯЛ УрО РАН, МарНИИ. 1999. С. 255–298.

Половников Л. В. Методика расчета прочности каркаса кровли жилищ родановской культуры // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы Всероссийской (с международным участием) конференции, Самара, 01–04 февраля 2018 г. Самара: Самарский университет, 2018. С. 367–371.

Половников Л. В. Сырьевая база строительства жилищ родановской археологической культуры // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2019а. № 15. С. 66–69.

Половников Л. В. Трудозатраты на строительство жилищ в Пермском Предуралье // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. 2019б. № 1 (15). С. 45–50.

Половников Л. В. Реконструкция численности средневекового населения на памятниках родановской культуры // XXII Уральское археологическое совещание: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной, Курган, 21–25 ноября 2022 г. Курган: Курганский государственный университет, 2022. С. 282–283.

Положение о губернских ученых архивных комиссиях, Высочайше утвержденное 13 апреля 1884 г. // Тр. ПУАК. Пермь, 1892. Вып. 1.

Сергеев С. И. Памятники древностей близ сел Искора, Губдора и Верх-Боровского Чердынского уезда // Труды ПУАК. Пермь. 1897. Т.3. С. 25–40.

Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XI вв. // МИА. № 22. М.: АН СССР, 1951. С. 33–96.

Теплоухов А. Е. О чудском селище близ с. Кудымкара Соликамского уезда // Записки УОЛЕ. Екатеринбург. Т. 6. Вып. 1. 1880. С. 40–42.

Черных Е. М. Жилища племен Прикамья (I тыс. до н. э. – первая половина II тыс. до н. э.). Дис... канд. ист. наук. М., 1992.

Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: УдГУ, 2008. 271 с.

Черных Е. М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. Ижевск: УдГУ, 2010. 160 с.

THE HISTORY OF THE STUDY OF MEDIEVAL DWELLINGS IN THE PERM CIS-URALS

L. V. Polovnikov

Perm National Research Polytechnic University, Komsomolsky Prospekt, 29, 614990, Perm, Russia
lv_polovnikoff@mail.ru

This article summarizes the history of the study of medieval dwellings in the Perm Cis-Urals. The dwellings of two archaeological cultures, Lomovatovskaya and Rodanovskaya, are considered. The evolution of architectural features is traced. In the Lomovatovskaya culture, the dwellings had a pillar structure, or log walls, which were supported by stakes driven along the perimeter. During the Rodanovskaya culture, the area of dwellings increases, the frame-pillar structure prevails, there are several foci of different purposes, the roof is gable.

Key words: Lomovatovskaya culture; Rodanovskaya culture; dwellings; construction; construction technology; post-frame construction; roof; Basic structure; pillars.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ГОРОДИЩА КАЛА-ТАУ (ЛЕВОБОЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. БЕЛОЙ)¹

А. С. Проценко ©

Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»,
450077, Россия, Уфа, ул. Мустая Карима, 45;
Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, 450008, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
anton.procenko@mail.ru

И. М. Бабин

Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»,
450077, Россия, Уфа, ул. Мустая Карима, 45
hett.babin@yandex.ru

В статье вводятся в научный оборот материалы, полученные в ходе разведочных работ 2022 г. в Илишевском районе Республики Башкортостан. Исследованию подверглись два памятника эпохи раннего железного века, выявленные во второй половине XX в. Материалы, полученные с городища «Кала-Тау», позволили установить культурную принадлежность памятника (пьяноборская культура). Исследования, проведенные В. А. Ивановым в 1970-х гг. на территории Трикольского городища, позволили установить время существования памятника и особенности фортификационной системы. Рекогносцировочные работы 2022 г. показали отсутствие культурного слоя за пределами укрепленной линии, что позволило установить границы объекта археологического наследия. Фиксированные границы памятников и утвержденный предмет охраны являются серьезным гарантом обеспечения сохранности памятников археологии, в первую очередь, от хозяйственного освоения, а в случае проведения подобного рода работ позволит проектным организациям расчитать риски при строительстве разных инфраструктурных объектов.

Ключевые слова: ранний железный век, пьяноборская культура, разведочные работы, историко-культурный потенциал.

Территория Южного Урала являлась на протяжении нескольких исторических эпох ареной разного рода этнокультурных взаимодействий. Как справедливо отмечено В. А. Ивановым, в эпоху Средневековья на данной территории сталкивались интересы самых разных племен и народов – носителей как кочевнических, так и оседлых форм хозяйствования [Иванов и др., 2013, с. 258].

Определенным доказательством данного тезиса являются многочисленные археологические памятники, найденные в разные годы. Так, к примеру, на территории Республики Башкортостан известно 3952 объекта археологического наследия (ОАН), что делает ее лидером по количеству памятников в Приволжском федеральном округе. Определением границ ОАН целенаправленно на территории республики на сегодняшний день занимаются музей-заповедник «Древняя Уфа» и Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан (ГБУ НПЦ) (с привлечением субподрядных организаций).

Определение границ памятников начиная с 2019 г., стало одним из главных направлений деятельности отдела археологии музея-заповедника «Древняя Уфа». Первоочередной задачей было установление границ поселенческих памятников, расположенных в столице республики, так как развитие городских инфраструктурных проектов могло повлечь за собой если не полное уничтожение памятников, то нанести им серьезный ущерб. Немаловажным являлось и является проведение работ на памятниках, которые на сегодняшний момент практически не испытывают антропогенного воздействия, но в ближайшем будущем могут попасть в зону хозяйственного освоения [Проценко, 2023, с. 142]. За последние годы (2019–2022) разведочные работы были проведены на двадцати одном памятнике, которые расположены на территории г. Уфа, Бирском, Благовещенском, Уфимском, Иглинском и Илишевском районах Башкортостана.

На предыдущей конференции мы уже останавливались на поселенческих памятниках левобережья нижнего течения р. Белой [Проценко, Бабин, 2016]. В результате исследования была выдвинута гипотеза, что к пьяноборской эпохе складывается особая система укрепленных поселений в низовьях

р. Белой, которые могли служить местом сосредоточения древнего населения. При появлении враждебных соседей с южного (степного) направления все жители указанных городищ могли быстро известить об этом друг друга. Другими словами, нижебельская оборонительная линия выполняла сразу две функции: а) защитить жителей близлежащих поселений или хотя бы задержать на время противника; б) оперативно оповестить соплеменников о приближающейся опасности [Там же, с. 115].

В настоящей публикации мы остановимся на последних наших работах на этой территории. Необходимо отметить, что по данным на начало 2023 г. в административных границах Илишевского района зафиксировано (включенных в перечень выявленных и памятников федерального значения) 97 памятников археологии. Современный этап археологических исследований района включает в себя как продолжение археологических раскопок с публикацией материала [Зубов и др., 2021; Зубов и др., 2021а; Зубов, Саттаров, 2023], так и введение в научный оборот материала, полученного предшественниками [Саттаров, Камалеев, 2021]. Также в 2022 г. коллективом ООО «ЦРТИ» были проведены работы по определению границ как на поселенческих (Казакларовские I – III городища), так и на погребальных (Верхне-Черекулевский курган, I и IV Рсаевский курган, Рсаевские курганы, Телепановские курганы, Урнякский курганный могильник) памятниках.

Городище «Кала-Тау» расположено в 0,7 км к северу от д. Кызыл-Юлдуз, в 2 км южнее р. Базы, на высоком мысу, образованном террасой р. Белая. Открыто Г. И. Матвеевой в 1964 г. Кроме осмотров в ходе археологических разведок (В. В. Овсянниковым в 2001 г.; И. Х. Каюмовым – 2010 г.; А. С. Проценко – 2013 г.) и сбора подъемного материала, какие-либо земельные работы (закладка шурфов или раскопа) на памятнике до 2022 г. не проводились. На момент осмотра ОАН представляет собой задернованную площадку, покрытую лесом. На площадке памятника местные жители массово извлекают чернозем, выявлены многочисленные нарушения грунта. Внешний вал задернован, оба внутренних покрыты кустарником и деревьями. Форма сооружений – полуовал. Длина первого, внешнего, вала 240 м, ширина до 8 м, высота – не более 0,4 м. Следов рва практически не наблюдается. Длина среднего вала 110 м, ширина около 15 м, высота 1,5 м. В западной части наблюдается проход на площадку. Длина внутреннего вала 50, ширина 9–10, высота 2 м; длина рва 45 м, ширина 6–7 м, глубина 0,5 м. В северо-восточной части имеется проход, ведущий на стрелку городища. Между валами 2 и 3, в северо-восточной части наблюдается впадина, размером 18×12 м, глубиной до 0,3 м. Городище, по архивным данным, однослойное (пьяноборская культура). В целом площадка памятника находится в удовлетворительном состоянии, за исключением обширного нарушения культурного слоя на территории между 2 и 3 валами.

В ходе исследований было заложено восемь разведочных шурфов, материал зафиксирован в двух (№ 1 и № 2). Стратиграфия шурфов однотипна: под небольшим слоем дерна залегал слой темного рыхлого гумуса, материк представлен светло-коричневым суглинком (в шурфах № 1 и № 4 – светло-серой супесью). Глубина шурфов варьирует от 40 до 55 см.

Основная масса полученного материала – фрагменты лепной керамики. Мощность культурного слоя составила 20–30 см, находки сосредоточены во втором и третьем горизонте. Всего в ходе исследований получено 27 находок, из которых 26 фрагментов лепной керамики – 9 венчиков и 17 стенок. Керамический комплекс представлен фрагментами керамики пьяноборского типа: лепной, круглодонной, слабопрофилированной, относительно тонкостенной (толщина верхних частей сосудов не превышает 5–6 мм). Поверхность сосудов в большинстве случаев гладкая; в отдельных случаях внутренняя сторона черепков покрыта горизонтальными или наклонными «расчесами». Цвет поверхности черепков варьирует от светло-охристого до темно-серого (на внутренней поверхности – до черного), часто с темными пятнами; в изломе цвет в большинстве случаев черный. Обжиг, по-видимому, осуществлялся в костре или яме. Орнамент представлен вдавлениями разной формы, расположенными по шейке сосудов, в подавляющем большинстве случаев в один ряд. Наиболее распространены круглые ямки. Визуально в тесте прослеживается примесь дробленой раковины (белые плоские включения) или органики («пористая» структура). На втором горизонте шурфа № 1 зафиксирована одна индивидуальная находка: каменный оселок, размером 7,4×2,9×2,2 см.

В результате исследований были определены границы ОАН. Граница представляет собой сложную геометрическую фигуру, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток, в общем повторяющую общую естественную конфигурацию мыса, на котором располагается городище. Конфигурация площадки городища определена на основе восьми рекогносцировочных шурфов и естественных очертаний мыса, западная и южная граница определена по подошве террасы в соответствии с конфигурацией мыса. Южная и восточная граница памятника определена по данным рекогносцировочной шурфовки. Площадь памятника, определенная по результатам работ 2022 г., составляет 46 619 м².

Трикольское городище расположено к западу от северо-восточной окраины д. Гремучий Ключ, на узком высоком мысу коренной террасы левого берега р. Белой. В 1972–1973 и 1979 гг. на городище исследования проводил В. А. Иванов, было заложено два раскопа (первый – на площадке между валами, второй – на восточной конечности мыса) и один разведочный шурф (заложен в северо-западной оконечности мыса). Как отмечено автором, наибольшее количество материала было получено из раскопа I. Причем из общего количества собранных сосудов ананьинские составляли 73,6%, пьяноборские 18,7%. Раскоп II дал единичные фрагменты стенок сосудов бахмутинского типа. Это дало возможность рассматривать внешний вал как сооружение ананьинско-пьяноборского времени [Иванов, 1978, с. 171]. Из шурфа были получены единичные фрагменты мазунинского («чандарского») типа [Иванов, 1984, с. 48].

В связи с тем, что предыдущими исследованиями установлено время функционирования памятника и изучены фортификационные сооружения, целесообразность в дополнительных земляных работах на памятнике, по крайней мере, в настоящее время, отсутствовала. Нами было заложено два шурфа, которые были расположены в 25 к юго-востоку от внешнего вала восточной части городища. Находок зафиксировано не было. Граница представляет собой многоугольную геометрическую фигуру, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток, повторяющую общую естественную конфигурацию узкого мыса (топографической ситуации): южная, северная и западная границы определены по подошве террасы, восточная граница определена по данным рекогносцировочной шурфовки. В результате были установлены границы памятника, площадь составила 11 691 м².

Таким образом, в результате проведенных исследований археологической экспедицией музея-заповедника «Древняя Уфа» границы обрели два объекта культурного наследия федерального значения (памятника археологии). Полученные данные, в первую очередь, с городища «Кала-Тау», позволили установить как культурную принадлежность памятника (пьяноборская культура), так и мощность культурного слоя между двумя оборонительными линиями (второй и третьей).

Необходимо также отметить, что за последние годы проведены многочисленные исследования в рамках определения границ ОАН на разных видах археологических памятников, однако на сегодняшний день сохраняется определенный дефицит во введении в научный оборот полученных материалов. Так, к примеру, коллектив ГБУ НПЦ, являющийся лидером по количеству данного рода выполненных работ, практически не публикует полученные материалы². Здесь стоит отметить вышедшее в прошлом году под громким названием издание «Современная археология Башкортостана» [Насретдинов, Габитов, 2022], которое по своей сути должно было осветить современную информацию о состоянии археологической науки в республике. Но в реальности является ярко иллюстрированным каталогом использования цифровых методов, которые, безусловно, важны, но не первостепенны на современном этапе развития археологических исследований.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №23-78-10057 Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование.

² Здесь стоит отметить, что более 75% из исследованных памятников являются одиночными или курганными могильниками, что априори не требует выполнения земляных работ и значит, получения новых материалов, за исключением уточнения топографии памятника.

Библиографический список

Зубов С. Э., Лифанов Н. А., Рослякова Н. В., Саттаров Р. Р. Погребение мальчика-охотника из Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2021. №1 (35). С. 65–77.

Зубов С. Э., Саттаров Р. Р., Тагиров Ф. М. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник // Археология Евразийских степей. 2021а. № 2. С. 261–300.

Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Кипчаковское городище пьяноборской культуры в лесостепной зоне Предуралья // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 326–349.

Иванов В. А. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии // Советская археология. 1978. № 1. С. 166–177.

Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 88 с.

Иванов В. А., Злыгостев В. А., Антонов И. В. Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н. э.). Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. 280 с.

Насретдинов Р. Р., Габитов Р. Н. Современная археология Башкортостана. М.: Издательство Перо, 2022. 78 с.

Проценко А. С., Бабин И. М. Поселенческие памятники левобережья нижнего течения р. Белой в I тыс. н. э. // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Пермь: ПГНИУ, 2016. С. 113–118.

Проценко А. С. Новые материалы с поселенческих памятников кара-абызской культуры Уфимского полуострова // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 1. С. 141–149.

Самтаров Р. Р., Камалеев Э. В. Неординарное погребение Трикольского могильника в низовьях р. Белой // Поволжская Археология. 2021. № 3(37). С. 216–230.

NEW MATERIALS FROM KALA-TAU SETTLEMENT (LEFT BANK OF THE LOWER COURSE OF THE BELAYA RIVER)

A. S. Protsenko

Ancient Ufa Republic's Historical and Cultural Museum-Reserve, Mustaya Karima str., 45, 450077, Ufa, Russia;
Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Oktyabr'skoy Revolyutsii str., 3a, 450008, Ufa, Russia
anton.procenko@mail.ru

I. M. Babin

Ancient Ufa Republic's Historical and Cultural Museum-Reserve, Mustaya Karima str., 45, 450077, Ufa, Russia
hett.babin@yandex.ru

The article introduces into scientific circulation the materials obtained during the exploration work in 2022 in the Ilishevsky district of the Republic of Bashkortostan. Two monuments of the early Iron Age, discovered in the second half of the 20th century, were the subject of research. The materials obtained from the settlement «Kala-Tau» made it possible to establish the cultural affiliation of the monument (Pyanobor culture). The research carried out by V. A. Ivanov in the 1970s on the territory of the Trikol'sky settlement, allowed us to establish the age of the monument and the fortification system features. Preliminary survey in 2022 showed the absence of a cultural layer outside the fortified line, so this made it possible to establish the boundaries of the archaeological heritage site. The fixed boundaries of monuments and the approved object of protection are a serious guarantee of ensuring the safety of archaeological monuments, primarily from commercial development, and would such a try take place, it will allow design groups to calculate the risks for construction of various infrastructure objects.

Key words: early Iron Age, Pyanyobor culture, exploration work, historical and cultural potential.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

С. А. Родов ©

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26;
Национальный музей Республики Коми,
167000, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 57
s.a.rodov@yandex.ru

В статье рассматривается понятие популяризация археологического наследия в музейном пространстве. Приводится краткий обзор археологических коллекций Национального музея Республики Коми. На его примере рассмотрены основные подходы к популяризации археологического наследия европейского Северо-Востока, которые разделены на несколько направлений.

Ключевые слова: музей, археология, археологические коллекции, археологическое наследие, популяризация.

Музеи играют важную роль в популяризации исторического и культурного наследия. Археологические исследования дают нам информацию о различных культурных, экономических, политических и социальных аспектах жизни представителей прошедших эпох. А музеи помогают презентовать и расширять знания о прошлом, культуре, археологии в целом для широких масс. Поэтому крайне важным является не только пополнение фондов музея предметами археологии, но и грамотное обеспечение процесса их сохранения, изучения и популяризации.

Под популяризацией археологического наследия в общем смысле понимается увеличение осведомленности и интереса общественности к артефактам, найденным и изучаемым в процессе археологических раскопок. Основной целью популяризации археологии в музейном пространстве является привлечение внимания к исследованию и сохранению нашего прошлого и развитию общего интереса к культурному наследию человечества. В самом процессе популяризации археологического наследия можно выделить двух основных акторов: специалиста-археолога и музейного сотрудника. За последние два десятилетия XXI в. возник интерес к взаимодействию археологии и музееведения. Эти науки активно развиваются и взаимодействуют в области научных интересов и междисциплинарных подходов к исследованию предметов археологических коллекций [Ютина, 2019, с. 48–55].

Национальный музей Республики Коми является старейшим собранием археологических артефактов на территории Республики Коми. Начало формирования его фондов относится к началу XX в. За более чем 110-летнюю историю музея сформировался фонд археологии, в котором представлены материалы более чем 250-ти памятников – поселений, святилищ, могильников, стоянок, городищ, местонахождений. В целом собрание насчитывает более 100 тыс. единиц хранения (более 40% от общего количества). Хронологически охвачены все периоды древнейшей истории европейского Северо-Востока (от палеолита до средневековья) [Туркина, 2011, с. 194–196].

Коллекции экспонатов музея, относящихся к эпохе палеолита, немногочисленны, однако они позволяют проиллюстрировать процесс заселения Европейского Северо-Востока в древнекаменном веке. Они включают в себя известные стоянки Бызовая и Медвежья Пещера. В фондах музея хранятся орудия труда и палеонтологический материал: череп пещерного медведя, овцебыка, бивни и зубы мамонта, другие артефакты. Эпоху мезолита наиболее ярко представляют деревянные изделия из знаменитого I Висского торфяника. Коллекция содержит целые экземпляры и фрагменты луков, санных полозов, орудий рыболовства и предметов быта. Уникальным экспонатом из этой коллекции является фрагмент лыжи со скульптурным изображением головы лося. Эпоха неолита представлена коллекциями предметов, полученных по результатам исследований сотрудника Республиканского краеведческого музея Л. Л. Косинской на памятниках Ляльский Бор, Половники II, Ёвдино II, Ветью II и др.

Одни из самых многочисленных коллекций относятся к эпохе энеолита и бронзы, преимущественно найденных при раскопках в районе бассейна реки Вымь. Погребальная обрядность этого пе-

риода представлена материалами Ульяновского погребения. К коллекциям раннего железного века относятся материалы, полученные в результате исследований Канинского и Уньинского пещерных святилищ, Шиховского могильника, поселений Пожегдин II, Корольки и Ниремка I, а также известный Уньинский клад культовых плакеток.

Коллекции раннесредневекового периода состоят из сборов на Ванвиздинской стоянке, материалов разведочных работ на I Веслянском могильнике, раскопок курганного могильника Шойнаяг и Евдинского могильника, а также случайных сборов. Представление о хозяйственной деятельности населения ванвиздинского времени дают деревянные изделия II Висского торфяника (фрагменты луков, деревянных стрел, фрагмент прялки и пряслице, антропоморфная фигурка и другие). Основу средневековых коллекций памятников составляют материалы исследований могильников и поселений бассейна реки Вымы [Историко-культурное достояние Республики..., 2021, с. 32–33].

Популяризация археологического наследия – одно из традиционных направлений деятельности как ученых-археологов, так и сотрудников музеев. В связи с этим можно выделить ряд функций, которые определяют способы и методы, способствующие популяризации археологического наследия в музейном пространстве. К ним относятся:

1. Экспозиционная функция. Музеи предлагают посетителям возможность ознакомиться с археологическими находками, представленными в виде экспонатов в рамках тематических выставок, постоянных и временных экспозиций. Выставки могут включать как экспонирование самих предметов и их описания, так и фотодокументы, и другие документальные источники, относящиеся к той или иной археологической коллекции или истории ее формирования.

2. Интерактивная функция. Музеи могут организовывать специальные программы и мероприятия в рамках постоянной экспозиции или вне ее, которые позволяют реконструировать процесс археологических раскопок, воссоздавать копии археологических памятников, предметов и приспособлений, находок и изучать их детальнее с помощью современных технологий.

3. Проектная функция. Музеи создают медиапроекты, онлайн-платформы, приложения и путеводители с использованием цифровых ресурсов, где посетители могут изучать археологические коллекции и памятники, посещать виртуальные выставки, знакомиться с научными исследованиями и получать доступ к базам данных, содержащим информацию об археологических предметах.

4. Образовательная функция. Музеи реализуют специальные образовательные программы, публичные лекции, презентации, полевые семинары и экскурсии для школьников, студентов и взрослой аудитории, а также сотрудничество с учебными заведениями и другими организациями.

5. Научно-исследовательская функция. Музеи активно занимаются исследованиями и консервацией археологических объектов, чтобы сохранить их для будущих поколений. Издание научной и научно-популярной литературы, публикация статей и каталогов археологических коллекций способствует сохранению и распространению ценных исторических и культурных данных, а также помогает привлечь больше людей к изучению и охране археологических объектов.

Одним из основных направлений работы по популяризации археологического наследия в Национальном музее Республики Коми является экспозиционно-выставочная деятельность. К ней относятся постоянные и временные выставки как археологических коллекций, так и отдельных предметов археологии. Современная экспозиция отдела истории Национального музея Республики Коми была создана в 1985 г. и занимает два этажа здания (6 залов). Тематика экспозиции связана с профилем музея и отражает историю Республики Коми с древнейших времен до середины XX в. В основе лежит принцип хронологического показа исторического материала. Древнейшему периоду в истории республики посвящены 2 зала. Тематически залы поделены на исторические периоды от палеолита до эпохи Средневековья. В настоящее время музеем разрабатывается концепция новой экспозиции, которая начнет функционировать после окончания капитального ремонта здания отдела истории.

Кроме того, предметы археологии экспонируются в составе экспозиций других отделов музея. В частности, в отделе этнографии Национального музея Республики Коми экспонируется часть предметов из II Висского торфяника, Ванвиздинской стоянки, Шиховского могильника, могильников эпохи Средневековья, поселения Пожегдин II, а также предметы из коллекции отдельных находок и сборов А. С. Сидорова, сделанных в 1920-х гг. в различных районах Коми Автономной области. Здесь предметы археологии концептуально включены в состав экспозиции для иллюстрации древнейшего периода истории народа коми.

В составе экспозиции еще одного отдела музея – литературного музея им И. А. Куратова экспонируются предметы из раскопок городищ «Кармыльк» и «Кар-Яг», раскопок поселения Ниремка I,

раскопок А. С. Сидорова на территории Коми АССР, раскопок на могильнике «Кичилькось» и отдельные предметы из других археологических коллекций. В отделе природы посетители музея могут увидеть палеонтологические материалы и предметы археологии из раскопок стоянки Бызовая и Медвежьей Пещеры. Предметы археологии здесь иллюстрируют процесс заселения Европейского Северо-Востока в древнекаменном веке.

Одним из удачных примеров популяризации археологического наследия региона можно назвать открывшийся в 2016 г. совместный выставочный проект Государственного Эрмитажа и Национального музея Республики Коми под названием «Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья». Выставка знакомила посетителей с межкультурными отношениями, религиозными представлениями и торговыми связями населения Северного Приуралья до начала процесса христианизации. На экспозиции этой выставки было представлено более 150 археологических произведений мелкой бронзовой и серебряной пластики из собрания Государственного Эрмитажа, Национального музея Республики Коми, Музея археологии Европейского Северо-Востока, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН и Музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. В центре внимания на выставке были предметы из фондов Государственного Эрмитажа, относящиеся к звериному стилю. Это небольшие бронзовые изделия из Подчеремского клада, найденные в 1929–1930 годах в бассейне реки Печоры, и культовые пластины с изображениями зооморфных и антропоморфных существ из Ухтинского клада, обнаруженного в конце XIX в. На выставке также было представлено два уникальных предмета: деревянная чаша и серебряный ритон из Веслянского могильника, найденные в Княжпогостском районе Республики Коми. По итогам выставки был издан альбом-каталог, который содержит качественный иллюстративный материал, аннотированные тексты на русском и английском языках об истории изучения предметов, представленных на выставке [Люди. Звери. Боги..., 2016].

Еще один пример выставочного проекта музея, посвященный популяризации археологического наследия под названием «Богатыри древнего Синдора», открыл для посетителей загадочную страницу истории Республики Коми, связанную с открытием I Висского торфяника. В 1960 г. археолог Г. М. Буров в районе озера Синдор обнаружил археологический памятник VI тыс. до н. э. – I Висский торфяник. Среди находок были: луки больших размеров, санные полозы, рыболовные снасти – возраст этих предметов более 8 тыс. лет. А также уникальный фрагмент лыжи со скульптурным изображением головы лося, уже упоминавшийся ранее. Коллекция этих артефактов хранится в фондах музея. На выставке «Богатыри древнего Синдора» сотрудники музея постарались: соединились мифические образы прошлого с использованием археологических коллекций из фондов музея. В результате получилась история о легендарных «богатырях», которые изготавливали совершенные охотничьи приспособления, пользовались лыжами и санями с тормозными приспособлениями, шлифовали камень, выделывали оригинальную берестяную посуду и имели развитое искусство, включающее резную скульптуру [Богатыри древнего Синдора...].

Помимо традиционной экспозиционной деятельности, музей проводит ряд тематических мероприятий для учащихся младших классов. Один из примеров такой практики – интерактивная выставка «Занимательная археология» в отделе истории музея. Каждый посетитель выставки, независимо от возраста и навыков, попробовал себя в роли археолога. Посетители выставки узнали об открытиях и изобретениях древнего человека, приемах обработки различных материалов, устройстве и использовании древних механизмов. Каждый участник выставки мог стать первобытным художником, найти настоящий зуб мамонта, при помощи зернотерки получить муку, достроить жилище человека эпохи бронзы, изготовить полотно на ткацком станке.

Кроме того, в рамках работы выставки «Занимательная археология» сотрудниками музея проводятся экскурсии с элементами практической деятельности «Как жили древние люди» во время которой посетители совершают путешествие в мир первобытного человека, используя колесо времени. Здесь же проводится интерактивное занятие «По следам пещерного медведя» – изучение эпохи каменного века, знакомство с пещерным медведем и древним культом, связанным с ним, а также изготовление «амулетов» в мастерской каменного века.

Музеем также разработан виртуальный тур «В поисках клада», в котором представлены девять наиболее интересных кладов из собрания музея: Уньинский клад бронзовых культовых плакеток с изображениями хищных птиц, лосиных голов III–IV вв. н. э., Кельчиюрский клад железных предметов конца XIV–XV вв., клад серебряных монет-«чешуек» XVI–XVII вв., клад купца А. М. Забоева XVIII – начала XX вв., клад казначей Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря и т. д. С помощью

этого ресурса можно узнать историю кладов, где и когда они были найдены и посмотреть на изображения предметов.

Важное направление деятельности Национального музея Республики Коми в рамках популяризации археологического наследия – это работа с молодым поколением. В начале 1970-х гг. сотрудники музея принимали участие в реализации проекта «Малая академия наук», который объединял учащихся школ, лицеев и гимназий Сыктывкара и районов Республики Коми. Целью проекта было расширение знаний учащихся по основным научным дисциплинам и содействие интересующейся молодежи в изучении истории и культуры региона. Так, сотрудник отдела истории Республиканского краеведческого музея (сейчас – Национальный музей Республики Коми), археолог Л. Л. Косинская принимала участие в работе «Малой академии» и знакомила учащихся с основами археологии и историей археологического изучения территории республики.

Еще одно направление деятельности Национального музея Республики Коми по популяризации археологического наследия – это реализация совместных медиапроектов в социальных сетях. В 2023 г. музей совместно с Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН запустил проект «(Не)Полевая археология» на базе социальной сети «ВКонтакте». Этот научно-популярный проект занимается популяризацией археологии, изучением экспедиционной повседневности в рамках методов визуальной антропологии. Часть публикаций проекта посвящена археологическому изучению Европейского Северо-Востока. Авторы проекта планируют создать цикл лекций и видеоматериалов, которые помогут подписчикам лучше понять мир древних культур и оценить значение археологических находок.

В настоящее время музей возобновил деятельность, связанную с проведением публичных лекций по археологии. Так, в рамках проекта «Занимательная археология» научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории, кандидат культурологии Н. А. Волокитина прочитала курс лекций, связанных с археологией и историей культуры. Слушатели познакомились с информацией об изобразительной деятельности древнего человека в рамках лекции «Венеры» палеолита: образ женщины в каменном веке», узнали про «Археологические культуры доколумбовой Америки», завершился цикл лекцией «Образ археолога в массовой культуре» о восприятии профессии археолога сегодня.

В рамках реализации научной функции в популяризации археологического наследия сотрудники музея публикуют материалы, связанные с изучением археологических коллекций в рамках участия в научно-практических конференциях. Идет подготовка к изданию каталога археологических коллекций музея. Вместе с тем, с конца 1990-х гг. музей не проводит собственные полевые археологические исследования.

Необходимо также упомянуть работу музея с Федеральной государственной информационной системой учета музейных предметов и коллекций – Государственным каталогом Музейного фонда Российской Федерации. В базе государственного каталога, доступной в сети Интернет, можно найти фотографии, описания и размеры археологических предметов из различных музеев России. Это также можно рассматривать как вариант виртуального представления археологических коллекций, способствующий популяризации археологического наследия.

Таким образом, популяризация археологического наследия играет важную роль в контексте воспитания уважения к истории, привлечения посетителей в музей и сохранения культурного наследия. Знание прошлого помогает лучше понять свою идентичность и сохранить основополагающие ценности для будущих поколений. Для этих целей в Национальном музее Республики Коми используются самые разнообразные способы и мероприятия. К основным можно отнести экспозиционно-выставочную деятельность, участие сотрудников в научно-практических конференциях, проведение публичных лекций и образовательных мероприятий для широкой аудитории, реализацию медиапроектов в сети Интернет и деятельность по формированию базы Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации.

Библиографический список

Историко-культурное достояние Республики Коми (научно-популярные очерки)/ Отв. ред. и сост. Жеребцов И. Л. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2021. 288с.

Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья [Электронный ресурс] // Государственный Эрмитаж. 2016. 17 октября. Режим. доступа: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/2016 (дата обращения: 23.08.2023).

Богатыри древнего Синдора [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального музея Республики Коми. Режим доступа: <https://museumkomi.ru/?p=18872> (дата обращения: 23.08.2023).

Туркина Т. Ю. История формирования археологической коллекции Национального музея Республики Коми // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 8: Материалы международной научно-практической конференции «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире». Сыктывкар, 2011. С. 194–196.

Ютина Т. К. Археологические коллекции музеев и университетов: возможности популяризации историко-культурного наследия // Материалы Всероссийского научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном». Казань 2019. С. 48–55.

POPULARIZATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE EUROPEAN NORTH-EAST IN THE NATIONAL MUSEUM OF THE KOMI REPUBLIC

S. A. Rodov

Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Kommunisticheskaya str., 26, 167982, Syktывkar, Republic of Komi, Russia;
National Museum of the Komi Republic,
Kommunisticheskaya str., 57, 167000, Syktывkar, Republic of Komi, Russia
s.a.rodov@yandex.ru

The article deals with the concept of popularization of archaeological heritage in the museum space. It gives a brief overview of the archaeological collections of the National Museum of the Komi Republic. This example make it possible to consider the main approaches to the popularization of the archaeological heritage of the European North-East, which are divided into several directions.

Key words: museum, archaeology, archaeological collections, archaeological heritage, popularization.

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БУЛГАРИСТИКИ А. П. СМЕРНОВА

К. А. Руденко ©

Казанский государственный институт культуры (КазГИК),
420059, Россия, Казань, Оренбургский тракт, 3
murziha@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с образованием, функционированием и характерными особенностями казанской археологической школы болгаристики Алексея Петровича Смирнова – выдающегося советского археолога. Автор утверждает, что формирование школы Смирнова началось в 1930-е гг., с началом его археологических исследований на территории Татарской АССР. Ядро школы сложилось в конце 1930-х – второй половине 1940-х гг. в ходе археологических раскопок на Булгарском городище. В ядро школы вошли сотрудники Казанского музея: О. С. Хованская и А. М. Ефимова, а также З. А. Акчурина, сотрудник ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР. В конце 1940-х – 1950-х гг. состав школы расширился за счет аспирантов А. П. Смирнова, из которых в казанской научной школе осталась только Т. А. Хлебникова, к которой в конце 1950-х гг. присоединилась Н. Д. Аксенова, продолжившие развивать традиции школы Смирнова в полевых исследованиях, а также концептуальные положения А. П. Смирнова в интерпретации археологических данных в 1970-х – 1980-х гг. Особенности казанской археологической школы болгаристики А. П. Смирнова являются: 1) ее основатель – ученый-энциклопедист, фронтовик, со своим взглядом на многие проблемы науки и культуры; 2) гендерный аспект: преобладание женщин-археологов в ее составе; 3) особая роль межличностных коммуникаций, которые включали не только научную сферу, но и вопросы личного характера; 3) высокая степень доверия между коллегами; 4) устоявшаяся идеология школы.

Ключевые слова: Археологическая школа, схолярные исследования, болгаристика, А. П. Смирнов, коммуникация, Булгарское городище, А. М. Ефимова, Н. Д. Аксенова, Т. А. Хлебникова.

Введение

Вопрос об археологических школах в казанской археологии и времени их формирования проблематичен. Однако, без сомнения, они появились только в советское время и после Великой Отечественной войны [Сидорова, 2012, с. 18; Руденко, 2022; Руденко, 2022а]. Речь идет о школах А. П. Смирнова и А. Х. Халикова [Руденко, 2014, с. 484–493, 508–510]. О них имеется небольшая историография, правда, весьма противоречивая. Это статьи Ф. Ш. Хузина, Р. С. Зоря, а также Р. М. Валеева и Р. Р. Валеевой-Хакимовой [Хузин, 2019; Валеев, Валеева-Хакимова, 2021; Зоря, 2021]. Вышеперечисленные авторы изучали данный вопрос с разных позиций [Тихонов, 2012, с. 16]. Ф. Ш. Хузин и Р. Р. Зоря рассматривали школу Халикова, начавшуюся, по их мнению, с деятельности Н. Ф. Калинина, как научно-образовательную, по сути, видя в ней часть университетского образования, а главным критерием ее функционирования были защищенные диссертации аспирантов и образовательные процедуры, включая элементы внеучебного образования (студенческий кружок), поскольку специализация по археологии на историческом факультете КГУ появилась только в 1990-х гг. В какой-то степени это традиционное понимание школы, идущее с начала XX в. [Руденко, 2014, с. 400, 402, 407]. В позиции Р. М. Валеева и Р. Р. Валеевой-Хакимовой больше от взгляда на научную школу как на исследовательский коллектив, основная цель деятельности которого связана с охраной культурного наследия. Впрочем, прямой связи возникновения и функционирования научной археологической школы с нормативными законодательными актами, регулирующих вопросы охраны объектов культурного наследия (ОКН) – археологических памятников, – нет.

При этом вне внимания всех вышеперечисленных авторов осталась казанская археологическая школа А. П. Смирнова, связанная в основном с изучением памятников предбулгарской, булгарской и ордынских эпох [Руденко, 2010; Руденко, 2023а, с. 60]. Конечно, научные интересы Алексея Петровича охватывали весь Волго-Уральский регион, о чем писал Г. А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов, 1964, с. 117, 118], и в этом плане, его ученики работали не только в Казани. Что касается болгаристики – научного археологического направления казанской археологии [Руденко, 2010а, с. 154, прим. 1,2],

во-первых, Алексей Петрович был ее основателем, и, во-вторых, казанская школа булгаристики стала ключевой в научном творчестве ученого. Сводить казанскую археологию только к одному полюсу – А. Х. Халикову и его ученикам, неверно [Шнирельман, 2013, с. 18].

Что касается казанской школы булгаристики А. А. Смирнова, то можно выделить три этапа ее становления и развития. Первый – 1933–1941 гг.; второй – 1945 – начало 1960-х гг.; третий – 1960-е – 1974 г., функционирование ее продолжилось в последующие годы. [Руденко, 2010. С. 57–59]. Для археологических школ Волго-Камского региона [Мельникова, 2004], в том числе и для школы А. П. Смирнова, характерны следующие черты: общность научной парадигмы, научная идеология, доверительная психология общения внутри школы, постоянство коммуникационных связей, общая позиция в диалоге с оппонентами. В данном случае стоит добавить и новую полевую исследовательскую методику с акцентом на стратиграфию и комплексный подход к вопросам датирования. Кроме того, отметим и активную публикационную политику: издание докладов, доложенных на мероприятиях и конференциях Казанского музея, ежегодных научных сессий в МО ГАИМК (в дальнейшем ИА АН СССР) в КСИИМК (КСИА), а также аналитических статей в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», которые редактировались А. П. Смирновым. В данной статье нет возможности охватить все вышеперечисленные моменты, поэтому остановимся на нескольких сюжетах, наиболее ярко характеризующие сам факт личных коммуникаций в рамках научной школы.

Источники

Основными источниками в данном случае выступают письма А. П. Смирнова к казанским коллегам и ученикам и воспоминания последних об Алексее Петровиче. Большая часть документов хранится в Отделе редких рукописей и книг научной библиотеки К(П)ФУ и в ОПИ ГИМ; некоторые в семейных архивах. Опубликованы письма А. П. Смирнова к А. М. Ефимовой (с 1941 по 1949) и к Н. Д. Аксеновой (с 1960-х до 1973 г.), а также ее воспоминания [Аксенова, 2010, с. 124–167; Руденко, 2021].

Полученные результаты

Ключевой фигурой в казанской школе булгаристики 1930-х – 1940-х гг. был Алексей Петрович Смирнов (1899–1974), археолог-энциклопедист, вокруг которого складывался коллектив учеников, коллег и единомышленников. Не останавливаясь на биографии ученого [Федоров-Давыдов, 1977, с. 3, 4], отметим, что поворотным моментом в его судьбе была Великая Отечественная война, в которой он принимал непосредственное участие [Мельникова, Останина, 2020; Руденко, 2021, с. 351]. Война, по словам самого Алексея Петровича, наложила отпечаток на всю его послевоенную жизнь. «Для меня война никогда не кончится. Слишком много мы потеряли из-за нее, слишком многого она нас лишила», – говорил он своему сыну Кириллу [Мельникова, Останина, 2020, с. 720]. Первая особенность казанской школы Смирнова, собственно, и связана с личностью ее основателя – ученого, пережившего страшные испытания на фронтах Великой Отечественной.

Мы отмечали, что ядро школы А. П. Смирнова сложилось в послевоенное время – в конце 1940-х – 1950-х гг., в период работы Куйбышевской археологической экспедиции [Руденко, 2010; Руденко, 2014, с. 491–494], на втором этапе существования школы. В него входили коллеги и единомышленники Алексея Петровича: Александра Михайловна Ефимова (1903–1990), Ольга Сергеевна Хованская (1889–1964), Зулейха Асфандияровна Акчурина (1900–1982). Две первых были сотрудниками Государственного музея ТАССР. На третьем этапе в школе А. П. Смирнова помимо А. М. Ефимовой были: его аспирантка Тамара Александровна Хлебникова (1928–2001) и чуть позже Наталья Дмитриевна Аксенова (1928–2021), – второе поколение учеников [Руденко, 2014, с. 614–616, 621–623, 647–650; Руденко, Казаков, 2018]. Обе они еще студентами участвовали в раскопках на Булгарском городище. В 1960-х гг. в исследованиях булгарских памятников под руководством А. П. Смирнова принимал участие Г. А. Федоров-Давыдов (1931–2000), который в своей автобиографии писал, что Смирнов является его учителем [Руденко, 2014, с. 661, 662; Федоров-Давыдов, 2000; Дворниченко, Егоров, Яблонский, 2002, с. 6].

Нетрудно заметить, что практически все казанские коллеги А. П. Смирнова, разделявшие и развивавшие его идеи в археологии, были женщины [Руденко, 2010а, с. 5–7; Руденко, 2021а], что является второй особенностью школы Смирнова. Эта черта во многом отличала его школу от коллектива, который собрал и воспитал А. Х. Халиков. Еще одна особенность смирновской школы – внутренние теплые, дружеские отношения, готовность прийти на помощь в трудных жизненных ситуациях [Руденко, 2011, с. 359–361]. Это прошло через всю жизнь тех людей, что входили в школу Смирнова [Руденко, 2010а]. Например, в 1945 и 1946 гг. в переписке с А. М. Ефимовой особое внимание А. П. Смирнов

уделял ее сыну Анатолию, который поступил в Московский университет: в первое время его мать просила присмотреть за ним, передать посылку или гостинец (письмо от 20.09.1945). В письме от 29 октября 1945 г. А. П. Смирнов пишет Ефимовой: «Ваши письма пронизывает какая-то грусть и тоска. Надеюсь, что это временное и Вы привыкните к временной разлуке с Толей. Тем более что не за горами зимние каникулы, а там рукой подать до лета. Только успевай встречать» [Руденко, 2021, с. 55]. В письмах Смирнова этого периода регулярно звучит тема демобилизации, поскольку ее муж – В. И. Адо, в это время еще находился в армии, хоть Великая Отечественная война уже закончилась (письмо от 8.10.1945). Такая психологическая поддержка распространялась и на непростые жизненные ситуации в казанском музее, где работала Александра Михайловна, нередко сталкиваясь с недопониманием руководства музея ее работы или критикой сотрудников. «Главное Вы сами не теряйте спокойствия, поддержки и самообладания», – писал ей Алексей Петрович 9 февраля 1947 г. [Руденко, 2021, с. 147].

Дружескую поддержку А. П. Смирнова чувствовали его коллеги и в последующие годы. В письмах второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. Н. Д. Аксеновой Алексей Петрович подробно излагает свои мысли по поводу ее раскопок, находок и интерпретаций, а также музейной работы. Делилась Наталья Дмитриевна со Смирновым и своими тревогами как в полевой работе, так и в администрировании. Например, в письме от 22 июня 1972 г. А. П. Смирнов пишет: «Будьте спокойнее, у Вас работа идет нормально. Я рад, что Вы подготовили выставку. Не сердитесь на директора. Начальство есть начальство. Так устроен мир. Так велел Бог» [Аксенова, 2010, с. 151]. Чуть позже он уже по другому поводу замечает: «Я хотел бы, что бы Вы помнили. Жизнь, сложная штука, и не все идет так, как хочется. У всех свои трудности. Нужно уметь терпеть. Терпение проповедовало и Евангелие. Это очень мудро» [Аксенова, 2010, с. 154].

Спустя много лет после того, как Алексея Петровича не стало, Наталья Дмитриевна так выразила свои чувства: «Он [А. П. Смирнов – К. Р.] своей внутренней силой умел заставлять думать и делать то, что в обыденной обстановке я была не способна. Он всегда был внимателен к чужим мыслям, своего мнения не навязывал, не командовал в исследовательской работе. В каждом своем сотруднике видел личность и уважал эту личность» [Аксенова, 2010, с. 35]. Вероятно, этот момент был для Натальи Дмитриевны очень важным. Иначе она бы не отказалась от аспирантуры у Н. Ф. Калинина и позже А. Х. Халикова, хотя в воспоминаниях она написала, что в тот момент «не чувствовала в себе уверенности стать хорошим научным работником» [Аксенова, 2010, с. 17], но, скорее всего, мотивация была несколько иной. Николай Филиппович Калинин был, по словам Натальи Дмитриевны, «индивидуалистом в работе» и все держал в себе, не делись своими соображениями и мыслями с подчиненными, – коллег и друзей он в них не видел. Своих одногруппников и людей, знавших его ранее, он опасался, а с теми, кто работал в ИЯЛИ и музее (З. А. Акчурина, О. С. Хованская, А. М. Ефимова) отношения разладились после трагического случая – аварии в разведках по рекам Актай и Бездна в 1946 г., после которой О. С. Хованская получила инвалидность, а несколько студентов получили серьезные травмы [Руденко, 2021, с. 117, 118]. Калинин пестовал студентов-археологов, ходивших в университетский археологический кружок, привлеченных романтикой поиска, в основном вчерашних школьников, общался с ними не только в университете, но и в неформальной обстановке, безусловно, испытывая к ним отеческие чувства [Зоря, 2021, с. 275]. Он видел себя их наставником, но никогда не относился к ним как к коллегам по науке. Исключение составил только студент А. Х. Халиков, правда, руководствовался в этом случае Николай Филиппович несколько иными соображениями [Руденко, 2021, с. 343–345, 347].

Алексей Петрович и его семья всегда были рады гостям из Казани, приглашали их к себе во время визитов в столицу. В домашней обстановке можно было свободно общаться, говорить на разные темы, в том числе и те, которые в письмах не обсуждались. Впрочем, политические сюжеты в сохранившихся письмах крайне редки. Судя по ряду высказываний в письмах к А. М. Ефимовой 40-х – 50-х гг., к политическому моменту Алексей Петрович относился весьма серьезно [Руденко, 2021, с. 352]. Впрочем, некоторые из его высказываний, попади они не в те руки, могли быть расценены неоднозначно. Например, сравнение с чертом академика Т. Д. Лысенко, пропагандиста «нового мичуринского» учения (письмо от 5 декабря 1947 г.) [Руденко, 2021, с. 36]. Еще более яркий пример – анекдоты, правда, безобидные (наряду с шарадами и ребусами) в письмах к той же Александре Михайловне [Руденко, 2021, с. 36, 37; Руденко, 2021б]. В письмах 1960-х – начала 1970-х гг., в переписке с Н. Д. Аксеновой и Т. А. Хлебниковой, политические темы никогда не упоминались и не обсуждались. В целом в переписке традиционным был обмен поздравительными открытками или краткими письмами: с Новым го-

дом и другими праздниками, правда, последние встречаются лишь эпизодически². Таким образом, уважение к личности своих коллег, будь то студент-практикант или уже подготовленный специалист-археолог, руководитель раскопа, готовность оказать помощь и принять участие в проблемных жизненных ситуациях, доверие являются еще одной особенностью школы А. П. Смирнова. Критерии, которые определяли отношение Смирнова к коллегам, было простым: как человек работает в экспедиции. Так, Н. А. Кокорину, которая в 1970-м г. работала в экспедиции в Болгарах, он охарактеризовал так: «Нина Кокорина самоучка, но благодаря тому, что она честно относится к работе, она полезный и нужный сотрудник» [Аксенова, 2010, с. 141]. Это очень высокая оценка, учитывая, что Алексей Петрович с особой требовательностью относился к участникам экспедиции в Болгарах, и если он считал, что человек не подходит для экспедиции или может ее дискредитировать, то в выражениях не стеснялся [Аксенова, 2010, с. 148, 156].

В продолжении этой темы нужно сказать, что на протяжении всей своей научной деятельности Алексей Петрович щедро делился со своими казанскими коллегами новинками археологической литературы, информацией об открытиях в советский археологии, новостями об общих знакомых, а также мнением археологов из Института археологии о раскопках в Булгаре. Весьма интересны его советы и комментарии к научным штудиям своих коллег. Отметим, что эта практика распространялось далеко не на всех из его окружения в ГИМе и ИИМКе (ИА). Впрочем, даже со своими казанскими оппонентами он старался сохранять научные контакты. Так, он написал А. Х. Халикову письмо с пояснениями по поводу своего доклада, а копию отослал Н. Д. Аксеновой для ознакомления со своей точкой зрения [Аксенова, 2010, с. 131, 132]. Отстаивая свою научную позицию, А. П. Смирнов был тверд. Как-то, отвечая Т. А. Хлебниковой по поводу ее замечания, что его принципиальные рецензии на публикации научных оппонентов подрывают его авторитет, Алексей Петрович заметил, что он ищет «не авторитета, а правды, научной правды» [Аксенова, 2010, с. 166]. Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что в Алексее Петровиче «поражала огромная научная добросовестность» [Федоров-Давыдов, 1977, с. 4]. Это вызывало уважение. За А. П. Смирновым его казанские коллеги и ученики чувствовали себя увереннее и защищеннее, хотя интриг и недоброжелателей у А. П. Смирнова хватало и в Казани.

Важную составляющую часть научной коммуникации внутри школы составляла научная работа, прежде всего с полевой документацией. Г. А. Федоров-Давыдов писал: «для А. П. Смирнова никогда не было деления на чистую теоретическую кабинетную археологию и на «грязную» полевую работу. Для него это были две неразрывные части единого творчества» [Федоров-Давыдов, 1977, с. 4]. При той свободе, которую ощущали его коллеги, он внимательно проверял их отчеты, следя за тем, чтобы сведения и наблюдения, зафиксированные при раскопках в дневниках и полевых чертежах, нашли там свое отражение. Если говорить о методе А. П. Смирнова в обучении археологической аналитике, то можно выделить три основных принципа, которых он придерживался до тех пор, пока коллега не «набивал руку», при этом никогда не отказывая в консультациях. Это: 1) проверка и правка отчетов, что позволяло выявлять недостатки и видеть упущения и их устранять в дальнейшем уже самостоятельно; 2) помощь в подготовке итоговых статей в КСИИМК, аналог статей в современных «Археологических открытиях»; 3) консультации по различным проблемам, чаще всего при интерпретации артефактов или поиске аналогий, возникавших, как правило, из-за нехватки научной литературы или знакомства с материалами. Последнее, как правило, отражалось в переписке. А. М. Ефимова некоторые письма Алексея Петровича хранила для своей работы по публикациям своего материала с пометками на конвертах, по какой теме в нем высказывания А. П. Смирнова, используя их в качестве своего рода справочника [Руденко, 2021, с. 38].

Кроме того, у всех коллег по школе была четко выражена общая научная парадигма, сформулированная Алексеем Петровичем в программных работах, в случае булгаристики, – в монографии «Волжские булгары» (1951 г.) [Руденко, 2014, с. 485, 486]. Научная гипотеза Алексея Петровича развивалась с течением времени, совершенствовалась по мере накопления археологического материала и появления новых мнений, она не была догмой. Ученик А. П. Смирнова – Г. А. Федоров-Давыдов писал об этом так: «жизнь ученого должна быть измерена не житейскими фактами и не ступеньками его продвижения по службе, а ростом его творческой личности, его научными достижениями» [Федоров-Давыдов, 2000, с. 14]. Научная концепция Алексея Петровича по археологии и истории волжских булгар в 1960-х – 1970-х гг. вызывала критику оппонентов, прежде всего А. Х. Халикова, отражавшуюся в полемических статьях. В ряде случаев критика переходила в неприязненные личные отношения как с самим Алексеем Петровичем, так и с его коллегами в Казани [Аксенова, 2010, с. 156].

В 1945–1949 гг. в экспедициях в Булгаре под руководством А. П. Смирнова стала формироваться система концептуальных взглядов на научное творчество, ценности и научные идеи, своего рода научная идеология³, поддержанная его учениками [Руденко, 2021, с. 334], что тоже можно считать особенностью этой школы. Стержнем ее стало понятие коллегиальности. Оно распространялось прежде всего на полевые исследования, в основном, применительно к Болгарскому городищу, где она реализовывалась в экспедиции в обсуждении промежуточных результатов исследований в воскресных обходах, заведенных А. П. Смирновым, где свои мысли могли высказать все присутствующие. Это позволяло выявить большинство проблем еще в поле. По воспоминаниям Н. Д. Аксеновой, Т. А. Хлебниковой и Н. А. Кокориной, в таких обсуждениях могли принимать участие и работавшие на раскопах студенты-археологи [Аксенова, 2010, с. 57–59; Кокорина, 2002, с. 28; Хлебникова, 2002, с. 34]. Это было весьма полезно: когда исследователь в процессе раскопок заходил в тупик, например, в определении стратиграфических слоев или идентификации объектов, тогда вопрос выносился на совместное обсуждение. Эта система сохранялась до 1980-х гг.

Данная практика в казанской археологии вне смирновской школы не распространилась. Для Н. Ф. Калинина это было неприемлемо, а А. Х. Халиков считал это излишним. Любопытно свидетельство Н. Д. Аксеновой: «в экспедициях Алексея Петровича работалось не трудно или легко, а интересно» [Аксенова, 2010, с. 55]. Иногда «пробивались» у А. П. Смирнова в письмах и определенные замечания по полевой работе, например, он писал Н. Д. Аксеновой: «У Саши [А. Х. Халикова – К. Р.] землю смотрят только копальщики. Так по недостатку людей делает и Федоров-Давыдов. Не следуйте этим примерам. Контролеры должны быть, и так немало вещей пропускаем» [Аксенова, 2010, с. 160].

Второй составляющей частью идеологии школы Смирнова было правило «своего метода», которое распространялось на всех членов школы. Это означало свободу научного творчества и исследовательского поиска. Н. Д. Аксенова отмечала, что если смотреть со стороны, то казалось, что в экспедиции Алексей Петрович не вмешивается ни во что: он не поучал, не навязывал свое мнение. Она вспоминала, что он не раз говорил, что каждый исследователь имеет право на свой метод [Аксенова, 2010, с. 55]. Такой демократизм не исключал строгую дисциплину как в полевой работе, так и в научно-отчетной деятельности и тем более в публикациях. Профессиональное умение и навыки, организованность, ответственность за свои действия, требовательность и к себе, и к коллегам – эти качества составляли кредо школы Смирнова.

Был еще один момент, который тоже характеризует идеологию школы. Это роль ее лидера в регулировании внутренних конфликтов. Во второй половине 1940-х – 1950-х гг. в ядре школы они были практически незаметны и касались чаще всего форм взаимодействия: руководитель – подчиненный в Казанском музее, где работали О. С. Хованская и А. М. Ефимова, не выходя за эти рамки. В экспедиции конфликтные ситуации не допускались. Проблема стала заметнее в конце 1960-х гг., переместившись в пространство Болгарского заповедника и самой экспедиции, усилившись в начале 1970-х гг., когда Алексей Петрович уже в Булгары не выезжал, а исследования вели ученики. Помимо раскопок, была и обычная жизнь, в которой случались и конфликты, и обиды, и недопонимание между коллегами в личном общении на работе или в бытовых ситуациях, на фоне психологического и административного давления со стороны А. Х. Халикова и его сторонников. А. П. Смирнову приходилось улаживать и эти проблемы, поскольку для второго поколения учеников он был авторитетом и человеком с огромным жизненным опытом. Но сам по себе этот факт ярко свидетельствует о высоком уровне доверия внутри школы Смирнова.

Можно еще отметить обширную область музейной работы, которую А. П. Смирнов знал очень хорошо по работе в ГИМе [Федоров-Давыдов, 1977, с. 4], и на эту тему много общался с А. М. Ефимовой и Н. Д. Аксеновой, которые многие годы были связаны с музейной деятельностью. Но это сюжет отдельный, и здесь мы его не рассматриваем.

Заключение

Таким образом, казанская археологическая школа булгаристики А. П. Смирнова уникальна в Волго-Уральском регионе, поскольку формировалась на базе археологической экспедиции и республиканского музея, причем лидером ее был археолог, сложившийся профессионально не только в другом городе, но и в другой культурно-образовательной среде, что, на наш взгляд, было большой удачей. Ее характеризует преимущественно женский состав, необычайная тесная коммуникационная связь, образованная на доверительной психологии общения при сохранении постоянных коммуникационных связей на протяжении практически всего периода совместной деятельности и жизни лидера школы. Показательно, что эти связи не разрушились после ухода Алексея Петровича из жизни, а сохранялись

длительное время, пока существовал Болгарский отряд Поволжской экспедиции. Отметим и то, что научной концепции А. П. Смирнова в болгаристике была суждена вторая жизнь, основанная на новых археологических материалах и возрожденная другими исследователями в начале XXI в.

Примечания

¹ Последний анекдот (из цикла о В. И. Чапаеве и Петьке) был им написан в письме А. М. Ефимовой 25 июля 1973 г.

² Возможно, часть поздравительных открыток просто не сохранилось.

³ В данном случае речь не идет ни о науке и идеологии, ни о идеологии в науке. Это разные сущности. Об этих направлениях имеется немало современных исследований [Мамчур, 2010, с. 58, 59]. В данном случае приемлемо понимание идеологии в формате личной (доктринальной) позиции ученого [Баранец, Веревкин, 2018, с. 34, 35]. Таким образом, научная идеология археологической школы – это система индивидуальных взглядов лидера школы, связанная с его личной концепцией в профессиональной области, разделяемой его учениками и коллегами, включающих как профессиональные навыки и приемы, так и этические нормы, касающиеся исследовательских процедур, образовательных приемов, личного общения, развивавшихся в рамках современной ему общественно-политической среды, подкрепляемые научным авторитетом лидера в профессиональной сфере.

Библиографический список

Аксенова Н. Д. Любовь моя – Болгары. Воспоминания и научные работы Н. Д. Аксеновой. Казань: «Заман», 2010. 176 с.

Баранец Н. Г., Веревкин А. Б. Идеология в науке. Ульяновск: УлГУ, 2018. 213 с.

Валеев Р. М., Валеева-Хакимова Р. Р. Формирование Казанской археологической школы и ее роль в развитии системы охраны историко-культурного наследия России и Татарстана // Диалог со временем. 2021. Вып. 74. С. 229–239.

Дворниченко В. В., Егоров В. Л., Яблонский Л. Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Отв. ред. В. Л. Егоров, Ю. А. Зеленев. М.: ГИМ, 2002. С. 6–14 (Труды ГИМ. Вып. 135).

Зоря Р. С. Развитие археологической школы ТАССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов // Современные востоковедческие исследования. 2021. Том 3. № 2. С. 270–281.

Кокорина Н. А. Строгий и заботливый учитель // Казань. 2002. № 2. С. 28–30.

Мамчур Е. А. Наука, метафизика и идеология // Ориентиры. 2010. Вып. 6. С. 58–76.

Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003. 194 с.

Мельникова О. М. Научные школы в археологии. Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. Специальность 07.00.06. Ижевск 2004. 56 с.

Мельникова О. М., Останина Т. И. Археолог Алексей Петрович Смирнов о Великой Отечественной войне // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30. Вып. 4. С. 718–727. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30- 4-718-727.

Мяжков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. 298 с.

Руденко К. А. Казанские археологические школы болгаристики 1940-х – 1980-х гг. (периодизация): к постановке проблемы // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научной конференции / гл. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 57–61.

Руденко К. А. Археология XX века: две жизни — две судьбы: О. С. Хованская и А. М. Ефимова. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010а. 176 с.

Руденко К. А. Казанские археологи во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: личности, научное творчество и модели поведения (к постановке проблемы) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина, Ю. В. Краснова. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 356–361.

Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 768 с.

Руденко К. А. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А. П. Смирнова и А. М. Ефимовой). Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2021. 476 с.

Руденко К. А. Гендерные аспекты Казанской археологии во второй половине XIX–XX вв. // Археология Евразийских степей. 2021а. №5. С. 145–152. DOI: [10.24852/2587-6112.2021.5.145.152](https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.145.152).

Руденко К. А. Анекдоты в переписке казанских археологов эпохи позднего сталинизма // Известия Общества археологии истории и этнографии при Казанском университете. 2021б. Т. 41 (№ 1). С. 43–49.

Руденко К. А. История защит диссертаций по археологии в ТАССР в 20–50-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164, кн. 6. С. 69–80. DOI: [10.26907/2541-7738.2022.6.69-80](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.6.69-80).

Руденко К. А. Археология в ТАССР во второй половине 1930-х – конце 1940-х годов // Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VI / Отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина, И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2022а. С. 175–195. DOI: [10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-386-2.175-195](https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-386-2.175-195).

Руденко К. А. Предпосылки формирования диссертационной культуры в казанской археологии 1920-х – 1930-х гг.: люди и идеи // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 1. С. 117–125. Режим доступа: <http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/34-magistra-vitae-1-2023.html>.

Руденко К. А. Археологическая школа булгаристики А. П. Смирнова в Татарской АССР (1930–1970-е гг.): формирование и развитие // У истоков советских археологических школ (1818–1950). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2023а. С. 60–61. DOI: [10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-400-5](https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-400-5).

Руденко К. А., Казаков Е. П. Наталья Дмитриевна Аксенова (к юбилею ученого) // Поволжская археология. 2018. №3 (25). С. 350–354. DOI: [10.24852/2018.3.25.350.354](https://doi.org/10.24852/2018.3.25.350.354).

Сидорова Л. А. Школы в советской исторической науке: традиции и особенности // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 3 (9). С. 14–23.

Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.

Федоров-Давыдов Г. А. К 70-летию Алексея Петровича Смирнова // Советская археология. 1969. № 4. С. 117–119.

Федоров-Давыдов Г. А. Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1977. С. 3–6.

Федоров-Давыдов Г. А. К столетию Алексея Петровича Смирнова // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 13–16 (Труды ГИМ. Вып. 122).

Хлебникова Т. А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Хлебникова Т. А. «Он был для нас всем». О моем учителе и коллеге А. П. Смирнове // Казань. 2002. № 2. С. 34–35.

Хузин Ф. Ш. А. Х. Халиков и казанская школа археологии (к 90-летию со дня рождения) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. № 9. Т. 1. С. 172–184.

Шнирельман В. А. Национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 9–25.

FEATURES OF THE A.P. SMIRNOV'S ARCHAEOLOGICAL SCHOOL OF BULGARIAN STUDIES

K. A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture (KazGIK), 420059, Kazan, Orenburg tract, 3
murziha@mail.ru

The article discusses issues related to the formation, functioning and characteristic features of the Kazan Archaeological School of Volga Bulgaria founded by Alexei Petrovich Smirnov, an outstanding Soviet archaeologist. The author claims that the formation of the Smirnov school began in the 1930s, with the beginning of his archaeological research in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. The core of the school formed in the late 1930s-the second half of the 1940s during archaeological excavations in

the Bulgarian settlement. The core of the school included employees of the Kazan Museum - O. S. Khovanskaya and A. M. Efimova, as well as Z. A. Akchurina, an employee of IYALI of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences. In the late 1940s – the 1950s the membership of the school expanded due to the postgraduate students of A.P. Smirnov. Of all these postgraduates only T. A. Khlebnikova remained, in the late 1950s N.D. Aksenova joined to her. They continued to develop the traditions of the Smirnov school in field research and conceptual approach of A.P. Smirnov to the interpretation of archaeological data. The features of the Kazan Bulgar studies archaeological school of A. P. Smirnov are: 1) its founder is a broad-educated person with front -line experience, who had a special view on many problems of culture and science; 2) the gender aspect: the predominance of female archaeologists in its composition; 3) a special role of interpersonal communications, which included not only the scientific sphere, but also personal issues; 3) a high degree of trust between colleagues; 4) the formed ideology of the Smirnov school.

Key words: Archaeological school, scholar studies, Bulgar studies, A. P. Smirnov, communication, Bolgar hillfort, A. M. Efimova, N. D. Aksenova, T. A. Khlebnikova.

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ВАРНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СПЛАВОВ¹

Т. М. Сабирова ©

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
426067, Россия, Ижевск, ул. им. Татьяны Барамзиной, 34
lemelon@inbox.ru

В статье описан алгоритм отбора образцов из цветных металлов для определения состава сплавов в рамках комплексной характеристики сплавов Варнинского могильника полумской археологической культуры. Приводятся безусловные критерии отбора, такие как степень сохранности и нахождение в закрытом комплексе погребения. Определен ряд условий формирования выборки, отвечающих запросам исследования. Разработан алгоритм, включающий в себя хронологические и типологические маркеры серий вещей. При формировании выборки учтена также необходимость включить в нее материал разновременных погребальных комплексов. Разработанная методика по отбору изделий может быть использована при решении аналогичных задач по первичной обработке материалов могильников других культурно-хронологических групп.

Ключевые слова: полумская культура, Варнинский могильник, средневековье, бассейн р. Чепцы, цветной металл, состав металла.

Появление неразрушающих и малоинвазивных методов изучения состава изделий из цветного металла позволило археологам значительно расширить информационный потенциал вещественных источников. Междисциплинарный подход и применение естественно-научных методов в изучении находок из цветного металла (таких как рентгенофлуоресцентный, электронно-зондовый, химический анализы) становится таким же традиционным, как и основной комплекс специальных археологических методов (типология, хронология, планиграфия материала и др.). Знание о составе сплавов, использующихся при производстве украшений, предметов быта и вооружения, помогает установить источники происхождения сырья и, соответственно, торгово-экономические контакты населения; определить уровень развития производительных сил; уточнить перечень доступных мастерам технологических приемов.

Исследование цветных металлов и сплавов в отечественной археологии происходит в разных исследовательских центрах. Археологи Удмуртии, изучающие памятники Камско-Вятского междуречья, на данный момент располагают представительной выборкой анализов, характеризующих цветные металлы культур раннего железного века (пьяноборская культурно-историческая общность II в. до н. э. – II/III в. н. э.) [Перевоицков, Сабирова, 2013; 2014а; 2014б, Казанцева и др., 2015], эпохи переселения народов (мазунинская культура III–V вв.) [Перевоицков, Сабирова, 2014а; Сабирова, 2019], периода Средневековья (чепецкая культура конца IX–XIII в.) [Русских, Сабирова, 2018; 2019; 2020]. Для формирования единой аналитической базы данных, работа над которой ведется с 2012 г., необходимо изучение состава сплавов, использующихся населением Предуралья во второй половине I тыс. н. э. Этот период представлен, в частности, материалами полумской археологической культуры, а наиболее информативным ее памятником с точки зрения объема материала и широкой датировки является Варнинский могильник. Ввод в научный оборот результатов измерений цветного металла из погребений Варнинского могильника конца IV – первой половины X в., содержащего на данный момент почти 700 погребений, позволит завершить формирование единой аналитической базы данных археологического металла Камско-Вятского междуречья и перейти к обобщениям широкого хронологического характера. Могильник был открыт в 1970 г. В. А. Семеновым, который руководил раскопками памятника в 1970–1973, 1984, 1990 гг. Дальнейшие исследования проводили Н. . Шутова (1991 г.), А. Г. Иванов (1994–1998, 2003, 2006 гг.). С 2020 г. работы на памятнике возобновлены под руководством Т. М. Сабировой [Сабирова, 2022]. Коллекция находок из погребений Варнинского могильника насчитывает более 15 000 единиц хранения, а изделия из цветного металла найдены почти в каждом инвентарном захоронении.

Важным этапом исследования, предвещающим проведение анализов для определения состава металлических сплавов, является формирование выборки. Единственным жестким ограничением является сохранность цветного металла: если он подвержен агрессивной патине и сам металл заместился

окислами, то он не подходит для исследования. Устанавливать элементный состав всех образцов с нужной степенью сохранности, то есть проводить сплошное обследование, не представляется возможным из-за огромного массива образцов и высокой трудозатратности этого процесса. Ранее автор работал со сплошным обследованием всех находок из погребений небольшого могильника [Казанцева и др., 2015] или формировал тематические выборки по типам находок [Перевоицков, Сабирова, 2013; 2014a]. Целью данного исследования является поиск и формулирование принципов отбора изделий из цветного металла для комплексной характеристики рецептур сплавов Варнинского могильника.

В отечественных публикациях междисциплинарного профиля выделяется несколько групп, отличающихся объектами исследования. Большая часть работ посвящена анализу отдельных вещей или категорий находок из одного или нескольких памятников. Чаще всего выборка таких исследований обусловлена территориальными или хронологическими рамками распространения находок либо их типологическими характеристиками, при этом особое внимание уделяется хронологически и этнически значимым типам вещей. Часто данные о составе цветного металла являются частью комплексного исследования отдельных памятников или категорий находок. Обособленно стоят исследования металлических сплавов изделий из кладов. Будучи закрытым археологическим комплексом, клад сам по себе формирует выборку для междисциплинарных исследований. Изучение научных работ междисциплинарного характера, посвященных определению элементного состава сплавов из цветного металла, показывает, что все они затрагивают вопросы формирования выборки, независимо от выбранного метода анализа (рентгенофлуоресцентный, электронно-зондовый, химический и т. д.). Анализ этих выборок показывает, что при изучении металла отдельных могильников большинство исследователей предпочитает начинать с анализа отдельных погребений, некоторых категорий находок или вводят в научный оборот материалы одного-двух лет исследований [Саттаров, Доткин, 2020].

Для получения комплексной первичной характеристики типов сплавов, используемых на памятнике, необходимо тщательно определить основания, по которым будет подготовлена выборка предметов. Чтобы установить, какие комплексы и категории вещей подвергнуть анализу, нужно представлять себе те вопросы, ответы на которые можно получить с использованием неразрушающих методов исследования цветных сплавов.

Датировка Варнинского могильника (конец IV–X в.) в полной мере захватывает этап формирования полоумского населения, все периоды его развития и процесс эволюционной трансформации, отражившейся в рамках чепецкой культуры. Его материалы являются уникальными для понимания этнокультурных процессов второй половины I тыс. н. э., а изучение состава цветного металла находок позволит уточнить внутреннюю периодизацию материалов полоумской культуры, выявить инокультурные воздействия и контакты, нашедшие отражение в рецептурах используемых сплавов, подтвердить эволюционность трансформации полоумских материалов в последующие чепецкие.

Для первичного анализа рецептур полоумского металла исходя из физических и финансовых возможностей определена выборка в 150 изделий. Полученные результаты станут отправной точкой для дальнейших, более узких исследований, уточняющих и углубляющих первоначальные выводы.

Помимо уже упомянутого выше фактора физической сохранности изделий, вторым безусловным критерием формирования выборки является принадлежность находки к закрытому погребальному комплексу. Таким образом сразу отсеивается подъемный материал и вещи из межмогильного пространства, информационный потенциал которых значительно снижен (табл.).

Таблица

Алгоритм отбора образцов из цветных металлов для определения состава сплавов в рамках комплексной характеристики сплавов могильника

1. Предварительный этап	- отсев по степени сохранности (критерием выступают технические особенности аппаратуры для определения состава металлических сплавов)
	- отсев подъемного материала и случайных находок
2. Хронологический этап	деление массива находок на группы исходя из хронологии материала или планиграфии погребений
3. Типологический этап	- определение категорий погребального инвентаря (критерии – непрерывность использования, хронологическая нагрузка, наличие местных и привозных изделий)
	- определение погребений с максимальным ассортиментом отобранных категорий инвентаря
4. Заключительный этап	добавление к уже отобранной выборке одиночных предметов, несущих исследовательский интерес

Далее массив археологических предметов делится на группы по хронологическому принципу. В хронологии поломской культуры выделяются три этапа: ранний гыркешурский (V – первая половина VII в.), средний каравалесский (вторая половина VII – первая половина VIII в.), поздний мыдланьшайский (вторая половина VIII – первая половина IX в.) [Голдина, 2012 и др.]. Таким образом, первым шагом для установления выборки стало механическое выделение датированных погребений с находками из цветного металла и их деление на три группы, в каждой из которых будет отобрано по 50 изделий.

На следующем этапе были определены категории погребального инвентаря, которые станут основой исследования. Они должны обладать следующими признаками: нести хронологическую нагрузку; являться типичным элементом погребального костюмного комплекса на всем протяжении функционирования могильника; иметь местные и привозные формы. Такими категориями были выбраны: височные подвески (серьги), подвески, накладки, пряжки. Серии анализов этих категорий покажут изменения в рецептурах используемых сплавов на протяжении полутысячелетия.

Вместе с тем в рамках комплексного исследования цветного металла могильника необходимо получить также информацию о преимущественных типах сплавов, которые использовались населением в каждый из хронологических этапов. Для этого требуется провести анализ ряда закрытых комплексов (погребений), что позволит увидеть сплавы, используемые одновременно. Для того чтобы в рамках ограниченной выборки учесть этот фактор, подбор образцов происходил с учетом номера погребения, и преимущество отдавалось тем комплексам, которые содержат одновременно несколько отобранных для анализа категорий вещей.

Последним шагом для окончательного формирования выборки стало включение в нее одиночных находок, не относящихся к выбранным категориям, но представляющих исследовательский интерес.

Таким образом, полученная выборка отвечает своей основной задаче: дает комплексную характеристику рецептур сплавов из цветных металлов, использовавшихся населением во время функционирования могильника, служит основанием для уточнения хронологических схем, маркирует возможные торгово-экономические контакты населения, является базой для планиграфических схем. Разработанный алгоритм по отбору изделий можно будет использовать при решении аналогичных задач по первичной обработке материалов могильников других культурно-хронологических групп.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10184, <https://rscf.ru/project/23-28-10184/>

Библиографический список

Голдина Р. Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск, 2012. С. 399–414.

Казанцева О. А., Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. Состав изделий из цветного металла Красноярского I могильника // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 4 (24). С. 100–107.

Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. К вопросу о «бляхах-зеркала» Прикамья на примере Ныргындинского I могильника (II–III вв. н. э.) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2013. С. 211–214.

Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского университета. Серия История. 2014а. № 1 (24). С. 71–82.

Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: «Сарапульская типография», 2014б. С. 452–470.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Состав цветного металла городищ чепецкой культуры (Иднакар и Уччакар) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2 (5). С. 94–101.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл Кушманского комплекса памятников X–XIII веков по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29. № 1. С. 97–108.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл могильников чепецкой культуры: Кузьминского, Кушманского I, Иднакарского I // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 97–109.

Сабирова Т. М. Состав металла фибул Среднего Прикамья (по материалам коллекции УдГУ) // Поволжская Археология. 2019. № 1 (27). С. 180–193.

Сабирова Т. М. Археологические исследования Варнинского могильника 2021 г. (предварительные данные) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2022. № 1 (12). С. 50–56.

Сабирова Т. М., Русских Е. Л., Бельтюков А. Н., Аверкиев И. К. Исследование металлических изделий из кладов городища Иднакар IX–XIII вв. методом электронно-зондового микроанализа // Химическая физика и мезоскопия. 2021. Т. 23. № 3. С. 353–365.

Самтаров Р. Р., Доткин К. В. Изделия из цветных металлов и сплавов Кипчаковского II могильника пьяноборской культуры // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 119–129.

PRINCIPLES OF SELECTION OF THE ITEMS FROM VARNINSKIY BURIAL GROUND FOR DETERMINING THE COMPOSITION OF METAL ALLOYS

T. M. Sabirova

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tatyany Baramzinoy str., 34, 426067, Izhevsk, Russia
lemelon@inbox.ru

The article describes an algorithm for selecting samples from non-ferrous metals to determine the composition of the alloys. This work was done as a part of comprehensive characterization of the alloys from the Varninskiy burial ground (polom archaeological culture). Unconditional selection criteria are given, such as the degree of preservation and location in a closed complex of the burial. A number of sampling conditions have been identified that meet the needs of the study. An algorithm has been developed that includes chronological and typological markers of series of artefacts. When forming the sample, we also took into account the need to include material from burial complexes of different periods. The developed methodology for selecting items can be used to solve similar problems of primary processing of materials from burial grounds of other cultural and chronological groups.

Key words: Polom culture, Varninskiy burial ground, Middle Ages, Cheptza river-basin, non-ferrous metal, metal composition.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ТРЕХЛЕТНИХ РАБОТ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУРГАНА №1 МОГИЛЬНИКА КУСИМОВО-3 И СТОЯНКИ КУСИМОВО-6 В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ¹

Н. С. Савельев [©]

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71
sns_1971@mail.ru

Е. В. Русланов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71;
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
450008, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Ленина, 20
butleger@mail.ru

В. Г. Котов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71
kslav1@yandex.ru

Р. Р. Русланова

Национальный музей Республики Башкортостан,
450000, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Советская, 14
ridushka@mail.ru

С. Ю. Николаев

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71
nikolaev.sergey123@yandex.ru

М. М. Румянцев

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71
rmm121983@mail.ru

А. Г. Савельева

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71
sasmay1972@mail.ru

А. А. Хурмаев

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, пр. Октября, 71
kimi.malini@yandex.ru

В статье дается предварительный анализ разновременных материалов от палеолита до раннего Средневековья, полученных в ходе раскопок каменной насыпи одного из курганов могильника Кусимово-3, расположенного в Абзелиловском районе Республики Башкортостан. Авторы раскопок определяют исследованный курган как жертвенно-поминальный комплекс, последовательно функционировавший в IV–V вв. до н. э. и IX в. н. э. Сама подкурганный площадка находится на стоянке эпохи палеолита, также изученной в ходе трехлетних работ. Комплекс находок эпохи раннего железного века и Средневековья представлен бронзовыми деталями поясной гарнитуры, железными изделиями, фрагментами керамики, наконечниками стрел, бусами и т. д., к эпохе палеолита относятся различные каменные изделия и отходы их производства.

Ключевые слова: Южный Урал, палеолит, тейякская традиция, савроматы, саки, караякуповская культура.

Курганный могильник Кусимово-3 и стоянка Кусимово-6 находятся у восточного подножья хребта Крыктытау, в небольшой долине между двумя хребтами, открытой на восток к озеру Сабакты, на восточной окраине д. Кусимово Абзелиловского района Республики Башкортостана, в 30 км к востоку от г. Магнитогорска, в пределах озерной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты (являющейся выраженным археологическим микрорайоном озерного типа, где памятники занимают озерную береговую зону, располагаясь на удобных террасах и гривах) [Русланов, 2019, с. 29, 42]. До современного берега озера Сабакты – около 1,8 км к востоку. Памятники приурочены к небольшому мысовидному возвышению высотой около 5 м посреди долины с размерами 60×160 м. Курган Кусимово-3 был зафиксирован в 2005 г. совместной экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН и Центра «Наследие» при обследовании территории курортного района Якты-Куль, стоянка – в 2019 г. [Котов, Савельев, 2007; Котов, Савельев, 2007, с. 12–18; Котов и др., 2020, с. 1594–1612].

Исследование кургана № 1 начато в связи с тем, что территория к востоку от д. Кусимово была отдана под строительство домов. В 2019 г. Р. Р. Руслановой на кургане был заложен раскоп общей площадью 302 м². В ходе работ в пределах раскопа был выявлен еще один важный объект – палеолитическая стоянка Кусимово-6, что не позволило завершить исследования в пределах одного полевого сезона [Котов и др., 2020, с. 1594–1612]. В 2020 г. В. Г. Котовым была вскрыта центральная часть раскопа размером 8×8 м (64 м²), каменная кладка была полностью расчищена от рыхлых отложений и детально зафиксирована. Затем каменная насыпь в секторах 2 и 3 была разобрана до «основания» в виде каменных стенок, состоящих из крупных глыб и камней (рис.). В 2021 г. под руководством Е. В. Русланова работа на кургане и стоянке в пределах раскопа 2019 г. были завершены. Полностью изучена каменная конструкция насыпи, выявлены находки эпохи камня, раннего железного века и раннего Средневековья. В ходе работ выяснено, что на изученном участке выделяется как минимум четыре этапа человеческой деятельности: 1 – палеолит; 2 – эпоха раннего железа; 3 – эпоха раннего Средневековья; 4 – то же время.

Этап 1. Эпоха палеолита. Палеолитические находки были обнаружены сразу под гумусом в слое мощностью до 0,2 м серовато-коричневого легкого суглинка с доломитовой крошкой и слегка окатанной кремневой галькой, а также и в самом гумусном слое (что связано с тотальной распахкой поверхности вокруг кургана). Палеоэкологические анализы показывают, что слой формировался во время максимума оледенения, завершившегося процессами резкого подъема уровня воды в едином палеозере – озере Якты-Куль-Сабакты (пра-Маузды) [Котов, Савельев, 2022]. Всего на стоянке-мастерской Кусимово-6 было обнаружено 2219 изделий из кремня. В качестве сырья выступали гальки, также слабо- или среднеокатанные куски фтанита. Изделия из яшмы красного, зеленого или же сургучно-зеленого цветов единичны и составляют менее 1% от всех изделий. Памятник отличается большим разнообразием нуклеусов (250 экз. – 11,3%). Отличительной чертой первичной обработки является полное отсутствие леваллуазских ядрищ. В общем, индустрия стоянки имеет нелеваллуазский характер.

Анализ коллекции показал ее гомогенность: все нуклеусы, сколы и орудия были изготовлены в рамках одной традиции. Архаические черты в первичной и вторичной обработке сочетаются с наличием «верхнепалеолитических» форм – резцов, скребков, проколов и пр. Они также отличаются разнообразием и неустойчивостью форм. Данные особенности находят аналогии на южно-уральских памятниках с карышкинской индустрией, относящихся к тейяжской традиции нижнего палеолита [Котов и др., 2020; Котов, 2022]. Памятники этой индустрии были представлены в Южном Зауралье, в основном это были открытые местонахождения с небольшими коллекциями: местонахождения Долина-1, Долина-11, Утюльган-8, Сибай-5б, Маячная гора.

Этап 2. Эпоха раннего железа. Судя по датировке основного комплекса находок (в первую очередь, это форма и орнаментация сосуда / сосудов?), возведение каменной конструкции на самой высокой точке мысовидного всхолмления в центре межгорной долины относится к середине – второй половине IV века до н. э. Этой дате не противоречат и оба найденных бронзовых наконечника стрел. Могильные ямы в конструкции отсутствуют, т. е. это не погребальный, а т. н. поминальный или мемориальный объект [Савельев, 2007, с. 68–76; рис. 38; 2022б]. В культурно-хронологическом отношении данный объект связан с кочевниками савромато-сарматского времени – в ближайшей округе, в т. ч. и на берегах озер, известно значительное количество как погребальных, так и поселенческих памятников этого времени [Савельев, 2022а, рис. 1]. Ближайшие аналогии таким «кольцевым» оградкам – в составе могильников Переволоцкий в Западном Оренбуржье и Акжар II в верховьях р. Илек [Савельев, 2022б, с. 271, 272].

Об этом же свидетельствуют и две находки, сделанные при раскопках кургана 1 могильника Кусимово-3 – это каменный оселок клювовидной формы и терочник каплевидной формы, найденный в

развале нижней части конструкции в юго-восточном секторе раскопа. Нахождение каменных терочников, зернотерок и даже жерновов от ручных мельниц в насыпи или конструкции кургана – достаточно распространенная черта памятников скифского (сакского) времени восточной части Евразийского пояса степи, так же широко они распространены и в тасмолинской культуре Казахстана [Бейсенов, Шашенов, 2020, с. 274, 275]. Однако оселок клювовидной формы имеет единственную аналогию в Евразийском степном поясе – из кургана 24 могильника Тасмола 1, являющегося эпонимным для культуры кочевников Центрального Казахстана [Таиров, 2007, рис. 7, 30].

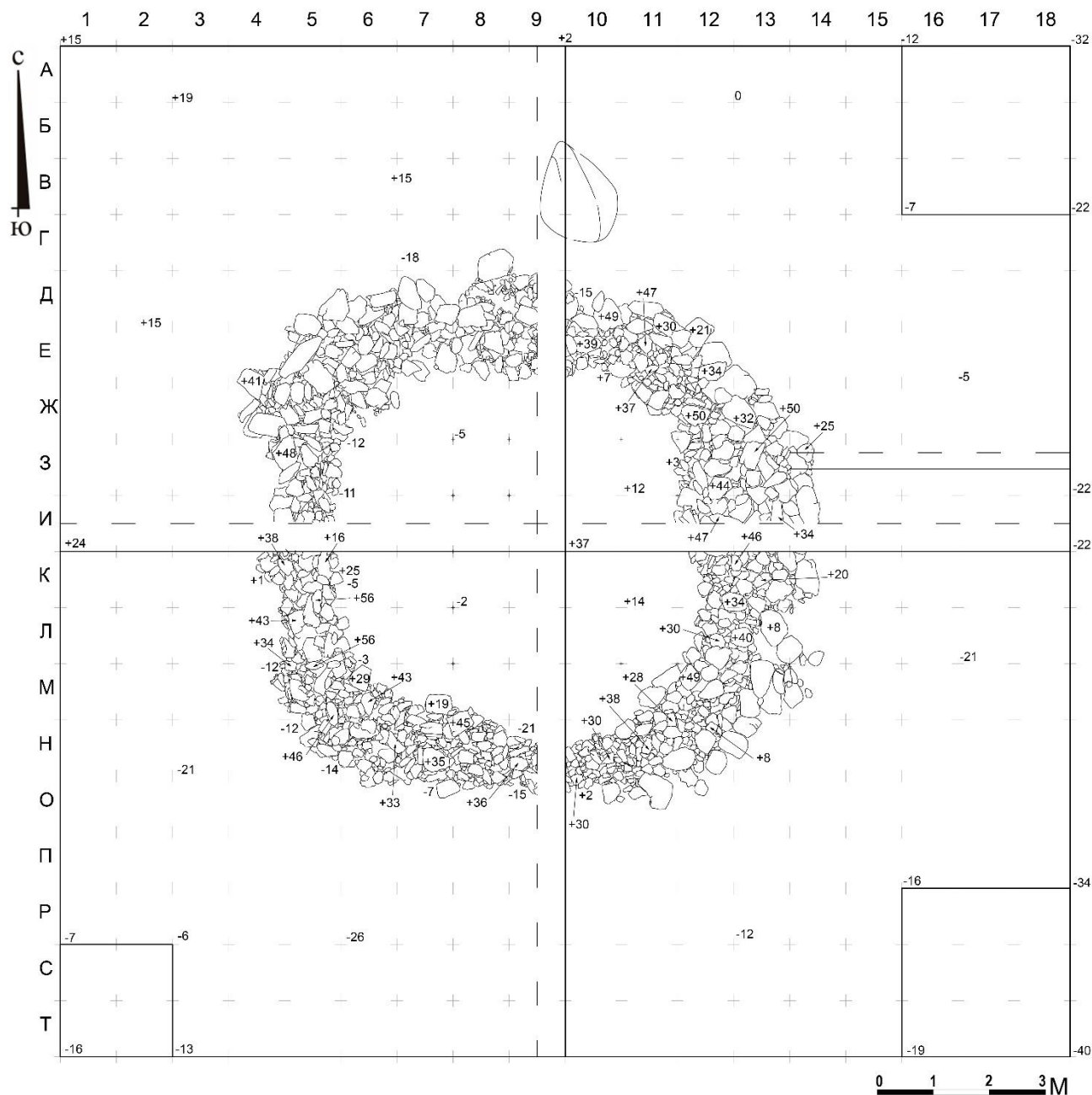

Рис. Общий план каменной конструкции кургана №1 могильника Кусимово-3.

Этап 3. Эпоха раннего Средневековья. К концу I тыс. н. э. древний курган, по всей видимости, представлял собой оплывшую каменную насыпь. В насыпи кургана найдены бронзовые элементы тюркской поясной гарнитуры, железные пряжки, колчаный крюк и т. д., датирующиеся 2-ой половиной VII – 2-ой половиной VIII – началом IX вв., однако наличие в комплексе бронзовых поясных блях с вырезными краями позволяет уточнить датировку в рамках с середины VIII – начала IX вв. [Кубарев, 2005, с. 48–50], украшения – бронзовый браслет и стеклянные бусы, хронологически не выходящие за пределы VII–IX вв., что говорит о возможной кратковременности периода их включения в состав инвентарного комплекса курганной насыпи [Русланова, 2022, с. 240–252], а также фрагменты сосуда с

традиционным караякуповским орнаментом. На восточном краю вершины кургана найдены лежащие рядом обезглавленные скелеты овцы и собаки.

Уверенно можно говорить о том, что преобладание элементов поясного набора, бус и керамики караякуповской культуры, датированных VIII–IX в., в центре и в восточной части насыпи, в целом согласуются с древнетюркской погребальной обрядностью. Этому не противоречат практически полные скелеты овцы и собаки², найденные в восточной части насыпи кургана под слоем панциря из мелкого камня. Скелеты МРС и собак часто встречаются при обследовании хронологически близких памятников Алтая и Западной Сибири. Сближает исследованный курган с синхронными памятниками древних тюрок Центральной Азии и отсутствие как костей человека, так и самой погребальной ямы. Схожие объекты, отличительной чертой которых является отсутствие под насыпью могилы, некоторые исследователи относят к т. н. «ритуальным» курганам [Серегин, Матренин, 2016, с. 130–133]. Таким образом, время возникновения и функционирования кургана в эпоху раннего Средневековья относится ко второй половине VIII – началу IX вв.

Таким образом, исследования 2021 г. завершили трехлетние работы, начатые в 2019 г. на сложном двухслойном памятнике (курган эпохи раннего железа и раннего Средневековья и стоянка эпохи палеолита). Еще раз отметим, что изученный курган является жертвенно-поминальным комплексом, созданным в IV–V вв. до н. э. и вторично использованным в этом качестве носителями караякуповской культурной традиции в VIII–IX вв. н. э. Данный факт показывает, что традиция сооружения в степной зоне Южного Урала каменных насыпей с целью проведения поминальных ритуальных действий без совершения погребения практиковалась уже в эпоху раннего железа, продолжала существовать в раннем Средневековье и дожила до наших дней (почитание башкирами «захоронений святых – аулия»).

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

² Палеозоологические определения выполнены м.н.с. ИИЯЛ УФИЦ РАН А. А. Романовым.

Библиографический список

Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово «Северные амурь»: научные исследования и Школьный лекторий / Отв. ред. и сост. А. В. Псянчин и Н. С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2020. 44 с.

Бейсенов А. З., Шашенов Д. Т. Тасмолинские курганы в урочище Айыртас в Центральном Казахстане // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, № 1. С. 268–284. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.15>

Котов В. Г. Эпоха среднего палеолита в Южном Зауралье: стоянка-мастерская Кусимово-6 // XXII Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Потемкиной Тамилы Михайловны. (Курган, 21–25 ноября 2022 г.). Курган: КурГУ, 2022. С. 37–40.

Котов В. Г., Савельев Н. С. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кусимово-8 (Южное Зауралье) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 834–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-4-834-848.

Котов В. Г., Савельев Н. С. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 377–380.

Котов В. Г., Савельев Н. С., Русланова Р. Р. Стоянка-мастерская Кусимово-6 – памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1594–1612. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Русланов Е. В. Береговой археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала. Дисс... канд. Ист. Наук. Уфа, 2019. Режим доступа: http://www.science.vsu.ru/dissertations/7848/Диссертация_Русланов_Е.В.pdf (дата обращения: 05.09.2023).

Русланова Р. Р. Средневековые бусы кургана №1 могильника Кусимово-3 в Южном Зауралье // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 240–252.

Савельев Н. С. Вера и культы ранних кочевников Южного Урала // Вера и культы древнего и средневекового населения Южного Урала / Отв. ред. В. В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022а. 478 с. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VI).

Савельев Н. С. Культурное место эпохи ранних кочевников на горе Крутая в Южном Зауралье // Российская археология. 2022б. № 1. С. 53–66. DOI: 10.31857/S0869606322010172.

Савельев Н. С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н. э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.

PRELIMINARY RESULTS OF THREE YEARS WORK ON THE STUDY OF KURGAN NO. 1 OF THE KUSIMOVO-3 BURIAL MOUND AND THE KUSIMOVO-6 SITE IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

N. S. Savelev

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Prospekt Oktyabrya, 71, 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
sns_1971@mail.ru.

E. V. Ruslanov

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia; Institute of Historical, Legal and Socio-Humanitarian Education of the BSPU named after M. Akmulla, 450054, Lenina str., 20, 45008, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
butleger@mail.ru.

V. G. Kotov

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Prospekt Oktyabrya, 71, 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
kslav1@yandex.ru.

R. R. Ruslanova

National Museum of the Republic of Bashkortostan,
Sovetskaya str., 14, 450000, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
ridushka@mail.ru

S. Yu. Nikolaev

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Prospekt Oktyabrya, 71, 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
nikolaev.sergey123@yandex.ru

M. M. Rumyantsev

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Prospekt Oktyabrya, 71, 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
rmm121983@mail.ru

A. G. Saveleva

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Prospekt Oktyabrya, 71, 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
sasmay1972@mail.ru

A. A. Khurmaev

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Prospekt Oktyabrya, 71, 450054, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
kimi.malini@yandex.ru

The article provides a preliminary analysis of materials of different times from the Paleolithic to the Early Middle Ages. The data were obtained during the excavation of one of the burial mounds of the Kusimovo-3 burial ground located in the Abzelilovsky district of the Republic of Bashkortostan. The authors of the excavations define the investigated mound as a sacrificial memorial complex, which consistently functioned in the IV–V centuries BC and IX century AD. The burial ground is located at the Paleolithic site, that was also being studied for three years. The complex of finds from the Early Iron Age and the Middle Ages is represented by bronze details of a belt set, iron products, fragments of ceramics, arrowheads, beads, etc., various stone products and production waste belonging to the Paleolithic era.

Key words: Southern Urals, Paleolithic, Teyak tradition, Sauromats, Saks, Karayakup culture.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСЩЕПЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НУКЛЕУСОВ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Ю. Б. Сериков [©]

Российский государственный профессионально-педагогический университет,
622031, Россия, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57
u.b.serikov@mail.ru

Дефицит качественного минерального сырья приводил к рациональному использованию срабатанных и расколотых нуклеусов. Иногда использованные нуклеусы служили в качестве ретушеров и отбойников. Расколотые вдоль нуклеусы и сколотые ударные площадки часто использовались для изготовления скребков. Детальное изучение отходов обработки нуклеусов позволяет не только детализировать технологию их изготовления, но и использовать их материалы для реконструктивных построений. Использование ремонта (метода аппликаций) позволило не только более детально изучить технологию обработки нуклеусов на конкретном памятнике, но и проследить их перемещение в процессе обработки по территории памятника. Изучение отходов обработки нуклеусов показывает, что нуклеусов на памятнике всегда было в 2,5–3 раза больше, чем получено раскопками. Анализ сколотых ударных площадок свидетельствуют, что на памятнике обрабатывались нуклеусы, размеры которых значительно превышали размеры сохранившихся в коллекции.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, нуклеус, мезолит, неолит, первобытная техника.

При обработке мезолитических и неолитических комплексов каменных изделий автором изучено свыше двух тысяч нуклеусов. Практически все нуклеусы изготовлены из плиток кремнистых пород. Гальки в качестве исходного сырья для нуклеусов использовались очень редко. Плитка – идеальная заготовка нуклеуса, подготовленная самой природой.

Для снятия пластин в мезолите обычно использовались плитки длиной 3–4 см. Со временем выработался и стал традиционным прием обработки плиток. Обычно пластинки начинали скалывать с торцевого узкого края плитки. Если скалывание пластин прекращалось на этой стадии, то получался нуклеус торцовый однофронтальный. Продолжение обработки плитки приводило к появлению двух типов нуклеусов: торцовых двухфронтальных, у которых скалывание пластин обычно производилось с двух противолежащих сторон. Если же к скалыванию пластин подключали широкую плоскость плитки, то нуклеус превращался в торцовый двухфронтальный смежный. Продолжая обрабатывать торцовый двусторонний нуклеус, скалывание пластин начинали производить с третьей плоскости плитки. В результате получался нуклеус торцовый трехфронтальный. При хорошем качестве плитки скалывание пластин продолжали и с четвертой плоскости. При этом получались нуклеусы призматические или конические – это зависело от начальной формы плитки-нуклеуса. На любой стадии обработки нуклеусы могли быть как одноплощадочные, так и двухплощадочные [Сериков, 2000, с. 98–99].

Вкладышевые орудия обычно оснащались сечениями и пластинками с отсеченным дистальным концом. В материалах Камня Дыроватого такие пластинки составляют 97,98 % (3596 экз.) от пластинчатого комплекса. Использование в качестве нуклеусов плиток с уплощенными нижними концами позволяло зауженные или изогнутые дистальные концы пластин отсечь еще на стадии скалывания.

В некоторых случаях традиционная схема обработки нуклеусов нарушалась. Отклонения от традиционной схемы обработки нуклеусов можно объяснить прагматизмом древних мастеров. Этим же объясняется появление на Сером Камне необычного нуклеуса. Он представляет собой отколотую нижнюю часть шлифованного топора размером 4,5×4,3×1,9 см. После разрушения топора оставшаяся часть с лезвием была переделана в торцовый односторонний нуклеус высотой 4,3 см (рис., 1). Он имеет подработанную ударную площадку и три полных негатива от сколотых пластинок [Сериков, 2000, с. 99, 103].

Интересной технологической особенностью на территории Среднего Зауралья является использование для получения пластин уплощенных нуклеусов. Обычно они изготовлены из плоских и тонких кремнистых плиток хорошего качества. Скалывание пластин производилось как с одной стороны (чаще), так и с двух (рис., 2, 3). Концы нуклеусов уплощены и сильно забиты с одной или двух сторон. Некоторые нуклеусы имеют вогнутый конец. Обычная ударная площадка в данном случае здесь отсутствует. Площадкой являлся узкий сильно забитый конец: шероховатая забитая поверхность увеличи-

вала сцепление с посредником и не давала возможности ему соскользнуть при снятии пластин. Уплотненные нуклеусы выявлены в ряде мезолитических и неолитических комплексов: Шайтанский Шихан, Островок в болоте, Шайтанское озеро IV, Нефтебаза III, Палатки I, Евстюниха I, Кокшаровский холм, ЮАО XII.

Нуклеусы в мезолитических и неолитических комплексах всегда сопровождаются расколотыми экземплярами. В крупных комплексах их количество исчисляется десятками. На Сером Камне целых нуклеусов 182 экз., расколотых – 69. На Крутяках I и III Береговой стоянке Горбуновского торфяника их соотношение в процентном выражении примерно одинаковое (38–40 %) – соответственно, 116 – 45 экз. и 115 – 47 экз. Немного меньше расколотых нуклеусов на Шайтанском озере I – 128 – 37 экз. В коллекциях представлены нуклеусы расколотые как вдоль, так и поперек. Причем расколотые поперек нуклеусы заметно преобладают. Практически всегда нуклеусы членились на части намеренно. Такая же картина характерна и для неолитических нуклеусов. Учитывая их большую, чем у остальных изделий, массивность, использованные нуклеусы могли рассматриваться как запасы минерального сырья.

О намеренном раскалывании использованных нуклеусов свидетельствуют факты того, что отдельные куски или целые нуклеусы удается склеить между собой. На поселении Атымья IV два фрагмента расколотых нуклеусов из девяти склеились между собой (рис., 16). На святилище Усть-Вагильский холм два обломка склеились в почти целый нуклеус высотой 8,1 см. Причем у одного обломка диагональным сколом почти полностью сколота одна из ударных площадок. На поселении Уральские Зори III шесть фрагментов расколотых нуклеусов склеились в два целых экземпляра. Один – из четырех фрагментов (рис., 9), второй – из двух. На поселении Уральские Зори V удалось склеить три целых экземпляра: два нуклеуса собрались из двух фрагментов, еще один – из трех. Также склеились три неполных нуклеуса, два – из двух фрагментов, один – из трех. К нуклеусу с поселения Уральские Зори XI подклеились поперечный скол и две пластинки. В одном из точек (рабочего места мастера) на сезонном поселении Выйка II, в скоплении светло-серого кремня найдено 4 фрагмента нуклеуса, которые склеились между собой. На III Береговой стоянке Горбуновского торфяника два расколотых нуклеуса из голокаменского алевролита склеились в целый экземпляр (рис., 4). Два нуклеуса склеились между собой и на поселении Уральские Зори XI, еще к одному обломку нуклеуса подклеился скребок. Все эти находки свидетельствуют об экономном использовании нуклеусов в условиях дефицита качественного минерального сырья [Сериков, 1989, с. 37–38].

Интересные материалы получены из мезолитическогоклада на г. Трехскалка в Нижнем Тагиле. Среди находок в кладах находились пять нуклеусов, изготовленных из красно-зеленой яшмы, кремневой яшмы (2) и горного хрусталя (2). Один нуклеус из кремневой яшмы высотой 2,2 см склеен из двух расщепившихся фрагментов. По всей вероятности, это только часть более крупного нуклеуса. По-видимому, он составлял единое изделие со вторым нуклеусом из такой же яшмы (рис., 5). В коллекции находок присутствует 54 пластинки, сколотых с этих нуклеусов. Анализ пластин показывает, что заготовкой для нуклеуса служила плитка кремневой яшмы. Первоначально с нее скалывали пластины шириной 1,0–1,3 см и длиной до 5,6 см. Позднее плитку раскололи на две или три части и приспособили для скалывания пластин шириной 0,4–0,5 см [Сериков, 2007, с. 113–116].

В неолитическом комплексе Махтыльского холма (р. Сосьва) сохранилось два нуклеуса высотой 5,7 и 5,9 см. Оба изготовлены из плиток кремнистой породы. Они являются обломками более крупных нуклеусов, с которых после раскола продолжали скалывать пластины. Ударные площадки нуклеусов гладкие. Но на фронтах скалывания присутствуют отдельные негативы пластин без отпечатка ударного бугорка. Это доказывает, что данные пластины были сколоты до раскола с более крупных по высоте первоначальных нуклеусов. Таким же укороченным по высоте изделием является нуклеус высотой 5,5 см с III Береговой стоянки.

Изучение отходов расщепления камня позволяет не только детализировать технологию обработки нуклеусов, но и использовать ее результаты для реконструктивных построений. К сожалению, это удастся только на материалах однослойных памятников, которые на Урале единичны. Два мезолитических сезонных поселения (Выйка II и Уральские Зори III) функционировали во время катастрофического паводка, когда вода поднялась на 12–14 м. Поселения вынужденно были расположены на склонах мысов, но поскольку на этом месте никто и никогда больше не останавливался, памятники оказались однослойными, даже одноактными [Сериков, 1999, с. 43–44].

Поселение Уральские Зори III расположено на берегу р. Туры на высоте 12–13 м. Удаление от реки составляет около 120 м. На памятнике выявлено наземное жилище и наружный очаг в 4 м от него. Коллекция находок состоит из 2819 каменных изделий, причем количественный их состав очень

необычен для мезолитических памятников. 45,6 % всех изделий изготовлено из бурой яшмы. 15,5 % (438 экз.) находок непосредственно связаны с обработкой нуклеусов. Среди них 5 целых нуклеусов, 6 расколотых, 7 нуклевидных кусков, 268 поперечных сколов, 17 ребристых сколов, 26 фасетированных сколов с нуклеусов и нуклевидных кусков и 109 ребристых пластинок. Изделий из бурой яшмы среди них 177 экз. (40,4 %). Такого большого количества и разнообразия отходов обработки нуклеусов нет ни на одном мезолитическом памятнике Среднего Зауралья, что требует особого объяснения.

В процессе обработки коллекции четыре нуклевидных куска бурой яшмы склеились в один, более крупный. К одному куску подклеились два отщепы. Четыре фасетированных скола из бурой яшмы склеились в один кусок. Также сколотая ударная площадка из черно-белого полосатого сланца соединилась с двумя техническими сколами в часть нуклеуса. Два технических скола из бурой яшмы и столько же из черно-белого сланца склеились между собой. Также склеились между собой и пластинки, причем не только торцевыми частями, но и внакладку (рис., 15, 17). Интересен случай склеивания внакладку сразу четырех пластин (рис., 10–14).

Использование ремонта (метода аппликаций) позволило более детально изучить технологию обработки нуклеусов на данном памятнике. На Уральских Зорях III в результате ремонта было собрано 43 предмета из 126 фрагментов. Причем это «связи» только по подклеенным друг к другу фрагментам, «связей» по минеральному сырью гораздо больше. Из двух фрагментов склеено 29 изделий, из трех – три, из четырех – шесть, из пяти – один, из шести – два, из семи – один и из одиннадцати – один. Изучение склеенных предметов из бурой яшмы показало, что часть их является сколотой с желвака галечной коркой. Исследование яшмового комплекса в целом позволило установить, что на поселении расщеплено и обработано три–четыре яшмовых желвака средних размеров (15–20 см в диаметре). Скалывание галечной корки с целью добраться до нетронутой эрозией сердцевины желвака и членение этой сердцевины на заготовки нуклеусов с последующей их обработкой и привело к появлению на поселении такого значительного яшмового комплекса. Этим же объясняется и большое количество в комплексе отходов обработки нуклеусов: поперечных, технических, ребристых сколов и ребристых пластин.

Данные ремонта дают возможность установить не только одновременность выявленных комплексов, но и проследить перемещение нуклеусов в процессе обработки по территории памятника.

Поселение Выйка II расположено на высоте 14–16 м и находится в 210 м от береговой линии. На поселении раскопками выявлено два наземных жилища и три наружных очага. В процессе обработки памятника удалось подобрать и склеить 31 каменное изделие из 81 фрагмента. Если добавить «связи» по минеральному сырью, их количество увеличится до 345 изделий. Кроме этого, удалось из 173 фрагментов склеить 32 гальки. Причем одна галька (валунчик) собрана из 42 фрагментов. У очага № 2 был найден крупный нуклеус высотой 5,5 см из голубоватого алевротуфа. К нему были подобраны две пластинки без ретуши, ребристая пластинка и два поперечных скола, которые залегали у очага № 3. От этого нуклеуса происходят еще 96 изделий, которые легко различаются по цвету и характерной желвачной коркой. Анализ изделий из голубоватого алевротуфа позволил установить одновременность всех объектов (двух жилищ и трех очагов) и определить, как нуклеус перемещали по памятнику. Обработка нуклеуса началась у очагов № 4 и 5. Об этом свидетельствует 24 изделия с желвачной коркой против трех у очага № 3. Затем нуклеус переместили к очагу № 3, где пять изделий из этого очага подклеились к нуклеусу. У очага № 2 его уже не обрабатывали. Видимо, он был выброшен или потерян. Тот факт, что изделия из третьего очажного комплекса не удалось подобрать к изделиям из очагов № 4 и 5, на наш взгляд, свидетельствует о том, что на поселении (или за его пределами) находился еще один участок, на котором также происходила обработка данного нуклеуса [Сериков, 1983, с. 122–124].

Нужно также подчеркнуть, что анализ отходов обработки нуклеусов по минеральному сырью всегда показывает, что нуклеусов на памятнике было больше, чем получено раскопками. Например, исследование технических сколов с нуклеусов на поселении Уральские Зори V (742 экз.) показало, что на памятнике обрабатывалось не менее 108 нуклеусов. А найдено всего 44 экз. Подобная ситуация отмечена и на верхнепалеолитической стоянке Гари I: найдено на ней всего 20 нуклеусов, но по разнообразию сырья пластин выяснилось, что на стоянке обрабатывалось не менее 162 нуклеусов.

Крупные нуклеусы являются редкими находками на памятниках Среднего Зауралья. Например, самый крупный нуклеус с Кокшаровского холма имеет высоту 7,9 см и ударную площадку размером 2,1×1,3 см. Размеры же сколотых ударных площадок (8,3×4,1; 6,8×5,1; 6,1×4,1; 5,7×3,6 см) свидетельствуют, что на памятнике обрабатывались нуклеусы, размеры которых значительно превышали размеры сохранившихся в коллекции. Крупные размеры имеют и поперечные сколы. Подобная ситуация характерна и для других памятников.

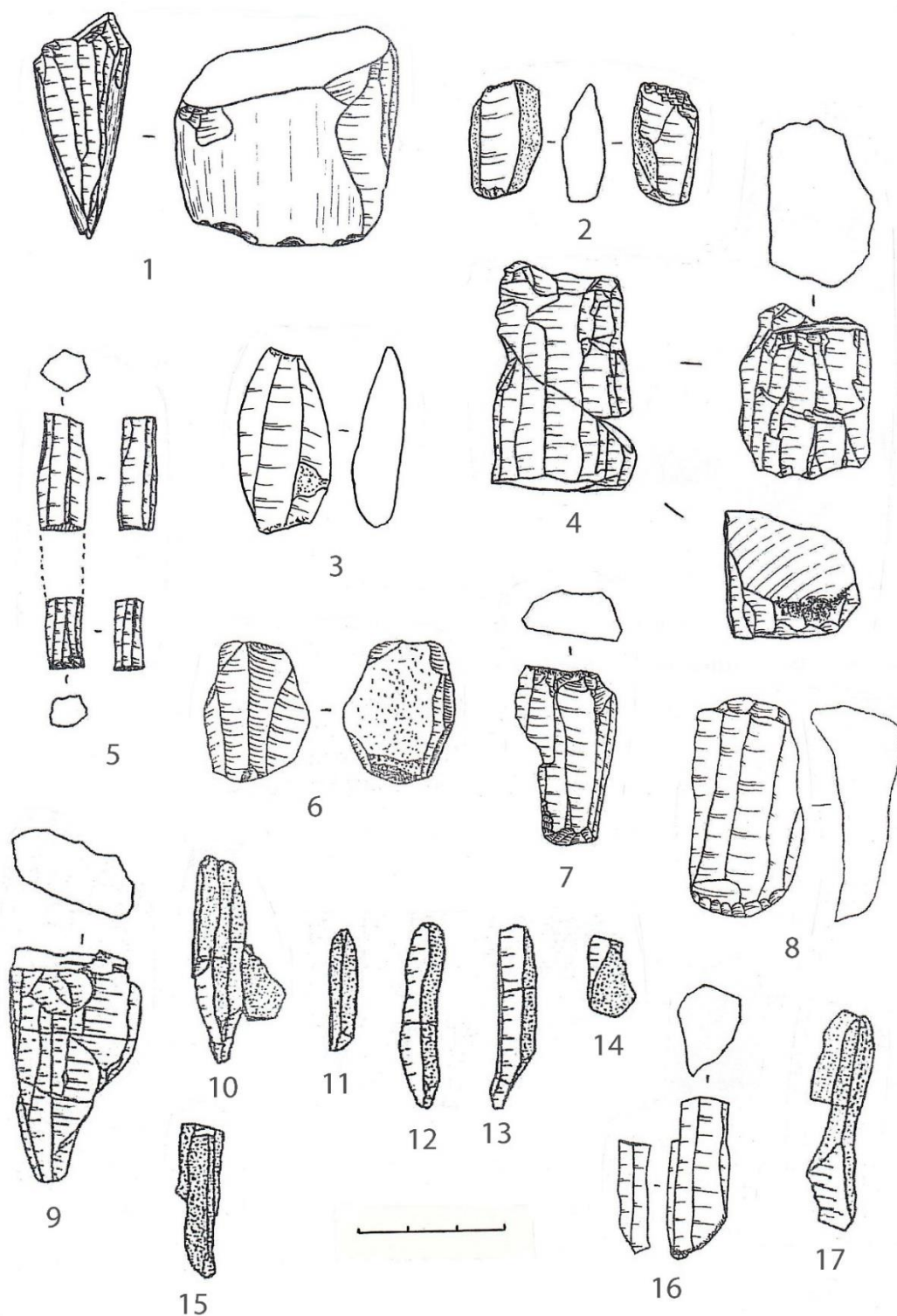

Рис. Нуклеусы и некоторые продукты их расщепления. 1 – нуклеус из обломка шлифованного топора; 2, 3 – уплощенные нуклеусы; 4, 5, 9, 16 – расколотые нуклеусы; 6 – нуклеус-лощило; 7, 8 – скребки из расколотых нуклеусов; 10 – склеенные пластинки от одного нуклеуса; 11–14 – те же пластинки по отдельности; 15, 17 – склеенные пластинки; 1 – Серый Камень; 2 – Шайтанский шихан; 3 – Евстюниха I; 4 – III Береговая стоянка Горбуновского торфяника; 5 – Трехскалка; 6 – Полуденка I; 7, 8 – Полуденка II; 9–15, 17 – Уральские Зори III; 16 – Атымья IV.

Интересные результаты можно получить при изучении точек – рабочих мест мастера. Поскольку обработка нуклеуса не занимала много времени, рабочие места мастера можно зафиксировать только на однослойных кратковременных памятниках. В одном из точек на стоянке Крутяки I найден конический нуклеус, 16 пластин и 3 поперечных скола. Все изделия изготовлены из сургучной яшмы.

Высота нуклеуса составляет 1,8 см, но одна из пластин имеет длину 3,2 см. Следовательно, за небольшой промежуток времени нуклеус в процессе обработки уменьшился почти вдвое – на 1,4 см. Это интересная информация для археологов.

Необходимо также отметить, что нуклеусы (как целые, так и расколотые) довольно часто использовались и для других операций. Нередки случаи, когда расколотые вдоль нуклеусы служили для изготовления скребков. Скребки из расколотых нуклеусов известны на Выйке II, Крутяках I (3), Полуденке I, Полуденке II (рис., 7), Усть-Вагильском и Кокшаровском холмах. Иногда в скребковые лезвия переоформлялись нижние части нуклеусов (Полуденка II (рис., 8), Евстюниха I). На Выйке II, Кокшаровском холме, Южном шихане и III-ей Береговой стоянке (2) для изготовления скребков были использованы сколотые ударные площадки нуклеусов. На Уральских Зорях III два поперечных скола с нуклеуса были переоформлены в скребки. Изготовленный таким же образом скребок имеется и на поселении Кокшаровское поле.

Иногда использованные нуклеусы служили в качестве ретушеров и отбойников. Кроме Атымь IV, нуклеусы-ретушеры выявлены на Амбарке I, Крутяках I (2), Шайтанском озере I, Полуденке I (5), Полуденке II, Палатках I, Кокшаровском холме (2).

Нуклеусы, использовавшиеся в качестве отбойников, известны на Усть-Вагильском холме, Кокшаровско-Юрьинской I стоянке, Малой Горке II и III Береговой стоянке Горбуновского торфяника (2). Представляет интерес нуклеус высотой 4,5 см из голокаменного алевротуфа с III Береговой стоянки. В процессе работы отбойником нуклеус раскололся по диагонали на две неравные части. Место скола подработали поперечными сколами и с новой ударной площадки продолжили скалывание пластин. Их длина заметно изменилась, так как высота нуклеуса уменьшилась до 2,9 см (рис., 4).

Необычным способом использовался нуклеус из неолитического жилища Полуденки I. У торцового трехфронтального нуклеуса высотой 3,8 см одна сторона сохранила плиточную корку (рис., 6). Она имеет стертую и залощенную поверхность. На выступающих залощенных участках присутствуют линейные следы, идущие параллельно или почти параллельно продольной оси нуклеуса. Нуклеус долгое время служил лощиком для заглаживания кожи.

Таким образом, детальное изучение нуклеусов помогает понять специфику их расщепления на пластины и использовать продукты расщепления (пластины, поперечные и ребристые сколы) для реконструктивных построений. Выявленные аппликативные связи дают возможность определить места обработки нуклеусов и проследить их перемещение по территории памятника. Трасологический анализ нуклеусов и их фрагментов позволяет установить использование нуклеусов в различных трудовых операциях. Комбинирование разных функций в одном орудии может свидетельствовать как о сезонности памятника, так и о нехватке качественного минерального сырья.

Библиографический список

Серигов Ю. Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1. С. 121–130.

Серигов Ю. Б. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 32–45.

Серигов Ю. Б. О «потопе» – катастрофическом наводнения в эпоху мезолита // Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 43–44.

Серигов Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГСПА, 2000. 430 с.

Серигов Ю. Б. Взаимодействие человека и природной среды в каменном веке Среднего Зауралья // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Материалы VI Всероссийского популяционного семинара. Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. С. 105–112.

Серигов Ю. Б. Клад эпохи мезолита с окраины Нижнего Тагила // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург–Сургут: «Магеллан», 2007. С. 113–116.

SOME ASPECTS OF THE CLEAVAGE AND USE OF NUCLEUS IN THE MESOLITHIC AND NEOLITHIC OF THE MIDDLE TRANSURALS

Yu. B. Serikov

Russia state professionally pedagogical University (Nizhniy Tagil branch),
Krasnogvardeyskaya str., 57, 622031, Nizhniy Tagil, Russia
u.b.serikov@mail.ru

The shortage of high-quality mineral raw materials led to the rational use of worked up and split nucleuses. Sometimes the used nucleuses served as retouchers and bumpers. The nucleuses split lengthwise and the chipped impact pads were often used to make scrapers. A detailed study of the waste of nucleuses processing allows not only to detail the technology of their manufacture, but also to use their materials for reconstructions. The use of remontage (application method) allowed not only to study in more detail the technology of nucleuses processing on a particular site, but also to trace their movement during processing on the territory of the site. The study of the waste from the processing of nucleuses shows that there have always been 2.5–3 times more nucleus on the site than were obtained by excavations. The analysis of the chipped impact pads indicates that nucleuses were processed on the site, the sizes of which significantly exceeded the sizes preserved in the collection.

Key words: Middle Transurals, nucleus, Mesolithic, Neolithic, primitive technique.

ШУШПАНСКИЙ МОГИЛЬНИК – ПАМЯТНИК ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В БАСЕЙНЕ Р. ЧУСОВАЯ¹

А. Р. Смертин ©

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
armsmertin@mail.ru

В публикации презентуются материалы Шушпанского могильника. Памятник был известен из упоминаний местных жителей, но не был локализован для науки. В ходе археологической разведки 2023 г. могильник был найден на береговой террасе р. Чусовой. Площадка памятника занимает небольшую возвышенность берега и полностью покрыта грабительскими вкопами. В разведочном шурфе были обнаружены четыре погребения. В могилах и подъемном материале удалось обнаружить керамику, бронзовые украшения, железные орудия и оружие. По артефактам основная часть памятника датируется VII–VIII вв., возможная верхняя граница может доходить до XIV в. Памятник нуждается в охранных археологических раскопках с целью спасения исторического наследия и уточнения хронологической и культурной атрибуции могильных комплексов.

Ключевые слова: ломоватовская культура, средневековье, Прикамье, Пермский край, могильник, погребения, вещевого комплекса.

Среди средневековых памятников археологии Прикамья особое место занимают могильники. Их научная значимость состоит в том, что погребения являются закрытыми комплексами эпохи, весьма ценными для изучения. Однако по результатам разведочных полевых исследований чаще всего обнаруживаются поселенческие, а не погребальные памятники.

Не является исключением и бассейн р. Чусовой. К примеру, в разведочных работах прошлых лет (2022 г.) проведенных автором, было выявлено несколько поселенческих памятников, но ни одного могильника, которые не так успешно выявляются по топографии [Смертин и др., 2023, с. 75–76]. Тем не менее история археологического изучения региона имеет сведения о неоткрытых погребальных памятниках, в частности, о Шушпанском могильнике.

Ещё пермский краевед В. Н. Шишонко дал историческое описание местонахождений археологического материала Прикамья. Он упоминал несколько могильников на р. Шушпанке. Первый был указан на противоположном берегу от урочища «Села» [Шишонко, 1884, с. 625], которое соотносится с памятником Красные Села I, селище. Второе местоположение В. Н. Шишонко указывал в $\frac{3}{4}$ версты от дер. Вереиной, на правом берегу р. Чусовой под наименованием «Могилицы» [Шишонко, 1884, с. 625]. Указанное расстояние не совсем точно соотносится с бассейном р. Шушпанки, но попадает в прилегающую зону.

В своде И. А. Талицкой (по материалам М. В. Талицкого) приводятся сведения о Шушпанском могильнике под № 833–834. В частности, М. В. Талицкий писал, что «на покосе Зайково указывают чудской могильник» [Талицкая, 1952, с. 109–110]. Вероятно, исследователь сам не посещал памятник, а лишь собрал сведения о его положении и датировал синхронно селищу Красные Села – X–XIV вв. Последующие научные работы повторяли сведения М. В. Талицкого, лишь ориентировочно локализуя памятник [Археологические..., 1988, с. 20; Островский, 2003, с. 119]. Таким образом, Шушпанский могильник так и не был открыт для науки.

В период 2010–2020 гг. из разных источников археологам ПГНИУ, ПГГПУ поступали сведения о разграблении богатыми артефактами могильника на р. Шушпанке, что и определило необходимость проведения разведочных работ в 2021, 2023 гг. Маршрут 2021 г. охватывал течение р. Шушпанки рядом с деревней Верхняя (Горная) Шушпанка. В 2021 г. были обследованы Шушпанка I, Красные Села I селище и прилегающая к ним по берегам реки территория, могильника обнаружено не было [Смертин, 2021, с. 28].

Разведочные работы 2023 г. начались с левого берега р. Чусовой. Транспортировка на противоположный берег происходила на моторной лодке. Осмотр береговой террасы правого берега р. Чусовой позволил выявить две небольшие возвышенности, перспективные для расположения могильника,

обе из которых были полностью повреждены грабительскими вкопами разных размеров и степени давности. Первая возвышенность располагалась ближе к руслу Шушпанки и ранее была занята деревней, что фиксировалось по остаткам домов. На второй возвышенности в отвалах грабительских вкопов были найдены археологические артефакты эпохи Средневековья. Данная территория вполне соотносилась со сведениями о предполагаемом месте расположения Шушпанского могильника.

Площадка могильника занимает небольшую возвышенность террасы на правом берегу р. Чусовой и правом берегу р. Шушпанки на окраине бывшей д. Луговая Шушпанка. Ориентируясь главным образом по распространению грабительских вкопов, были выявлены и геоморфологические характеристики границ памятника. С СВ и ЮЗ площадка памятника ограничена понижением в болото, с ЮВ – руслом р. Чусовой, с СЗ граница установлена ориентировочно по распространению грабительских ям. Осмотр площадки памятника позволил обнаружить серию подъемного материала, несколько современных кострищ с оставленным грабителями материалом. В месте наибольшей концентрации грабительских вкопов прямо на берегу были выявлены предполагаемые ряды погребений, ориентированные по линии СЗ – ЮВ, которые без имеющихся грабительских вкопов четко не фиксируются. На данном месте было решено разбить разведочный шурф с целью атрибуции типа памятника, его культурно-хронологической принадлежности.

Шурф размерами 4×4 м (16 м²), был ориентирован по сторонам света. Раскопки производились горизонтальными зачистками по условным горизонтам до уровня фиксации конструкций – предполагаемых погребений.

I–II условные горизонты (от 0 до –0,35 м)

Слой – темный серо-коричневый суглинок, местами с включениями материковой рыжей глины (перемешанный слой). Сразу под дерном в межмогильном пространстве стали встречаться выброшенные из погребений находки: часть гвоздя (–0,02 м), фрагменты керамики (от –0,1 до –0,17 м), части ножей (–0,13 м). После зачистки зафиксированы отдельные пятна материкового слоя – плотной рыжей глины.

III условный горизонт (от –0,35 до –0,45 м)

Слой был сложен тем же темным серо-коричневым суглинком с включениями перемешанного слоя. Количество находок резко снизилось: встречено лишь несколько фрагментов керамики (–0,37 – –0,38 м). После зачистки пятна материка увеличились, четких очертаний конструкций не фиксировалось.

IV условный горизонт (от –0,45 до –0,6 м)

Находок в процессе понижения не обнаружено. После зачистки на данном горизонте были зафиксированы четкие очертания погребений на материке. Их заполнение выделялось темным серо-коричневым суглинком. Отдельно внутри погребений стали видны небольшие грабительские вкопы округлой формы, заполненные перемешанным слоем культурных напластований и материка.

Всего были выделены четыре погребения, получившие условные номера 1–4. Погребения 1–2 полностью попадали в границы шурфа, их было решено разобрать. Профиль погребений отражал их форму и характер разграбления. Могильные ямы были подпрямоугольные, с вертикальными стенками и ровным, слегка линзовидным дном. Вкопы были выполнены в центральную часть погребений на глубину залегания находок (Рис., II) или немного глубже дна. Размеры могильных ям: 2–2,13×0,75–1,1 м, глубина от уровня фиксации до –0,3 м. Погребения, вероятнее всего, являлись одиночными.

В погребении 1 был найден лишь один фрагмент керамики (–0,73 м), в погребении 2 – фрагменты керамики (–0,61 м) и железная пряжка (–0,81 м). Антропологического материала, частей погребальных конструкций не обнаружено. Погребения под условными номерами 3–4 более чем на половину выходили за пределы шурфа, их было решено законсервировать до будущих работ.

Материальная культура представлена небольшим количеством находок. Практически все артефакты были перемещены с оригинального местоположения в ходе разграбления и являлись подъемным материалом, либо были найдены в межмогильном пространстве.

Изделия из железа представлены копьем (пальмой), обломками ножей, железной пряжкой и гвоздем.

Пальма имеет форму кинжаловидного копья с прямым односторонним лезвием, несомкнутой конусовидной втулкой и небольшим отверстием в ней для насада (Рис., I/1). Окончание предмета немного обломано, в таком виде его общая длина достигает 34 см, из них длина втулки 14 см, диаметр втулки 3–4 см. Тыльная сторона втулки и спинка лезвия местами деформированы от ударного воздействия, вероятно, изделие несколько раз подправлялось в ходе использования, менялось древко и т. д. Именно наличие небольшого отверстия для фиксации позволяет интерпретировать данный предмет как древ-

ковое оружие, разновидность копья. Аналогичные копья у средневековых племен Прикамья не распространены. Единственная похожая находка в Прикамье обнаружена на могильнике Демёнки VII–IX вв. [Данич, 2010, рис. 2/89]. Аналогии на сопредельных территориях также немногочисленны.

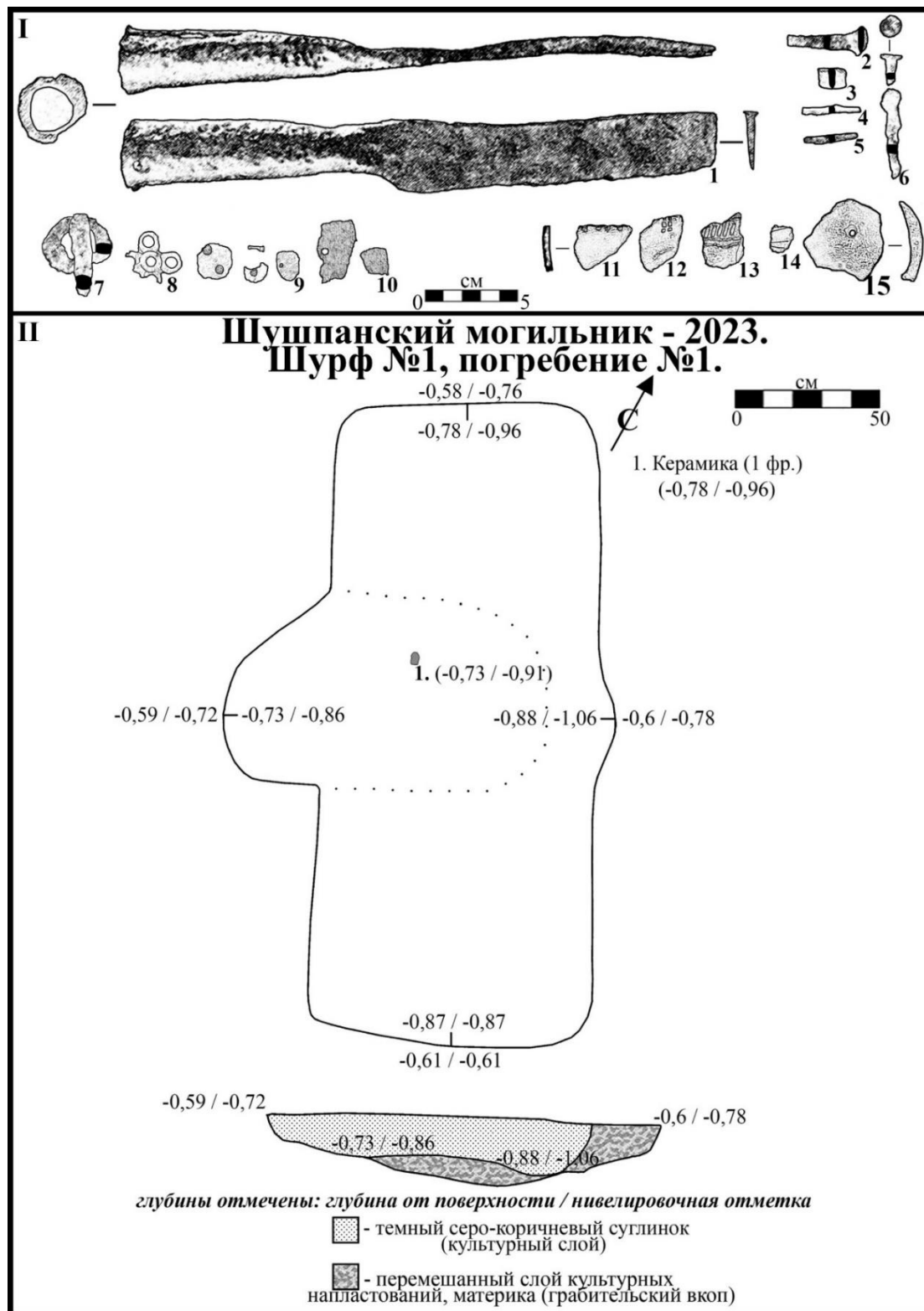

Рис. Археологические материалы Шушпанского могильника. I – артефакты; 1 – пальма, 2–5 – фр. ножей, 6 – гвоздь, 7 – пряжка, 8 – подвеска, 9 – накладки, 10 – фр. пояса, 11–15 – фр. сосудов; 1–7 – железо, 8–9 – бронза, 10 – кожа, 11–15 – керамика; 1, 3, 8–10 – п/м, 2, 4–7, 11–15 – м/м. II – чертеж погребения № 1

Шесть подобных предметов обнаружены в Волжской Булгарии на Золоторевском поселении XI–XIII вв. и проинтерпретированы авторами как крупные бытовые ножи [Белорыбкин и др., 2020, с. 43–44]. Встречены подобные изделия и за Уралом: в Байкальском регионе на памятниках от конца VIII–XI вв. и у жителей Сибири XVIII–XX вв. [Харинский, 2020, с. 372–373].

Ножи представлены фрагментарно (Рис., I/2–5). Вероятнее всего, это обломки типичных прикамских ножей с прямой спинкой и небольшими уступами при переходе к плоскому неширокому черешку. Практически на поверхности шурфа были найдены части гвоздя с круглой шляпкой и четырехгранным стержнем (Рис., I/6). Возможно, данная находка относится к бывшей близлежащей деревне. Вызывает интерес округлая железная поясная пряжка с подвижным язычком, изготовленная из округлого прута (Рис., I/7). Подобные пряжки Р. Д. Голдина отнесла к составу конской сбруи как седельные и подпружные. Их появление фиксируется в Прикамье с VII в. на могильнике Демёнки VII–IX вв. в погр. 16, 37, 41, 119 и на Агафоновском I могильнике VI–IX в. в погр. 327 [Голдина, 1985, с. 61].

Изделия из бронзы представлены подвеской и деталями пояса. Костюмная подвеска относится к типу плоских крестовидных с четырьмя лопастями и округлыми прорезями в них (Рис., I/8). Она имеет ширину 3,5 см. Аналогичные подвески найдены в комплексах VII–VIII вв. на могильниках Агафоновском I VI–IX вв. в погр. 76, 129, Аверинском II VI–IX вв. в погр. 184, Висимском I VII–VIII вв., Грудятском V–VII вв. [Голдина, 1985, таб. XX/2–3]. Несколько экземплярами представлены части поясного набора – накладки в виде небольших плоских щитков, шириной до 2 см (Рис., I/9). Все они представлены лишь фрагментарно и достаточно примитивны, не имеют выраженной формы или рельефа. Накладки закреплялись к кожаной основе (Рис., I/10) при помощи шпеньков, которые расклепывались с двух сторон.

Фрагменты погребальной керамической посуды малочисленны. К наиболее информативным частям относятся часть венчика и орнаментированные четыре части стенок. Глиняное тесто не содержит видимых органических примесей, имеет черный или коричневый цвет, фрагменты весьма хрупкие и неплотные. Орнаментация на венчике выполнена по самому краю насечкой с помощью деревянной палочки, из-за чего создается эффект волнистого края (Рис., I/11). На стенках сосудов встречен гребенчатый орнамент с частым расположением зубцов (Рис., I/12), четырехугольные наколы и шнуровой орнамент (Рис., I/13), резные полосы (Рис., I/14). На одном фрагменте фиксируется сверленное отверстие (Рис., I/15). Образцы подобной орнаментации в разных пропорциях встречаются на ломоватовских могильниках VII–XI вв. [Голдина и др., 1989, с. 53; Генинг, 1964, с. 116–118; Крыласова и др., 2019, с. 135]. Произвести более подробную интерпретацию по керамике ввиду ее малочисленности не представляется возможным. Единственно требуется отметить отсутствие видимых примесей толченой раковины, в отличие от большинства ломоватовских погребальных сосудов на одновременных памятниках.

Все находки, за исключением железной пальмы, были произведены в прибрежной части памятника, недалеко от шурфа. Опять же все они, помимо наконечника копья, по дате попадают в деменковский этап ломоватовской культуры VII–VIII. В то же время пальма имеет нижнюю границу даты в VIII в., но наибольшее распространение получает в IX–XIII вв. и бытует практически до новейшего времени. Это свидетельствует о том, что территория могильника начала осваиваться от берега р. Чусовой вглубь террасы. Следовательно, основная часть памятника датируется VII–VIII вв., но имеется, вероятно, и более поздняя часть. Лишь предварительно вновь выявленный Шушпанский могильник можно датировать общим диапазоном VII–XIV вв. Памятник нуждается в охранных раскопках с целью спасения исторического наследия и уточнения его культурно-хронологической принадлежности.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023>.

Библиографический список

Археологические памятники бассейна реки Чусовой / А. М. Белавин, А. В. Голдобин, Н. Б. Крыласова, Г. Т. Ленц, А. А. Терехин, А. Г. Милиаскарова. Чусовой: СКЦ «Огонек», 1988. 64 с.

Белорыбкин Г. Н., Гусынин В. А., Измайлов И. Л. Вооружение населения юго-западной Булгарии (X – середина XIII века) // Археология евразийских степей. 2020. № 1. С. 6–303.

Генинг В. Ф. Деменковский могильник памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 94–162.

-
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет, 1985. 280 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 216 с.
- Данич А. В. Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. № 3. 2010. С. 20–43.
- Крыласова Н. Б., Белавин А. М. Эволюция «Прикамской чаши» в эпоху Средневековья // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 121–137.
- Островский С. Л. Археологические памятники юго-восточного локального варианта ломоватово-родановской общности. История и проблемы комплексного изучения. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. № 3. 2003. С. 115–122.
- Смертин А. Р. Отчёт об археологической разведке по р. Шушпанка от устья р. Родник Быров до автомобильного моста через р. Шушпанка трассы Пермь – Чусовой Чусовского городского округа Пермского края в 2021 году (открытый лист № 2053-2021 от 25 августа 2021 г.) // Архив Музея археологии и этнографии ПГГПУ. Пермь, 2021. 68 с.
- Смертин А. Р., Смертин П. Р. Археологические разведки по левому берегу реки Чусовой на территории Чусовского городского округа в 2021–2022 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2023. № 22. С. 75–88.
- Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М. 1952. № 27.
- Харинский А. В. Пальмы с втульчатым наконечником из Байкальского региона и их более поздние модификации // Археология евразийских степей. 2020. № 6. С. 366–378.
- Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. / Сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм. губ. Василий Шишонко. Изд. печ. на средства Губ. земства. Период 4: с 1676–1682 гг. Пермь: тип. Губ. зем. управы, 1884. 653 с.

SHUSHPANSKIY BURIAL GROUND AS A SITE OF THE MEDIEVAL PERIOD IN THE BASIN OF THE CHUSOVAYA RIVER

A. R. Smertin

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia;

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia

arismertin@mail.ru

The publication presents the materials of the Shushpansky burial ground. The site was known from the mentions of local residents, but was not localized by scientists. During the archaeological exploring of 2023, the burial ground was found on the coastal terrace of the Chusovaya River. The site occupies a small shore elevation and is completely covered with predatory digs. Four burials were found in the exploration pit. Ceramics, bronze jewelry, iron tools and weapons were found in the graves and on the surface. According to the artifacts, the main part of the monument dates back to the VII-VIII centuries, the possible upper limit may reach up to the XIV century. The site needs protected archaeological excavations in order to save the historical heritage and clarify the chronological and cultural attribution of grave complexes.

Key words: lomovatovskaya culture, medieval period, Kama region, Perm region, burial ground, burials, inventory.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА ВОЛГО-УРАЛЬЯ

А. Ю. Смертина ©

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24;
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
nnazarowa@mail.ru

В статье представлена история изучения каменных украшений неолита-энеолита Волго-Уралья. Эта категория находок является распространенной среди неутилитарных предметов данного хронологического периода. Рассматриваются три территориальные группы: Среднее Поволжье, Приуралье, Южный Урал. Исследователями XX в. практически не уделялось внимания каменным украшениям. На современном этапе на территории Волго-Уралья ведется активное изучение предметов неутилитарного назначения и, в частности, каменных подвесок и нашивок. Наличие украшений в погребальных комплексах Среднего Поволжья и Южного Урала позволяют реконструировать способ их ношения и костюм древнего человека.

Ключевые слова: неолит, энеолит, каменный век, неутилитарные предметы, украшения, Волго-Уралье.

В современной науке отдельное место занимает изучение предметов неутилитарного назначения. Существует широкая трактовка данного понятия. К этой категории находок относятся артефакты, не имеющие следов хозяйственной деятельности. По мнению исследователей, предметы неутилитарного назначения – это украшения, произведения искусства, фигурные камни с зооморфными и антропоморфными очертаниями, а также находки из редких видов сырья [Сериков, 2019, с. 7]. Данная категория предметов свидетельствует о развитии искусства и усложнении духовных представлений древнего населения. В работе мы рассмотрим историю изучения самой массовой группы неутилитарных предметов – каменных украшений неолита-энеолита Волго-Уралья.

Волго-Уральский регион охватывает широкую площадь от рек Оки и Суры на западе и Уральских гор на востоке, от реки Вычегды на севере до Самарской Луки на юге. В статье будет рассмотрено несколько территориальных групп: Среднее Поволжье, Приуралье и Южный Урал. В работу не вошли материалы по Зауралью и Западной Сибири, так как они требуют отдельного рассмотрения ввиду своей определенной специфики.

Каменные украшения начинают появляться в неолитическую эпоху и активно распространяются на территории Волго-Уралья в период энеолита. Для этого хронологического этапа характерно изменение в технике обработки каменных изделий, использование нового вида сырья и создание усовершенствованных орудий для хозяйственной деятельности. Наиболее часто исследователи выделяют каменные украшения на памятниках, относящихся к энеолитической эпохе, но иногда они фиксируются в многослойных комплексах.

Изучение финального периода каменного века активно ведется на рассматриваемой территории, но внимание редко акцентируется на украшениях, которые чаще всего лишь коротко упоминаются в отчетах исследователей.

Среднее Поволжье

Одним из ранних упоминаний каменных украшений волосовской культуры является публикация материалов стоянки Володары И. К. Цветковой. Автор указывала, что сланцевые сверленные привески были обнаружены как в погребении, так и на стоянке. Изделия имели неправильную округлую или ассиметрично-овальную форму и отверстие для шнура в верхней части [Цветкова, 1948, с. 12]. И. К. Цветкова отнесла наличие сланцевых привесок к основным признакам инвентаря стоянки Володары, которую датировала поздним неолитом. Стоит отметить, что исследователи середины XX столетия не выделяли энеолит в отдельный период, к которому в настоящее время относится волосовская культура.

При дальнейшем исследовании стоянки Володары были обнаружены два крупных жилища, соединенных переходами. И. К. Цветкова указывала, что в яме около кострища внутри жилища № 2 было

обнаружено восемь заготовок плоских сланцевых привесок [Цветкова, 1958, с. 114]. Кроме того, автор отмечала, что в жилищах найдено большое количество целых плоских сланцевых привесок с округлым просверленным отверстием для подвешивания [Цветкова, 1958, с. 121]. И. К. Цветкова относила стоянку к волосовской культуре и датировала периодом неолита.

В работе, посвященной обобщению материалов стоянки Володары и анализу «кладов», И. К. Цветкова вновь упоминала плоские сланцевые привески различной формы, которые были обнаружены в едином комплексе с иными украшениями и орудиями. По мнению автора, «клады» являются свидетельством погребального ритуала, так как были найдены рядом с погребальными комплексами.

Отдельное внимание каменным украшениям было уделено в труде А. Х. Халикова [Халиков, 1969]. При описании неолитических памятников Среднего Поволжья автор описал инвентарь погребений Гулькинской стоянки. В одной из могил были обнаружены две подвески из серого лиственита. В отдельном погребальном комплексе также были обнаружены 14 крупных плоских каплевидных подвесок из зеленовато-серого хлоритового сланца, которые располагались вокруг тлена черепа [Халиков, 1969, с. 88]. А. Х. Халиков отмечал, что амулеты-подвески из лиственита, змеевика и хлоритового сланца характерны для памятников лесной полосы Восточной Европы. Благодаря близкому типу украшений, автор делает вывод о вхождении населения Волго-Камья, Урала и Западной Сибири в единую этнокультурную общность.

В научных статьях и монографиях конца XX в. данная категория находок отражена достаточно кратко. Авторы лишь упоминают, что на крупных стоянках волосовской культуры достаточно часто встречаются овальные сланцевые подвески с отверстием [Никитин, 1978, с. 37].

Попытку реконструировать костюм согласно расположению украшений в погребальном обряде волосовского населения предприняла М. П. Зимина. При описании инвентаря автор сделала вывод, что изделия нашивались на одежду вдоль груди, бедер и на рукавах. В погребении № 13 были обнаружены прямоугольные в сечении сланцевые подвески, которые были скрещены друг с другом. Кроме того, здесь же были найдены сланцевые кольца. Данные изделия находились в едином комплексе с янтарными украшениями. Как и предшественники, М. П. Зимина датировала данный комплекс поздним этапом неолитической эпохи [Зимина, 1984, с. 63].

Иную точку зрения предложил А. В. Шипилов. На основе данных могильников Нижнего Прикамья автор сделал вывод, что подвески являлись частью ожерелья, которое служило шейным украшением как женщин, так и мужчин. А. В. Шипилов также указывал, что подобные изделия встречаются по всей лесной полосе от Урала до Прибалтики — как в погребениях, так и на поселенческих памятниках эпохи неолита-энеолита [Шипилов, 2021, с. 82–83].

На современном этапе морфолого-функциональный анализ сланцевых подвесок из энеолитических погребений был представлен в работе Е. Н. Голубевой и А. А. Чижевского. В ходе изучения изделий из коллекции Мурзихинского II могильника исследователями было выделено 5 морфологических групп и составлена типология каменных украшений [Голубева, Чижевский, 2020, с. 76–88].

Экспериментально-трассологическое исследование каменных подвесок Среднего Поволжья было представлено рядом авторов из г. Казани. Благодаря проведенной работе, исследователи получили информацию о типе следов от ношения на сланцевых изделиях. Кроме того, были получены данные о подвесках с зубчатым краем, которые использовались в качестве зубчатых штампов для нанесения орнамента на керамические изделия [Голубева и др., 2022, с. 107–119].

Приуралье

Для данной территории в исследованиях существует меньшее количество упоминаний каменных украшений. Зачастую авторы лишь коротко фиксировали наличие сланцевых подвесок / привесок на памятниках Средней Камы, относящихся к бронзовой эпохе. В отчетах о раскопках чусовских памятников О. Н. Бадер указывал, что подобные шлифованные подвески из мягкой сланцевой породы являются обычными для поселений гаринского этапа турбинской культуры [Отчеты Камской (Воткинской)..., 1961, с. 156].

Комплексное изучение каменных украшений Верхнего и Среднего Прикамья было начато после раскопок Е. Л. Лычагиной жилища на стоянке Чашкинское озеро II в 2021–2022 гг., где было обнаружено 16 изделий из серпентинитового сланца. В ходе исследования было выделено 5 групп украшений. Благодаря трассологическому анализу предметов, было сделано предположение о способе ношения изделий (нашивались на одежду). Петрографическое описание находок позволило определить возможные районы добычи сырья: Сарановское и Мойвинское месторождения на территории Пермского края [Лычагина, 2023, с. 188–200].

В ходе изучения каменных нашивок памятников гаринской и борской культур Верхнего и Среднего Прикамья были выявлены некоторые закономерности. Все изделия были выполнены из серпентинита, однако украшения с территории устья р. Чусовой обладали большей крепостью, чем изделия с памятников соседних районов [Смертина, 2023, с. 119–125].

В результате анализа каменного инвентаря Прикамья был сделан вывод, что для орудий труда использовалось более прочное сырье. Серпентинит же, несмотря на малодоступность, был удобен при шлифовании и сверлении сквозных отверстий. Это позволяло использовать его для создания украшений.

Южный Урал

Исследователи степных и лесостепных районов Южного Урала также отмечали в своих трудах наличие каменных украшений, характерных для памятников энеолитической эпохи. Наряду с иными шлифованными орудиями, фиксируются упоминания подвесок суртандинской и агидельской культур. Изделия были изготовлены из зеленокаменных пород [Матюшин, 1982, с. 52].

В конце XX в. было предложено мнение о наличии связей лесной и лесостепной зон Урала. Одним из доказательств данной точки зрения является появление единого маркера захоронений энеолитической эпохи – каменных подвесок каплевидной или овальной формы в качестве погребального инвентаря [Шорин, 1999, с. 18]. По мнению А. Ф. Шорина, такие изделия носились в качестве ожерелий или нашивались на одежду, обувь или головной убор [Шорин, 1999, с. 45].

Украшения Южного Урала подробно описаны в трудах Ю. Б. Серикова. Исследователь описывал украшения древнего населения начиная с верхнего палеолита. Отмечено, что изначально подвески создавались из мягкого талькового камня, позднее начали использоваться разновидности змеевика и сланец. Украшения имели миндалевидную или каплевидную форму [Сериков, 2013, с. 45–63].

Зачастую исследователи Южного Урала изучают каменные подвески в едином комплексе с изделиями памятников Западной Сибири. На данных территориях фиксируются одиночные захоронения, содержащие украшения. По мнению ученых, подвески использовались для костюмов людей, имевших высокий социальный статус [Назмутдинова, 2018, с. 59–62].

При описании сырьевой характеристики каменных подвесок исследователи указывали, что цвет играл важную роль при их создании. Кроме того, упоминалось, что данные изделия функционально относятся к нашивкам, так как на них отсутствует проточенность отверстий. Предполагалось, что украшения играли сакральную роль в качестве амулетов и талисманов и лишь позднее стали приобретать эстетическое значение [Назмутдинова, 2019, с. 60–63].

Заключение

Нами были рассмотрены три территориальных группы Волго-Уралья, на которых в эпоху неолита-энеолита распространялись каменные украшения. В результате изучения истории исследования данной категории находок мы можем сделать некоторые выводы. Интерес к каменным украшениям как отдельной категории предметов появился только на современном этапе. В источниках середины и конца XX в. авторы лишь упоминали, что подобные изделия являются обычными для памятников лесной и лесостепной полосы позднего неолита – энеолита. В исследованиях отсутствует единый подход к атрибуции и наименованию каменных украшений. Встречается несколько названий этих предметов: «подвески», «нашивки», «амулеты», в более ранней литературе – «привески». В каждой из территориальных групп сырье для производства каменных украшений было определено как сланец или серпентинит. Исследователи Среднего Поволжья и Южного Урала предпринимали попытку восстановить способ ношения и реконструировать костюм древнего человека, так как подвески со сверленными отверстиями были зафиксированы в погребальных комплексах. В Приуралье же эти изделия были обнаружены только на поселенческих памятниках и стоянках. Существует мнение, что данные предметы могли быть не только эстетической частью костюма, но и выполнять сакральную функцию в качестве амулетов для древнего населения.

Библиографический список

Голубева Е. Н., Галимова М. Ш., Бахматова В. Н. Экспериментально-трассологическое исследование каменных подвесок из энеолитических погребений в устье Камы / Поволжская Археология. 2022. № 3 (41). С. 107–119.

Голубева Е. Н., Чижевский А. А. Сланцевые подвески из энеолитических погребений Мурзихинского II могильника: морфолого-функциональный анализ (предварительные данные) / Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 76–88.

Зими́на М. П. Могильник на стоянке Репище / М. П. Зими́на // Краткие сообщения Института археологии. 1984. № 177. С. 63–71.

Лычагина Е. Л., Смертина А. Ю., Томилина Е. М. Каменные украшения с энеолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья (попытка комплексного анализа) / Поволжская Археология. 2023. № 3 (45). С. 188–200.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала: Лесостепь и степь. М.: Наука, 1982. 328 с.

Назмутдинова Н. В. Каменные и костяные подвески в погребениях Урала и Западной Сибири / Н. В. Назмутдинова // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / Отв. ред. С. Э. Зубов. Самара: Самарский университет, 2018. С.59–62.

Назмутдинова Н. В. Сырьевая характеристика каменных подвесок на памятниках каменного века Урала / Н. В. Назмутдинова // Геоархеология и археологическая минералогия. 2019. Т. 6. С. 60–63.

Никитин В. В. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса в волосово-турбинское время. АЭМК. Вып. 3 / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 21–63.

Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции [Текст] / Камская (Воткинская) экспедиция Ин-та археологии Акад. наук СССР. [Москва], 1961. Вып. 2. 332 с.

Сериков Ю. Б. Предметы неутилитарного назначения вкладах каменных изделий Урала и Сибири // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 7–17.

Сериков Ю. Б. Украшения населения Урала в каменном веке // Тверской археологический сборник. Вып. 9. 2013. С. 45–63.

Смертина А. Ю., Томилина Е. М. Использование горных пород в Верхнем и Среднем Прикамье в эпоху энеолита (на примере каменных украшений) // Геоархеология и археологическая минералогия - 2023. Научное издание. Миасс – Челябинск: Издательство ЮУрГГПУ, 2023. С. 119–125.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Цветкова И. К. Неолитические жилища стоянки Володары // СА. 1958. № 2. С. 112–123.

Цветкова И. К. Стоянка Володары // КСИИМК. Вып. XX. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 3–14.

Шипилов А. В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 358 с.

Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН. 1999. 181 с.

THE HISTORY OF THE STUDY OF NON-UTILITARIAN OBJECTS OF THE NEOLITHIC-ENEOLITHIC OF THE VOLGA-URAL REGION

A. Yu. Smertina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia;

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia

nnazarowa@mail.ru

The article presents the history of the study of Neolithic-Eneolithic stone jewelry of the Volga-Ural region. This category of finds is common among non-utilitarian objects of this chronological period. Three territorial groups are considered: the Middle Volga region, the Pre-Urals, and the Southern Urals. Researchers of the XX century paid almost no attention to stone ornaments. At the present stage, an active study of non-utilitarian objects and, in particular, stone pendants and stripes, is being conducted on the territory of the Volga-Ural region. The presence of jewelry in the burial complexes of the Middle Volga region and the Southern Urals allows us to reconstruct the way they were worn and the costume of an ancient man.

Key words: Neolithic, Eneolithic, Stone Age, non-utilitarian objects, jewelry, Volga-Ural.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОРНИТО-ЗООМОРФНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ ШАЙТАНСКОЕ 4–6¹

И. А. Спиридонов ©

Уральский федеральный университет, 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19
z-is5@mail.ru

И. В. Усачева

Тюменский научный центр СО РАН, ИПОС, 625026 Россия, Тюмень, ул. Малыгина, 86
i.usachova@gmail.com

Работа посвящена мелкой кремневой пластике, обнаруженной в ходе раскопок многослойного памятника Шайтанское 4–6 в Свердловской области. Пять фигурок, включающие орнито- и зооморфные изображения, выполнены с использованием разнообразных приемов обработки. Присутствие на поверхности ряда артефактов следов заглаживания указывает на возможность использования фигурок в качестве предметов, нашивавшихся на одежду, для применения в повседневной жизни или в мифоритуальной практике. Особенности залегания и техника изготовления позволяют датировать рассматриваемые скульптуры в рамках IV–III вв. до н. э.

Ключевые слова: Урал, энеолит, кремневая пластика.

Вопросам семантики орнаментальных композиций на посуде, трактовке наскальных изображений, а также скульптурам и украшениям из дерева, глины, камня и металла посвящено множество публикаций. Особое внимание ученых занимают редкие, уникальные артефакты. К числу таковых правомерно отнести каменные изделия, интерпретируемые в качестве миниатюрной кремневой пластики. Количество известных изображений, выполненных на отщепе и пластинах кремня, постепенно пополняется. В первую очередь благодаря повышению археологической изученности отдельных территорий [Сериков, 2014, с. 16–18], а также детальному и скрупулезному анализу коллекций. Для территории горно-лесного (Среднего) Зауралья Ю. Б. Сериков насчитывает 65 таких скульптур [Сериков, 2011, с. 147]. К этому списку сейчас можно добавить еще пять фигурок из культурного слоя поселения Шайтанское 4–6.

Шайтанское 4–6 – многослойный памятник, расположенный на одном из мысов в северо-восточной части одноименного озера в Кировградском районе Свердловской области. Первые археологические работы здесь были предприняты С. Н. Погореловым в 1989 г. [Погорелов, 1989, с. 9], впоследствии осмотр побережья выполнял Ю. Б. Сериков в 1996 и 2003 г. [Сериков, 2013, с. 115]. В 2019 г. локальные работы по уточнению культурно-хронологической атрибуции и границы распространения культурного слоя производились под руководством одного из авторов [Спиридонов, 2020, с. 18]. Начиная с 2020 г. сотрудниками археологической лаборатории УрФУ на поселении проводятся стационарные раскопки. Коллекция, полученная за два полевых сезона 2020–2021 гг., своеобразна и в значительной степени отличается от традиционных поселенческих комплексов энеолита-бронзового века горно-лесного Зауралья. На площади в 128 м² обнаружено более 21 тыс. находок, из которых ≈ 75% составляют изделия из камня (заготовки орудий, крупные куски кремня, сколы, отщепы и иные отходы производства). В том числе около 200 каменных наконечников стрел, целых и в обломках, а также их заготовки.

Особое место в коллекции занимают образцы мелкой кремневой пластики. В собрании присутствует пять таких артефактов. Фигурки размещались разрозненно в западной, северо-западной и восточной частях раскопа, в слое темно-коричневого и серого суглинка, на отметке 15–40 см от современной поверхности.

Рассматриваемые предметы можно разделить на две условные группы: орнитоморфные (3 экз.) и зооморфные (2 экз.) скульптуры. При этом для первой группы характерно достаточно полное отражение облика, контура изображаемого объекта или его основной части, визуально воспринимаемой мастером, тогда как вторая группа представляет протомы, передающие внешний вид головы животного.

Орнитоморфные изображения:

Фигурка 1 (рис., 2) размерами 40×26×6,5 мм. Представляет собой профильное изображение летящей водоплавающей птицы с небольшой головкой, короткой шеей и массивным ромбическим корпусом. Выполнена на крупном отщепе кремнистого углистого сланца в весьма реалистичной манере,

чему способствовала изначальная форма скола и использование различных приемов обработки. Одна из поверхностей скульптуры выглажена плоской чешуйчатой ретушью. Бифасиальная краевая ретушь нанесена локально, для оформления шеи и головы, а также для уточнения абриса крыла.

Фигурка 2 (рис., 4) размерами 82,5×14,5×4,5 мм, передает облик водоплавающей птицы с длинной изогнутой шеей, вытянутым клювом и небольшим треугольным хохолком, предположительно чомги или большой поганки. Выполнена на плитке светло-коричневого кремнистого прослоя со следами коричнево-белесой желвачной корки с помощью двухсторонней краевой разнофасеточной ретуши.

Фигурка 3 (рис., 1) размерами 53,5×20,3×5 мм. Профильное изображение боровой птицы. Голова фигурки каплевидная, вытянутая, кончик приострен. Шея короткая. Корпус ромбический, продолговатый, с небольшим выступом на спине. Изготовлена на тонком продолговатом отщепе кремнистого сланца аспидного цвета с фрагментом желтой желвачной корки. За основу взята изначальная форма скола с доработкой по контуру. Техника изготовления – краевая разнокалиберная, бифасиальная, приостряющая ретушь.

Зооморфные изображения:

Фигурка 4 (рис., 5) размерами 37×16,5×5,2 мм, профильная скульптура головы лося с хорошо проработанным абрисом. Тщательно выведен горбатый конец морды с чуть отвислой нижней губой, подчелюстной «серьгой», с небольшим бугорком над глазницей и выступающим ухом. Изготовлена из декоративной белой с серыми прожилками яшмы. Подходящей формы отщеп выборочно подработан аккуратной мелкой ретушью по краю. Нижний контур и кончик морды подкорректированы с вентральной плоскости, верхний – с дорсальной. Следы сработанности отсутствуют.

Фигурка 5 (рис., 3) размерами 22,5×10–21×2,5 мм, профильное изображение, в стилизованной манере передает абрис головы медведя (?) с подтреугольной, вздернутой мордой на короткой шее, с притупленным, укороченным носом и отступающим ушком. Выполнена из черного углистого сланца посредственного качества. Изделие задумано как тонкий бифас, у которого помимо крупной приостряющей ретуши по периметру на широких поверхностях прослеживаются следы плоской покрывающей ретуши. Однозначно определить площадь покрытия и форму чешуек невозможно. Центральная часть изделия на обеих сторонах утрачена.

На фигурках 2 и 3 наблюдается затертость отдельных участков поверхности, выполненная мягким материалом, что, вероятно, может указывать на пришивание к одежде. Ранее исследователи, занимавшиеся изучением каменных скульптур, определили похожие следы в качестве свидетельств неупотребленного износа [Карманов, Гиря, 2018, с. 144]. На фигурках 1, 4 и 5 таких следов достоверно не выявлено, но наличие по контуру отдельных «сколов-выемок» четко различимых на фигурке 5, может указывать на схожий метод крепления. В этой связи интересной представляется гипотеза Д. Н. Воробьева, трактующего некоторые находки мелкой кремневой пластики в качестве оберегов или талисманов [Воробьев, 2018, с. 107]. Близкой точки зрения придерживается Е. А. Кашина [Кашина, 2023, с. 86] первоначально с осторожностью относившаяся к предположению о пришивании или ношении фигурок на шнуре [Кашина, 2006, с. 412]. Если трактовка о применении скульптур в качестве нашивок или подвесок правомерна, это позволяет предполагать личностное использование кремневых фигурок в повседневной или мифоритуальной практике. На преимущественно индивидуальный характер каменной пластики указывает А. М. Жульников, проводивший сопоставление кремневой скульптуры Северной и Восточной Европы с петроглифами Фенноскандии [Жульников, 2014, с. 296].

Рассуждая о хронологических рамках существования кремневой пластики, исследователи высказывают различные точки зрения. О достаточно раннем периоде появления фигурных кремней, в пределах поздне-неолитических культур писал С. Н. Замятин [Замятин, 1948, с. 113]. В. Н. Карманов, анализируя обширную серию скульптур, приходит к заключению о бытовании предметов в рамках крайнего северо-востока Европы в широком диапазоне, от среднего неолита до бронзового века [Карманов, 2022, с. 151]. Ю. Б. Сериков расширяет границы существования кремневой пластики на Урале от верхнего палеолита до эпохи бронзы [Сериков, 2014, с. 31] и обращает внимание на условность датировки отдельных находок [Сериков, 2014, с. 33]. Еще более широкий диапазон, вплоть до этнографической современности, предлагает А. В. Табарев, считая изготовление подобных артефактов характерным направлением в искусстве для всех культурных групп, использующих каменное сырье [Табарев, 1996, с. 206].

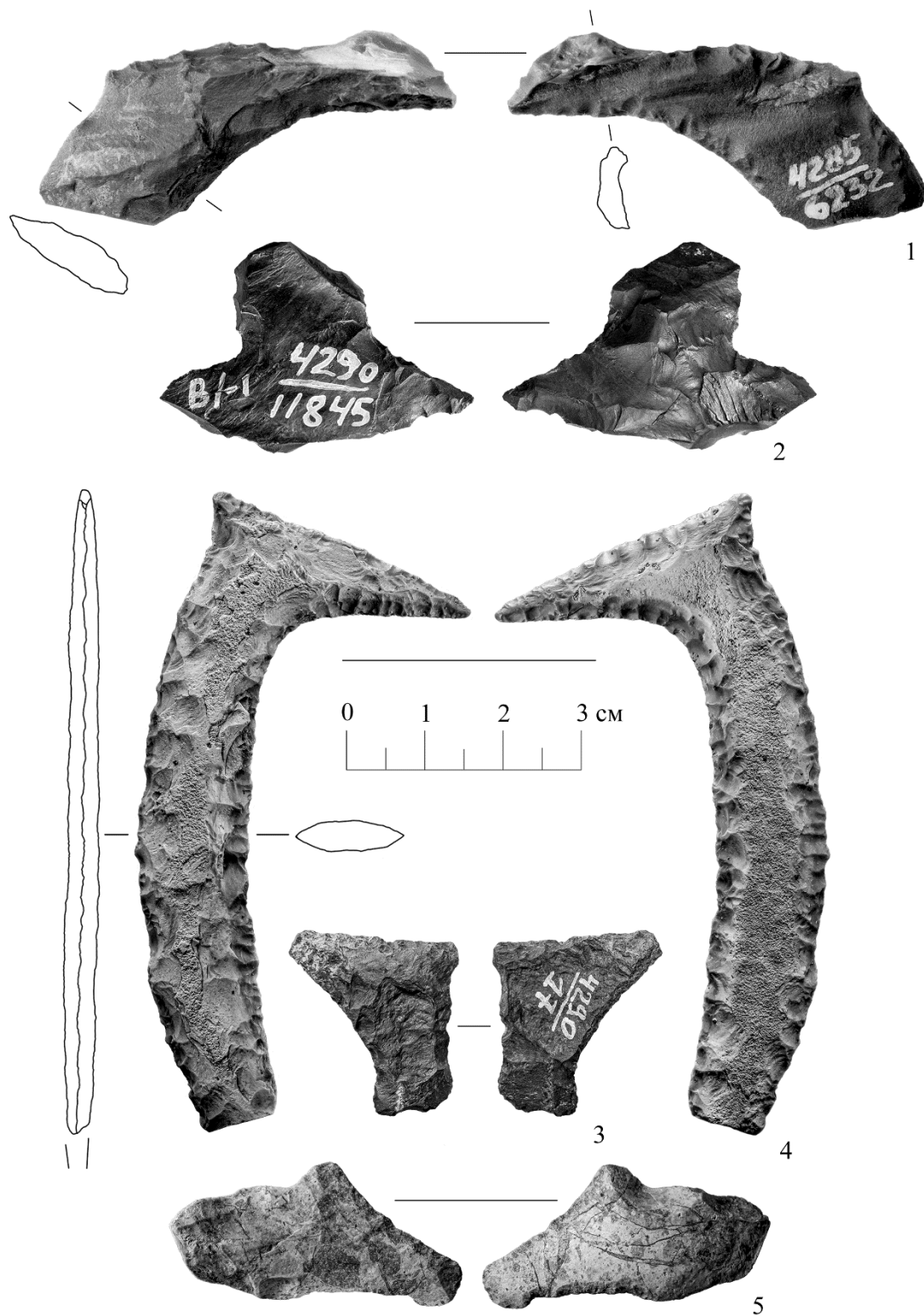

Рис. Фигурный кремль поселения Шайтанское 4-6

Принимая во внимание, что в керамической коллекции пос. Шайтанское 4–6 преобладают обломки посуды энеолита (аятская, липчинская культуры, шувакишский тип) и бронзового века (черкаскульская культура) при ничтожно малом количестве черепков от сосудов иных эпох, правомерно с определенной долей условности отнести бытование кремневой скульптуры, в рамках рассматриваемого памятника, к данным хронологическим периодам. При этом энеолитический возраст скульптур выглядит более убедительно ввиду практически полного отсутствия свидетельств обнаружения кремневой пластики в комплексах бронзового века горно-лесного Зауралья, Южного Урала и прилегающих районов. Исключение составляет поселение Шигирский Исток III, в материале которого Ю. Б. Сериков выделяет скульптуру ежа и кремневый круг [Сериков, 2011, с. 153], связанные, по его мнению, с черкаскульской культурой. Однако следует учитывать, что Шигирский Исток III – многослойный памятник, поврежденный многолетней распашкой [Чаиркина, 2001, с. 29], артефакты которого переотложены. По этой причине предложенная датировка и культурная атрибуция находок требует убедительной аргументации.

Энеолитический возраст скульптурок Шайтанского 4–6 также подтверждают выводы И. В. Усачевой, проводившей детальный анализ коллекции камня и выделившей определенные маркеры, характеризующие камнеобработку двух основных периодов функционирования памятника. В частности, для орудийного набора, соотносимого с черкаскульской культурой, характерны аморфность форм, преобладающее количество морфологически не выраженных орудий, ограниченное применение ретуши. Тогда как артефакты периода энеолита изготовлены с применением большого количества разнообразных техник ретуширования [Усачева и др., 2023, с. 122], что в том числе присутствует в кремневой пластике. В качестве косвенного подтверждения предполагаемого возраста фигурок выступает то обстоятельство, что скульптура № 2 выполнена из достаточно редкой на Урале породы светло-коричневого кремнистого прослая со следами коричнево-белесой желвачной корки. Подобное сырье не характерно для горно-лесного Зауралья, но встречается на Южном Урале и в Волго-Камском бассейне. Из раскопок памятника Шайтанское 4–6 происходят пять артефактов из такого материала, в том числе три массивных ножа [Корочкова и др., 2023, с. 60, рис. 4], обнаруженные в составе погребального инвентаря. К сожалению, результаты радиоуглеродного датирования кусочка древесного угля из заполнения ямы и остатков эмали зуба погребенного, в настоящий момент не получены, однако предложенная исследователями доказательная база, построенная на анализе погребальных комплексов Урала и Западной Сибири, убедительно обосновывает возможность отнесения объекта к периоду IV–III тыс. до н. э. [Корочкова и др., 2023]. Таким образом, энеолитический возраст рассматриваемых фигурок, кажется, не вызывает сомнений.

При детальном рассмотрении кремневой пластики поселения Шайтанское 4–6 обращает на себя внимание отсутствие стандартизации. Каждая фигурка уникальна и передает определенный образ, не повторяющийся в других скульптурах. При сопоставлении шайтаноозерской пластики с кремневыми изображениями Урала данное наблюдение лишь подтверждается. Отдельные из имеющихся в распоряжении исследователей орнито-зооморфных фигур, хотя и могут быть трактованы как передающие образы одного и того же объекта, отличаются манерой исполнения, качеством передачи образа и сырьем. Исключение составляет фигурка, передающая образ чомги – водоплавающей птицы, «украшенной гребнем». Примеров кремневой пластики, изображающих похожих существ на территории Большого Урала и близлежащих районов Западной Сибири немного. С определенной долей условности к таковым могут быть отнесены скульптуры, обнаруженные в материалах неолитического поселения Исетского Правобережного [Кернер, 1991, с. 62, рис. 7, 29; Сериков, 2011, с. 155, рис. 2, 5] и в погребении из энеолитического могильника Бузан 3 [Матвеев и др., 1997, с. 157, рис. 1]. Однако наиболее близкие скульптуры, выполненные в подобной манере и из аналогичного сырья обнаружены в энеолитических комплексах Каентубинской и Дубогривовская II стоянки в Волго-Камье [Шипилов, 2009, с. 79, рис. 2, 1–7]. На памятниках волосовской культуры: Старомазиховская III, Ахмыловское, Удельношумецкое VI [Никитин, 1996, с. 138. Рис. 64, 1–3].

Примечание

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания Минобрнауки РФ «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», тема № FEUZ-2023-0018, а также в рамках госзадания, проект № 121041600045-8.

Библиографический список

- Воробьев Д. Н. К вопросу о функции и семантике зооморфных изображений эпох мезолита – энеолита на территории верхнего и среднего Поволжья // Вестник ТвГУ. Серия «История». № 4. 2018. С. 101–126.
- Жульников А. М. К вопросу о сходстве кремневой скульптуры и наскальных изображений северной и восточной Европы // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятнинский сборник. Вып. 3. 2014. С. 293–306.
- Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // Советская археология. Том 10. 1948. С. 85–123.
- Карманов В. Н. Просто красота или еще и магия? Фигурные кремни и их место в первобытной культуре Севера // Stratum plus: За гранью видимого мира. № 2. 2022. С. 139–158.
- Карманов В. Н., Гиря Е. Ю. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым Iб (средняя Вычегда, республика Коми) // Поволжская археология. № 3 (25). 2018. С. 139–155.
- Кашина Е. А. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006. С. 406–413.
- Кашина Е. А. Искусство малых форм в лесной зоне: результаты комплексного изучения // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века. Самара – СПб, 24–26 апреля 2023 г. Материалы симпозиума. 2023. С. 85–86.
- Кернер В. Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск. 1991. С. 46–67.
- Корочкова О. Н., Спиридонов И. А., Стефанов В. И. Погребение эпохи энеолита в горно-лесном Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 51, № 2, 2023. С. 57–65.
- Матвеев А. В., Зах В. А., Волков Е. Н. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1, 1997. С. 156–158.
- Никитин В. В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996. 177 с.
- Погорелов С. Н. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Свердловска, в Верхне-Пышминском, Кировградском и Невьянском районах Свердловской области. Свердловск. 1989. Архив Археологического музея УрФУ. Ф. II, д. 466. 49 с.
- Серигов Ю. Б. О своеобразии кремневой скульптуры Урала // Челябинский гуманитарий. № 1 (14). 2011. С. 146–161.
- Серигов Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. 2013, 408 с.
- Серигов Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. 2014. 268 с.
- Спиридонов И. А. Отчет о разведочных работах, проведенных на территории городских округов Екатеринбург, Каменский, Кировградский, Первоуральский Свердловской области в 2019 г. 2020. Архив Археологического музея УрФУ: Ф. II, д. 722. 157 с.
- Табарев А. В. Кремневая пластика и проблема декоративного освоения пород и минералов в каменном веке // Шестые Арсеньевские чтения: Тез. докл. региональной науч. конф. Уссурийск, 1992. С. 206–208.
- Усачева И. В., Спиридонов И. А., Корочкова О. Н. К постановке проблемы маркеров каменных индустрий эпохи энеолита и бронзы горно-лесного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 116–126.
- Чаиркина Н. М., Савченко С. Н., Серигов Ю. Б., Литвяк А. С. Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург, 2001. 192 с.
- Шпилов А. В. Кремневая скульптура эпохи неолита-энеолита зоны водохранилищ волго-камского каскада // Российская археология. № 1. 2009. С. 77–80.

SYMBOLIC ORNITHO-ZOOMORPHIC SCULPTURES OF THE SHAITANSKOYE SETTLEMENT 4-6

I. A. Spiridonov

Ural Federal University, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia
z-is5@mail.ru

I. V. Usacheva

Tyumen Scientific Centre SB RAS, IPOS, 86 Malygina str., 625026, Tyumen, Russia
i.usachova@gmail.com

The paper is devoted to small flint figurines, which were found during excavations of the multilayer Shaitanskoye 4–6 site in the Sverdlovsk region. Five figures including ornitho- and zoomorphic images are made with using various processing techniques. The presence of grinding marks on the surface indicates the possibility that the figurines were used as items sewn onto clothing, for personal use or mythoritual practices. Peculiarities of detection and the technique of manufacture allow us to date the sculptures in the framework of the IV–III mill. BC.

Key words: Urals, eneolithic, flint figurines.

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА НИЖНЕЙ ВИШЕРЫ¹

Е. М. Томилина [©]

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
tomilinaelena.psu@yandex.ru

Е. Л. Лычагина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
LychaginaE@mail.ru

Д. А. Майстренко

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
dmaustr@ya.ru

Д. А. Демаков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
demakov-denis@mail.ru

В статье рассмотрены результаты петрографического анализа 19 изделий из камня с 3 археологических памятников, относящихся к неолиту, бронзовому веку и раннему железному веку. Все поселения компактно расположены в бассейне Нижней Вишеры. Несмотря на разновременность поселений, была выявлена высокая степень однородности в выборе каменного сырья. Оно представлено яшмами, кремнями, кремнистыми сланцами и песчаниками. Все сырье имеет местное происхождение. Скорее всего, оно происходит из аллювиальных отложений Вишеры и ее притоков. Подобная стратегия выбора сырья характерна для всего региона Среднего Предуралья.

Ключевые слова: неолит, бронзовый век, ранний железный век, Верхнее Прикамье, петрография, кремль, яшма, кремнистый сланец, песчаник.

Введение

Регион Северного Прикамья, несмотря на достаточно суровые климатические условия, был освоен еще в каменном веке (мезолит, неолит). Используя такие крупные водные артерии, как р. Вишера, Колва, человек мог продвигаться далеко на север – в бассейны р. Вычегды и Печоры. Свидетельством этого является наличие на Европейском Северо-Востоке памятников, имеющих прямые аналогии в археологических культурах Прикамья (в первую очередь, камской мезолитической и неолитической) [Волокитин, 2021, с. 217–219; Карманов, 2021, с. 315–322]. Поэтому исследование археологических памятников бассейна р. Вишера имеет большое значение в изучении вопроса об освоении Европейского Северо-Востока человеком и имевшихся культурных контактах. Проведение петрографического анализа каменного инвентаря позволит решить вопрос о стратегиях выбора сырья для изготовления каменных орудий в неолите и на рубеже бронзового и раннего железного веков.

Материалы и методы

Кремневые породы визуально похожи на поперечный скол разбитого толстого стекла без признаков какой-либо зернистости, поэтому истинные микроструктуры и компонентные составы пород выявляют только микроскопические наблюдения. Петрографическое изучение шлифов проведено на поляризационном микроскопе Olympus BX51 (Япония) (аппаратура Центра коллективного пользования уникальным научным оборудованием ПГНИУ). Оптическая диагностика минералов, форменных

компонентов, структурно-текстурных особенностей проводилась в проходящем свете с использованием методов скрещенных николей. Кроме этого, были сделаны снимки шлифов при увеличении 50×.

Для проведения анализа использовались материалы 3 археологических памятников, расположенных в бассейне Нижней Вишеры: стоянок Хомутовское болото II и Глубокое озеро II, поселения Ораловское озеро II (рис. 1).

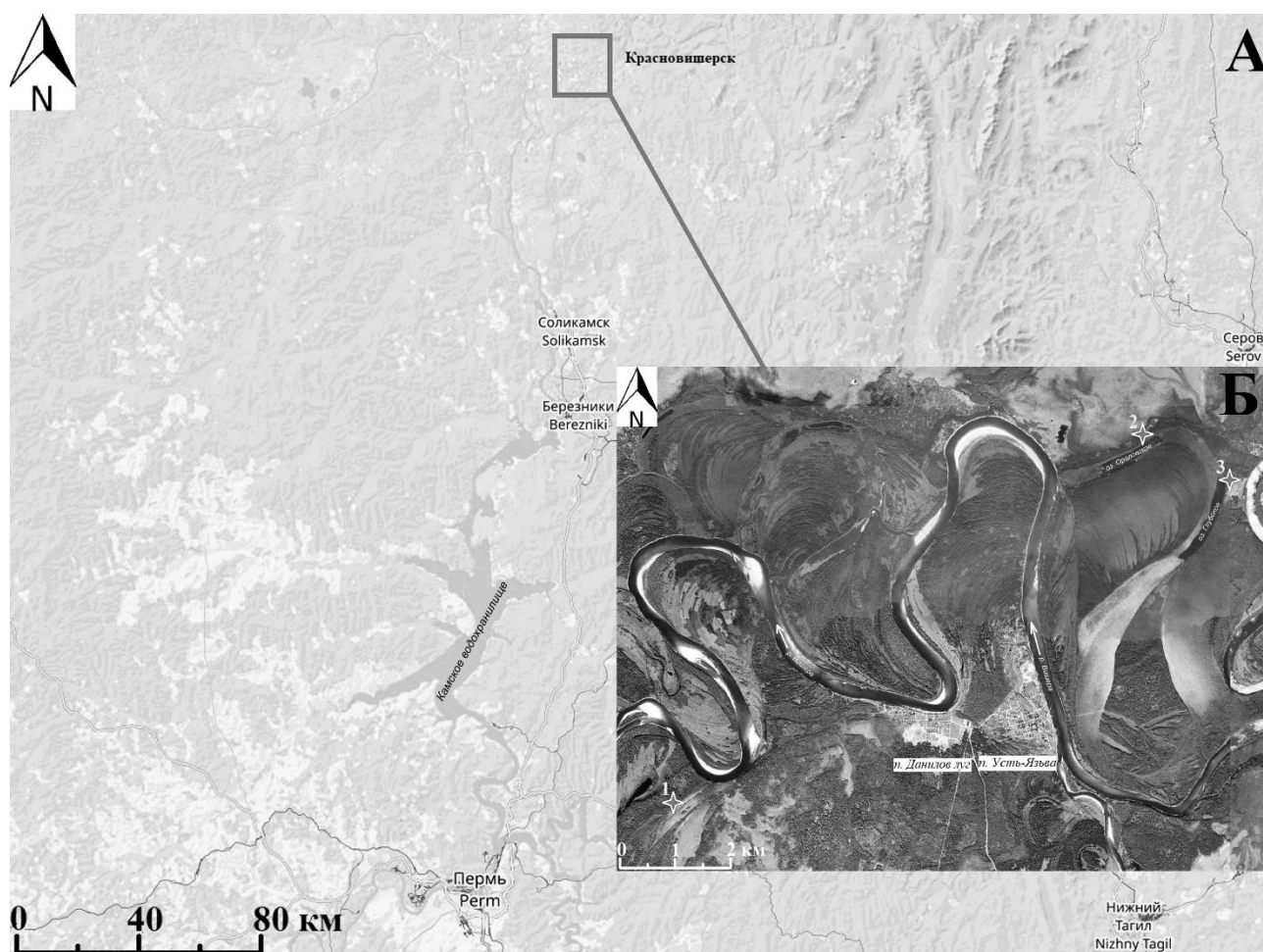

Рис. 1. А. Местоположение участка работ на территории Пермского края. Б. 1. – Хомутовское болото II, стоянка; 2. – Ораловское озеро II, поселение; 3. – Глубокое озеро II, стоянка

Таблица

Петрографическое описание образцов камня с памятников бассейна Нижней Вишеры

№ образца	Памятник	Петрографическое описание	Порода
1	Ораловское озеро II, поселение	Структура микрозернистая с размерами зерен 0,1 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (75-80%), халцедон (20-25%). Скелетные формы (~15%) – обломки раковин брахиопод, остракод. Радиально-лучистый халцедон размером менее 0,1 мм. Неравномерно распределён гематит размером менее 0,02 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого цвета.	Яшма серого цвета
2	Ораловское озеро II, поселение	Структура алевропсаммитовая с размерами зерен 0,05-0,25 мм. Преобладают зерна размером 0,1-0,18 мм. Алевроитовой фракции ~ 10%. Сортировка хорошая. Обломки изометричной, неправильной формы, полуугловатые, угловатые. Текстура слоистая за счет ориентировки части удлиненных обломков. Обломочный материал представлен зернами кварца (~75%), полевыми шпатами (~25%), слюдой (~10%), единичными обломками горных пород. Слюда - лейсты мусковита, хлорита,	Песчаник темно-серый

		биотита. Обломки горных пород представлены кварцитами, глинистыми, кремнисто-глинистыми породами. Контуры и границы обломков иногда трудно различимы, поскольку многие из них приобретают конформные очертания, приспособляются друг к другу. Акцессорные минералы – единичные зерна циркона, сфена, лейкоксена. Цемент глинистый пленочно-поровый. Включения углефицированной растительной органики (~15%) черного цвета.	
3	Ораловское озеро II, поселение	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен менее 0,08 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (75-80%), халцедон (10-15%), гематит (~10%). Скелетные формы (~18%) – обломки остракод, спикул губок. Гематит размером менее 0,05 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Кремень бежевого цвета
4	Ораловское озеро II, поселение	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен менее 0,05 мм. Текстура слоистая, обусловлена параллельной ориентировкой скелетных форм. Состав: кварц (~75%), халцедон (~25%). Обломки скелетных форм (~20%) – обломки остракод, брахиопод, спикул губок. Гематит размером менее 0,02 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Кремнистый сланец темно-серого цвета
5	Ораловское озеро II, поселение	Структура мелко-микрозернистая с размерами зерен 0,01-0,15 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (60-70%), халцедон (20-25%), гематит (10-15%). Обломки скелетных форм (~20%) – обломки раковин брахиопод, остракод и обломки неясного происхождения. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Яшма бордового цвета
6.	Ораловское озеро II, поселение	Структура микрозернистая с размерами зерен менее 0,1 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (75-80%), халцедон (20-25%). Радиально-лучистый халцедон размером менее 0,1 мм, образующий сферолиты размером 0,1-0,18 мм. Обломки скелетных форм (~10%) – обломки раковин брахиопод, остракод. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Яшма серого цвета
7.	Ораловское озеро II, поселение	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен менее 0,06 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (70-75%), халцедон (25-30%). Скелетные формы – спикулы губок (~25%). Гематита размером менее 0,05 мм. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Кремень темно-серого цвета
8.	Ораловское озеро II, поселение	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен менее 0,08 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (70-75%), халцедон (20-25%), гематит (~15%). Обломки скелетных форм (~10%) – обломки остракод, брахиопод, спикул губок. Гематит размером менее 0,05 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Кремень розовато-кремового цвета
9.	Глубокое озеро II, стоянка	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен менее 0,08 мм. Текстура слоистая, обусловлена параллельной ориентировкой скелетных форм и глинистого материала. Состав: кварц (~75%), халцедон (~25%). Обломки скелетных форм (~20%) – обломки остракод, брахиопод, спикул губок. Гематит размером менее 0,02 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Кремнистый сланец темно-серый
10.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен менее 0,06 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (80-85%), халцедон (15-20%). Зерна кварца неправильной, полуугловатой и угловатой формы размером 0,008-0,06 мм. Скелетные формы – спикулы губок (~35%). Гематит размером менее 0,05 мм в виде пластинок и чешуек	Кремень коричневого цвета

		темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	
11.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура микрозернистая с размерами зерен менее 0,1 мм. Текстура слоистая, обусловлена параллельной ориентировкой скелетных форм и углисто-глинистого материала. Состав: кварц (~60%), халцедон (~20%), углисто-глинистый материал (~20%). Обломки скелетных форм (~20%) – обломки остракод, брахиопод, спикул губок. Гематит размером менее 0,05 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Тонкодисперсный глинистый материал коричневого, бежевого цвета, участками пропитан углефицированной растительной органикой темно-бурого, почти черного цвета.	Кремнистый сланец темно-бурого цвета
12.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура микрозернистая с размерами зерен менее 0,1 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (75-80%), халцедон (20-25%). Радиально-лучистый халцедон размером менее 0,1 мм, образующий сферолиты размером 0,1-0,18 мм. Обломки скелетных форм (~10%) – обломки раковин брахиопод, остракод, спикул губок. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Растительные остатки красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета.	Яшма бледно-розового цвета
13.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура микрозернистая с размерами зерен менее 0,08 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (~70%), халцедон (15-20%), гематит (10-15%). Основная масса представлена микрозернистым кварцем. Обломки скелетных форм (~20%) – обломки раковин фораминифер, остракод и обломки неясно происхождения. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Яшма бежевого цвета
14.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура микрозернистая с размерами зерен менее 0,1 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (~70%), халцедон (15-20%), гематит (10-15%). Основная масса представлена микрозернистым кварцем. Обломки скелетных форм (~20%) – обломки раковин брахиопод, остракод и обломки неясно происхождения. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Яшма бежевого цвета
15.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен 0,08 мм. Текстура беспорядочная. Состав: кварц (70-80%), халцедон (10-15%), гематит (10-15%). Скелетные формы (~15%) – обломки остракод, спикул губок, обломки неясного происхождения. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Кремень кремового цвета
16.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура микрозернистая с размерами зерен менее 0,1 мм. Текстура слоистая, обусловлена параллельной ориентировкой скелетных форм и углисто-глинистого материала. Состав: кварц (~55%), халцедон (~20%), углисто-глинистый материал (~25%). Скелетные формы (~20%) – обломки остракод, брахиопод, спикул губок. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Практически на всей основной массе наблюдается тонкодисперсное глинистое вещество коричневого, темно-бежевого цвета, в большинстве участков все пропитано углефицированной растительной органикой темно-бурого, почти черного цвета.	Кремнистый сланец кремового цвета
17.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура микрозернистая с размерами зерен менее 0,05 мм. Текстура беспорядочная. Минеральный состав: кварц (~70-75%), халцедон (15-20%), гематит (~10%). Основная масса представлена микрозернистым кварцем. Обломки скелетных форм (~20%) – обломки раковин фораминифер, остракод, брахиопод, спикулы губок и обломки неясно происхождения. Гематит размером менее 0,08 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков красно-бурого, темно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Яшма розового цвета

18.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура пелитоморфная, микрозернистая с размерами зерен 0,05 мм. Текстура беспорядочная. Минеральный состав: кварц (70-80%), халцедон (10-15%), гематит (10-15%). Обломки скелетных форм (~15%) – обломки остракод, спикул губок, обломки неясного происхождения. Гематит размером менее 0,1 мм в виде пластинок и чешуек темно-бурого цвета. Включения растительных остатков желтого цвета и углефицированной растительной органики черного цвета.	Кремень кремного цвета
19.	Хомутовское болото II, стоянка	Структура псаммитовая с размерами зерен 0,2-1,0 мм. Преобладают зерна размером 0,4-0,55 мм. Алевритовой фракции ~ 10%. Сортировка плохая. Обломки изометричной, неправильной формы, полуугловатые, угловатые. Текстура беспорядочная. Обломочный материал представлен обломками горных пород различного генезиса (90%), зернами кварца (~5%), полевыми шпатами (~3%), слюдой (~2%). Обломки горных пород представлены кремневыми породами, эффузивами, кварцитами, единичными глинистыми, кремнисто-глинистыми породами, обломками гранитоидов. Слюда - лейсты мусковита, хлорита, биотита. Акцессорные минералы – единичные зерна сфена, лейкоксена. Цемент глинистый поровый. Включения растительных остатков (~8%) красно-бурого, желтого цвета и углефицированной растительной органики (10-15%) темно-бурого почти черного цвета.	Песчаник граувакковый темно-серый

Стоянка Хомутовское болото II была открыта в 2010 г. А. Ф. Мельничуком в ходе разведки под руководством Д. А. Майстренко [Майстренко и др., 2011, с. 413]. Памятник расположен на эоловой дюне на поверхности первой надпойменной террасы на левом берегу р. Вишеры в 3,9 км к ЮЗ от п. Данилов луг Красновишерского городского округа Пермского края (рис. 1, 1). Памятник относится к периоду неолита [Майстренко и др., 2012, с. 105–106]. Небольшие раскопки, площадью 24 м², были проведены А. Ф. Мельничуком в 2013 г. [Денисов и др., 2013, с. 68–69]. В 2017 году исследования на стоянке продолжил В. Н. Карманов, для определения границ распространения культурного слоя была проведена шурфовка на выраженных в рельефе участках дюны [Карманов, 2017]. В 2023 г. исследование памятника было продолжено под руководством Д. А. Демакова. Раскоп площадью 16 м² был прирезан к юго-западной стенке раскопа 2013 г. Для проведения петрографического анализа было отобрано 9 мелких отщепов (чешуек) и фрагмент плитки из раскопа 2023 г. (табл., 10–19).

Стоянка Глубокое озеро II была выявлена в 2009 г. в ходе разведки под руководством Д. А. Майстренко [Майстренко, 2010, с. 13–19]. Памятник находится в 10,5 км к югу от с. Оралово, в 4,8 км к СВ от п. Усть-Язьва Красновишерского городского округа Пермского края, на первой надпойменной террасе северной оконечности озера Глубокое, старицы в правобережье р. Вишера (рис. 1, 3). В ходе разведки были проведены раскопки площадью 16 м². [Майстренко, Мельничук, 2009, с. 429]. Памятник был датирован эпохой бронзы. В 2023 г., в ходе зачистки берегового обнажения на территории памятника было обнаружено несколько кремневых сколов, один из которых был использован для проведения петрографического анализа (табл., 9).

Поселение Ораловское озеро II было выявлено в 2009 г. в ходе разведки под руководством Д. А. Майстренко [Майстренко, Мельничук, 2009, с. 429–430]. Памятник находится в 10 км к югу от с. Оралово, в 3,9 км к СВ от п. Усть-Язьва Красновишерского городского округа Пермского края, на северном берегу Ораловского озера – старицы в правобережье р. Вишера в глубине первой надпойменной террасы (рис. 1, 2). В 2013 г. исследования продолжил А. Ф. Мельничук. Шурф 2009 г. был расширен до небольшого раскопа площадью 20 м². В 2014 г. Д. А. Майстренко был заложен раскоп площадью 96 м². Результаты исследований на площади 120 м², 2009, 2013–2014 гг. были опубликованы [Майстренко, Мельничук, 2015, с. 37–52]. В ходе раскопок были изучены остатки 2 построек, собрана значительная коллекция предметов материальной культуры. Памятник был отнесен к раннему этапу ананьинской культуры и датирован концом X–IX вв. до н. э. Каменная индустрия поселения была детально проанализирована В. Н. Кармановым [Майстренко, Карманов, 2022, с. 170–187]. В ходе обследования поселения в 2021 г., были взяты образцы для проведения палеоботанических исследований [Майстренко, Орлова, 2022, с. 205–208]. Для проведения петрографического анализа было использовано 8 образцов из раскопок Д. А. Майстренко в 2014 г. (табл., 1–8).

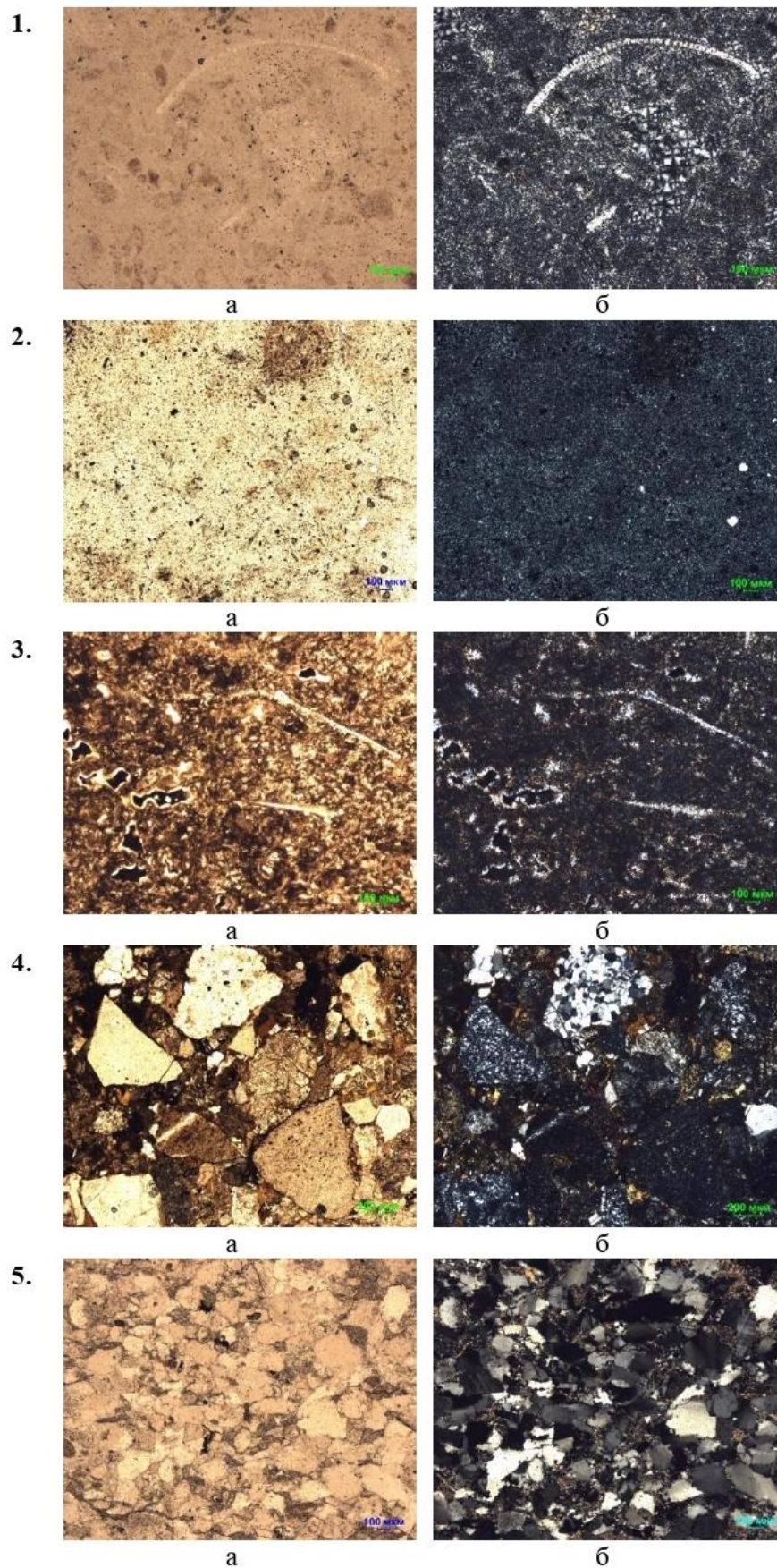

Рис. 2. Петрография каменных предметов, фрагменты шлифов а – без анализатора, б – с анализатором.
 1 – яшма, 2 – кремнь, 3 – кремнистый сланец, 4 – полимиктовый песчаник (граувакковый),
 5 – песчаник полевошпат-кварцевый

Результаты исследований и обсуждение

На стоянке Хомутовское болото II были выявлены следующие виды сырья: яшма полупрозрачная розового и бежевого цветов – 4 экз., кремнь кремового и коричневого цветов – 3 экз., кремнистый сланец темно-бурого и бежевого цвета – 2 экз., песчаник граувакковый – 1 экз. (рис. 2, 2–4). Все образцы, за исключением песчаника, высокой степени крепости. Из песчаника были изготовлены массивные плиты, находившиеся в одном скоплении и использовавшиеся в качестве наковален или шлифовальных плит.

Образец со стоянки Глубокое озеро II был определен как кремнистый сланец темно-серого цвета высокой степени прочности.

Сырье с поселения Ораловское озеро II представлено яшмами серого и бордового цветов – 3 экз., кремнями бежевого, темно-серого и розовато-кремового цветов – 3 экз., кремнистым сланцем темно-серого цвета – 1 экз. и полевошпат-кварцевым алевритистым песчаником – 1 экз. (рис. 2, 1, 5). Все образцы, за исключением песчаника, высокой степени крепости.

Проведенный анализ показал высокую степень однородности в выборе сырья. Для изготовления орудий использовались яшмы, кремни и кремнистый сланцы. Для массивных предметов хозяйственного назначения – песчаники.

Сырье для изготовления орудий с разных памятников схоже по составу. Все они относятся к кремневым породам, в минеральном составе которых преобладают кварц и халцедон [Янакурт, 2008, с. 217–218]. Образцы крепкие, монолитные, визуально имеют афанитовую (скрытокристаллическую) структуру. Между собой породы отличаются примесями и структурно-текстурными особенностями, которые наблюдаются микроскопически. Яшмы сложены зернами кварца и халцедона микрозернистой, иногда мелкозернистой размерности, обычно окрашенные примесью оксидов железа и марганца в красные, розовые цвета. Для кремней, в отличие от яшм, характерна пелитоморфная структура, в основной массе породы присутствует кремнистый скрытокристаллический материал (данный размер зерен уже не виден оптически). Для кремнистых сланцев характерна примесь глинистого материала и тонкослоистая текстура. Но все эти породы на территории Пермского края встречаются в виде галек в конгломератах.

Сырье для массивных предметов хозяйственного назначения также на первый взгляд схоже. Оба образца представлены песчаниками, но разного состава. Образец песчаника со стоянки Хомутовское болото II сложен в основном обломками пород различного генезиса: кремневыми породами, эффузивами, кварцитами, единичными глинистыми, кремнисто-глинистыми породами, обломками гранитоидов. Такой состав характерен для полимиктовых песчаников (граувакки), которые присутствуют в отложениях верхнепермского возраста. Образец песчаника с поселения Ораловское озеро II сложен в основном обломками кварца и полевого шпата, где уже контуры и границы обломков иногда трудно различимы, поскольку многие из них приобретают конформные очертания, что говорит о преобразовании породы. Такие песчаники характерны для нижнепалеозойских отложений, которые присутствуют в виде галек в верхнепермских конгломератах.

Возможно, песчаник со стоянки Хомутовское болото II был взят из обнажений песчаников или из прослоек в конгломератах, или из аллювиальных отложений, которые образовались в результате выветривания первичных выходов пород. А песчаник с поселения Ораловское озеро II, возможно, был взят из самого конгломерата, так как данный песчаник встречается в виде гальки в породе, либо также из аллювиальных отложений после разрушения конгломератов.

На исследуемых территориях источники описанного выше сырья связаны с аллювиальными отложениями, которые образовались в результате выветривания древних верхнепермских отложений. На берегах рек Вишера, Язьва, Колва присутствуют обнажения, где выходят данные породы верхнепермского возраста.

Нас интересуют отложения артинского яруса – гремьячинская свита и отложения кунгурского яруса – антипинская и кичигинская свита. Гремьячинская свита сложена разногальчными конгломератами, среди которых сохраняются прослойки песчаников, алевролитов с аргиллитом, содержащих в своем составе рассеянную мелкую гальку [Чочиа, 1955, с. 189–190]. В основе антипинской свиты лежит десятиметровой мощности пачка тонкослоистых средне- и мелкозернистых полимиктовых песчаников (граувакки). Выше среди подобных же песчаников появляются мощные, 1–4 м, пласты редкогальчных конгломератов. Они чередуются с маломощными прослоями сланцеватых глин и песчаников. Кичигинская свита сложена почти исключительно конгломератами. В самых низах свиты конгломераты залегают в виде крупных линз, мощностью 3–5 м, среди разнозернистых песчаников. Выше они образуют сплошную толщу [Чочиа, 1955, с. 207–209].

Вне зависимости от свиты состав гальки в конгломератах разнообразен: яшмы, кремни, песчаники, кварциты, роговики, эффузивы, кремнистые сланцы, доломиты и известняки. Форма галек обычно округлая, приплюснутая, окатанность хорошая. Цемент конгломератов песчано-глинистый.

Заключение

Проведенный анализ показал, что все каменное сырье, использовавшееся древним человеком, имеет местное происхождение (в основном из аллювиальных отложений Вишеры и ее притоков). По всей видимости, кремнистое сырье в виде галек было легко доступно человеку как в период неолита, так и в более позднее время – бронзовом и начале железного века. Требования к качеству этого сырья практически не менялись со временем – отсюда и схожесть по составу материалов в разные хронологические периоды. Подобную картину мы наблюдаем и в других частях Верхнего и Среднего Прикамья, где именно яшмы, кремни и реже кремнистые сланцы выступают в качестве основного сырья для изготовления орудий [Лычагина и др., 2023, с. 605–620; Старков, 1960, с. 72–79; Чирвинский, 1956, с. 243–252].

Песчаники как сырье для массивных предметов хозяйственного назначения также имеют местное происхождение. Хотя они и имеют разный состав и структурные особенности и, скорее всего, разный геологический возраст, но по своим физическим свойствам они примерно одинаковые. В аллювиальных отложениях могут быть песчаники разного состава и разного возраста, смотря какие первичные породы разрушались, в виде галечного материала. Но главное, что данное сырье было доступно и отвечало требованиям для использования в повседневной жизни древнего человека.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>

Библиографический список

- Волокитин А. В. Мезолит Северного Приуралья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 444 с.: ил. С. 215–238.
- Денисов В. П., Мельничук А. Ф., Бурмасов М. С., Чурилов Э. В. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. С. 66–71.
- Карманов В. Н. Отчет об археологической разведке в Красновишерском районе Пермского края в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Карманов В. Н. Памятники камской культуры в бассейне Вычегды // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 444 с.: ил. С. 315–322.
- Лычагина Е. Л., Копытов С. В., Кулькова М. А. Результаты петрографического анализа каменного сырья с энеолитических памятников Верхней и Средней Камы // Прочнее меди (сборник статей к 80-летию В. А. Дергачева). Кишинев: Библиотека Stratum, отв. ред. Л. В. Дергачева, 2023. С. 605–620. DOI: <https://doi.org/10.55086/SL23VAD649>.
- Майстренко Д. А., Карманов В. Н. Каменная индустрия рубежа эпох бронзы и железа (по материалам поселения Ораловское озеро II на реке. Вишере) // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 170–187. DOI 10.24852/ra2022.3.41.170.187. EDN UNGVEJ.
- Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф. Обследование археологических памятников в среднем течении р. Вишеры в пределах Красновишерского района // Регионы России: экономика, культура, история (материалы Международной научно-практической конференции). Березники, 2009. С. 427–431.
- Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф. Новые памятники эпохи бронзы в среднем течении р. Вишеры // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 193–198.
- Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф. Ораловское озеро II – поселение рубежа поздней бронзы и начала раннего железного века в Северном Прикамье // Вестник Пермского университета. 2015. Серия «История». № 1. С. 37–52.
- Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Чурилов Э. В. Новое о неолите Вишеры // Экономико-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов (материалы Международной научно-практической конференции). Березники, 2011. С. 408–414.

Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Чурилов Э. В., Балыбердина П. А. Неоэнеолитические памятники Пермского Предуралья, удаленные от долины р. Камы // Труды КАЭЭ. 2012. Вып. VIII. С. 102–110.

Майстренко Д. А. Орлова Е. М. Палеогеографический контекст поселений эпохи раннего железного века в нижнем течении р. Вишера // XXII Уральское археологическое совещание: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной, Курган, 21–25 ноября 2022 года. Курган: Курганский государственный университет, 2022. С. 205–208. EDN ZGHTYS.

Старков Н. П. Петрографическая характеристика каменных орудий Хуторской стоянки // Ученые записки. 1960. Т. XII, Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь: Пермское книжное издательство. С. 72–79.

Чирвинский П. Н. Петрографическая характеристика каменных орудий стоянок Усть-Чусовского района Молотовской области // Ученые записки. 1956. Т. VII, Вып. 4. Молотов: изд-во МГУ. С. 243–252.

Чочиа Н. Г. Геологическое строение Колво-Вишерского края. Л.: Гостоптехиздат, 1955. 407 с.

Янаскурт О. В. Литология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.

PETROGRAPHIC ANALYSIS OF STONE INVENTORIES FROM THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE LOWER VISHERA BASIN

E. M. Tomilina

Perm State University, Bukireva str., 15, 614068, Perm, Russia;

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia

TomilinaElena.PSU@yandex.ru

E. L. Lychagina

Perm State University, Bukireva str., 15, 614068, Perm, Russia;

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia

LychaginaE@mail.ru

D. A. Maystrenko

Perm State University, Bukireva str., 15, 614068, Perm, Russia

dmaystr@ya.ru

D. A. Demakov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia

demakov-denis@mail.ru

The article presents the results of petrographic analysis of 19 stone objects from 3 archaeological sites dating back to the Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age. All settlements are compactly located in the Lower Vishera basin. Despite the different periods of settlements, a high degree of homogeneity in the choice of stone raw materials was revealed. It is represented by jaspers, flints, siliceous shales and sandstones. All raw materials are of local origin. Most likely, it comes from alluvial deposits of the Vishera and its tributaries. A similar strategy for selecting raw materials is typical for the entire region of the Middle Cis-Urals.

Key words: Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Upper Kama region, petrography, flint, jasper, siliceous shale, sandstone.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К АТЛЫМСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ю. П. Чемякин ©

Уральский государственный педагогический университет,
620091, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
yury-che@yandex.ru

Атлымская культура была выделена в начале 1980-х гг. Е. А. Васильевым по материалам собственных раскопок на Малоатлымском городище и исследованиям свердловских археологов в Среднем и Нижнем Приобье. Им были намечены два этапа в развитии культуры, которым соответствовали два типа керамики. Данная им характеристика была принята большинством археологов и вошла в региональные энциклопедии. С накоплением новых источников ряд признаков и положений перестали соответствовать существующей концепции. Это касается вопросов генезиса культуры, хозяйства, миграций населения. Для их решения необходимы новые исследования, в первую очередь в Нижнем Приобье и в бассейне Конды, а также полные публикации результатов прошлых раскопок.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, атлымская культура, Нижнее и Сургутское Приобье.

Первый памятник с крестовой керамикой в Нижнем Приобье был открыт в 1970 г. геологом И. А. Волковым у с. Малый Атлым. Однако его публикация совместно с новосибирскими археологами задержалась на 9 лет [*Окладников и др.*, 1979]. К этому времени поселения и местонахождения с оригинальными сосудами – плоскодонными горшками с дугообразно выгнутой шейкой, украшенными преимущественно крестовым штампом, – были выявлены уральскими археологами на Барсовой горе в окрестностях г. Сургута. Только в 1972–1974 гг. там было открыто и частично раскопано 10 памятников с подобной посудой, на четырех из них обнаружены остатки построек. Мнения археологов относительно их интерпретации разделились. Так, М. В. Елькина, характеризуя пять групп памятников нач. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э., писала, что памятники второй группы (атлымской культуры – Ю. Ч.) генетически связаны с древностями первой группы (позднее отнесенными к барсовской культуре – Ю. Ч.) и трансформируются в третью группу (совр. белоярскую культуру – Ю. Ч.) [*Елькина*, 1977, с. 109–110; 1978, с. 72–73; 1981, с. 109–110]. Автор предположил, что культура крестовой керамики могла сложиться в Нижнем Приобье, а затем ее носители мигрировали в Сургутское Приобье и далее к югу и востоку [*Чемякин, Коротаев*, 1976, с. 52–55, 57–63].

В 1977–1979 гг. Е. А. Васильев предпринял масштабные раскопки Малоатлымского городища, вскрыв на нем около 220 м² и собрав внушительную коллекцию керамики (обломки 80–90 сосудов). Чуть позже, в 1979–1980 гг. В. М. Морозовым и Е. А. Курлаевым в Нижнем Приобье были открыты еще семь поселений и местонахождений с атлымской керамикой. Анализ материалов Малоатлымского городища и результатов исследований уральских археологов позволил Е. А. Васильеву выделить и охарактеризовать атлымскую культуру конца бронзового века, сформировавшуюся в Нижнем Приобье и прошедшую два этапа в своем развитии [*Васильев*, 1982]. По его мнению, она возникла на основе таежных древностей с гребенчато-ямочной керамикой. «Изменение в орнаментальной традиции явилось следствием переселения носителей гребенчато-ямочной керамики с низовий Оби в районы Белогорского материка. В процессе освоения новой территории, некогда занятой сартыньинской культурой, происходит замена гребенчато-ямочного орнамента на крестово-ямочный и крестово-гребенчатый» [*Васильев*, 2000, с. 77].

Для первого этапа характерны слабо профилированные плоскодонные сосуды горшковидной, реже – баночной формы со слегка отогнутым венчиком, украшенные оттисками косого крестового штампа и круглыми ямками. На втором этапе среди сосудов преобладают горшки с небольшим дном, раздутым туловом и дугообразно выгнутой шейкой. Орнамент усложняется, наряду с оттисками крестового штампа широко применяются зоны елочных композиций гребенчатого штампа и сложные меандровые узоры. «В хозяйстве и культуре атлымцев происходят существенные изменения. В инвентаре ведущее положение занимают орудия, связанные с рыболовством и обработкой металла». «Эти инновации, бесспорно, имеют южные корни. Их истоки следует искать в кругу андроновидных культур,

прежде всего – в сузгунской» [Там же]. «Есть основания полагать, что рост населения в это время имел скачкообразный характер. Такого количества поселений в районе Белогорского материка не дала ни одна археологическая культура ни до, ни после атлымцев. Экономической основой А. к. стало высокоэффективное рыболовство. Свою роль в повышении производительности атлымской экономики сыграло и широкое внедрение металлических орудий. Естественным следствием возросшего потенциала А. к. явилось расширение её ареала» [Там же]. Е. А. Васильев предполагал две-три волны миграций. На первом этапе – в Зауралье, где при ее участии складывается гамаюнская культура, а на втором этапе – на восток и юго-восток, на Среднюю Обь и в Прииртышье. «Не ранее IX в. до н. э. начинается третий, заключительный этап культуругенеза носителей крестовой керамики. Это период широкой территориальной экспансии атлымцев. По Оби и Иртышу они проникают в южную тайгу и зону лиственных лесов. Во взаимодействии с местным населением, преимущественно андронидным, складываются гибридные культуры, в которых влияние северного компонента постепенно сходит на нет» [Там же].

Эта точка зрения была поддержана большинством исследователей, с незначительными отступлениями [Косарев, 1987, с. 296; Чемякин, 1981; 1996, с. 68; Кокшаров, 2006, с. 54]. Так, А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров после обследования Малоатлымского городища в 1999 г. пришли к выводу о средневековом возрасте оборонительной системы городища и, соответственно, о переотложенном в значительной степени культурном слое памятника и о преувеличенной роли городищ в атлымской культуре [Зыков, Кокшаров, 2000, с. 119–121; Кокшаров 2015, с. 349–350]. Ряд работ посвящен анализу декоративно-морфологических характеристик керамики, в т. ч. орнамента ниже- и среднеобских памятников, в результате чего были намечены локальные и хронологические варианты атлымской посуды второго типа и детализированы миграционные процессы в атлымской среде [Глушков, Захожая, 2000; Рогозинникова, 2003; Рудковский, 2013]. Но авторы ограничились конечными результатами анализа, источники остались неопубликованными.

Существенно возросшая за более чем 40 лет источниковая база, к сожалению, не повлияла на общую характеристику культуры. И тому есть причины. Во-первых, большинство открытых памятников известны лишь по разведкам, часто по сборам с поверхности и не всегда точно атрибутированным. Во-вторых, из раскопанных опубликованы единицы, а иллюстративный материал не всегда позволяет полноценно судить о памятниках. К примеру, из 80–90 сосудов, найденных на Малоатлымском городище – ключевом памятнике, явившемся базовым для выделения культуры, опубликованы лишь 15 первого типа и пять – второго. При этом выяснилось, что культурный слой на этом многослойном памятнике переотложен (но не исключено, что на раскопанном участке частично сохранилась изначальная стратиграфия), а оборонительная система имеет средневековый возраст. Полная публикация памятника так и не появилась.

Знакомство с немногочисленными образцами атлымской керамики из раскопок В. М. Морозова в Нижнем Приобье позволило высказать предположение о широком использовании в орнаментации сосудов оттисков шнура. Им выполнялись те же узоры, что и оттисками гребенчатого штампа (рис., Б).

Сегодня известно чуть более 70 селищ, городищ и местонахождений атлымской культуры (рис., А): 21 в Нижнем Приобье (в основном на Белогорском материке), по два в низовьях Конды и Иртыша, 46 в Сургутском Приобье (в т. ч. три в бассейне Агана). Кроме того, в бассейне Конды открыто не менее 20 поселений и местонахождений, где, судя по отчетам, найдена атлымская или вагильская керамика, часто вместе с лозьвинской. Единичные фрагменты атлымской керамики происходят с четырех памятников в низовье Оби, с ряда поселений красноозерской культуры в Приишимье и Прииртышье. С. И. Рудковский упоминает об атлымской керамике на поселениях эпохи поздней бронзы Васюганья [Рудковский, 2013, с. 268–269]. Но во всех случаях речь идет о древностях со вторым, поздним типом сосудов.

Мне известен только один памятник – Малоатлымское городище, на котором зафиксировано углубление с посудой первого типа и собрана ее представительная коллекция. Во всех остальных случаях такие сосуды единичны и присутствуют как своего рода реликт (?). По ряду признаков (форма, орнаментация) ранний тип атлымской керамики близок нижнеиртышской гребенчато-ямочной (Чилимкинское микрорайона, низовья Конды) и барсовской посуде. При практическом отсутствии памятников с доминирующим первым типом, то есть ранних, трудно говорить как об эволюции культуры, так и о существенных изменениях в хозяйстве и культуре «атлымцев», о скачкообразном росте населения, вызванном высокоэффективным рыболовством и широким внедрением металлических орудий, приведшим к активному расширению их ареала, к крупным миграциям. Из 15 объектов культурного наследия с атлымской керамикой на Белогорском материке (атлымской «прародине») лишь на Мало-

атлымском городище выявлены следы одной постройки. На остальных собраны только небольшие керамические коллекции, свидетельствующие о кратковременных (сезонных) поселениях рыболовов и охотников. Можно ли судить на этом материале о скачкообразном росте населения?

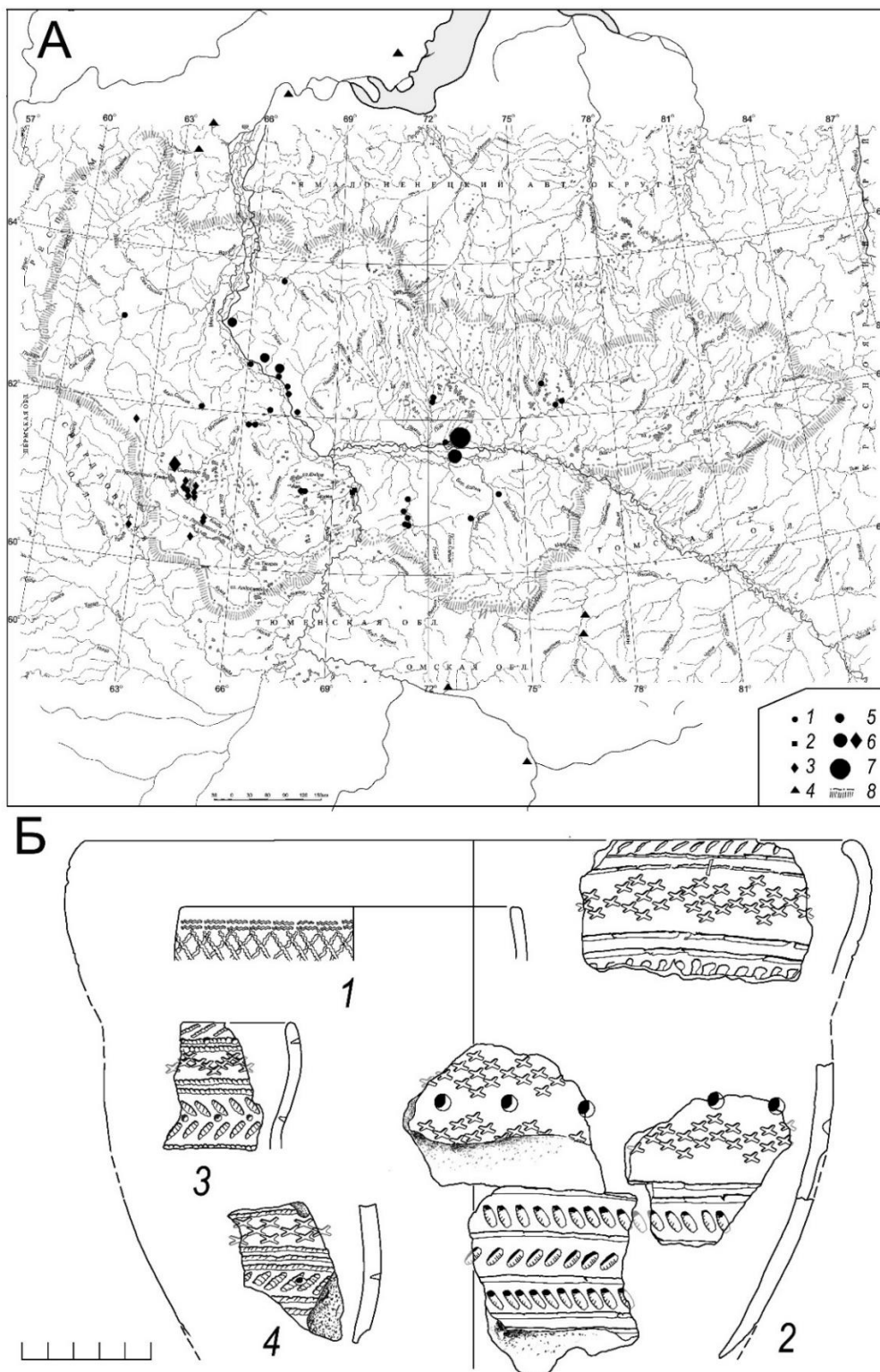

Рис. А – карта распространения памятников атлымской культуры: 1 – поселения и местонахождения; 2 – городища; 3 – атлымские (?) памятники в бассейне р. Конды; 4 – местонахождения атлымской керамики на инокультурных памятниках; 5 – 3–5 памятников; 6 – 8–10 памятников; 7 – 20–23 памятника; 8 – границы ХМАО – Югры. Б – керамика из раскопок В.М. Морозова: 1, 2 – поселение Шеркалы IX; 3, 4 – городище Низямы IV

О домостроительстве, хозяйстве и культуре «атлымцев» на первом этапе практически ничего не известно, поэтому сравнивать культуру второго этапа не с чем.

В этой ситуации снова возникает вопрос об истоках и территории формирования атлымской культуры. Видимо, следует обратить внимание на левобережье Оби, где исследовано Ендырское VIII поселение, в керамическом комплексе которого присутствуют оба типа посуды [Кокшаров, 2007], и на памятники бассейна р. Конды. Как уже указывалось, там известно более 20 поселений и местонахождений, где присутствует крестовая керамика. Исследователи часто затрудняются ответить, какая – атлымская или вагильская. Нередко вместе с ней находится лозьвинская. «По наблюдениям В. А. Борзунова, вагильская керамика имеет столь значительное сходство с частью посуды лозьвинского типа, что они становятся трудноотличимы друг от друга [Борзунов, 1992, с. 90]. Таким образом, намечается еще одна проблема – отсутствие критериев для разграничения вагильских и лозьвинских [добавлю, и ранних атлымских – Ю. Ч.] керамических комплексов в приуральских районах Западной Сибири» [Кокшаров, 2007, с. 60]. В Нижнем Приобье еще известно поселение Лов-Санг-Хум III, небольшой керамический комплекс которого обладает признаками лозьвинской, барсовской и ранней атлымской керамики [Рудковский, 2012, с. 163]. Однако решить проблему генезиса на таком количестве источников нельзя. С большой долей вероятности можно лишь предположить, что он происходил на основе древностей с гребенчато-ямочной керамикой на территории Нижнего Приобья и бассейна р. Конды. Здесь же и в это же время формировались лозьвинская и вагильский вариант гамаюнской культур. Как пишет С. Ф. Кокшаров, «нерешенной и весьма актуальной задачей остается выяснение соотношения нижнеобских лозьвинских памятников и ранних комплексов атлымской культуры, одного из ярчайших образований конца бронзового века Нижнего Приобья. Думается, что проблема генезиса последней будет решена по мере изучения северных территорий» [Алексашенко и др., 2017, с. 110].

А в настоящее время характеристика атлымской культуры на втором или позднем этапе ее существования основана главным образом на памятниках Сургутского Приобья. Здесь выявлено не менее 40 поселений и местонахождений с атлымской керамикой второго типа (по Е. А. Васильеву, 1982). На 24 из них проведены раскопки, на 14 изучены остатки 25 построек разного характера и сохранности (в Нижнем Приобье раскопаны 3–4 постройки, в низовьях Конды – два жилища на двух городищах). С этих памятников происходит представительная коллекция каменных изделий, изготовленных оббивкой и шлифовкой из местных галечников и булыжников (рубящие орудия, абразивы, шлифовальные плитки, грузила (?), песты, молоточки, терочки, наковальни, пила, бруски с желобками у торцов), редкие кремневые орудия (наконечники стрел, скребки, сверло, развертка). О местной цветной металлообработке говорят тигли, капли металла, обломки изделий. Свидетельствами духовной жизни являются культовые отливки с селища Мохтикьёган 8 на Агане [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 50] и обломки фигурки, а также глиняная головка медведя с поселения Сырой Аган 1 (фигурка медведя из цветного металла найдена и в Нижнем Приобье на поселении Шеркалы XIII, а с Малоатлымского городища происходят две глиняные антропоморфные скульптурки). С духовной или социальной сферой можно связать гальку с насечками и наверхие из кварца (?), обнаруженные в атлымских жилищах на Барсовой горе. Возможно, общественной постройкой является крупное жилище 107 на III участке Барсовой горы, где найдено это наверхие (или булава) [Борзунов, 1999, рис. 10; Елькина, 1977, рис. 4 – I].

Специалистами, вслед за Е. А. Васильевым [Васильев, 1982, с. 13–14; 2000], признаются две-три волны миграций атлымского населения из Нижнего Приобья, приведших к сложению на южной окраине мира гребенчато-ямочной керамики, в контактной зоне, ряда синкретических («гибридных») культур, иногда объединяемых в гамаюно-молчановскую общность [Косарев, 1981, с. 181, 193], или общность крестово-ямочной (крестово-струйчато-ямочной) керамики [Косарев, 1987, с. 295–296; Борзунов, 1986; 1992, с. 108, 134–135; Чемякин, 1981, с. 91; 1996]. Из обзора существующих источников закономерно вытекает еще один вопрос: откуда взялось столь многочисленное мигрирующее население, если на атлымской «прародине», кроме Малоатлымского городища, известны только кратковременные (сезонные) стоянки рыбаков и охотников, да и тех немного?

Кажется очевидным, что современное представление об атлымской культуре базируется в значительной мере не на имеющейся источниковой базе, а на гипотетических построениях. Как пишет С. Ф. Кокшаров, «следует обратить внимание на отсутствие исчерпывающей характеристики атлымской культуры. Дефицит надежных археологических источников (раскопанных поселений и могильников) не позволяет перейти к решению главной исследовательской задачи – построению модели атлымского общества. Несмотря на ее отсутствие, археологи, минуя источниковедческий уровень исследования, охотно интерпретируют имеющиеся источники...» [Кокшаров, 2007, с. 61]. Для решения обозначенных вопросов необходимы как новые исследования, в первую очередь в Нижнем Приобье и бассейне р. Конды, так и полные публикации результатов прошлых раскопок.

Библиографический список

- Алексащенко Н. А., Кокшаров С. Ф., Морозов В. М.* Низямы VIII – поселение бронзового века в Нижнем Приобье // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 99–118.
- Борзунов В. А.* Сравнительный анализ зауральской и западносибирских культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986 (Вопросы археологии Урала. Вып. 18). С. 47–63.
- Борзунов В. А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1992. 188 с.
- Борзунов В. А.* Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // Российская археология. 1999. № 4. С. 5–23.
- Васильев Е. А.* Северотажное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1982. С. 3–14.
- Васильев Е. А.* Атлымская культура // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск. 2000. Т. 1. А–И. С. 76–77.
- Глушков И. Г., Захожая Т. М.* Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут: РИЦ СурГПИ. 2000. 200 с.
- Елькина М. В.* Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1977 (Вопросы археологии Урала. Вып. 14). С. 104–118.
- Елькина М. В.* Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1978. С. 71–77.
- Елькина М. В.* О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1981. Вып. 15. С. 109–112.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.* Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. Томск: Изд-во ТГУ. 2000. Вып. I. С. 106–123.
- Кокшаров С. Ф.* Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид. 2006. С. 41–67.
- Кокшаров С. Ф.* Памятник атлымской культуры на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (31). 2007. С. 53–62.
- Кокшаров С. Ф.* Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург. 2015. 425 с.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука. 1981. 279 с.
- Косарев М. Ф.* Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железнному // Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20 тт. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. 1987. С. 289–304.
- Окладников А. П., Молодин В. И., Волков И. А.* Памятник у села Малый Атлым на реке Оби // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 118–125.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО». 2006. 352 с.
- Рогозинникова Ю. В.* Атлымские керамические комплексы Барсовой горы и Нижней Оби: опыт сравнительного анализа // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Матлы Всерос. (с междунар. участием) 43 археол.-этнограф. конф. молодых ученых. Томск: Изд-во ТГУ. 2003. С. 189–191.
- Рудковский С. И.* Особенности периода поздней бронзы в бассейне р. Сыня (по материалам поселения Лов-Санг-Хум III) // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. 2012. № 2 (18). С. 160–165.
- Рудковский С. И.* Региональные и хронологические особенности керамических комплексов атлымской культуры // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. 2013. № 3 (23). С. 266–270.
- Чемякин Ю. П.* Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1981. Вып. 15. С. 87–91.
- Чемякин Ю. П.* Развитие общности с гребенчато-ямочной орнаментальной традицией в западно-сибирской тайге // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Уфа: «Вост. Университет». 1996. Ч. 1. С. 67–69.

Чемакин Ю. П., Коротаев В. П. Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 1976. С. 49–62.

RETURNING TO THE ATLYM CULTURE

Yu. P. Chemyakin

Ural State Pedagogical University. Kosmonavtov str., 26, 620091, Ekaterinburg, Russia
yury-che@yandex.ru

The Atlym culture was identified in the early 1980s by E. A. Vasiliev. It was based on the materials of his own excavations at the Maloatlym settlement and the research of Sverdlovsk archaeologists in the Middle and Lower Ob region. He outlined two stages in the culture development, which corresponded to two types of ceramics. This description was accepted by the majority of archaeologists and entered into regional encyclopedias. With the accumulation of new sources, a number of signs and provisions have ceased to correspond to the existing concept. This concerns the issues of the genesis of culture, economy, population migrations. To solve them, new research is needed, primarily in the Lower Ob and in the Konda basin, as well as complete publications of the past excavations results.

Key words: late Bronze Age, Atlym culture, Lower and Surgut Ob.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПОГРЕБАЛЬНОМУ ОБРЯДУ ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. М. Черных[©]

Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
emch59@mail.ru

Рассматриваются некоторые элементы погребального обряда раннесредневекового населения бассейна р. Чепцы, а именно: захоронения по способу кремации. В прежних исследованиях обряд кремации в поломских могильниках отмечался лишь в единичных случаях. Открытие и изучение нового Балезинского могильника позволяет рассматривать кремации как неотъемлемую характеристику способов обращения с останками умерших соплеменников и как одного из компонентов в генезисе поломской археологической культуры.

Ключевые слова: Камско-Вятское междуречье, р. Чепца, поломская культура, VI–VII вв., грунтовые погребения, кремации.

Поломская археологическая культура в бассейне р. Чепцы была выделена в конце 1950-х годов В. Ф. Генингом, одним из наиболее успешных учеников О. Н. Бадера, а также ярчайшим последователем его как «неутомимого охотника за памятниками и культурами» [Клейн, 2014, с. 326]. Масштабные исследования Удмуртской археологической экспедиции во второй половине XX в. проводились В. Е. Стояновым, В. Ф. Генингом, Г. Т. Кондратьевой (Живаевой), М. Г. Ивановой, А. Г. Ивановым, Н. И. Шутовой. Особенно успешными в 1970–80-е годы следует признать разведки и раскопки В. А. Семенова.

За почти 70 лет изучения поломской культуры ученым удалось предложить ее достаточно полную характеристику, обосновать общую дату V–IX вв. н. э. и этапы развития, выделить признаки-индикаторы. Но вместе с тем остаются не до конца решенными вопросы, связанные прежде всего с этнокультурной историей средневекового населения Удмуртии. Открытие и изучение новых памятников в бассейне Чепцы сулит археологам еще много открытий. Не стал исключением и недавно открытый Балезинский могильник с его явным своеобразием в погребально-поминальной обрядности.

До недавнего времени было известно 8 могильников поломской культуры, бытовавших в диапазоне V–IX вв. (около 1350 погребений). Наиболее ранние комплексы V – первой половины VII вв. были известны только в двух могильниках верхнего течения р. Чепцы – Поломском I и Варнинском (Кезский и Дебесский районы УР). Для захоронений полومцами выбирались невысокие всхолмления или мысы в подошвенной части высоких террас или коренного берега Чепцы [Семенов, 1991, с. 57], вблизи одновременных поселений. Поломские могильники – грунтовые. Лишь в 1994–1996 гг. на крупнейшем Варнинском некрополе (изучено около 700 погребений) были открыты остатки 9 распаханых курганов, датируемых рубежом IV/V – началом V в. н. э. [Иванов, 1999]¹. Захоронения поломской АК совершены в неглубоких ямах прямоугольной формы по обряду трупоположения. В горизонтальном пространстве могильников они располагались рядами. В ориентации погребенных в ранний период господствовал западный вектор, в поздний – они укладывались головой на восток и север. Хоронили в дощатых гробах, колодах, завернутыми в луб или бересту, в сопровождении большого числа украшений, иногда – с оружием и предметами быта. В характеристике погребально-поминальных культов исследователи особо выделяли присутствие в заполнении могил и в межмогильном пространстве костей животных (лошадь, КРС). Случаи кремации умерших отмечались как единичные [Иванов и др., 2004, с. 50].

Выявленный в 2017 г. Балезинский могильник, удаленный от Поломского куста памятников более чем на 40 км вниз по течению Чепцы, демонстрирует черты своеобразия в погребальной сфере, что может быть обусловлено как его ранней хронологической позицией, так и местоположением на западной окраине ареала поломской культуры. Могильник был обнаружен после проверки информации, поступившей от любителя металлодетекторного поиска. Обследование указанного места находок украшений раннеполомского облика показало, что на правом берегу р. Чепцы, вблизи с. Балезино, действительно находится ранее неизвестный некрополь с узким периодом бытования – VI–VII вв. н. э. Предварительно было также установлено, что новый могильник имел, во-первых, совсем не характерную топографическую привязку к ровному участку первой надпойменной террасы, совсем не выраженному

в рельефе. Во-вторых, по сведениям информатора, могильник давно и регулярно посещался «черными копателями», что вызывало опасения за его состояние. В ходе предварительного обследования удалось установить также, что памятнику наносится непоправимый ущерб регулярной распахкой. Нам удалось на время приостановить сельскохозяйственные работы на его территории.

За 5 лет работ на могильнике исследовано раскопками 640 м². Применение геофизических и традиционных археологических методов позволило локализовать границы древнего некрополя, выявить некоторые специфические черты в организации погребального пространства, в погребальном обряде и материальной культуре оставившей его группы. Наши исследования, к сожалению, подтвердили прогноз о сильнейших повреждениях, нанесенных могильнику как в наше время, так и в древности. И тем не менее новый некрополь представляет чрезвычайный интерес в контексте как общей характеристики полумской культуры, так и для решения проблемы ее происхождения.

На вскрытой раскопками площади могильника к настоящему времени изучено 54 погребения, располагавшихся 5–6 рядами, вытянутыми с ЮЗ на СВ. В южной части территории кладбища ряды сильно разрежены, как и погребения внутри рядов. В северной части плотность могил возрастает; меняется ориентировка и рядов, и могил в них. Кроме того, в северо-восточной части изученного погребального поля зафиксированы случаи взаимонарушений могил. Есть вероятность объяснения этого факта особой геоморфологической ситуацией, установленной для этой части территории могильника. Дело в том, что раскопы в южной половине могильника были наложены на визуально фиксируемую в современном рельефе западину, и глубина фиксации могил пришлась на уровень 20–30 см. Это обусловило сильнейшие разрушения древнего погребального поля. Северо-восточные раскопы закладывались на склоне и вершине дюнообразного возвышения террасы, сложенного помимо современного почвенного слоя, разрушенного распахкой, мощным чехлом элювиальных песков, в которых и залегали древние погребения. Они в меньшей степени пострадали от современной деятельности людей. Эти участки древнего некрополя наиболее интересны в понимании особенностей соотношения разных традиций, проявляющихся в обряде и вещевых наборах погребений.

В краткой публикации материалов нового некрополя, характер которого еще не до конца понят нами, нет возможности (да и необходимости) давать детальные статистические выкладки. Относительные цифры в этом случае более показательны. Ими я и буду пользоваться. Итак, рассмотрим категорию погребальных сооружений. Особенности фиксации в песчаном грунте и поздние разрушения не позволяют дать категоричные оценки форме и размерам могильных ям. Чаще всего форма близка прямоугольной, хотя единично известны ямы овальной или неправильной геометрической форм. Столь же редко зафиксировано наличие выступов-ниш и уступов в стенках бalezинских могил. В могильниках полумской культуры ниши очень выразительны и почти всегда использовались для помещения в них даров покойному [Семенов, 1980, с. 11–12; Семенов, 1991, с. 58]. Размеры могильных ям вариативны, но обращает внимание тренд в сторону достаточно крупных: длину более 200 см имела 1/3 часть могил. Если обратиться к статистике, опубликованной В. А. Семеновым, то можно заметить, что очень длинные могилы (211–300 см) встречаются в полумских могильниках довольно часто; они вторые по частоте. Ученый объяснял такое распределение хронологическими причинами (длина увеличивалась от ранних к более поздним погребениям), половозрастной и социальной стратификацией погребенных [Семенов, 1991, с. 61]. В случае Бalezинского могильника, погребения которого датируются в довольно узком интервале, первое объяснение, безусловно, не работает, а второе и третье подтвердить или опровергнуть трудно (во всяком случае пока). Из общей статистики, предложенной В. А. Семеновым для полумских погребений, выбивается и показатель ширины бalezинских могил: для 5 рассмотренных автором могильников абсолютно господствующим показателем ширины являлся интервал 51–70 см [Семенов, 1991, табл. 4]. В Бalezинском некрополе более половины могил имели ширину 90–137 см. Различия между известными могильниками и новым Бalezинским заметны и по показателю глубины могил. В Бalezинском могильнике более 50% могил имели глубину 20–30 см, тогда как в могильниках, рассматривавшихся В. А. Семеновым, 73,5% погребений имели глубину 51–110 см [Семенов, 1991, табл. 5]. Значительные вариации наблюдаются и в ориентации могил: наиболее представлены ССЗ–ЮЮВ, СВ–ЮЗ; реже – В–З. По наблюдениям исследователей полумских могильников, широтная ориентировка была характерной для погребений раннего этапа, на позднем она меняется на северную [Геннинг, 1980, с. 142; Семенов, 1991, с. 62; Иванов и др., 2004, с. 50].

В категории «останки погребенного», даже с учетом плохой сохранности костей в песчаном грунте Бalezинского могильника, безусловно, очень заметной является доля захоронений, в которых проявляются признаки полных и частичных кремаций. На настоящий момент они составляют более

70%. Остатки кремирования умерших ссыпались в могильную яму без особого порядка; кальцинированные кости рассеяны на дне и по всей засыпке могилы, но наблюдаются и случаи их кучного размещения, в том числе вместе с остатками погребального костра (угли и зола). При частичных кремациях скопления кальцинированных костей сочетались либо с обожженными костями (кости черепа, трубчатые кости, неопределенные фрагменты), либо с находками зубов.

Способы кремации пока не получили детальной исследовательской оценки специалистов, но предварительно можно говорить о сожжении на стороне с последующим переносом остатков для захоронения в яме. Можно пока говорить о заметной вариативности размеров фрагментов кальцинированных костей – от очень мелких (3–5 мм) до достаточно крупных – 30–40 мм. Столь же значительно варьируются навески костей – 4–40 г из одного погребения. Конечно, нельзя не принимать во внимание степень разрушения могил еще в древности, что влекло за собой переотложенность могильного грунта, а также факт, отмеченный М. В. Добровольской (ИА РАН) при предварительном ознакомлении с костным материалом, а именно: присутствие в нем как костей человека, так и животных.

Пока с осторожностью можно говорить, что в случаях с частичными кремациями кальцинированные кости и зубы умершего чаще встречаются в южном сегменте могильной ямы (пп. 22, 24, 28), что вызывает некоторые реминисценции с вятскими материалами [Лещинская, 2014, с. 21]. В погребениях с женскими головными уборами, зафиксированными *in situ*, последние обнаружены, напротив, в северной и восточной половине ямы (пп. 54, 30). Эти наблюдения дополнительно свидетельствуют о вариативности погребальных традиций в некрополе.

Инвентарь захоронений демонстрирует значительное разнообразие и выразительность. Показательно, что в раскопе 2018 г. (наиболее разрушенная часть могильника) количество находок в слое разрушения превосходило этот показатель в погребениях более чем в 10 (!) раз. Заметим попутно, что среди добычи «черных копателей», что была нам продемонстрирована, было немало серебряных вещей, тогда как за 5 лет раскопок могильника ни в одном из погребений такие вещи обнаружены не были.

Количество и состав находок в погребениях различались. Но инвентарь был во всех могилах, за исключением п. 10. Наиболее часто в составе инвентаря присутствовали бусы (63% от всех погребений), металлические украшения женского костюма (44%), детали поясной гарнитуры (38%); представительна и очень выразительна зооморфная пластика, выполненная в различных стилевых традициях. 21% погребений содержали в своем составе предметы кольчужного плетения из железа (т. н. наконечники?). Реже встречаются железные ножи, бронзовые детали ножен, предметы вооружения (наконечники копий, дротиков, стрелы), детали конского снаряжения (удила). Ярким элементом погребального обряда можно считать дарственные наборы (или жертвенные комплексы), включавшие женские украшения. В трех случаях (пп. 15, 47) они были уложены в берестяные емкости (шкатулки / коробочки?) или завернуты в ткань. Оружейный «заклад» в п. 7 (дротик и нож) был закопан в небольшой ямке на дне могильной ямы. Все найденные на могильнике керамические сосуды обнаружены вне могил, стоявшими рядом с погребением. Остатков ритуальной пищи в них, как об этом писал В. А. Семенов, характеризую погребальный обряд поломских могильников [Семенов, 1991, с. 67], обнаружено не было. Химический состав содержимого, выполненный А. С. Якимовым (Институт криосферы Земли ТюмНЦ СО РАН) для 2-х сосудов, показал, что в них находилась какая-то жидкая пища (или напитки). Что характерно, все собранные сосуды украшены крупногребенчатым штампом.

Ритуальные остатки, среди которых, прежде всего, кости и зубы животных как следы жертвенных и поминальных тризн, представляют исключительный интерес для характеристики погребально-поминальных обрядов поломского населения. Так, зубы лошадей встречены в засыпке 7 могил (12%). Зубы и кости животных вообще являлись довольно частой находкой на площади могильника, как между могил, так и за пределами погребального пространства. Периметр последнего был определенно ограничен крупными ямами с углисто-зольным слоем, заполненными костями животных. В одной из таких ям (№ 4) зафиксирована регулярная кладка из конских челюстей. В двух ямах найдены глиняные пряслица, в одной – железное кресало. Такой состав находок в ямах определенно свидетельствует в пользу значимости огненных ритуалов при совершении погребальных обрядов на Бализинском могильнике.

Выразительные признаки культа огня в погребальной практике поломского населения встречены впервые. Как объяснить его появление в середине I тыс. н. э. на Чепце? По мнению исследователей поломской культуры, бассейн реки заселялся постепенно, путем многократной инфильтрации сюда групп различного происхождения, о чем не раз писали удмуртские ученые [Генинг, 1980, с. 142–147;

Голдина, 1987, с. 18–19; Семенов, 1989; Иванов, 1999, с. 36; Иванов, 2004, с. 52]. Бalezинский могильник, с его довольно узким хронологическим диапазоном, при условии полного и детального исследования, позволяет вновь вернуться к проблеме начального этапа заселения бассейна р. Чепцы на грани древности и средневековья, взаимодействия разных по происхождению и исходной территории миграционных потоков, и способен приоткрыть для археологов очередную загадочную страницу в истории Камско-Вятского междуречья.

Примечание

¹ Раскопки на Варнинском могильнике возобновлены в 2021 г. под руководством Т. М. Сабировой (УдмФИЦ УрО РАН).

Библиографический список

- Генинг В. Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н. э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 136–151.
- Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 6–36.
- Иванов А. Г. Новые данные по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 6–52.
- Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., ШUTOва Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 274 с.
- Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб: Евразия, 2014. 640 с.
- Лецинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИ КВАЭ. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.
- Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.
- Семенов В. А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 20–33.
- Семенов В. А. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С. 56–75.

NEW FACTS ON MORTUARY RITES OF THE POLOMSKOE CULTURE

E. M. Chernykh

Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russia
emch59@mail.ru

The article concerns certain elements of mortuary rites of the early medieval population in the River Chepts basin, focusing on cremation burials. In previous studies, only some sporadic cases of cremation rituals in Polomskaya burial sites were noted. The discovery and study of new burial site of Balezino gives an opportunity to consider cremation as an essential characteristic of ways to handle the remains of deceased fellow tribesmen, and as one of the components in the genesis of the Polomskaya archaeological culture.

Key words: Kama-Vyatka interfluvium, Chepts river, Polomskaya culture, 6th–7th centuries, flat graves, cremation.

БЫК ИЛЬ НЕ БЫК? К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ПЕТРОГЛИФОВ СВАТИЛИЩА «КАМЕННАЯ МОГИЛА»

А. А. Чубур ©

Брянский государственный университет, 241035, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14
fennecfox66@gmail.com

В. С. Майстренко

Брянский государственный университет, 241035, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14
leramajstrenko150@gmail.com

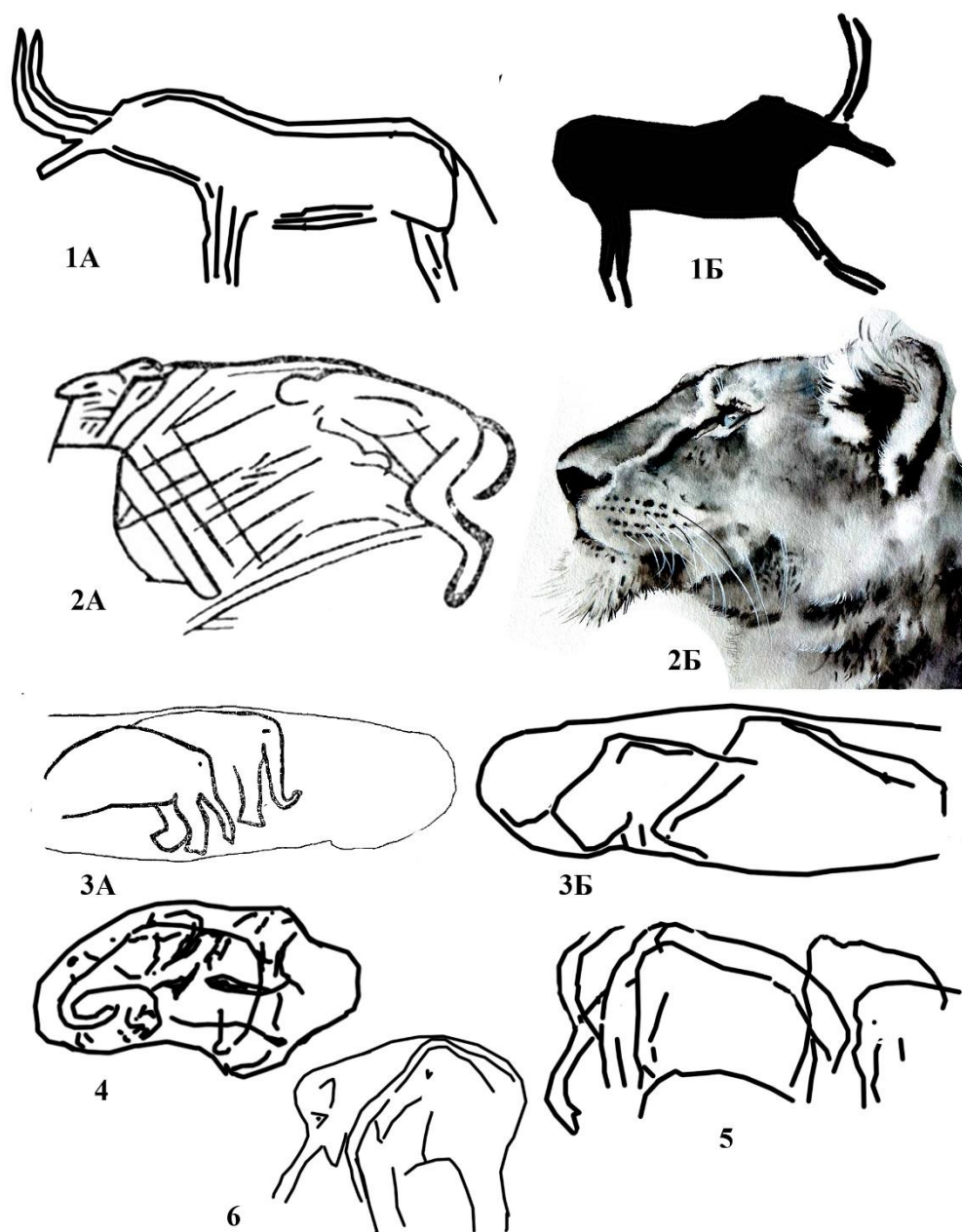
Рассмотрены дискуссионные зооморфные изображения из гротов святилища Каменная Могила в Приазовье. Бык / Мамонт из Грота Быка / Мамонта по особенностям экстерьера (строения тела) и по весьма близким стилистическим художественным аналогиям в петроглифах Тамгалы в Казахстане определен именно как бык, датирующийся средним / поздним бронзовым веком. Выделенные ранее исследователями Каменной Могила другие изображения мамонта также не все являются таковыми. Однако реальные изображения мамонтов, на взгляд авторов, имеются на нескольких каменных плитках из Грота Колдуна и из Грота Чуринги (стилистически близки к гравировкам мадлена).

Ключевые слова: Каменная Могила, петроглифы, мамонт, бык, пещерный лев, верхний палеолит, бронзовый век, хронология.

Недалеко от Мелитополя расположен археологический комплекс Каменная Могила – живописный холм, состоящий из гигантских глыб песчаника (площадь около 3 га, высота – до 12 м над долиной р. Молочной). Массив сформировался в мелководном Сарматском море около 20 миллионов лет назад [Баранов, 2010]. В многочисленных гротах и под скальными навесами открыты группы петроглифов: изображения животных, людей, разнообразные геометрические композиции. Судя по всему, холм использовался в качестве древнего святилища в течение ряда эпох, несколько разновременных пластов уникальных для территории Украины и Восточной Европы в целом петроглифов [Историко-культурни..., 2011, с. 201–244]. Вблизи выявлены многослойные поселения, охватывающие период от позднего палеолита до средневековья [Телегин, 1990; Котова и др., 2017]. Каменную Могила, впервые упомянутую в дневниках доктора медицины Иоганна Якоба Лерхе в 1739 г. [Тарасенко, 2019], исследовали известные ученые: Н. И. Веселовский, В. Н. Даниленко, О. Н. Бадер, М. Я. Рудынский, Д. Я. Телегин, Б. Д. Михайлов, оставившие свои трактовки древнего святилища и его элементов, часто дискуссионные по сей день.

Наше небольшое исследование – дань памяти выдающегося археолога О. Н. Бадера, отдавшего 1936–1940 гг. изучению Каменной Могила и лишенного сталинской властью возможности продолжить эти полевые работы. Оно посвящено одному аспекту дискуссии: трактовке и, соответственно, датировке некоторых зооморфных сюжетов Каменной Могила. В частности, речь пойдет о быках и мамонтах. Б. Д. Михайлов указывал, что «в изучении петроглифов Каменной Могила важно правильно распознать и соотнести рисунки с тем или иным видом животного...» [Михайлов, 2005, с. 34]. Этим и займемся. В ряде монографий, посвященных первобытной графике (в том числе зооморфным изображениям палеолита), изображения Каменной Могила обойдены стороной [Фролов, 1992; Абрамова, 2005], возможно, потому, что их авторам палеолитическая датировка части изображений казалась крайне экзотической. Действительно, значительная часть изображений, связываемых с палеолитом, датируется иначе.

Начнем с самого известного изображения (Рис., 1А). Практически с момента открытия О. Н. Бадером [Бадер, 1949, с. 310], возникли разночтения в трактовке изображения в гроте № 9, из-за чего разные археологи даже называли его по-разному: Грот Мамонта или Грот Быка. От этого зависела и датировка: мамонт – палеолит [Бадер, 1974; Даниленко, 1986, с. 54], бык – энеолит, бронзовый век [Земляков, 1939; Рудинский, 1961, с. 46–47; Михайлов, 2006, с. 58–61]. Рога или бивни? Голова или хобот?

Как археологи авторы тоже по-гамлетовски сомневались бы: «Бык или не бык, вот в чем вопрос...» Но поскольку один из нас также профессиональный биолог, мы утверждаем: в Гро́те Быка изображен бык. Обращает на себя внимание экстерьер животного: мощная, но при этом заметно вытянутая шея, большие, тяжелые рога, тонкие, характерные для копытного ноги – мамонта такие не удержат. Морда, безусловно, стилизована и схематична, сведена к толстой линии. Тело удлиненное, тогда как у мамонта пропорции тела, напротив, существенно укорочены (а шея вообще одна из самых коротких у хоботных: с длинной шеей бивни на огромной голове, отягощенной хоботом, не удержать). Хобот мамонта длинный и мощный, это не «хоботок выхухоли» – если уж продолжать пытаться видеть хобот в стилизованной бычьей морде. Собственно, на то, что изображен бык, указывал еще Б. Ф. Земляков, предположивший, что «хобот» – это ухо наклоненной и повернутой бычьей головы [Земляков, 1939], но и голову быку поворачивать не требуется: имеются совершенно прямые стилистические аналогии. Взглянем на быков с петроглифов Тамгалы в Казахстане к западу от Алматы [Максимова и др., 1985; Рогожинский, 2011; Petroglyphs, 2003, App.2: 35, 37, 39, 49]. Те же огромные рога, напоминающие

бивни, тот же экстерьер, и та же стилизованная вытянутая морда (Рис., 1Б). Ощущение, что быка Каменной Могилы и быков Тамгалы наносили на камни по единому канону. Святилище в Тамгалы относится к андроновской культурной общности и датируется поздним бронзовым веком. Вероятно, бык из Грота Быка синхронен, будучи связан с белозеровской культурой, ее керамика и орудия в гроте присутствуют. Стилистическое сходство почти до идентичности изображений Тамаглы и Грота Быка указывает не просто на кросскультурные связи, а на общее культурное пространство степной зоны Евразии в конце среднего – позднем бронзовом веке. Стилистически очень близкие быки, также объявленные мамонтами, позднее были открыты в Гроте Колдуна [Даниленко, 1986, Рис. 41: 4] – это тоже эпоха бронзы, а не палеолит.

Сравнительно-экстерьерный метод – узловый при выяснении вида изображенных животных. И если для эпох голоцена порой характерна стилизация при сохранении ключевых черт экстерьера, то в основе художественного творчества эпохи верхнего палеолита «лежит глубокое знание форм животных» [Breuil, 1952, p. 22]. Сравнительно-экстерьерный и сравнительно-стилистический методы, примененные для уточнения видовой и хронологической принадлежности одного из центральных образов в Гроте Быка мы используем и для анализа изображений, причисленных исследователями Каменной Могилы к образам мамонта. Их, как аргумент палеолитического возраста части петроглифов, искали не только в Гроте Быка.

В. Н. Даниленко в 1973 г. открыл и исследовал Грот Колдуна. Здесь он счел изображением убитого мамонтенка некий объект, вокруг которого расположены женские и мужские антропоморфные фигурки шаманов или духов с бубнами в руках и ветвистыми рожками на головах. Но есть ли мамоненок в нагромождениях линий? С тем же успехом это «ёжик – ни головы, ни ножек», всё зависит от степени воображения и направления взгляда. Можно увидеть даже более крупную антропоморфную фигуру в профиль, но так ли это? Апофения – коварное свойство нашего мозга, часто мы при богатстве вариантов, даруемом относительно хаотичными линиями, видим именно то, что желаем увидеть.

Есть здесь иной сюжет с интересной интерпретацией: сам «колдун» со свода грота. В. Н. Даниленко отметил, что фигура человека вписана в контур зверя, не оговарив видовую принадлежность [Даниленко, 1986, с. 81]. Этот зверь – пещерный лев с характерной угловатой мордой с выраженным подбородком, читается глаз, ухо, нос и даже вибриссы (Рис., 2А, 2Б). Фигура «колдуна» вписана в заднюю часть тела льва. Человеческая нога одновременно предстает и задней конечностью кошачьего хищника, потому стопа художником преднамеренно удлинена. Есть тонкий длинный хвост, типичный для кошачьих. Колдун – оборотень, зоантропоморф, человеколев, а не носитель многоликой маски птицы-медведя-льва-олени по Б. Д. Михайлову [Михайлов, 2003, с. 42]. Зоантропоморфизм – одна из характерных черт искусства палеолита [Абрамова, 2005] и один из глубинных архетипов сознания [Чубур, 2009]. Образ человеко-льва представлен в искусстве палеолита, наиболее известна фигура из Холенштайна. Нами предложена трактовка этого мифологического образа как «неусыпного стража» [Чубур, 2018]. Фигура пещерного льва как такового достаточно ясно читается на второй группе изображений из «скинии» в Гроте Колдуна [Даниленко, 1986, Рис. 42: 8]. Еще одно изображение, трактуемое как «пещерный лев» [Даниленко, 1986, с. 90, Рис. 41: 2–3] его черт не имеет. Это лошадь с гривой, вздыбленным хвостом и вытянутой мордой. Но оставим львов, вернемся к мамонтам.

Другая композиция в Гроте Колдуна, в центре которой В. Н. Даниленко тоже видел тушу убитого мамонта [Даниленко 1986, с. 81] с учетом контекста, экстерьера и масштабов вонзенного в бок копыя и лежащих рядом туш оленя и, вероятно, кабана демонстрирует скорее мертвого бизона, уткнувшегося мордой в землю меж передних лап. Рога, горб над венечными отростками грудных позвонков изображены лаконично, но ясно. Еще один бизон или сайгак стоит поодаль. Заметим, что в искусстве палеолита нет традиции изображать убитых мамонтов [Абрамова, 2006]. У многих наскальных изображений, претендующих по В. Н. Даниленко на образ мамонта, отсутствует даже намек на хобот, а «бивни», при их наличии, больше напоминают именно рога бизонов. Оно и понятно – Каменная Могила расположена в ареале хозяйственно-культурного типа охотников на бизона [Сапожников, 2014]. Мамонт, в позднем палеолите здесь практически не обитавший, оказывается не столь обязательным элементом для обоснования древней датировки ряда петроглифов.

Нагромождение «макарон» в группе фигур в Гроте Бизона (грот № 36-б) Б. Д. Михайлов тоже трактует как мамонта, считая, что композиция включает также птиц и змей, тем самым отражая три уровня древней космогонии [Михайлов, 2006, с. 31] (вспоминаются пресловутые «мамонт, орёл и черепаха» с Малой Сыи). Читается ясно лишь возможный контур лошади (?), в космогонии не участвующей. Остальное – вновь «тест Роршаха». Выделенный Б. Д. Михайловым «мамонт с большим хоботом»

из Грота Козы (грот № 60) также не отражает характерных черт животного и не находит стилистических аналогий: в искусстве палеолита мы не знаем изображений мамонтов вполоборота, с непропорционально большим и толстым хоботом и тонкими ножками, как подал животное на прорисовке исследователь. На деле это вновь «макароны»: 8–9 субпараллельных линий.

Однако немногочисленные изображения мамонтов в Каменной Могиле всё же есть, но не на сводах, а на некоторых плитках песчаника, найденных при раскопках на полу Грота Колдуна и Грота Чуриинги. Возможно, часть обвалилась со свода, что может быть свидетельством их большей древности. Гравировки мамонтов представляют собой наложение изображений и густого хаотичного сплетения линий, как и на многих мадленских гравировках на плитках известняка, сланца, песчаника. Сразу скажем: и на плитках не все изображения, связываемые их исследователями с мамонтом, можно считать таковыми. Так, на плитке № 38 [Даниленко, 1986, Рис. 47] изображено рогатое парнокопытное (сайга?): у мамонта рогов нет, а ноги не столь длинные. На плитке № 310 [Даниленко, 1986, Рис. 56] изображение тоже неясно: то, что на прорисовке подано как бивни и голова – это задние ноги и живот развернутого перпендикулярно зверя (медведя?), хотя и последний с трудом и сомнением читается в хаосе нарезок.

Начнем с ясно читаемой гравировки: на плитке № 292 [Даниленко, 1986, Рис. 48] мамоненок-подросток (левый профиль), ясно обозначены закрученный хобот, короткие бивни, голова. Тело скорее намечено (Рис., 4). Это стиль III (мадлен I–II, 17–13 тыс. л. н.) по А. Леруа-Гурану: линия спины-головы животных синусоидальная, но имеется детализация, а корпус изображается грузным и удлинённым, ноги укорочены [Leroi-Gouran, 1995]. В нем выполнены и остальные рассмотренные далее изображения. Большая их часть – групповые, в технике редуцирования, когда облик животного на переднем плане детализован, а удаленные особи стада поданы в виде контуров спин и голов.

Западное продолжение Грота Быка – Грот Чуриинги – принесло плитку № 222 [Даниленко, 1986, Рис. 89] с двусторонним изображением. С каждой стороны в линейно-геометрическом заполнении прорезаны профили пар мамонтов, в полном согласии со взглядом В. Н. Даниленко: в одном случае это угловатые контуры двух взрослых особей с покатыми спинами, изогнутыми хоботами, бугристой головой и намеченными бивнями (левый профиль) (Рис., 3Б), во втором – два мамонтенка без бивней, с более ровными спинами (правый профиль) (Рис., 3А). Наложение на первый рисунок весьма произвольно «извлеченной» из хаотичного заполнения профиля женской фигуры с рогами не подтверждается. На плитке № 339 из Грота Колдуна [Даниленко, 1986, Рис. 58] достаточно отчетливо читаются минимум три характерных контура головы и горбатой спины мамонта (левый профиль) с некоторым смещением, у особи на переднем плане переданы глаз и небольшое ухо. Позади – голова еще одной особи с хоботом и глазом (Рис., 5). Наконец, плитка № 318 из Грота Колдуна [Даниленко, 1986, Рис. 57] несет изображение мамонтенка (левый профиль) без бивней, с характерным выпуклым лбом, хоботом, глазом, приоткрытым ртом, небольшим ухом. На заднюю часть фигуры наложена голова второго мамонтенка с треугольным ростром нижней челюсти, вытянутым хоботом и глазом (Рис., 6).

Итак, изображения мамонта, как нам представляется по результатам ревизии данных, в Каменной Могиле присутствуют, в чем и был убежден О. Н. Бадер, хотя и в меньшем числе, чем представлялось исследователям комплекса. Есть и иные свидетельства вероятного палеолитического возраста части петроглифов. Но в части мамонта встает иная проблема – биогеографическая: Каменная Могила лежит далеко к югу от основного ареала шерстистого мамонта в верхнем палеолите. В низовьях Днепра и Приазовье обитали стада бизонов и табуны лошадей, люди охотились в основном на бизонов (Амвросиевка, Анетовка, Аккаржа, Каменная Балка). Но кто, когда и почему в таком случае процарапал реалистичные, явно сделанные очевидцами, контуры и образы мамонтов и мамонят на плитках сарматского песчаника в приазовской степи?

В Приазовье пока нет свидетельств даже кратковременного пребывания мадленских и эпиграветтских охотников на мамонта. Зато на их стоянках в бассейне среднего и верхнего Днепра имеются многочисленные свидетельства визитов в Приазовье. Это морские раковины, за которыми приходилось совершать дальние «экспедиции» и которые, возможно, в Поднепровье служили не только украшениями, но и эквивалентом при межобщинном обмене, будучи часто собранными в ожерелья [Чубур, 2011]. Внимание участников таких экспедиций, двигавшихся к морю по просторам Днепровского левобережья, мог привлечь удивительный массив сарматских песчаников с гротами, ставший сакральным объектом. Ритуальная сторона изображений мамонта нуждается в отдельном рассмотрении.

Библиографический список

Абрамова З. А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2005. 353 с.

- Бадер О. Н.* Древние изображения на потолках гротов в Приазовье // Палеолит и неолит. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 2. М.: АН СССР, 1941. С. 126–139.
- Бадер О. М.* Петроглифы Кам'яної Могили // Палеоліт і неоліт України. Т. I. Вип. VI. Київ : АН УССР, 1949. С. 297–332.
- Бадер О. Н.* Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. № 31. С. 174–180.
- Бадер О. Н.* Об изображении мамонта с Каменной Могилой // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1974. С. 26–32.
- Баранов В. А.* Определение стадий катагенеза и формирование песчаников в диагенезе на примере геологического памятника Каменная Могила // Збірник наукових праць Інституту геологічних наук НАН України. 2010. Вип. 3. С. 239–247.
- Даниленко В. М.* Приазовська експедиція 1947 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. 1952. Вип. 4, С. 67–69.
- Даниленко В. М.* Кам'яна Могила. Київ: Наукова думка, 1986. 152 с.
- Земляков Б. Ф.* Об изображении мамонта из «мамонтова грота» Каменной Могилы на Мелитопольщине // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1939. № 2. С. 33–35.
- Історико-культурні заповідники. Київ: Деснянська правда, 2011. 292 с.
- Котова Н., Тубольцев О., Киосак Д., Спицына Л., Махортых С., Тиннер В., Нильсен Э., Джос В.* Предварительные итоги раскопок многослойного поселения Каменная Могила 1 (2011–2012 гг.) // Археология и палеоэкология степной Украины. Киев: Наукова думка, 2017. С. 19–50.
- Максимова А. Р., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 144 с.
- Михайлов Б. Д.* Петроглифы Кам'яної Могили: Семантика. Хронологія. Інтерпретація. Київ: МАУП, 2005. 296 с.
- Михайлов Б. Д.* Каменная Могила – подземный Эрмитаж Приазовья. 2-е изд., доп. Киев: Такі справи, 2006. 160 с.
- Рогожинский А. Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011. 342 с.
- Рудинський М. Я.* Кам'яна Могила (корпус наскельних рисунків). Київ: АН УССР, 1961. 172 с.
- Сапожников И. В.* Степная природно-хозяйственная область Восточной Европы в позднем палеолите // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 1. С. 69–109.
- Тарасенко Е. Н.* И. Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. Нижневартовск: Нижневартовский ГУ, 2019. 117 с.
- Телегин Д. Я.* Новые раскопки поселения Каменная могила в Приазовье // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1990. С. 31–33.
- Фролов Б. А.* Первобытная графика Европы. М.: Наука, 1992. 200 с.
- Чубур А. А.* Furry-art: от цифровой графики до сводов пещер. Попытка осмысления // Вестник Брянского государственного университета. 2009. №2. С. 78–85.
- Чубур А. А.* Обмен в позднем палеолите бассейна Десны // В мире научных открытий (гуманитарные и общественные науки). 2011. № 4. С. 11–15.
- Чубур А. А.* Три очерка о зооморфных образах из Авдеево: «мамонты-оборотни, мамонты-мишени», «неусыпный страж» и «лошадь без головы» // Материалы и исследования по археологии Днепропровского Левобережья. Вып. 5. Междуречье Днестра и Дона: пересечение культур. Курск: ИП Бескровный, 2018. С. 19–37.
- Breuil H.* Quatre cents siecles d'art parietal. Montignac. S. 1. 1952. 413 p.
- Leroi-Gouran A.* Préhistoire de l'art occidental. Nouvelle édition revue et augmentée par Brigitte et Gilles Delluc. Préface de Yves Coppens. Paris, 1995. 623 p.
- Petroglyphs within the archaeological landscape of Tamgaly. № 1145. UNESCO, 2003. 393 p.

A BULL OR NOT A BULL? TO THE QUESTION OF THE INTERPRETATION AND DATING OF SOME PETROGLYPHS OF THE SANCTUARY «KAMYANA MOHYLA»

A. A. Chubur

Bryansk State University, Bezhitskaya str., 14, 241035, Bryasnsk, Russia
fennecfox66@gmail.com

V. S. Maistrenko

Bryansk State University, Bezhitskaya str., 14, 241035, Bryasnsk, Russia
leramajstrenko150@gmail.com

Discussion zoomorphic images from the grottos of the sanctuary of the Kamyana Mohyla in the Azov region are considered. The bull / mammoth from the grotto of the bull / mammoth according to the features of the exterior (body structure) and by very close stylistic artistic analogies in the Petroglyphs of Tamgala in Kazakhstan is determined precisely as the bull dating from the average / late bronze age. Other images of mammoths of the Kamyana Mohyla, which were selected previously by researchers of the stone grave, are also not everyone is such. However, the real images of the mammoths, in the opinion of the authors, are available on several stone tiles from the Grotto of the Sorcerer and from the Grotto of Churinga (stylistically close to Magdalen engraving).

Key words: Kamyana Mohyla, petroglyphs, mammoth, bull, cave lion, upper paleolithic, bronze age, chronology.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ КРЕМНЕВОГО КОМПЛЕКСА ИЗ РАСКОПОК 1996 И 1998 ГОДОВ ЖЕРТВЕННОГО МЕСТА У КАМНЯ ПИСАНЫЙ НА Р. ВИШЕРЕ

Э. В. Чурилов[©]

Пермский краеведческий музей, 614000, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 15
edvchur@yandex.ru

В статье рассматриваются материалы крупного кремневого комплекса из раскопок 1996 и 1998 гг. – жертвенного места у камня Писаный на р. Вишере. Ранее исследователи относили данный комплекс к неолиту. На основе анализа сделан вывод, что рассматриваемые материалы могут быть отнесены к периоду раннего железного века. Высказывается также предположение, что данный памятник мог начать функционировать в качестве святилища в период энеолита.

Ключевые слова: река Вишера, камень Писаный, кремневый комплекс, неолит, энеолит, ранний железный век, начало функционирования святилища, обрядовая практика.

Памятник, расположенный на площадке под наскальными изображениями камня Писаного, известен давно и исследовался неоднократно. В 2024 году исполнится 70 лет с момента публикации О. Н. Бадером материалов первого обширного исследования, проведенного на этом памятнике отрядом Камской археологической экспедиции Пермского (тогда Молотовского) университета [Бадер, 1954, с. 241–258]. В этой работе были предложены первые датировки комплексов предметов, изученных в ходе раскопок, и предложена интерпретация памятника как святилища («жертвенного места»), функционирующего с периода позднего неолита (т. н. «левшинского этапа» камского неолита).

Следующие крупные исследования, в ходе которых почти полностью была изучена площадка памятника, проводились в 1996 и 1998 гг. отрядом Камской археологической экспедиции Пермского университета под руководством А. Ф. Мельничука. Результаты исследования и предварительная интерпретация материалов, полученных в ходе него, впервые были опубликованы в виде тезисов в 2001 году [Мельничук и др., 2001, с. 51]. В публикации 2001 года среди прочего было предложено датировать исследованное в 1998 г. самое большое скопление бесформенных кусков кремня и немногочисленных каменных изделий периодом неолита и считать это время, вслед за предположением О. Н. Бадера, началом функционирования памятника в качестве святилища.

Во всех следующих публикациях, посвященных Писанному Камню, предложенная датировка самого крупного скопления кремня не подвергалась какому-либо анализу, а просто была принята как данность.

Однако при более внимательном рассмотрении материалов Писаного Камня определенные моменты не позволяют полностью согласиться с некоторыми положениями, предложенными выше указанными публикациями. И наиболее спорными из исследованного в 1998 г. (частично в 1996 г.) нам представляются датировка крупного скопления бесформенных кусков кремня и немногочисленных каменных изделий периодом неолита, а также начало функционирования памятника в качестве святилища с этого периода.

Скопление было выявлено на наиболее возвышенной части памятника и относится к овальной яме глубиной до 60 см. Часть находок располагалась вокруг ямы, а большая часть бесформенных кусков темно-серого кремня («иногда с чешуйчатой подтекой на конце», что необходимо отметить особо) заполняла собственно яму [Мельничук и др., 2001, с. 51]. В раскопе также было найдено несколько мелких неорнаментированных фрагментов керамики с примесью песка и шамота, что и послужило основанием для отнесения всего каменного комплекса крупного скопления, исследованного в 1998 г. (частично в 1996 г.) к периоду позднего неолита [Майстренко и др., 2011, с. 408; Майстренко и др., 2012, с. 103]. При этом связь каменного инвентаря с этими фрагментами керамики фактически декларировалась, но при этом приводилась отсылка к работе О. Н. Бадера, а именно к тому факту, что в ходе работ 1949 года также было найдено 3 фрагмента (орнаментированных) неолитической керамики, относительно которой авторами публикаций о раскопках 1996 и 1998 г. ошибочно сообщалось, что они были найдены «вместе с представительным кремневым комплексом» [Майстренко и др., 2011, с. 408; Майстренко и др., 2012, с. 103], либо ему (комплексу керамики) «сопутствовал каменный инвентарь со

значительным числом узких ножевидных пластин» [Денисов и др., 2013, с. 67]. В данном случае отсылки к публикации О. Н. Бадера приведены не вполне корректно и приводят к ошибочному впечатлению, что неолитическая керамика в раскопках 1949 г. залегала единым комплексом с кремневым материалом. Но это совсем не так.

Остановимся подробнее на публикации О. Н. Бадера о работах на Писаном Камне, проведенных его отрядом в 1949 г.

В публикации 1954 г. О. Н. Бадер отмечает, что находки разных периодов (от неолита до родоновской культуры) в культурном слое смешаны, а условия «залегания находок ничего не дают для установления их датировки и культурной принадлежности» [Бадер, 1954, с. 247]. То есть никакого «сопутствующего каменного инвентаря» с керамикой периода неолита в слое не было, а было смешение разновременных предметов. Три орнаментированных фрагмента керамики позднего неолита (один из которых является фрагментом сосуда т. н. «левшинского типа») были О. Н. Бадером связаны с кремневыми ножевидными пластинами («около трех десятков тонких, отлично ограненных, преимущественно мелких», «из пестрого кремня светлых тонов» (*курсив мой* – Э. Ч.) и несколькими нуклеусами (в публикации упоминаются два нуклеуса из светлого кремня, отнесенные О. Н. Бадером к неолиту, однако в коллекции № 78 раскопок 1949 г. (хранится в кабинете археологии КАЭ ПГНИУ) имеется нуклеус из такого же кремня, не вошедший в публикацию 1954 г.) «с наибольшей вероятностью» [Бадер, 1954, с. 247]. То есть исследователь связывал керамику с кремневыми пластинами и несколькими нуклеусами только «с наибольшей вероятностью», а не по той причине, что в слое они составляли единый комплекс.

О. Н. Бадер работал в период, когда только были получены первые материалы по археологии Пермского Прикамья, и пытался выстроить схемы для материалов разного периода. Когда он обдумывал периодизацию и содержание камского неолита, материалов было крайне мало, тем более по отдельным типам предметов и их соотношению друг с другом. Особенно проблемным был (и остается) вопрос о соотношении каменных индустрий и керамики «левшинского типа», которая на тот период была известна только по материалам разрушенного и крайне смешанного многослойного памятника «стоянка у станции Левшино» [Чурилов, 2011, с. 63–64]. Не имея прочных оснований связать левшинский тип керамики с каким-либо комплексом, но верно определив поздний характер данного типа керамики, О. Н. Бадер связал его с развитой индустрией микролитической обработки кремня, как, по тогдашним представлениям, самыми технологически совершенными, а следовательно, наиболее поздними. Так как источниковая база по позднему камскому неолиту даже к концу 1970-х годов не расширилась, исследователь не смог разработать другой схемы и даже в последней (изданной посмертно в 1981 г.) своей работе по данному вопросу «Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового века Урала» по-прежнему считал, что левшинская керамика является атрибутом неких комплексов, выражающих «левшинский этап» камского неолита [Бадер, 1981, с. 44–48]. К сожалению, ни во времена О. Н. Бадера, ни сегодня нет никакой возможности четко связать левшинский тип керамики с какой-либо технологией обработки камня [Чурилов, 2011, с. 65–66]. Более того, на сегодняшний день известны чистые неолитические комплексы и на р. Вишере. Причем известны памятники с керамикой как типично хуторского (классического) типа [Майстренко и др., 2011, с. 413–414; Майстренко и др., 2012, с. 105–106; Денисов и др., 2013, с. 67; Мельничук и др., 2018, с. 49–50], так и более поздний памятник, в керамическом комплексе которого присутствуют фрагменты сосудов левшинского типа [Денисов и др., 2013, с. 69; Мельничук и др., 2018, с. 49–50]. И тут необходимо отметить, что на более ранних памятниках Хомутовское болото I и Хомутовское болото II, на которых большая часть керамики – фрагменты классической хуторской посуды, в кремневом инвентаре присутствует значительное количество пластин (правда, неправильной огранки и далеких по качеству от пластин, найденных в 1949 г. на Писаном Камне) и изделий на них, что в целом позволяет охарактеризовать индустрию стоянок как отщепово-пластинчатую [Майстренко и др., 2011, с. 413; Майстренко и др., 2012, с. 105–106; Денисов и др., 2013, с. 67; Мельничук и др., 2018, с. 49–50]. Это обстоятельство связано, вероятно, с необходимостью адаптации обитателей данных стоянок к дефициту сырья, пригодного для изготовления привычных для носителей хуторских традиций орудий на сколах, плитках кремня и крупных отщепах. Напротив, на стоянке Нюхти I, в составе которой нет классической хуторской керамики, но присутствует керамика левшинского типа, техника обработки камня типична для памятников классического камского неолита. Последнее обстоятельство только подчеркивает, что, исходя из современных материалов по камскому неолиту, некорректно связывать неолитическую керамику из раскопок 1949 г. камня Писаный с кремневыми пластинами и несколькими нуклеусами из этой же коллекции в единый комплекс.

Наиболее вероятной нам кажется датировка кремневых ножевидных пластин и нескольких нуклеусов из раскопок 1949 г. (с опубликованными О. Н. Бадером автору известны три нуклеуса) периодом развитого мезолита типа стоянки Новожилово. При этом мы исходим из следующих соображений. Во-первых, подобного качества нуклеусы (особенно сработанные фактически до стадии «карандаша», как нуклеус, не вошедший в публикацию 1954 г.) и пластины можно получить только отжимом [Гиря, 1997, с. 69], а такая техника не фиксируется на памятниках камского неолита, в том числе и на известном в настоящее время и расположенном непосредственно на р. Вишере памятнике стоянка Нюхти I, в комплекс которого входит в том числе и керамика левшинского типа, о чем было сказано выше. Во-вторых, подобные изделия, техника и подобного качества кремнь хорошо известны на мезолитических прикамских памятниках типа стоянки Новожилово [Мельничук, 2001, с. 19–36; Мельничук и др., 2018, с. 126–129]. Аргумент, что «учитывая крайне низкое геоморфологическое положение памятника по отношению к руслу р. Вишеры, мы считаем невозможным существование здесь раннеголоценовых культурных отложений эпохи мезолита» [Майстренко и др., 2012, с. 103] не может быть принят безоговорочно. О. Н. Бадер, исходя из стратиграфии, делал более осторожный вывод: «Судя по мощному слою речного песка, непосредственно подстилающему культурный слой, уровень разливов Вишеры в донеолитическое время или даже в раннеолитическое время был выше современного, островок был меньшего размера и менее доступен» (*курсив мой* – Э. Ч.) [Бадер, 1954, с. 254]. То есть автор публикации 1954 г. не отрицал полностью посещения площадки памятника ранее позднего неолита. Далее, вывод о начале формирования культурного слоя начиная с позднего неолита автор сделал исходя из того, что из смешанных предметов искусственно, исходя из имеющихся на тот период представлений по камскому неолиту, выделил позднеолитический комплекс и сделал вывод, что до периода позднего неолита культурного слоя на памятнике не было, так как все собранные в ходе раскопок 1949 г. предметы залегают в слое, подстилающим для которого является песок. При этом не было учтено то обстоятельство, что культурный слой на памятнике переотложен, о чем ранее упоминал и сам автор раскопок.

Однако можно предположить, что и в более раннее время, нежели поздний неолит, река в этом месте также вела себя по-разному, не исключая и возможные периоды резкого спада воды, что, в свою очередь, могло в какие то, пусть даже непродолжительные периоды, делать площадку под Писаным камнем доступной для разовых кратковременных посещений. В том числе и мезолитическими охотниками. И не обязательно для проведения каких-либо обрядов, а по вполне прагматичным причинам – например, на защищенной от хищных зверей территории спокойно подновить оружие. В пользу последнего соображения может говорить тот факт, что во время работ 1949 г. на памятнике было собрано «около трех десятков тонких, отлично ограненных, преимущественно мелких ножевидных пластинок» [Бадер, 1954, с. 247] и наблюдение О. Н. Бадера, что, по-видимому, «ножевидные пластинки отделялись от нуклеусов на месте находки» [Бадер, 1954, с. 247]. Можно предположить, что в раскопе эти предметы залежали рядом.

В публикации материалов раскопок 1949 г. на площадке у камня Писаный О. Н. Бадером была особо отмечена группа предметов из «довольно грубого сырья», часть из которых была оформлена, как «грубые орудия» [Бадер, 1954, с. 252]. К этой группе автор также отнес и «многочисленные куски и осколки» почти черного кремня [Бадер, 1954, с. 250]. Автор в тексте прямо не указывает, но из контекста можно сделать вывод, что данное сырье значительно отличается от сырья, из которого выполнены изделия других хронологических периодов (гаринского-турбинского и, по мысли автора, позднеолитического). О. Н. Бадер видел резкое отличие этих предметов от других и предполагал их более позднюю датировку, осторожно датировав концом II – началом I тысячелетия до н. э. [Бадер, 1954, с. 252]. У нас есть основания предполагать, что эта группа предметов аналогична материалам скопления, которое исследовалась в 1996 и 1998 гг.

В коллекциях раскопок 1949, 1996 и 1998 гг. (№ 78, 1644 и 1650 хранятся в кабинете археологии КАЭ ПГНИУ) предметы из темного, почти черного кремня делятся на две группы. Первая, относительно немногочисленная, из кремня, имеющего на сколе почти гладкий раковистый излом и легкий блеск. У тех предметов этой группы, которые имеют тонкий край, – край просвечивает и имеет слегка коричневатый оттенок. На тех предметах данной группы, которые сохранили фрагменты желвачной корки, – корка плотная, характерная для галечника, и также имеет почти черный цвет. Предметы этой группы встречены нами в коллекциях раскопок памятника у камня Писаный 1949, 1996 и 1998 гг. Следует отметить, что к этой группе относится часть изделий, опубликованных в работе 1954 г. О. Н. Бадером на иллюстрации «Предметы турбинского времени, найденные под Писаным камнем» [Бадер, 1954, с. 249, рис. 6] совместно с предметами турбинского времени, но в тексте публикации по неизвестной причине они перечислены среди предметов группы находок, которая «производит впечатление

относительно поздней и, скорее всего, относится к концу II – началу I тысячелетия до н. э.» [Бадер, 1954, с. 250, 252]. Возможно, что это не описка, а первоначально автор действительно относил эти предметы к гаринско-турбинскому времени, но затем посчитал, что все предметы из темного, почти черного кремня относятся к одному хронологическому периоду. Подобные предметы из темного, почти черного галечникового кремня подобного качества нередко встречаются на памятниках гаринско-турбинского времени.

Вторая группа предметов из темно-серого, иногда почти черного кремня, который на изломе почти не имеет выраженного раковистого излома и блеска. Желвачная корка там, где она сохранилась, представляет собой толстую (до 3-х см) светло-серую известковую корку. Эта группа самая многочисленная. Предметы этой группы входят в состав коллекций раскопок памятника у камня Писаный 1949, 1996 и 1998 гг. В основном предметы этой группы представляют собой фрагменты расколотых массивных кусков кремня. Следов регулярного расщепления по большей части не имеют, хотя иногда формы фрагментов и напоминают продукты такового – например, нуклеовидные куски, первичные и вторичные сколы, а также отщепы. Правда, в публикациях раскопок 1996 и 1998 гг. предметы этой группы описываются и типологизируются совместно с предметами из других сортов кремня, что вносит путаницу. Так, в публикации 2001 г. авторы сообщают, что «в наиболее возвышенной части памятника встречено большое количество каменных находок, которые концентрировались у овальной ямы глубиной до 60 см, заполненной *бесформенными кусками темного кремня, иногда с чешуйчатой подтеской на конце*» (*курсив мой – Э. Ч.*) [Мельничук и др., 2001, с. 51]. В этой публикации еще упоминается, что конкретно яма заполнена ничем иным, как бесформенными кусками темного кремня – в других публикациях этот момент отсутствует, но дальше авторы тезисов, как и в последующих публикациях, дают обобщенное описание всего кремневого материала из раскопок 1996 и 1998 гг. [Мельничук и др., 2001, с. 51; Майстренко и др., 2011, с. 408; Майстренко и др., 2012, с. 103]. При этом не учитываются условия нахождения предметов по отношению к объекту (яме) и качество кремня, хотя основная часть орудий, имеющих вполне определимые формы, изготовлены не из темно-серого кремня, а из почти черного полупрозрачного кремня (это кремень из первой группы, описанной выше), светло-серого непрозрачного кремня, кварца, халцедона и галечникового кремня различной расцветки. Даже цитата из публикации 2001 г., приведенная выше, ясно дает понять, что каменный инвентарь из заполнения ямы отличается от всего остального, собранного на памятнике в 1996 и 1998 гг. Это «бесформенные куски темного кремня» (на самом деле, темно-серого). Необходимо, однако, отметить, что данные массивные куски кремня были принесены на площадку памятника и раздроблены человеком, хотя и без специальной подготовки камня к регулярному расщеплению – на предметах этой группы нет следов от оформления ребер, переборов карнизов, оформления площадок и т. п. В некоторых публикациях предметы данной группы записаны в ходе общего типологического описания всего каменного инвентаря из раскопок камня Писаный 1996 и 1998 гг. в качестве нуклеовидных кусков (но в реальности это просто куски, с которых без предварительной подготовки откололись бесформенные сколы или грубые отщепы), а также первичных (исходя из наличия на них желвачной корки) и вторичных (исходя из отсутствия на кусках желвачной корки) сколов [Майстренко и др., 2011, с. 408]. Чешуйчатая подтеска на конце некоторых предметов этой группы, отмеченная в публикации 2001 г., частью – следствие удара еще не расколотым куском по твердой поверхности (собственно, в процессе раздробления массивного куска кремня), а в некоторых случаях – следствие использования небольшой части сколов в качестве кресальных кремней для высекания искры [Майстренко и др., 2011, с. 409]. А вот описание О. Н. Бадером группы предметов из темного, почти черного кремня, которые он отнес к периоду конца II – начала I тысячелетия до н. э.: «они (*куски – Э. Ч.*), за исключением... 40 нуклеовидных, являются результатом явно преднамеренного *дробления* (*курсив мой – Э. Ч.*) более крупных кусков... Но сами они не использовались ни как нуклеусы, ни для каких-либо иных производственных целей. То же можно сказать и о почти 400 кремневых отщепах, среди которых преобладают отщепы средней величины, массивные и неправильные, при получении которых вряд ли имелось в виду их дальнейшее использование для выделки орудий» [Бадер, 1954, с. 252]. Как мы видим, с высокой степенью вероятности, О. Н. Бадер описывает предметы второй группы, т. е. аналогичные тем, которые составляли заполнение ямы (и большую часть всего каменного инвентаря) в раскопках 1996 и 1998 гг. Предметы этой, второй, группы имеются в коллекциях раскопок 1949, 1996 и 1998 годов (№ 78, 1644 и 1650 хранятся в кабинете археологии КАЭ ПГНИУ). Особо еще раз отметим, что уже О. Н. Бадер предположил, что предметы этой группы из темно-серого (почти черного) кремня имеют относительно позднюю дату, и высказал предположение, что, вероятно, «кремневые куски и отщепы были здесь непременной принадлежностью жертвенного ритуала» [Бадер, 1954, с. 252].

Необходимо также отметить, что вместе со скоплением предметов второй группы в раскопе 1998 г. был найден железный нож ананьинского облика (коллекция раскопок 1998 г. № 1650 хранится в кабинете археологии КАЭ ПГНИУ), который не упоминается в публикации, т. к. авторы не связывали его с собственно скоплением битого кремня, считая, что предмет попал в слой в более позднее, нежели неолитическое, время. Все публикации 2001, 2011, 2012 и 2013 гг. предполагали поздненеолитическую дату скопления темно-серого кремня. При этом легко заметить, что скопление предметов второй группы было отнесено исследователями к позднему неолиту декларативно. В публикациях нигде не приводятся аргументы в пользу такой датировки, хотя их авторам публикаций стоило бы привести по двум причинам. Во-первых, чтобы обосновать несостоятельность датировки этих предметов О. Н. Бадером более поздним временем, и, во-вторых, чтобы обосновать, почему объект (яма), заполненная предметами второй группы кремня не относится, например, к гаринско-турбинскому времени, хотя находится в нескольких метрах от камина, давшего именно энеолитические материалы. Следует отметить, что данное скопление каменных предметов не содержит каких-либо типологически или технологически выраженных предметов, которые однозначно позволили бы отнести его к неолиту. Исключения составляют только несколько очень мелких неорнаментированных фрагментов керамики, которые найдены не в заполнении ямы, а на других участках скопления кремня, которое, кстати, растянуто на несколько метров в сторону реки.

Нам представляется, что скопление (включая заполнение ямы) раздробленного темно-серого кремня, имеющего толстую светло-серую известковую желвачную корку, не может относиться к неолитическому времени. И вот почему.

Во-первых, ритуальная практика периода камского неолита на сегодняшний день фактически не исследована. Известно только два памятника, доказательно связанных с ритуальными практиками древнего населения Пермского Приуралья, на которых представлены неолитические предметы в более четком контексте, чем на камне Писаный. И они отличаются от того, что мы можем наблюдать на памятнике у камня Писаный.

Первый – это стратифицированный небольшой неолитический комплекс в гроте Дыроватый на левом берегу р. Вишеры. На этом памятнике найден развал сосуда хуторского типа (не левшинского), который был отнесен к скоплению костей (части ног и черепов) бобра, бурого медведя и лося [*Майстренко и др.*, 2011, с. 410–411; *Майстренко и др.*, 2012, с. 103–104; *Денисов и др.*, 2013, с. 67–68]. Сходство с этим неолитическим комплексом у неолитических материалов камня Писаный – только в наличии фрагментов керамики этого периода. Даже учитывая то, что изначально сосуд (сосуды) периода неолита, единичные фрагменты которого были найдены в ходе работ на памятнике у Писаного Камня, был целым, контекст его присутствия на памятнике в корне отличен от развала из грота Дыроватый. Керамика неолитического облика с камня Писаный не приурочена к карстовым образованиям типа грота или пещеры. Даже в расщелинах камня Писаный, в которых найден значительный материал более позднего времени, нет неолитического материала, а западный камин, расположенный в подножии одной из трещин камня, использовался в ритуальных целях только в период энеолита, о чем еще будет сказано ниже.

Второй памятник – это камень Дивий на р. Колве. Памятник значительно разрушен, но на стрелке мыса камня, расположенной над обрывом, и которая сохранилась фактически только в виде останца, на площади всего около 3 м². было найдено в разное время 5 наконечников стрел неолитического облика [*Мельничук и др.*, 2016, с. 103, 106]. Памятник использовался с мезолита. По аналогиям с другими памятниками, на которых зафиксировано массовое скопление наконечников в карстовых образованиях (к сожалению, мы не можем ни утверждать, ни отрицать наличие на месте нынешней стрелки мыса камня Дивий грота, т. к. эта часть почти полностью уничтожена при добыче известняка еще в конце XIX в., но концентрация наконечников стрел и одного фрагмента (мезолитический вкладыш на пластине) на узкой, находящейся на большой высоте площадке позволяет предположить, что в древности она имела ограничения в виде стен – грот) можно с высокой долей уверенности предполагать, что в древности на памятнике проводились обряды, связанные с запуском стрел в грот или расщелину [см., например, *Сериков*, 2009, с. 68–121]. Подобный обряд зафиксирован и при исследованиях на камне Писаный, но в расщелинах скалы самые ранние из найденных наконечников относятся к турбинскому времени [*Бадер*, 1954, с. 250]. Неолитических наконечников на памятнике не найдено. Таким образом, несмотря на то, что неолитическому населению Прикамья обряд, связанный с отправкой стрел в карстовые образования был известен, на столь ярком природном объекте, как камень Писаный, он не зафиксирован. Вполне вероятно, что в поздненеолитическое время он не имел таких примечательных

образований, как расщелины и камины, а представители камского неолита использовали площадку под камнем для кратковременной стоянки в безопасном месте.

Таким образом, нет никаких обоснованных данных, которые позволили бы, во-первых, связать скопление темно-серого кремня (включая заполнение ямы, исследованной в 1998 г.) с периодом неолита и, во-вторых, считать неолитическое время началом функционирования памятника у камня Писаный в качестве святилища.

В заключение автор считает необходимым высказать предположение относительно принадлежности скопления разбитого кремня и даты начала ритуальной деятельности людей на площадке у камня Писаный.

По первому вопросу можно предположить следующее. Так как никакого явно утилитарного характера ни кремневые предметы из темно-серого кремня, найденные в яме и вокруг нее, не имеют, то использование их в ритуальной практике кажется наиболее вероятным, что отмечалось практически всеми исследователями данного памятника. Но обряды, связанные с дроблением крупных кусков камня в определенном месте, на сегодняшний день в Пермском Прикамье известны только на памятниках раннего железного века, а конкретнее – на памятниках позднеананьинского времени. Например, на Гляденовском костыше раздробленные и расколотые гальки обнаружены в заполнениях трех ям, образующих единый комплекс, датируемый исследователями позднеананьинским временем [Лепихин, 2004, с. 62]. На камне Бычок (Малый Писаный, Белоусовский), который расположен несколько ниже по течению р. Вишеры от камня Писаный (в пределах видимости) на площадке под карнизом скалы изучен комплекс V – III вв. до н. э., в который среди прочего входили «46 осколков и орудий из кремня разного качества». Необходимо особо отметить, что в составе кремневого комплекса из 46 изделий «наиболее многочисленной группой являются сколы с кремня разного качества и отщепы», а кроме них – 15 скребков, один нуклеовидный кусок на сколе, один пластинчатый отщеп, две каменные точильные плитки и два кремня, определяемых авторами раскопок, как кресальные [Казанцев и др., 2009, с. 90]. В целом состав кремневого комплекса камня Бычок повторяет состав скопления темно-серого кремня камня Писаный, конечно, с поправкой на количество предметов. Использование кремневого инвентаря в ходе обряда (в частности, в качестве кресальных кремней) на памятниках более позднего времени, нежели эпоха камня, фиксируется исследователями и в соседних регионах [см., например, Сериков, 2009, с. 47, 123–124]. Необходимо отметить, что подобная обрядность на территории Пермского Прикамья не зафиксирована ни на одном памятнике ранее раннего железного века. Таким образом, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что крупный комплекс предметов темно-серого кремня, собранный на памятнике, отнесенном к камню Писаный и исследованный в 1996, 1998, а частично в 1949 гг., датируется ранним железным веком, а именно позднеананьинским временем. Можно также согласиться с тем, что площадка памятника в раннем железном веке большую часть времени (но не всегда) была затоплена, и тогда обряды ананьинские охотники проводили в гротах, привходовых гротах пещер и под навесами соседних скал, расположенных ниже по течению р. Вишеры, но расположенных несколько выше над урезом реки [Казанцев и др., 2009, с. 85–90]. Необходимо отметить, что скопление темно-серого кремня и яма на памятнике у камня Писаный также перекрыты рухнувшим карнизом скалы, который явно существовал в период функционирования объекта, что хорошо укладывается в контекст обрядности, соблюдаемой в ананьинское время, а сам объект – яма – находится на самом высоком месте памятника, что может свидетельствовать в пользу того, что часть площадки все-таки в некоторые периоды была доступна для использования.

Начало функционирования памятника у камня Писаный, на наш взгляд, следует предварительно относить к периоду энеолита. Во-первых, как было показано выше, доказанных свидетельств ритуальной деятельности периода неолита на памятнике не выявлено. Во-вторых, западнее скопления темно-серого кремня и ямы, им заполненного, изучен комплекс, состоящий из канавки, направленной в сторону небольшой карстовой полости (камина), от которого, в свою очередь, к верху скалы уходит разветвленная расщелина. Слой в канавке был заполнен угольками, пережженными костями и кремневыми отщепами, сколами и немногочисленными пластинами. К востоку от канавки отмечено пятно бордовой охры и грунтовый очаг, рядом с которым найден разбитый череп молодого лося и капля меди [Мельничук и др., 2001, с. 51]. Среди кремневых предметов этого комплекса много плоских, овальных и округлых в плане вторичных сколов из светло-серого непрозрачного кремня (которые часто ошибочно типологически определяют как «отщепы»), являющихся характерными отходами, получаемыми при первичной уни-, а чаще бифасиальной обработке заготовок при изготовлении орудий в раннем энеолите (гаринская культура). Нет никаких сомнений в принадлежности данных предметов к описанному комплексу, состав которого, а также принадлежность к карстовому объекту вполне определенно

указывают на его ритуальный характер. Таким образом, наиболее вероятной датой начала функционирования памятника у подножия камня Писаный в качестве святилища нам представляется ранний энеолит.

Библиографический список

- Бадер О. Н. Жертвенное место под камнем Писаным на р. Вишере // СА. XXI. Москва, 1954. С. 241–258.
- Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Санкт-Петербург, 1997. 198 с.
- Денисов В. П., Мельничук А. Ф., Бурмасов М. С., Чурилов Э. В. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2013. С. 66–71.
- Казанцев Р. С., Изосимов Д. А., Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф. Комплексы раннего железного века в предгорной части р. Вишеры // Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермь, 2009. С. 85–91.
- Летихин А. Н. Каменные изделия костяк гляденовской культуры // Обнинские чтения. Материалы региональных археологических конференций. Вып. 3. Пермь, 2004. С. 59–64.
- Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Чурилов Э. В. Новое о неолите Вишеры // Экономико-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов (материалы Международной научно-практической конференции). Березники, 2011. С. 408–414.
- Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф., Чурилов Э. В., Балыбердина П. А. Нео-энеолитические памятники Пермского Предуралья, удаленные от долины р. Камы // Труды КАЭЭ. Вып. VIII. Пермь, 2012. С. 102–110.
- Мельничук А. Ф. Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 19–36.
- Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Майстренко Д. А., Ракишин А. А., Чурилов Э. В. Природно-исторический комплекс северного Прикамья «Камень Дивий» и его окрестности на р. Колве в археологических исследованиях // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 2016. С. 102–109.
- Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Чурилов Э. В. Новейшие исследования жертвенного места у наскальных изображений Камня Писаного на реке Вишере // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001. С. 51.
- Мельничук А. Ф., Коренюк С. Н., Чурилов Э. В. Мезолитические сооружения в Пермском Приуралье // Тверской археологический сборник (материалы 18-го – 20-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности»), Вып. 11, Тверь, 2018. С. 122–142.
- Мельничук А. Ф., Чурилов Э. В., Карманов В. Н. Неолит бассейна р. Вишеры Пермского края // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2018. С. 49–50.
- Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009. 366 с.
- Чурилов Э. В. Левшинский «этап» в прикамском неолите: критика источников // Шестые Берсовские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2011. С. 63–67.

THE PROBLEM OF DATING THE FLINT COMPLEX FROM THE EXCAVATIONS OF 1996 AND 1998 OF THE SANCTUARY AT THE PISANY KAMEN ROCK ON THE VISHERA RIVER

E. V. Churilov

Perm Regional Museum, Sibirskaya str., 15, 614000, Perm, Russia
edvchur@yandex.ru

The artifacts of a large flint complex from the excavations of 1996 and 1998 of the sanctuary at the Pisany Kamen rock on the Vishera River are being discussed in the article. Previously, this flint complex was attributed to the Neolithic. Analysis made it possible to define the age of the artifacts under discussion – they can be attributed to the period of the Early Iron Age. It is also suggested that this complex could have started functioning as a sanctuary during the Eneolithic period.

Key words: Vishera River, Pisany Kamen rock, flint complex, the Neolithic, the Eneolithic, the Early Iron Age, beginning of the sanctuary's functioning, rite practice.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РОГОВОГО СЫРЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

М. Е. Шмырина ©

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
mashah98@mail.ru

В работе представлены выводы, полученные в ходе проведения эксперимента по обработке рогового сырья в соответствии с приближенной технологией, существовавшей на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья. Исследование направлено на выделение этапов обработки рога, а также фиксацию ключевых моментов, связанных со временем и спецификой изготовления роговых предметов. Определен круг инструментов, необходимый при производстве роговых изделий. Рассмотрены особенности рогового сырья, влияющие на характер и специфику производства. В исследовании определен круг животных, из рогов которых могли изготавливаться роговые предметы: лось, косуля, северный олень. Представлены выводы о характере и месте изготовления роговых предметов в Средневековье.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, Средневековье, рог, кость, эксперимент, косторезное производство.

Кость и рог являются одними из самых распространенных материалов, которые могли использоваться средневековым человеком для изготовления необходимых предметов повседневности. Для территории Пермского Предуралья характерно обнаружение значительного количества изделий, выполненных из кости и рога, в частности, в средневековых материалах. Распространенность костяных изделий можно обосновать относительной легкостью обработки данного материала, а также его доступностью. Безусловно, в эпоху Средневековья наиболее распространенным материалом, в первую очередь для изготовления бытовых предметов, являлось дерево. В силу специфических особенностей культурного слоя на территории Прикамья, деревянные предметы либо не сохраняются, либо сохраняются фрагментарно.

Изделия, выполненные из рога, встречены на большинстве поселенческих средневековых памятников Пермского Предуралья. В отличие от кости, рог является более труднодоступным материалом. Для изготовления роговых изделий могло использоваться сырье, полученное в ходе охоты на лося, косулю или северного оленя. Для изготовления предметов также могли использоваться сброшенные рога. Использование рога дикого рогатого скота обосновывается структурой строения рога. Крупный и мелкий домашний рогатый скот является полорогим, что не позволяет выполнить изделия из данного материала; лось, косуля и северный олень являются плотнорогими, в данном случае рог состоит из плотной костной ткани [Соенов, Константинов, 2014, с. 116]. Составляющими частями рога являются компактное вещество – наиболее прочная часть, и губчатое вещество. Обе составляющие отличаются высокой плотностью, что позволяет изготавливать роговые предметы почти из всех ответвлений рога [Ремесло и домашние производства..., 2017, с. 77].

В эпоху Средневековья рог использовался для изготовления значительного количества категорий бытовых предметов. Одними из самых распространенных предметов являются орудия труда для домашних производств. Данная категория включает предметы, необходимые для прядения и ткачества, обработки кожи, различные универсальные орудия. Не менее многочисленна категория предметов вооружения и охоты. В частности, интерес вызывают фрагменты снаряжения лучника, выполненные из рога. Для большинства средневековых памятников характерно наличие предметов туалета и деталей костюма, также выполненных из рога. Наиболее качественную проработку имеют роговые гребни и составные расчески.

Для воссоздания средневековой техники обработки рога был проведен эксперимент. Сырьем для изготовленных предметов послужил сброшенный около полугода назад рог лося. В качестве инструментов для обработки рога были выбраны: пила (с помощью которой были удалены отростки рога, заготовке предана форма), ручной лобзик (для придания необходимой формы заготовке и оформления изделия), резцы (необходимые для нанесения орнамента). Были также использованы кухонные ножи для придания более искусно выполненной формы готовому изделию.

Первичным этапом обработки рогового сырья стало удаление излишних роговых отростков при помощи пилы. В последующем наиболее массивная часть рога была отпилена и подвергнута распилу на несколько прямоугольных частей. Была сформирована плоская прямоугольная в сечении пластина, которая стала заготовкой для готового изделия. Все действия проводились ручной пилой. На данном этапе первичная подготовка сырья была завершена.

Вторым этапом в формировании изделия стало придание заготовке необходимой формы. Далее были пропилены зубцы для придания изделию формы гребня. При формировании зубцов был выбран ручной лобзик, позволяющий выполнить наиболее тонкие и ровные пропилы. Впоследствии зубцы гребня были подработаны при помощи хорошо заостренного ножа с плоским лезвием. На данном этапе заготовке была придана основная форма, которая может являться законченным изделием.

Третий этап связан с декорированием и шлифовкой изделия. При помощи резцов были нанесены орнаментальные композиции, характерные для средневековых роговых гребней Пермского Предуралья. Шлифовка изделия была выполнена песком с примесью мелкой гальки с использованием воды. После произведения данной операции изделие стало более гладкое, были удалены шероховатости, оставленные при распиле заготовки. Заключительным этапом в создании изделия стала полировка шерстью и мягкими тканями. После проведения полировки роговой гребень приобрел блеск, характерный для средневековых изделий.

Полученное в ходе проведения эксперимента изделие несколько отличается по форме и внешнему виду от средневековых прикамских роговых гребней. Одним из наиболее существенных недостатков является форма изделия – вероятно, для изготовления аналогичных предметов в древности использовались более крупные экземпляры рога, послужившего начальным сырьем. Ввиду небольшого размера наиболее широкой части рога не удалось получить предмет в точности аналогичный средневековым изделиям. В ходе эксперимента была произведена полировка предмета, вследствие чего поверхность покрылась незначительным блеском, в то время как средневековые изделия имеют значительную залощенность. Данный факт может быть связан как с использованием иных материалов для полировки предмета, так и с постепенным лощением изделия в ходе активного бытового использования.

Выбранный инструментарий, вероятно, аналогичен тому, что использовался средневековыми резчиками по кости и рогу. Пила является достаточно универсальным инструментом, применение ее возможно также и в деревообработке. Выбранный для эксперимента ручной лобзик не находит распространения на территории средневекового Пермского Предуралья, но возможна его замена на пилу меньшего размера, благодаря которой возможно пропиливать зубцы гребня. Аналогичные пилы маленького размера были встречены в материалах средневековых памятников Прикамья [Талицкий, 1951, с. 53]. Ввиду универсальности инструментария, необходимого для обработки кости, рога и дерева, вероятно, средневековые мастера имели навыки обработки всех перечисленных материалов. Стоит также отметить, что при наличии даже узкого круга инструментов, возможно изготовление необходимых бытовых предметов из кости и рога в рамках домашнего производства.

Проведенный эксперимент показывает, что технология обработки рога и кости в значительной степени аналогичны. Исключение составляет необходимость размягчения костяного сырья с выполнением процессов вываривания или вымачивания [Ленц, 2022, с. 216]. Стоит также отметить, что при изготовлении костяных изделий усложняется формирование заготовки ввиду большой плотности начального сырья и возможности его затвердевания в ходе работ. Рог же, в свою очередь, более пластичен и обладает пористой структурой [Бородовский, 1997, с. 81], что делает его достаточно плотным материалом, но более податливым в обработке в сравнении с костью. Для обработки рога мастеру было необходимо минимальное количество времени с учетом наличия соответствующего инструментария и навыков, в отличие от кости, процесс обработки которой с учетом всех этапов мог затягиваться на несколько недель [Серилов, 2018, с. 69].

Изделия, выполненные из рога, в материалах памятников средневекового Пермского Предуралья встречаются реже, чем костяные, и зачастую имеют более качественную проработку. Данный факт может быть обусловлен как меньшей доступностью исходного сырья, так и возможностью более качественного выполнения изделий, для которых требуется больший объем трудозатрат. Как уже отмечалось ранее, для изготовления роговых предметов использовался преимущественно рог диких копытных, таких как лось, северный олень или косуля. Определенный круг инструментария аналогичен тому, что необходим при производстве костяных изделий, что подтверждает факт универсальности мастеров, изготавливающих предметы как из рога, так и из кости. Присутствующие не только роговые пред-

меты, но и роговые заготовки свидетельствуют о местном характере производства. Ввиду наличия значительного количества качественно выполненных роговых изделий можно сделать вывод об активном использовании рогового сырья в Средневековье на территории Пермского Предуралья.

Библиографический список

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Ленц Г. Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья. 2002. С. 213–238.

Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья / Н. С. Батуева, А. М. Белавин, Р. В. Бубнова [и др.]. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2017. 138 с.

Сериков Ю. Б. Реконструкция технических приемов обработки камня и кости в каменном веке // Геоархеология и археологическая минералогия. 2018. Т. 5 С. 66–71.

Соенов В. И., Константинов Н. А. Охотничья деятельность населения Алтая I тыс. н. э. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2014. 310 с.

Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. Вып. 22. С. 33–96.

CONCERNING THE USE OF THE HORN IN THE MIDDLE AGES IN THE PERM PRE-URALS

M. E. Shmyrina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Russia
mashah98@mail.ru

The paper presents the conclusions obtained during the experiment on horn processing in accordance with the technology that existed on the territory of the Perm Pre-Urals in the Middle Ages. The research is aimed at identifying the stages of horn processing, as well as fixing the key points related to the time and specifics of the manufacture of horn objects. The range of tools necessary for the production of horn products has been determined. The features of horn raw materials affecting the nature and specifics of production are considered. The study identified a range of animals from whose horns different objects could be made – elk, roe deer, reindeer. Conclusions about the place and way of manufacturing horn objects in the Middle Ages are presented.

Key words: Perm Pre-Urals, the Middle Ages, horn, bone, experiment, bone-carving production.

«ВОСТОЧНОУРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА» И НЕОЛИТ ПРИИРТЫШЬЯ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ 1960–1970-Х ГГ.¹

А. Ю. Юракова [©]

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук,
650000, Россия, Кемерово, пр-т Советский, 18
yurakova_al@mail.ru

До конца 1960-х гг. Среднее Прииртышье рассматривается как периферийная зона в концепциях периодизации неолита Уральского региона. Эта парадигма сформировалась в трудах А. П. Окладникова, О. Н. Бадера, В. Н. Чернецова в период, когда западносибирские памятники были немногочисленны. «Точкой пересечения» и смены взглядов на неолит Прииртышья становится 1970 г.: почти синхронно выходит работа О. Н. Бадера «Уральский неолит», а коллектив свердловских исследователей под руководством В. Ф. Генинга представляет научной общественности программный доклад о периодизации памятников неолита и бронзы Среднего Прииртышья. В статье рассматриваются обстоятельства и тенденции, сопутствовавшие формированию исследовательских концепций на неолит Среднего Прииртышья в 1960–1970-е гг.

Ключевые слова: Западная Сибирь, неолит, керамика, каменный инвентарь, восточноуральская культура, урало-западносибирская неолитическая общность.

Введение. На протяжении почти всей первой половины XX в. ставилось под сомнение, что территория Среднего Прииртышья была освоена человеком в эпоху камня [Чернецов, 1953]. Первые археологические памятники здесь открыты в конце 1910-х – 1920-х гг., однако наличие на некоторых из них материалов эпохи неолита установлено лишь впоследствии [Матющенко, 1966]. По уровню изученности территория долгое время значительно уступала Среднему Зауралью, по материалам которого уже в 1908 – начале 1910-х гг. выходят первые специальные статьи, посвященные «доисторическим эпохам» [Старков, 1980, с. 7–8]. В начале 1950-х гг. территория Прииртышья начала уступать в этом отношении не только Зауралью, но и Верхнему Приобью, для которого благодаря работам в зоне будущего Новосибирского водохранилища М. Н. Комарова в начале 1950-х гг. разрабатывает концепцию развития местного неолита [Марочкин, 2014]. Более низкая изученность неолита Среднего Прииртышья обусловила то, что единичные местные памятники привлекались для обоснования периодизаций соседних территорий – восточной [Матющенко, 1966], но в большей степени, безусловно, западной. Период 1960–1970-х гг. в историографии неолита Прииртышья стал переходом от «слияния» с Уралом к пониманию региональных особенностей в хронологии и взаимосвязи культур.

Идея восточноуральской культуры. В широкий научный оборот материалы новокаменного века из Среднего Прииртышья ввел В. Н. Чернецов [Чернецов, 1947, 1953], перед этим проведя здесь вместе с В. И. Мошинской несколько полевых сезонов. В монографии «Древняя история Нижнего Приобья» В. Н. Чернецов обобщил материалы Среднего Прииртышья, собранные краеведами и учеными в 1920–1940-х гг. Исправлена первоначально ошибочная датировка Екатерининской стоянки, охарактеризованы найденные здесь каменный инвентарь (наконечники стрел, скребки, долотца, тесла и др.) и керамика гребенчато-ямочной орнаментации. Впервые опубликован инвентарь из разрушенного могильника Усть-Куренга, поступивший в 1930-е гг. в Тарский музей к А. В. Ваганову: шлифованные сланцевые зооморфные изображения и овальные плитки с зарубками, тесло, фрагменты костяных наконечников и просверленные клыки кабана. Оба памятника В. Н. Чернецов относит к позднему неолиту. Датировка Екатерининской стоянки обосновывается аналогиями со стоянкой Полуденка, которую исследовал О. Н. Бадер. Среднеиртышский регион включается в общую хронологическую шкалу неолита Зауралья и Западной Сибири.

Неолитический период Урала и Западной Сибири В. Н. Чернецов датирует концом IV – второй половиной III тыс. до н. э. [Чернецов, 1953, с. 36]. Ранний этап периода (конец IV – начало III тыс. до н. э.) маркируется исключительно зауральскими памятниками: материалами Андреевского озера, поселениями Козлова Перейма и «VIII пункт». Их характеризует керамика с прочерченно-накольчатой орнаментацией и каменный инвентарь, по мнению автора, близкий кельтеминарским стоянкам. Нако-

нец, в географию позднего этапа неолита, наряду с нижнеобскими памятниками Сортынья I, Няксимволь, Хулуюм-Сунт, включено и таежное Прииртышье, а сам этап синхронизирован с полуденскими (Зауралье) и левшинскими (Приуралье) древностями.

В. Н. Чернецов развивает идею восточноуральской культуры, сформулированную А. П. Окладниковым [Окладников, 1941], обосновывает гипотезу о генетическом родстве неолит-энеолитических культур лесостепной и степной зон по обе стороны Урала, а также включает в эту общность Казахстан [Чернецов, 1953, с. 56]. Точку зрения В. Н. Чернецова о принадлежности среднеиртышских памятников к позднему этапу неолита, в свою очередь, поддержали А. П. Окладников и О. Н. Бадер [История Сибири, 1968; Бадер, 1970].

В 1970 г. О. Н. Бадер представил свою концепцию развития неолита в Уральском регионе, согласно которой памятники территориально объединены в две области – западноуральскую и восточноуральскую [Бадер, 1970]. Периодизацию эпохи автор выстроил в виде последовательности этапов, хронологически параллельных по обе стороны Уральского хребта. Наиболее древний этап восточноуральской области – козловский – датирован началом – 3-й четвертью IV тыс. до н. э. Следующий за ним полуденский синхронизирован с бороовозерским этапом Предуралья (последняя четверть IV – 1-я треть III тыс. до н. э.). Третий этап восточноуральской культуры, синхронный хutorскому в Предуралье, назван сосновоостровским и датирован 2-й – последней третью III тыс. до н. э. Именно в сосновоостровский этап О. Н. Бадер включил и памятники Среднего Прииртышья. Заключительный, липчинский, этап периодизации синхронизирован с левшинским на западе (последняя четверть III – 1-я четверть II тыс. до н. э.) и обозначен в качестве энеолитического или раннебронзового.

Таким образом, с начала 1950-х гг. до конца 1960-х гг. комплексы Среднего Прииртышья рассматриваются как восточная периферия в рамках поздних этапов периодизационных схем зауральского неолита [Чернецов, 1953, 1968; Бадер, 1970]. Общими основаниями данных концепций является понимание неолитической эпохи в Зауралье и Западной Сибири [Матющенко, 1961] как единого процесса развития родственного в этнокультурном отношении населения, прошедшего ряд последовательных этапов. Преемственность этапов выражена в линии постепенной эволюции в орнаментации керамики – от древнейшей накольчато-прочерченной до гребенчатой на завершающей стадии [Старков, 1980, с. 14].

Первая региональная концепция. Знаковой точкой встречи взглядов на Прииртышье в неолите как периферию зауральского мира и регион с местным разнообразием культур становится 1970 г. Эта историографическая отметка совпала с уходом из жизни В. Н. Чернецова в марте 1970 г. Спустя два месяца после этого и почти синхронно с выходом статьи О. Н. Бадера «Уральский неолит» в мае 1970 г. в Томске проходит первое Западно-Сибирское археологическое совещание. В. Ф. Генинг в соавторстве со своими учениками делает программный доклад, в котором представлена концепция периодизации неолита и бронзы Среднего Прииртышья [Генинг и др., 1970].

Доклад свердловских исследователей стал вехой, обозначившей подведение итогов полевых работ 1961–1969 гг. на берегах Иртыша и его притоков. Под руководством В. Ф. Генинга масштабные работы на разновременных памятниках Ишимо-Иртышья проводит Омский отряд экспедиции УрГУ: открыты стоянки Артын, Черноозерье III, Кокуй I и II, Пахомовская Пристань III, Ир I и II [Юракова, 2017], большинство из них исследовано раскопками.

Неолитический период, согласно концепции В. Ф. Генинга, предлагается рассматривать в рамках среднеиртышской культуры. Ранний этап культуры – кокуйский – объединил памятники, содержащие керамику екатерининского и артынского типов, ранний комплекс поселений Черноозерье III, Ирского и собственно материалы эпонимного поселения Кокуй I [Генинг и др., 1970]. Хронология кокуйского этапа определена в русле датирующих аналогий из памятников кельтеминарского круга (4-й слой пещ. Джебел) и козловской фазы неолита Зауралья. При этом высказано предположение о «более позднем возрасте» Екатерининской и Артынской стоянок, однако не конкретизировано, идет ли речь о принадлежности их к позднеэнеолитическому этапу или о «промежуточной» хронологии стоянок. Собственно поздний неолит в периодизации обозначен весьма осторожно: к нему предварительно отнесена керамика с «длинно-гребенчатым» и ямочным орнаментом Черноозерья III, двусторонне обработанные орудия Омской стоянки и некоторые материалы Пахомовской Приistani III; синхронные аналогии этапу отмечены в памятниках Томского Приобья.

Следуя общепринятому представлению об урало-западносибирской общности [Чернецов, 1953, 1968; Бадер, 1970; Матющенко, 1961], авторы рассматривают среднеиртышский неолит как часть широкого круга культур Урала, Нижнего Приобья, Приаралья и Казахстана [Генинг и др., 1970, с. 18]. Специфические черты среднеиртышской культуры выявлены главным образом в керамике – ямочный компонент орнаментации, отсутствие «наплывов» по венчику, малая доля взаимопроникающих мотивов, а

также отмечены характерные для региона миндалевидная и подтреугольная форма наконечников стрел. Концепция среднеиртышской неолитической культуры была принята научным сообществом [Молодин, 1977; Старков, 1979] и применялась для атрибуции новых памятников вплоть до середины 1980-х гг.

Заключение. Изменение фокуса на прииртышские памятники и их место в неолите Урала и Западной Сибири стало закономерным этапом, последовавшим за накоплением местных источников в 1960-е гг. При этом концепция среднеиртышской культуры была во многом преемственна методологическим основам, которые заложили О. Н. Бадер и В. Н. Чернецов [Старков, 1980, с. 14]. В частности, и авторы концепции, и развивавшие ее коллеги поддерживали тезис о существовании в Зауралье и Западной Сибири единой неолитической общности и ее развитии, отраженном в постепенном переходе от прочерченно-накольчатой техники к гребенчатым узорам керамики [Генинг и др., 1970; Молодин, 1977; Старков, 1976, 1979].

Можно сказать, что появление первой региональной концепции для неолита Прииртышья было подготовлено разработкой проблем, которые были поставлены благодаря работам в Приуралье и Зауралье в предшествующие годы. Как отмечал сам В. Ф. Генинг, осмысляя новые материалы по Зауралью и Западной Сибири, он постоянно сопоставлял их с результатами работ в Прикамье [Мельникова, 2014, с. 13].

В наше время не вызывает сомнений, что культурно-исторические процессы в неолите Среднего Прииртышья были интенсивны и не соотносятся с ролью «восточноуральской периферии». Это подтверждается своеобразием культурных типов, погребальной обрядности, традиций гончарства и локальной спецификой каменных индустрий [Юракова, 2017]. Однако тем очевиднее с сегодняшних позиций некоторые основополагающие тезисы, которые разделяли О. Н. Бадер, В. Н. Чернецов, В. Ф. Генинг – например, взаимосвязанность культурных процессов по обе стороны Урала на всем протяжении неолитического периода.

Примечание

¹ Исследование выполнено в рамках исполнения Государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Библиографический список

- Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 157–171.
- Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофимов В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 12–51.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 1. Древняя Сибирь. Л.: 1968. 454 с.
- Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 Кемерово, 2014. 33 с.
- Матющенко В. И. Некоторые вопросы связи племен Урала и Западной Сибири // ВАУ. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 109–116.
- Матющенко В. И. Омская стоянка // Ученые записки ТГУ. № 60. Томск, 1966. С. 79–93.
- Мельникова О. М. Историографические размышления в связи с юбилеем В. Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 6–25.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 173 с.
- Окладников А. П. Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. Вып. IX. 1941. С. 5–14.
- Старков В. Ф. О зауральско-западносибирской общности в каменном веке // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 61–71.
- Старков В. Ф. Новые данные о среднеиртышской культуре // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 3–14.
- Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.
- Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области // КСИИМК. № 17. М., 1947. С. 79–91.
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. М., 1953. С. 7–71.
- Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. Л., 1968. С. 41–52.

Юракова А. Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья. Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 381 с.

«ESTERN URAL CULTURE» AND THE NEOLITHIC OF IRTYSH RIVER REGION IN THE HISTORIOGRAPHIC TRENDS OF 1960-1970S

A. Y. Yurakova

The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sovetskiy prosp., 18, 650000, Kemerovo, Russia
yurakova_al@mail.ru

Up to the late 1960s, the middle Irtysh River region was defined as a peripheral zone in dating of the neolithic in Ural region. This paradigm was created in the works by A. P. Okladnikov, O. N. Bader, V. N. Tchernetsov in the period when the West-Siberian sites were few in number. The point of intersection and changing views on the Neolithic in Irtysh River region was 1970: almost at the same time, O. N. Bader publishes his «Ural Neolithic» and the group of Sverdlovsk researchers guided by V. F. Gening presents to the scientific society their report about periodization of the Neolithic and Bronze Age sites in the middle Irtysh River region. The article deals with the circumstances and trends that were coming along with formations some scientific ideas about the Neolithic in the middle Irtysh River region in 1960-70-s.

Key words: West Siberia, Neolithic, ceramics, stone tools, Eastern Ural culture, Ural-West Siberian Neolithic society.

ПЕЩЕРА И ГРОТ ПРОКУДИНА-ГОРСКОГО НА Р. СИМ

Е. С. Яковлева [©]

ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра»,
454046, Россия, Челябинск, ул. Красноармейская, 106
lugsamildanah@yandex.ru

Е. А. Чибилев

Институт системной биологии, 454014, Россия, Челябинск, Комсомольский проспект, 85-226
chibilov@gmail.com

В полевой сезон 2022 г. в Ашинском районе Челябинской области были проведены археологические работы в пещере, двумя годами ранее обнаруженной при спелеологическом обследовании и атрибутированной как пещера Прокудина-Горского. В подъемных сборах и материалах шурфа были получены разновременные материалы верхнего палеолита, нео-энеолита, раннего железного века, собран обширный остеологический материал. Также был обследован сопредельный пещере грот, так же давший материалы эпохи раннего железного века. Комплекс памятников, выявленный в самом малоизученном районе Челябинской области, показывает перспективность его археологического обследования.

Ключевые слова: Прокудин-Горский, Южный Урал, Сим, пещера, верхний палеолит, нео-энеолит, ранний железный век.

С. М. Прокудин-Горский (1863–1944) – российский фотограф, химик, изобретатель; известен как пионер цветной фотографии, снимавший на основе метода тройного цветоделения и усовершенствованный его. Оставил после себя богатое фотографическое наследие из своих поездок по Российской империи. В 1909–1910 гг. во время поездки на Урал он проводит фотосъемку горнозаводской зоны, в основном вдоль уже построенной Самаро-Златоустовской железной дороги от Аша-Балашовского завода (нынешний г. Аша) до городов Златоуста, Миасса и Кыштыма. Снимались объекты самой железной дороги: мосты, вокзалы, различные инженерные сооружения. С наиболее выгодных ракурсов и возвышенных панорамных точек производилась съемка природных объектов: гор и отдельных скал, живописных речных долин и т. п. Постепенно сформирована подборка наиболее красивых пейзажей, что были здесь в реальности более 100 лет назад.

Среди этого множества старинных фотографий внимание привлёк один необычный снимок в коллекции С. М. Прокудина-Горского – вход в пещеру, короткая подпись под которым гласила: «пещера в 5-ти верстах от станции Симской». Тожественный ей объект был обнаружен членом Российского Союза Спелеологов Озиминим Алексеем Алексеевичем в 2020 г. В соответствии с принятой паспортизацией карстовых полостей, пещере, а также выявленному рядом гроту, были присвоены порядковые номера: № 1/251* – пещера; № 1/252* – грот.

В ходе спелеологического осмотра полостей в пещере были зафиксированы остатки оплывшей траншеи, рядом с которой были обнаружены две старые лопаты и лом. В отвалах траншеи были собраны разрозненные обломки костей животных. По определениям палеозоолога Л. Л. Гайдученко, среди собранных костных остатков присутствовали кости животных плейстоценовой фауны (мамонт, носорог). В 2022 г. было предпринято археологическое обследование памятников.

Комплекс памятников расположен в Ашинском районе, в 7 км к северо-западу от г. Сим и в 1,8 км к востоку от пос. Миньяр, на левом берегу р. Сим. В районе памятников река течет в общем направлении с юго-востока на северо-запад. Русло однорукавное, шириной 25 м, протекает между горных массивов с обеих сторон. Памятники находятся на высоте 140–150 м над урезом воды в реке; высота над уровнем моря – 320–330 м в Балтийской системе высот. Горный склон, спускающийся к реке, покрыт сосновым лесом. Между рекой и склоном – широкое пойменное пространство, покрытое кустарниковой растительностью и заболоченное. По границе поймы проходит железная дорога.

Комплекс расположен в крупном скальном навесе до 22 м шириной, в котором фиксируются две карстовые полости – небольшой грот и узкая щелевидная пещера. Окружающее пространство представляет собой склон хребта с многочисленными скальными выходами и останцами, густо поросший преимущественно хвойной растительностью.

Грот Прокудина-Горского

Расположен в восточной части скального навеса, к северо-востоку от пещеры, в соседней с ней полости. Вход обращен на северо-запад, шириной 22 м. Длина коридора – 12 м (в самой длинной части). Высота свода – 8 м в районе «капельной линии», 5,5 м в средней части. Далее вглубь высота сходит на нет – в разрезе грот имеет подтреугольную форму. Свод округлый, купольный. Вдоль стен грота фиксировались набросы из мелких камней естественного происхождения. Такой же наброс находился в глубине грота, у тылового шва.

Площадка грота имеет в плане V-образную форму, размеры 22×10 м. Пол ровный, в восточной части горизонтальный, в западной – с повышением, одновременно с напользанием стены.

При визуальном осмотре площадки памятника не было обнаружено каких-либо артефактов. Для определения характера отложений в восточной части грота был заложен шурф, материалы которого обнаружили несколько костей и артефактов эпохи раннего железного века: трехлопастной бронзовый наконечник, оружие на кварцевой плитке, шесть неорнаментированных фрагментов керамики с тальковой примесью. Кости со следами надрезов.

Пещера Прокудина-Горского

Расположена в западной части скального навеса горных отрогов, спускающихся к реке Сим. Полость находится на отвесном склоне горного массива, плотно покрытого лесом. Площадка перед входом покрыта кустарниковой растительностью. Вход обращен на север, шириной 20,5 м. Высота входа – около 16 м по «капельной» линии. Площадка галереи наклонная, повышается вглубь полости. Полость уходит вглубь на 33,5 м. В районе перехода от входного грота к галерее – два огромных расколотых валуна, размерами: 6×8×2,5 и 9×5×3 м. Валуны залегают по осевой линии входного грота, разделяя его на две части. У входа, с восточной стороны – наброс некрупных камней естественного происхождения, расположенный на небольшом выступе. Пещера однокамерная, но в середине наблюдается небольшое понижение свода над одним из крупных камней. Высота сводов: 6 м в северной части, в районе входа, и 4 м в южной части, т. е. в глубине галереи. Высота в центральной части – 3 м. Пещера имеет стабильную ширину 8–8,5 м. Вдоль восточной стенки фиксировались отдельные камни средних размеров. Дно неровное. Свод наклонен к западу. Пещера практически не затемнена. В центре, по осевой линии галереи, от валунов в привходовой части до конца пещеры, фиксируется старая оплывшая траншея. Размеры траншеи составляют 10×1,5–2 м, глубина до 0,7 м. По обеим сторонам фиксируются выкиды.

При визуальном осмотре пещеры именно в них было собрано основное количество артефактов и остеологических остатков. Стоит также отметить, что во время осмотра полости спелеологами, здесь были обнаружены две клепаные лопаты и лом первой половины XX в. Скорее всего, траншея оставлена работами палеозоологов начала XX в., что совпадает с возрастом обнаруженной рядом монеты 1 коп. 1914 г.

В юго-восточной части пещеры был заложен шурф, стратиграфия которого позволяет выделить под верхним осыпным слоем три хронологических горизонта, из которых нижний отделен от вышележащих слоев тонкой углистой прослойкой. Типологическая датировка артефактов, полученных в процессе исследований, позволяет предварительно соотнести слои с ранним железным веком, нео-энеолитом и верхним палеолитом.

Несмотря на малый объем проведенных земляных работ, пещера дала обильный материал. Подавляющее число предметов – 41 из 69 экз. – были собраны в привходовой части пещеры и в отвалах траншеи; еще 28 экз. получены из шурфа. Среди артефактов зафиксированы многочисленные костяные изделия и заготовки, кремневые пластины, несколько фрагментов керамики, а также фрагмент бронзового котла и кварцевые плитки. Для ряда артефактов из камня и кости достоверная атрибуция на основании типологических данных затруднительна; факт присутствия плейстоценовых слоев и предметов установлен по остеологическим данным – по наличию характерных видов: пещерного носорога, мамонта шерстистого и пещерной гиены. Так как большая часть находок происходит из подъемных сборов, а земляные работы проведены в малом объеме, стратиграфические наблюдения не могут служить надежным основанием для экстраполяции.

Несмотря на происхождение подавляющей части костей из подъемных сборов и затруднительности уверенной хронологической атрибуции всех остатков, обилие остеологического материала, часть которого так или иначе связана с верхнепалеолитическим горизонтом, довольно характерно для уральских памятников этого времени, чаще обнаруживаемых или атрибутируемых по плейстоценовым костям при сопутствующей малочисленности каменных артефактов [Сериков, 2016].

Группа **предметов из кости** представлена наибольшим среди предметного ряда числом в 20 экз. Среди них как выраженные орудия, так и сколы со следами пришлифовки. Несколько изделий относятся к остриям; два среди них представляют собой проколку (рис., 1), другое – нижнюю часть шила с отверстием в суставной части (рис., 2). Еще три артефакта представляют собой, по-видимому, заготовки – с приостренным краем, но не вполне законченной формы (рис., 3). Предположительно они относятся к палеолитическому горизонту памятника.

Среди **изделий из камня** обращают на себя внимание галечные предметы: 1 галька без следов обработки, 1 фрагмент расколотой гальки и 1 галечное орудие, представляющее собой фрагмент крупной кварцевой гальки с полукруглым сечением (рис., 8). Один из краев подработан несколькими сколами, образуя приостренный рабочий край со следами сработанности. Размер 4,8×5,8×3 см.

Нуклеусов в коллекции 2 экз., оба происходят из отвала старой траншеи. Первый – призматический, на гальке черного кремня (рис., 9). Площадка скалывания чуть скошена к контрфронт, образована одним сколом; основание и контрфронт представлены естественной поверхностью гальки. Скалывание на $\frac{3}{4}$ дуги, фронт и негативы неровные, с трещиноватостями камня. Негативы представляют собой сколы отщепов и / или пластинчатых отщепов. Размеры: 4,4×3,9 см. Второй – миниатюрный двухплощадочный нуклеус, плоский, на плитке полосатой яшмы (рис., 10). Изначально – плоский или торцово-фронтальный. Обе ударные площадки сильно скошены к контрфронт, вторая оформлена горизонтальными сколами, практически полностью снявшими площадку контрфронта и часть первой площадки скалывания. Одна латераль сохранила остатки галечной корки, на второй фиксируются только точечные ее остатки по краям негативов. Ширина негативов снятий – 0,3–0,6 см. Размер: 2,5×2,6×1,4 см. Предположительно оба связаны с верхнепалеолитическими древностями.

Пластин в комплексе 8 экз., в том числе 4 орудия. По крайней мере половина из них могут относиться к плейстоценовому времени; имеют ширину 1,8–2 см и толщину 0,6–0,7 см (рис., 4, 6, 7). Целые пластины имеют выпуклый профиль; ударная волна хорошо фиксируется на поверхности. Один из предметов представляет собой двойной резец, боковой, на медиальном сечении пластины из черного кремня с остатками галечной корки. Остальные пластины отличаются микролитичностью (рис., 11, 12), скорее, характерной для индустрии неолита. Допущение выделения этого хронологического горизонта согласуется с обнаружением в подъемных сборах двух орнаментированных фрагментов **керамики**; один из них имеет шамотную примесь, орнаментирован отступающими наколами, может быть отнесен к козловскому типу раннего неолита (рис., 14), второй содержит тальковую примесь, покрыт тонким ложношнуровым орнаментом, относится к липчинскому типу неолита (рис., 13).

Среди других каменных артефактов стоит отметить 3 выемчатых орудия на отщепах (скобели); они были зафиксированы в шурфе. Первые два происходят из верхних горизонтов: один подтреугольной формы, с небольшой выемкой, оформленной ретушью со спинки, из серого кремнистого сырья, размер 2,5×1,6×0,5 см. Второй – отщеп широкой подтреугольной формы, с небольшой выемкой со спинки, фтанитоид. Размер 2×1,5×0,4 см. Третий происходит из нижнего слоя шурфа и может быть связан с палеолитом: скобель на отщепе, черный блестящий кремний подтреугольной формы; ударный бугорок отсутствует. Рабочий край занимает одну из граней целиком. Размер 1,8×1×0,35 см.

Артефакты, уверенно соотносимые с эпохой раннего железного века, представлены двумя изделиями из бронзы и четырьмя макроорудиями. Бронзовые предметы происходят из отвала старой траншеи. Первый представляет собой изделие бронзовое из пластины треугольной формы, свернутой в трубочку подтреугольной в плане формы. Край свернут вовнутрь. Изделие сплющено, коррозировано, патинизировано. Размер 4×2,2×1,3 см. Второй – фрагмент венчика бронзового сосуда горшечной формы, диаметр устья порядка 25–30 см. Шейка достаточно высокая, выраженная, отогнутая наружу; венчик с утолщенным краем, уплощенным срезом, с небольшой «закраиной» изнутри. Имеется округлая «шишечка», возможно, брак, а не орнаментация. Внутренняя поверхность коррозирована, с многочисленными порами. Размер 6,1×4,2×0,4 см, толщина венчика 1 см.

Среди макроорудий в подъемных материалах в предвходовой части пещеры и в отвале старой траншеи собраны две шлифовальные плитки, небольшой пест и, предположительно, заготовка ножа на кварцитосодержащей плитке.

Зоогенные материалы собирались с поверхности в 2020 и 2022 гг., материалы с шурфа получены в сентябре 2022 г. Ввиду отсутствия изолированных скоплений костей и достаточно равномерного покрытия пещера по сбору материала была условно разделена на внутреннюю и привходовую части по затемнению, также отдельно рассмотрены послойно материалы с шурфа № 1.

Обработку поверхностных сборов 2020 г. начал палеонтолог, к.г.-м.н. Л. Л. Гайдученко, которым выделены плейстоценовые образцы (мамонт, шерстистый носорог), отмечена значимость пещеры для дальнейшего обследования.

На сегодняшний момент определены крупные фрагменты костного материала, при этом во всех локациях отмечены мелкие остатки, в т. ч. высокой раздробленности, предположительно экскрементного происхождения (зубы и фрагменты грызунов, насекомоядных и рукокрылых), требующие отдельного сбора и определения.

К привходовой части пещеры отнесены материалы, произведенные на площадке перед пещерой (под выступающим скальным козырьком), а также в светлой зоне пещеры (до упавшего камня). В связи с высокой задернованностью, большим количеством каменных завалов, наличием расселин, смывом с части площадки и осыпями большая часть собранного на поверхности материала без раскопок, ожидается принадлежит крупным млекопитающим. Значительная часть костей птиц и мелких млекопитающих связана с функционированием в основании пещерного навеса гнезда хищных птиц, во время обследования покинутого.

Определенные остеологические материалы этой части относятся к следующим видам: косуля сибирская (*Capreolus pygargus*), кабан (*Sus scrofa*), лошадь домашняя (*Equus caballus*), волк (*Canis lupus*), лисица обыкновенная (*Vulpes vulpes*), медведь бурый (*Ursus arctos*), выдра (*Lutra lutra*), белка обыкновенная (*Sciurus vulgaris*), суслик (*Spermophilus* sp.), бобр (*Castor* sp.), мышовка (*Sicista* sp.), полевка узкочерепанная (*Lasiopodomys gregalis*), полевка водяная (*Arvicola amphibius*), полевка (*Microtus* sp.), курица (*Gallus gallus*), воробей (*Passer* sp.), голубь сизый (*Columba livia*), тетерев (*Lyrurus tetrix*), чернеть хохлатая (*Aythya fuligula*). Основная масса костей принадлежит косуле сибирской.

В затемненной части пещеры большая часть материала относится к поверхностным сборам. В результате перемешивания слоёв грунта в ходе земляных работ, произведенных в пещере в середине XX – начале второй половины XX вв. (проходящая через всю пещеру траншея, оползшие отвалы) в поверхностных сборах отмечены зоогенные отложения разных периодов, включая плейстоцен. Среди определенных костей плейстоценовой фауны Л. Л. Гайдученко здесь выделен носорог шерстистый (*Coelodonta antiquitatis*), мамонт шерстистый (*Mammuthus primigenius*) и пещерная гиена (*Crocuta crocuta*). Большая часть костей так же принадлежит косуле сибирской, кроме которой имеются остатки европейского лося (*Alces alces*), волка, медведя бурого, лисицы обыкновенной, бобра, кожана двухцветного (*Vespertilio murinus*), ушана бурого (*Plecotus auritus*) и других летучих мышей (*Vespertilionidae* sp. ? *Myotis* sp.).

В археологическом шурфе сбор костей произведен по горизонтам.

На основании характерных представителей фаун по материалам с шурфа можно сделать вывод о том, что горизонты 1–3 относятся к голоценовому времени, а горизонт 4, четко отделённый стратиграфическим проколом, относится к позднему плейстоцену, предположительно периоду брянского межстадиала – концу невянского межстадиального потепления. Основная часть костей в этом горизонте сильно раздроблена, некоторые кости, не находясь непосредственно в зольнике, несут следы термической обработки (горения), в частности обуглены все 4 фрагмента конечностей бобра. Следует отметить относительную бедность горизонта 30–45 см.

Таблица

Шурф № 1

Вид (таксон)	Горизонт 1 гл. 0–15 см.	Горизонт 2 гл. 15–30 см.	Горизонт 3 гл. 30–45 см.	Горизонт 4 гл. 45–65 см.
Птицы	3			6
Лошадь домашняя	1			
Косуля сибирская	2	1		
Мамонт				1
Куница		1		
Суслик			1	2
Мышевидные грызуны	5	2	1	8
Пищуха				1
Медведь бурый	2	5		
Бобр				4
Гиена пещерная				1
Неопределенные (фрагментированные)	9	16	8	20
Всего	22	25	10	43

Итак, в ходе работ в гроте Прокудина-Горского обнаружен маломощный слой раннего железного века, а в пещере Прокудина-Горского зафиксированы артефакты и культурные отложения различных исторических эпох – верхнего палеолита, нео-энеолита, раннего железного века. Особая важность выявленного археологического комплекса состоит в чрезвычайной малоизученности района, где расположены данные памятники. До обнаружения обсуждаемых памятников в Ашинском районе было известно всего 5, а выявлено 2 памятника археологии, то есть, по сути, это белое пятно на археологической карте Челябинской области.

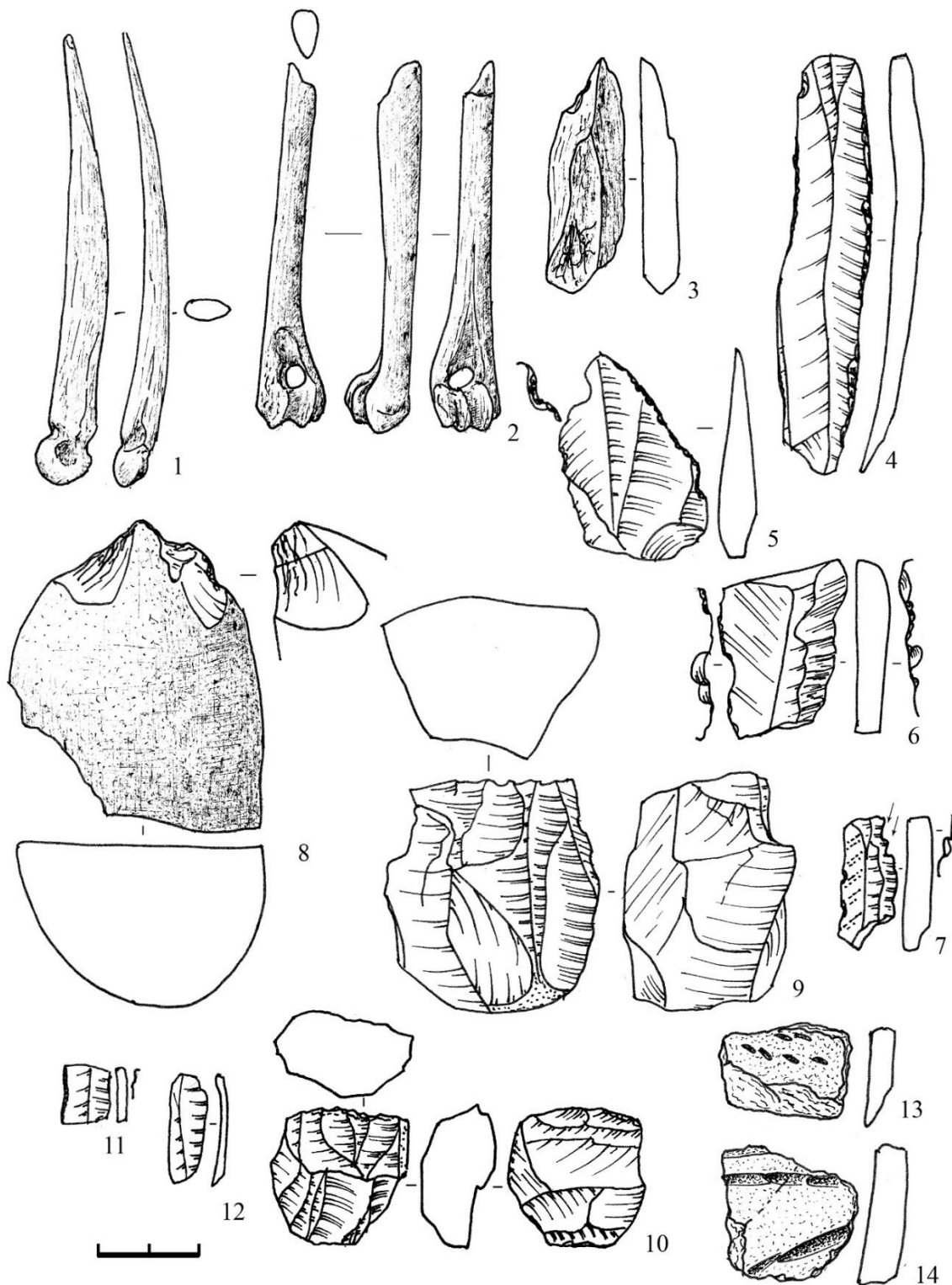

Рис. 1 – костяная проколка, 2 – костяное шило, фрагмент, 3 – костяное острие, 4, 6 – пластины с ретушью, 5 – нож на отщепе, 7 – резец на пластине, 8 – галечное орудие, 9–10 – нуклеусы, 11–12 – микропластины, 13–14 – фрагменты керамики.

Открытие данного комплекса памятников позволяет обратиться не столько к непосредственно источниковым данным, сколько к проблемам исследования палеолита в Южном Зауралье. В своих многолетних практиках целевых поисков палеолита Южного Урала он сформировал два простых, на первый взгляд, но действенных решения: обследование пещер и гротов и сотрудничество со спелеологами [Румянцев, 2018, с. 133]. В нашем случае выявление пещеры и грота Прокудина-Горского – продолжение его метода поисков. Но в отличие от территорий соседних регионов Среднего Урала и Башкирского Приуралья, в Челябинской области относительно давно не ведется системных работ в этом направлении, а исследования пещерных памятников носят либо точечный, несистемный характер, либо незаконный, так как не имеют обеспечения открытым листом и последующим составлением научного отчета и своевременных публикаций. Таким образом, для восточных склонов Южного Урала вновь актуальна задача, поставленная О. Н. Бадером более полувека назад: «организация систематических поисков следов палеолита в аллювиальных отложениях и в пещерах Южного и Среднего Урала до широты Печоры» [Бадер, 1961, с. 16].

Библиографический список

- Бадер О. Н. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы // Вопросы археологии Урала, вып. 1, 1961. С. 11–22.
- Румянцев М. М. Бадер как исследователь палеолита Южного Урала // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 122–137.
- Румянцев М. М. Становление изучения палеолита на территории Южного Урала (конец XIX–1961 г.) // Уфимский археологический вестник, № 19, 2019. С. 6–16.
- Сериков Ю. Б. Верхний палеолит Среднего Зауралья: от исследований О. Н. Бадера до современности // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 9–12 февр. 2016 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2016. С. 81–85.

CAVE AND GROTTA OF PROKUDIN-GORSKY ON THE RIVER SIM

E. S. Yakovleva

Astra Center for Historical and Cultural Research LLC, Krasnoarmeyskaya str.,
106, 454046, Chelyabinsk, Russia
lugsamildanah@yandex.ru

E. A. Chibilev

Institute of Systems Biology, Komsomolsky prospect, 85-226, 454014, Chelyabinsk, Russia
chibilov@gmail.com

In the field season of 2022, in the Ashinsky district of Chelyabinsk region, archaeological work was carried out in a cave that had been discovered two years earlier during a speleological survey and attributed as Prokudin-Gorsky cave. Materials from different periods of the Upper Paleolithic, Neo-Eneolithic, and Early Iron Age were obtained when collecting artefacts from the surface and from the pit. Besides, extensive osteological material was collected. The grotto adjacent to the cave was also examined, it provided materials from the era of the early Iron Age. The complex of monuments, discovered in the least explored area of the Chelyabinsk region, shows the prospects of its archaeological survey.

Key words: Prokudin-Gorsky, Southern Urals, Sim, cave, Upper Paleolithic, Neo-Eneolithic, Early Iron Age.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 902/904(470.53)

ВЗГЛЯДЫ О. Н. БАДЕРА НА ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИКИ НЕОЛИТА – ЭПОХИ РАННИХ МЕТАЛЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Н. С. Батуева ©

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24
nadiabat@yandex.ru

О. Н. Бадер является одним из выдающихся археологов, исследовавших древности Пермского Предуралья. За многие годы работы ученым были изучены десятки памятников археологии и обобщены материалы от древности до средневековья. Именно О. Н. Бадера считают основателем пермской научной археологической школы. За время проведения своих полевых исследований и исследований керамики эпохи неолита – ранних металлов О. Н. Бадер сумел обобщить и охарактеризовать керамику неолита (камской культуры), гаринской и борской, а также ерзовской культур. Стоит отметить, что на современном этапе практически не изменились взгляды на морфологические признаки посуды каменного-бронзового века, основным дополнением к исследованиям О. Н. Бадера является привлечение современных методов исследования посуды: изучение с помощью бинокулярной микроскопии, петрографического и химического анализа.

Ключевые слова: Пермский край, неолит, энеолит, бронзовый век, керамика, камская культура, гаринская культура, борская культура, ерзовская культура.

Бесспорно, одним из выдающихся археологов, исследовавших древности Пермского Предуралья, является Отто Николаевич Бадер. За многие годы работы ученым были изучены десятки памятников археологии и обобщены материалы от древности до средневековья. Именно О. Н. Бадера считают основателем пермской научной археологической школы [Очерки Пермского Предуралья, 2022, с. 8].

Одним из массовых материалов на археологических памятниках со времен неолита является керамическая посуда, которая имеет характерные черты для каждой из выделенных археологических культур.

Еще в ранних работах (например, «Археологические памятники Прикамья» [Бадер, 1950]) О. Н. Бадер описал керамику практически для каждого из хронологических периодов. Целью данной статьи является анализ взглядов О. Н. Бадера на керамику неолита – бронзового века региона.

Неолит

В одной из первых работ, посвященных неолитическим памятникам Пермского Предуралья, О. Н. Бадером была описана керамика стоянки Боровое Озеро I: «...обломки многочисленных глиняных сосудов полуяйцевидной формы с округло-коническими днищами и густым орнаментом из вдавленных зубчатого штампа, нанесенным до обжига» [Бадер, 1950, с. 41].

А также описана посуда Левшинской стоянки: «глиняная посуда, появляющаяся еще в начале неолита в Лёвшине, почти вся крупная, круглодонная, близкой к полуяйцу формы, грубо лепленная вручную, толстостенная, непрочного кострового обжига, желтого или красноватого цвета, с орнаментом в виде зубчатых линий, зигзагов, отдельных ямочных вдавлений и пр.; сосуды с плоским дном здесь встречаются очень редко и относятся, вероятно, к более позднему времени» [Бадер, 1950, с. 43].

В совместном исследовании с В. А. Обориным О. Н. Бадер работал с параграфами, касающимися каменного века и периода ранних металлов [Бадер, Оборин, 1958. §1–33]. В данной работе автором была описана материальная культура неолитических поселений Прикамья, в том числе и керамическая посуда. *«Помимо разнообразной деревянной, лубяной и плетеной посуды, впервые и широко используется посуда из обожжённой глины. Глиняная посуда камских поселений сделана из глины с примесью песка, хорошо сглажена, обожжена на костре и очень прочна. Все найденные сосуды имеют полуяйцевидную форму с наклонными внутрь краями, иногда более широкую круглодонную форму с диаметром в среднем 30–40 см»*. В результате исследования и изучения керамики эпохи неолита О. Н. Бадером была дана первая характеристика керамики камской археологической культуры, в том числе отмечались примеси в формовочной массе, и, более того, первая сравнительная характеристика с сопредельными территориями: *«Камская керамика отличается от неолитической керамики средних областей России с ямочно-зубчатым (или ямочно-гребенчатым) орнаментом и от зауральской керамики с зубчато-волнистым орнаментом, сделанной к тому же из глины с примесью толченой слюды и талька»* [Бадер, Оборин, 1958, с. 46–47].

Исходя из изучения керамики, исследователем были сделаны некоторые выводы о культурных связях камского населения: *«Камские племена обнаруживают известную близость к волго-окским племенам с ямочно-гребенчатой керамикой. Эта близость выражается в сходстве форм многих каменных орудий и глиняной посуды и орнаментации последней зубчатым штампом»*.

Но восточные, зауральские связи представляются более тесными. Они также выражаются в сходстве... яйцевидных форм глиняной посуды и в орнаментации ее зубчатым штампом» [Бадер, Оборин, 1958, с. 47–48]. Кроме этого, автором отмечаются находки тальковой керамики на стоянках Верхнего Прикамья, которая, вероятнее всего, была принесена населением Зауралья [Бадер, Оборин, 1958. с. 47–48].

В результате исследований О. Н. Бадером были выделены хронологические группы посуды камской культуры: хуторской и лёвшинский [Бадер, 1960; Бадер, 1963; Бадер, 1970, с. 157–171].

Первый этап относился к развитому неолиту. Для керамики хуторского этапа исследователь выделял такие характерные черты, как полуяйцевидная форма, орнаментация гребенчатым штампом. При этом основным узором являлась «шагающая гребенка», орнамент обладал большим разнообразием и сложностью узоров.

Лёвшинский этап относился автором к позднему неолиту. Для него были характерны круглодонные сосуды с цилиндрической верхней частью, венчики без напыла, ямочная орнаментация по венчику сосуда и узор в виде «решетки» [Бадер, 1960; 1963; 1970, с. 157–171].

Анализируя взгляды О. Н. Бадера с точки зрения сегодняшнего дня, можно сказать, что автором использовалось морфологическое описание сосудов, в которое он включал внешние признаки: цвет, орнамент и др. При этом, помимо качественных характеристик, он обязательно использовал количественные, например, толщину стенок сосудов, соотношение венчиков с напылом.

При сравнении взглядов О. Н. Бадера с современным изучением посуды каменного века мы можем отметить, что основные внешние характеристики остались неизменными, но благодаря использованию современных методов исследования глиняной посуды (техико-технологический анализ, петрографический анализ) мы можем дополнить характеристику О. Н. Бадера тем, что древними гончарами для изготовления посуды использовались илестые глины и глины с искусственными примесями шамота и шамота с органическим раствором [Батуева, 2020; 2023].

Медно-бронзовый период

О. Н. Бадером керамика гаринской археологической культуры, которую в те времена атрибутировали как посуду гаринского этапа турбинской культуры, была описана следующим образом: *«Глиняная посуда.... Продолжала сохранять полуяйцевидную неолитоидную форму, но верхние края ее уже редко наклонены внутрь, они чаще прямые, цилиндрические; края сосудов, венчики чаще уплощены, как бы сплюснуты сверху и несут по верхней плоскости орнамент в виде косо поставленных отпечатков зубчатого штампа. Орнамент также преимущественно зубчатый, располагается горизонтальными зонами и не имеет резких отличий от неолитического. ...Но основным, постоянным отличием всей турбинской керамики (и гаринской, и борской) от неолитической является примесь каких-то растительных остатков (толченой коры?)...»* [Бадер, Оборин, 1958, с. 54].

Черты посуды, также выделенной для гаринского и борского этапов медно-бронзового века Пермского Предуралья, описаны О. Н. Бадером и в диссертационном исследовании [Бадер, 1963, с. 25]. Стоит отметить, что в данной работе автор выделяет памятники Осинского Прикамья, при этом описывая керамику этих памятников как гаринскую, но с определенными «устойчивыми отличиями»,

такими как: «более густые растительные примеси к глине для лепки сосудов, менее густой орнамент, меньшее распространение орнаментального мотива «шагающей гребенки», менее значительная примесь зауральской тальковой керамики, больший процент плоских днищ, почти постоянное присутствие прямошейных сосудов с гофрированным наlepным валиком на шейке» [Бадер, 1963, с. 29–30].

Также как и с посудой камской неолитической культуры, мы видим, что О. Н. Бадером была описана керамика эпохи энеолита с точки зрения морфологического анализа. Важным является то, что автором отмечались основные искусственные примеси в формовочной массе посуды. В случае с энеолитической посудой, на современном этапе исследования показывают, что «растительной примесью», которую выделял О. Н. Бадер, является дробленая раковина, которая в результате выщелачивания образовала поры в стенках сосудов [Лычагина, Батуева, 2018].

В то же время исследователем выделяется ерзовская культура, которую он отнес к концу бронзового века – началу раннего железа [Бадер, Оборин, 1958, с. 91]. Керамика ерзовской культуры была охарактеризована как «глиняная посуда реповидной формы, с узкими плоскими днищами и невысокими шейками с небольшими утолщениями – «воротничками» снаружи. ...сделана из глины с растительными примесями...» [Бадер, Оборин, 1958, с. 91]. Автором отмечалось, что посуда имеет много схожих черт с посудой ананьинской археологической культуры и чаще всего встречается совместно с ней. Кроме этого, по итогам изучения поселения Забойное I, О. Н. Бадер описывал материалы одного из жилищ так: «...сосуд имеет вполне определенный облик и может быть отнесен к недавно выделенной в Прикамье керамике конца бронзы или начала железа, уже несущей в себе черты формирующейся ананьинской культуры...» [Бадер, 1959, с. 62]. Далее автор сравнивает керамику с материалами Ерзовского и Заюрчимского поселений, таким образом определив их в один культурный тип. На сегодняшний день поселения ерзовского типа практически не изучены.

За время проведения своих полевых исследований и исследований керамики эпохи неолита – ранних металлов О. Н. Бадер сумел обобщить и охарактеризовать керамику неолита (камской культуры), гаринской и борской культур, а также ерзовской культуры. Стоит отметить, что в настоящее время характеристика керамики камской неолитической культуры практически не изменилась, как и периодизация самой камской культуры.

Исследователем выделялись гаринский и борский этапы турбинской культуры и были отнесены им к бронзовому веку (из-за отсутствия в орнаментации посуды «шагающей гребенки», характерной для неолита и энеолита региона), но позже было доказано, что металл, встречающийся на данных поселениях, медь и памятники гаринского и борского этапов стали относить к энеолиту – таким образом, О. Н. Бадером была описана керамика эпохи энеолита Пермского Предуралья. Еще одним важным событием необходимо считать выделение ерзовской культуры по материалам Ерзовской стоянки в работах О. Н. Бадера.

В итоге стоит отметить, насколько важными в изучении керамики эпох неолита – ранних металлов памятников Пермского Предуралья являются работы такого выдающегося исследователя, как Отто Николаевич Бадер. На современном этапе практически не изменились взгляды на морфологические признаки посуды каменного-бронзового века, основным дополнением к исследованиям автора является привлечение современных методов исследования посуды: изучение с помощью бинокулярной микроскопии, петрографического и химического анализа, позволяющих получить новую информацию о технологии изготовления древней глиняной посуды и о традициях древнего населения Пермского Предуралья.

Примечание

¹ Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>, гранта РФФИ № 20-49-590002 «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья».

Библиографический список

- Бадер О. Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление / О. Н. Бадер. Пермь: Кн. изд., 1950. 116 с.
- Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. 244 с.
- Бадер О. Н. Поселение Забойное I // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической экспедиции. Вып. 1. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 25–62.
- Бадер О. Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеографии Урала // МИА. 1960. № 79.

Бадер О. Н. Древнейшая история Прикамья // Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени д.и.н. М., 1963. 42 с.

Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 157–171.

Батуева Н. С. О соотношении орнаментации и технологии изготовления неолитической посуды Верхнего и Среднего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVII. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2020. С. 63–70.

Батуева Н. С. Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у населения Среднего Предуралья в эпоху неолита: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. / Батуева Надежда Сергеевна. Санкт-Петербург, 2023. 420 с.

Лычагина Е. Л., Батуева Н. С. Результаты исследования нео-энеолитической керамики с гребенчатым орнаментом Чашкинского микрорегиона // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (40). Пермь, 2018. С. 31–43.

Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие / А. М. Белавин и др., под редакцией Н. Б. Крыласовой, Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т 2-е издание, испр. и доп. Пермь, 2022. 315 с.

O. N. BADER'S VIEWS ON THE STUDY OF NEOLITHIC-THE EARLY METALS ERA CERAMICS FROM THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF PERMIAN URALS. THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM

N. S. Batueva

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia
nadiabat@yandex.ru

Bader O. N. was one of the prominent archaeologists who studied the ancient artefacts of the Perm Cis-Urals. For many years of work, the scientist had studied dozens of archaeological sites and summarized materials from antiquity to the Middle Ages. It was O. N. Bader who is considered to be the founder of the Permian scientific archaeological school. During his field studies and studies of Neolithic-early metals era ceramics O. N. Bader was able to generalize and characterize the ceramics of the Neolithic (Kama culture), Garin and Bor, as well as Erzov cultures. It should be noted that at the present stage, the views on the morphological features of the Stone-Bronze Age dishes have not changed, the main addition to the research of O. N. Bader is the involvement of modern methods for studying dishes - studying using binocular microscopy, petrographic and chemical analysis.

Key words: Perm region, Neolithic, Chalcolithic period, Bronze Age, ceramics, Kama culture, Garin culture, Bor culture, Erzov culture.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БАРДЫМСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА ПЕРМСКОГО КРАЯ В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ

О. А. Казанцева ©

Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
kazantsevaolga@yandex.ru

В статье на примере многолетних археологических работ (с 1986 г. по настоящее время) Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ) УдГУ (г. Ижевск) в Бардымском муниципальном округе Пермского края представлен результат деятельности ученых, применяющих на практике своеобразную систему взаимодействия ученых и местного сообщества в области изучения, популяризации и сохранения археологического наследия. Деятельность археологов построена на принципе единства при организации работ: разведки, раскопки, презентация результатов в науке и популяризация объектов археологии в обществе. Формы презентации итогов в науке традиционные: статья, каталог, монография, доклад или сообщение на семинарах, конференциях разного уровня. Формы популяризации в обществе: экспозиционно-выставочная деятельность, тематические экскурсии, научно-популярные публикации, видеосюжеты на местном телевидении «Приюльве».

Ключевые слова: археология, раскопки, наследие, изучение, популяризация, сохранение.

В Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» под объектом археологического наследия понимаются «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки...» [Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ].

Археологические памятники являются важными источниками для изучения древнейшей истории, как отечественной, так и региональной.

Отечественные ученые-археологи имеют разные точки зрения по поводу презентации археологического наследия. С одной стороны, достижения археологической науки представлены в научном пространстве, а с другой – популярная информация для публики должна быть дозированной и, безусловно, отличаться от научной по содержанию и способам трансляции знаний массовому слушателю в обществе. Важным каналом трансляции археологического наследия являются музеи (выставки).

С. Э. Зубов с соавторами (г. Самара) рассматривают проблемы представления археологического наследия и модели виртуальных экспозиций, среди которых выделяют 3 вида: коллекционная, средовая и тематическая. Если коллекционная модель в большей степени ориентирована на научное и образовательное сообщество, то средовая и тематическая модели – на широкую публику [Зубов и др., 2022, с. 247].

В. М. Андреев (г. Челябинск) считает, что в музеях при показе археологических предметов необходимо «...расширить инструментарий экспозиционного проектирования методом контрастной (сопоставительной) презентации смыслов научной и профанной интерпретаций наследия. Созданные этим методом музейные продукты будут отражать ситуацию интерпретативности археологического наследия в современной культуре» [Андреев, 2014, с. 195–200].

Важность презентации археологического наследия неоднократно подчеркивалась автором статьи [Казанцева, 2011, с. 289–290, 2013, с. 11–13, 2015, с. 26–29, 2015а, с. 120–131]. Автором раскопок археологических памятников в Бардымском районе (с 2019 г. – округе) Пермской области (с 2005 г. – края) была опробована система изучения, сохранения и популяризации археологических памятников. Раскопки объекта тесно связаны не только с исследованием и представлением итогов труда в науке, но и выставочной деятельностью с целью популяризации наследия в обществе.

Презентация итогов раскопок в науке осуществляется в виде научных публикаций: каталоги, монографии, статьи, тезисы. В течение работы нескольких десятилетий в Бардымском районе (округе) учеными опубликованы статьи в тематических (материалы конференций, совещаний международного,

всероссийского и регионального уровня) сборниках, серийных («Археологические открытия», «Археология Волго-Камья») изданиях Института археологии РАН (Москва), Института археологии им. А. Х. Халикова Республики Татарстан (г. Казань). Публикации индексируются в электронных научных базах цитирования РИНЦ (доступны в свободном доступе зарегистрированным пользователям), Scopus, Web of Science как автора раскопок, так и ученых естественных наук (Н. Ю. Сунцова, Д. А. Куприянов) по материалам памятников.

Работа археологов со СМИ заключается в контактах с газетой и телевидением. Статьи в местную газету «Рассвет» (на двух языках: русском и татарском, плюс электронная версия газеты на сайте издания) стали доброй традицией ученых. Заметим, что публикации автора раскопок и статьи корреспондентов газеты отличаются при освещении одних и тех же событий, что свидетельствует о разном восприятии в обществе труда археологов. Значительную аудиторию собирают видеосюжеты о работе археологов на местном телевидении «Притульве». Позитивно, что в программах участвовали студенты-историки, практиканты, которые высказывали свои впечатления о раскопках, традиционной культуре населения, итогах работ [Бардымское ТВ «Притульве»].

Кроме того, издания к юбилейным датам – ко дню образования Бардымского района [Бардымский район..., 2009], книги о Бардымском районе содержат информацию об археологических объектах и работах на них [Казанцева, 2013а, с. 19–22].

Археологические выставки, устраиваемые учеными на месте раскопок памятника и в районных учреждениях культуры (дом культуры, клуб). Презентация археологии крайне важна, так как в определенном смысле «раскрывает» посетителю древнейшую историю и способствует пониманию материальной культуры древнего населения. Для участников раскопок, студентов, проходящих учебную практику, выставка – возможность посмотреть на результаты своего труда и понять приемы экспонирования археологических находок [Казанцева, 2015, с. 28].

Ещё одна форма взаимодействия ученых с населением – совместные работы при раскопках археологических памятников. Имеется опыт проведения аварийно-спасательных работ на Бардымском V селище, Кудашевском I могильнике в разные годы со школьниками, рабочими, безработными [Бардымский район..., 2009, с. 79–86]. При разведках помощь местного населения бывает необычайно полезной.

Все археологические объекты Бардымского муниципального округа состоят на государственном учете памятников Пермского края [Государственные списки..., 2001, с. 23–26].

Отдельные предметы из археологических коллекций памятников Бардымского округа Пермского края (Красноярский I, Кудашевский I могильники) представлены в научном виртуальном пространстве вуза – на сайте Института истории и социологии, кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, учебного кабинета [Музей археологии...].

Таким образом, многолетнее изучение и популяризация археологических памятников (разведки, рекогносцировочные исследования и раскопки, мониторинг состояния объектов) отрядом КВАЭ (УдГУ, г. Ижевск) в Бардымском муниципальном округе Пермского края опираются на комплексный подход в сохранении, изучении и популяризации объектов археологии при активном участии администрации, местной интеллигенции (краеведы) и населения. За период работы в округе выработана стратегия взаимодействия и накоплен определенный опыт сотрудничества с главой поселения, администрацией округа, частными лицами, знаменитыми людьми района, СМИ в плане взаимодействия на раскопках археологических памятников и популяризации результатов в виде выставок и научно-популярных статей в периодической печати.

Изучение археологических памятников тесно связано с их популяризацией в обществе, что, безусловно, способствует их сохранности. По принципу «чем больше известно населению об археологическом объекте (или месте, где расположен памятник), тем больше внимания у жителей к месту, где расположен объект». Например, на территорию Кудашевского I могильника не принято ходить у местного населения, создана своеобразная охранная зона. Работа археологов на раскопках с местным населением (школьники, безработные, пенсионеры и т. д.) позволяет обращать их внимание на ценность изучаемых объектов для истории и культуры не только Пермского края, но древнейшей истории России, способствует пониманию археологического памятника как исторического источника. Деятельность ученых с представителями разных социальных слоев населенного пункта вблизи археологического объекта в известной мере расширяет кругозор всех участников работ, развивает толерантность в отношениях, формирует интерес к материальной и духовной культуре древнего населения. В большинстве своем широкой общественности Бардымского округа памятники археологии известны, но отношение к ним неоднозначное. Традиционный вопрос о том, «нашли ли золото», является, бесспорно,

самым популярным. Беседы и лекции помогают ликвидировать представление о том, что поиск золота не является целью археологических раскопок. Краткое объяснение методики археологических работ вызывает разочарование у большинства слушателей, так как образ археолога, формируемый в СМИ, не соотносится с пониманием скрупулезности и тщательности исследования культурного слоя археологических объектов. Экскурсия на место археологических раскопок убеждает посетителей в том, что у археологов существует методика и методы научного исследования памятников, наглядно позволяет увидеть процесс, находки и понять цель исследований, формирует интерес у посетителей к истории прошлого. Вероятно, пришло время осознать, что выбранная стратегия нуждается в корректировке и требует несколько иных подходов в работе с местным сообществом. Среди современной молодежи нет интереса к ручному физическому труду, а он является основным на археологических раскопках, что свидетельствует о снижении интереса к краеведению в целом.

Перспективным каналом презентации и популяризации археологических памятников являются социальные сети (например, группа «ВКонтакте»), являющиеся не только мобильной площадкой для объявлений о событиях, работе археологов и т. д., но и местом общения заинтересованных лиц (археологов, краеведов, частных лиц). Опыт показывает, что для поддержания интереса к науке археологии социальные сети являются действенным бесплатным инструментом информирования и популяризации знаний в современном обществе. Профессиональному археологу необходимо понимать важность содержания наполняемого контента для массового посетителя и соблюдать профессиональную этику. Подчеркнем потенциал социальных сетей, который имеет перспективу для использования в интересах науки, но и отметим, что создавать сайты по археологии должны специалисты.

Обозначим другой эффективный инструмент для обмена научной информацией, трансляции научных знаний: платформы «Zoom», «Google Meet», «Контур Толк» и т. д., столь популярные в интернет-пространстве среди ученых. Данный ресурс тоже имеет перспективу в деле популяризации археологии в Бардымском муниципальном округе, например, для образовательного лектория (целевая аудитория – школьники и те, кто желает знать больше об археологии). Тематические выставки на сайте Бардымского муниципального округа будут способствовать определенному доступу к реальным кол-лекциям, а виртуальная форма представления археологического наследия поможет актуализации археологии и будет способствовать историческому образованию молодежи, просветительству всех интересующихся древнейшей историей края.

Библиографический список

Андреев В. М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11 (часть 1). С. 195–200. Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35503> (дата обращения: 01.09.2023).

Бардымский район: от прошлого к настоящему / А. В. Черных, И. А. Подюков, О. А. Казанцева [и др.], РАН, Урал. отд-ние, Перм. фил. ин-та истории и археологии, ГОУВПО «Перм. гос. ун-т», ГОУВПО «Удмурт. гос. ун-т», ГОУВПО «Перм. гос. пед. ун-т», ГОУ ДПО «Перм. краевой ин-т повышения квалификации работников образования», М-во культуры Перм. края, Администрация Бардымского муницип. р-на Перм. края; науч. ред. А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2009. 480 с.

Бардымское ТВ «Притульве». Режим доступа: <https://youtu.be/5t9Z5PTd0Z0?t=585> (дата обращения: 01.08.2023). Режим доступа: https://youtu.be/Eq3f_26KXj8?t=710 (дата обращения: 01.08.2023).

Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. Распоряжение губернатора Пермской области. Пермь: Пушкин, 2001. 352 с.

Зубов С. Э., Букина О. В., Рафикова К. В. Модели виртуального экспонирования археологического наследия в сети Интернет // *Нижеволжский археологический вестник*. 2022. Т. 22. № 1. С. 244–254.

Казанцева О. А. Археологическое наследие Бардымского района Пермского края: ресурс туризма или охранный зона? // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда: Великий Новгород – Старая Русса* / отв. ред.: Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. – Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 289–290.

Казанцева О. А. Археологическое, палеонтологическое и природное наследие Бардымского района Пермского края: изучение и экспонирование // *Грибушинские чтения-2013. Кунгурский диалог: тез. докл. и сообщ. IX Междунар. соц.-культур. форума (г. Кунгур. 22 – 27 апр. 2013 г.)* / М-во культуры, молодеж. политики и массовых коммуникаций Перм. края, Администрация г. Кунгура, Кунгур. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник; редкол.: С. М. Мушкалов и др. Кунгур, 2013. С. 11–13.

Казанцева О. А. Археология Бардымского района // Пермский край. Бардымский муниципальный район. Приглашение к сотрудничеству / Администрация губернатора Перм. края, Администрация Бардым. муницип. р-на; сост. И. М. Аширов. Барда, 2013а. С. 19–22.

Казанцева О. А. Археологическая практика как ресурс изучения историко-культурного наследия: учеб.-метод. Пособие и CD-ROM. / М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., каф. археологии и истории первобыт. о-ва. Ижевск: Удмуртский университет, 2015. 77 с.

Казанцева О. А. Популяризация археологического наследия как форма предупреждения незаконных раскопок // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: материалы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии», Москва, 9 – 10 декабря 2013 г. / отв. ред. О. В. Зеленцова. Москва, 2015а. С. 120–131.

Музей археологии древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья УдГУ. Режим доступа: <https://disk.yandex.ru/d/7VpI9DwfnW5frQ> (дата обращения: 01.09.2023).

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. №73-ФЗ. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/97278/> (дата обращения 25.06.2023).

PRESENTATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE BARDYM MUNICIPAL DISTRICT (PERM REGION) TO THE SCIENTISTS AND LOCAL COMMUNITY

O. A. Kazantseva

Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russia
kazantsevaolga@yandex.ru

The article presents the result of activities of the scientists implementing a system of interaction between scientific and local community in the field of studying, popularizing and preserving archaeological heritage. As an example of such interaction the author offers the long-term archaeological work (from 1986 to the present days) of Kama and Vyatka Archaeological Expedition (KVAE) of Udmurt State University (Izhevsk) in the Bardym Municipal District of Perm Region. The activity of the archaeologists is based on the principle of work organization unity: exploration, excavation, presentation of results to the scientists and popularization of archaeological objects among outer world. The forms of scientific results' presentation are traditional: an article, a catalogue, a monograph, a report or a message at seminars, conferences of various levels. Forms of the research popularization among society: exposition and exhibition activities, thematic excursions, popular science publications, videos on local television «PriTulvye».

Key words: archaeology, excavation, heritage, study, popularization, protection.

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ В ТРУДАХ В. Ф. ГЕНИНГА И СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В. П. Мокрушин ©

НАО «Наследие Кубани», 350063, Россия, Краснодар, ул. Красноармейская, 16
vlmokrushin@yandex.ru

Гончарство – разновидность осознанной человеческой деятельности с четким представлением ожидаемого *результата*. Наверное, древний мастер пытался повторить готовый образец, сохраняя в памяти преимущественно его наружный контур – наиболее информативную часть зрительного образа. Внешний профиль уменьшался либо увеличивался, конечно, с некоторым нарушением симметрии. Угол его наклона относительно вертикальной оси менялся, так же как и удаленность от нее. В результате наблюдалось случайное либо сознательное (целенаправленное) нарушение пропорций изделия даже при отсутствии искажений самого наружного контура. Цель sobлюсти пропорции некоей «стандартной» емкости, вероятно, не ставилась.

Ключевые слова: гончарство, плоскодонные горшки, внешний профиль сосуда.

Типология, постулируемая как «один из краеугольных камней археологии», служит фундаментом и для «хронологических построений», и для «обоснования процессов культурогенеза». Тем не менее она до сих пор мало напоминает точный инструмент для «препарирования» научных фактов, хотя, казалось бы, как никакая другая процедура «должна быть строго отработана», являя собой стройную исследовательскую «концепцию» [Глушков, 1996, с. 110/1].

Вплоть до середины XX в. интерпретация найденных вещественных остатков (включая гончарные изделия) зависела во многом от опыта, здравого смысла, интуиции и бытовой логики специалиста; представление о предметном мире зиждилось на субъективных визуальных оценках (*эмоционально-описательный подход*). В 1960–1970-х гг. зарождается *этноархеология*, ориентированная на реконструкцию древних производств и проверку полученных результатов посредством эксперимента. Внедрение компьютеров и электронных баз данных стимулировали развитие *формально-классификационного* направления, где проверяемость систематизации обеспечивалась использованием конкретного набора критериев [Бердников и др., 2014, с. 17–19].

Как подчеркивал В. Ф. Генинг, никогда не прекращавшееся производство глиняной кухонной утвари на том или ином поселении, постоянное накопление в культурном слое обломков посуды в целом довольно подробно отражают «непрерывность и массовость социальной деятельности», важнейшие изменения, происходившие в жизни конкретного человеческого коллектива. Предложенная им программа статистической обработки керамики, опиравшаяся на математические методы, несмотря на трудоемкость вычислений получила определенное признание среди специалистов, но оказалась в полной мере не востребованной и не стала универсальной, как замыслил ее создатель. Лепные сосуды, формы которых далеко не идеальны (что, само собой, автор отлично понимал), рассматриваются тут упрощенно, как абстрактные «тела вращения», имеющие *ось* – некую вертикаль, разделяющую предмет на две половинки, считающиеся симметричными [Генинг, 1992, с. 48–50, 108].

Конечно, это не *реальная*, а *условная* ось. Из центра гончарного изделия на уровне его наибольшего диаметра она опускается точно через середину плоского днища; если же основание тулова *круглое* либо *острое*, следовало построить дополнительную горизонталь, соприкасающуюся с наиболее удаленной от устья точкой на корпусе, откуда и восстанавливалась ось [Цетлин, 2017, с. 168].

Составные части сосудов, имеющие каждая свое конкретное назначение, вычленяются у В. Ф. Генинга по формальным признакам. Для этого в местах последовательного сужения и расширения внешнего профиля там, где вертикальная прямая касается внешнего контура предмета, указываются так называемые **критические точки** (КТ) [Генинг, 1973, с. 115–116].

А. А. Бобринский выделяет на сосуде следующие функциональные элементы: *губа* – Г (*верхнее окончание емкости*), *щека* – Щ (*неспециализированный слив*). Далее идут *шея* – Ш, *плечо* – П, *предплечье* – ПП, а также *тулово* – Т и его *основание* – ОТ. Перечисленные детали, в зависимости от технологической развитости, бывают: *несформированные*; *сформированные частично либо полностью*. Три из них (Г, Т, ОТ) – субстратные, обязательные; образуют простейший 3-хчастный контейнер (Вид 1).

Остальные элементы могут отсутствовать либо комбинироваться в разных вариациях; их всего 13 видов, объединенных в 5 групп; самый полный набор – Г+Щ+Ш+П+ПП+Т+ОТ [Бобринский, 2018а].

Выявление естественной структуры в формах посуды исследователь связывал с фиксацией «точечных» акцентированных усилий мастера, направленных на отделение друг от друга разных конструктивных составляющих. Подобные узкие зоны усиленного физического воздействия руки гончара несложно установить, если по наружной и внутренней поверхностям емкости последовательно «прокатывать» окружности Ø 0,5–40 см. На обнаруженных участках *повышенной локальной кривизны* шаблон касается контура лишь в двух пунктах, а имеющийся зазор с наиболее удаленной точкой поверхности («*точка наибольшей локальной кривизны*» – НЛК) не должен превышать 1 мм. Точки НЛК, никак не связанные с *осью сосуда*, не всегда совпадают с его «*критическими точками*». Проведя из двух соседних точек НЛК навстречу друг другу 2 касательные к линии контура, мы выявим заключенный между касательными отрезок кривой – это *зона «перегиба линий контура»* (ПЛК). Ее центр – точка ПЛК, которая находится на стыке выпуклого и вогнутого изгибов. [Бобринский, 2018, с. 18–22].

По мнению современных исследователей, изготовление посуды – итог целостного, системно организованного труда с присутствием постоянных компонентов. Несомненно, это разновидность осознанной человеческой деятельности с ясным пониманием последовательности стоящих практических задач и действий, а также наличием субъективной *идеи*, что выражалось в виде четкого представления об успешном ожидаемом *результате* [Цетлин, 2012, с. 33–34].

Устойчивость производственного цикла обеспечивали складывавшиеся «культурные традиции» (в том числе разного рода обычаи и верования). Передаваясь от старшего поколения к младшему путем непосредственного обучения, они были отнюдь не одинаковы для мастера и потребителя (основная масса населения) – соответственно, «внешняя» и «внутренняя» и культуры. Между гончарами (а также гончарами и потребителями) устанавливались разветвленные динамичные отношения. Для простого пользователя абсолютно безразлично (важное для гончара) *техничко-технологическое* содержание традиций: используемые *орудия*, приспособления и материалы; подбор, поиск, подготовка исходного сырья; разработка рецептов формовочных масс; набор *устойчивых*, повторяющихся в течение достаточно длительного времени умений и *навыков*; приемы лепки и придания предмету нужной формы, его декорирования. Наиболее ответственной стадией являлся обжиг – сложный процесс физико-химических преобразований глины, кардинально менявшей свои естественные свойства: из пластичной, мягкой, податливой, активно впитывающей воду, она становилась твердой, прочной, влагонепроницаемой и термостойкой. [Цетлин, Волкова, 2010, с. 52–56].

Наш далекий предок не придумывал каждый раз заново форму своего изделия, а, опираясь на «естественную способность человека действовать по представлению», пытался повторить готовый образец, воспроизвести некий «морфологический стандарт», добиваясь сходства с исходной моделью. В соответствии с господствующей точкой зрения, принимаемой априорно, древний мастер ставил перед собой цель максимально точно сохранять «одни и те же значения признаков формы», прилежно пытаясь соблюсти все пропорции имеющегося эталона, исходя из принципа: чем меньше различий, тем точнее копия.

Допустим и иной подход к данному вопросу. Самая «информативная часть зрительного образа» – это внешний контур; запоминаются в первую очередь именно его «особенности»: «экстремальные участки», места максимальной «кривизны», «выражающие основной смысл фигуры». При этом ослабление внимания к остальным частям предмета «приводит к самопроизвольной трансформации образа» [Глушков, с. 110/5–6]. Если исходить из вышесказанного, в памяти, наверное, наиболее отчетливо сохранялся наружный профиль эталонной емкости, который гончары старались воспроизвести; при этом его масштаб увеличивался либо уменьшался по осям X, Y явно с некоторым нарушением симметрии. Изменялись не только угол наклона профиля относительно вертикальной оси, но также удаленность от нее самой. Результатом подобных отклонений являлось случайное либо сознательное (целенаправленное) нарушение пропорций изделия даже при отсутствии искажении самого профиля.

Применение современных систем автоматического проектирования (САПР) позволяет отчасти реконструировать процесс моделирования тела гончарного изделия. Наш интерес вызвали прежде всего «округло-биконические» плоскодонные горшки с невысоким горлом. В ходе археологических раскопок это одна из ведущих категорий инвентаря. Весьма хорошо они представлены в обширном некрополе Клин-Яр III (Кисловодская котловина), в женских захоронениях предскифского времени – IX – сер. VII вв. до н. э. Данная коллекция введена в научный оборот не так давно. Судя по добавкам в тесто, технологические приемы в изготовлении всех групп керамики, встреченных здесь, весьма

близки. Происходящим отсюда горшкам свойственны «непритязательный» внешний вид и неаккуратная «грубая» лепка; многие выглядят заметно асимметричными. «Не отличалась тщательностью» и отделка их поверхности, обработанной плохо и очень «небрежно» либо не заглаженной вообще. О несовершенстве приемов обжига свидетельствует пестрая неровная наружная окраска.

Корпус, как правило, орнаментирован ногтевыми, пальцевыми и др. оттисками, размещавшимися горизонтальными рядами; максимальное расширение приходилось «на середину или верхнюю треть» емкости [Белинский, Дударев, 2015, с. 5, 279, 297].

Высота анализируемых изделий (h) – 12,5–20 см. Их диаметр в см: по венчику (Дв) – 11,5–18; по тулову (Дт) – 12,5–19; дна (Дд) – 7,4–10. Преобладали приземистые формы с соотношением $h / Дт$, равным 0,941–1,105. Только у трех экземпляров данный показатель превышал 1,16. Вопрос классификации указанных предметов в монографии не затрагивался.

При наличии значительной выборки такого рода артефактов, дошедших до нас целиком, до сих пор отсутствует их «ранжированная во времени» систематизация. Предложенная несколько лет назад С. Б. Вальчаком типология рассматриваемых здесь предметов с выделением 4 вариантов носит предварительный и явно искусственный характер. Нет никаких разъяснений, почему в ее основу положен очень ограниченный набор признаков: соотношение диаметров по тулову и венчику.

Первоначально изображения сосудов, скопированные нами из монографии А. Б. Белинского и С. Л. Дударева, были вставлены в специально созданный документ (файл) и приведены к единому масштабу. Все необходимые промеры брались в дальнейшем из полученного электронного чертежа. Одна его единица приравнивалась к 1 см. Два горшка (погр. 200 и 170), казавшиеся на вид наиболее правильными, приняты нами как типовые. Правый внешний профиль каждого сохранен в памяти компьютера в виде контрольных кривых, получивших имена «слп» и «слаб» соответственно. Они в дальнейшем использовались как шаблоны (или блоки – в терминологии применявшейся нами программы AutoCAD) и поочередно совмещались с наружными контурами остальных емкостей; при этом почти всегда изменялись их масштаб и наклон. Понятно, что рассчитывать в данном случае на стопроцентное совпадение не приходится, и отклонение, не превышающее 7 мм, скорее всего, следует оценивать как случайное, не имеющее систематического характера; ведь речь в данном случае идет о нестандартной керамике, вылепленной вручную. Более того, профиль одного и того же изделия в разных местах (в нашем случае – правый и левый) будет заметно отличаться.

Проделанная нами работа показала наличие в выборке достаточно многочисленной разновидности слабопрофилированных горшков. Типовой образец для них, происходивший из погр. 200, немного скошен; его линейные габариты в см: $h = 18$; Дв = 14,7; Дт = 16,7; Дд = 9,6; расстояние от дна до места максимального расширения = 9,4 – почти середина емкости. Экземпляр из погр. 350, по сути, представляет собой копию предыдущего; его параметры почти пропорционально уменьшены с коэффициентом 0,86–0,9. Оба изделия вместе с двумя другими, еще более миниатюрными (погр. 175 и 203), имеют относительно широкие днища; показатель Дд / Дв у них составлял 0,64–0,75; наклон шаблона наружу колебался в пределах 0–5°. У всех четырех образцов тулово хорошо выделено и заметно шире приустьевой части. Соотношение Дт / Дв составляет 1,07–1,15; у остальных горшков анализируемой коллекции диаметры в этих местах обычно существенно не отличаются.

Экземпляры из погр. 214 и 283 для рассматриваемой коллекции следует считать крупными. У них масштаб вставки шаблона варьировал в рамках 0,94–1,01, а наклон наружу составлял 9–14°, что сильно меняло пропорции тулова, приобретавшего «тюльпановидную» форму; соотношение диаметра по дну и венчику здесь различалось более чем в два раза (0,4–0,45). Представляется, что четыре кривобоких сосуда (погр. 211, 265, 257, 307) являются не очень удачной попыткой воспроизвести «тюльпановидные» горшки (Рис., 4).

Промежуточное положение между широкодонными и «тюльпановидными» горшками занимают сосуды из погр. 172, 188, 189, 212, 326, 337, 366 – наиболее типичные для анализируемого памятника и, вполне возможно, рассматривавшиеся как «стандартные образцы». Наклон наружу контрольной кривой у них составлял 5–8°; соотношение Дд / Дв колебалось в пределах 0,48–0,56. К ним тяготеет и экземпляр из погр. 213 с минимальным масштабным коэффициентом шаблона (0,67).

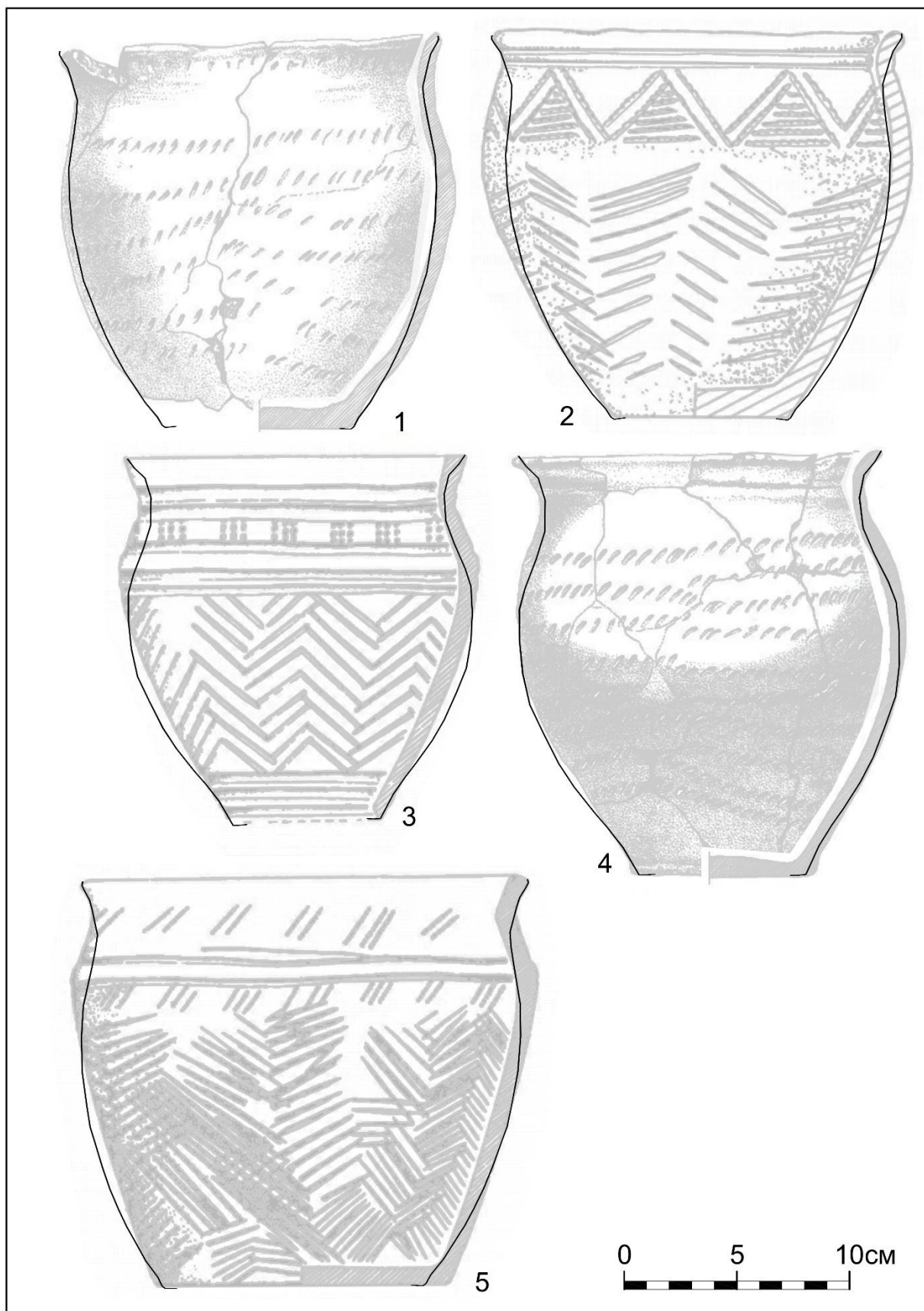

Рис. Плоскодонные горшки: 1, 4 – могильник Клин-Яр III, погр. 308 и 257; 2, 3, 5 – Синташта. Толстыми черными сплошными линиями показаны контрольные кривые – правые и левые типовые шаблоны «слп» и «слаб», максимально совмещенные с внешними контурами гончарных изделий

Вторая разновидность — горшки, профилированные незначительно: (погр. 308, 318, 349 и др., см. ниже (Рис., 1). По своим габаритам они отличаются мало; масштаб вставки шаблона для них составляет 0,95–1,12; лишь в одном случае этот показатель существенно меньше (0,7). У всех изделий соотношение Дт / Дв колеблется в пределах 0,93–1,02. Исключение составляет лишь образец из погр. 323 с показателем 1,09. У него, также как и у емкости из погр. 191, — относительно широкое днище с соотношением Дд / Дв 0,58–0,59. В остальных случаях днища в два раза и более уже устья. Профилированные незначительно экземпляры из погр. 170, 191, 321 характеризуются авторами публикации как «банкообразные».

Три сосуда занимают промежуточное положение, т. е. могут быть одновременно отнесены к разновидности как профилированных слабо, так и незначительно.

Изучение весьма представительной коллекции плоскодонных горшков (33 экз.) из некрополя Клинь-Яр III позволяет высказать мнение, что их наружный профиль — наименее изменчивый морфологический признак, в отличие от линейных размеров сосудов и их соотношений. Наверное, в памяти мастера достаточно прочно удерживался образ внешнего контура изделия, который многократно и воспроизводился. Его масштаб лишь увеличивался либо уменьшался, причем с некоторым нарушением симметрии. Не оставался постоянным угол наклона профиля относительно вертикальной оси, а также удаленность от нее самой. Основная масса изученных изделий может быть отнесена всего к двум разновидностям: емкости профилированные слабо (преобладали) и незначительно — банки. Такие их формы, как «тюльпановидные», широкодонные, вытянутые, вероятно, являются результатом целенаправленной деятельности, а не случайным отклонением от некоего исходного образца; впрочем, уверенно констатировать это пока нельзя.

Близкие аналогии проанализированным артефактам несложно отыскать в других регионах (в том числе весьма отдаленных и датированных уже иной эпохой), например, в составе коллекции широко известного археологического комплекса Синташта (XVII–XVI вв. до н. э.). Тут в погр. 18 большого грунтового некрополя (СМ), в северо-восточной части камеры, почти на самом ее дне, рядом с остатками двух плохо сохранившихся скелетов присутствовали 2 сосуда: приземистый и очень низкий (Рис., 3, 5). Соотношение $h / Дт$ для них — 1,025 и 0,865; промеры для расчетов взяты нами из электронного чертежа, так как в публикации (Табл. II) числовые показатели не совсем совпадают с приложенными рисунками. Внешний контур первой емкости совмещен нами с шаблоном «слп», а второй — «слаб». Масштаб вставки контрольных кривых, соответственно: 0,92/0,94 и 1,043/1,031; угол наклона наружу — $7/10^\circ$ и $8/5^\circ$. В числителе здесь данные для правого, а в знаменателе — левого профиля. Третья емкость из малого грунтового могильника (С II), обнаружена при расчистке катакомбного захоронения — погр. 10 (Рис., 2). Она совмещена с шаблоном «слаб»: масштаб вставки 1/1; угол наклона наружу $10/11^\circ$. Максимальное отклонение контрольной кривой в первом и втором случае фиксируется на плечике, составляя, соответственно, чуть менее 8 мм и почти 1 см. Для третьего сосуда этот показатель немного больше [Генинг и др., 1992, с. 174–176; 324–328; рис. 89, 4, 5; 189, 5].

Отобранные автором два памятника весьма сильно удалены друг от друга в пространстве и во времени. Конечно, население, оставившее их, не имело между собой прямых контактов. Внешнее сходство и отличительные особенности плоскодонных горшков, изготовлявшихся и там, и здесь, требует своего изучения.

Библиографический список

Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // *Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход*. М.: ИА РАН, 2018. С. 11–25.

Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // *Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход*. М.: ИА РАН, 2018а. С. 26–37.

Белинский А. Б., Дударев С. Л. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 2015. 446 с.

Бердников И. С., Лохов Д. Н. *Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования*. Учебное пособие. Изд 2-е. Иркутск: изд-во ИГУ. 2014. 163 с.

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // *СА*. 1973. № 1. С. 114–125.

Генинг В. Ф. *Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии*. Киев: Наукова думка. 1992. 188 с.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1992. 408 с.

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.

Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 2017. 346 с.

Цетлин Ю. Б., Волкова Е. В. Роль естественно-научных методов в изучении древней керамики как источника исторической информации // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 4 (44). 2010. С. 52–59.

THE PROBLEMS OF TYPOLOGY OF ANCIENT CERAMICS IN THE WORKS BY VLADIMIR GENING AND MODERN RESEARCHERS

V. P. Mokrushin

NAO «Nasledie Kubani», Krasnoarmeyskaya str., 16, 350063, Krasnodar, Russia

vlmokrushin@yandex.ru

Pottery is a kind of conscious human activity with a clear idea of the expected result. Probably, the ancient artisan tried to repeat the finished sample, preserving in memory mainly its outer contour - the most informative part of the visual image. The external profile was either reduced or increased, of course, with some violation of symmetry. The angle of its inclination relative to the vertical axis changed, as well as its remoteness from it. As a result, there was observed accidental or conscious (purposeful) violation of the proportions of the product even in the absence of distortion of the outer contour itself. There was probably no purpose to follow proportions of some «standard» vessel.

Key words: pottery, flat-bottomed pots, external profile of the vessel.

«ТЕХНИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ» ПЕРМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ НА ВЯТКЕ

И. Ю. Трушкова ©

Вятский государственный агротехнологический университет, 610017, Россия, Киров, Октябрьский пр-т, 133
arina_trushkova@mail.ru

С. П. Грачев

Вятский государственный университет, 610045, Россия, Киров, ул. Московская, 36
sergrachev@rambler.ru

В статье представлены детали истории пермской школы археологии, кружка для школьников при КА ПГУ. На основе анализа результатов экспедиций и других данных показана картина развития некоторых междисциплинарных, межрегиональных исследований в Приуралье. Обрисован спектр исследований на грани археологии, этнографии, компьютерной обработки материала, металлографии, этноэкологии. Дана характеристика некоторым сюжетам из обозначенных научных пограничий, получивших развитие уже в Вятском регионе. Среди результатов данных исследований – 3D-моделирование археологических и этнографических объектов для музейной фондовой работы. Отмечены моменты создания Банка данных по экспедициям, реконструкции объектов по сведениям планиграфии и стратиграфии. На основе металлографического анализа охарактеризована структура и воссозданы детали производства ряда металлических предметов. Отмечена эффективность частичного использования этноэкологического опыта крестьян, их поведенческие закономерности.

Ключевые слова: расширение исследовательского поля пермской археологии, научная социализация, этноархеология Вятского региона.

Одной из важнейших сторон деятельности научной школы является ее преемственность, которая включает и вовлечение в научный поиск новых поколений, и развитие межрегиональных контактов. Весьма ярко научная преемственность в пермской школе археологии проявляется в работе Школы юных археологов при ПГУ в 1970–1980-е годы, подготовке кадров для масштабных экспедиционных исследований, камеральной аналитики и т. д.

В 1977 г. в Школу юных археологов при кабинете археологии ПГУ им. А. М. Горького привела свою ученицу И. Сереброву Ирина Сергеевна Поносова (в прошлом археолог), в то время – учитель истории в средней школе № 92 г. Перми [ПМА, 1980–2010 гг.]. Ответственным за работу Школы являлся тогда студент старших курсов истфака ПГУ И. Кирьянов. В те годы это воспринималось как комсомольское поручение. Помогали товарищу другие студенты: П. Павлов, Е. Ашихмин, Г. Бординских и др. Прикосновением к «большой науке» для пытливых старшеклассников были не столько лекции, сколько беседы с преподавателями-«стажистами» В. А. Обориным, Ю. А. Поляковым, А. Д. Вечтомовым и молодым тогда ученым Г. Н. Чагиным. На занятия по субботам в корпус № 2 приезжали школьники из разных районов г. Перми. Средняя школа № 92 располагалась недалеко от Пермского госуниверситета, в 1970–1980-х гг. она была политехнической. В старших классах здесь углубленно изучалась физика, астрономия, химия; кроме алгебры и геометрии изучались факультативные курсы «Комбинаторика», «Основы работы с абсолютными и относительными погрешностями» и т. д. При этом гуманитарные предметы – «История», «Обществоведение» и иностранные языки – также преподавались на высоком уровне. Как правило, ежегодно выпускники трех десятых классов поступали в политехнический институт, военные училища, медицинский институт, на «точные» факультеты госуниверситета. Неким исключением из этого стало поступление выпускницы такой политехнической школы на исторический факультет ПГУ. Аналитика, междисциплинарные исследования, статистика, черчение органично влились в комплекс видов работ историка, занимающегося археологическими и позднее – этнографическими экспедициями. Стабильность и многогранность деятельности пермской научной школы археологии подразумевала разноплановые изыскания в своих рамках; в работе многих ее выпускников отмечались те или иные методики исследований. Многолетняя кадровая преемственность помогала научной социализации не только студентов, но и через дополнительное археологическое / историческое образование – школьников старших классов.

Волею судеб персональные профессиональные траектории привели рассматриваемую выпускницу уже исторического факультета ПГУ в 1989 г. на Вятку. Музейная аналитика с коллекциями по этнографии (с привлечением археологических аналогий), практические «сплошное» экспедиционное

обследование районов Кировской области, выставочная деятельность, музейная педагогика на основе вновь собранных экспедиционных материалов – все это включала исследовательская работа в Кировском областном краеведческом музее в 1990-х гг. Такие научные изыскания корреспондировали с некоторым включением Кировской области в 1950-х гг. в орбиту пермской археологической школы. В. Ф. Генинг, В. П. Денисов проводили здесь раскопки, И. С. Поносова после окончания истфака ПГУ была распределена в Кировский областной краеведческий музей, где проработала (в том числе и в составе экспедиций вышеназванных археологов) около двух лет, в 1954 и 1955 гг.

В 2000-х гг. своеобразная эстафета археологических и этнографических экспедиций перешла к Вятскому государственному университету, еще недавно сменившему свой статус Вятского технического университета (Кировского политехнического института) на классический. Обилие технических кафедр, тесные контакты с производством, специализированными заводскими лабораториями с их приборной базой привели к оформлению граней в междисциплинарных исследованиях, в частности – к комплексу работ с использованием IT-технологий, металлографического анализа и т. п. Так, подготовка кадров в КА ПГУ и региональные особенности развития научных направлений в Приуралье привели к складыванию конкретных эффективных научных коллективов. В 2000-х гг. впервые в Кировской области начались работы по компьютерному моделированию в археологии и этнографии. «Кадры решают все».

Историческая наука, как известно, не терпит сослагательного наклонения, моделирования исторических событий. Однако в таких сферах, как региональные археологические реконструкции, собирание Банка данных в археологии и этнографии, в 2000-х гг. виделись возможными и кибер-построения. Образно говоря, комбинаторика с ее вариациями «1» и «0»-символов, филигранная работа с погрешностями, а в химии – углубленное изучение sp-подуровней и не только, в ВятГУ 2000-х гг., «здесь и сейчас», проявились в содружестве исторических экспедиционных дисциплин с техническими, естественнонаучными. В многочисленных опусах о таких совместных работах «физиков» и «лириков» представляется возможность уделить отдельное внимание сюжету об IT-моделировании при анализе археологических и этнографических коллекций из экспедиций в пгт. Лальск Лузского р-на Кировской обл. (научный руководитель – сначала кандидат, а потом доктор исторических наук И. Ю. Трушкова). Важный опыт в применении компьютерных технологий в археологии в Приуральском регионе имелся [Иванова, 2005].

В 2000-х гг. для научного осмысления археологического и этнографического наследия Вятского региона являлись актуальными использование баз данных и информационных систем, статистическая обработка данных, математическое моделирование (как вариант археологической реконструкции, этнографического музееведения и др.), вспомогательная обработка данных смежных областей.

Известно, что основным преимуществом систем автоматизированного проектирования (САПР) по сравнению с ГИС является их способность строить объекты в трёх измерениях, получая таким образом объёмную модель. Улучшенные в последнее время средства отображения моделей и возможность накладывать на их поверхности различные цветные текстуры позволяют получать изображения фотографического качества в разных ракурсах. У археологов наибольшей популярностью благодаря своей универсальности пользуется программа AutoCAD различных версий. Зачастую для неё создаются специальные приложения, приспособленные к тем или иным археологическим задачам. Тем не менее существует множество других САПР, таких как MicroStation, bCAD, AutoCAD Map, Easy CAD, «Компас» и др., которые также могут применяться в археологии. Основным способом использования подобных программ археологами – подготовка полевых чертежей и трёхмерные реконструкции раскопов, погребальных сооружений и поселений, а также архитектурных памятников и археологических находок. Кроме «чистых» САПР, существуют и некие «гибриды», сочетающие в себе элементы ГИС и САПР, а также анимации: AutoCAD MAP, ER Mapper, 3D Max и др. Внедрение этих продуктов в археологию сближает её с индустрией обучения и развлечений.

Создание математических моделей археологических объектов виделось важным этапом познания, поскольку позволяло чётко сформулировать представления о структуре объекта, характерных его особенностях, действующих в нём связях и его поведении. Для археологических исследований в других регионах было показательным применение как детерминированных, так и стохастических моделей. Большинство применяемых моделей являются не более чем формулами или дифференциальными уравнениями.

Межкафедральные исследования на базе кафедр всеобщей истории, «IT-технологии в машиностроении» и кафедры металловедения ВятГУ позволили провести серию статистических исследований, связанных с формированием Банка данных, варианта электронной карточки для археологических

предметов, модели реконструкции артефактов, реконструкции сооружений и объектов по планиграфии и стратиграфии раскопа [Микрюков, Трушкова, 2008, с. 113–115; Флакман, 2008, с. 110–112].

Логично, что объектом таких исследований выступили региональные археологические и этнографические исследования, проводимые археолого-этнографической экспедицией Вятского государственного университета в пос. Лальск Лузского района Кировской области. Предмет исследования – компьютерные технологии, которые возможно применять при анализе данных, полученных в результате археологических раскопок ВятГУ в пос. Лальск Лузского района Кировской области. Цель работы – разработка и адаптация методик компьютерных технологий для обработки и анализа археологической экспедиционной информации. Задачи работы – разработка электронной картотеки, компьютерная реконструкция артефактов по фрагментам предметов из раскопов, реконструкция сооружений по планиграфии и стратиграфии. Хронологические и территориальные рамки исследования определяются содержанием археологических источников. Это предметы материальной культуры XVIII–XIX вв., соотносимые с историей провинциального города Лальск и его округа.

Для этноархеологии Приуралья в целом и Вятского региона в частности, в современный период актуальным представляется использование компьютерного моделирования по нескольким направлениям исследований. Ярким наполнением содержания региональной этноархеологической науки являются комплексы бытовых вещей, состоящие как из археологических находок XVIII в., так и из экспонатов для этнографического музея. Важные объекты в этом комплексе – крестьянская утварь, орудия труда, изразцы [Трушкова, Отчеты...].

При изучении именно таких источников посредством применения информационных технологий выявились некоторые закономерности. Обычно все внимание историков обращается к внешнему, визуальному ресурсу изучаемого предмета. При изучении керамической посуды вятского населения, датируемой XVIII–XX вв., обычно осмыслению поддается форма венчика, донышка, общий вид по развалам или орнаментация, разлом черепка и т. п. Используя компьютерные программы, можно детальнее реконструировать исходную форму глиняных горшков, изразцовых плиток и т. д. Виртуальная модель предмета позволяет зафиксировать точную цифровую информацию о поверхности предмета и «заглянуть вглубь» вещественного источника, что помогает реконструировать общую этноэкономическую ситуацию в регионе [Трушкова, 2016; Трушкова, 2022, с. 107]. Результаты реконструкции предметов из археологических раскопок приведены на рисунке ниже.

Компьютерное моделирование помогает сделать сечения исследуемых этноархеологических объектов. Так у изразцов нагляднее, четче фиксируются толщина и профиль самой плитки, внутренние очертания румпы, особенности расположения отверстия для стягивающей проволоки, остатки скрепляющего раствора. Информационные технологии позволяют вычислить и сохранить сведения о деталях, находящихся внутри артефактов. В результате создается с достаточной степени полноты виртуальная копия предмета.

На примере обработки фрагментов тарелки XVIII в. из раскопа в пос. Лальск демонстрируется возможность посредством компьютерных реконструкций этноархеологического материала представить полный вид восстановленного предмета, вычислить его габаритные размеры, объем и вес предмета. По раппорту орнамента полностью восстанавливается декор изделия.

Говоря не только о научном, но и об образовательном использовании компьютерной программы, можно отметить ее широкие возможности применения в учебном процессе: на практических занятиях по спецкурсу студенты могут «разбирать» и «собирать» этнокультурные объекты. При этом идет их активное анализирование. Традиционный способ изучения этноархеологических источников учитывает их комплексное восприятие в рамках своей «родной» среды – среды бытования. Насколько полно может быть воспроизведена информация об этой среде бытования? Насколько полностью может быть исчерпан ресурс информации об окружающей культурной среде?

Технологии создания Банка данных и визуального воспроизведения контекста подразумевают цифровую реконструкцию раскопа на основе планиграфии и стратиграфии, при этом фиксируются координаты находки в культурном слое раскопа. Благодаря такой обработке, сохраняется целый комплекс этноархеологической информации, дальнейшее использование которой значительно облегчается. Речь идет не только об экономии времени работы в фондах, но и построении эволюционных рядов форм керамических горшков, компьютерном восстановлении элементов изразцового декора лальских церквей. При систематизации материала по разным критериям цифровую археологическую и этнографическую информации легче сопоставлять по месту находки, технике выполнения, материалу и другим признакам.

Сведения из Банка данных используются и при последующей трехмерной реконструкции ряда предметов. Возможны и трехмерные реконструкции частей культурного ландшафта и объектов, находящихся в нем. На примере производственной печи XVIII в. раскрываются некоторые особенности применения информационных технологий. Серия подобных реконструкций позволяет строить блоки виртуального учебного музея по истории Вятского региона. Более того, создание Базы данных способствует более ранней (после информационной обработки) передаче комплекса предметов этнокультурного наследия из университета на хранение в государственный музей. Информации для дальнейшей научно-исследовательской и учебной работы для сотрудников вуза и студентов будет достаточно и вне музея. В частности, сохраняемые массивы виртуальных моделей предметов позволяют всегда вернуться к их изучению и по-новому осмыслить и понять их сущность. Кроме того, современные интернет-технологии расширяют возможность изучения этнокультурного наследия всем научным сообществом. Результаты рассмотренных выше междисциплинарных / межкафедральных исследований выразились в серии публикаций [Грачев, Трушкова, 2007, с. 91–95; Трушкова и др., 2015, с. 60–62]. На примере изучения этноархеологического наследия Вятского региона демонстрируется возможность компьютерных технологий перейти на следующий, инновационный уровень изучения «вещного мира» прошедших эпох, направлять взгляд исследования как вовне, так внутрь изучаемого объекта.

Научное пограничье этноархеологии Лальска с естественными науками представляется возможным в изучении металлов, экологии и т. п. В результате металлографического анализа в рамках рассматриваемых междисциплинарных исследований определен химический состав исторических образцов, изучены микроструктуры сплавов, получено представление об общем ходе ремесленного процесса на территории Кировской области от истоков до начала XVIII в. (дофабричный период). Определен общий металлургический фон (типы использованных в соответствующие периоды сплавов на основе железа и меди по данным историко-металлургических исследований для территории Вятской губернии). Изучен также сырьевой аспект металлургических технологий по данным исследования археологических предметов. Было выяснено, что в составе рассматриваемых предметов низкое содержание примесей, особенно вредных, это приводит к мысли, что данные образцы были изготовлены из самородной меди. Структура некоторых обнаруженных при раскопках ножей позволяет предположить, что это структура булата с ферритно-перлитными волокнами. Вторичный цементит в древних булатах также выделялся на границе с ферритом. До настоящего времени свидетельств о производстве булата и четких сведений о бытовании его на территории современной Кировской области не было.

Важно, что металлографический анализ археологического материала из Лальска показал, что при получении металла и при изготовлении деталей применялась ремесленная технология обработки материалов: составы неустойчивы по химическому составу и структуре. Среднее суммарное содержание примесей означает достаточно хороший уровень чистоты (на уровне современных технических сплавов). Неоднородность составов и структуры выражена в значительной степени. Историческая форма обращения с материалом в петровские времена – рецептурность. Но изученные образцы свидетельствуют о высоком эмпирическом уровне физико-химических знаний мастеров и умений в обращении с металлами и сплавами [Трушкова и др., 2008, с. 115–117].

Сущность некоторых химических технологий в кустарном производстве региона была реконструирована на исторических источниках [Лихачев и др., 2006, с. 177–179; Лихачев и др., 2007, с. 100–103; Лихачев, Трушкова, 2008, с. 118–119].

Этноархеологическое и экологическое прочтение источников по истории и культуре Лальска и его окружи, как и по другим местностям Вятского края, выразилось в выявлении ряда закономерностей в щадящем / «экологичном» потреблении природы в традиционной культуре и поддержанием здоровья человека [Трушкова и др., 2019, с. 111–115; Trushkova etc., 2020, р. 268–275; Сапожникова, Трушкова, 2022]. Этот этноэкологический и этновалеологический опыт частично можно использовать и в наши дни. Некоторые сюжеты из бихевиоризма обнаруживаются при исследовании гендерного поведения людей в крестьянском мире [Трушкова, 2009].

Так, специализированная подготовка гуманитариев в сфере археологических и этнографических изысканий, оформившаяся в Пермской школе археологии в XX в., выявляет возможности и направления расширения исследовательского поля не только собственно на Западном Урале, но и в близлежащих регионах. В конце XX – первых десятилетиях XXI вв. продолжается воспроизводство здорового, уникального позиционирования науки. Важными ее показателями всегда являются фундаментальность, классический характер исследований, годами и десятилетиями подготавливаемые кадры, их органичная встроенность в научное сообщество с его «практически наследственными» пониманием всей научной эффективности этики и своей патриотичностью.

Библиографический список

- Грачев С. П., Трушкова И. Ю. Применение компьютерных технологий для изучения и реконструкции предметов быта XVII–XVIII вв. (по материалам археологической экспедиции ВятГУ в п. Лальск Лузского р-на Кировской области) // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство–технологии–экология. В 8 т. Т. 7. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2007. С. 91–95.
- Иванова М. Г. Исследования городища Индакар: от традиционных методов к компьютерным технологиям // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск, 2005. 136 с.
- Лихачев В. А., Трушкова И. Ю., Излентьева Ю. Г., Токарева Т. А. Химико-технологическая характеристика горшечного промысла в Вятском регионе в конце XIX – начале XX вв. // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство–технологии–экология. В 8 т. Т. 7. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2006. С. 177–179.
- Лихачев В. А., Трушкова И. Ю., Поздина Ю. Н. К вопросу о химико-технологической характеристике производства и применения красок в дымковском промысле // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство–технологии–экология. В 8 т. Т. 7. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2007. С. 100–103.
- Лихачев В. А., Трушкова И. Ю. Особенности химико-технологического процесса получения чернolощенной керамики (по материалам археологических экспедиций ВятГУ в п. Лальск Лузского р-на Кировской области) // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство–технологии–экология. В 7 т. Т. 6. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2008. С. 118–119.
- Микрюков П. В., Трушкова И. Ю. Создание информационного Банка данных о коллекциях Вятской археолого-этнографической экспедиции и направления его использования в образовательном процессе вуза // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство–технологии–экология. В 7 т. Т. 6. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2008. С. 113–115.
- ПМА (полевые материалы автора) – материалы воспоминаний И. С. Поносовой, И. Ю. Трушковой, 1980–2010 гг.
- Сапожникова В. В., Трушкова И. Ю. Народная кулинария Вятского края: традиции и здоровый образ жизни. Методич. пособие. Киров: Аверс, 2022. 46 с.
- Трушкова И. Ю. Отчеты об археологических раскопках в пос. Лальск Лузского р-на Кировской обл. в 2003–2005 гг. // Вятский этнографо-археологический архив (ВЭАА) ВятГУ.
- Трушкова И. Ю. Мужчина и женщина в традиционной культуре русского населения Вятского региона: гендерные портреты. Киров: Старая Вятка, 2009. 300 с.
- Трушкова И. Ю. Восточно-поморский город Лальск: этноархеологические очерки. Киров: Аверс, 2022. 206 с.
- Трушкова И. Ю. Экономика восточно-поморского города Лальска: вопросы этноархеологического изучения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 51–58.
- Трушкова И. Ю., Ашихмина Т. Я., Кондакова Л. В. Этноэкология славянского мира: прикладное значение на евразийском пространстве // Теоретическая и прикладная экология. 2019. №1. С. 111–115.
- Трушкова И. Ю., Грачев С. П., Флакман А. Л. Проблемы создания Банка данных этнографической коллекции традиционных культур Российского Юга на Российском Севере // Вестник ВятГУ. 2015. №5. С. 60–62.
- Трушкова И. Ю., Лисовская О. Б., Мороз И. М., Пасынкова Ю. В. О результатах металлографического исследования металлических образцов Петровской эпохи // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство–технологии–экология. В 7 т. Т. 6. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2008. С. 115–117.
- Флакман А. Л. Методика реконструкции некоторых объектов раскопов по данным планиграфии и стратиграфии // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука–производство–технологии–экология. В 7 т. Т. 6. (ГФ): сб. материалов / отв. ред. В. С. Кожин. Киров: ПОЛЕКС, 2008. С. 110–112.
- Trushkova I., Titova E., Sapozhnikova V. The problems of reproduction of traditional culture in Russian regions in the XX century on the example of the Kirov region // Amazonia Investiga. Volume 9. Issue 27: 268–275 / March, 2020. P. 268–275.

«TECHNICAL ASPECTS» OF PERM ARCHEOLOGICAL RESEARCHES IN VYATKA REGION

I. Yu. Trushkova

Vyatka State Agrotechnological University, Oktyabrsky Pr., 133, 610017, Kirov, Russia
arina_trushkova@mail.ru

S. P. Grachev

Vyatka State University, Moscovskaya str., 36, 610017, Kirov, Russia
sergrachev@rambler.ru

The article presents the details of the history of the Perm School of Archeology and the study group for schoolchildren at the Archeology Department of the PSU. Based on the analysis of the results of expeditions and other data, a picture of the development of some interdisciplinary, interregional research in the Urals is shown. The spectrum of research on the verge of archeology, ethnography, computer processing of material, metallography, ethnoecology is outlined. The characteristic is given to some subjects from the above-mentioned scientific borderland, which have already been developed in the Vyatka region. 3D modeling of archaeological and ethnographic objects for museum archives is one of the results of these studies. Creation of the Data Bank on expeditions, the reconstruction of objects according to planigraphy and stratigraphy is noted. The structure and reconstructed production stages of some metal objects are characterized with the use of metallographic analysis. The effective partial use of the ethno-ecological experience by the peasants and their behavioral patterns are noted.

Key words: expansion of the research field of Perm archeology, scientific socialization, ethnoarchaeology of Vyatka region.

Рис. Реконструкция полихромного изразца. Раскоп III, пос. Лальск Лузского р-на Кировской области, 2005 г.: а) – фрагменты изразца, б) и в) – 3D-модели изразца

ПРОБЛЕМЫ ПОСТАНОВКИ НА ОХРАНУ И ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ГОРОДОВ ТЮМЕНИ И ТОБОЛЬСКА

С. И. Цембалюк [©]

Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
625026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, 86
svetac80@mail.ru

В статье поднимаются проблемы охраны и изучения культурных слоев городов Тюмени и Тобольска, уничтожение которых приобретает катастрофический характер в результате масштабного строительства и реконструкций облика города. В результате раскопок последних лет (2020–2023 гг.) получены уникальные материалы для реконструкции жизни городов в историческое время, начиная с XVI в. В результате раскопок было установлено, что непотревоженные участки культурного слоя сохранились и под современной городской застройкой. В последние годы проводится работа по включению культурных слоев г. Тюмени и г. Тобольска в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Тюменской области.

Ключевые слова: городские культурные слои, Тюмень, Тобольск, охранная археология, строительство.

В последние годы в Тюменской области в связи с ростом городского строительства и различного рода реконструкциями остро встал вопрос о выделении, изучении и сохранении культурных слоев города Тобольска и города Тюмени. На фоне масштабного роста строительства этих городов, разработки программ их развития, культурные слои оказались полностью не защищенными не только от разрушения, но и их полного уничтожения.

Культурный слой города Тюмени и культурный слой города Тобольска до последнего времени не были включены в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Тюменской области, таким образом они не попадали под государственную охрану. Ситуация начала выправляться только в последние годы. В 2021 году в Перечень были включены: небольшой участок в городе Тюмени «Культурный слой города Тюмени (Гостинный двор) (Приказ от 06.12.2021 №5-икц) [Официальный портал...]; в 2022 году небольшой участок в городе Тобольске «Культурный слой города Тобольска (ранняя застройка) (Приказ от 19.05.2023 № 4-икц) [Официальный портал...] и в 2023 г. территория в историческом центре города Тюмени «Культурный слой города Тюмени (ранняя застройка)» (Приказ от 22.08.2023 № 10-икц).

Культурные слои городов Тюмени и Тобольска на сегодняшний день являются единственным источником, содержащим наиболее полноценную информацию о становлении и развитии города, его планировке и застройке, торговле, производствах, ремеслах, повседневной жизни его обитателей и т. д.

В отличие от письменных источников, археологическое исследование культурных слоев города дает всестороннюю информацию о становлении и жизни города в прошлом. Одним из ярких примеров является исследование в 2020 г. на Базарной площади в г. Тобольске. В разговоре с представителями местной администрации, жителями города, краеведами, нас убеждали, что в этом месте (имеется в виду место Базарного раскопа по улице Мира) всегда была дорога, которая исторически сохранилась и до наших дней, правда, сегодня асфальтированная. Раскоп же выявил богатейший культурный слой подгорной части города Тобольска XVII–XVIII вв. (слои XIX века и начала XX века, к сожалению, были полностью уничтожены). В результате раскопок были исследованы две усадьбы: одна рядовая XVII в., и усадьба богатого купца XVIII в.

Следует отметить, что подгорная часть Тобольска представляет особый интерес для археологического изучения, своеобразный клад, так как в отличие от нагорной части, где культурный слой разрушен не только современным строительством, но и перестройками в историческое время, в подгорной части он сохранился *in situ*. Этому способствовали постоянные подтопления подгорной части Тобольска в результате разлива р. Иртыш и / или поднятия высоко стоящих грунтовых вод. Жители подгорной части Тобольска перед каждым новым строительством предыдущий строительный горизонт сначала засыпали глиной и утрамбовывали, тем самым поднимая территорию, спасались от подтоплений [Аношко, 2018, с. 61]. Таким образом, образовались законсервированные строительные горизонты,

а так как по большей части дома, различные строения, мостовые и т. д. в историческое время в Тобольске были деревянными, они часто погибали от пожаров, остатки построек и вещи в культурных слоях под глиной хорошо законсервировались, что предоставляем нам уникальные условия для полноценных реконструкций.

В целом, если говорить об уникальности культурного слоя города Тобольска, то исследователи не раз сравнивали его с Великом Новгородом, так как для культурного слоя города характерны мощные напластования до 5 м, хорошая стратиграфическая ситуация и уникальнейшая сохранность дерева, бересты, кожи, кости и других органических предметов. Известные к сегодняшнему дню источники позволяют говорить о богатом археологическом наследии Тобольска [Адамов и др., 2008, с. 25–27; Матвеев, Аношко, 2011; Аношко, 2018; 2021], которое, к сожалению, особенно интенсивно уничтожается в последние годы в результате активного благоустройства исторической части города, включая подгорную часть.

В г. Тюмени одним из самых известных памятников археологии является городище Чимги-Тура. Памятник под наименованием Царево городище был поставлен на госохрану Постановлением Совета Министров РСФСР. В решении Исполнительного комитета Тюменского областного совета народных депутатов № 15 от 30.01.1990 г. об утверждении охранных зон Центральной части города Тюмени, помимо Чимги-Туры (Царева городища) выделялись территории культурного слоя, содержащие остатки материальной культуры: территория Большого городища (до ул. Перекопской), территория главного мыса, т. е. Тюменский острог (до ул. Перекопской). На градостроительных планах г. Тюмени вплоть до примерно 2010–2011 гг. данные территории также были отмечены. После они исчезли с градостроительного плана города и из Перечня объектов культурного наследия Тюменской области. Хотя раскопки, проводимые на территории Чимги-Туры в 2005, 2007–2009, 2011 гг.; на территории Тюменского острога в 2003–2005, 2008 гг. показали наличие сохранившегося культурного слоя. Таким образом, после 2010–2011 гг. историческая часть города Тюмени оказалась выведенной из-под охраны.

Данную ситуацию удалось переломить лишь в последние годы. Проведенные в 2021 г. разведочные работы в исторической части города позволили небольшой участок на территории Гостиного двора поставить под охрану как выявленный объект культурного наследия «Культурный слой города Тюмени (Гостинный двор)» и исследовать его раскопками в 2022 г. [Костомарова, 2023].

В 2023 г. в ходе капитального ремонта ул. Ленина произведена разведочная работа на участке от здания городской думы до ул. Красина. Проведенные разведочные работы в историческом центре Тюмени позволили получить важнейшие результаты по планиграфии Тюменского острога и посада, данные по ранней застройке и развитию города на протяжении XVI–XIX вв.

Стержневым результатом стало обнаружение острожной стены и рва 1586 г. Так как река на протяжении трех столетий сильно подмывала мыс, изменяя его конфигурацию, точное расположение Тюменского острога было неизвестным. Фиксация оборонительной линии позволила определить точную локализацию Тюменского острога и определить степень его сохранности.

В процессе работ получены данные о новом участке кладбища на территории Тюменского посада. Место расположения и характер погребений позволяет сделать предположение об их ранней (к. XVI–XVII вв.) датировке.

Изучение жилой застройки Тюменского укрепленного посада позволили получить объективные данные о размерах города в XVII в., его развитии на протяжении XVIII–XIX вв., изучить элементы благоустройства городской среды в XVII–XIX вв. – устройства мостовых, тротуаров, ливневых сооружений, проследить развитие домостроительных техник (выявить применяемые способы рубки изб) и прочие важные моменты из истории города, не отраженные в письменных источниках.

Таким образом, раскопки в исторической части города Тюмени, включая разведочные работы в Заречной части города, так называемой Бухарской слободе, несмотря на практически полностью уничтоженный застройкой культурный слой, дали великолепный материал для изучения и реконструкции истории развития города начиная с XVI в. И, что очень важно на сегодняшний день, показали, что участки культурного слоя сохраняются и под современной городской застройкой.

К сожалению, выявленный в 2021 г. культурный слой XVI – начала XX вв. в Заречной части города поставить на охрану до сих не удалось.

Включая памятники археологии в состав подлежащего охране культурного наследия страны, т. е. в Перечень выявленных объектов культурного наследия, а затем в Единый государственный Реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, государство тем самым берет на себя обязательство обеспечить все условия для их сохранения, т. е.

для сохранения содержащейся в них информации и возможности генерирования из нее научного знания о прошлом. Отсюда и вытекает проблема охраны памятников археологии, в том числе, и культурных слоев городов, так как государством охраняются только памятники археологии, включенные в вышеуказанные «Перечни...». Применимо к нашей ситуации, в настоящее время на территории культурных слоев Тобольска и Тюмени (кроме небольших поставленных на охрану участков), возможно проведение любых строительных, хозяйственных и иных работ без обеспечения сохранности данных исторических объектов, что, соответственно, приведет к их разрушению, либо полному уничтожению.

Таким образом, если мы не задумаемся о сохранении и изучении культурных слоев г. Тюмени и г. Тобольска, мы рискуем полностью потерять исторические данные в первую очередь, крупных исторических городов, в которых фиксируется высокая хозяйственная активность.

Библиографический список

Аношко О. М. Базарный раскоп в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 53–64.

Аношко О. М. Первый и второй гостиные раскопы в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 88–100.

Адамов А. А., Балунов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск: Археологический очерк. Тобольск: ООО «Западно-Сибирская консалдинговая компания», 2008. 114 с.

Костомарова Ю. В. Отчет о НИР «Археологические наблюдения на выявленном ОКН «Культурный слой города Тюмени (Гостинный двор)» при сносе нежилого здания с кадастровым номером 72:23:0217001:817, расположенного по адресу: г. Тюмень, ул. Республики, д. 6, корпус 1» (Открытый лист № 2153-2022 от 11 августа 2022 г.). В 2-х томах. Тюмень, 2023. Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Матвеев А. В., Аношко О. М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень: Тюм. издат. дом. 2011. С. 49–55.

Официальный портал органов власти Тюменской области. Перечень выявленных объектов культурного наследия. Приказ от 06.12.2021 № 5-икц. Режим доступа:

https://admtumen.ru/ogv_ru/society/culture/Identified.htm. Дата обращения 20.08.2023.

Официальный портал органов власти Тюменской области. Перечень выявленных объектов культурного наследия. Приказ от 19.05.2023 № 4-икц. Режим доступа:

https://admtumen.ru/ogv_ru/society/culture/Identified.htm. Дата обращения 20.08.2023.

PROBLEMS OF REGISTRATION, PROTECTION AND STUDY OF CULTURAL LAYERS OF TYUMEN AND TOBOLSK CITIES

S. I. Tsembalyuk

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Malygin str., 86, 625026, Tyumen, Russia
svetac80@mail.ru

The article points upon the problems of protecting and studying the cultural layers of Tyumen and Tobolsk cities, the destruction of which becomes catastrophic as a result of large-scale construction and reconstruction of the cities. As a result of excavations in recent years (2020–2023), unique materials have been obtained for the reconstruction of the city life in historical times, starting from the XVI century. The excavations proved that undisturbed areas of the cultural layer were preserved under modern urban development. In recent years, the certain work has been carried out in order that the cultural layers of Tyumen and Tobolsk could be included in the List of identified cultural heritage sites located on the territory of the Tyumen region.

Key words: urban cultural layers, Tyumen, Tobolsk, security archeology, construction.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ (ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПЕРМСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.)¹

А. В. Шаманаев [©]

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620000, Россия, Екатеринбург, пр. Мира, 19
shamanaev@mail.ru

В статье анализируются практики взаимоотношений Императорской Археологической Комиссии и Пермской ученой архивной комиссии в 1890–1910 гг. Исследование выполнено с применением принципов процессуального и историко-антропологического методов. Источниковой базой работы стали неопубликованные архивные документы из фондов Государственного архива Пермского края. Выявленные материалы характеризуют особенности передачи случайных археологических находок и научных коллекций в Археологическую Комиссию, организации раскопок и мероприятий по сохранению археологического наследия. Автор полагает, что взаимодействие Императорской Археологической и Пермской ученой архивной комиссий было успешным и способствовало организации археологических исследований и решению вопросов сохранения памятников старины.

Ключевые слова: история археологии, охрана культурного наследия, история России, Урал.

Для современной цивилизации характерен высокий и массовый интерес к историко-культурному наследию, вопросам его сохранения и передачи будущим поколениям. Успешное решение проблем в сфере охраны культурного наследия предполагает обращение к опыту прошлого, что позволяет избежать ошибок и разработать наиболее эффективные стратегии и подходы сохранения памятников истории и культуры [Harrison, 2013, р. 69–79]. Достижение этой цели предполагает анализ опыта предшествующих поколений. Одним из направлений таких разработок является история археологии. В середине XX в. интерес исследователей, первоначально ориентированный на изучение развития теорий и методов археологического знания, постепенно стал охватывать вопросы истории институализированных структур, практик, биографий ученых [Trigger, 2006, р. 5–17]. В отечественной традиции также можно наблюдать переход от эпизодического интереса к прошлому археологии – к масштабному изучению истории этой науки, который произошел на рубеже XX–XXI вв. [Клейн, 2014, с. 5–17; Лебедев, 2003, с. 24–25; Смирнов, 2011, с. 7–10; Тункина, 2011, с. 354–356]. Специфическим направлением таких исследований стал анализ становления и развития принципов и практик охраны археологического наследия [Кулемзин, 2014, с. 53–58].

При изучении истории охраны культурного наследия в России перспективным представляется применение теоретических положений процессуального и историко-антропологического подходов, обеспечивающих анализ функционирования социальных агентов (научных обществ, органов власти и др.); исследования явлений и процессов, связанных с выявлением, изучением и сохранением памятников старины; оценки персонального вклада ученых и организаторов науки [Клейн, 2014, с. 27–28; Репина и др., 2004, с. 249–251; Тункина, 2011, с. 354–356].

Одним из важных условий успеха деятельности по охране объектов культурного наследия является отлаженная и эффективная система взаимодействия центральных и местных учреждений, выполняющих памятникоохранительные функции. Большой интерес имеет исследование механизмов таких взаимоотношений периода Российской империи. Так, заслуживает внимания опыт организации связей между Императорской Археологической Комиссией (ИАК) и региональными научными обществами. Во многих губерниях Российской империи существенный вклад в дело изучения и сохранения памятников археологии внесли ученые архивные комиссии [Антонов, 2007, с. 167–176; Писарькова, 2015, с. 30–35].

В настоящее время история изучения и охраны археологического наследия предполагает широкое привлечение архивных материалов, которые ранее мало интересовали исследователей. В Государ-

ственном архиве Пермского края были выявлены делопроизводственные документы, характеризующие взаимоотношения ИАК и Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК) в конце XIX – начале XX в. (фонд 297. Исторический архив ПУАК).

ПУАК была создана в 1888 г. и на начальном этапе своего существования активно занималась выявлением и сохранением историко-культурного наследия региона. На рубеже XIX – XX в. комиссия вступила в полосу длительного кризиса, который привел к полной остановке работы в 1905–1912 гг. В ноябре 1912 г. ПУАК возобновила свою деятельность [Пирогова, 1999, с. 200–225; Шумилов и др., 2000, с. 322–324]. Нужно отметить, что период максимальной активности ИАК пришелся на конец XIX – начало XX в., особенно в сфере сохранения археологического наследия страны. Во многом это было достигнуто благодаря усилиям А. А. Бобринского, возглавившего это учреждение в 1886 г. [Медведева и др., 2009, с. 109–112; Тихонов, 2003, с. 95–102].

Обзор взаимоотношений ИАК и ПУАК был дан Игнатъевой О. В., Крыласовой Н. Б. и Белавиным А. М. в одной из глав фундаментальной монографии по истории ИАК [Игнатъева и др., 2009, с. 642–660]. Эта работа основана на материалах архива ИАК (хранится в Институте истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге). Исследователи уделили основное внимание 1890-м гг., когда ПУАК возглавлял Н. Н. Новокрещенных (председатель ПУАК в 1893–1898 гг.). Материалы из Пермского архива позволяют получить дополнительную информацию, раскрывающую особенности сотрудничества ИАК и ПУАК.

Так, 20 октября 1896 г. ИАК направила Н. Н. Новокрещенных отношение, подписанное А. А. Бобринским: «Императорская Археологическая Комиссия, известившись из письма Вашего от 24-го Сентября, о подробностях находки двух серебряных сасанидских сосудов, считает долгом принести Вам свою глубокую благодарность за оказанное Вами содействие к получению означенных сосудов, и вместе с тем просит Вас, согласно выраженному Вами желанию, если представится случай, приобрести для Археологической Комиссии предметы древности уплачивая за оные, вообще не свыше полоторной или двойной стоимости металла. При этом Императорская Археологическая Комиссия имеет честь препроводить Вам при сем удостоверение на принятие из местного Казначейства *пятидесяти рублей* (подчеркнуто в подлиннике – *А. Ш.*), в возврат выданных Вами крестьянину Полуянову при представлении им упомянутых выше сосудов. О получении этих денег Комиссия просит не оставить ее уведомлением» [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 23, л. 27–27об.].

В документе речь идет о Кват-Пелевском кладе, включавшем чашу с изображениями коней и кувшин, декорированный изображениями женских фигур (найден у д. Кват-Пелева, совр. д. Садовая Кудымкарского р-на Пермского края). Вещи были переданы в коллекцию Императорского Эрмитажа [Отчет, 1898, с. 128, 241–242; Смирнов, 1909, табл. XL.69, XLVII.81].

ИАК с первых лет существования проявляла большое внимание к сохранению кладов и ценных археологических находок [Медведева и др., 2009, с. 71–79, 112–118]. Обычно в регионах функции агентов ИАК по передаче находок в Санкт-Петербург и вознаграждений за артефакты выполняли статистические комитеты [Бердинских, 2003, с. 156–158].

В декабре 1896 г. ИАК отправила в распоряжение ПУАК несколько артефактов из случайных находок, о чем свидетельствуют сопроводительные письма от 9 и 10 декабря, подписанные товарищем председателя ИАК В. Г. Тизенгаузенем с просьбой подтвердить получение фрагмента «серебряной шейной гривны», найденного «в 1895 г. близ починка Сороковского, Понинской волости, Глазовского уезда, Вятской губернии» (д. Сороково в настоящее время не существует; находилась на территории совр. Глазовского р-на Удмуртской Республики) и серебряного монетного слитка «из числа найденных в 1895 году близ слободы Петропавловской, Чистопольского уезда, Казанской губернии» (совр. с. Петропавловское в Новошешминском р-не, Республика Татарстан) [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 23, л. 28–29]. ПУАК информировало ИАК о получении вещей отношением от 3 января 1896 г. [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 23, л. 30].

Отношение ИАК от 29 октября 1896 г. содержит детали истории коллекции находок, сделанных Н. Н. Новокрещенных при раскопках на Гляденовском костыще (в 2 км к западу от совр. д. Малое Савино Пермского р-на Пермского края). В 1896 г. Н. Н. Новокрещенных осуществлял изучение костыща за счет собственных средств. Практически сразу был установлен неординарный характер памятника. Полученная им коллекция включала тысячи артефактов [Новокрещенных, 1901, с. 109–110; Новокрещенных, 1914, с. 19–97; Васильева и др., 2021, с. 8–9]. Информация, полученная ИАК, вызвала интерес столичных археологов, и 29 октября 1896 г. А. А. Бобринский направил Н. Н. Новокрещенных отношение: «Императорская Археологическая Комиссия с оживленнейшею благодарностью принимает представляемую Вами в ее распоряжение коллекцию из раскопок 1896 г. на Гляденовском костыще.

Вместе с сим она считает своею обязанностью предложить Вам возместить расходы Ваши по этой раскопке и ожидает Вашего уведомления в какой сумме выразились эти расходы. При распределении вещей по музеям будет иметься в виду желание Ваше, чтобы часть их препровождена была в местный музей. Коллекцию Вашу Археологическая Комиссия просит выслать в полном составе, за исключением дублетов черепков от сосудов и камней. Пересылка может быть организована или помощью Транспортной Конторы, за счет комиссии, или же официальным путем через Пермский губернский статистический комитет» [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 23, л. 26 – 26 об.].

Нужно отметить, что наиболее интересные и ценные археологические находки ИАК передавала в столичные музеи. При этом не соблюдался принцип сохранения целостности коллекций. Такой подход вызывал критику в научных кругах. Так, X Всероссийский археологический съезд (Рига, 1896) направил в ИАК ходатайство о передаче артефактов в провинциальные музеи, если на них не будут претендовать учреждения Санкт-Петербурга и Москвы [*Шаманаев*, 2017, с. 85]. Тем не менее такая практика сохранялась в течение всего времени деятельности ИАК.

Согласно Отчету ИАК за 1896 г., коллекция находок из Гляденовского костыща была разделена между Историческим музеем и ПУАК [Отчет, 1898, с. 230–231].

В 1913 г. (отношение от 14 марта) товарищ председателя ИАК В. В. Латышев обратился в ПУАК с запросом о возможности организовать охранные наблюдения в зоне железнодорожного строительства: «Археологическая Комиссия имеет честь покорнейше просить Архивную Комиссию, не найдет ли она возможным организовать надзор за земляными работами на постройке железнодорожной линии Лысьва – Бердяуш, при которых могут быть сделаны археологические открытия. Работы эти начнутся с весны настоящего года» [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 170, л. 90]. Товарищ председателя ПУАК Л. Е. Воеводин известил ИАК, что: «Пермская Архивная имеет честь уведомить, что для постоянного надзора за работами при проведении Лысьвенско-Бердяушской ж. д. она не располагает людьми, но озаботится предупредить правление дороги о возможности находок научного значения в археологическом или палеонтологическом отношении и примет меры в случае надобности к осмотру находок и их охране» [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 170, л. 91].

Железнодорожная линия от Лысьвы до Бердяуша, протяженностью около 485 км, строилась в 1913–1916 гг. акционерным обществом Западно-Уральской железной дороги [Уральский исток, 2004, с. 78]. Вероятно, какого-либо серьезного археологического надзора за работами не было.

Интересный пример взаимодействия ИАК и ПУАК связан с изучением комплекса городища Пыскор (Камгорт / Канкор / Камкор), расположенного на северной окраине с. Пыскор Усольского р-на Пермского края. Монастырь существовал на этом месте с 1570 по 1755 г. [*Головчанский*, 2016, с. 203; *Шамарина*, 2013, с. 45–46]. В апреле 1915 г. на руинах Спасо-Преображенского монастыря были открыты следы подземного хода [*Богословский*, 1915, с. 6–7]. Неординарный археологический объект привлек внимание пермских любителей древностей. Весной 1915 г. была создана раскопная комиссия, в состав которой вошли представители Пермского церковно-археологического общества (ПЦАО) П. С. Богословский и ПУАК И. Я. Кривошеков [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 173, л. 9 об.–10].

Для обеспечения законного характера раскопок ПУАК должна была получить официальное разрешение на проведение таких работ. С 1889 г. исключительные полномочия выдавать открытые листы на право проведения археологических раскопок на казенных и общественных землях имела ИАК [Полное собрание, 1889, № 5841]. 14 мая 1915 г. ПУАК направила отношение в ИАК о получении открытого листа на имя И. Я. Кривошекова [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 173, л. 12]. Запрос в ИАК на имя П. С. Богословского был сделан ПЦАО, дополнительно его поддержал личным обращением архиепископ Пермский и Соликамский Андроник (В. А. Никольский). Кроме того, для ускорения процедуры П. С. Богословский воспользовался личными связями в Петрограде и обратился за содействием к товарищу председателя ИАК В. В. Латышеву (1855–1921) [*Богословский*, 1915, с. 2–3]. Судя по всему, административная поддержка и личные отношения способствовали чрезвычайно быстрому решению вопроса: уже 16 мая 1915 г. ПУАК получила телеграмму за подписью председателя ИАК А. А. Бобринского: «Исследование ходов Пыскорского монастыря Богословскому и Кривошекову разрешается» [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 173, л. 13а]. Открытый лист (№ 840) на имя И. Я. Кривошекова был получен ПУАК в конце мая 1915 г. (вероятно, одновременно был получен лист П. С. Богословского) [ГАПК, ф. 297, оп. 4, д. 173, л. 20].

Археологические раскопки 1915 г. в Пыскоре позволили изучить подземное сооружение на протяжении примерно 64 м, собрать подъемный материал на прилегающей территории бывшего монастыря. Небольшая коллекция находок включала антропологические материалы, фрагменты изразцов, архитектурных деталей, железные гвозди и др. [*Богословский*, 1915, с. 26–28, 41].

История исследований пыскорских древностей в 1915 г., организованных ПУАК, представляет пример оперативного решения задач организации изучения и сохранения объекта археологического наследия. Успех археологических и охранных работ во многом был обусловлен эффективным взаимодействием центральных и местных научных организаций, органов власти, церковных структур, представителей частного предпринимательства и общественности.

Таким образом, взаимодействие ИАК и ПУАК осуществлялось по нескольким направлениям. Пермская комиссия была одним из каналов поступления в ИАК случайных археологических находок. В отличие от статистических комитетов, выполнявших эту же функцию, ученые архивные комиссии могли обеспечивать предварительную научную экспертизу находок. Официальный статус архивных комиссий предполагал соблюдение ими законодательства в сфере охраны памятников. Так, члены ПУАК в обязательном порядке получали открытые листы на право проведения археологических раскопок, что обеспечивало контроль, поступление коллекций и отчетов в ИАК. С другой стороны, ИАК периодически осуществляло финансирование таких исследований и научные консультации. ИАК, имея небольшой штат, обращалась к ученым архивным комиссиям для организации надзора при проведении масштабных земляных работ (в случае с ПУАК – строительство железнодорожной ветки). Как правило, архивные комиссии не имели административных и финансовых ресурсов для таких работ и могли только направлять ходатайства в местные органы власти или обращаться к коммерсантам для решения вопросов охраны памятников археологии.

Примечание

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 21-78-10119 «Культурное наследие на Урале: социальная роль, трансформация, трансляция».

Библиографический список

Антонов В. А. Губернские ученые архивные комиссии и исследование археологических древностей Европейской России // 120 лет учреждения губернских ученых архивных комиссий в России: Материалы межрегион. науч. конф. Рязань, 22–23 сентября 2004 г. Рязань: Поверенный, 2007. С. 167–176.

Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.

Богословский П. С. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскоре, Соликамского уезда. Пермь: Типолитография губернского правления, 1915. 50 с.

Васильева А. В., Кореньюк С. Н., Персюков М. Л. Основные итоги более чем 120-летнего изучения Гляденовского костяка // Гляденовское костяк в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии. Пермь: Perm University Press, 2021. С. 8–57.

Головчанский Г. П. Православный некрополь Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря (по результатам раскопок 2002–2003 гг.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь 9–12 февраля 2016 г.). Пермь: Perm University Press, 2016. С. 203–207.

Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 297. Оп. 4. Д. 23. 32 л.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 170. 193 л.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 173. 32 л.

Игнатьева О. В., Крыласова Н. Б., Белавин А. М. Императорская Археологическая Комиссия и археология Пермской губернии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 637–660.

Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.

Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 53–58.

Лебедев Г. С. Труды А. А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной археологической науки // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 24–34.

Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.

- Новокрещенных Н. Н.* Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1901. Вып. 4. С. 107–141.
- Новокрещенных Н. Н.* Гляденовское костыще Пермской губернии по р. Каме, Пермского уезда // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 11. С. 19–97.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 г. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1898. 251 с.
- Пирогова Е. П.* Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 197–232.
- Писарькова Л. Ф.* Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1923: аннотированный указатель содержания изданий. М.: Новый хронограф, 2015. 944 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Т. 9, 11 марта 1889, № 5841.
- Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
- Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.
- Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.: Императорская Археологическая Комиссия, 1909. 151 с.
- Тихонов И. Л.* Последний председатель Императорской Археологической Комиссии // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 95–117.
- Тункина И. В.* История отечественной археологической науки на современном этапе: антропологический поворот // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса). СПб.-М.-Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 354–356.
- Уральский исток Трансиба. История Южно-Уральской железной дороги. Челябинск: Автограф, 2004. 408 с.
- Шаманаев А. В.* Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 199 с.
- Шамарина А. А.* История Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря // Вестник ПНИПУ. Урбанистика. 2013. № 4. С. 43–53.
- Шумилов Е. Н., Шилов А. В.* Пермская губернская ученая архивная комиссия // Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник. Пермь: Курсив, 2000. С. 322–324.
- Harrison R.* Heritage: critical approaches. London-New-York: Routledge, 2013. 268 p.
- Trigger B. G.* A history of archaeological thought. New York: Cambridge University Press, 2006. 710 p.

INTERACTION BETWEEN THE CENTRAL AND PROVINCIAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIELD OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE PROTECTION (IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL AND PERM SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSIONS IN THE LATE OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

A. V. Shamanaev

Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin, Mira pr., 19, 620000, Yekaterinburg, Russia
shamanaev@mail.ru

The article analyzes the practices of relations between the Imperial Archaeological Commission and the Perm Scientific Archival Commission in 1890–1910. The study is based on the principles of procedural and historical-anthropological methods. The sources of the investigation are unpublished archival documents from the State Archives of the Perm Region collection. The materials characterize the features of the transfer of casual archaeological finds and scientific collections to the Archaeological Commission, excavations management and archaeological heritage protection activities. The author believes that the interaction between the Imperial Archaeological and Perm Scientific Archival Commissions was successful and it contributed to archaeological research and cultural heritage protection.

Key words: history of archeology, cultural heritage protection, history of Russia, Ural.

АРХЕОЛОГИЯ В ШКОЛЕ: К ВОПРОСУ О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Т. К. Ютина ©

Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
yutinatka@yandex.ru

Статья посвящена вопросам, связанным с популяризацией археологического наследия, получением первичных знаний по археологии учащимися в процессе их обучения в школе. Представлен обзор истории развития уровней подготовки историков — археологов. Отмечена необходимость привлечения в вуз на обучение подготовленных абитуриентов, имеющих теоретические знания по археологии в рамках школьного курса исторических дисциплин и владеющих практическими навыками участников археологических экспедиций. Проведен анализ: в каком классе и в рамках каких школьных дисциплин учащиеся знакомятся с наукой археологией, археологическим наследием, научными историческими и археологическими исследованиями, значением археологии в изучении прошлого человечества. Сформулированы задачи, необходимые в профориентационной работе со школьниками, привлечения их на обучение в вуз на направления подготовки, связанной с будущей профессиональной работой в области исторической науки, в частности археологии.

Ключевые слова: археология, история, популяризация археологического наследия, историко-культурное наследие, профориентация, анализ, школьные учебники.

Активное развитие исторических исследований и значительный подъём хозяйственного строительства во второй половине XX – первых десятилетий XXI вв., возникшие проблемы охраны археологического наследия вызвали повышение потребности в квалифицированных специалистах-археологах. В предшествующие десятилетия XXI в. подготовка их осуществлялась на исторических факультетах вузов по специальности «История». Новые вызовы времени XXI в. обусловили изменение системы образования, появление нового аспекта в перечне гуманитарных наук: направления 46.00.00. «История и археология», включающего подготовку бакалавров и магистров [Приказ Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061]. Подготовка историков для работы в области археологии в вузах велась по направлению 46.03.01. «История» – бакалавриат (профиль) и программ специализированной подготовки магистров направления 46.04.01 «История» (по археологии) в соответствии с утвержденными ФГОС этих направлений. В 2020 г. были утверждены ФГОС по направлению 46.03.04. «Археология» (уровень бакалавриата) [Приказ Минобрнауки от 09.09.2020 № 1180] и направлению 46.04.04. «Археология» (уровень магистратуры) [Приказ Минобрнауки от 09.09.2020, № 1179]. Новая редакция перечня направлений «Исторические науки» принята в 2022 г., [Приказ Минобрнауки от 01.02.2022 № 89]. Но ФГОС данных направлений пока не утверждены.

Акцентируя внимание на развитии направлений подготовки высшего образования в области гуманитарных, исторических наук, отмечу, что археология по праву выделяется в самостоятельное направление, оставаясь, конечно же, исторической наукой в своей основе. Актуальность науки археологии в настоящее время, безусловно, приобретает важное значение. Выстраивание уровней подготовки квалифицированных специалистов в области археологии вызывает необходимость привлечения в вузы подготовленных абитуриентов, имеющих представление о том, что такое археология. Следовательно, профориентационная работа со школьниками – знакомство с профессией археолога, должна начинаться уже в школе. Рассмотрим, какие знания об археологии, археологическом наследии, истории своего края учащиеся получают сегодня в процессе школьного обучения. Первое знакомство с ранними периодами истории России ученики общеобразовательных школ получают при изучении предмета «Окружающий мир» во втором – третьем классах. Это знания о родной стране, её народах, истории своего города или села, семейных традициях, родословной и т. д. [Плешаков, 2012; 2013]. В четвертом классе при изучении дисциплины «Окружающий мир» начинается освоение понятий и терминов исторической и археологической науки: как проводятся археологические раскопки, виды источников, периодизация исторических событий. Изучают историю древних славян, городов Руси и т. д. Это период знакомства школьников с историко-культурным, в том числе археологическим наследием [Плешаков, 2013]. В пятом классе при изучении дисциплины «Всеобщая история. История Древнего мира» знакомство учащихся с археологией продолжается: что такое история, исторические источники – веществен-

ные и письменные. Узнают о роли археологии в изучении истории, хронологии основных этапов развития человечества. Изучают историю Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима [Саплина, 2021]. В 6 классе знакомятся с историей России периода с древнейших времен до начала XVI в. Происходит расширение знаний учащихся о древних и древнейших периодах истории России: изучают исторические периоды развития территории, появление человека на ней, его хозяйственные занятия. Школьная дисциплина включает описания археологических памятников древнейшего периода на территории России (например, Костенки, Сунгирь), расселения славян, формирования первых государств и др. [Черникова, 2021]. Дисциплина «Всеобщая история. История Средних веков» (6 класс) содержит материалы о различных типах источников по истории Средневековья, отмечается важность археологических источников [Абрамов, 2021, с. 6–7]. В шестом классе школьники не только осваивают новые знания, но и происходит процесс обобщения знаний, полученных ими на предшествующих ступенях обучения. Именно в этот период формируются представления учащихся об археологической науке и археологическом наследии. В 7–8–9 классах образовательная программа нацелена на изучение истории России периода XVI – начала XX вв. Изложение материалов представляет обзоры исторические событий, в которых упоминаются имена и деятельность выдающихся путешественников, ученых-историков и др. Ученики знакомятся более подробно с информацией о культурном развитии России [Черникова, 2021, с. 95–102], о состоянии исторической науки, культуры, появлении исторических музеев (Кунсткамера) в России в рассматриваемый период и т. д. [Черникова, 2021, с. 85–87]. В процессе освоения дисциплины «Всеобщая история» (8 класс) школьники узнают о времени появления и содержании науки палеонтологии, результатах археологических раскопок древних городов Италии, возникновении крупнейших коллекций древних артефактов (Эрмитаж, Британский музей и др.) [Юдовская, 2020, с. 30–31]. В 9 классе в ходе занятий по дисциплине «Всеобщая история» внимание учащихся акцентируют на важности археологических источников для развития знаний о человеке и обществе; значении Египетской экспедиции Наполеона; расшифровки египетских иероглифов (Жан-Франсуа Шампольон); археологических раскопках экспедиции Георга Шлимана (Троя, микенская культура) [Вишняков, 2021, с. 167]. Знакомство с данным археологическим наследием способствует пониманию учащимися его всемирно-исторического значения. В 10–11 классах школьники изучают историю России XX–XXI вв., насыщенную сложными, яркими событиями. В разделах, посвященных культуре, приводятся имена ученых, в первую очередь точных и естественных наук, меньше представлены имена историков. В несколько строк текста учебника отмечено расширение тематики исследований в исторической науке и археологии [Шубин, 2021; Мединский, 2023].

Таким образом, в средней общеобразовательной школе сведения о том, что такое археология, её периодизация, источники, актуальность научных исследований отражены в учебниках 4–6 классов школьных предметов «Окружающий мир», «История России» и «Всеобщая история» различных периодов. В средней ступени школьного образования важно познакомить учащихся с историко-культурным наследием, археологическим наследием не только в процессе занятий на уроке, но и во внеклассной работе. Это могут быть организованные экскурсии (в соответствии с тематикой уроков по тому или иному предмету) в музей региона для знакомства с экспозициями археологических коллекций, прохождения увлекательных квестов археологической тематики. Интересными для школьников бывают тематические публичные лектории, встречи с известными учеными-археологами. На этом этапе большую роль в усвоении учащимися знаний, касающихся археологического наследия, играет учитель истории. От его целенаправленного внимания к процессу и достижению результатов обучения, использования различных методов и приемов в педагогической деятельности зависит, будет ли ученик заинтересован в будущем в более глубоком личном изучении истории и археологии как науки. Учебный процесс по истории в 7–11 классах ориентирован на изучение истории России и Всеобщей истории периодов XVI–XXI вв. При изучении разделов, касающихся развития культуры, образования, науки, архитектуры, искусства, учащиеся знакомятся с историко-культурным наследием страны, именами выдающихся ученых-историков и т. д.

Следует отметить, что на старшей ступени школьного обучения необходимо поддерживать уровень интереса к археологической науке у старшеклассников. Кроме упомянутых выше научно-популярных лекториев, тематических экскурсий в музеи (реальных и виртуальных), встреч с интересными учеными, это может быть сделано через организацию школьных научных кружков и конференций, участия во всероссийских научных конференциях, мастер-классах по археологической тематике, профориентационных экскурсий на кафедры институтов, университета, кураторства преподавателями вуза научных обществ учащихся. Школы юных археологов (ШЮА), возникшие в период 70-х гг. XX в. во многих вузах, привлекали подготовленных абитуриентов к поступлению на обучение, ориентированных на

постижение науки археологии. Участие старшеклассников в работе археологических экспедиций вузов, академических организаций, музеев развивает интерес к археологическим знаниям, изучению и сохранению археологического наследия, овладению практическими навыками работы в экспедиции. «От теории к практике...» – так можно обозначить путь: от знаний, полученных в школе, к практическим занятиям в ШЮА и участию в полевых археологических экспедициях. Экспозиции временных выставок археологических находок, которые организуют сотрудники экспедиций во время полевых раскопок, также способствуют повышению внимания населения, молодёжи к археологическому наследию края, региона, а следовательно, и сохранению этого наследия.

В условиях востребованности кадров, профессиональная деятельность которых будет связана с изучением археологических объектов и сохранением археологического наследия, необходимо активизировать процесс профориентации учащихся общеобразовательных школ, использовать все методы привлечения подготовленных выпускников школ в науку археологию.

Библиографический список

Абрамов А. В. Всеобщая история. История Средних веков: 6-й класс: учебник А. В. Абрамов, В. А. Рогожкин, С. В. Тырин; под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 271 с.: ил. карты.

Вишняков Я. В. История России. XIX – начало XX века. 9 класс: учебник/ Я. В. Вишняков, Н. А. Могилевский, С. В. Агафонов; под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 352 с.: ил., карты.

Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. 1945 – начало XXI века. 11 класс: базовый уровень: учебник/ В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. М., 2023. 447 с.

Морозов А. Ю. Всеобщая история. История Нового времени. XIX – начало XX века: 9-й класс: учебник / А. Ю. Морозов, Э. Н. Абдулаев, С. В. Тырин, К. П. Чиликин; под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 223 с.: ил., карты.

Плешаков А. А. Окружающий мир. 2 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе. В двух частях. Ч. 2. / А. А. Плешаков. 3-е изд. М.: Просвещение, 2012. 143 с.: ил.

Плешаков А. А. Окружающий мир. 3 класс. Учебник для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В двух частях. Ч. 2. А. А. Плешаков. 3-е изд. М.: Просвещение, 2013. 175 с.: ил.

Плешаков А. А., Крючкова Е. А. Окружающий мир. 4 класс. Учебник для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В двух частях. Ч. 2. А. А. Плешаков, Е. А. Крючкова. М.: Просвещение, 2013. 224 с.: ил.

Приказ Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Гарант: информационно-правовой портал. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70480868/paragraph/2573:4> (дата обращения: 18.09.2023).

Приказ Минобрнауки от 9 сентября 2020 № 1180 «Об утверждении федерального государственного Образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.04. Археология» // Гарант: информационно-правовой портал. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/74643508/paragraph/7:7> (дата обращения: 18.09.2023).

Приказ Минобрнауки от 9 сентября 2020, № 1179 «Об утверждении федерального государственного Образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 46.04.04. Археология» // Гарант: информационно-правовой портал. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/74643510/paragraph/7:11> (дата обращения: 18.09.2023).

Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033?index=9> (дата обращения: (дата обращения: 18.09.2023)).

Саплина Е. В. Всеобщая история. История Древнего мира: 5 класс: учебник / Е. В. Саплина, А. А. Немировский, Е. И. Соломатина, С. В. Тырин; под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 272 с.: ил., карты.

Черникова Т. В. История России с древнейших времен до начала XVII века. 6 класс: учебник / Т. В. Черникова, К. П. Чиликин; под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 272 с.: ил., карты.

Черникова Т. В. История России. XVI – конец XVII века. 7 класс: учебник / Т. В. Черникова, Р. В. Пазин; под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение. 2021. 304 с.: ил., карты.

Черникова Т. В. История России. Конец XVII – XVIII век. 8 класс: учебник / Т. В. Черникова, С. В. Агафонов; под. общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение. 2021. 303 с.: ил., карты.

Шубин А. В. История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: базовый уровень: учебник / А. В. Шубин, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров и др.; под общ. ред. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 431 с.: ил., карты.

Юдовская А. Я. Всеобщая история. История Нового времени. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина, Д. Ю. Бовыкин, А. С. Медяков; под ред. А. А. Искандерова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2020. 255 с.: ил., карт.

ARCHAEOLOGY AT SCHOOL: APPROACH TO THE PROBLEM OF POPULARIZING ARCHAEOLOGICAL HERITAGE

T. K. Yutina

Udmurt State University, Universitetskaya str., 1, 426034, Izhevsk, Russia
yutinatka@yandex.ru

The article concerns the issues related to the popularization of archaeological heritage and gaining primary knowledge in archeology by secondary school students. An overview of the development of training historians and archaeologists is presented. It is noted that there is a need in attracting to the university trained applicants who have got some theoretical knowledge of archeology as a part of school curriculum and who have skills as participants of archaeological expeditions. The authors have found out in what form and within what school subjects students get acquainted with the concept of archaeology, archaeological heritage, historical and archaeological research, the importance of archeology in studying the past of the mankind. Necessity is formulated to provide career guidance work with senior school students and to attract them to the university for learning history and archaeology.

Key words: archeology, history, popularization of archaeological heritage, historical and cultural heritage, career guidance, analysis, school tex

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЗАБАЙКАЛЬЯ

О. Ю. Ячменёв ©

Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, Чита, ул. Чкалова, 140
19970725dyuu@gmail.com

В работе представлены основные данные о проблеме сохранения наскального искусства Забайкалья на примере памятников: Бырка, Сохатиный Камень, Титовская Сопка, Сухотино-13, Кирочи, Смоленские скалы, Церковка, Гутайский грот и др. объектов историко-культурного значения. Главной причиной разрушения писаниц является человек, однако существенную роль играет природа. Автор приходит к выводу, что во избежание дальнейших негативных последствий на древние рисунки, необходимо тщательно проработать вопрос музеефикации и охраны памятников. Для этого важно провести ряд сложных процедур, связанных со статусом памятника и планировкой будущего музея-заповедника.

Ключевые слова: Забайкалье, писаницы, наскальное искусство, факторы разрушения, охрана памятников, музеефикация.

В последние годы ученые проявляют все больший интерес к сохранению памятников наскального искусства. Ведь как и любой другой памятник археологии, писаницы и петроглифы являются важнейшим компонентом историко-культурного наследия нашей страны.

В данной работе мы рассмотрим Забайкальский край, на территории которого расположено более 50 памятников наскального искусства, представленных широким хронологическим диапазоном от каменного века до эпохи Средневековья [Власенко, Ячменёв, 2022, с. 24]. Большая часть объектов относится к категории писаниц или росписей, т. е. древних рисунков, нанесенных на скальную поверхность охрой – природным красителем, состоящим из окиси железа. Согласно этнографическим данным, собранным исследователями на разных континентах мира, охру растирали в порошок и разбавляли с жиросодержащим растворителем, благодаря чему пигмент надолго впитывался в скальные микрорпоры и микротрещины.

В этой статье мы попытаемся отразить проблему сохранности писаниц на примере ряда археологических объектов нашего края (рис. 1).

Существует три основных фактора, влияющих на разрушение памятников наскального искусства: биологический, физический и антропогенный.

Биологический фактор – это результат метаболической деятельности популяций живых организмов, таких как бактерии, грибы, лишайники, мхи, высшие растения, насекомые и др. Например, лишайники вырабатывают вещества, называемые кислотами, которые химическим путем разрушают горную породу, а их дальнейший рост приводит к механическому разрушению камня. Нередко лишайники появляются прямо на красочных изображениях, что приводит к их исчезновению.

К физическим факторам разрушения относятся: белесые натечные минеральные наслоения, возникающие при воздействии атмосферных осадков со скалой, стекающие сверху талые и дождевые воды, трещиноватость, обветривание поверхности, корковые и мучнисто-чешуйчатые отслоения. Большое значение для Сибири имеет мороз. Замерзание воды в трещинах и порах горных пород вызывает их дальнейшее расширение, что приводит к проникновению почвы и растений в образующиеся углубления. Во многих случаях этот фактор приводит к разрушению скал, появлению крупных глыбовых россыпей.

Значительную роль играет антропогенный фактор, характеризующийся современными надписями на древних рисунках и добычей каменного сырья для практических целей (например, строительства домов и дорог).

Все это в совокупности влияет на сохранность памятников наскального искусства. На территории Забайкалья большинство объектов подвержено разрушению, чаще всего антропогенному. Примером этого является Быркинская писаница, открытая и изученная в 1983 году А. И. Мазиным. Здесь представлены художественные сюжеты разных эпох: от финального палеолита (дискуссионный вопрос по сей день) до эпохи бронзового века. На его плоскостях изображены фигуры двух разных животных, антропоморфных существ, символов и знаков. Также был выявлен жертвенник с пятью культурными

слоями [Мазин, 1994, с. 26–27, 62–63]. В 2017 г. памятник посещала И. А. Пономарева. Она отмечает, что практически все рисунки зарисованы туристами и местными жителями. Удалось идентифицировать остатки только трех плоскостей. Северо-восточная часть массива и вовсе оказалась взорванной [Пономарева, 2018, с. 85].

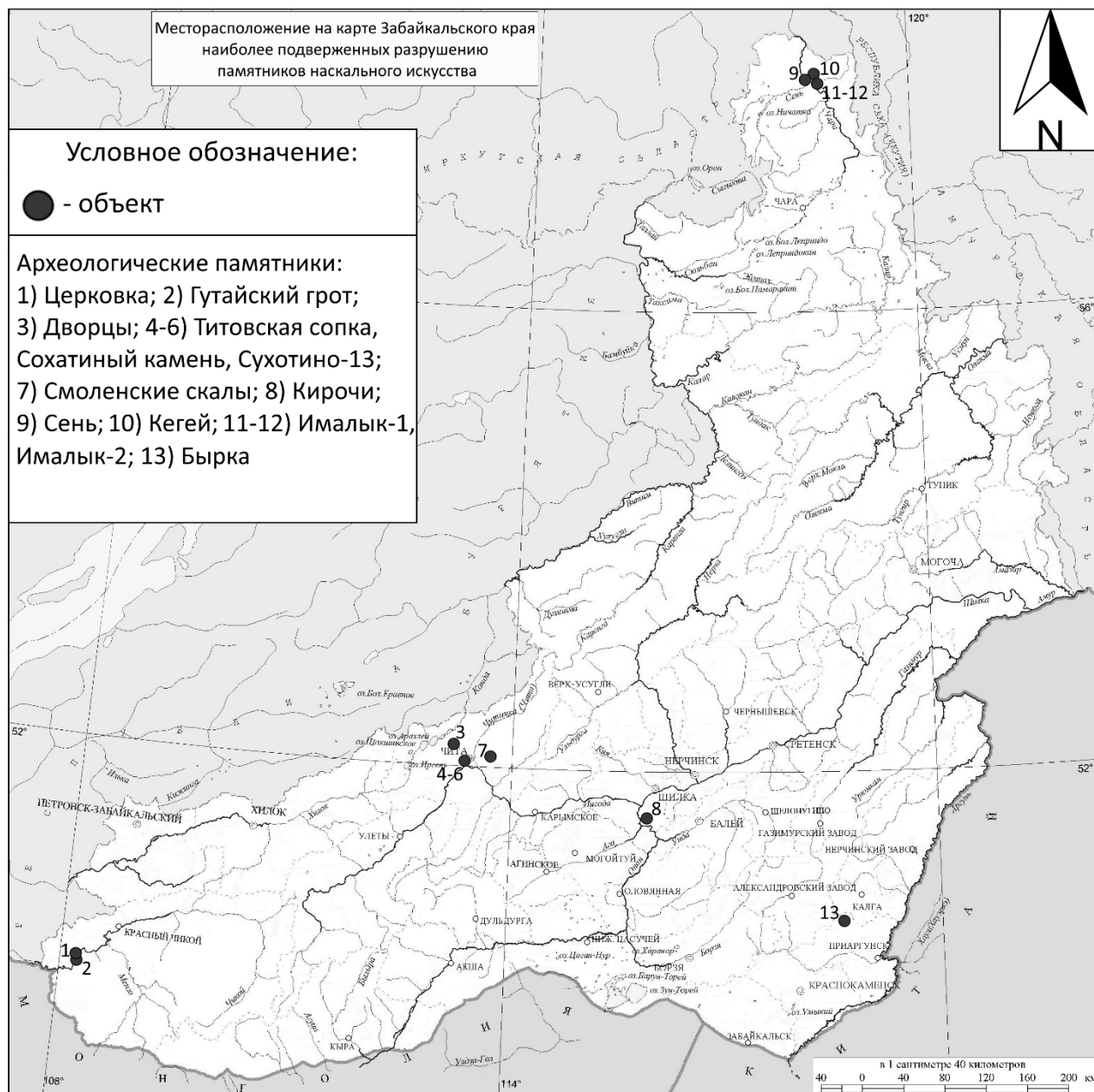

Рис. Местоположение на карте Забайкальского края наиболее подверженных разрушению памятников наскального искусства

С такой же проблемой столкнулись объекты, находящиеся в черте г. Читы в бассейне р. Ингода – Сохатиный Камень, Титовская Сопка и Сухотино-13.

Сохатиный Камень и Титовская сопка были открыты и исследованы в 1950-х гг. А. П. Окладниковым. В основу сюжетов входили изображения антропоморфных и зооморфных фигур, символов, пятен и вертикальных линий [Окладников, Запорожская, 1970, с. 44–45]. Большинство древних рисунков на данных объектах безвозвратно утеряно вследствие добычи камня и современных надписей. В случае с Сухотино-13 следует отметить два фактора: антропогенный (бездомный жег костер у плоскости с рисунками, после чего образовался белесый натек, перекрывший основное панно) и биологический (рост мхов и лишайников) [Ячменёв, 2022, с. 53]. В 2022 году проводился мониторинг этих памятников. В итоге на Титовской Сопке найдены две хорошо сохранившиеся группы рисунков: три ряда антропо-

морфных фигурок и символ [Ячменёв, Власенко, 2023, с. 227–229]. В июне 2023 года члены студенческого археологического клуба ЗабГУ провели дополнительный мониторинг с целью выявления сохранившихся рисунков. В результате дополнительных исследований на Сохатином Камне была обнаружена 6-я группа рисунков под современными надписями на высоте ок. 4-5 метров от уступа скалы, а также 1-я группа. На Сухотино-13 слева от основной плоскости найдены фигурка шамана и несколько линий, нанесенных красной охрой. Рисунки оказались плохо заметными.

Существенный антропогенный урон был нанесен Кироченской писанице, находящейся в Шилкинском районе в бассейне р. Онон. При попытке исследовать объект в 1983 году А. И. Мазиным выяснилось, что грот с рисунками полностью взорван [Мазин, 1994, с. 19]. Ранее памятник изучил А. П. Окладников. Всего отмечалось две группы рисунков с антропоморфными фигурками и скоплениями аморфных пятен. Уже тогда, отмечает исследователь, рисунки находились в закопченном состоянии и под натеками извести [Окладников, Запорожская, 1970, с. 48].

Примеры физического воздействия на писаницы можно обнаружить на Смоленских скалах. Памятник находится в 10 км к северо-востоку от г. Читы и известен с 1980-х гг. местным краеведам. На панно изображена группа антропоморфных фигур, марал, линии и точки [Верецагин, 2011, с. 286]. Плоскости, на которых нанесены рисунки, постоянно подвержены воздействию ветра и осадков, что приводит к тому, что с каждым годом изображения становятся все бледнее. Существенную роль играет биологический фактор, так как скальный массив обрастает мхом, лишайником, кустами и деревьями, что приводит к обвалу скальных пород. Существует угроза разрушения плоскости с писаницами. Та же проблема прослеживается на памятнике Церковка, зафиксированной в 1980 г. Чикойской археологической экспедицией. Объект представлен одним изображением – фигурой шамана с двумя бубнами [Верецагин, 2011, с. 326]. В 2020 г. состоялся мониторинг памятника. Исследователями отмечено, что изображение фигуры шамана практически выцвело, а сам останец сильно разрушился. Вследствие биологического и физического воздействия есть вероятность скорого исчезновения писаниц Гутайского грота. Ранее памятник изучался в 1974 г. На плоскостях грота были обнаружены две фигуры козы, косой крест, полукружие, антропоморфы и др. [Константинов, Немеров, 1978, с. 205–217]. О значительных разрушениях ряда писаниц пишет Н. Н. Кочмар, который в 1986 г. в составе Среднененского археологического отряда Якутского государственного университета открыл и исследовал писаницы Сень, Кегей, Ималык I и II в бассейне р. Чара. Изучая писаницу Сень, он обнаружил более 100 изображений фантастических существ, символов, знаков, зооморфных и антропоморфных фигур, выполненных красной охрой. Однако большая часть рисунков обвалилась и выцвела [Кочмар, 1994, с. 33–41]. Это объясняется тем, что писаницы выполнены на диабазовом скальном выходе (данный материал вулканического происхождения, в отличие от гранита, чаще всего подвержен разрушению из-за своего кристаллического состава). Кроме того, скала буквально прорезается рекой Сень (приток р. Чары), которая во время паводков и таяния льдов поднимается и подмывает скальную породу, вследствие чего она обваливается. Огромную роль играет растительность, покрывающая внушительную часть поверхности скалы. С той же проблемой столкнулись и остальные вышеупомянутые памятники, исследованные якутским ученым.

В январе 2023 года студентами археологического клуба ЗабГУ был осуществлен мониторинг писаницы Дворцы. Памятник располагается в урочище Кадалинские Дворцы. На основном панно изображены: фигура лося (лосихи), шаман, антропоморф, символы, знаки, изгородь. Многие изображения пострадали от чешуйчатого отслоения на поверхности скалы и образовавшихся от водных потоков трещин. Кроме этого, фактически весь скальный массив покрыт богатой растительностью, что негативно влияет на объект.

С проблемой сохранности древних наскальных изображений сталкивается не только Забайкалье. Есть масса примеров из разных уголков нашей страны. Например, петроглифы сопки Улазская в Красноярском крае, где часть выбитых фигур пострадала от биологического и антропогенного воздействия [Потылицына, 2014, с. 127–128]. В 2013 году экспедиция КГПУ выявила негативные последствия физического и антропогенного факторов на писанице Ленкова гора, находящейся на правом берегу р. Ои. Часть рисунков оказалась разрушена природой, но основную роль сыграл человек. Туристы оставили большое количество своих надписей прямо на древних образах [Кочкина, 2014, с. 125–126]. Из-за естественных эрозийных процессов и паводковых вод страдают петроглифы Шалаболинской писаницы [Заика, 2012, с. 202].

Для решения этой проблемы необходимо поставить вопрос музеефикации памятников. Эта задача трудная и требует значительного финансирования. Однако в нашей стране уже есть подобный

опыт, хотя и незначительный, например, музей-заповедник «Томская писаница» и музей-заповедник «Петроглифы Канозера». Для музеефикации памятника необходимо выполнить ряд процедур.

1. Проведение мероприятий по регистрации и принятию памятника на государственную охрану, то есть внесение его в Охранный реестр объектов историко-культурного значения.

2. Отнесение мест расположения памятника к историко-культурному заповеднику регионального или федерального значения, чтобы в дальнейшем предотвратить отмежевание территории или несанкционированной деятельности (снятие грунта, строительство объектов, забор скальных пород и т. д.), влекущей за собой разрушение памятника.

Музеефикация включает в себя несколько ключевых задач. Это развитие инфраструктуры, разработка туристических маршрутов, экскурсионных программ, популяризации объекта, а также инвестиции для дальнейшего развития музея под открытым небом. Кроме того, необходимы реставрационные и консервационные работы. К ним относятся отвод дождевых и талых вод, фиксация отдельных скальных блоков (если от них зависит целостность сюжета композиции), расчистка писаницы от современных росписей (в случае рисунков, нанесенных охрой, работа может быть очень опасной, поскольку существует высокая вероятность, что с современными начертаниями можно уничтожить древние. Поэтому реставрацию древних росписей должны проводить специалисты, а не любители). Важно наладить эффективную охранную систему постоянного мониторинга за состоянием памятника. В будущем можно будет изготовить факсимильные копии для плоскостей памятников, чтобы максимально ограничить рисунки от антропогенного воздействия и проводить экскурсии без ограничения времени.

Библиографический список

Верецагин С. Б., Пуховской Д. А. Смоленские скалы // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 286.

Власенко Д. Е., Ячменёв О. Ю. Археологическая карта наскального искусства Забайкальского края // XI БАСК: сборник статей Всероссийской научной конференции (г. Уфа, 8-10 декабря 2022 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. С. 20–25.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница: вопросы музеефикации // Мартыановские краеведческие чтения (2010 – 2011 гг.) Вып. 7. Абакан: Журналист, 2012. С. 201–204.

Константинов М. В., Немец В. Ф. Древности реки Чикой (на северных границах Монголии) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 205–217.

Кочкина Е. И. Современное состояние, проблемы охраны и музеефикации писаницы «Ленкова гора» // Мартыановские краеведческие чтения (2012 – 2013 гг.). Вып. 8. Минусинск: «Печать плюс», 2014. С. 125–126.

Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1994. 262 с.

Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья в 2-х частях. Ч. 2. Ленинград: Наука, 1970. 368 с.

Пономарева И. А. Исследование памятников наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 году // Гуманитарный вектор. Т. 13. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 82–93.

Потылицына Д. Факторы воздействия и некоторые подходы к сохранению петроглифов сопки Улазская // Мартыановские краеведческие чтения (2012 – 2013 гг.). Вып. 8. Минусинск: «Печать плюс», 2014. С. 127–129.

Ячменёв О. Ю., Власенко Д. Е. Петроглифы в черте г. Читы (Забайкальский край) // Ахинжановские чтения – 2023: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Алматы, 28 – 30 апреля 2023 г.). Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2023. С. 227–230.

Ячменёв О. Ю. Участие студентов в обеспечении сохранности Сухотинских памятников археологии // Сохранение историко-культурного наследия: опыт, проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2022. С. 51–54.

THE PROBLEM OF PRESERVING ROCK ART LANDMARKS IN TRANSBAIKALIA

O. Yu. Yachmenev

Zabaikalsky State University, Chkalova str., 140, 672039, Chita, Russia

19970725dyuu@gmail.com

The paper presents the main data on the problem of rock art landmarks in Transbaikalia, such as: Byrka, Sokhatinyi Kamen, Titovskaya Sopka, Sukhotino-13, Kirochi, Smolensk rocks, Tserckovka, Gutai grotto and other objects of historical and cultural significance. Destruction of petroglyphs is mainly caused by the human factors, but nature also plays an essential role. The author comes to the following conclusion: in order to avoid further negative consequences on ancient drawings, it is necessary to study carefully the issue of museumification and the landmarks protection. To do this, it is important to carry out a number of complex procedures pertinent to the status of the landmark and the layout of the future preserve museum.

Key words: Transbaikalia, petroglyphs, rock art, factors of destruction, landmarks protection, museumification.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
ВАСК – Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВДИ – Вопросы древней истории
ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского
ВятГУ – Вятский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии Наук
КА ПГУ – кабинет археологи ПГУ
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КГУ – Куйбышевский государственный университет
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) Федеральный университет
КРС – крупный рогаты скот
КСИА – Краткие сообщения институт археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
МО ГАИМК – Московское отделение Государственной академии материальной культуры
МолГУ – Молотовский государственный университет (Пермский)
МРС – мелкий рогатый скот
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
ОКН – Объекты культурного наследия
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет (ранее – ПГУ – Пермский государственный университет)
ПЗСРИ - Полное собрание законов Российской империи
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГУ – Ростовский государственный университет (ныне — Южный федеральный университет)
РИНЦ – Российский индекс научного цитирования
СА – Советская археология. М.
САЭ – Средневожская археологическая экспедиция
СГУ – Самарский государственный университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

СОИМК им. П.В. Алабина – Самарский областной историко-краеведческий музей имени
Петра Владимировича Алабина

ТАССР – Татарская автономная Советская Социалистическая Республика

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УдНИИ – Удмуртский Научно-исследовательский институт

УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция

УрО АН СССР – Уральское отделение Академии Наук СССР

ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьев Владимир Игоревич – магистрант Самарского государственного социально-педагогического университета, лаборант ООО Археологическая реставрационная компания «Техстройпроект» (Москва)

avankl@mail.ru

Бабин Иван Михайлович – научный сотрудник отдела археологии Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа»

hett@ufa1.ru

Бадер Андрей Николаевич – канд. ист. наук, независимый исследователь (Москва)

baderand@yandex.ru

Бадер Лейли Бакиевна – независимый исследователь (Москва)

baderand@yandex.ru

Батуева Надежда Сергеевна – преподаватель, зам. декана по научно-исследовательской работе исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, председатель Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья»

nadiabat@yandex.ru

Борзунов Виктор Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

victor.borzunov@mail.ru

Бугарчев Алексей Игоревич – лаборант-исследователь Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Татарстана (Казань)

abugar.61@rambler.ru

Волокитин Александр Васильевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центр УрО РАН (Сыктывкар)

volkt54@mail.ru

Волокитина Надежда Александровна – кандидат культурологии, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центр УрО РАН (Сыктывкар)

univ_edu@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич – д-р. ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета

vibornov_kin@mail.ru

Гильдерман Алексей Васильевич – студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), лаборант ООО ЦИКИ «Астра» (Челябинск)

gilderman.a@yandex.ru

-
- Горшкова** Надежда Сергеевна – главный хранитель фондов Пермского краеведческого музея
gorshkova@museumperm.ru
- Грачев** Сергей Павлович – канд. техн. наук, доцент, зав кафедрой Информационных технологий в машиностроении Вятского государственного университета (Киров)
sergrachev@rambler.ru
- Данилова** Карина Владимировна – магистрант Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)
karinka27.12@mail.ru
- Демаков** Денис Александрович – научный сотрудник НИИ археологии и антропологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
demakov-denis@mail.ru
- Добровольский** Любомир Степанович – студент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва (Казахстан, Астана)
lubomirdobrovolskiy@gmail.com
- Егоров** Андрей Владимирович – научный сотрудник Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области
general882007@yandex.ru
- Жижин** Сергей Павлович – ведущий специалист отдела по охране объектов культурного наследия Пермского краевого научно-производственного центра по охране памятников (объектов культурного наследия)
sidoproport@mail.ru
- Жуковский** Александр Сергеевич – хранитель фондов Пермского краеведческого музея
zhuka2001@yandex.ru
- Жульников** Александр Михайлович – канд. ист. наук, младший научный сотрудник отдела антропологии Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН «Кунсткамера»
rockart@yandex.ru
- Иванищева** Марина Викторовна – начальник Восточно-Прионежской археологической экспедиции (Вологда)
marin-ivanishhev@yandex.ru
- Казанцева** Ольга Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)
kazantsevaolga@yandex.ru
- Кореньюк** Сергей Николаевич – научный сотрудник НИЦ «Камская археологическая экспедиция» Пермского государственного национального исследовательского университета
korenyuk_sn@mail.ru

Корочкова Ольга Николаевна – д-р ист. наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Olga.Korochkova@urfu.ru

Котов Вячеслав Георгиевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

kslav1@yandex.ru

Красноперов Александр Анатольевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Ижевск)

alexander.kaa@mail.ru

Кряжевских Андрей Леонидович – зам. директора по научной работе Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области

sunal649@mail.ru

Кузьминых Сергей Владимирович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Москва)

kuzminykhsv@yandex.ru

Курманов Равиль Гадельевич – канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН

ravil_kurmanov@mail.ru

Лавыш Кристина Анатольевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск)

klavysh@mail.ru

Лычагина Евгения Леонидовна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

LychaginaE@mail.ru

Майстренко Валерия Сергеевна – студентка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского

leramajstrenko150@gmail.com

Майстренко Дмитрий Алексеевич – инженер НИЦ «Камская археологическая экспедиция» Пермского государственного национального исследовательского университета

dmaystr@ya.ru

Малых Олег Олегович – научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ovel34@mail.ru

Мельникова Ольга Михайловна – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)

superlvovich2012@yandex.ru

Мингалева Виталий Викторович – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, академический руководитель программы бакалавриата «История» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь)

Vmingalev@hse.ru

Можаева Александра Александровна – студентка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

aleksakokr@mail.ru

Мокрушин Владимир Павлович – главный специалист НАО «Наследие Кубани» (Краснодар)

vlmokrushin@yandex.ru

Моряхина Кристина Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

kmoryaxina@mail.ru

Нечипорук Александр Александрович – старший археолог ООО «Дельта-Л» (Ростов-на-Дону)

nechip25@mail.ru

Николаев Сергей Юрьевич – младший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

nikolaev.sergey123@yandex.ru

Орлова Елизавета Михайловна – инженер НИЦ «Камская археологическая экспедиция» Пермского государственного национального исследовательского университета

orlihaliza@gmail.com

Перевозчикова Светлана Александровна – канд. ист. наук, зав. научно-исследовательским центром «Камско-Вятская археологическая экспедиция» Удмуртского государственного университета (Ижевск)

homasvet@mail.ru

Перескоков Михаил Львович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета, директор НИЦ «Камская археологическая экспедиция»

pereskoff@yandex.ru

Половников Леонид Вячеславович – ассистент кафедры государственного управления и истории гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета

lv_polovnikoff@mail.ru

Проценко Антон Сергеевич – канд. ист. наук, зав. отделом археологии Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа», старший преподаватель кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

anton.procenko@mail.ru

Родов Семен Анатольевич – зав. сектором документальных источников отдела фондов Национального музея Республики Коми (Сыктывкар)

s.a.rodov@yandex.ru

Руденко Константин Александрович – д-р ист. наук, профессор Казанского государственного института культуры

murziha@mail.ru

Румянцев Михаил Михайлович – младший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

rmm121983@mail.ru

Русланов Евгений Владимирович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, доцент Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования БГПУ им. М. Акмуллы

butleger@mail.ru

Русланова Рида Раисовна – канд. ист. наук, зав. отделом археологии Национального музея Республики Башкортостан (Уфа)

ridushka@mail.ru

Сабирова Татьяна Михайловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Ижевск)

lemelon@inbox.ru

Савельев Никита Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

sns_1971@mail.ru

Савельева Анна Геннадьевна – младший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

sasmay1972@mail.ru

Сериков Юрий Борисович – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Российского государственного профессионально-педагогического университета (филиал в Нижнем Тагиле)

u.b.serikov@mail.ru

Смердова Валерия Андреевна – магистрант Институт истории и социологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)

lerasmerdova@mail.ru

Смертин Андрей Романович – ассистент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета, лаборант-исследователь НИИ археологии и антропологии Пермского государственного национального исследовательского университета

arasmertin@mail.ru

Смертина Анастасия Юрьевна – ассистент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета

nnazarowa@mail.ru

Спиридонов Иван Андреевич – лаборант-исследователь Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Z-is5@mail.ru

Томилина Елена Михайловна – старший преподаватель кафедры минералогии и петрографии Пермского государственного национального исследовательского университета, научный сотрудник НИИ археологии и антропологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

tomilinaelena.psu@yandex.ru

Трушкова Ирина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии Вятского государственного агротехнологического университета (Киров)

arina_trushkova@mail.ru

Трясцина Екатерина Анатольевна – зав. научно-методическим отделом Научной библиотеки Пермского государственного национального исследовательского университета

etryastsina@psu.ru

Усачева Ирина Витальевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Тюмень)

i.usachova@gmail.com

Хурмаев Анвар Альбертович – старший лаборант отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

kimi.malini@yandex.ru

Цембалюк Светлана Ивановна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН

svetac80@mail.ru

Чемякин Юрий Петрович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург)

yury-che@yandex.ru

Черных Елизавета Михайловна – канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)

emch59@mail.ru

Чибилев Евгений Александрович – PhD, старший научный сотрудник Института системной биологии (Челябинск)

chibilov@gmail.com

Чубур Артур Артурович – канд. ист. наук, ведущий сотрудник Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, профессор Российской Академии Естествознания

fennecfox66@gmail.com

Чуйкина Екатерина Владимировна – ведущий инженер НИЦ «Камская археологическая экспедиция» Пермского государственного национального исследовательского университета

katarina-ch@yandex.ru

Чурилов Эдуард Викторович – зав. отделом археологии Пермского краеведческого музея

edvchur@yandex.ru

Шаманаев Андрей Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

shamanaev@mail.ru

Шматёнок Тамара Дмитриевна – ведущий научный сотрудник Пермской государственной художественной галереи, член Союза художников России

tshmatenok@yandex.ru

Шмырина Мария Евгеньевна – специалист научного отдела Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

mashah98@mail.ru

Шумиловских Людмила Сергеевна – Phd, Dr. rer. nat. отдела палинологии и динамики климата Гёттингенского университета им. Георга Августа (г. Гёттинген, Германия), научный сотрудник Института биологии, экологии, почвоведения, сельского и лесного хозяйства Томского государственного университета

shumilovskikh@gmail.com

Юракова Алена Юрьевна – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения РАН (Кемерово)

yurakova_al@mail.ru

Ютина Татьяна Карловна – канд. ист. наук, доцент, магистрант кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)

yutinatk@yandex.ru

Яковлева Екатерина Сергеевна – научный сотрудник ООО «ЦИКИ «Астра» (Челябинск)

lugsamildanah@yandex.ru

Ячменёв Олег Юрьевич – студент Забайкальского государственного университета (Чита)

19970725dyuu@gmail.com

Научное издание

XVI Бадеровские чтения

Сборник научных статей по материалам
Всероссийской (с международным участием) научной конференции,
посвященной 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера

(г. Пермь, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.)

Издается в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *М. Л. Перескоков*
Корректор: *С. Б. Караваева*
Перевод аннотаций на английский язык: *Г. В. Бондарь*

Подписано в печать 20.11.2023. Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 39,53. Тираж 200 экз. Заказ № 396

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография "Здравствуй",
г. Пермь, ул. Данщина, 7Д
Тел. (342) 270-14-05
hellobook@mail.ru